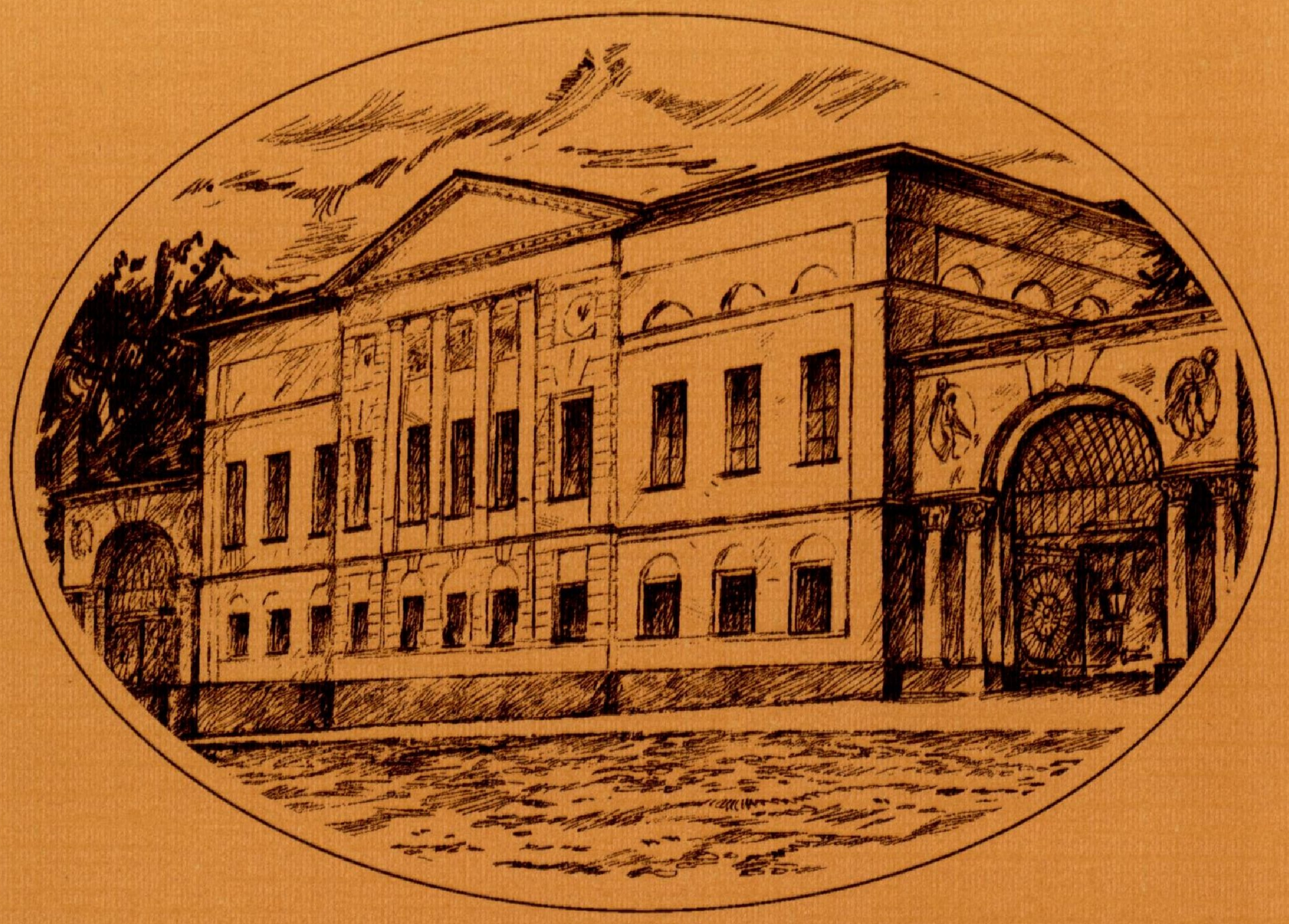


ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Министерство культуры и туризма Калужской области

Государственное бюджетное учреждение культуры
Калужской области
«Калужский областной краеведческий музей»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XV Всероссийской научной конференции,
посвященной 400-летию Дома Романовых
и 250-летию адмирала Д.Н.Сенявина

Калуга
2013

ББК 63А (2)
В74

Художник *В.М.Типикин*
Дизайн, верстка — *Е.И.Фридгельм*

4 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный Завод—Калуга, 2—4 апреля 2013 г.** — Калуга: Издательство «Фридгельм», 2013. 440 с.

ISBN 978-5-905756-07-8

Сборник включает материалы XV Всероссийской научной конференции, проходившей 2—4 апреля 2013 г. в Калужском областном краеведческом музее и посвящен результатам исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А (2))

ISBN: 978-5-905756-07-8
9 785905 756078

© ГБУК КО «Калужский областной краеведческий музей». 2013.
© Авторы публикаций. 2013.
© Издательство «Фридгельм». Дизайн, верстка, 2013.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«ДУШИ МОЕЙ ПОЙМИТЕ ГОЛОС ТАЙНЫЙ...»
(Литературно-эстетические взгляды К.К.Романова)

А.П.Черников, *д.ф.н., проф.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Члены императорского Дома Романовых были незаурядными, образованными людьми, оставившими заметный след в отечественной и мировой истории.

Одним из самых ярких представителей этой династии был великий князь Константин Константинович Романов (1858—1915) — внук Николая I, племянник Александра II, двоюродный дядя Николая II.

Он основательно знал морское дело, ибо с подросткового возраста служил гардемарином, затем мичманом на фрегатах Балтийской флотилии, участвовал в сражении против турок. Он оставил заметный след в качестве командира роты Измайловского полка, а затем командира знаменитого Преображенского полка, где под его началом служил будущий император Николай II. Очень много сделал К.Романов на посту начальника военных учебных заведений России, особенно в области создания и развития кадетских военных школ. 26 лет, с 1829 года и до самой смерти он возглавлял Российскую Императорскую Академию наук и сделал на посту ее президента столь много полезного, что его имя, наряду с именем Е.Р.Дашковой должно быть золотыми буквами вписано в ее историю. Он был почетным членом и попечителем свыше ста научных учреждений, обществ и учебных заведений.

Вся эта многогранная деятельность не нивелировала в К.К.Романове главного призвания — литературного. 10 августа 1888 года он записывает в дневнике: *«Для других я — военный, для себя же я — поэт. Вот мое истинное призвание»*[1]. Это действительно так. Книга рано вошла в его жизнь. Он с детских лет благоговел перед именами и произведениями Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого. Его наставниками были Гончаров и Достоевский. Тесная дружба связывала его с А.Майковым, П.Чайковским, Полонским, Апухтиным, особенно с А.А.Фетом. Он не раз бывал в Оптиной пустыни и активно переписывался со старцем Амвросием, хорошо знал Иоанна Кронштадского, К.Победоносцева и других иереев и иерархов русской православной Церкви. На этом прочном фундаменте отечественной культуры выросло здание его творчества как поэта, драматурга, переводчика, актера, музыканта.

Творческий путь К.Романова отмечен напряженными эстетическими исканиями, стремлением к овладению высоким художественным мастерством. Войдя в литературу в тот период, когда настроения уныния и скепсиса охватили широкие круги творческой интеллигенции, он заявил о себе как наследник и продолжатель лучших традиций русской поэзии. *«Скептический дух нашего времени действительно пролетел мимо меня»*, — писал он Я.Полонскому 9 апреля 1895 г.

К.Р. (таким криптонимом подписывал великий князь свои произведения) был поэтом жизнеутверждающих чувств. Он считал себя продолжателем пушкинской традиции в русской лирике. Мысль о свободе творчества, об ответственности поэта за свои «святые песнопенья» пронизывает многие его стихотворения. Сердцем поэта,

был убежден он, должна владеть любовь к Богу, к людям, ко всему тварному миру. В стихотворении «Поэту», одном из программных в творчестве К.Р., он говорит об этом вполне определенно:

Любовь — твое да будет званье.
Проникнись ей — и песнь твоя
В себя включит и все страданье,
И все блаженство бытия.

Доброта, внимание к людям — залог силы и бессмертия музы поэта. О себе К.Р. имел полное право сказать:

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья.

(«Поймете ль вы те чудные мгновенья...»)

Поэзия, по мысли К.Р., может рождаться лишь в гармоническом слиянии души с истиной, любовью, красотой. Атмосфера пошлости и лжи убийственна для вдохновения. В стихотворении «Я не могу писать стихов...» он признается:

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюся порою
Средь всяких дрязг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

Божественная красота мира и объемлющая этот мир любовь — вот что, по мысли К.Р., должно определять творческое состояние и творческую устремленность поэта. Любовь и красота поднимают поэта над суетным бытом, сообщают вдохновение, являются мощными стимулами для творчества:

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета,
Звездой мне будет путеводной
Любовь и красота.

(«Когда меня волной холодной...»)

Поэзия К.Р. представляет собою последовательную реализацию этой позиции. Любовь и красота были источниками его вдохновения. Они же — важнейшее орудие в «бореньи с неправдой и злом». Настоящий поэт, был убежден К.Р., должен:

С совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

(«Над пенистой, бурной пучиной...»)

К. Романова очень волновала мысль о врачующей силе искусства, о помощи людям в пору печалей, трудностей и бед:

Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного она врачует муки
И радует счастливого душой!

Такова роль искусства, поэзии, как понимал ее Константин Романов. С этой мыслью согласится любой читатель, живущий в XXI веке. К.Р. прекрасно осознает, для чего живет стихотворец на земле и в чем состоит роль искусства:

На что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск?
И все, что здесь нам внешностию льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск.

Осознание бренности, быстротечности земного бытия выражено в строках этого и других стихотворений предельно ясно. Роль искусства — в другом:

Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его в душе моей.

Не ради славы, известности, чьей-то похвалы должен творить поэт. Его предназначение — врачевать душу человека, очищать ее от скверны:

Ты пел...
Ту песнь, что душу человека
И возвышает, и живит.

(«Майкову»)

Поэзия, по мысли К.Р., должна вторгаться в гущу жизни, разоблачать ложь, направлять, просветлять. Своим собратьям по перу он советует:

Служа поэзии святой,
Благоговейно чти искусство;
Ему отдайся всей душой
Дари ему и ум, и чувство.
Будь верен долгу своему,
И, гордый званием поэта,
Преследуй песнью ложь и тьму.

Мерилом любого поступка, любой деятельности, — а творческой в первую очередь — для К.Р. была совесть. *«Мы свято совесть соблюдем»*, — сказано в стихотворении под характерным названием «О, если б совесть уберечь». Это было и правилом жизни, и его творческим кредо. Совесть — то, что соединяет образ Божий в человеке с Первообразом.

Непосредственным наставником в поэтическом творчестве для К.Р. был А.Фет. К.Романов называл его «пестуном» своей музы. О благотворном воздействии Фета на свое творчество он писал 17 августа 1888 года П.И.Чайковскому: *«В данную минуту ни один поэт не пленяет меня сильнее Фета; вот истинная поэзия, чистая, прекрасная, неуловимая»*. Высоко ценил К.Р. также поэзию А.Майкова, Я.Полонского, А.К.Толстого. Очевидно, именно это обстоятельство и дало критике основание еще с дореволюционных времен относить поэзию Константина Романова к сфере «чистого искусства» и утверждать, что «в его творчестве нет гражданственности».

Конечно, многие темы и мотивы — изображение жизни крестьян, городского простонародья и т.п. — отсутствуют в поэзии К.Р. Это вполне естественно: как всякий настоящий поэт, ответственно относящийся к своему творчеству, он писал только о том, что хорошо знал. О своеобразии гражданской поэзии К. Романова будет сказано ниже. Здесь же отметим, что, употребляя в своих дневниковых записях фразу «чистое искусство» К.Р. писал ее без кавычек. И это весьма существенно. Чистое искусство в его понимании — это не уход от изображения жизненных перипетий, а мера художественного совершенства поэзии, способность поэта воплощать в своих творениях мысли, чувства, переживания в высокой художественной форме.

К.Р., как многие его предшественники, выдающиеся русские поэты, не мыслил процесса создания стихотворений без творческого вдохновения, без сердечного влечения, с опорой только лишь на интеллект. Любое стихотворение для него — дитя неразрывного союза ума и сердца. Только в этом случае создателя ждет успех:

Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

(«Поймете ль вы те чудные мгновенья...»)

К. Романов стремился создавать произведения не для избранных, а для широкой читательской аудитории. Элитарность поэзии, понятной лишь для узкого круга, была ему, в отличие от символистов, глубоко чужда. Он ратует за такую поэзию, которая была бы нужна и полезна людям, воспитывала в читателях эстетические чувства, высокие нравственные качества личности, любовь к отчизне:

Пусть раздается песнь моя
Могуча и сильна.
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

(«Повеяло черемухой»)

Чтобы соответствовать этим высоким требованиям, произведение искусства, по мысли К. Романова, должно быть совершенным и по форме, и по содержанию. Такую поэзию и стремился создавать К.Р. Звучанию слова, совершенству поэтической формы он придавал основополагающее значение. Язык может раскрывать истину, служить ей, и, напротив, может скрывать ее, и тогда слова теряют свою связь с Логосом, превращаясь в пустую оболочку. Творчество К.Романова — пример тщательной работы над словом. Один из основных критериев истинной художественности для него — отсутствие вычурности, зауми, строгая простота в выражении чувств, мыслей, настроений. В архиве К. Романова хранится рукопись его статьи «Разбор стихотворений А.А. Топильского», написанной в 1910 году. В ней содержатся следующие советы любому начинающему поэту: *«Требуется проверять вдохновение здравым смыслом, отказываться от вычурности, искусственности, рисовки, оригинальничания. Надо больше выдержки, такта, чувства меры <...>, а главное, писать проще, не гоняясь за дикими сравнениями и причудливыми образами, не стараясь запугивать и очаровывать. Когда автор отделается от этих грехов, когда станет писать просто, не мудрствуя лукаво, чистосердечно, когда будет пытаться пленять, услаждать, утешать, возвышать душу, а не ошеломлять — из него выработается поэт в лучшем смысле этого слова»*[2].

К.Р. стремился в своем творчестве соответствовать именно этим критериям и правилам. Простота художественного слова для него — не значит «простоватость», примитив. Простота — это эстетическая ясность, умение донести до читателя сокровенные чувства и мысли. Критерий настоящей поэзии он видел в умении автора придать обыкновенным предметам и явлениям поэтическую прелесть.

Константин Романов предъявлял к поэзии самые высокие требования. Истинная поэзия, с его точки зрения, та, в произведениях которой содержатся глубокие и оригинальные мысли, пронизанные искренними чувствами, облеченные в совершенную художественную форму. Такое понимание роли и характера поэзии тоже находится в русле пушкинской эстетики.

Большое значение он придавал форме стиха, в частности, его музыкальности и цветописи, будучи уверенным, что, как он писал П.Чайковскому 13 сентября 1888 года, *«между красками и звуками есть какая-то связь»*. Он ценил в поэзии смысловую емкость, тонкость в передаче эмоционального состояния лирического героя, плавность интонаций. Не случайно свыше пятидесяти его стихотворений положены на музыку, стали романсами. Нелишне при этом отметить, что К.Р. никогда не писал свои песни на готовые, заранее созданные композиторами мелодии. Напротив, композиторы исходили из его стихотворений, стараясь услышать заключенную в них мелодию. Главный эмоциональный нерв его поэзии — размышления, поэтизация душевно-духовной сосредоточенности.

Хорошо и проникновенно сказал об отношении К.Р. к собственному творчеству и к поэзии вообще известный юрист и писатель А.Ф.Кони в декабре 1916 года на общем собрании Российской Академии наук, посвященном годовщине со дня смерти Константина Романова: *«Сладость и чистота слога сливались у него с задушевностью и глубиной содержания <...>. Будучи поэтом, он имел право предъявлять строгие требования и к себе, и к другим поэтам, требовал, чтобы поэт не потворствовал переменчивым и преходящим вкусам толпы и не был стихотворцем, к которому дрессированная муза является по первому зову. Вдохновение, по его мысли, должно являться не по заказу, а в силу потребности»*[3].

Эстетика и культурософия поэта К.Р. выстраивались на прочной основе религиозного восприятия бытия. Будучи глубоко православным человеком, К.Р. во взглядах на художественное творчество и в собственной поэтической практике опирался на святоотеческую идею синергии, согласно которой истинное творчество — всегда от Бога, что оно есть результат взаимодействия Божественной благодати и свободной воли человека. Этим и объясняется то огромное внимание, которое К.Р. уделял в своем творчестве религиозным темам и мотивам, онтологической поэзии. Творчество, был убежден К.Р., есть дар Божий. Этой мыслью пронизаны многие его произведения. Отчетливо звучит она, например, в стихотворении 1885 года «Рафаэль Санцио»:

В Страстную пятницу недаром он родился,
В Страстную пятницу недаром умер он!
В него божественный дух творчества вселился,
Он свыше тайною был силой облечен.

Пушкинский призыв «Веленью Божию, о муза, будь послушна» стал и для К.Р. сокровенным творческим заветом. В его произведениях постоянно звучит тема божественного предназначения поэта. «Божественный дух творчества» он ощущал и в себе. «Те песни мне внушает Бог» сказано в самом первом опубликованном стихотворении К.Р. «Псалмопевец Давид» (1882). Религиозно-нравственную основу он считал непременным условием истинной поэзии, постигающей в гармоническом устроении мира благую волю Творца.

Константин Романов, несомненно, обладал незаурядным поэтическим дарованием, тонким эстетическим вкусом. Он прекрасно рисовал, играл на рояле и виолончели, сочинял музыку. В своих произведениях он ярко и выразительно, но без крикливости и нарочитой ажитации выражает свои мысли, чувства, переживания. Не может, полагал он, поэт с тонкой душевной организацией писать серо и скучно, равнодушно и безучастно. Ибо автор создает свои произведения для читателя, до которого хочет донести какие-то важные мысли. А это можно сделать лишь в том случае, если в самом авторе горит творческий огонь, который способен увлечь, заинтересовать читателя, вызвать в нем ответные чувства, подвигнуть к сопереживанию, воспринять чувства поэта как нечто личное, задушевное.

Эти представления К.Р. о назначении искусства и его роли в жизни определили круг основных тем и мотивов его творчества, в первую очередь гражданской, религиозно — философской, любовной и пейзажной лирики.

По богатству и глубине разработки тем многие произведения К.Р. можно поставить на одно из первых мест в отечественной поэзии. Мелодичность, песенный лад, глубина и непосредственность чувств, предельная искренность — также отличительные черты поэзии К.Романова. Он активно разрабатывал самые разные жанры поэзии: элегии, идиллии, мадригалы, эпитафии, послания, баллады, молитвы, поэмы, весьма успешно пробовал себя в такой жанрово-строфической форме как сонет.

Возвращение в русскую культуру имени и творчества К.К.Романова — это еще одна ниточка, связующая нас с прошлым, которое мы, чтобы не быть «Иванами, не помнящими родства», обязаны знать. Бури российских катастроф не смогли унести в небытие творческое наследие августейшего поэта. Сегодня оно снова с нами. Будем надеяться, что навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГА РФ. Ф. 660, оп. 1, ед. хр. 37.

[2] Там же.

[3] Ежегодные литературные и научно-популярные приложения. СПб., 1916. С. 36.

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА Г. КОНДРОВО

Е.Е.Ефимова, *ст. лаборант,* **А.Е.Ефимов,** *к.и.н., м.н.с.,*
ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр».

В 2012 г. археологической экспедицией МКУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области были проведены работы по выявлению, первичному полевому изучению новых объектов археологического наследия и получению современных данных об известных объектах археологического наследия на территории г. Кондрово, пригородной зоны г. Кондрово и вдоль среднего течения р. Шаня.

В связи с расположением в бассейне нижнего течения реки Угра Дзержинский район Калужской области является одним из интересных в историко-археологическом плене участков Центральной России. Однако, исследователей привлекали и привлекают в территориально-топографическом плане в основном берега реки Угра, а в историко-археологическом контексте за некоторыми исключениями (работы В.П.Есипова и Б.В.Грудинкина) археологические памятники раннего железного века, древнерусского и средневекового периодов. Северо-западная часть Калужской области по степени изученности древнейшего исторического прошлого (стоянки Шатрищи 1—3, Вязищи, Болобоново 1—2, Кременское 1—4, Михеево 1, Якшуново 1—4)[1] значительно уступает таким районам как Хвастовический и Кировский, не говоря уже о Калужско-Алексинском каньоне или Тарусе. В этой связи представляется актуальным предоставить, хотя и предварительную и сравнительно скромную, информацию о новых археологических памятниках каменного века в бассейне среднего течения р. Шаня, левого притока р. Угра.

В северо-восточной части пригородной зоны г. Кондрово, в 100-170 м. к востоку от ул. Стефанова были найдены две стоянки, обозначенные как Кондрово 1 и Кондрово 2. Обе стоянки находятся на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Шаня. В 70–80 гг. XX в. здесь проводились выработка песчаного карьера, в результате которой из выбросов образовалось крупное искусственное всхолмление подокруглой в плане формы диаметром в верхней части до 240 м. и до 20 м. высотой от дневной поверхности второй надпойменной террасы указанного ручья. Поверхность данного образования в настоящее время задернована и залесена, но имеет большое количество обнажений насыпного грунта. В ходе разведочных работ здесь в слоях светло-серо-желтой супеси были сделаны находки кремневых отщепов, пластин и артефактов со вторичной обработкой, предварительно по своей совокупности обозначенных как стоянка Кондрово 1. Из предметов, найденных на настоящий момент на данной стоянке, хочется обратить внимание на 18 артефактов. Предметы первичного расщепления представлены подконическим одноплощадочным нуклеусом серого кремня с патиной и предположительно подправкой верхней площадки массивного нуклеуса черного кремня, так же с фрагментарно сохранившейся патиной. Найдено пять массивных патинированных отщепов коричневого кремня с сохранившейся коркой от конкреции, один отщеп коричневого кремня без кремневой корки и три аналогичных отщепа серого кремня. Пластин с патиной коричневого кремня найдено три, при этом две т.н. «высоких» ребристых пластины сохранили остатки кремневой корки.

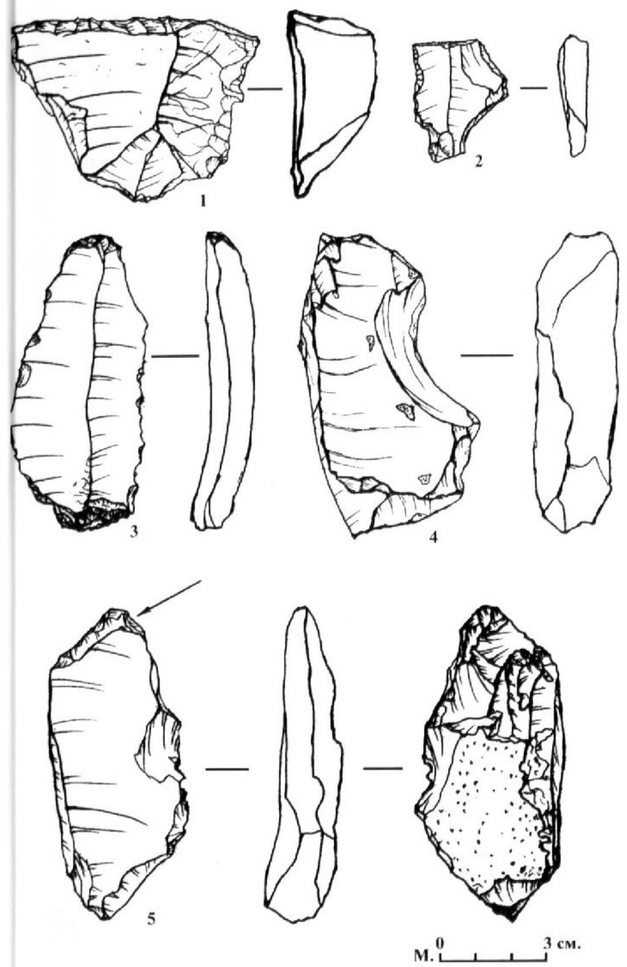


Рис. 1. Кондрово. Кремневый инвентарь стоянок 1 (1, 3, 5) и 2 (2, 4). 1, 3 - концевые скребки; 2 - наконечник стрелы; 4 - топор; 5 - комбинированное орудие.

Не смотря на малочисленность предметы со вторичной обработкой, найденные на данной стоянке, заслуживают особого внимания. Один концевой скребок на значительном по толщине патинированном отщепе коричневого кремня характеризуется обработанным высокой, почти вертикальной ретушью рабочим краем и оформленной ретушью и резцовым сколом аккомодационной частью *(Рис. 1.1)*. Другое орудие *(Рис. 1.3)* в виде сравнительно крупной листовидной пластины с ассиметричными краями из патинированного коричневого кремня, своеобразным ретушированным острием на конце заготовки на первый взгляд наталкивает на аналогии с остриями мустьерского времени. Однако, краевая полукрутая ретушь рабочего края, ряд других признаков скорее позволяют обозначить этот предмет как концевой скребок на пластине несколько более позднего времени. Еще одна высокая пластина *(Рис. 1.5)* так же из патинированного коричневого кремня имеет следы вторичной обработки, как с вентральной, так и с дорсальной части, при этом как с одного, так и с противоположного конца заготовки. Примечательно выделение крутой ретушью одного из концов этого предмета в виде специфического острия в сочетании с уплощающей ретушью на другом конце и резцовым сколом, что позволяет говорить о комбинированном характере данного орудия. Так же на данной стоянке найден отбойник вытянутой подтрапециевидной формы из гальки коричневого кремня с практически полностью сохранившейся известняковой коркой и следами звёздчатой забитости от использования.

Не смотря на то, что перечисленные выше артефакты были выявлены не in situ, их обнаружение в верхних слоях выбранного из карьера грунта может частично свидетельствовать о нижних (более 4—5 метров) горизонтах их первоначального залегания. Разумеется, как датировки рассматриваемой стоянки, так и сопоставления с известными ближайшими памятниками (например Шатрищи 1 и 2 Износковского района, Аненки 4—6 и др.[2]) преждевременны не только ввиду скудности представленных данных, но и по степени изученности палеолита Верхней Оки. Геоморфологические аспекты, патинированность предметов и, прежде всего, типологические характеристики полученного археологического материала (в частности аналогии с костенковско-авдеевскими, костенковско-спицинскими и другими традициями[3]) позволяют предположительно говорить о периоде валдайского постмаксиума.

Гораздо более оптимистично в этих вопросах обстоит ситуация с другим археологическим памятником — стоянкой Кондрово 2. Местом расположения этой стоянки является непосредственно сама вторая надпойменная терраса того же левого берега безымянного ручья левого притока р. Шаня. При этом северо-западная часть данного поселения была уничтожена при разработке упомянутого выше карьера; остальная поверхность задернована. Границы памятника установить сложно. В фрагментарно прослеживаемых выходах прослеживаемой непосредственно под дерном темно-се-

ро-коричневой супеси был собран подъёмный материал, из которого на данный момент можно выделить 23 предмета. Нуклевидные предметы представлены фрагментом многоплощадочного нуклеуса черного кремня и подправкой ударной площадки призматического одноплощадочного нуклеуса коричневого кремня. Аналогичная ситуация одинакового соотношения предметов из коричневого и черного кремня наблюдается среди отщепов: четыре черного кремня и четыре коричневого. На всех сохранилась серая корка. От стоянки 1 отличным является большее количество пластин: три коричневого кремня, три черного кремня и одна серого, при этом к трем последним применим термин «высокие». Найден так же отбойник черного кремня с коркой.

При скромном количестве находок орудийный комплекс стоянки Кондрово 2 характеризуется разнообразием — представлены почти все «традиционные» для мезолитической стоянки группы орудий. Один предмет в виде обломанной части пластины черного кремня с уплощающей и фрагментарно более крутой по краям ретушью можно обозначить как аккомодационную часть неопределимого в настоящее время орудия, но при этом не следует исключать, что это просто сломанная заготовка. Концевой-боковой скребок на отщепе коричневого кремня подтрапециевидной формы интересен своими размерами: 2 см. на 2,4 см. Угловой резец на «высокой» пластине коричневого кремня характеризуется сочетанием небольшого резцового скола с боковой приостряющей ретушью.

Конечно, даже начальный этап исследования любой мезолитической стоянки не может считаться полноценно научным без обнаружения хотя бы мелких элементов культуроразличающих черт кремневой индустрии. В случае с описываемой стоянкой 2 у авторов есть «оправдание» в виде широкого наконечника стрелы на пластине серого кремня с двусторонне обработанным дорсальной ретушью черенком и ассиметричным пером с аналогичной ретушью; т.е. классического аренсбургского типа *(Рис. 1.2)*. С данной находкой очень удачно сочетается топор с перехватом подтрапециевидной, слегка изогнутой формы на пластине черного кремня *(Рис. 1.5)*. Отмечая эти традиционные иеневские черты, предполагая бореал или конец пребореала в качестве датировки следует учитывать не только начальный этап изучения данного памятника, но и целый ряд новых, зачастую оправданных подходов к хронологическим и культурно-историческим характеристикам археологических памятников каменного века[4].

В любом случае, по результатам разведок в северо-восточной части пригородной зоны г. Кондрово можно выделить две разновременные стоянки каменного века, располагавшиеся одна над другой предположительно с наличием стерильного слоя и соответственно позволяющие при продолжении их изучения получить достаточно достоверную информацию хронологического характера. Важным дополнением к приведенному описанию стоянок Кондрово 1 и 2 является обнаружение в ходе данных разведок в 0,5 км. к югу от места расположения стоянок выходов черного кремня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] АКР. Калужская область. М., 2006. С. 104, 132, 169–170; Грудинкин Б.В. Поселения около д. Болобоново Дзержинского района//Природа и история Поугорья. Калуга, 2009. С. 156–161.

[2] Грудинкин Б.В. Памятники верхнего палеолита в бассейне Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. С. 89–102.

[3] Палеолит СССР. М., 1984. С. 191–192, 206–207. Рис. 83, 92.; Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000. С. 76; Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001. С. 96, 117–118, 127. Рис. 85.

[4] Сорокин А.Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М., 2006; Он же. Мезолитоведение Поочья. М., 2008.

КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ ОКОЛО Д. ВОРОНИНО.

Б.В.Грудинкин, *с.н.с.,*

Калужский областной краеведческий музей.

Первая стоянка у д. Воронино открыта калужским краеведом Ассоновым В.И.[1] В настоящее время деревня находится в Ферзиковском районе Калужской области. Сначала находки со стоянки были сданы в музей крестьянином д. Воронино Ястребовым. При обследовании стоянки был собран подъёмный материал и заложены шурфы, в которых не было найдено археологического материала. Его исследования, были продолжены сыном, Ассоновым В.В.[2] В КОКМ хранится коллекция, собранная на неолитической стоянке *(КОКМ, № 245)*. При этом неясно кем были собраны эти материалы отцом или сыном Ассоновыми. Чистота представленной коллекции вызывает сомнение. Видимо, материалы собраны с нескольких разновременных памятников *(рис. 1)*. Где закладывались шурфы, и в каком месте собирался подъёмный материал из отчёта и статьи Ассоновых неясно. Отсутствие профессиональной подготовки сказалось на всех материалах, полученных Ассоновыми: нет плана стоянки, нет планов шурфов, нет рисунков артефактов. К тому же часть находок, по свидетельству Ассонова старшего, погибла при переезде на пароходе.[1] Стоянка, открытая В.И.Ассоновым была включина в карту № 10 тома «Археология. Неолит Северной Евразии» и почему то отнесена к памятникам лесного Подесенья.[3] Материал стоянки не описан и на плане стоянка неверно обозначена совместно со стоянкой у д. Криуши, хотя между этими стоянками большое расстояние (20 км по карте) и ко времени написания тома стоянка Криуши была полностью уничтожена.

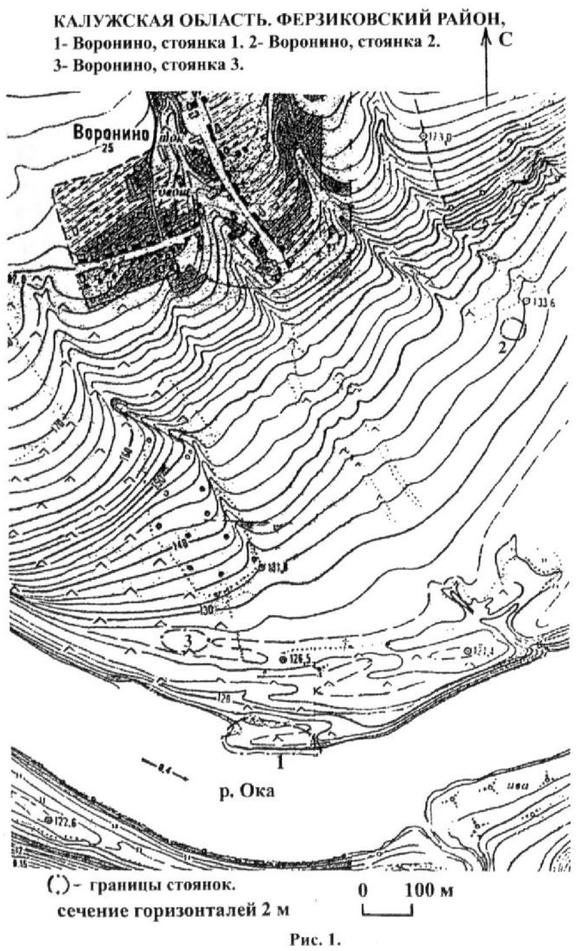


Рис. 1.

При углублении дна реки остров со стоянкой был снесён.[4] По документам коллекцию передал В.В.Ассонов. Большая часть коллекции представлена фрагментами керамики, в которой преобладающей является керамика с неолитическим орнаментом 52 фрагмента. Неолитическая керамика орнаментирована различными штампами: ямками, гребёнками, ромбами. Очень часто элементы декора встречены в различных композициях. Оттиски ромбов преобладают — 19, и имеют всякие размеры, как правило, поставлены в шахматном порядке *(рис. 2:1—3)*. В глиняном тесте примесь средней дресвы. Дно у них разное: реберчатое, рубчатое, пирамидальное, плоское, углублённое. Штампы не найдены. Для ромбоямочного орнамента не найдено ископаемых штампов, так характерных для находок штампов из других неолитических культур.[5] Наличие ископаемых штампов у древнего населения неолита археологами отмечено давно.[6] При экспериментах с различными ископаемыми предметами подошли лишь кристаллы гипса.

Эксперименты проводили керамисты супруги Траханиотовские О.В. и А.Б. При этом были получены ромбоямочные оттиски только с пирамидальным дном. Оттиски с реберчатым, ступенчатым и ребристым дном выполнялись другими штампами, которые, вероятно, не сохранились. Белемниты и аммониты до сих пор часто находят на берегах Оки и в реке, без проведения раскопок. Оттиски глубокие и мелкие. И.В.Болдин высказал мысль, что для борьбы с растрескиванием сосудов требуется глубокая орнаментация.

В доказательство своей идеи он провёл ряд экспериментов, но ограничил проведение экспериментов только с образцами покрытыми ямочной орнаментацией.[7] Если обратить внимание на коллекцию Ассоновых, то следует отметить: глубокая орнаментация есть только у керамики с ямочным орнаментом, у ромбоямочной керамики есть оттиски мелкие и глубокие, такое следует отметить и у керамики с гребенчатыми оттисками. Глубину орнаментации легко промерить. Фрагментов с ямками найдено 9. Ямки по форме близки к орнаментам, выполненным белемнитами, но не такие как у льяловской культуры. Ямочные оттиски не имеют характерных следов белемнита и несколько меньше белемнита. Глубина орнаментации ямками составляет 3,5—10,9 мм. При толщине стенок сосудов 7—11,5 мм. Примесь в глиняном тесте средней и мелкой дресвы. Глубина оттисков ромбами 2,3—6,7 мм. При толщине стенок сосудов 7,1—10,5 мм. Глубина оттисков гребенчатого штампа составляет 1,9—3,2 мм при

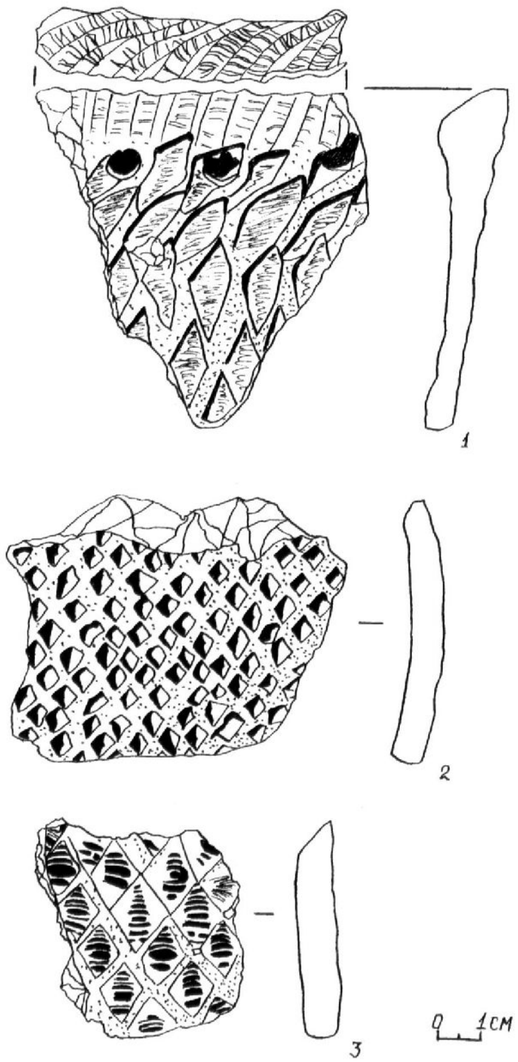


Рис. 2. Фрагменты ромбоямочной керамики. Сборы Ассоновых.

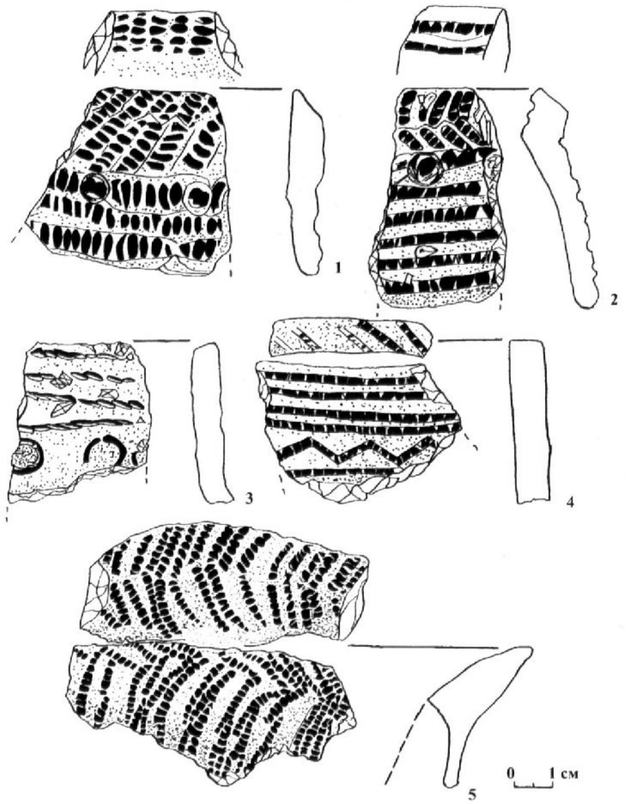


Рис. 3. Фрагменты керамики с верёвочным и гребенчатым орнаментом. Сборы Ассоновых.

толщине стенок сосуда 6,2—8,3 мм. Примесь в глиняном тесте средней дресвы и песок. Глубокая орнаментация только у фрагментов керамики с ямочной орнаментацией. Оттиски порой заходят за середину толщины стенки сосуда, что у ромбоямочной и гребенчатой керамики встречается редко. На одном фрагменте крупные ромбы неглубокие с плоским дном. Глубина оттисков 2,4—4,4 мм. При толщине стенки 7,1—8, 2 мм. Единственное, что следует отметить: вся поверхность сосудов сплошь покрыта орнаментом *(рис. 2:1)*. Вот эта сплошная орнаментация и защищает поверхность от растрескивания. И.В. Болдину необходимо продолжить эксперименты с образцами керамики с другими элементами орнамента, изменить условия проведения эксперимента, возможно, это даст другие результаты.

Следует учесть: на развитых этапах неолита орнаментом покрыты не вся поверхность, а лишь ленты или участки сосудов, часть элементов собраны в композиции, что также влияет на крепость сосудов. Вероятно, надо найти и другие факторы, влияющие на крепость сосудов.

Технологический аспект менее значим или он менее работает. Ямочно-гребенчатой керамики найдено 10 фрагментов. Примесь в глиняном тесте средней дресвы. Толщина стенок 5,5—8 мм. С гребенчатыми оттисками найдено 9 фрагментов. В глиняном тесте примесь средней дресвы и песка. У всех фрагментов оттиски собраны в композиции *(рис. 3:1—5)*. Часть венчиков имеют особенности. Один венчик сильно отогнут наружу, чего не бывает у керамики неолита *(рис. 3:5)*.

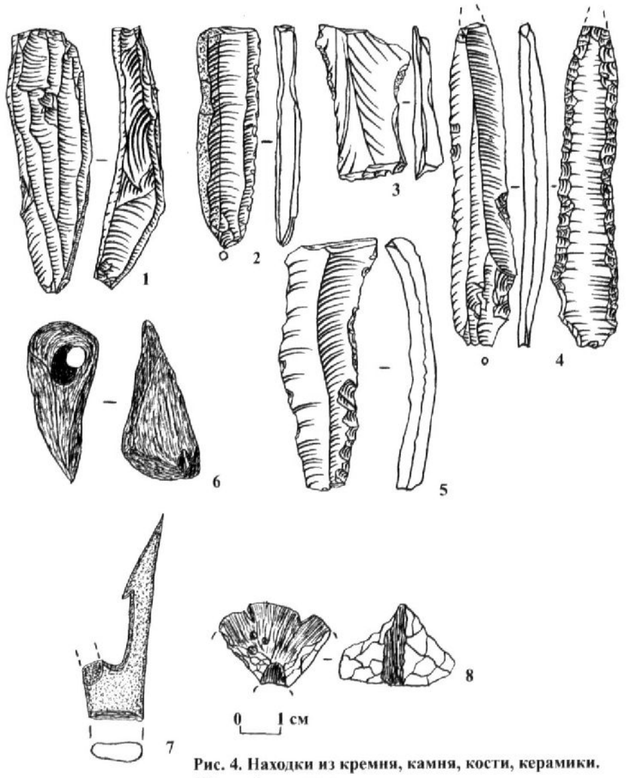


Рис. 4. Находки из кремня, камня, кости, керамики. Сборы Ассоновых.

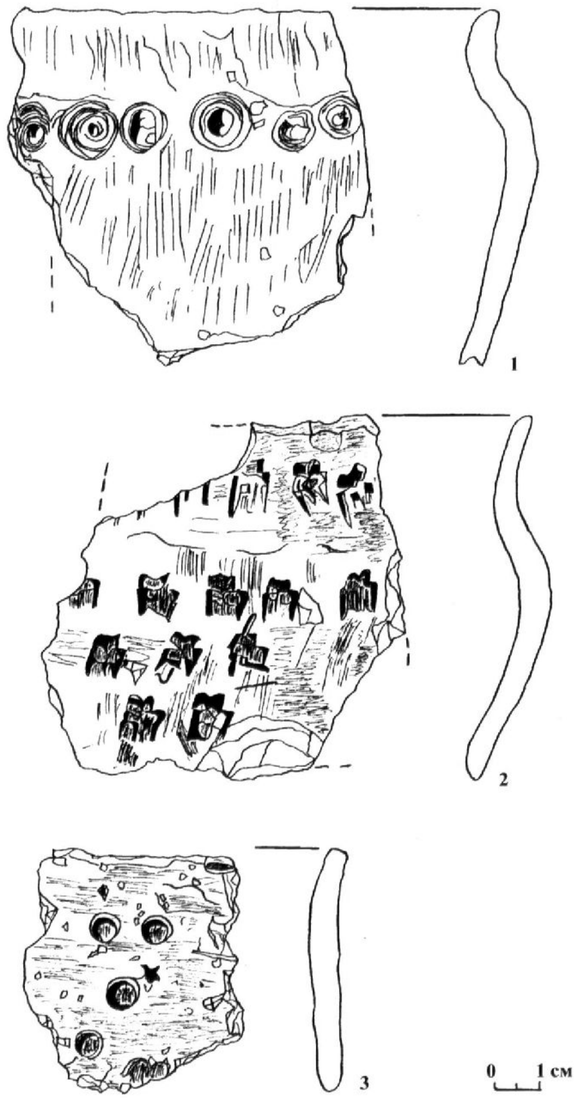


Рис. 5. Фрагменты керамики р.ж.в. Сборы Ассоновых.

Срезы венчиков не типичны неолиту. Ещё один имеет срез, скошенный наружу *(рис. 3:1)*. Другой венчик имеет выступ углом с внешней стороны и украшен косо поставленными оттисками короткого гребенчатого штампа *(рис. 3:2)*. Верёвочные оттиски и гребенчатые имеет прямой венчик *(рис. 3:3)*. Высокий венчик прямой *(рис. 3:4)*. С внешней стороны композиция из оттисков узкого гребенчатого штампа. По срезу венчика идут узкие оттиски гребенчатого штампа, поставленные косо. В глиняном тесте примесь средней дресвы. Толщина стенки 7,5 мм. На внутренней стороне следы расчёсов. Вероятно, все эти фрагменты следует отнести к эпохе бронзы. Ряд фрагментов с редко встречающимися оттисками. Фрагмент стенки с месяцевидными оттисками, поставленными редко в шахматном порядке. Толщина стенки 7 мм. Одна стенка с бобовидными, глубокими оттисками рядами. В глиняном тесте большая примесь средней дресвы. Толщина стенки 9—12 мм. Фрагмент стенки с неглубокими оттисками похожими на позвонки рыб поставлены рядами. В глиняном тесте немного органики и песка. Толщина стенки 6,5—7 мм.

Коллекция кремнёвых артефактов небольшая. Часть конического нуклеуса для пластин из коричневого кремня *(рис. 4:1)*. Размеры нуклеуса и характер негативов от сколов пластин свидетельствуют, что это артефакт мезолитического времени и попал на неолитическую стоянку случайно. К этому же времени следует отнести и проколку на пластине серого полупрозрачного кремня *(рис. 4:4)*. По краям проколка оформлена полукрутой ретушью с вентральной стороны. Жало было на дистальном конце пластины — сломано. Остальные изделия характерны неолиту. Это скобель на реберчатой пластине серо-коричневого полупрозрачного кремня *(рис. 4: 5)*. Выемки небольшие и средние, оформлены мелкими круто направленными сколами на дорсальной стороне.

Другой скобель на пластине тёмного серо-зелёного полупрозрачного кремня *(рис. 4:3)*. Выемки небольшие оформлены мелкими круто направленными сколами. Пластина тёмно-серого кремня с частью корки от конкреции *(рис. 4:2)*. На одной из сторон следы износа от использования, вероятно, служила ножом. Другие находки разных эпох. Это предмет из окремнённой серой породы с просверленным отверстием, вероятно, подвеска *(рис. 4:6)*. Цилиндрический предмет из железистого песчаника. Костяной гарпун или крючок с утратами *(рис. 4:7)*. Часть грузика дьякового типа *(рис. 4:8)*. Некоторые фрагменты керамики следует отнести к дьяковской культуре железного века *(рис. 5:1—3)*. Три фрагмента венчиков с частью стенки украшены тычковым орнаментом. В глиняном тесте небольшая примесь крупной дресвы. Толщина стенок 4—6 мм. Венчики слегка отогнуты. Вероятно, эти материалы попали с поселения раннего железного века, до настоящего времени ещё не найденного.

Возможно, современная деревня Воронино стоит на селище раннего железного века. Саму деревню обследовать невозможно, поскольку она занята какими-то сектантами. В 1984 г. приблизительное место стоянки 1 локализовано автором в 1 км к югу от деревни[8]. Материал, собранный на ней, описан в сумме с материалом Ассоновых и собран на площади 200х80 м[4]. Культурный слой не окрашен. В дальнейшем, стоянка 1 и местность вокруг неё, осматривалась автором неоднократно в 1985 г.[9], 2006 г.[10], 2007 г.[11], 2008 г.[12], 2009 г.[13], 2012 г.[14] В эти годы был собран разнообразный материал: фрагменты ромбоямочной и ямочногребенчатой керамики, нуклеусы, рубящие орудия, проколки, скребки, скобели, ретушёр, пластины, отщепы. Кремень использовался такой-же как из кремнеобрабатывающей мастерской в овраге Любовец, находящейся выше по течению Оки в 1, 5 км от стоянки 1, открытой автором в 1984 г.[8]

Неолитический материал отнесён к белёвской культуре. При дальнейшем обследовании были обнаружены следы ещё двух стоянок.[12, 15] Материалы стоянки 2 были собраны на пашне в 0, 5 км к юго-востоку от деревни *(рис. 1)*. Они представлены резцом, частью неопределённого орудия и отщепом, собраны по площади 50х40 м. По характеру обработки кремня памятник отнесён к мезолиту. Культурный слой не выделен. Стоянка 3 обнаружена к северу от стоянки 1 и в 0, 75 км к юго-западу от деревни *(рис. 1)*. Материал собран на грунтовой дороге построенной в 2009 г. Всего было найдено 5 кремнёвых артефактов на площади 100х40 м.

Культурный слой коричнево-серая супесь мощностью 21—34 см. Найдено два нуклеуса одноплощадочных, подконических из серо-коричневого полупрозрачного кремня с вкраплениями мелких окаменелостей и частями окремнённой корки от конкреции. На нуклеусах негативы от снятия отщепов и пластин. Два отщепа серо-коричневого и белого кремня. Часть пластины серо-коричневого кремня с частью корки от конкреции, без ретуши и следов использования. По технике расщепления кремня стоянка была отнесена к эпохе мезолита. Культуроопределяющих орудий не найдено.

Следует заметить, что даже подъёмный материал говорит о наличие нескольких поселений разных эпох: мезолита, неолита, бронзы и р.ж.в. Обследование местности следует продолжить с проведением шурфовки и сбором материала, чтобы более точно локализовать каждое из поселений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

[1] Ассонов В.В. Неолитическая стоянка у д. Ворониной Калужского уезда Калужской губернии// Известия Калужского общества изучении природы местного края. Книга 1. Калуга, 1912. С. 91, 92.

[2] О работах В.В.Ассонова в Калужской губ. 1924 // Архив ИИМК. Ф. 2. ОП. 1. № 138. Л. 8, 12.

[3] Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 174, 175.

[4] Грудинкин Б.В. Белёвская неолитическая культура. М., 2004. С. 52, 65—68.

[5] Сидоров В.В. Орнаменты и орнаментиры льяловской керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I.: Материалы IV Тверской археологической конференции 12-го заседания научно-методического семинара « Тверская земля и сопредельные территории в древности» Тверь. 2011. С. 202—204.

[6] Коробков И.А., Крижевская Л.Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник Ленинградского университета. № 18, 1958. С. 55.

[7] Болдин И.В. Технологический аспект орнаментации глубокого профиля неолитической керамики по результатам экспериментов // Тверской археологический сборник. Вып.8 Том I: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2011. С. 211.

[8] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в Калужской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9473. Л. 7, 8.

[9] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в 1985 г. в Калужской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10939, Л. 9.

[10] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в 2006 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. Л. 12—13.

[11] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2007 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. Л. 15—16.

[12] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2008 г. в Калужской области // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. Л. 21—22.

[13] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в 2009 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. Л. 8—10.

[14] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2012 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.

[15] Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н. Л. 4.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ НОЖЕЙ-КИНЖАЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ НАХОДКИ РУКОЯТИ ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.В.Столяров, *к.и.н., ст.преп.,*

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Бронзовая рукоять ножа-кинжала была найдена на территории Курской области*. Точное место находки, время и имя находчика неизвестны. Размеры рукояти — высота 8,7 см., ширина в перекрестье — до 2,8 см., диаметр стержня — от 0,6 см. в верхней части и до 0,7—0,9 см. у перекрестья. Диаметр навершия в виде закрученной по спирали (4 витка) вокруг стержня проволоки — 2 см. *(рис. 1, 1а)*. Судя по форме полости от клинка в перекрестье рукояти, кинжал был однолезвийный *(рис. 1, 1б)*. Ширина лезвия у перекрестья — 2 см., толщина обушка — 3,5 мм. Лезвие было железным, о чем свидетельствуют остатки ржавчины на перекрестье (в шве) и в полости, где находился клинок. Перекрестье имеет форму прямоугольника и украшено рифлением в виде двух вертикальных борозд шириной 0,2—0,3 см. *(рис. 1)*.

Рукоять выполнена в стиле так называемого «ажурного подгорцевского литья», сформировавшегося в VI—IV вв. до н.э. (*см.:* Рассадин, 1991. С. 110—115). Широкое распространение в этот период на рассматриваемой территории получили ажурные навершия булавок, ажурные шейные гривны, серьги со сферическим щитком (скифского типа, умбоновидные), подвески и др. (*см.:* Третьяков, 1970; Обломский, Сыроватко, Сапрыкина, 2012. С. 174). До настоящего момента ни одной рукояти кинжала данного типа, изготовленной в этом стиле, известно не было. Нами были также выявлены близкие по стилю находки с территории Смоленщины *(рис. 2,1)* и Курской области *(рис. 2,2)*. Они известны по фотографиям, размещенным на портале древней культуры и искусства Домонгол. Эти находки отличает тонкая работа в стиле «ажурного плетения».

Технология производства рукояти выглядит следующим образом. Первоначально, на тело рукояти в виде стержня с несколько раскованным концом у места соединения с лезвием, были напаяны три пары кольцевых перетяжек. Навершие оформлено в виде закрученной по спирали проволоки. После присоединения к рукояти железного лезвия, место их соединения как муфтой было скреплено брусковидным перекрестьем *(рис. 1, 1б)*.

Поиск аналогичных находок позволяет рассматривать истоки происхождения данного типа рукояти ножа-кинжала из Курской области в рамках двух культурно-исторических общностей.

Первая линия развития биметаллических кинжалов связана с ананьинской культурно-исторической общностью. В рамках этой гипотезы рассматриваемая рукоять ножа-кинжала принадлежала кинжалу, подобные которому С.В.Кузьминых объединяет в категорию кинжалов с железным клинком и бронзовыми рукоятями (биметаллические) и относит к типу К-12 — кинжалы с однолезвийным серповидным клин-

* Выражаю огромную благодарность научному сотруднику отдела охранных раскопок ИА РАН Олегу Александровичу Радюшу за возможность ознакомления с данной находкой и её публикации.

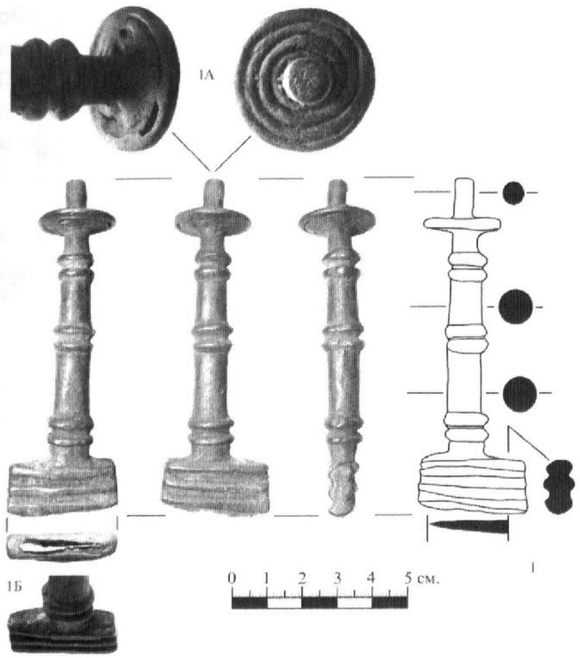


Рис. 1. Бронзовая рукоять кинжала (Курская область, случайная находка). Рисунок и фото Е.В. Столярова.

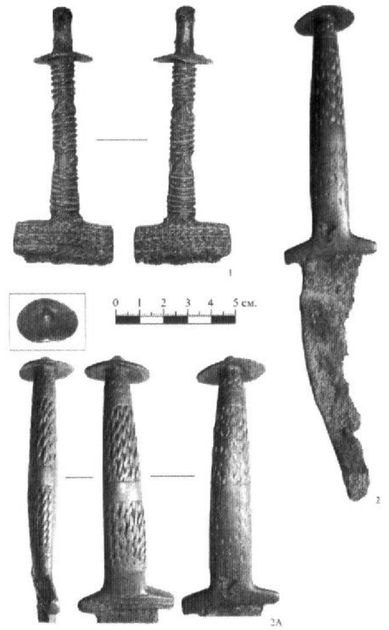


Рис. 2. Находки рукояти (1) и целого экземпляра (2) биметаллических кинжалов. Случайные находки. Фото: Портал древней культуры и искусства Домонгол. 1 – Смоленская область; 2 – Курская область.

ком, прямым держаком с выпуклым кольцевым орнаментом, прямым перекрестием, круглым навершием (*см.:* Кузьминых, 1983. С. 127. Рис. 70). По А.Х.Халикову они входят во II категорию однолезвийных мечей и кинжалов (см.: Халиков,1977. С. 171—172). В.С.Патрушевым они относятся к отделу биметаллических кинжалов (А), типу V.

К этому типу кинжалов (переходная форма к ножам) относятся 2 образца — из Старшего Ахмыловского могильника (II категория, I тип по А.Х.Халикову) и с. Большая Тояба *(рис. 3, 2)* со Средней Волги (II категория, III тип) (*см.:* Халиков, 1977. С. 171—172. Рис. 64, 1, 9). Кинжал из Старшего Ахмыловского могильника *(рис. 3,1)* состоит из двух конструктивных деталей: клинка и рукояти, которая вместе с перекрестием и навершием составляет единой целое и изготовлена отдельно от клинка. Обе детали соединены кузнечной сваркой. Металлографический анализ железного клинка из Старшего Ахмыловского могильника показал, что он откован из сырцовой стали. Также были прослежены следы перегрева металла, который, возможно, был связан с вторичным нагревом предмета в процессе соединения клинка с бронзовой рукоятью (*см.:* Завьялов, Розанова, Терехова. 2009. С. 39—40).

На основании комплекса п. 568 Старшего Ахмыловского могильника А.Х.Халиков датировал этот тип кинжалов не позднее VII в. до н.э. и сопоставлял с карасукскими изделиями (*см.:* Халиков, 1977. С. 171—173). В.С.Патрушев считал, что их прототипы следует искать в древневосточных районах — Иран, Кармир Блур (*см.:* Патрушев, 1984. С. 77).

По мнению С.В.Кузьмина экземпляры этих кинжалов знаменуют начало новой серии оригинальных биметаллических кинжалов предскифского времени. Во многом они близки многочисленной группе раннеананьинских железных кинжалов. Именно с раннеананьинскими и некоторыми кавказскими образцами VII—VI вв. до н.э., а не скифо-сарматскими сопоставимы эти биметаллические экземпляры (*см.:* Кузьминых,

1983. С. 127). Это достаточно оригинальная группа оружия, не характерная для степного кочевнического, ни доскифского, ни скифо-сарматского мира (*см.*: Халиков, 1977. С. 174).

По мнению А.И.Тереножкина все типы биметаллических кинжалов, происходящие из Волго-Камья, носят заметные черты местного своеобразия. В них нельзя видеть импорты с Кавказа. Они представляют исключительно продукцию местных ремесленников, подвергших киммерийские образцы значительной переработке. Этот тип кинжалов не находит себе точных аналогий не только в степи, но и на Северном Кавказе. В Волго-Камье, в результате эволюции, некоторые звенья которой еще не известны, создается своя ананьинская локальная группа кинжалов, не сливающаяся с причерноморской, отличная от кавказской, развивавшейся ближе к степной (*см.*: Тереножкин, 1976. С. 118).

А.Д.Таиров отмечает, что на Северном Кавказе бронзовые рукояти рамочного типа на железном клинковом оружии существовали уже в позднейший предскифский период. Отсюда эта технология в раннескифское время была привнесена в Доно-Волжский регион и в Волго-Камье, к племенам ананьинской общности. Влияние Кавказа отчетливо ощущается и на ранних образцах железных кинжалов с бронзовыми или железными обоймами (или муфтами) из Прикамья и Южного Зауралья (*см.*: Таиров, 2011. С. 166).

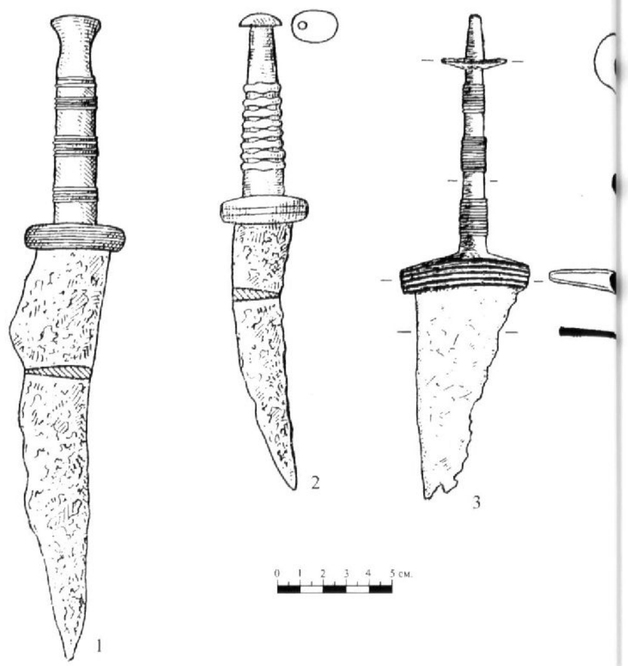


Рис. 3. Кинжалы с односторонним лезвием раннеананьинского времени (1—2 — по: Халиков, 1977. Рис. 64, 1, 9; 3 — по: Платонова, Щукин, 2000. Рис. 1). 1 — Старший Ахмыловский могильник (погр. 568), Республика Марий Эл; 2 – с. Большая Тояба, Республика Чувашия; 3 – окрестности г. Луга, 130 км. от Санкт-Петербурга (случайная находка).

Данные, полученные В.И.Завьяловым, Л.С.Розановой, Н.Н.Тереховой на основании представительной серии металлографических анализов из памятников Волго-Камья, позволили провести сравнительный технико-технологический анализ с материалами синхронных памятников Кавказа и тем самым конкретизировать предполагаемую связь двух регионов. Местные мастера Волго-Камья уже в VII в. до н.э. начинают осваивать простейшие способы обработки железа не без контакта с носителями знаний техники железообработки — выходцами с Кавказа, с которыми в данный регион попадали и различные вещи, типичные для Кавказа. Перерабатывая и интерпретируя инокультурные вещи по своему, местные мастера Волго-Камья создали исключительно свою, оригинальную группу биметаллических кинжалов (*см.*: Завьялов, 2009. С. 70—71). Ввиду того, что влияние ананьинской культуры распространялось далеко на север и северо-запад вплоть до приполярных районов Фенноскандии (*см.*: Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011. С. 13), какие-то образцы биметаллического оружия в ходе культурных контактов различного уровня могли попасть и на территорию сопредельных синхронных культур.

Вторая линия развития биметаллических кинжалов связана с Приальпийско-Припиренейской зоной эпохи позднего Гальштата и раннего Латена VII—IV вв. до н.э. В рамках этой гипотезы Н.И.Платоновой и М.Б.Щукиным рассматривался один образец —

обломок железного однолезвийного ножа с бронзовой рукоятью *(рис. 3,3)*, который был найден в 1986 г. в окрестностях г. Луга в 130 км. к юго-западу от Санкт-Петербурга. (*см.*: Платонова, Щукин, 2000). Данный образец по пропорциям и стилю исполнения очень близок нашей, только все детали рукояти не «сборные», а отлиты в одной форме и составляют единое целое. Исследователи датировали его IV в. н.э. и провели параллели этой находки с серией кинжалов из могильника Симанкос, в Испании.

Несмотря на то, что авторы отнесли эту находку к более позднему времени, их построения относительно корней эволюции этого вида оружия представляется для нас крайне интересными. Они показывают второй возможный источник появления данного вида оружия, не связный с ананьинской культурно-исторической общностью.

Появление коротких биметаллических мечей-кинжалов со сравнительно тонкой рукоятью было связано, по мнению Н.И.Платоновой и М.Б.Щукина, с Приальпийско-Припиренейской зоной эпохи позднего Гальштата и раннего Латена VII—IV вв. до н.э. Именно на этой территории широко представлены находки биметаллических мечей и кинжалов с антеновидными и спиральными навершиями. Следующий виток развития данного вида оружия связан с реформами Гая Мария по унификации вооружения в конце II в. до н.э., когда римская армия восприняла целый ряд форм кельто-этрусско-иберийского вооружения. Одним из проявлений этого процесса могли быть кинжалы-pugio, и прежде в кельто-иберийской среде, служившие показателем высокого социального статуса. Самые ранние находки кинжалов-pugio происходят именно из Испании. С Августовского или даже еще с Цезаревского времени они были на вооружении унтер-офицеров, центурионов римской армии. Использование их продолжалось вплоть до реформ армии при Клавдии Готском, Аврелиане и Диоклетиане в конце III в. н.э. С этого времени свидетельства употребления этого типа оружия в римских легионах вдоль Рейнско-Дунайской границы отсутствуют. И только в Испании, на сравнительно узком участке, наблюдается продолжение этой традиции только в несколько видоизмененном однолезвийном виде. Объяснить этническую принадлежность людей, оставивших могильники, в которых были найдены боевые ножи, авторы затруднялись. Они отмечали, что это могла быть и некая кельто-иберийская группировка местного романизированного населения. Хотя и не исключали присутствия неких варваров-федератов, военных поселенцев из числа вспомогательных войск, аукселяриев римской армии, размещенных по каким-то соображениям именно в этом регионе. Загадкой для авторов работы остался и вопрос, при каких обстоятельствах один из боевых ножей мог оказаться за тысячи километров в противоположном глухом уголке Европы, в лесах бассейна Луги (*см.*: Платонова, Щукин, 2000. С. 181—184).

Повторно к этой находке, с целью характеристики металлических изделий и металлопроизводства во II — первой половине I тыс. до н.э. на Северо-Западе России, обратилась М.А. Юшкова. Автором правильно была найдена связь данного кинжала с вещевым комплексом второго этапа развития ананьинской культурно-исторической общности, т.е. конца VIII — первой половины VII вв. до н.э. (*см.*: Юшкова, 2010. С. 275).

Обстоятельства появления данного типа оружия на территорию лесных и лесостепных культур Европейской части России можно обрисовать следующим образом. Видимо, какие-то образцы оружия предскифского времени, даже в качестве сырья, могли попасть на территорию лесных и лесостепных культур Восточной Европы эпохи раннего железного века с Кавказа или уже опосредованно, переработано через Волго-Камье. Нельзя исключать и попадания каких-то образцов оружия и с территории Приальпийско-Припиренейской зоны эпохи позднего Гальштата и раннего Латена, тем более что «латенский» (кельтский) культурный импульс отчетливо прослежен по вещевым комплексам лесных и лесостепных культур Восточной Европы эпохи раннего железного века. Возможно, на основе этих импортов местные мастера и создали немногочисленные известные нам образцы биметаллических кинжалов. Ввиду того, что в это время на рассматриваемой территории широкое распространение

получил стиль «ажурного подгорцевского литья», все образцы выполнены именно в этом специфическом для данной территории стиле. Таким образом, был создан ранее неизвестный и присущий своей эпохе тип биметаллических ножей-кинжалов, который с определенной осторожностью следует датировать не позднее VI—Vв. до н.э.

Ввиду большой морфологической схожести ананьинских ножей-кинжалов со случайными находками рукоятей ножей-кинжалов из Курской области и Смоленщины, первая линия развития на данном этапе исследований видится более предпочтительной. Находка ножа-кинжала из окрестностей Луги, возможно, является переходной формой от раннеананьинских ножей-кинжалов к тому типу оружия, которое известно по находкам из Смоленщины и Курской области.

Дальнейшая работа по поиску аналогичных вещей позволит более рельефно осветить вопросы происхождения, датирования и обстоятельств попадания на территорию лесной и лесостепной зон данного вида оружия.

ЛИТЕРАТУРА

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М., Знак, 2009.

Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Материалы круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии»: Санкт-Петербург, 23—24 июня 2011 года. Спб., 2011. С. 10—16.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., Наука, 1983.

Обломский А.М, Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. М., 2012. С. 169—178.

Патрушев В.С. Марийский край в VII—VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.

Платонова Н.И., Щукин М.Б. Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области // Археологические Вести. № 7. Спб., 2000. С. 178—188.

Рассадин С.Е. Украшения подгорцевского стиля // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 110-116.

Таиров А.Д. К вопросу о распространении кинжалов с бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. № 1(14). 2011. С. 162—169.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, Наукова Думка, 1976.

Третьяков П.Н. О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья // Studia archaeological in memoriam Harri Moora. Tallin, 1970. С. 207-212.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII-VI вв. до н.э. М., Наука,1977.

Юшкова М.А. Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 2. 2010. С. 272—277.

АНАЛИЗ ПЛОТНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ТИПА «СЕЛЬЦО» В ARCGIS 9.3.1 DESKTOP

А.А.Попов, *асп.,*

Институт археологии РАН

Статья посвящена применению метода пространственного анализа «Плотность» в программе ArcGIS 9.3.1 Desktop для определения географии распространения височных колец типа «Сельцо» в свете новейших данных. В целом, эти украшения датируются исследователями в рамках XI столетия [Григорьев А.В., 2005а. С. 22].

Картографирование данного типа колец производилось в 1975—1980 гг. Т.В.Равдиной, Г.Ф.Соловьевой и Е.А.Шинаковым. Это была простая точечная фиксация памятников с находками на карте. Т.В.Равдина располагала 25 экземплярами с 16 памятников [*см.*: Равдина Т.В., 1975. С. 218—219]. Г.Ф.Соловьевой не было указано их общее количество, но, судя по перечисленным пунктам, их было приблизительно столько же [*см.*: Соловьева Г.Ф., 1978. С. 172—173]. Е.А. Шинаков обладал информацией о 26 экземплярах [*см.*: Шинаков Е.А., 1980. С. 124]. Несмотря на сходное количество колец у всех исследователей, этому материалу была дана разная интерпретация. Спустя 25 лет А.В.Григорьев, учитывая современные на 2005 г. данные, отразил на карте информацию о 64 находках из 25 пунктов [*см.*: Григорьев А.В., 2005б. С. 106]. При этом для большей наглядности белым и черным цветами были выделены памятники с единичными находками и с двумя и более соответственно.

К 2012 г. благодаря интенсивным археологическим работам на памятниках Московской, Калужской и Тульской областей за последнее десятилетие мы располагаем информацией о как минимум 92 находках, происходящих из 42 пунктов *(рис. 1).*

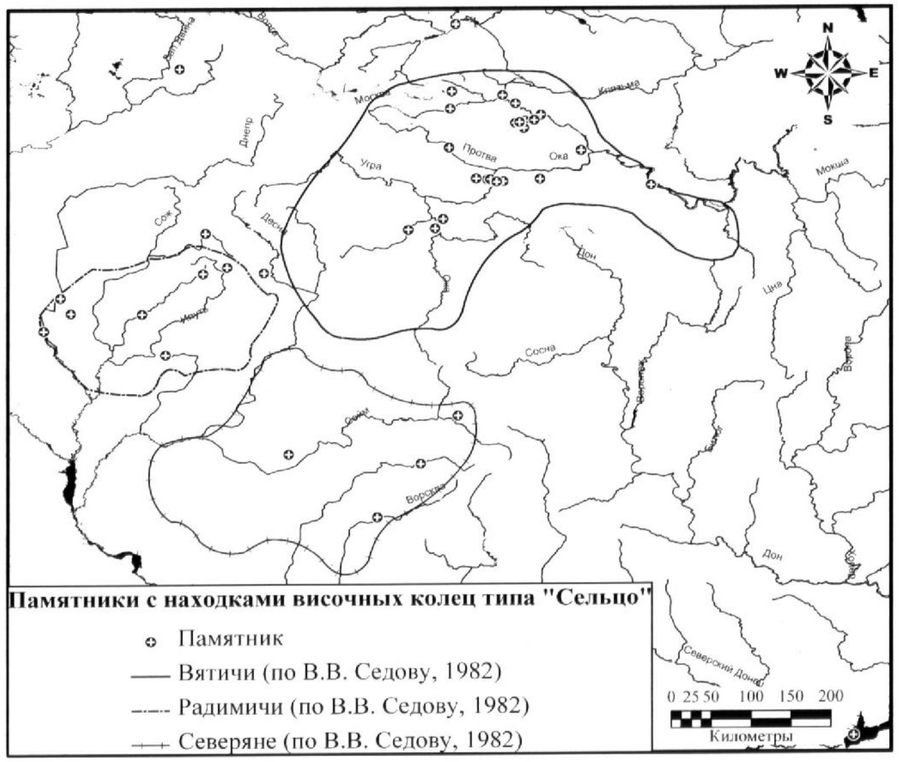


Рис. 1. Карта памятников с находками височных колец типа «Сельцо».

Как и ранее простое картографирование демонстрирует нам их широкое распространение на территории Восточной Европы. Более информативным здесь могло бы быть скорее отражение плотности распространения материала в пространстве. Это может показать степень его концентрации (сгущение / разряжение), на основании чего можно очертить более точные ареалы распространения височных колец.

Первый опыт компьютерного картографирования в отечественном вещеведении можно встретить в работах В.Б. Ковалевской, анализировавшей плотность распространения бус Кавказа и Крыма [*см.*: Ковалевская В.Б., 1998]. Но в настоящий момент археологи более широко используют ГИС-технологии. Наиболее распространенным программным обеспечением является пакет программ ArcGIS Desktop, основное приложение которого — ArcMap. Оно выполняет все картографические задачи: создание и публикация карт, их анализ и редактирование данных. Здесь имеется модуль пространственного анализа ArcGIS Spatial Analyst, одной из процедур которого является вычисление плотности (Calculate Density). «Плотность» служит мерой компактности точек в пространстве, что и требуется нам для пространственного анализа височных колец типа «Сельцо».

К сожалению, работ с подробной характеристикой процедуры «Плотность» еще нет. Этот метод иногда используется для анализа поселенческих структур, а информацией об использовании его в вещеведении мы вообще не располагаем. Некоторые общие сведения о нем можно почерпнуть в учебном пособии «Основы геоинформатики в археологии» [*см.*: Коробов Д.С., 2011]. В связи с этим более подробно остановимся на процедуре вычисления плотности.

Для проведения анализа требуется создать проект с необходимым набором слоев в одной системе координат. Подготовив проект в системе координат WGS-84 со всеми необходимыми линейными и полигональными слоями, мы создаем таблицу в Microsoft Office Excel, содержащую сведения о координатах наших точечных объектов. Можно учитывать каждое кольцо отдельно в каждой строчке с указанием долготы и широты находки, либо в одной строке указать памятник, его координаты и общее количество найденных на нем колец. Готовую таблицу необходимо добавить в проект так, чтобы в результате появился новый точечный слой, содержащий указанные ранее количественные данные. Далее необходимо выполнить команду «Плотность» в меню панели Spatial Analyst и проделать операции, последовательность которых описана Д.С.Коробовым [*см.*: Коробов Д.С., 2011. С. 122].

Сосредоточим внимание на принципе вычисления плотности. У нас имеются количественные данные, выраженные в таблице. В результате они должны быть распределены по поверхности в виде выходного растра, для каждой ячейки которого задается в итоге значение плотности на единицу площади. Значение плотности вычисляется двумя методами — простым и методом ядра.

При простом методе суммируются значения всех точек в области поиска и делятся на площадь этой области. Плотность вычисляется вокруг каждой выходной ячейки. Этот метод для наших задач непригоден.

Метод ядра работает по принципу простого метода, но основывается на уравнении квадратичной кернфункции [*см.*: Silverman B.W., 2000]. В результате для каждой точки строится сглаженная изогнутая поверхность. Такой результат основан на формуле с наибольшим значением плотности в центре точки и понижающимся до нуля на расстоянии радиуса поиска. Построенная поверхность должна состоять из сглаженных конусов для каждой точки. Чем больше радиус, тем глаже выходной растр. Если какие-либо точки не попадают в заданную радиусом область соседства конкретной ячейки, то они не учитываются при вычислении плотности.

Рассмотрим это на нашем примере. Добавив точечные данные в готовый проект, мы заранее устанавливаем в опциях Spatial Analyst желаемый экстент и систему координат проекта для результатов анализа. В диалоговом окне «Плотность» указываем входные данные, метод анализа, радиус поиска и нажимаем «ОК».

Допустим, при анализе с радиусом 70 км в область поиска попадает 10 височных колец. Как уже упоминалось, показатель плотности высчитывается по формуле **x / S**, где **x** — количество точек, а **S** — площадь области поиска. Программа строит растр таким образом, что эта площадь равна квадрату длины радиуса (т.е. в нашем случае —

4900 км2). Значение плотности с такими переменными будет равно 0,002. Стоит обратить внимание на то, что здесь важно не столько конкретное числовое значение, сколько построенный выходной растр.

Получив карту плотности, необходимо переклассифицировать результат: изменить способ классификации (с равного интервала на заданный интервал — 0,001, что соответствует 5 височным кольцам) и установить исключение данных, чтобы отсечь единичные находки (0—0,0004, т.е. 0—2 кольца). В итоге, мы получаем готовую карту *(рис. 2)*.

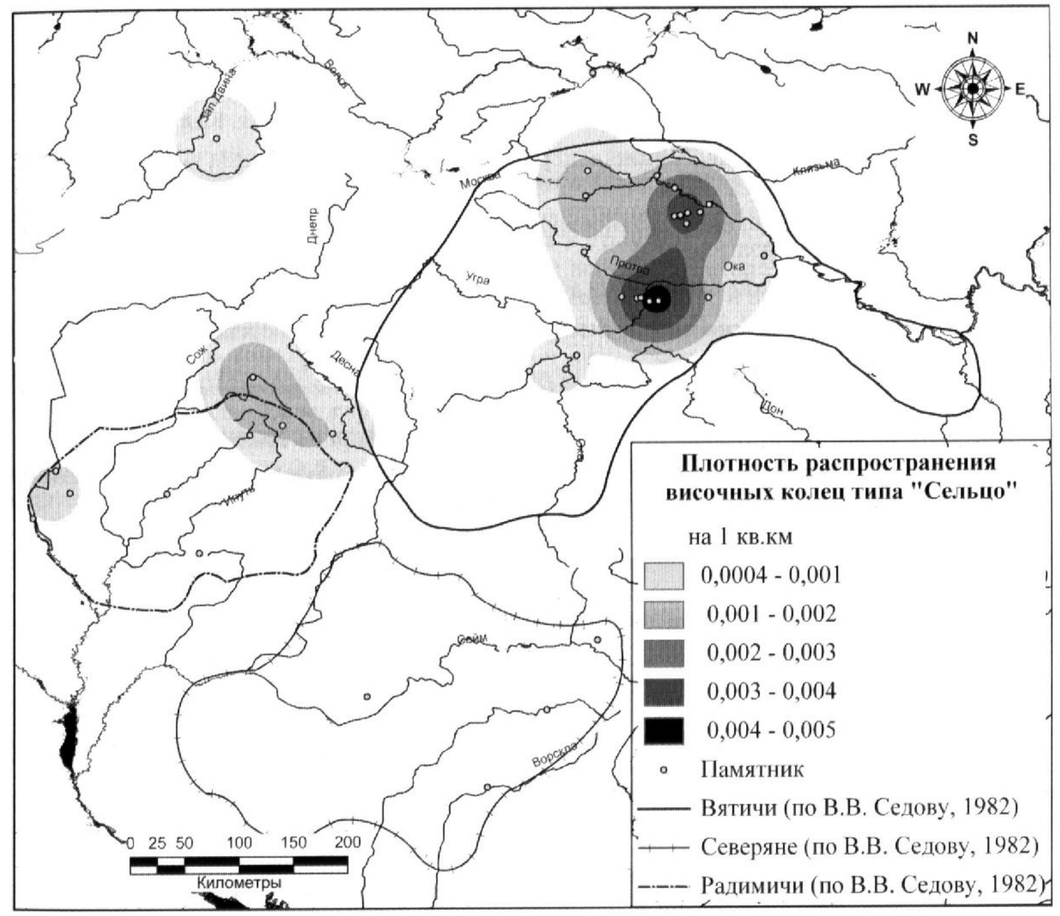


Рис. 2. Карта плотности распространения височных колец типа «Сельцо».

На основании построенного растра хорошо видно 4 ареала: первый (наиболее крупный) расположен на севере Верхнего Поочья и в Москворечье (23 памятника; 54 височных кольца); второй — в междуречье рр. Сожа и Десны (4 памятника; 16 колец); третий — в центре Верхнего Поднепровья (3 памятника; 3 кольца); четвертый — вокруг курганной группы Сельцо (Авдеево) (1 памятник; 4 кольца). Хорошо видно, что второй — четвертый ареалы не сопоставимы с первым ни по территориальному охвату, ни по количеству входящих в ареал памятников, ни по уровню концентрации находок. А.В.Григорьев также указывает на то, что для населения Верхнего Поочья и Москворечья (т.е. для вятичей) это наиболее характерный тип украшений, а височные кольца других типов здесь единичны. Стоит отметить, что первый ареал довольно точно повторяет северо-восточную часть области древностей вятичей XII—XIII веков. К сожалению, находки подобного типа из южных областей (например, Орловская область) не известны.

Таким образом, отображения массового материала с помощью вычисления плотности в ArcGIS 9.3.1 Desktop дает более объективное представление о его распространении в пространстве, чем простое точечное картографирование. С его помощью можно не только беспристрастно и математически точно очертить ареалы распространения материала, отсекая статистически незначимые находки, но и выявлять степень их концентрации в этих ареалах. При этом необходимо учитывать неравномерную обследованность регионов и быть аккуратным в выводах, особенно касательно этнической интерпретации находок.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005а.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н.э. Тула, 2005б.

Ковалевская В.Б. Хронология восточноевропейских древностей V—IX вв. Вып. 1: Каменные бусы Крыма и Кавказа. М., 1998.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. М., 2011.

Равдина Т.В. Древнейшие семилопастные височные кольца // Советская археология. М., 1975. №3.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Соловьева Г.Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. М., 1980. № 3.

Silverman B.W. Density Estimation for Statistics and Data Analysis. London, 2000.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ ЖИДЕЕВКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Ю.Стародубцев, *к.и.н., директор*

Курский государственный областной музей археологии.

Жидеевский археологический комплекс состоит из городища и четырех селищ[1] *(рис. 1)*. Городище расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа), примыкая с севера к урочищу «Городище». Западная часть площадки подмывается рекой. С напольной восточной стороны она укреплена подковообразным валом и рвом. Размеры сохранившейся части площадки в разные годы оценивались по разному: А.И. Пузиковой — 45 х 25 м, П.Г. Гайдуковым — 50 х 20 м. При составлении топографического плана в 2010 г. *(рис. 2)* установлено, что в настоящее время ее размеры составляют 40 х 20 м., высота от уровня реки — 4,5—5,0 м. Высота вала — 0,5—2,0 м, глубина рва — 0,3—0,4 м. В насыпи северного участка вала наблюдаются две ямы от грабительских раскопок: первая — в форме неправильной окружности размером 2,5 х 2,3 м при глубине 0,65—0,7 м, вторая — подквадратной формы размером 2,7 х 3,0 м при глубине 1,3—1,36 м. Поселения примыкают к городищу с северной, северо-восточной, юго-юго-восточной и южной сторон и имеют площадь от 75 х 60—75 м до 100 х 340 м.

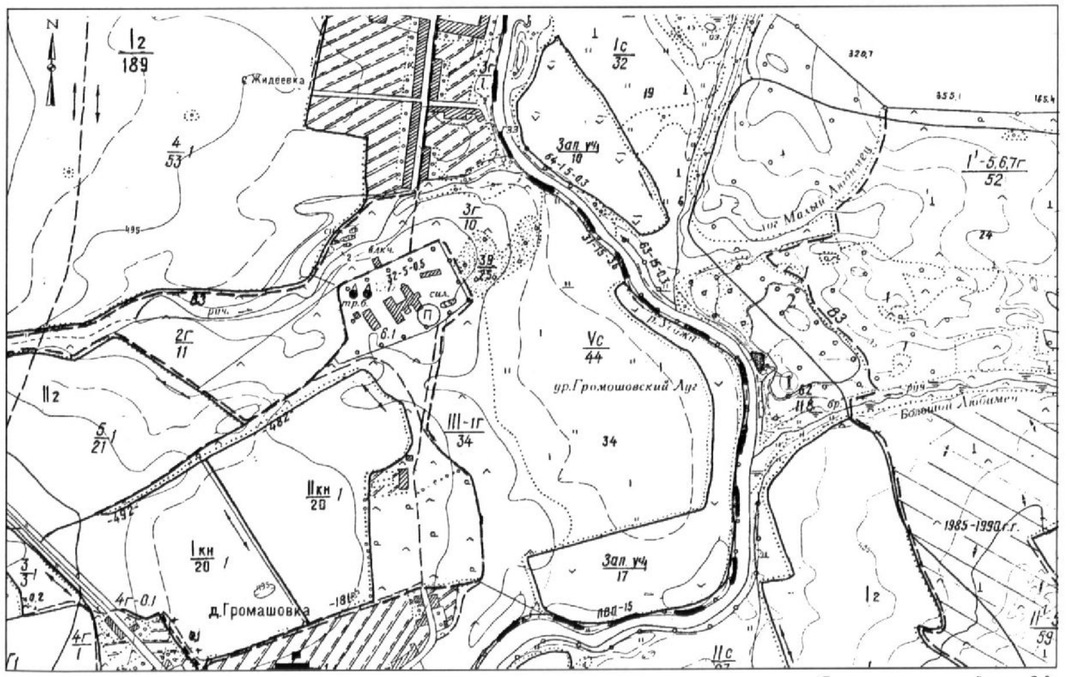


Рис. 1. Археологический комплекс около с. Жидеевка: 1 – городище; 2 – поселения 1—4.

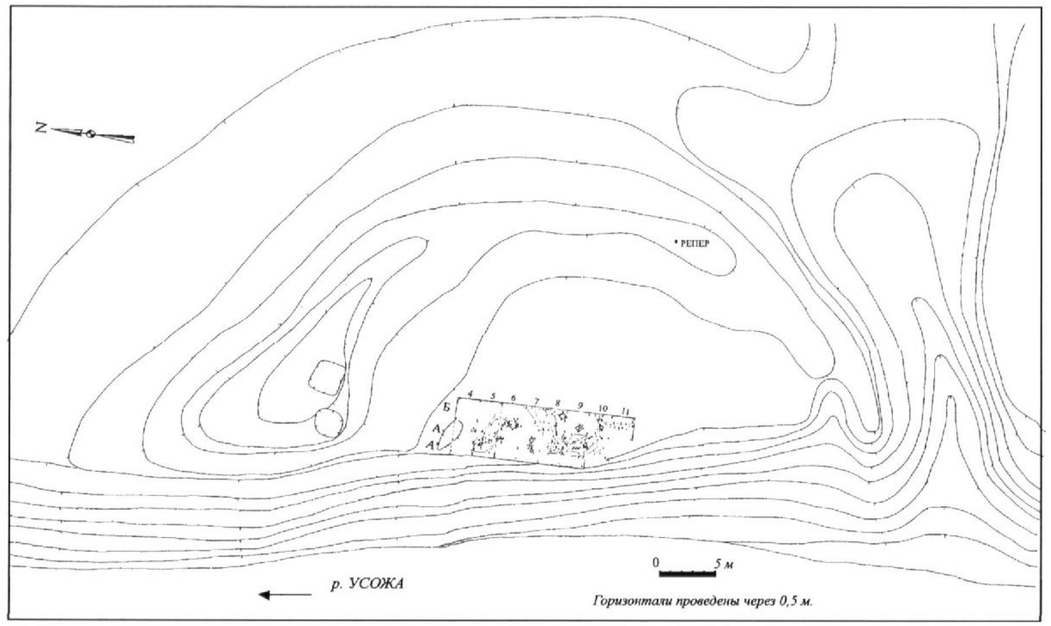


Рис. 2. Топографический план городища 2010 г. и раскоп I.

Памятники обследовались в ходе разведочных работ Ю.А.Липкинга в 1960-е гг., А.И.Пузиковой в 1972 г., П.Г.Гайдуковым в 1981 г.[2] Стационарных раскопок на территории комплекса до 2010 г. не проводилось. В 2010— 2012 гг. Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии была исследована площадка городища, произведен разрез вала и частично рва. В ходе работ обнаружены заглубленные в материк ямы, являющиеся остатками жилых и хозяйственных построек, столбовых конструкций[3].

Массовые находки на городище представлены фрагментами лепной и круговой керамики конца X — 1-й половины XI вв., обмазки, кварцита, мелкими углями, костями животных. Отмечены находки отдельных мелких фрагментов лепных сосудов раннего железного века и глиняных блоков. Из индивидуальных находок в насыщенном золой слое обнаружены: перстень с орнаментированным щитком и завязанными концами, кольцо височное перстнеобразное и поясная лировидная пряжка из бронзы; железные стамеска, пряжка, кольцо, нож, серп; обломки бритвы и крючка.

При осмотре поселения зафиксированы многочисленные грабительские ямы разного времени размером от 0,2 х 0,3 до 0,3 х 0,5 м, являющиеся результатами многолетних кладоискательских сборов, начиная с 2003 г., когда на памятнике был найден денежно-вещевой клад, состоящий из фрагментов серебряного пластинчатого очелья, двух серебряных браслетов с расширяющимися концами, серебряного навершия кресала в виде дракона, 5 серебряных семилучевых височных колец, 320 куфических дирхемов (из которых 23 имели бронзовые петли для привешивания, а 297 были обрезаны в кружек)[4].

В отвалах этих ям был собран подъемный материал, среди которого зафиксированы изделия из железа и бронзы. Среди находок из железа — ножи и их обломки, гарпун, напильники, фрагменты изделий, обломок подковки от обуви и обломок лезвия топора. Кроме того найдена бронзовая пластинчатая петля привески с заклепкой.

В ходе работы экспедиции была проведена беседа с одним из местных кладоискателей, результатом которой стала передача части его находок сотрудникам экспедиции для научной обработки и последующей сдачи в фонды музея. Среди них — изделия из бронзы: пуговица, орнаментированное кольцо и шахматная фигурка; находки из серебра — обломок браслета с утолщающимися концами, 8 обрезанных в кружок арабских дирхемов и 3 фрагмента (в том числе двух разрезанных) дирхемов.

Из одиннадцати найденных монет* восемь относятся к династии Саманидов (№ 25—32)**. Принадлежность пяти из них удалось определить (№ 25—27, 30, 31), трех — не удалось по различным причинам: из-за значительной потертости экземпляра (№ 28), а также в связи с тем, что они являются вырезками из целых монет и легенда оказалась за пределами данных фрагментов (№ 29, 32). Три монеты являются подражаниями саманидским дирхемам (№ 22—24).

В связи с тем, что дирхемы обрезывались, опираясь на внутренний шаблон, линейный круг, отделяющий центральную легенду от круговой с выпускными данными, на большинстве монет не сохранился. Вследствие этого прочесть монетный двор и дату чеканки большинства находок не представляется возможным. Поэтому датировка четырех (№ 25—27, 30) из одиннадцати монет в таблице 1 осуществлена, в основном, в виде интервала, определяемого временами правления эмира государства Саманидов (*перс.* امارت اسماعیل) и Багдадского халифа династии Аббасидов (*араб.* المعتضد). На одном из дирхемов (№ 31) имя халифа забито, а от имени эмира удалось прочесть только часть — «Нух». Для остальных шести монет (№ 22—24, 28, 29, 32) нет уверенных критериев даже для их интервальной датировки.

Среди подлинных определимых дирхемов:

1. халиф ал-Му'тадид, эмир Исмаил б.Ахмад (№ 25 по коллекционной описи). Вес — 0,34 г *(рис. 3,1)*.
2. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 26 по коллекционной описи). Вес — 0,75 г *(рис. 3,2)*.
3. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 27 по коллекционной описи). Вес — 1,48 г *(рис. 3,3)*. Имеется небольшой слом края монеты.
4. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 30 по коллекционной описи). Вес — 0,84 г *(рис. 3,4)*. На лицевой стороне имеются следы бронзовых окислов и два прилипших серебряных фрагмента от другой монеты. На краю монеты незначительная выщерблина.
5. имя халифа забито, эмир Нух ... (№ 31 по коллекционной описи). Вес — 0,82 г *(рис. 3,5)*. Монета погнута, имеются две трещины на ее краях.

Среди подлинных неопределимых монет:

6. лицевая сторона значительно потерта, оборотная с именами стерта практически полностью (№ 28 по коллекционной описи). Вес — 0,79 г *(рис. 3,9)*.
7. представляет собой 1/4 часть обрезанного в круг дирхема (№ 29 по коллекционной описи). Вес — 0,23 г *(рис. 3,10)*. К сожалению атрибутировать монету по имеющейся части не представляется возможным.
8. представляет собой краевой сегмент целого дирхема (№ 32 по коллекционной описи). Вес — 0,76 г *(рис. 3,11)*. На сегменте отсутствуют имена. На внешнем крае монеты имеется небольшая трещина.

Среди подражаний дирхемам:

9. подражание с двумя лицевыми сторонами (№ 22 по коллекционной описи). Вес — 0,87 г *(рис. 3,6)*.
10. подражание с двумя лицевыми сторонами (№ 23 по коллекционной описи). Вес — 0,62 г *(рис. 3,7)*. Очень похожее на № 22, но не тождественное.
11. внешний размер кружка как у № 22—23, но центральный круг меньше и на обеих сторонах видно по одной круговой легенде (№ 24 по коллекционной описи). Вес — 0,29 г *(рис. 3,8)*. В поле лицевой стороне первая часть символа веры, на оборотной стороне вторая часть символа, обе без искажений. Никаких имен нет, обе круговые надписи не читаемы. Более половины круговой надписи обломана. Видимо монета также является подражанием.

---

* Автор выражает признательность В.П.Лебедеву за неоценимую помощь в определении монет.

** Номера находок даны по коллекционной описи «Отчета о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2010 г.».

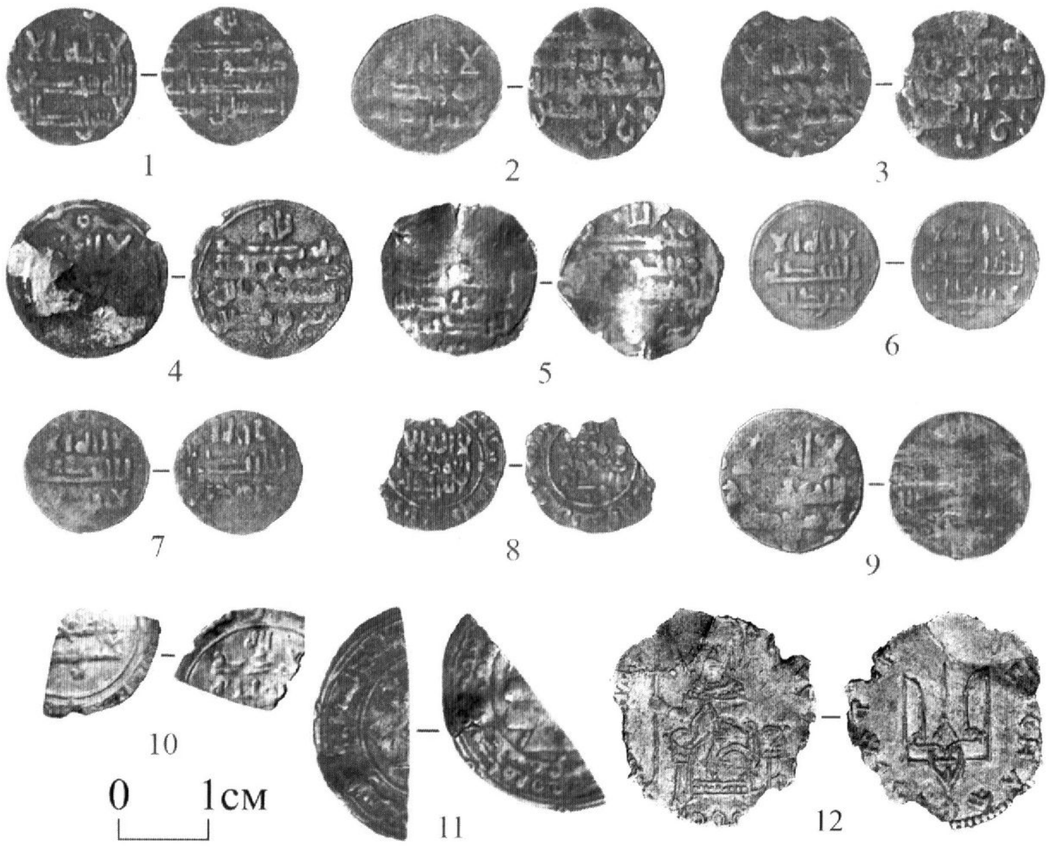


Рис. 3. Монеты с Жидеевского поселения:
1 – дирхем (№ 25);
2 – дирхем (№ 26);
3 – дирхем (№ 27);
4 – дирхем (№ 30);
5 – дирхем (№ 31);
6 – подражание дирхему (№ 22);
7 – подражание дир-хему (№ 23);
8 – подражание дирхему (№ 24);
9 – дирхем (№ 28);
10 – дирхем (№ 29);
11 – дирхем (№ 32);
12 – сребреник.

Помимо вышеперечисленных нумизматических находок автор получил возможность ознакомиться с редкой древнерусской монетой, также обнаруженной на участке поселения, примыкающему к северной части городища. Данная находка является сребреником Владимира IV типа[5] *(рис. 3,11)*. Края с большей частью круговой надписи обломаны, имеется трещина, создающая угрозу облома части монетного кружка.

На лицевой стороне найденной монеты — изображение князя, сидящего на длинной подушке престола-«банкетки». На голове князя — шапка с подвесками и крестом, вокруг головы — нимб. Правой рукой он держит крест на ступенчатом подножии. Левая рука на груди. Большинство букв круговой легенды обломано. На оборотной стороне — княжеский знак Владимира с незамкнутыми петлями на внутренних сторонах лопастей трезубца и неплохо сохранившаяся круговая надпись «+ÑÚÂ¤ÒÀÃÎÂÀÑÈË¤». Особенностью изображения на реверсе является то, что надпись начинается под основанием трезубца.

Обращает на себя внимание его вес (1,75 г), что достаточно мало для среднего веса монет данного типа (весовая норма в пределах 2,9—3,3 г). Однако при этом необходимо учесть то обстоятельство, что его края обломаны, что не могло не сказаться на весе оставшейся части. При этом еще в XIX в. исследователи обращали внимание на значительные отклонения от нормы в 3 г, достигающие 0,5—0,8 г, как в большую, так и в меньшую стороны. Еще И.И.Толстым было высказано мнение о том, что древнерусские сребреники чеканились без соблюдения какой-либо весовой нормы[6]. Вероятно, именно поэтому вес сребреников только ориентирован на «средний» дирхем.

Временной интервал сокрытия большинства кладов дирхемов на территории племенного союза северян с наибольшей концентрацией в курском Посеймье составляет 930—970-е гг. Из находок более позднего времени в настоящее время известен небольшой клад обрезанных в круг дирхемов с городища Кудеярова Гора (Погореловка 2) (Льговский район Курской области). По предварительным данным он был сокрыт в 980-е гг. Более поздние находки пока неизвестны. Выпадение кладов исследователи связывают с событиями конца X в., когда земли Курских северян были насильственно присоединены к Киевской Руси[7].

Однако данные находки монет на территории Жидеевского поселения (учитывая предварительную датировку времени гибели городища в первой половине XI в., а также несомненное продолжение жизни на поселении в XI в.), позволяет предположить, что, несмотря на имеющиеся факты сокрытия серебряных монет в последней трети X в., на руках у населения в конце X — начале XI вв. оставалось еще значительное количество обрезанных дирхемов, которые продолжали использовать для торговых операций. В связи с этим вполне естественно выглядит находка на окраине поселения клада 2003 г., который мог быть сокрыт в связи с событиями, повлекшими гибель укрепленной феодальной усадьбы (городища Жидеевка).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998. С. 183—184.

[2] Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Т. 60. Курск. С. 188; Пузикова А.И. Отчет о работах Курского отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 480. Л. 2, 3; Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9692. Л. 19.

[3] Стародубцев Г.Ю. Начало исследований городища Жидеевка // История и археология восточноевропейской деревни: Материалы I международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Выпуск I. Брянск, 2011. С. 48—54.

[4] Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X — XI в.) // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 4. Брянск, 2008. С. 46.

[5] Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983. С. 77—81.

[6] Толстой И.И. Древнейшие монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб, 1882. VII.

[7] Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский край. Научно-популярная серия в 20 томах. Т. III. Курск, 2005. С. 272—273; Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX—X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. С. 581.

Таблица на стр. 30 >

Таблица 1. Династийный состав и метрология куфических дирхемов и подражаний

№ п/п	№№ по коллекционной описи	Эмир	Халиф	Вес, г	$Д_{мин}$ x $Д_{макс}$ мм***	Дата, гг. х.	Дата, гг. н.э.	Примечание
Династия Саманидов								
1	25	Исмаил б.Ахмад	ал-Му'тадид	0,34	15,0x15,5	279-289	892-902	
2	26	Нух б.Наср	ал-Мутакфи	0,75	15,5x17,5	289-295	902-908	
3	27	Нух б.Наср	ал-Мутакфи	1,48	15,5x17,5	289-295	902-908	край обломан
4	30	Нух б.Наср	ал-Мутакфи	0,84	18,0x18,5	289-295	902-908	
5	31	Нух ...	?	0,82	17,5x19,5	?	?	
Неопределимые								
6	28	?	?	0,79	16,0x17,0	?	?	
7	29	?	?	0,23	11,5x13,0	?	?	¼ обрезанного в круг дирхема
8	32	?	?	0,76	11,0x27,5	?	?	краевой сегмент целого дирхема
Подражания								
9	22	?	?	0,87	14,5x15,0	?	?	чекан 2-х лицевых сторон
10	23	?	?	0,62	14,0x14,5	?	?	чекан 2-х лицевых сторон
11	24	нечитаемая легенда	нечитаемая легенда	0,29	13,0x13,5	?	?	края обломаны

ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЗЕЛЬСКА (к 20-летию проблемы локализации летописного города)

Г.А.Массалитина, *к.и.н., в.н.с.,*
Национальный парк Угра,
И.В.Болдин, *к.и.н., зав. отд.,*
Калужский областной краеведческий музей.

Козельск — один из городов в землях Черниговского княжества в летописи впервые упоминается под 1146 г. в связи с княжескими междоусобицами. События первой половины XIII в., связанные с походом на Русь хана Батыя, принесли городу мировую известность. В 1238 г. этот небольшой городок держал семинедельную оборону, смешав планы золотоордынского властителя. Вплоть до недавнего времени вопрос о его местонахождении не обсуждался; априори предполагалась историческая преемственность древнейшего русского города, разоренного Батыем, и современного Козельска — районного центра Калужской области. Профессиональные историки и археологи обходили эту тему своим вниманием.

Первые археологические раскопки в Козельске были проведены лишь в 1992 г. Их основная задача заключалась в выявлении и изучении остатков древнерусского Козельска. Выбор конкретного места для их проведения определялся традицией, прочно укоренившейся в краеведческой литературе еще с прошлого века. Согласно ей, упомянутые летописные события XIII в. разворачивались в той части города, где впоследствии располагалась средневековая крепость-острог (*Кавелин*, 1847. С. 144—145; *Четыркин*, 1900). Историческая часть Козельска ограничена обширной крутой петлей р. Другусны перед ее впадением в р. Жиздру и берегом последней. Один из меандров р. Другусны очень близко подходит к Жиздре, образуя узкий перешеек между руслами двух этих рек, своеобразные «ворота» в город. Здесь, на кольцевом земляном валу и стояла козельская крепость (остатки вала на некоторых участках сохранились). Указанное выше мнение разделялось и археологами А.А.Медынцевой (1960 г.) и Т.Н.Никольской (1975 г.), обследовавшими центральную часть города: они собирали подъемный материал, закладывали шурфы, предпринимали попытки реконструкции структуры и укреплений древнерусского Козельска (*Медынцева*, 1960. С. 1—16; *Никольская*, 1975. С. 22—24). Местоположением его детинца ими признавалась наиболее возвышенная часть берега р. Жиздры (внутри крепости), там, где ныне располагается городской сад и район Белевской Горки. В то же время А.А. Медынцева отмечала как особенность тот факт, что место для детинца выбрано не на мысу, а на участке берегового плато, подчеркивая, что такое местоположение характерно для более поздних русских городов.

Крупномасштабные исследования 1992 г., организованные Институтом Археологии РАН, носили комплексный характер: в работах принимали участие геофизики, геоморфологи, почвоведы. Опираясь на вышеуказанную традицию, два раскопа были заложены на территории предполагаемого детинца, два других — за оборонительным валом, поблизости от него. Общая площадь раскопов составила 164 кв.м. Кроме того, траншеей был прорезан один из сохранившихся участков вала. Результат показал полное отсутствие не только слоя, но и отдельных находок XI-XIII вв. на исследованных участках: весь полученный обширный археологический материал характеризовал средневековый (XIV—XVI вв.) и последующие этапы существования города. Таким образом, результатом работ 1992 г. стало возникновение проблемы местонахождения летописного Козельска (*Массалитина, Нигматуллин*, 2002. С. 165—167).

Следует отметить, что подобный итог не оказался большой неожиданностью для исследовательского коллектива, имеющего определенные сомнения в справедливости упомянутой выше традиции локализации древнерусского Козельска в пределах

средневековой крепости-острога. Еще в середине 80-х гг. детальное обследование топографии современного города, наблюдение за строительными земляными работами и сбор подъемного материала позволили выявить участок в пределах все того же исторического центра города, гораздо более подходящий для поисков следов городского поселения эпохи Древней Руси. Это небольшой холм между оврагами на высоком мысу близ устья р. Другусны (древнего, природного — а не современного, искусственного; устье было отведено в связи со строительством железной дороги). К пойме мыс резко обрывается и имеет очень крутой склон. Наряду с традиционной для древнерусских поселений топографией этот участок привлекателен еще и характером подъемного материала, происходящего с огородов местных жителей, среди которого — фрагменты керамики XI—XIII вв., стеклянные браслеты, шиферные пряслица. Городская улица, плавно огибающая холм, имеет весьма характерное название — ***Земляной Вал***.

В настоящее время мыс очень плотно застроен жилыми, хозяйственно-производственными и культовыми (две церкви) зданиями. Большая часть его площадки занята хлебопекарней, устроенной в одной из церквей (ц. Вознесения постройки первой четверти XVII в.). Свободного места для закладки хоть сколько-нибудь приличного по площади раскопа на мысу нет. Тем не менее, перспективность поисков следов древнего города именно здесь была настолько очевидна, что еще в ходе работ 1992 г., когда они уже близились к концу, было решено заложить разведывательный шурф в пойме, у самого подножия мыса. Расчет строился на вероятности фиксации переотложенного культурного слоя, перемещенного в результате склоновых процессов, смыва и осыпей с площадки мыса к его подножию. Внезапное прекращение финансирования работ в целом (экономические трудности 1992 г.) помешало тогда осуществить эту идею.

Стремление продолжить археологический поиск следов летописного Козельска теперь уже на совершенно конкретном, но, по объективным причинам, труднодоступном для работ участке, в 1997 г. привело все-таки к получению разрешения от властей города и администрации хлебопекарни на закладку раскопа непосредственно на территории последней. Для исследований был отведен единственный свободный от асфальтового покрытия и построек крошечный участок, где и были заложены маленький раскоп (24 кв. м) — у южного фасада церкви и шурф (4 кв.м.) — у ее апсиды. В связи с обилием подземных коммуникаций их площадь в ходе работ была сокращена соответственно до 16 кв. м и 2 кв.м. Под мощными напластованиями строительного балласта и церковного некрополя XVII—XVIII вв., на глубине 3,5—4,2 м от современной поверхности был выявлен культурный слой средневекового города мощностью около 1 м. Материалы самой нижней, придонной части как раскопа, так и шурфа суммарно датировались XIII-XIV вв. Древнерусский слой стратиграфически не выявлялся. В то же время, в культурном слое раскопа и шурфа, разрушенном перекопами разного времени, по всей толще и на разных уровнях зафиксировано небольшое количество находок, которые могут быть отнесены к эпохе Древней Руси в целом: фрагменты верхних частей круговых сосудов, стеклянных браслетов, каменный крест-«корсунчик». Детальный технологический и морфологический анализ собранной керамики позволил выделить фрагменты домонгольского времени XI-XII вв., но они были единичны. Таким образом, совокупность археологических фактов на период 1997 г. не позволяла сделать определенного заключения о существовании в пределах современного Козельска города домонгольского периода; можно было говорить лишь о наличии на холме в устье Другусны какого-то поселения в предшествующий нашествию Батыя период. Неопределенность результатов работ 1997 г. никоим образом не отменяла актуальность проблемы локализации летописного Козельска. Главным итогом работ этого этапа следует признать выявление в пределах исторической части города участка, где следовало вести целенаправленный поиск его остатков.

В силу ряда причин к решению этой задачи калужские археологи вернулись лишь в 2010 г. При планировании работ предполагалось получить согласие владельцев частных хозяйств, расположенных на мысу, на проведение раскопок на их участках. Но, несмотря на всемерную поддержку и заинтересованность в этих работах городской администрации, серьезное финансирование экспедиции 2010 г., понимания

хозяев добиться не удалось. Поэтому исследования проводились у подножия мыса, обращенного в сторону бывшего русла р. Другусны — это были работы, которым не суждено было состояться в 1992 г. На выбранных участках были заложены два шурфа. Все слои шурфа 1 содержали, в основном, современный материал, связанный с деятельностью хлебокомбината и строительством стадиона, близ которых он располагался. Среди 620 фрагментов бытовой глиняной посуды были отмечены единичные образцы сосудов средневекового времени, начиная с XIV в.

Материал же шурфа 2 с точки зрения проблемы поиска местонахождения летописного Козельска дал интересный результат. Он был заложен на том участке подножия холма, выше которого расположен вожделенный частный сектор. В нем также найдены разновременные изделия и их фрагменты (по XX в. включительно), залегающие в переотложенном состоянии. Но среди них выделяется весьма представительная и выразительная группа находок XI—XIII вв.: фрагменты круговой керамики, стеклянных браслетов, шиферное пряслице. Особенно интересными оказались результаты анализа керамического материала. Значительная часть фрагментов (более 400) среди почти 3 тысяч единиц датирована XII—XIII вв. (*Болдин, Массалитина*, 2012. С. 55—58). В целом, несмотря на неудавшуюся попытку провести исследования на самом холме в устье р. Другусны, результаты работ у его подножия в 2010 г. дали очень убедительное дополнительное подтверждение существования в центре современного Козельска остатков древнерусского города.

В 2011 г., в связи с планами нового владельца хлебокомбината восстановить церковь Вознесения, удалось получить его согласие на археологическое обследование прилегающей к зданию храма территории. Раскоп площадью 32 кв. м был заложен близ его северного фасада. Опасения столкнуться с сильно нарушенным культурным слоем или вообще с его отсутствием (на территории действовавшего хлебокомбината располагалось множество строений, включая котельную), к счастью, не подтвердились. Никаких серьезных его нарушений на площади раскопа не зафиксировано (отсутствовали даже следы кладбища), общая максимальная мощность слоя достигала 3,2 м. Еще одной большой удачей была его повышенная увлажненность, что способствовало хорошей сохранности изделий и объектов из органических материалов. Слой был стратифицирован, имел довольно сложный характер напластований. Многочисленные находки древнерусского времени встречены в 5 нижних пластах раскопа (1 м культурного слоя), включающих разные стратиграфические составляющие. Среди находок — фрагменты стеклянных браслетов (41 ед.), шиферные пряслица (7 ед.), костяной двусторонний гребень, золотостеклянные и сердоликовые бусы, калачевидное кресало, кусочки янтаря — отходы производства. Особенно показателен полученный набор круговой посуды: периодом XI в. датировано около 60 фрагментов; к XII—XIII вв. отнесено около 2,5 тысяч фрагментов. Среди керамики XI в. выделяется очень архаичная часть образцов, отнесенная к этапу освоения гончарного круга (рубеж X—XI вв.).

Результаты исследований 2011 г., проводившихся в центральной части холма в устье р. Другусны, со всей очевидностью свидетельствовали о наличии здесь остатков города XI—XIII вв. Топографическая ситуация не позволяла сомневаться в том, что речь идет о его детинце. Поскольку имеется в виду город, стертый с лица земли разгневанным ордынским ханом, следовало бы рассчитывать на археологические свидетельства уничтожения города. Явных следов погрома не обнаружено, но необходимо отметить один важный момент. В толще напластований древнерусского времени выявлен горизонт, содержащий большое число стеклянных браслетов (38 из 40 найденных экземпляров). В нижележащем слое они отсутствовали, так же, как и щепа с древесной трухой, которыми был обильно насыщен «браслетоносный» горизонт. Зафиксированная граница, связанная с резкой сменой характера культурного слоя, дает основание для самых разных предположений о причинах последней.

Место для раскопа в 2012 г. нашлось в связи с событием, радостным для жителей Козельска, но печальным для археологии города. В связи с присвоением Козельску звания «Город воинской славы» в сентябре 2011 г. его посетил президент России Д.А.Медведев. В общении с ним местные жители указали на отсутствие в городе действующей бани. Сетования козельчан президентом были услышаны, и в предельно

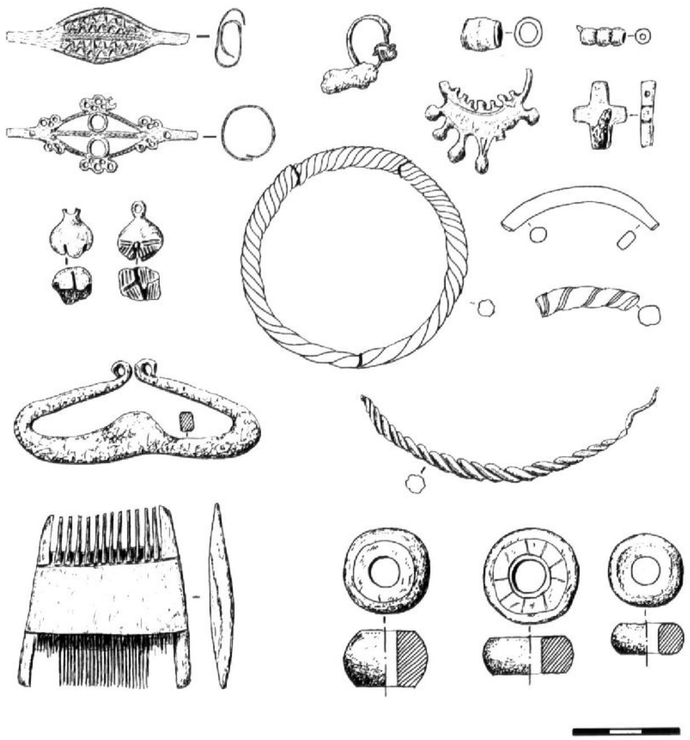


Рис. 1. Находки эпохи Древней Руси из раскопов близ устья Другусны.

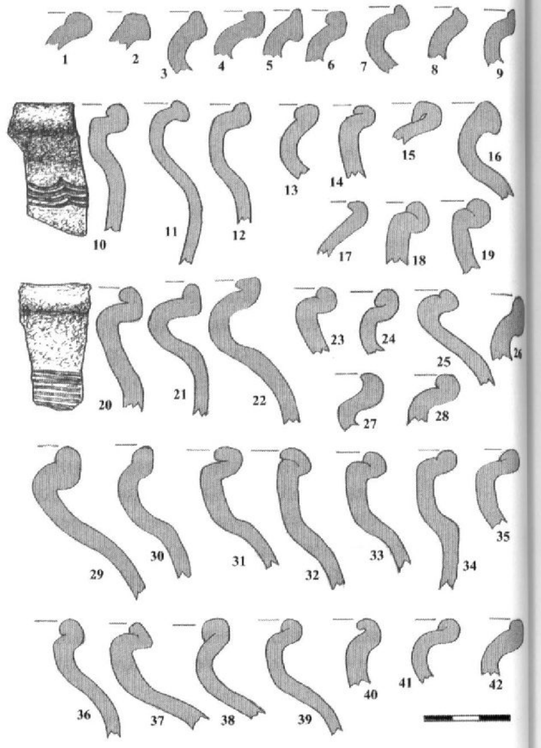


Рис. 2. Фрагменты верхних частей круговых сосудов эпохи Древней Руси из раскопов близ устья Другусны.

короткие сроки (в мае 2012 г. баня уже действовала) объект был построен — средствами и силами не местных властей и без всякого участия археологов. Авторам настоящей статьи об этом стало известно на этапе, когда фундамент будущего строения был уже поставлен. При осмотре стенок котлована в феврале 2012 г. отчетливо читался культурный слой со следами объектов. Фрагменты керамики и отдельные находки свидетельствовали, что слой содержит, в том числе, материалы эпохи Древней Руси.

Долгожданную баню возвели в пределах исторической части города, на той же улице Земляной Вал, к югу от холма, где велись работы прежних лет, за окружавшим его некогда оврагом. Вблизи нее при осмотре обнаружился участок с хорошо спланированной строителями поверхностью (площадка бывшего детского сада), где еще продолжались работы по благоустройству банной территории). Мощность сохранившейся части культурного слоя, наблюдаемого в стенках котлована, достигала более 1 м.

Раскоп (6 х 4 м) на этой площадке был заложен таким образом, что восточная его стенка находилась у начала крутого склона к р. Жиздре; южная — близ ул. Белевская Горка. Название дано по старой дороге Козельск — Белев, начинавшейся здесь. Сама же улица, круто спускающаяся к р. Жиздре, проложена по древнему оврагу, ограничивающему с севера средневековую крепость Козельска. Один из сохранившихся участков оборонительного вала находится именно здесь, его подножие граничит с проезжей частью улицы (отсюда — «***Горка***»). Заложенный раскоп находился в 35—40 м от подножия вала.

Основную часть полученного в ходе раскопок материала составили находки эпохи Древней Руси (значительная часть средневекового слоя уничтожена при строительстве банного комплекса). К обычным уже для прежних раскопов стеклянным браслетам, шиферным пряслицам, характерным фрагментам круговой посуды добавились

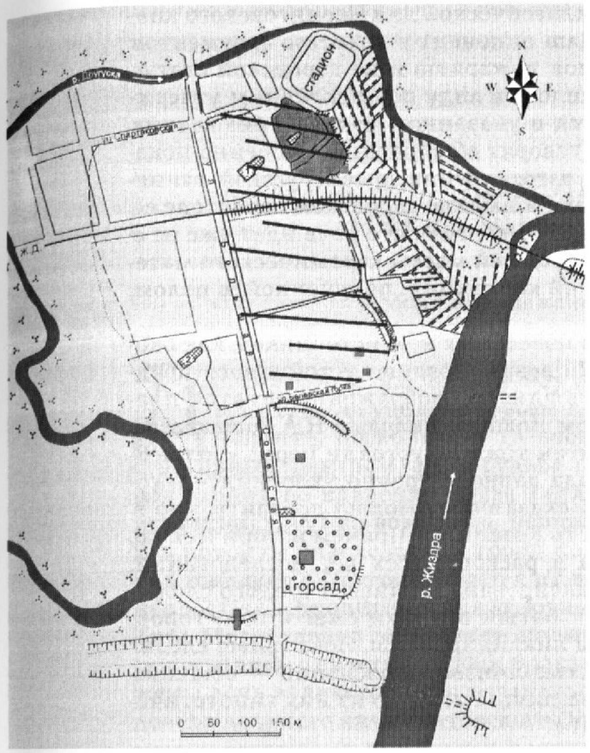


Рис. 3. Археологически зафиксированный культурный слой с материалами эпохи Древней Руси (показан штриховкой) в исторической части Козельска.

находки семилопастных височных колец (как самого раннего, так и наиболее позднего вариантов), более десятка бронзовых и серебряных перстней, преимущественно широкосерединных ажурных, фрагменты бронзовых пластинчатых браслетов, узелковая бусинная серьга, каменный крест-«корсунчик».

Результаты работ 2012 г. имеют весьма важное значение для изучения древнерусского Козельска. Раскоп, уточним, располагался к югу от оврага, окружавшего холм в устье р. Другусны — место детинца. Нет сомнения, что он пришелся на территорию городского посада. С другой стороны, он находился близ вала средневековой крепости, к северу от его подножия. Работами 1992 г., напомним, выявлено полное отсутствие древнерусских материалов на территории крепости, окруженной этим валом. Можно утверждать, что нам удалось зафиксировать южную границу древнерусского города — его посада. Граница имела естественный характер — древний овраг. Таким образом, итоги работ 2012 г. кладут начало принципиально новому этапу исследований: выявлению и изучению городской структуры и топографии древнерусского Козельска.

Подводя общий итог 20-летних археологических работ по поиску остатков летописного Козельска, нельзя не упомянуть обстоятельную монографию 2005 г. по археологии Козельска и его округи (включая обширную территорию всего Мещовского ополья) разных хронологических этапов (*Нигматуллин* и др., 2005). В ней, в том числе, детально рассматривались материалы раскопок 1992 и 1997 гг. Какая-либо координация и согласованность в действиях авторского коллектива в работе над этим изданием отсутствовала (не было даже принятой для коллективных монографий обсуждения общей концепции), каждый исследователь работал над своим разделом автономно. В итоге автор главы о раскопках Козельска сделал вывод о том, что, поскольку остатки Козельска древнерусского в ходе работ не найдены, искать их следует не в современном районном центре Калужской области с одноименным названием, и даже не в его ближайшей округе, а где-то на Оке (без каких-либо пояснений) (*Нигматуллин* и др., 2005. С. 142). Проблема местоположения летописного Козельска, таким образом, приобретала совсем неожиданный оборот.

Вывод об отсутствии древнерусского города в мысовой части Козельска, сделанный на основании материалов всего двух шурфов, культурный слой в которых, к тому же, почти полностью переработан в последующее время, представляется более чем преждевременным. Удивительно, что он появился после того, когда, дополнительно к уже существующим данным, в ходе раскопок были получены веские свидетельства существования на холме в устье Другусны некоего поселения древнерусского времени. Вместо попыток найти возможности обстоятельного исследования этого участка, автор предложил вести поиск в более отдаленных местах. Почему именно на Оке?

Авторы настоящей статьи (одновременно — авторы указанной монографии и приложения к ней) продолжали утверждать, что возможности поиска летописного Козельска в Козельске на Жиздре не исчерпаны (*Массалитина, Болдин*, 2008. С. 13—16). Работы 2010—2012 гг. были, собственно, реакцией на этот опубликованный, повторимся — скороспелый и странный вывод. Их итоги убедительно свидетельствуют

о наличии в Козельске древнерусского города с классической для Черниговского княжества топографией и структурой (рис. 1—3). Наш оппонент в качестве аргументов для своего вывода называл факт отсутствия слоя пожарища и не городской статус выявленного древнерусского поселения. Что имелось в виду под последним утверждением — понять сложно, оно также приводится в указанном издании без всяких пояснений. Материалы раскопок 2010—2012 гг. говорят об обратном. Особенно показателен в этом отношении анализ технологии изготовления древнерусской глиняной посуды, свидетельствующий о высоком уровне и именно городском характере ее производства (*Болдин, Массалитина*, 2012. С. 55—58). Добавим, что речь идет уже не о нескольких десятках фрагментов, выделенных из общей массы керамического материала в 1992 и 1997 гг., а о более чем 4,5 тысячной коллекции, полученной, в целом, также на небольшой площади (72 кв. м).

Что касается слоя пожарища — ни в одном из известных нам источников, как оказалось, не говорится о сожжении Козельска. На возникновение устойчивого представления о городе, гибнущем в огне, видимо, повлияло изображение объятой пламенем Козельской крепости на монументальном полотне-диараме Н.А.Рощектаева «Оборона Козельска 1238 г.». Авторы данной статьи тоже не устояли перед «волшебной силой искусства»: образ полыхающего города давно и прочно укоренился в сознании и попал на страницы ряда их статей. К сказанному можно добавить, что в 1777 г. страшный пожар уничтожил большую часть Козельска. Причем историческую, ту, где располагались археологические шурфы и раскопы всех лет исследований. Ни в одном из них в верхних горизонтах не зафиксировано мощного горелого слоя — свидетеля тотальной катастрофы. Если в 1238 г. Батый все-таки сжег «злой» город, остатки пожара могли быть также впоследствии ликвидированы. Локальные следы горения — сгоревшее дерево, зола, пепел, углистые линзы и прослойки — обычное дело для многих участков культурного слоя Козельска. Какие-то из них гипотетически могут быть отождествлены с событиями XIII в.

Вопросы — а была ли семинедельная оборона, как могли защитники городка продержаться так долго, тот ли это Козельск — возникали и будут возникать. Не имея на сегодняшний день веских, не вызывающих сомнения доводов, что летописные события 1238 г. происходили где-то на Оке (Десне, Угре, Волге и т.д.) мы придерживаемся традиционной точки зрения, локализуя их в Козельске на Жиздре. Убедившись в результате археологических работ последних лет в существовании здесь остатков древнерусского города, свою дальнейшую задачу мы видим в выявлении и детальном изучении его структуры и топографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Болдин И.В., Массалитина Г.А. 2012. Археологические работы на территории г. Козельса в 2010 г. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга.

Кавелин Л. 1847. Историческое описание Введенской Оптиной пустыни. М.

Массалитина Г.А., Нигматуллин Р.А. 2002. Поиски местонахождения летописного Козельска // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья». Вып. 2. Брянск. 2002. С. 165—167

Массалитина Г.А., Болдин И.В. 2008. Еще раз к вопросу о местонахождении летописного Козельска // Прблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Козельск.

Медынцева А.А. 1960. Отчет об археологической разведке в г. Козельске, произведенной весной 1960 г. // Архив ИА, Р-1, № 2148.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. 2005. Древний

Козельск и его округа // Труды отдела охранных раскопок. Т. 4. М.

Никольская Т.Н. 1975. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в Калужской области // Архив ИА, Р-1, № 5661.

Четыркин И.Д. 1900. Археологические находки на южной стороне древнего городища в г. Козельске // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 1900 г.

КОЗЕЛЬСК В XV ВЕКЕ: ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Р.А.Беспалов,

Избирательная комиссия Тульской области (г. Белев).

До сих пор в научной и научно-популярной литературе истории Козельска в XV в. было уделено совсем немного внимания[1]. Этот пробел необходимо восполнить, поскольку в то время Козельск был довольно значимым административным центром, а его судьба по-своему уникальна. Еще в середине XIV в. город входил по владения князя Тита Мстиславича Козельского, который в поздних источниках XVI в., возможно, неоправданно был назван «***князем карачевским***»[2]. Его потомки унаследовали город Козельск с его волостьми, Перемышль, Мосальск, ряд городков в Поугорье, Елец с их волостьми, а также, возможно, Хотетов[3]. Чтобы в непростых геополитических условиях сохранить самостоятельность, потомки князя Тита Мстиславича заключали политические союзы, которые в отдельных случаях скреплялись династическими браками. Так, князь Иван Титович Козельский взял в жены дочь великого князя рязанского Олега, а князь Святослав Титович женился на дочери великого князя литовского Ольгерда[4]. Когда на рубеже XIV—XV вв. отношения между соседними крупными державами обострились, внутренний клановый союз козельских родичей распался.

К концу XIV в. князь Олег Рязанский сплотил вокруг себя прочную коалицию. В частности, в нее входили его зятья: князь Юрий Смоленский и князь Иван Козельский. В начале XV в. вместе они пыталась отстоять права князя Юрия на Смоленск, на который, в свою очередь, претендовала Литва[5]. После смерти князя Олега Рязанского († 5.07.1402 г.) Смоленск сопротивлялся недолго. 26 июня 1404 г. он был взят литовскими войсками, а князь Юрий бежал в Великий Новгород[6]. Так козельский князь потерял сильных союзников, и его положение осложнилось. Потомки князя Святослава Титовича по матери были литовских кровей и при поддержке Литвы тоже могли бы претендовать на Козельск. Владельцам Козельского удела пришлось искать опору среди других родичей. К началу XV в. наследник рязанского престола князь Федор Ольгович был женат на родной сестре великого князя московского Василия I. На дочери князя Федора Рязанского был женат старший сын князя Владимира Серпуховского — Иван[7]. В этой связи интересно, что не позднее 20 июля 1404 г. в результате какого-то соглашения Козельск перешел под власть Василия I[8], но был передан «в вудел и в вотчину» князю Владимиру Серпуховскому. Тот же благословил своего сына Ивана и дал ему «кн(я)зя великог(о) удела Васил(ь)я Дмитреевич(а) Козелескъ со всеми пошлинами»[9]. Козельская волость Людимльск (Людимеск)[10] была пожалована Василием I некоему князю Ивану (по мнению А.Б.Мазурова — Ивану Борисовичу Нижегородскому), а серпуховские князья обязались в нее не вступаться. Из Серпуховского удела Василий I вернул себе город Ржеву. В 1408 г. в нем была срублена новая крепость, в которой воеводой был назначен князь Юрий Иванович Козельский (Елецкий)[11]. В результате этого обмена Василий I на законных основаниях получил верховную власть над Козельском, но не право землевладения в нем. Фактически Козельский удел сохранился в руках семейного клана, который приобрел гарантии московской защиты от внешних угроз. По договору 1404 г. Василий I во внешних сношениях должен был отстаивать права серпуховских князей на Козельск. По мнению А.А.Горского, Василий I мог получить ярлык на Козельск у хана Шадибека, который был противником великого князя литовского Витовта[12], впрочем, таких сведений в источниках не имеется.

В результате развернувшегося литовско-московского противостояния в верховьях Оки, в конце июня 1406 г. в Козельске были посажены литовские посадники[13]. При этом о сколько-нибудь значимых военных действиях в Козельске в источниках не говорится. По всей видимости, большую роль в его управлении сохраняли за собой местные бояре, которые под давлением Литвы могли временно склониться на ее сторону и тем самым сохранить свой город в неприкосновенности[14]. Переговоры между Василием I и Витовтом о принадлежности Козельска, должно быть, велись в начале сентября 1408 г. на Угре[15]. В конце XV в. сохранялась их договорная грамота, по которой Козельск со всеми козельскими местами был закреплен за Москвой[16]. Вскоре князь Владимир Серпуховский составил духовную грамоту, по которой можно судить, что Козельск сохранился за его старшим сыном — князем Иваном[17].

Как свидетельствуют следующие источники, фактически под началом князя Ивана Серпуховского Козельском могли управлять представители козельского княжеского дома. После смерти князя Ивана Серпуховского († 7.10.1422 г.) у Козельска сменился владелец. В это время на московской службе находились потомки князя Ивана Федоровича Шóнура Козельского. Его сыновья Константин и Роман сложили с себя княжение и были боярами у князя Владимира Серпуховского († 14.05.1410 г.); внук — Матвей Романович Шóнуров служил Василию I и получил от него Козельск. Причем великий князь отдал Матвея Шóнурова в бояре князю Василию Серпуховскому († 5.11.1426 г.). Затем в результате чумы 1425—1426 гг. единственным наследником серпуховского княжения остался еще несовершеннолетний князь Василий Ярославич. Видимо в этой связи Матвей Шóнуров был выведен из подчинения серпуховскому роду и стал служить (вероятно, вместе с Козельском) князю Константину Дмитриевичу[18]. Под конец жизни последнего к 1433 г. Козельск перешел в состав владений великого князя московского Василия II[19].

На основании поздней записи в посольских книгах с большой долей уверенности можно предположить существование договора о мире между Василием II и великим князем литовским Сигизмундом (около 1437—1440 гг.), по которому Козельск принадлежал Москве[20]. Казалось, что город с волостьми уже прочно вошел в состав Великого княжества Московского, но судьба распорядилась иначе. В начале 1445 г. порубежные московские города, в том числе и Козельск, подверглись нападению литовских войск[21]. В июне того же года Василий II передал Козельск в вотчину князю Ивану Андреевичу Можайскому[22]. 7 июля в битве с татарами под Суздалем Василий II попал в плен. Во время его отсутствия князь Иван Можайский склонился на сторону князя Дмитрия Шемяки, который попытался завладеть великим московским княжением. Когда Василий II вернулся из плена, вспыхнула борьба за московский престол. Мятежники потерпели поражение и вынуждены были подчиниться великому князю[23]. Как проигравшая сторона, князь Иван Можайский пошел на ряд уступок, в том числе в июне 1447 г. обещал передать Козельск Василию II[24]. Это обязательство было формально закреплено заключением договорной грамоты в сентябре того же года[25]. Реальная же власть великого князя в Козельске так и не установилась. Достигнутое перемирие не давало можайскому князю гарантий полной безопасности. Поддержку пришлось искать на стороне. В это время его тесть князь Федор Львович Воротынский находился на литовской службе[26]. В результате заговора, направленного против Василия II, князь Иван Андреевич отступился от Козельска в пользу Великого княжества Литовского. 5 февраля 1448 г. король Казимир IV обещал можайскому князю помощь, а Козельск передал князю Федору Воротынскому в наместничество[27].

31 августа 1449 г. между Василием II и Казимиром IV был заключен договор о вечном перемирии[28]. Перемирие требовалось в связи со сложной политической обстановкой внутри обоих государств, а также с нависшей над ними угрозой со стороны нового хана Сеид-Ахмеда. Василий II и Казимир IV обязались прекратить вражду между собой и согласованно действовать против общих врагов. Однако у них, по всей видимости, сохранились взаимные территориальные притязания, которые не позволяли им достичь договора о мире. В частности, не было определено, кому должен принадлежать Козельск. Вероятно, тогда же была заключена «грамота особная о Козелску», по которой город предназначался «на обыск» — куда он из старины был, туда ему и быть[29]. Очевидно, Василий II рассчитывал подтвердить свои прежние права на

Козельск, но сделать этого не удалось, и Литва удержала город за собой. В 1473/74 гг. король Казимир IV получил ярлык на «Kozielsko... z ziemiami, wodami i ze wszystkiemi pożytkami» от крымского хана Менгли-Гирея[30].

Осенью 1480 г. регион Верхнего Поочья постигло разорение от татар. Король Казимир IV обещал хану Большой Орды Ахмату военную поддержку против великого князя московского Ивана III[31]. По всей видимости, согласно литовско-ордынским договоренностям князь Федор Львович Воротынский выступал на стороне хана Ахмата и провел его на реку Угру, где должна была состояться переправа татар на московский берег[32]. Однако накануне Иван III вступил в союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, который с юга напал на Великое княжество Литовское. Войска Казимира IV были отвлечены и не пришли на помощь хану Ахмату. Татары Большой Орды были вынуждены отступить. Свой гнев они обратили на местное население. Согласно сведениям Вологодско-Пермской летописи, составленным в 1499 г., Козельск и другие города Верхнего Поочья не пострадали, но были разорены их волости[33].

С 1448 г. князь Федор Львович Воротынский управлял Козельском в качестве наместника и был жив еще осенью 1480 г. ***«коли царь*** (Ахмат. — *Р.Б.*) ***был на Угре»***[34]. Гипотетически к 1480 г. он вполне мог быть смещен с Козельска. Однако, с другой стороны, видимых причин для этого нет, напротив, он пользовался большим доверием короля. После 1480 г. его литовские пожалования продолжали увеличиваться[35]. Князь Федор Львович умер к началу 1483 г., а возможно еще до осени 1482 г.[36] В 1482 г. московской дипломатии вновь удалось добиться военной помощи от хана Менгли-Гирея. В сентябре этого года крымские войска внезапно напали на Киев и киевские города[37]. Для обороны Киевской земли Казимир IV послал большое войско. Позже киевляне вспоминали, что вместе с прочими литовскими воеводами в Киеве были: «kniaz Odojewski», «kniaz Worotyński», а также «kniaz Kozielski»[38]. К тому времени природных козельских князей уже давно не существовало. Поэтому следует полагать, что козельским наместником был представитель какой-то иной княжеской династии. Не исключено, что это был кто-то из наследников князя Федора Львовича Воротынского. Вряд ли он мог получить Козельск до возобновления литовско-воротынского докончания (10 апреля 1483 г.). Но после 10 апреля следовало ожидать, что воротынские князья станут переоформлять свои права на литовские «пожалования», а также будут претендовать на административную должность козельского наместника.

В реестре актов архива Радзивиллов под 6996 (1488) г. сохранилась запись: «List kniazia Dmitra Worotyńskiego ktorym się zapisuię z zamkiem Kozielskim onemu danym krolowi Kazimierzowi do Litwy dany w Wilnie dnia 12 marca z piecięcią małą wiszącą»[39]. Очевидно в 1483 г. козельским наместником был не князь Дмитрий Федорович Воротынский (старший в роду воротынских князей), иначе ему бы не пришлось повторно вступать в эту должность в 1488 г. Возможно, Козельск был передан в управление князю Ивану Михайловичу Воротынскому (Перемышльскому). Он был сыном покойного князя Михаила Федоровича Воротынского († 1473—1477 гг.)[40] и племянником князя Дмитрия Федоровича. Если это предположение верно, то из-за Козельска у князя Ивана Михайловича могли возникнуть разногласия с князем Дмитрием Федоровичем. До августа 1487 г. князь Иван Михайлович перешел на московскую службу (возможно, был вытеснен своим дядей)[41], после чего на козельское наместничество стал претендовать князь Дмитрий Воротынский, и официально получил его 12 марта 1488 г.

Во второй половине 1480-х гг. в Верхнем Поочье между Москвой и Литвой шла порубежная война. Князь Дмитрий Воротынский честно исполнял свою службу Литве и упорно сопротивлялся московским войскам. Но к декабрю 1489 г. он был вынужден подчиниться Ивану III[42]. Перейдя на московскую службу, князь Дмитрий Федорович сохранил власть над Козельском, и фактически город оказался под верховной властью Москвы. По этому поводу, король Казимир IV через своих послов заявил протест. Он указал, что московские люди не должны вступаться в Козельск, на который есть «особная грамота», то есть договор Казимира IV с Василием II середины XV в. В ответ Иван III предъявил более ранние московско-литовские договорные грамоты. Из них следовало, что по прежнему соглашению сторон Козельск со всеми козельскими местами должен принадлежать Москве. Литовским послам были даны

разъяснения, что по той «особной грамоте» город предназначался «на обыск», и сторона, проигравшая в этом споре, должна была отступиться от Козельска «по старине»: ***«а восе та грамота особная о Козельску»***[43]. Интересно, что по многим другим спорным вопросам литовско-московские переговоры продолжались годами. Но по поводу Козельска аргументы московской стороны, видимо, были настолько убедительны, что никаких возражений от Литвы больше не последовало.

В развернувшейся войне Великое княжество Литовское терпело поражение и теряло инициативу на дипломатическом поприще. Великий князь литовский Александр вынужден был просить мира у Ивана III. В ноябре 1493 г. был составлен наказ литовским послам о том, как им вести переговоры о мире с московской стороной. В частности, выдвигались требования, чтобы Иван III отступился от Твери, но если он того не пожелает, то взамен пусть отдаст Козельск, а также вотчины князей мезецких (мищовских) и князя хлепенского[44]. Однако на переговорах 23 января 1494 г. литовская сторона сама отказалась от притязаний на Тверь, а требования о Козельске так и не выдвигались[45]. 5 февраля был заключен договор о мире, по которому Козельск со всеми козельскими местами впредь должен был принадлежать Москве[46].

Необходимо особо подчеркнуть, что в XV в. непосредственная власть великих московских и великих литовских князей над Козельском была явлением редким и непродолжительным. В основном она делегировалась местным князьям, которые в своих владениях обладали большой долей самостоятельности. Случалось, что в периоды ослабления великокняжеской (московской или литовской) власти в регионе, местные князья распоряжались Козельском независимо от воли того или иного великого князя. В результате таких событий в середине XV в. Козельск вышел из состава Великого княжества Московского и был передан Литве. В конце того же столетия напротив — отошел от Великого княжества Литовского к Москве.

В конце XV в. власть князя Дмитрия Воротынского на московской службе не была ущемлена, и он сохранил за собой козельское наместничество[47]. Около 1498—1499 гг. князь Дмитрий умер[48]. К августу 1499 г. козельским наместником был уже великокняжеский воевода Петр Михайлович Плещеев[49]. В начале XVI в. результате новой войны с Литвой граница была отодвинута далеко на запад[50]. К этому времени Иван III стал называться «***государем всея Руси***». Так Козельск окончательно вошел в состав единого Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Горский А.А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII—XV в. М., 2010. С. 124—126; То же: Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 160—162; Шеков А.В. О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом руским, далним и ближним» // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 130—132; Евгин А. В. История города Козельска. Статьи разных лет. М., 2006. С. 83—97; Доклад об истории Козельска в XV в. был зачитан мной в октябре 2009 г. на конференции «Козельский край. История. Культура. Духовность. Природа». Затем за истекшие три с половиной года материалы конференции так и не были изданы, но за это время мой доклад не потерял актуальности и представлен здесь в доработанном виде.

[2] Согласно источникам, восходящим к летописному своду начала XV в., местные князья Тит Мстиславич и Андрей Мстиславич носили титул «князей козельских» (Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 52; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 92, 104). Потомки князя Андрея Мстиславича владели южной частью родовой вотчины: Карачевом, Хотимлем и Звенигородом. В 1408 г. они выехали на московскую службу. Именно их родословная роспись в XVI в. легла в основу генеалогии так называемых «карачевских князей» (Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 39—44, 74—75). В этой росписи старшая козельская ветвь Мстиславичей была отодвинута на второй план. Первоначально в родословцах князь Тит Мстиславич указывался без титула, но в более поздних списках тоже приобрел титул «князя карачевского» (Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / Подг. З.Н.Бочкарева, М.Е.Бычкова. М., 1977. С. 41—42, 112; Родословная книга по трем спискам с предисловием и азбучным указателем // Временник Императорскаго общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 68—70, 155—156, 200—201, 243—245; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М., 1785. С. 185—200).

[3] См., например: Беспалов Р.А. К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2010. С. 40—51.

[4] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11. М., 2000 (далее — ПСРЛ. Т. 11). С. 26.

[5] ПСРЛ. Т. 11. С. 184, 185—186.

[6] Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л, 1949 (далее — ПСРЛ. Т. 25). С. 232.

[7] ПСРЛ. Т. 25. С. 213, 231.

[8] С.А.Фетищев убедительно показал, что известное докончание великого князя московского Василия I с князем Владимиром Серпуховским следует датировать периодом с января по 20 июля 1404 г., либо с 1 января по май 1406 г., когда митрополит Киприан находился в Москве и поставил свою подпись под грамотой (Фетищев С.А. К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXV. СПб., 1994. С. 66—69). А.А.Горский склонился к первому периоду датировки (Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 118). Установление предположительной связи грамоты со смоленскими событиями позволяет сузить ее датировку со времени стояния Витовта под Смоленском в июне, до 20 июля 1404 г., когда митрополит Киприан отъехал из Москвы.

[9] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). №16. С. 43—44; №17. С. 47.

[10] О локализации Людимльска (Гришово тож) на правой стороне р. Березуй см.: Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902. С. 23—24.

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 237; Вероятно, именно этот «княз(ь) Юрьи Иванович» назван в числе бояр при составлении духовной грамоты Василия I в 1406 г. Также его можно сопоставить с князем Юрием Елецким, встречавшем митрополита Пимена в 1389 г. (ДДГ. №20. С. 57; О датировке грамоты см.: Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958. С. 291—292; Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 277).

[12] Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 124—125.

[13] Событие датируется на основании сообщения Тверской летописи и письма Витовта от 4 июля 1406 г. (Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 472; Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376—1430 / Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6. Crakoviae, 1882. №369. S. 150). По мнению А.А.Горского, с этого времени более двадцати лет Козельск сохранялся за Великим княжеством Литовским, поскольку до 1433 г. он больше не упоминался в духовных и договорных грамотах великих московских князей (Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 125). Однако причиной тому могло быть нахождение Козельска в составе московских уделов, грамоты которых не сохранились.

[14] Еще и в середине XV в. козельские бояре имели большие привилегии. В частности, могли напрямую обращаться к великому князю минуя своего наместника (ДДГ. №49. С. 149; Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427—1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Egidijus Banionis. Vilnius, 1993 (далее — LM. Kn. 5). №131. P. 248).

[15] ПСРЛ. Т. 25. С. 237—238; Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975 (далее — ПСРЛ. Т. 32). М., 1975. С. 149—150.

[16] Памятники дипломатических сношений Московскаго государства с Польско-Литовским. Т. I. (С 1487 по 1533 год). // Сборник императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 35. СПб., 1892 (далее — СИРИО. Т. 35). С. 51.

[17] ДДГ. №17. С. 47; А.Б.Мазуров привел основательные аргументы в пользу того, что известная духовная грамота князя Владимира Серпуховского была составлена не ранее нашествия Едыгея, то есть не ранее осени-зимы 1408 г. (Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М., 2008. С. 226—232).

[18] В публикации Н.П.Лихачева: «а после князя Василья, жилъ у князя Константина Дмитриевича въ боярахъ». Здесь, вероятно, не учтено сокращение: «(слу)жилъ... въ боярахъ» (Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт историческаго изследования. СПб., 1888. С. 433—437).

[19] ДДГ. №27. С. 70; №30. С. 76.

[20] В июне 1490 г. Иван III указывал Казимиру IV на прежние грамоты великих князей московских и великих князей литовских, по которым Козельск принадлежал Москве (СИРИО. Т. 35. С. 51). Следовательно, первая грамота с упоминанием Козельска была заключена между Василием I и Витовтом. Далее Свидригайло был внешним политическим противником Василия II. Поэтому вторая грамота могла быть заключена только между Сигизмундом и Василием II. Активная внешнеполитическая деятельность Сигизмунда развернулась после его победы над Свидригайлом 1435 г.: зимой 1436/37 г. мир с Сигизмундом заключили новгородцы, также известно о докончании Сигизмунда с великим князем Борисом Тверским (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 419; ДДГ. №37. С. 106).

[21] Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. М., 2001 (далее — ПСРЛ. Т. 8). С. 111—112; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 151. ПСРЛ. Т. 32. С. 159.

[22] ДДГ. №41. С. 122; О датировке грамоты см.: Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 306—307.

[23] Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России в XV в. М., 1991. С. 101—125.

[24] ДДГ. №46. С. 141; О датировке грамоты см.: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 310—311.

[25] ДДГ. №48. С. 147.

[26] ДДГ. №39. С. 117—118.

[27] LM. Kn. 5. №131, 132. P. 248-248; ДДГ. №49, 50. С. 149-150; Грамоты, в которых отражено это событие, сохранились как на русском, так и на латинском языке (Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 1. Pr. 2. / Collectus opera Augusti Sokołowski, Josephi Szujski // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 2. Crakoviae, 1876. №27, 28. S. 35—36).

[28] LM. Kn. 5. №78.1, 136. P. 131-133, 251-254; ДДГ. №53. С. 160—163.

[29] СИРИО. Т. 35. С. 119—120.

[30] Известный ярлык Менгли-Гирея датирован: «po śmierci Mahometowéj 878 r. od narodzenia Chrystusowego r. 1472» (Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3: Dzieje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra.Warszawa, 1848. S. 232—233). Датировка от рождества Христова не соответствуют году хиджры. Судя по крымской датировке, ярлык мог быть выдан в период с 28 мая 1473 г. по 16 мая 1474 г.

[31] ПСРЛ. Т. 25. С. 327—328.

[32] Согласно Софийской II летописи, «знахари ведяху его (хана Ахмата — Р.Б.) ко Угре реце на броды» (Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 291—294). Очевидно, под «знахарями» имеются в виду местные проводники, которые действовали с ведома своих господ — местных князей и воевод. Подробнее о содействии воротынских бояр хану Ахмату см.: Беспалов Р.А. Воротынское княжество в XV веке и локализация Воротынска «старого» и «нового» в 1499 году // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции 5—7 апреля 2011 г. Калуга, 2012. С. 73; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI вв. М., 2012. С. 173—174.

[33] Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л, 1959. С. 273—274.

[34] СИРИО. Т. 35. С. 136.

[35] СИРИО. Т. 35. С. 136.

[36] Возможно, именно во время похода литовских войск для обороны Киевской земли имя князя Федора Воротынского было внесено в синодик Киево-Печерской лавры (Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Приложение. С. 31).

[37] Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 196—198.

[38] Каманин И.[М.] Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. Вып. 2. Киев, 1916. С. 6.

[39] Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie, rps 817. S. 215; Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. T. 9. 1931. S. 8—9, 17; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377—1499. Warszawa, 1930. S. 392.

[40] Свидетельство о весьма неблаговидной смерти князя Михаила Федоровича сохранилось в Волоколамском патерике. Она наступила после пришествия хана Ахмата к Алексину, но до смерти Пафнутия Боровского (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 99—100, 204—205).

[41] СИРИО. Т. 35. С. 5.

[42] СИРИО. Т. 35. С. 21, 39—40.

[43] СИРИО. Т. 35. С. 48, 51, 119—120.

[44] LM. Kn. 5. №27.3. P. 79.

[45] СИРИО. Т. 35. С. 111—122.

[46] СИРИО. Т. 35. С. 126, 130; ДДГ. №83. С. 330; LM. Kn. 5. №72.8. P. 135.

[47] Согласно посольским книгам, к началу 1494 г. князь Дмитрий Воротынский имел власть над волостьми, которые «потянули к Козельску» (СИРИО. Т. 35. С. 136—137).

[48] В последний раз князь Дмитрий Воротынский упоминается в живых в марте 1498 г. (СИРИО. Т. 35. С. 230—231, 247, 249).

[49] СИРИО. Т. 35. С. 282-283, 287; ПСРЛ. Т. 8. С. 237; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. / Под. ред. В.И.Буганова. Сост. Н. Г. Савич. М., 1977. С. 60.

[50] Базилевич К.В. Внешняя политика... С. 518—521.

ДОРОГА ИЗ СМОЛЕНСКА В СУЗДАЛЬ ЧЕРЕЗ УГРУ И ПРОТВУ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (археологический контекст)

Б.Е.Янишевский, *к.и.н.,*
Институт археологии РАН.

Дороги всегда имели для человечества первостепенное значение — по ним происходили торговые, культурные и другие контакты между племенами. Особенное значение приобретают дороги с появлением государства: по дорогам происходило перемещение войск, налогов (дани), купцов и товаров, почты и т.д. Развитые государства специально прокладывали дороги для более удобных коммуникаций, яркие примеры — римские дороги и дороги инков, сохранившиеся до сих пор. В лесной зоне дорогами первоначально являлись реки, по которым двигались на больших или малых лодках. Между бассейнами крупных рек устраивались волоки, по которым было удобно перетаскивать лодки и товары. Волок обычно маркируется поселениями, приуроченными к обоим его концам. Именно поселения (в том числе и укрепленные) и связанные с ними могильники обозначают дороги древности. До позднего средневековья все поселения Русской равнины тяготели к рекам, которые кроме источника воды предоставляли и возможности коммуникаций. Точную трассу дороги можно определить по кладам, которые также служат для датировки дорог.

Особенно много кладов монет т.н. «эпохи викингов» VIII—XI вв. Расположение кладов указывает на направление, а количество кладов показывает направление наиболее интенсивного движения купцов. В лесной зоне наиболее известны Балтийско-Днепровский путь (или «путь из варяг в греки») и Балтийско-Волжский путь, проходивший от Балтики до города Булгар на Волге. Причем, если Днепровский путь определяется почти без вариантов, по крайней мере, по основным рекам (*Леонтьев, Носов*, 2012, с. 394), то Волжский путь насчитывает несколько вариантов, напр., Белозерский, Селигерский (*там же*, с. 395).

Древнерусское государство кроме Киева и Новгорода имело и другие центры, среди которых Ростов, Муром, Смоленск, Белоозеро, Изборск. Происхождение этих городов не входит в задачи данной статьи, однако надо отметить, что все они уже существовали ко времени образования Древнерусского государства как племенные центры. Однако, особенная нужда в непосредственном сообщении между этими, а также вновь возникшими городами, появилась только с появлением государственного образования, для которого связность была жизненной необходимостью.

Освоение и расширение территории Древнерусского государства, не везде связанной речной сетью, потребовало создания сети сухопутных дорог. Конечно, большая часть сухопутных дорог проходила опять же вдоль рек, однако, реки в данном случае, играли второстепенную роль — как направление пути. Надо отметить, что такие древнейшие русские центры, как Изборск, Ростов, Суздаль стоят на очень маленьких реках, которые малопригодны для судоходства. Существование сухопутной дороги из Киева в Булгар на Волге признается многими исследователями (*Петрухин*, 2011, с. 60—63; *Леонтьев, Носов*, 2012, с. 397, рис. 4). К XII в. сухопутные дороги получили такое распространение, что в одном направлении могло быть несколько вариантов пути. Известен случай, когда в 1176 г. две противоборствующие рати «минустася в лесех» между Москвой и Владимиром, то есть, разминулись (ПСРЛ. Т. 1. 1926—1928. Стб. 375).

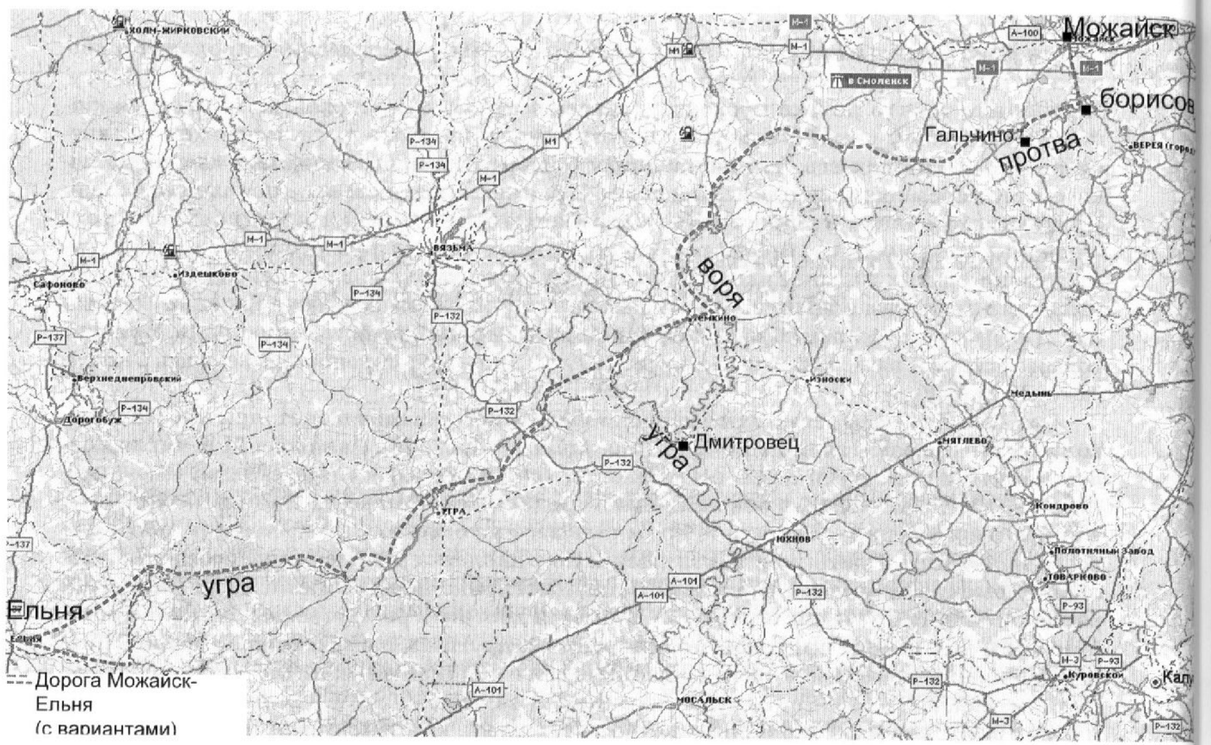
* * *

Одной из немногих крупных рек Русской равнины, русло которых проходит в широтном направлении, является р. Ока. Направление течения и впадение ее в Волгу определило то, что по Оке проходил торговый путь из Поволжья на запад и наоборот. Мы не знаем самой ранней даты возникновения этого пути, но можно вполне уверенно предположить, что еще в эпоху бронзы Ока использовалась как путь, по которому перемещались племена и вещи. В раннем железном веке появление вещей Прикамского облика на просторах Волго-Окского междуречья происходило, в том числе, по окскому пути. В 4—7 вв. н.э. на берегах Оки возникли поселения культуры Рязано-окских могильников. В погребениях этой культуры найдено много вещей, имеющих аналогии в древностях Крыма, западного Кавказа и даже Европы. То есть, Ока и в эпоху переселения народов, как дорога играла существенную роль, причем товары оседали на ее берегах (*Ахмедов*. 1999. С. 166—169; *Воронина, Зеленцова, Энговатова*. 2005. С. 8)

Для IX и X в. на берегах Оки зафиксировано много кладов монет, причем в X в. их количество становится наибольшим (*Монгайт*, 1961, с. 308). Однако, в XI в. число кладов монет на этом пути резко сокращается, точнее их известно всего два (*Леонтьев, Носов*, 2012, с. 390, рис. 3), и оба найдены в среднем течении реки. Причиной этого может быть враждебное отношение проживавшего на берегах Оки населения, обобщенно называемого в летописи «вятичами». Под давлением укрепляющегося государства, племена «вятичей» с верховьев Дона постепенно переместились в лесной край, располагавшийся за Окой. К концу XI в. вятичи достигли реки Москвы. В долине реки Москвы и долинах ее притоков, по сравнению с другими «вятическими» территориями, располагается больше всего курганных могильников на единицу длины долины (*Янишевский*. 2001. С. 145). Именно в курганах и на поселениях в долине Москвы-реки и на ее притоках найдено большинство украшений, которые принято называть «вятическими» (семилопастные височные кольца и некоторые другие).

Первые попытки покорить вятичей предпринимали князья Святослав Игоревич и Владимир Святославович в X в. (каждый по два похода). Позже, в XI в., Владимир Мономах «в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249). Там же, в «Поучении Владимира Мономаха», кн. Владимир упоминает о походе к Ростову «сквозь землю вятичей» и возвращении в Смоленск. Вероятно, путь через вятические земли — это было предприятие, достойное упоминания среди дел его жизни, то есть — опасное приключение. Здесь же надо упомянуть о путешествии кн. Глеба Владимировича в 1015 г., как принято считать, из Мурома, где он княжил, в Киев. Кн. Глеб поехал не вверх по Оке, что было бы логичней, а через Ростов, Верхнюю Волгу и Смоленск. Если бы он поехал по Оке, он бы вообще не попал в Смоленск, где, как известно, его убили. Путь по Оке переходил сразу в бассейн Десны[1]. Впрочем, в летописи не указан начальный пункт путешествия кн. Глеба, указан только Ростов. Если он ехал из Ростова, то возможно, Волжский путь был удобнее. (ПСРЛ. Т. 1. 1926—1928. Стб. 136). Убийцы, правда, не сомневались, что он поедет именно через Смоленск, то есть окский путь в XI в. не использовался, что подтверждает и отсутствие на Оке кладов этого времени.

После Любечского съезда 1097 г. Черниговское княжество с Муромом и Рязанью (то есть всем верхним и средним течением Оки) отошло к политическим противникам кн. Владимира Мономаха. Обладая в придачу к Ростовскому еще Смоленским и Переяславским княжествами, кн. Владимир должен был позаботиться о коммуникациях. Эту проблему пришлось решать его сыну. Кн. Юрий Владимирович, продвигая границы своего княжества на запад, в «землю вятичей» основал в самой гуще поселений вятичей в среднем течении реки Москвы крепость Москов, которая впервые упомянута в летописи под 1147 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 339). Со своей стороны, Смоленские князья продвигались на восток и по Уставной грамоте кн. Ростислава 1136 г. с восточной стороны от места нынешнего Можайска на той же реке Москве владели погостом «Искона» (Древнерусские княжеские..., 1976. С. 141—145; *Алексеев*, 1980. С. 43—45). Каким путем добирались сборщики дани из Смоленска до погоста Искона неизвестно. Возможно, что использовали частично путь на с Днепра на Волгу, известный еще с IX в. Но прямая дорога от Смоленска до верховьев р. Москвы, судя по письменным



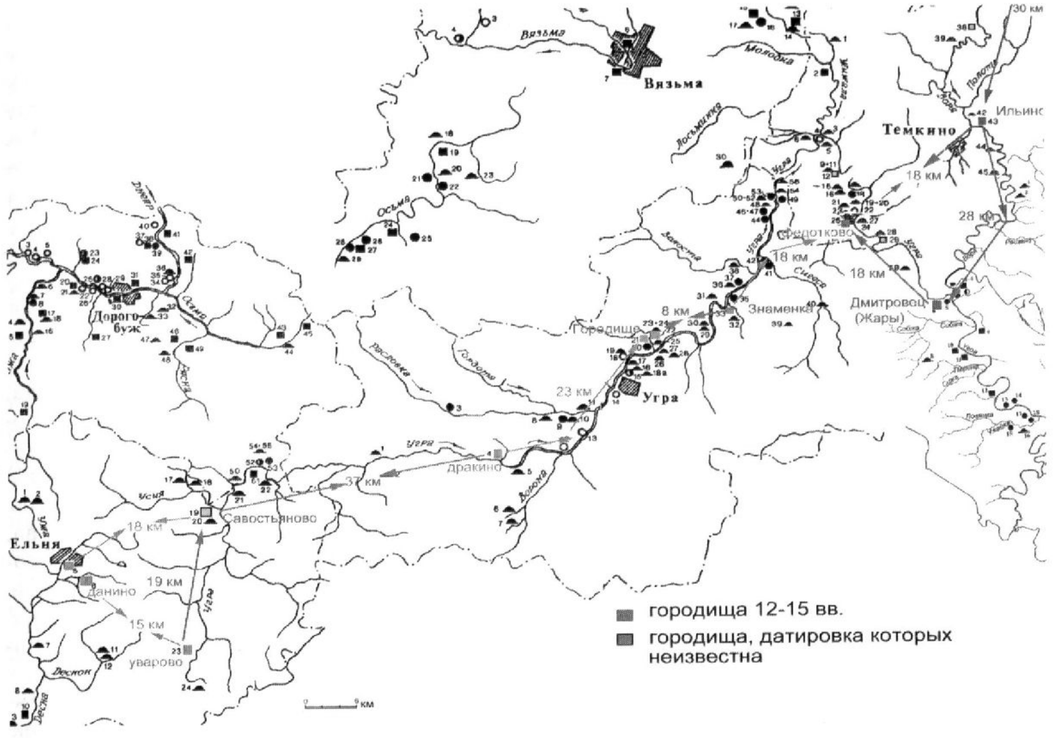
Карта части дороги из Москвы в Смоленск между Можайском и Ельней.

источникам, стала активно использоваться не ранее конца 15 в. В 1147 г. дружественные князю Святославу Всеволодовичу Черниговскому половцы были направлены ***«на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ»*** (ПСРЛ . Т. XXV. С. 40). То есть к середине XII в. верховья Угры уже принадлежали Смоленскому княжеству.

Самые недоступные часть территории вятичей, вероятно, находилась в верховьях рек Протвы и Москвы на водоразделе с бассейном Угры. Договор кн. Юрия Владимировича и Новгород-Северского кн. Святослава Ольговича 1146 г., имел пункт о походе кн. Святослава на «верх Протвы, где, видимо, проживала часть еще непокоренных вятичей. Кн. Святослав Ольгович выполнил свою часть договора и ***«взя люди Голядь»*** (ПСРЛ . Т.2. Стб. 339). Вероятно, Голядь — это одно из племен вятичей. Доказательством этого служит находки семилопастных («вятических») височных колец и решетчатого перстня на городище Гальчино, расположенного как раз в самых верховьях реки Протвы. Эти украшения найдены в слое пожара (*Кренке, Янишевский.* 2000. С. 600, 619, илл. 13). Поход в верховья Протвы и дальнейший поход кн. Святослава к Москве на встречу с кн. Юрием Долгоруким в 1147 г. — это первое упоминание использования пути с Оки к Москве через реку Протву.

Дорога между старейшими городами Руси Суздалем и Смоленском со временем менялась. В данной статье я обращаюсь только к среднему участку этого пути от города Москвы на запад к через город Ельня, так как путь из Суздаля во Владимир и из Владимира в Москву общеизвестен, также как и дорога из Ельни в Смоленск. Этот фрагмент пути имеет длину от 360 до 400 км, причина некоторой разницы будет объяснена ниже.

Победа кн. Святослава Ольговича над Голядью (которую, правда, уже однажды побеждал новгородский кн. Изяслав Ярославович в 1058 г. — ПСРЛ. Т.1. Стб. 162) открыла путь из Москворечья на Угру через верховья Протвы. Дорога из Москвы на запад проходила вдоль одноименной реки вверх по течению до города Можайска. Поселение на холме, где ныне располагается Можайский кремль в 12 в. уже существовало, это подтверждают материалы раскопок[2]. Далее дорога шла вверх по речке Можайке



Карта-схема городищ и расстояний между ними на дороге из Можайска до Ельни.

на юг, пересекала водораздел и через километр доходила до р. Мжут, который впадает уже в р. Протву. Практически в устье р. Мжут имеется поселение, которое до конца XVI в. называлось «Бараново городище», но больше оно известно как «Борисов городок» (*Янишевский.* 2010. С. 83—84; он же. 2012. С. ...). От реки Москвы у Можайска до р. Протвы у Борисова городка 10 км. На городище Борисов городок имеется культурный слой, начало отложения которого относится к XII в. Далее дорога поворачивала на запад и шла вдоль реки Протвы вверх по ее течению. Недалеко от места, где течение реки Протвы меняет направление с меридионального на широтное располагалось уже упомянутое городище Гальчино. Интересно, что на всех пунктах (Гальчино, Борисов городок, Можайск) укрепления датированы временем не ранее XIII в., а на городище Гальчино даже XIV в. (*Кренке. Янишевский.* 2000. С. 620; Янишевский. 2010. С. 84—85), хотя культурный слой откладывался со времени XII в.

Именно верхнее течение Протвы связывает бассейн реки Москвы и Угры через реку Воря. На запад трасса дороги шла вдоль реки Протвы до городища Гальчино, откуда до верховьев р. Малая Воря всего 15 км (район с. Семеновское Можайского района). Возможно, трасса проходила несколько севернее, до самых верховьев р. Протвы, где она называется Протовка (район д. Панино Можайского района). У д. Панино располагается редкий на р. Протве курганный могильник, по внешним признакам датирующийся XII — нач. XIII в. Р. Протовка отделяется небольшим болотистым водоразделом от речки Добрея, которая также как и Малая Воря является левым притоком р. Большая Воря, которая впадает в р. Угра[3]. Р. Угра своими верховьями подходит близко к бассейну р. Десна (район г. Ельня Смоленской области). Р. Десна входит в бассейн р. Днепр и является его левым притоком, несмотря на свое название. На р. Десне, кроме г. Ельня, стоят древнейшие русские города — Чернигов и Новгород-Северский, располагается один из крупнейших скандинавских центров — Шестовицы. Стало быть, путь по р. Десне был известен, по крайней мере, с IX века. Несомненно, река Десна могла использоваться как торговый путь из Киева не в Смоленск, куда удобнее двигаться по Днепру, а именно в Поочье.

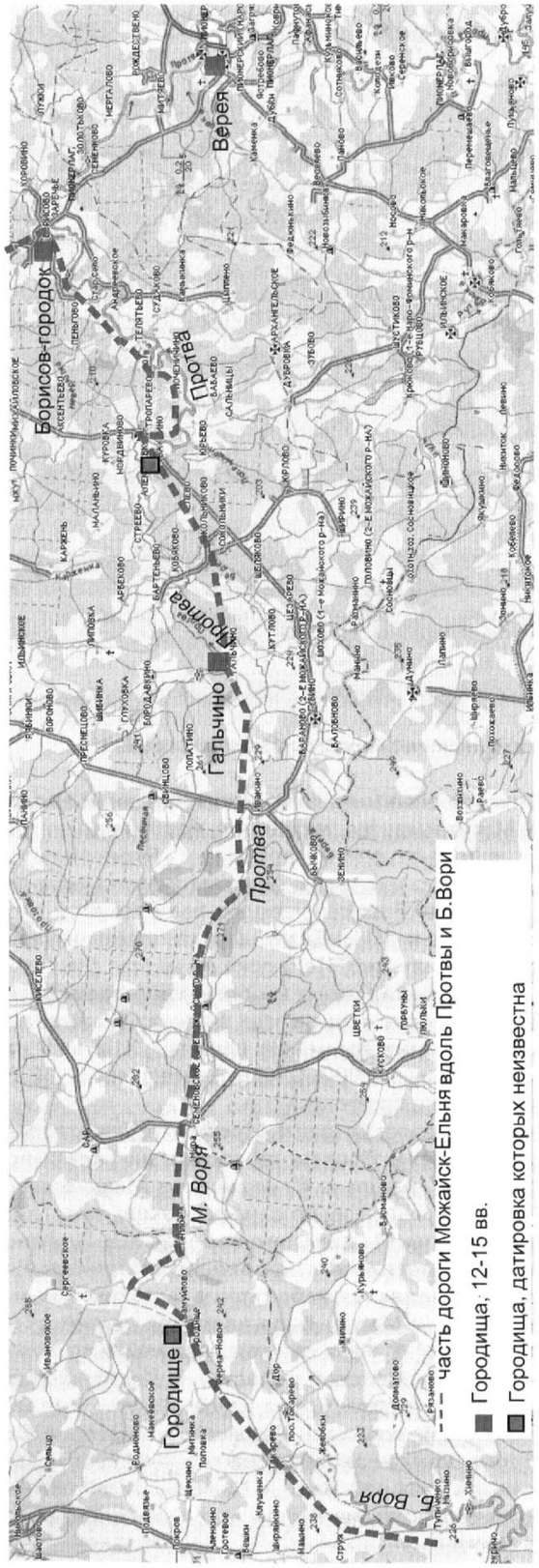


Схема участка дороги между Можайском и Ельней, проходящего вдоль рек Протва и Б. Воря.

* * *

Итак, я показал направление дороги, реки, вдоль которых она проходила, возможность широкого применения этого пути с середины 12 в. Теперь приведу доказательства существования именно этого маршрута и время его использования.

В средневековье для контроля территории и дорог применялись крепости и замки. Интересующая нас дорога также опиралась на укрепленные пункты, некоторые из которых превратились со временем в города, а некоторые были со временем заброшены и называются сейчас городищами. В Москворецком бассейне и на Протве таких укрепленных пунктов на нашей дороге пять. Это Москва, Звенигород, Можайск, Борисов городок и Гальчинское городище. Все эти пункты имеют слои 12 в. Три первых пункта превратились в города, поэтому верхняя дата их культурного слоя доходит до наших дней. А Гальчинское городище и Борисов городок прекратили свое существование, как укрепленные пункты — Борисов городок в 14 в.[4], а Гальчинское городище — в 16 в. То есть, можно на основании датировки культурного слоя Гальчинского городища утверждать, что дорогой перестали пользоваться не позднее 16 в. Что находит подтверждение в записках А.Контарини, который проехал в 1477 г. более прямой дорогой из Смоленска в Москву через Вязьму (*Контарини*, 2010. С. 21, 168).

Расстояние между укрепленными пунктами в Москворецком бассейне примерно одинаково и равно средней длине нормального дневного перехода для всадника — 50 км. Таково расстояние между Москвой и Звенигородом, Звенигородом и Можайском. Как уже указывалось, от Можайска до Борисова городка — 10 км, но между Можайском и Гальчинским городищем (через тот же Борисов городок) 25 км. Верховья р. Б. Воря плохо

обследованы, однако имеются данные о том, что у д. Городище в Гжатском районе имеется городище (что вполне логично). Д. Городище расположено несколько ниже устья р. М. Воря, в 32 км (вдоль русла последней) от Гальчинского городища. Далее путь проходил вдоль р. Б. Воря на юг по ее правому берегу (далее — по территории нынешних Смоленской и Калужской областей). От д. Городище до д. Ильино, где располагается следующее городище, имеющее слои 12—13 вв. около 30 км[5]. В 28 км ниже по р. Воре в ее устье (на правом берегу р. Угры) располагается городище Жары (Дмитровец)[6]. Далее дорога проходила вверх по р. Угре от городища к городищу. Следующим укрепленным пунктом на пути было через 18 км городище Федотково[7], далее вверх по Угре через 18 км на правом берегу (если спрямить петлю Угры) городище Знаменка[8]. Петля добавляла 30 км. Через 8 км на левом берегу р. Угры располагаются два городища у с. Городище[9]. От них вверх по реке в 23 км находится городище у д. Дракино[10]. Далее вверх по р. Угра через 37 км находится городище Савостьяново, культурный слой на городище не выявлен[11]. Но других городищ 13—15 вв. в окрестностях нет. Чтобы добраться до городища Ельня необходимо перейти в бассейн Десны, для этого нужно пройти от 18 до 34 км.

Как видим, все расстояния не превышают 50 км (дневной переход всадника) и даже не достигают их, будучи даже менее 30 км (близко к дневному переходу пешего человека). В некоторых местах на этом пути со временем могли появиться спрямления, например, между городищами Ильино и Федотково — минуя устье Вори, спрямляется до 18 км. Петлю Угры между городищами Федотково и Знаменка — 36 км можно спрямить до 18 км. Поэтому и длина пути могла уменьшиться с 400 км до 360, с 8 до 7 дней конного пути между Ельней и Москвой. Городища, расположенные вдоль этой дороги являлись пунктами безопасного отдыха. Расположение их не случайно, также как и размеры площадок — редко, когда площадка этих городищ больше, чем 60х60 м. Наличие в культурном слое этих городищ предметов воинского снаряжения (фрагментов кольчуг, шпор, оружия) позволяла считать их подобием феодальных замков. Однако известно, что на Руси не было замков в европейском понимании этого слова — как укрепленного жилища независимого или полунезависимого феодала. Но если рассматривать эти городища как опорные пункты на важной дороге, то все становится на свои места. Дополнительным доказательством данного утверждения является то, что вне трассы изучаемой дороги городища либо отсутствуют, либо расположены значительно реже и их наличие в данном месте надо рассматривать в контексте либо какой-то другой дороги, либо они датируются другим временем.

Подтверждением существования дороги являются свидетельства ее использования. Как уже говорилось выше — это могут быть либо клады, либо письменные источники. Кладов 12—15 вв. вообще крайне мало, а кладов монет особенно, поскольку на большую часть этого периода попадает т.н. «безмонетный период». Но в письменных источниках имеются упоминания, хоть и косвенные, о существовании данной дороги. Это свидетельства летописей о различных военных походах. О походах князей Владимира Мономаха, Святослава Ольговича уже говорилось выше. В XIII в. есть только одно, и при том косвенное, упоминание о походе на Протву, да еще против литовцев — неудачный поход московского князя Михаила Ярославича по прозвищу «Хоробрит» 1248 г. Упоминание краткое, но приводящее нас в исследуемый регион московско-литовского пограничья. Поход кн. Ольгерда 1341 г. — новое упоминание предмета исследования: осада Можайска могла произойти, только если литовское войско следовало по дороге через Угру, Б. и М. Ворю и Протву (ПСРЛ. Т. XV. С. 53—54).

Именно на Протве разворачивались события и через 11 лет. Об этом писал белорусский исследователь В.Н.Темушев: *«в середине XIV в. район конфронтации в поугорье проявился более четко. В 1352 г. московский великий князь Семен Иванович с братьями Иваном и Андреем пошел ратью к Смоленску, у Вышгорода* («на Поротве») *встретил послов Ольгерда и заключил с ними мир* (ПСРЛ. Т. VII. С. 216; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 60). *Но, не оставляя намерения идти к Смоленску, князь Семен продвинулся с войском еще до р. Угры. Там его уже ожидали Смоленские послы. С неделю (или 8 дней) происходило «стояние» на реке Угре, во время которого в Смоленск успели съездить, заключить мир и вернуться*

московские послы (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 60—61). *После этого Семен возвратился в Москву. В итоге Смоленское и Брянское княжества оказались в сфере влияния владимирского великого княжества, чьим главой был московский князь. Обращают на себя внимание, во-первых, место встречи литовских послов — Вышгород на Протве, а, во-вторых, район остановки московского войска — берег р. Угры. Очевидно, литовские послы подошли к краю московских владений, где и ожидали князя Семена. С другой стороны, и московский великий князь не стал пересекать границу и вторгаться на территорию Смоленского княжества, а остановился у его пределов. Таким образом, на середину XIV в. можно условно выделить пограничную полосу между Московскими и Смоленскими землями, одну сторону которой составляла р. Протва с пограничным городком Вышгородом, а другую — р. Угра»* (*Темушев,* 2009. С. 59). В этой истории интересуют нас два момента: первое — князь Семен Иванович двигается с Протвы на Угру, причем на Протве он встречает послов кн. Ольгерда. Место встречи заранее не обговаривалось, так как уже началась война, а не переговоры. Второе — кн. Семен с войском двинулся на Угру вслед за литовскими послами и встретил теперь уже смоленских послов. Эти два тезиса доказывают то, что путь в Смоленск с Протвы был только один, без вариантов и разминуться послам с москвичами не было никакой возможности, они и ждали московское войско на этом пути. Косвенным подтверждением этого является время ожидания ответа князем Семеном на Угре — 8 дней. Именно столько времени нужно было послам, чтобы съездить в Смоленск и вернуться обратно по рассматриваемому пути от слияния Вори и Угры. Быстрее уже не получилось бы, так как всего здесь (до Смоленска) около 200 км. К такому же выводу пришел и В.Н. Темушев: *«Вполне вероятно, что в то время наиболее удобная дорога на Смоленск шла именно через р. Угру»* (*там же.* С. 59). Однако маршрут дороги он не проследил. Несколько сбивает исследователей с толку упоминание Вышгорода-на-Протве в этой истории. Населенный пункт Вышгород действительно существует на р. Протве в нескольких километрах ниже города Верея. И там существует городище с культурным слоем 14—17 вв.[12] Однако городище сильно разрушено и плохо обследовано. Кроме того, Верея, находившаяся севернее и выше Вышгорода по течению Протвы, является и самым северным пунктом, перечисленным среди «отменных мест Рязанских» (попавшим к Москве в результате обмена) и зафиксированных в духовной грамоте младшего брата великого кн. Семена Ивановича — кн. Ивана Ивановича Красного (Духовные... С. 15; *Горский.* С. 126—127). Эти пункты были конкретизированы в договоре кн. Дмитрия Ивановича с кн. Олегом Рязанским в 1381 г. (Кучкин. 2003. С. 245—249). То есть кн. Семен Иванович с войском не мог встретить послов Ольгерда у упомянутого Вышгорода-на-Протве, так как это была Рязанская территория, а с Рязанью в это время войны не было. Таким образом, под Вышгородом летопись понимает какой-то другой укрепленный пункт на Протве. Это не может быть Верея по тем же причинам. Остаются два пункта (по расположению снизу вверх по Протве): Борисов городок и Гальчинское городище. Оба пункта имеют культурный слой 12—14 вв. и самое главное — оба расположены на исследуемой дороге.

В 1407 г. Московские войска во время похода сожгли Дмитровец — городище Жары, располагающийся на правом берегу р.Угры чуть выше устья р. Вори. Расположение Дмитровца именно в этом месте доказано в работах археологов и историков (ПСРЛ. Т. XI. С. 202; ПСРЛ. Т. XXV. С. 237; Массалитина, Болдин 2007. С. 126—129; Темушев, 2009. С. 55—56). Сожжение этого укрепленного пункта московскими войсками показывает литовскую принадлежность городка[13]. Есть и другие свидетельства того, что в это время граница Московского княжества и Литовского проходила по Угре, Дмитровец же располагается на правом берегу Угры. Значит, и в начале XV в. дорога по Протве и Угре продолжала действовать. Интересно, что после сожжения Дмитровца московские войска под руководством кн. Василия I двинулись на Вязьму, где встретились с литовским войском кн. Витовта. Путь на Вязьму лежит вверх по Угре до ее крутого изгиба на юго-запад, то есть с использованием дороги на Ельню и Смоленск. От этого изгиба Угры до Вязьмы по прямой не более 30 км[14]. В Вязьме и было заключено перемирие.

После заключения перемирия Витовт бросил войско и уехал домой. А описание возвращения литовского войска очень живописно и приведено в хрониках Jana Długosza и Marcina Kromera. Показательно в этом описании качество дороги, размытой дождями. Рыцарям приходилось, пересекая сплошной лес, поверх своих же коней создавать помосты, чтобы пройти через болота (Темушев. 2009. С. 67).

В заключение следует сказать, что исследуемый участок дороги из Суздаля (позже Москвы) в Смоленск имел стратегическое значение сначала для Суздальского княжества, а затем — для Московского государства. Не зря по этой дороге постоянно передвигались войска, а в 14—15 вв. эта дорога приобрела характер поля боя между двумя мощными силами — великим княжеством Литовским и великим княжеством Московским. Теперь становится ясно, почему укрепленные городки были построены (или заново укреплены) через каждые 30—50 км на этом пути. Дороги, проложенные вдоль рек, постепенно спрямляются. Так произошло и с дорогой в Смоленск — в 1477 г. впервые упомянута дорога из Москвы через Вязьму (путешествие Контарини) — возникла т.н. «Старая» Смоленская дорога, просуществовавшая до начала XIX в., когда появилась «новая». После присоединения Вязьмы (1493) и Дорогобужа (1503) Смоленская дорога стала проходить в основном по московским землям. Осталось присоединить Смоленск, что и произошло в 1514 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А.Л.Монгайт считает рассказ о походе кн. Глеба 1015 г. вставкой конца XI в., основанной на «Сказании об убиении Бориса и Глеба» (Монгайт, 1961. С. 308).

[2] В погребении, найденном под Никольским собором к. XIV-нач. XV в., найдено семилопастное височное кольцо 12 в. (Молчанов. 1983. С. 70—71).

[3] Водораздел между Протовкой и Добреей меньше, чем между Протвой и М. Ворей, но последний путь короче и прямее, что немаловажно. Верховья реки Б. Воря подходят совсем близко к верховьям р. Москвы, фактически реки Б. Воря, Протва и Москва вытекают из одного болота. Возможен и вариант пути из Москвы-реки прямо в Б. Ворю (тем более что в верховьях реки Москвы с XII в. существует маленькая крепость Тушков городок, явно основанная Смоленскими князьями), однако сейчас рассматривается путь через реку Протву, которая как будет показано, неоднократно упоминается в письменных источниках XIII—XIV вв.

[4] Укрепления Борисова городка древнерусского времени сгорели, по-видимому, в XIV в. и были построены в камне только на границе XVI и XVII вв. Возможно, что пожар связан с одним из походов литовского кн. Ольгерда на Москву. Однако, во 2-й половине того же XIV в. появляется крепость на Протве в 10 км ниже Борисова городка — Верея, само название которой — «воротный столб» — говорит о многом.

[5] Номер дается по изданию Археологическая карта России (далее — АКР). АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 1340. С. 148.

[6] АКР. Калужская область. Юхновский район. № ... С. ...

[7] АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 1359. С. 153.

[8] АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 1399. С. 166.

[9] АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 1382 и 1383. С. 161, 162.

[10] АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 1390. С. 163.

[11] АКР. Смоленская область. Ч. 2. № 899. С. 47.

[12] АКР. Московская область. Ч. 2. № 1042

[13] Термин «городок» я употребляю именно в контексте московских средневековых источников «небольшая крепость», не город. Подробнее об этом см.: Янишевский, 2010. С. 72—73.

[14] Вяземская волость Турея, вероятно, располагалась по р. Турее, являющейся левым притоком р. Угры (Темушев, 2009. С. 84—85).

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М., 1995.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М., 1997.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997.

Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля IX—XII вв. М.

Ахмедов И.Р. Воинские погребения гуннского времени на Средней Оке. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. Ломоносова. Тез. докл. юбилейной конф. М. 1999.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977—1978 гг. Труды отдела охранных раскопок. Т. 3. М., 2005.

Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII—XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 5.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я.Н. Щапов. М., 1976.

Духовные ... — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. 1950.

Контарини А. Путешествие в Персию. М. 2010.

Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. 2000. Городище у д. Гальчино на р. Протве // Макариевские чтения. Вып. VII. Материалы VII Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. «Монастыри России».

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитическое договоры. М., 2003.

Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX — X веках. Археологическая панорама. М. — Вологда. 2012.

Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. К постановке проблемы // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей в 2-х ч. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России / Под ред. А.Н.Наумова. Тула, 2007.

Молчанов А.А. 1983. Работы в Можайском кремле // АО-1981. М.

Монгайт А.Л. 1961. Рязанская земля. М.

Петрухин В.Я. 2011. «Русь и вси языци». М.

ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. Л. 1926—1928.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.

ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. М., 2000.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

Темушев В.Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Основан в 2008 г. Вып. 2. Минск, 2009.

Янишевский Б.Е. Заселение Верхнемосворецкого бассейна в 11—13 вв. (на основе анализа археологических карт) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь. 2001

Янишевский Б.Е. Можайск и его округа в XI—XIV вв. Можайск, 2010.

Янишевский Б.Е. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012.

К ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НОВОСИЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

А.А.Чубур, *к.и.н.,*
зав. Центром комплексного изучения Среднеднепровского региона,
Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского,

О.А.Радюш, *н.с.*
Институт археологии РАН.

Исследование выполнено частично на средства гранта РГНФ 13-01-00222-а «Села и загородные резиденции правящей верхушки Древней Руси как социальный и археологический феномен»

Первое летописное упоминание Новосиля относится к 1155 г., однако достоверность его под сомнением [2], а статус древнерусского населенного пункта неясен. Несмотря на крайне ограниченную источниковую базу, можно полагать, что к XIV веку в верховьях Оки возникает новое княжество с центром в Новосиле. После 1385 г. происходит его дробление на Воротынское, Одоевское и Белевское княжества. С 1494 г. их князья интегрируются в Московское централизованное государство, принимая участие в образовании социальной прослойки князей «служилых». В XVI—XVII вв. построенный на месте города острог был одним из главных укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах страны. В 1672—1973 гг. деревянные крепостные сооружения были обновлены и укреплены. В конце XVII в. город утратил военное значение, и в XVIII веке остатки оборонительных сооружений разобрали.

В 1960-х гг. Новосильское городище обследовал И.К.Фролов [4]. Городище расположено на мысу правого берега р. Зуши, высотой 40 м., между двумя оврагами. Площадка овальная, 300х80 м. С северо-востока сохранились остатки укреплений в виде двух линий валов и рва между ними. Высота первого вала 1,5 м. В настоящее время с напольной стороны вал и ров снивелированы. В 2008—2011 гг. под руководством О.А.Радюша на мысовой площадке городища стационарными раскопками исследовано 80 кв.м. культурного слоя.

Мощность напластований культурного слоя на раскопанной площади составляла 0,9—1,2 м. В верхней части прослежены следы современной распашки. С уровня 0,2—0,4 м от современной дневной поверхности слой почти не нарушен. В стратиграфии раскопа прослежены несколько этапов заселения площадки. В верхнем слое встречались отдельные предметы XIX в., но керамика современная им отсутствовала. Верх культурного слоя датируется XIII—XIV вв. н.э., ниже лежат участки слоя IX—XII вв. сильно разрушенного последующими перестройками. Керамика, относящаяся к первоначальному этапу заселения — раннему железному веку встречалась в виде отдельных фрагментов, выраженного слоя этого периода не прослежено. Имеются следы пожаров, в виде мощных прослоек золы, пепла, угля, многочисленных гвоздей,

материк практически на всей площади прокален и имел розово-красный оттенок. Удалось выявить 10 хозяйственных и мусорных и более 40 столбовых ям, заглубленных в материк, крупный производственный горн роменского времени и постройку XIII—XIV вв. Постройка представляла собой наземную подпрямоугольную в плане заглубленную в материк конструкцию, подклет углублен на 80—90 см в материк и ориентирован по линии СЗ—ЮВ. Размеры строения в пределах раскопа примерно 4х4 м. Отопление осуществлялось наземной глинобитной печью располагавшейся в юго-восточном углу. Особенности культурного слоя в постройке позволяют предполагать, что она погибла в пожаре.

Массовый материал представлен более чем 5000 фрагментами круговой и лепной посуды. Основной массив — обломки круговых горшков XIII—XIV вв. В нижних пластах и в ряде ям обнаружены фрагменты лепной и раннегончарной роменской посуды. Выявлены 10 развалов лепных и гончарных сосудов, три из них позволили реконструировать полные формы. Следует отметить скопление в нескольких ямах фрагментов вторично пережженных лепных сосудов X—XI вв. — возможно гончарного брака. Среди индивидуальных находок имеются датирующие: тетрахалк чеканенный в Паникапее на Боспоре времен правления Асандра 37—27 гг. до н.э; серебряные монеты золотоордынского чекана — денга хана Джанибека чеканенная в Сарае в 746 г.х. (1345—1346 гг. х.л.), и подражание денге хана Узбека (1320-1330 гг.), возможно чеканенное на Руси. Серьга и серебряные пятилучевые височные кольца характерны для II этапа эволюции этого типа украшений (периодизация А.В.Григорьева) и надежно датируются к.IX — двумя первыми десятилетиями X века. Кроме того, обнаружены более 40 обломков стеклянных браслетов XII—XIII вв., ключи от навесных и внутренних замков, ножи, кресало, светцы, ледоходный шип, обломок шарнирных ножниц, наконечники стрел, железные пряжки, керамические пряслица, перстень из цветного металла с ромбическим орнаментированным щитком. Практически целая плинфа предмонгольского времени позволяет предположить наличие кирпичных построек на городище.

В пределах раскопов 2008-2011 гг. прослежены следующие хронологические горизонты.

1-й этап связан с культурами раннего железного века и датируется I в. до н.э. — III в.н.э. Слой значительно разрушен поздними наслоениями, его верхняя граница может быть и более поздней, вплоть до IV—V вв., судя по аналогиям на других верхнеокских городищах

2-й этап — роменская культура, по находкам может быть датирован не позднее конца IX — начала X веков. Граница слоев практически не фиксируется, финал культуры относится к XI веку.

3-й этап — древнерусский, связан с существованием Новосильского княжества, датируется началом XII в., первое упоминание Новосиля — середина XII в., но очевидно по археологическим материалам городище существовало задолго до этой записи. Финал периода, вероятно, относится к татарскому разгрому города в 1376 г., более поздних наслоений не отмечено.

Во время раскопок был получен обильный остеологический материал (5025 костей и костных фрагментов, более 45 костей на кубометр грунта), подавляющая часть которого относится к периоду XII—XIV вв. Морфология костных остатков в настоящее время еще изучается, ей будет посвящена отдельная публикация. Значительная часть костного материала сильно раздроблена, неопределимые обломки костей — преимущественно мелкие обломки компакты диафизов длинных костей, реже — мелкие фрагменты плоских костей и ребер, насчитывают 2105 экземпляров. Для 2920 определимых костей мы указываем для каждого вида количество как целых костей, так и их фрагментов суммарно, а также долю в массиве определимых костей. Костей домашних млекопитающих (с примесью дикого кабана) около 1912 экз., то есть около 2/3 определимого материала. Они принадлежат 66 особям 5 видов (из них не менее 7 особей дикого кабана, шестого вида, большую часть останков которого непросто разделить с домашней свиньей).

Крупный рогатый скот (Bos taurus): череп, фрагменты — 26, нижней челюсти фр-ты — 14, зубы — 34, ребра — 180, позвонки — 58, лопатка — 37, плечевая — 19, лучевая/локтевая — 23, тазовая — 8, бедренная — 11, берцовые — 23, кости дистальных отделов конечностей — 81. **Всего 514 костей** (17,6 %) **минимум от 15 особей,** включая бычка.

Мелкий рогатый скот (Ovis / Capra): черепа фрагменты — 15, нижней челюсти фр-ты — 16, зубы — 11, ребра — 150, позвонки — 14, лопатка — 13, плечевая — 21, лучевая/локтевая — 24, тазовая — 9, бедренная — 19, берцовые — 22, дистальные отделы конечностей — 27. **Всего 341 кость** (11,7%) **min от 12 особей.**

Свинья и дикий кабан (Sus scrofa): черепа фрагменты — 81, нижней челюсти фр-ты — 64, зубы — 33, ребра — 276, позвонки — 83, лопатка — 42, плечевая — 75, лучевая — 34, локтевая — 25, тазовая — 17, бедренная — 33, большая берцовая — 29, малая берцовая — 2, кости дистальных отделов конечностей — 74. **Всего: 868 костей** (29,7%) **не менее чем от 32 особей**, среди них минимум 6 особей — это молочные поросята, которые вряд ли попадали бы на стол к простолюдину, пытавшемуся всегда полноценно откормить свинью перед забоем. Не менее 7 взрослых особей — дикий кабан. Отделить от свиных все кости кабана при большой степени фрагментации трудно. Велико количество костей мясных проксимальных отделов конечностей и при этом малое количество костей автоподия. Черепа и нижние челюсти раздроблены — эти части тела тоже шли в пищу (вспомним традиционное блюдо овсень).

Лошадь (Equus caballus): черепа фрагменты — 7, Нижней челюсти фр-ты — 5, зубы — 6, ребра — 45, позвонки — 18, лопатка — 5, плечевая — 14, лучевая/локтевая — 16, тазовая — 3, бедренная — 10, берцовые — 8, кости дистальных отделов конечностей — 33. **Всего 170 костей** (5,8%) **min от 5 особей**. Многие длинные кости расколоты, что говорит об употреблении лошадиного мяса в пищу.

Собака (Canis familiaris): позвонок — 2, ребро — 3, лопатка — 2, плечевая — 1, лучевая — 2, локтевая — 1, бедренная — 3, малая берцовая — 1, большая берцовая — 1, дистальные отделы конечностей — 3. **Всего 19 костей** (<1%) **min от 2 особей**. Животные размером мельче волка.

Кости диких млекопитающих обильны, их **754 экземпляра** (25,8 %) **от 41 особи** (плюс минимум 7 диких кабанов), что составляет более четверти определимого материала, или почти половину числа особей.

Лось (Alces alces): черепа фрагменты — 5, нижней челюсти фр-ты — 6, зубы — 7, ребра — 31, позвонки — 11, лопатка — 22, плечевая — 12, лучевая/локтевая — 8, тазовая — 4, бедренная — 7, берцовые — 13, кости дистальных отделов конечностей — 24. **Всего 150 костей** (5,1%) **min от 10 особей**.

Благородный олень (Cervus elaphus): фрагменты рога — 3, черепа фр-ты — 11, фр-ты нижней челюсти — 9, зубы — 13, ребра — 22, позвонки — 5, лопатка — 9, плечевая — 4, лучевая/локтевая — 3, тазовая — 4, бедренная — 4, берцовые — 1, дистальные отделы конечностей — 10. **Всего 98 костей** (3,4%) **4 особей**.

Косуля (Capreolus capreolus): черепа фрагменты — 11, нижней челюсти фр-ты — 16, зубы — 9, ребра — 71, позвонки — 10, лопатка — 23, плечевая — 18, лучевая/локтевая — 28, тазовая — 10, бедренная кость — 14, берцовые — 28, дистальные отделы конечностей — 26. **Всего 264 кости** (9%) **min от 11 особей**.

Зубр (Bison priscus): черепа фрагменты — 9, нижней челюсти фр-ты — 3, зубы — 8, ребра — 37, позвонки — 4, лопатка — 4, плечевая — 11, тазовая — 1, бедренная — 6, берцовые — 6, кости дистальных отделов конечностей — 20. **Всего 109 костей** (3,7 %) **минимум от 4 особей**.

Тур (Bos primigenius): черепа фрагменты — 3, нижней челюсти фр-ты — 2, зубы — 1, ребра — 24, позвонки — 6, лопатка — 3, плечевая — 3, лучевая/локтевая — 4, тазовая — 1, бедренная — 2, кости дистальных отделов конечностей — 6. **Всего 56 костей** (1,9%) **минимум от 2 особей.**

Бобр (Castor fiber): череп — 3, нижняя челюсть — 3, зуб — 4, позвонок — 1, ребро — 11, лопатка — 1, плечевая — 5, лучевая — 5, локтевая — 5, тазовая — 2; большая берцовая — 5, малая берцовая — 2, дистальные отделы конечностей — 2. **Всего 47 костей** (1,6%) **минимум от 3 особей.**

Заяц (Lepus sp.): нижняя челюсть — 1; лопатка — 1; лучевая — 1; тазовая — 3; бедренная — 1; малая берцовая — 1. **Всего 8 костей** (<1%) **от 2 особей.**

Волк (Canis lupus): череп — 1, клык — 1, ребро — 1 , плечевая — 1, локтевая -1, бедренная — 1. **Всего 6 костей от 1 особи.**

Лисица (Vulpes vulpes): череп — 1, нижняя челюсть — 1, позвонок — 1, лопатка — 1, лучевая — 2, тазовая — 2. **Всего 8 костей** (<1%) **от 1 особи.**

Медведь (Ursus arctos): Позвонок — 1, клык — 1, локтевая — 1; пястная — 2. Всего **5 костей** (<1%) **от 1 особи.**

Куница (?) (Mustela sp.?): бедренная кость — 1 от **1 особи**.

Выдра (Lutra lutra): Локтевая кость — 1 от **1 особи**.

Конечно, не относится к дичи мышь домовая (Mus musculus) Нижняя челюсть — 1 от 1 особи.

Непросто в первом приближении разделить птиц (Aves): на диких и домашних, хотя по нашим представлениям основная часть — все же боровая дичь и дичь с околоводных пространств: 161 кость (5,5%) минимум от 14 особей — от крупных водоплавающих (лебедь) до мелких, с перепела.

Наконец, рыбы (Pisces): костистые (преобладает сом, имеются судак, щука, карповые и др.) — 89 костей, хрящевые (стерлядь) — 4 костяные бляшки, 1 жаберная крышка.

Итак, подводя некоторые итоги, мы можем отметить особенности фауны Новосиля:

1. Среди домашних животных преобладание свиньи, а не крупного рогатого скота. Такое преобладание характерно для лесных поселений земли вятичей (городища Серенск, Слободка и другие) [3, с. 244—246], да и в целом для скотоводства у северян, вятичей и радимичей — сходство имеется и с посадом Липинского археологического комплекса (Посемье) [5, с.180] и нашими данными по детинцу Новгорода-Северского.
2. Бесспорное употребление лошади в пищу, как и в северской земле.
3. Высокая доля охотничьей добычи в составе фауны. Детализируя, отметим значительную долю лося и косули среди дичи (лось преобладает также во Вщиже, а косуля на Липинском городище доминирует даже над численностью любого из домашних видов) [5, с.180—181]. Велико число костей благородного оленя. Он преобладает и в культурных слоях XII—XV вв. в Гродно — не только боевого форпоста с гарнизоном, но и охотничьего замка феодалов [5, с. 137—139, 178—179]. Имеются также немногочисленные кости тура и несколько большее число останков зубра. Наконец в составе охотничьей добычи присутствуют бобр и несколько видов хищников.

Значительное число дичи в целом характерно для роменских поселений, где доля дичи достигает порой 44,2% (Липинское городище, Посемье) и даже 60,9% (селище Лебедка в верхнем Поочье) [5, с.129-130], однако основная часть культурных остатков Новосиля (в т.ч. костных) относится к XIII—XIV векам. Это подтверждается сходным соотношением видовых долей костей в котловане датированной этим периодом жилой постройки и в целом по раскопу. Существенно отличается Новосиль по своим показателям от практически синхронного Серенска, являвшегося торгово-ремесленным центром [3]. Следовательно, мы имеем дело с иным типом средневекового поселения. По составу фауны Новосиль напоминает феодальные замки, по которым для соседнего Подесенья в настоящее время ведется накопление данных. Так, материалы с Замковой горы Новгорода-Северского включают в древнерусском слое также почти половину особей дикой фауны [6 и наши неопубликованные данные 2012 г.], а в Гродно дичь даже преобладает над домашними животными [5, с. 137—139].

С одной стороны возникновение Новосильского княжества мы можем связывать, согласно анализу письменных источников [1], с периодом не ранее 1-й четверти XIV века. С другой стороны наблюдаем, судя по рациону, следы пребывания на городище уже в XIII в. социальной элиты. Можно предположить, что Новосиль до получения им статуса столицы новообразованного удельного княжества был владельческим селом — загородным феодальным замком в охотничьих угодьях, принадлежавших представителю династии чернигово-северских князей, чем-то по сути напоминающим королевский охотничий замок Казимира Великого в городке Пыздры (Великопольша). Не исключено, что такой статус Новосиль получил в годы правления Романа Брянского Старого, когда Брянск претендовал на роль объединителя южнорусских земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI—XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Вып.13.- Брянск: РИО БГУ, 2011. С. 63—97.
2. Кучкин В.А. О древнейшем упоминании Новосиля // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. М.: Институт российской истории РАН, 2010.
3. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.: Наука, 1981.
4. Фролов И.К. Отчет Орловского отряда Верхнеокской экспедиции 1968—1970. Архив ИА РАН, Р-1, д. 4920.
5. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР, Т. 51. М.: Изд. АН СССР, 1956.
6. Чубур А., Шпак Н. Штрихи к археозоологической характеристике детинца домонгольского Новгорода-Северского (по материалам раскопок 2011 г.) // Древности среднезападной России и сопредельных территорий. Брянск: Курсив, 2012. С. 84—90.

ГРАФФИТИ НА КЕРАМИКЕ С СЕЛИЩА ЛОПУШЬ*

В.Н.Гурьянов, *нач. отд.,*
Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского.

Грамотность в домонгольской Руси, как считается, была нормой для большинства городского населения. Свидетельством этого являются многочисленные находки инструментов для письма — стилей (писал), найденные в Новгороде и других древнерусских городах берестяные грамоты, многочисленные граффити на бытовых предметах. Публикации и анализу последней категории находок посвящена обширная литература, определенные итоги изучения граффити подведены в относительно недавней монографии А.А.Медынцевой *(Медынцева, 2000).* Специальная глава в монографии посвящена анализу надписей на керамике, а именно на корчагах — амфорах. Помимо надписей на тарной керамике при раскопках древнерусских памятников встречаются также надписи или их фрагменты на обычной кухонной посуде. К сожалению, эта категория находок еще не стала предметом специального исследования, хотя такие находки нередки, в том числе и в Подесенье. Например, на посаде летописного Вщижа был найден фрагмент керамики с четырьмя буквами, процарапанными по сырой глине *(Новожеев, электронный ресурс).*

Фрагменты керамики с граффити также были найдены в 2012 году при обследовании селища Лопушь в Выгоничском районе Брянской области. На территории села Лопушь в последние несколько лет местным жителем Р.В.Брешковым была собрана представительная коллекция предметов быта и украшений древнерусского времени. Эти находки вызвали значительный интерес у брянских археологов и историков. Часть материалов была опубликована находчиком в соавторстве с А.А.Чубуром и Г.П.Поляковым (*Brieszkow, Czubur, Poliakow,* 2012. S. 106—117) и в книге Р.В.Новожеева и Р.В.Брешкова, вышедшей из печати в конце прошлого года (*Новожеев, Брешков,* 2012). С целью выявления археологического контекста находок, то есть границ распространения, мощности и стратиграфии культурного слоя, в полевом сезоне 2012 года и было проведено обследование территории села. Работы проводились по Открытому листу, выданному на имя Е.А.Шинакова, на средства гранта РГНФ (руководитель проекта — А.А.Чубур) (*Шинаков, Гурьянов, Чубур,* 2013. С. 86—88).

Селище Лопушь расположено в южной части одноименного села, к северу, северо-западу и западу от городища, на краю правого коренного берега р.Десны. Высота над уровнем реки 15—17 м, размеры площадки по линии юго-запад — северо-восток примерно 600 м, по линии юго-восток — северо-запад — 250—270 м, площадка понижается к юго-востоку, в сторону реки. Вся площадь селища плотно застроена жилыми домами и занята приусадебными участками, находящимися в частной собственности (ул. Набережная). Это существенно затрудняло проведение работ и выбор мест для шурфовки. Всего на площадке селища были заложены два шурфа площадью 4 кв. м каждый.

Шурф № 1 был заложен к северу от городища, на краю северного берега оврага, впадающего в долину Десны и входящего в систему укреплений городища. Мощность культурного слоя в шурфе достигала 1,1 м, а с учетом понижения в южной части

* Работа выполнена в рамках проекта «Села и загородные резиденции правящей верхушки Древней Руси как социальный и археологический феномен (по материалам Среднего Подесенья)», поддержанного РГНФ (грант № 13-01-00222а, рук. проекта Е.А.Шинаков).

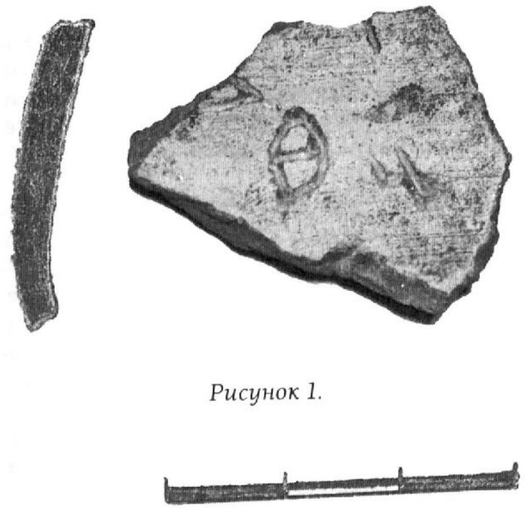


Рисунок 1.

шурфа — до 1,4 м. Следует отметить весьма высокую насыщенность культурного слоя находками. Среди более 660 фрагментов керамики, в основном относящейся к древнерусскому времени (XI—XIII вв.), в процессе камеральной обработки был обнаружен один фрагмент с граффити.

Это фрагмент стенки кругового сосуда светло-серого цвета, размером 3,3 х 2,5 см и толщиной 0,4 см, с нанесенными на внутренней стороне граффити в виде букв древнерусского алфавита *(Рис. 1).* Буквы процарапаны по уже обожженной поверхности, вероятно после того, как сосуд перестал использоваться по прямому назначению. Первоначальный размер фрагмента сосуда с граффити был больше, об этом можно судить по расположению фрагментов букв по краям на изломе. Хорошо читается буква **Ѳ** «фита». Следует отметить, что обычно при написании «фиты» поперечная черта пересекала овал и выходила за его границы, в нашем случае эта черта не выходит за границы овала (Ср.: Медынцева, 2000. С. 19, табл. 1). Размеры буквы 9 х 5 мм. Правее «фиты» предположительно начертана буква **Ч**, то есть «цы» (Ц) в древнерусском написании XI—XIII вв., ее размеры 5 х 3 мм. Слева и несколько выше «фиты» на изломе — часть еще одной буквы в виде острого угла, направленного острием вправо. Это может быть нижней правой частью таких букв как **Б** «буки», **В** «веди», **Ъ** «ер» или «ять». Вверху фрагмента есть вертикальная черта, которая может быть нижней частью еще одной буквы, например **Г**, **Т** или **І** «и». Все буквы процарапаны инструментом с достаточно широким и притупленным острием (ширина канавок 1 мм, в сечении они трапециевидной формы). Судя по букве «фита», надпись прочерчена уверенной рукой. Судить о назначении надписи сложно. Вряд ли это могло быть имя владельца, число (как известно, **Ѳ** «фита» обозначала цифру 9) или наименование содержимого сосуда. Как уже упоминалось выше, граффити нанесены на внутренней поверхности сосуда, что делало какие-либо владельческие или цифровые надписи практически бессмысленными при заполненном сосуде. Да и нанести саму надпись внутри целого сосуда достаточно проблематично. К тому же буквы не образуют какой-то единой надписи, все они расположены в разных строках по отношению друг к другу. Вероятнее всего, фрагмент разбитого сосуда использовался для тренировки в написании букв, возможно в процессе обучения грамотности. Возможно также, что он использовался в качестве счетного жетона или какой-то другой фишки.

Еще один фрагмент керамики с граффити найден в шурфе № 2. Шурф № 2 был заложен севернее шурфа № 1, на участке напротив дома № 81 по ул. Набережная в пониженной части участка. Мощность культурного слоя здесь также достигает 1 м, как и в шурфе № 1 это темно-серый суглинок с вкраплениями печины. В шурфе собраны 852 фрагмента керамики.

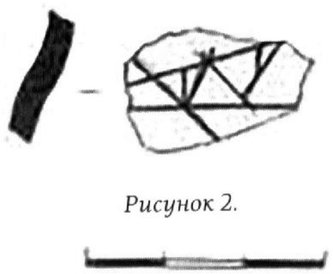
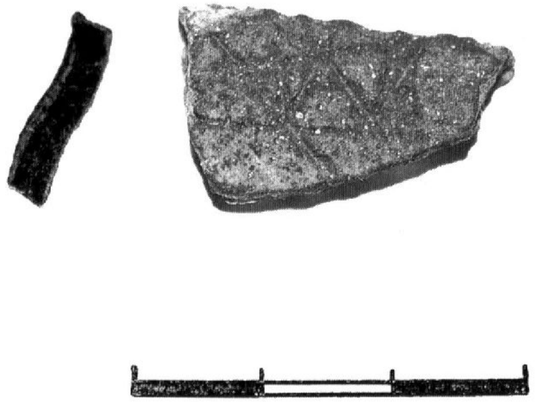


Рисунок 2.

Фрагмент стенки (плечика) кругового сосуда темно-серого, почти черного, цвета, размером 2,7 х 1,6 см и толщиной 0,4 см. На внутренней стороне граффити в виде двух непараллельных линий, пространство между которыми расчерчено на три треугольника, два верхних обращены вершинами вниз *(Рис. 2).* Через вершины этих треугольников проходят отрезки, доходящие до оснований. Отрезки, образующие треугольники, слегка заходят за две непараллельные линии, крайне левая линия гораздо длиннее остальных. Линии процарапаны по уже обожженной поверхности, как и в предыдущем слу-



чае, вероятно, после того как сосуд перестал использоваться по прямому назначению. Линии процарапаны узким и острым инструментом типа шила или кончика ножа, ширина канавок меньше миллиметра, в сечении они треугольной формы.

Достоверная интерпретация изображения практически невозможна, можно лишь высказать несколько предположений. Первое — изображение похоже на орнаментальное. Подобного вида орнаменты известны еще со времен палеолита и имеют многочисленные параллели, в том числе и в древнерусских орнаментах. Второе: данное изображение в значительной степени напоминает граффити на хазарской керамике (см. напр. *Флерова*, 1997. С. 149, табл. XVII, № 105 и др.) и на астрагалах, которые могли использоваться при гаданиях или как предмет досуга (*Флерова*, 1997. С. 59. С. 120121, табл. VIII—IX). И, наконец, изображение на фрагменте керамики весьма схоже с некоторыми скандинавскими руническими надписями на арабских монетах (ср.: *Добровольский, Дубов, Кузьменко*, 1991. С.168, № 94). Действительно, при желании в рисунке можно увидеть «птичью лапу», по начертанию схожую с руной Áльгиз (ᛉ) — пятнадцатой из 24 общегерманских и 16 скандинавских (северных) рун. Название руны ***Algiz*** (иногда Elhaz) происходит от слова «*Elch*» — «лось» и означает «защита». Эта руна в малом Футарке известна как Руна Манн, символизирующей человека.

В любом случае, независимо от смыслового содержания рисунка, по справедливому замечаю В.Е.Флеровой, «изобразительная деятельность, присущая любой человеческой культуре, оставленные ее носителями рисунки и различные пиктографические знаки — ценный и редкий исторический источник, особенно для археологических культур» (*Флерова*, 1997. С. 7). На мой взгляд, это относится и к исследуемому фрагменту. Эпиграфическая же находка вполне вписывается в контекст остальных «статусных» находок, сделанных на поселении, и свидетельствует, как и находки на селище предметов книжной гарнитуры (*Новожеев, Брешков*, 2012. С. 61—63, рис. 35—37) , о распространении грамотности среди местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М.: Наука, 2000.

Новожеев Р.В. Памятники древнерусской письменности из Вщижа // http://bryanskvek.narod.ru/images/publication/pismennost.htm (время доступа 27.03.2013 г.)

Новожеев Р.В., Брешков Р.В. Древности села Лопушь. Материальная культура деревни среднего Подесенья в XI — XVII вв. Историко—археологические очерки. Брянск: Изд-во Брянской ГСХА, 2012.

Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Археологические исследования в Брянске и области в 2012 году // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2012 год. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 85—91.

Brieszkow R., Czubur A., Poliakow G. Wieś dworska i zamek Łoposz w XI—XVII w. na podstawie źródeł pisanych I archeologicznych (komunikat wstępny) // Koninskie zeszyty muzealne. T. 7. 2011. Konin, 2012. S. 106—117.

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГЕОГРАФИИ РАН В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (2010—2012 ГГ.)

О.Н.Соломина, *д.г.н., член-корр. РАН,*

В.В.Мацковский, *к.г.н.,*

Институт географии РАН

Возможности прогноза естественной и антропогенной изменчивости климата часто бывают ограничены в связи с короткими рядами метеорологических данных. Косвенные индикаторы климата, в частности ширина и плотность годичных колец, могут в какой-то мере заменить инструментальные наблюдения в прошлом и продолжить ряды вглубь веков. Дендрохронологический метод в этом отношении является одним из самых перспективных: эти данные имеют годовое и даже сезонное разрешение, поддаются калибровке с помощью инструментальных метеорологических наблюдений и потенциально доступны во всех районах, где растут деревья (*Шиятов* и др., 2000).

Для прогнозирования климатических изменений необходимо иметь информацию не только и не столько о глобальном, но в большей степени — о региональном климате. Изучение климатической изменчивости в Калужской области, как важного района центра Европейской территории России (ЕТР) с помощью косвенных методов индикации, в частности дендрохронологии, является, таким образом, одной из актуальных задач для понимания тенденций изменчивости климата во всем регионе.

Дендрохронологические исследования в Калужской области проводятся лабораторией дендрохронологии Института географии РАН с 2010 года. Их основной целью является изучение динамики радиального прироста сосны в различных местообитаниях, ее реакции на изменение климатических условий, дендрохронологическое датирование архитектурных и археологических объектов и построение длинной обобщенной древесно-кольцевой хронологии сосны для Калужской области на основе образцов из живых деревьев, архитектурных и археологических объектов.

Принципы и методы дендрохронологических исследований

Основными принципами дендрохронологии являются закон лимитирующих факторов, отбор районов и местообитаний, чувствительность, перекрестная датировка, повторность и униформизм (Шиятов, 1973). Здесь мы обсуждаем их с дополнениями, касающимися выбранного района исследования.

Закон лимитирующих факторов, который заключается в том, что биологические процессы (в частности рост древесных растений) не могут протекать быстрее, чем это позволяется внешним или внутренним фактором, находящимся в минимуме. В случае, если этот фактор в силу каких-либо причин переходит в разряд оптимальных, скорость роста будет увеличиваться до тех пор, пока другой фактор (или факторы) не станут лимитирующими. Согласно этому закону, для дендрохронологического анализа наиболее пригодны те деревья, на прирост которых оказывает влияние тот или иной фактор, в предельном случае только один. На территории исследуемого региона большинство деревьев растет в условиях, близких к оптимальным (далеко от границы ареала). Это означает, что лимитирующие факторы в этих условиях могут меняться и зачастую сложно выделить фактор, являющийся лимитирующим в конкретный момент времени.

Принцип отбора районов и местообитаний. Этот принцип требует, чтобы при проведении дендрохронологических исследований образцы древесины брались у деревьев, которые произрастают в неблагоприятных и экстремальных климатических условиях, где наиболее полно проявляется действие лимитирующих факторов. В нашем исследовании этот принцип сводился к поиску наиболее старых деревьев в Калужской области. Эта задача осложнялась длительным и сильным антропогенным воздействием в регионе.

Принцип чувствительности используется при анализе древесно-кольцевых хронологий. В благоприятных для роста деревьев районах и местообитаниях формируются широкие годичные кольца. При этом у таких деревьев хорошо выражены изменения прироста с возрастом, а величина прироста между соседними годами колеблется в незначительных пределах. В неблагоприятных для произрастания деревьев условиях кольца узкие, их ширина значительно колеблется от года к году, возрастная кривая роста выражена слабо. Часто наблюдается выпадение колец. Такие серии колец называются «чувствительными». Они свидетельствуют о том, что на рост деревьев большое влияние оказывают факторы внешней среды. Чем сильнее погодичная изменчивость величины прироста деревьев, тем более надежным индикатором изменений условий среды она является. Однако достаточно часто встречается ситуация, когда из двух радиусов, взятых из одного дерева, один оказывается «чувствительнее» другого. То же относится и к двум разным деревьям с одной пробной площади. Тем не менее, обычно берутся все радиусы и деревья с пробной площади для получения лучших статистических характеристик итоговой хронологии. Таким образом, и этот принцип используется с оговорками.

Принцип перекрестного датирования является важнейшим в дендрохронологии и разработан с целью абсолютной и относительной датировки времени формирования колец с точностью до года. Древесные растения, произрастающие в пределах однородного в климатическом отношении района, величиной прироста сходно реагируют на изменения лимитирующих климатических факторов. В благоприятные по климатическим условиям годы у большей части деревьев формируются широкие кольца, а в неблагоприятные — узкие. В связи с этим у таких деревьев наблюдается синхронная изменчивость величины прироста во времени. Особенно показательны узкие кольца, когда прирост в наибольшей степени лимитируется тем или иным климатическим фактором. Чередование узких, средних по величине и широких колец неповторимо во времени. Поэтому максимально возможная синхронность в приросте между разными деревьями наблюдается лишь в том случае, если графики изменения прироста будут совмещены строго хронологически. Метод перекрестного датирования позволяет выявлять местонахождение ложных и выпавших колец и производить абсолютную и относительную датировку каждого кольца с точностью до года у сравниваемых индивидуальных древесно-кольцевых хронологий, а также продлевать хронологии далеко вглубь веков на основе использования древесины давно отмерших деревьев.

Принцип повторности, т.е. использование информации не с одного, а с определенного числа модельных деревьев, является непременным условием точной датировки колец, построения надежных древесно-кольцевых хронологий и производства более точной реконструкции условий среды в настоящем и прошлом.

Принцип униформизма (актуализма) применительно к дендрохронологии утверждает, что физические и биологические процессы, обусловливающие изменения в росте дерева под воздействием факторов окружающей среды в настоящее время, вызывали подобные же изменения в прошлом. Этот принцип является обоснованием широкого использования древесно-кольцевых хронологий для реконструкции прошлых условий окружающей среды, учитывая то, что деревья — долгоживущие организмы, а экстраполяция обычно осуществляется на короткие геологические интервалы времени (сотни и тысячи лет) (*Шиятов* и др., 2000). При отсутствии устойчивости климатического отклика деревьев даже на протяжении инструментального периода, использование древесно-кольцевых хронологий для количественных реконструкций климата прошлого становится затруднительным.

Таким образом, из-за специфики выбранного района исследования четыре из шести этих принципов вынужденно нарушаются или используются с оговорками. Это также отчасти объясняет малую изученность района в отношении дендроклиматологии. Только принципы перекрестной датировки и повторности безоговорочно принимаются в рамках данной работы.

Керновое бурение живых деревьев проводилось с помощью бура Пресслера с внутренним диаметром 5 мм и внешним диаметром 10 мм. Он позволяет провести отбор образцов, не нанося вред живому дереву. Образцы отбирались на высоте 1—1,5 м от поверхности земли, по два керна из каждого дерева под углом не менее 90° друг относительно друга. Заглавными латинскими буквами обозначались коллекции образцов (с одной пробной площади живых деревьев, из отдельных строений и раскопов), арабскими цифрами — номера деревьев (бревен), последняя строчная латинская буква — индекс керна, например, OPP 1a. Образцы с археологических и архитектурных объектов, по возможности, отбирались и в виде спилов, а также электрическим приростным буром с внутренним диаметром 7 мм и внешним диаметром 8 мм.

Дальнейшая обработка образцов проводилась в дендрохронологической лаборатории Института географии РАН в соответствии с общепринятыми методическими требованиями древесно-кольцевого анализа (Шиятов и др., 2000; Cook, Kairiukstis, 1990). Керны были вклеены в деревянные подложки и отшлифованы для увеличения контрастности колец. Спилы также были отшлифованы, либо обработаны лезвием. Затем годичные кольца посчитаны и размечены по десять, пятьдесят и сто лет. Измерения ширины годичных колец производились на установке LINTAB с точностью 0,01 мм с использованием программного обеспечения TSAP (Rinn, 1996). С помощью программы COFECHA (Holmes, 1983) проводился контроль качества измерений и поиск выпадающих и ложных колец.

Образцы, отобранные из строений и археологических объектов, вначале подвергались перекрестной датировке с образцами из того же объекта. Затем, также путем перекрестного датирования, привязывались к хронологии, имеющей календарную привязку. Все датировки на каждом этапе проходили контроль качества с помощью тестов программы COFECHA.

Перед использованием серий измерений ширины годичных колец для изучения реакции прироста деревьев на климатические параметры, необходимо устранить посторонние факторы, также влияющие на прирост древесины. Одним из главных таких факторов является уменьшение ширины колец с возрастом — возрастной тренд. Для исключения возрастного тренда, древесно-кольцевые серии были проиндексированы с помощью программы ARSTAN (Cook, 1985; Cook, Holmes, 1986). Возрастной тренд удалялся с помощью отрицательной экспоненты. Индексированные значения получались делением значения ширины кольца в каждый год на значение аппроксимирующей функции в этот год. Измерения ширины колец для каждой пробной площади погодично усреднялись, и таким образом строилась сводная древесно-кольцевая хронология.

Результаты исследований

В этой работе мы представляем ***древесно-кольцевую хронологию сосны для Оптиной пустыни***, образцы для которой были отобраны в заповедном бору рядом с монастырем, и анализируем ее свойства. Уникальность этой хронологии заключается в том, что в нее входят образцы сосны со средним возрастом более 200 лет (максимальный возраст 294 года), что необычно для средней полосы России. Несмотря на свой значительный возраст, эти деревья прекрасно сохранились. В частности, ни в одном из них не было обнаружено сердцевинной гнили. Несколько таких сосен, к сожалению, погибло при урагане летом 2010 г., остальные по-прежнему украшают окрестности монастыря Оптина Пустынь и должны охраняться как замечательный памятник природы средней полосы России.

Нам удалось построить хронологию сосны «Оптина Пустынь» (OPP), охватывающую период с 1717 по 2010 гг., состоящую из 5399 колец, 24 серий (средняя взаимная корреляция серий r=0,525), со средним коэффициентом чувствительности равным 0,27. Годы наибольших угнетений (т.е. уменьшения ширины колец) по хронологии сосны «Оптина Пустынь» отмечались в 1731, 1767, 1797, 1816 (известный «год без лета»,

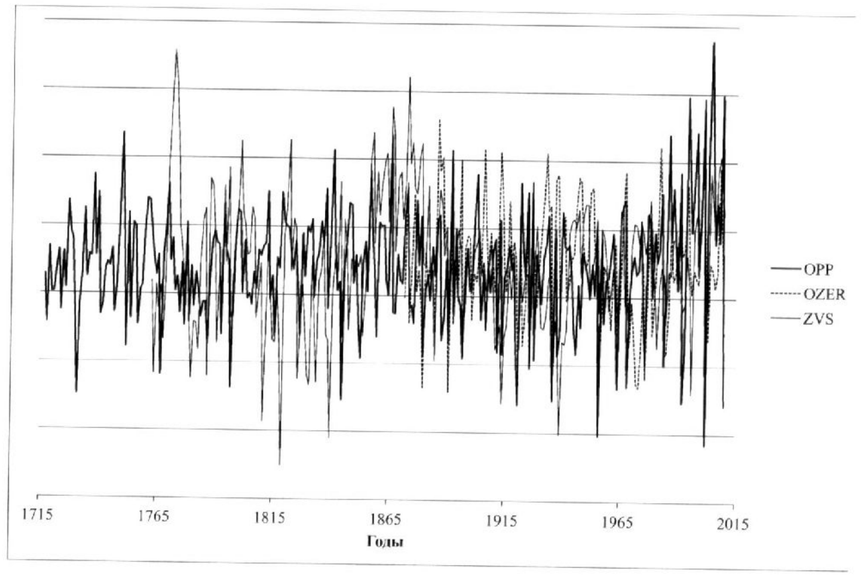


Рис. 1. Древесно-кольцевые хронологии по живым деревьям сосны из Оптиной пустыни (OPP), Звенигорода (ZVS) и Озерского р-на Московской обл. (OZER).

после извержения вулкана Тамбора в Индонезии), 1827, 1845, 1853, 1880, 1897, 1921, 1936, 1956, 1964, 1968, 1976, 1984, 1992, 2002, 2010 гг. Хронология сосны из Оптиной Пустыни (OPP, 1717—2010 гг.) хорошо соотносится с построенными нами хронологиями сосны из Звенигорода (ZVS, 1763—2010 гг.) и Озерского района Московской области (OZER, 1872—2010 гг.), но превосходит их по длине *(рис. 1)*.

Вопрос о том, от чего зависит ширина годичных колец в рассматриваемом регионе, может быть решен при помощи корреляционного анализа хронологий с метеорологическими параметрами. Результаты корреляционного анализа метеорологических данных (минимальные, максимальные, средние месячные температуры, осадки) с хронологией показывают, что важную роль для прироста сосны играют условия зимы

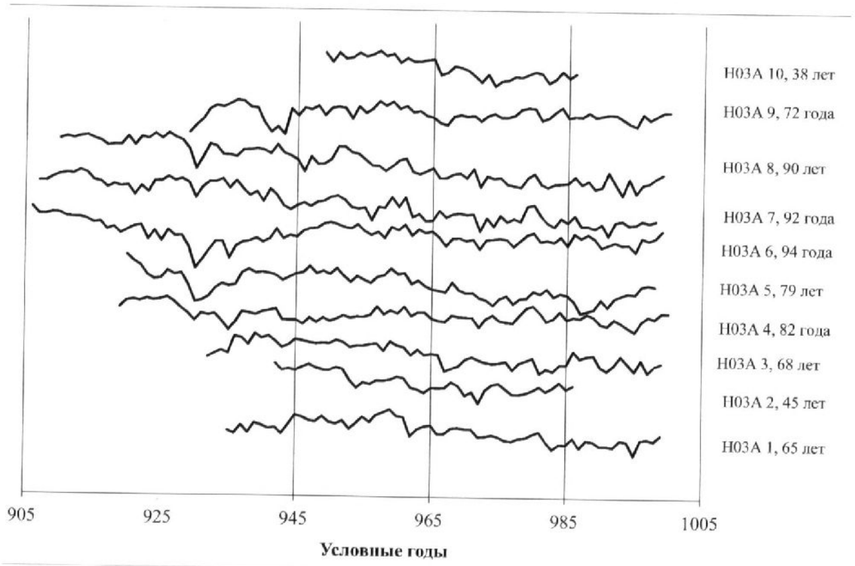


Рис. 2. Перекрестная датировка серий ширины годичных колец образцов, отобранных на чердаке Калужского областного краеведческого музея.

и ранней весны. Нехолодные зимы и весны с большим количеством осадков способствуют формированию широкого годичного кольца в этих условиях. Для формирования древесины важны и условия начала лета — в это время главную роль играет увлажненность и отсутствие заморозков. Благоприятен также теплый октябрь. Интересно, что ширина колец коррелирует и со среднегодовыми значениями температур и осадков. Наиболее тесную корреляцию ширина колец в Оптиной Пустыни имеет с индексом сухости и влажностью почвы. Аналогичный вывод получен и для других хронологий центрального региона (Мацковский, Соломина, 2011). В полном согласии с этим выводом исключительно жаркое и сухое лето 2010 г. отрицательно сказалось на приросте сосны в этом районе.

Первые исследования в ***Калужском бору*** показали, что максимальный возраст произрастающих там деревьев — не менее 280 лет. Однако отобранных нами образцов (6 кернов из трех деревьев) пока недостаточно для построения качественной древесно-кольцевой хронологии.

Отбор образцов был также произведен на чердаке ***Калужского областного краеведческого музея*** (ул. Пушкина, 14). Всего было отобрано 10 образцов, содержащих от 38 до 94 годичных колец. Внешние кольца 8 из 10 образцов легли в интервал 3-х лет, что подтверждает одновременность заготовки древесины. Все образцы удалось перекрестно датировать между собой и создать плавающую хронологию длиной 95 лет *(рис. 2)*. Получить абсолютную датировку хронологии не удалось, так как статистические коэффициенты при ее сравнении с хронологией для Оптиной пустыни оказались недостаточно высоки. Мы предполагаем, что это может быть связано с использованием привозной, а не местной древесины при строительстве крыши здания.

Дендроархеологические исследования. Нами была предпринята попытка дендрохронологического датирования материалов из раскопок Гостиного двора в центре Калуги *(рис. 3)*. На основе находок монет в заполнении и по стратиграфии можно предположить, что время постройки деревянного сооружения, найденного при этих раскопках, относится к середине 18 века. Были отобраны спилы с 24 бревен и досок, относящихся к этому сооружению. Несмотря на небольшое число годичных колец, содержащихся в образцах (от 26 до 70), 17 из них удалось перекрестно датировать между собой и создать плавающую хронологию длиной 79 лет. Перекрестное датиро-

Рис. 3. Деревянная постройка, обнаруженная при раскопках Гостиного двора в Калуге. Зачистка по материку, вид с севера.

вание этой хронологии с хронологией из Оптиной пустыни не дало приемлемых статистических результатов во временном интервале 18 века. Это может быть связано с небольшим перекрытием этих хронологий. Если строение действительно относится к середине 18 века, то перекрытие двух хронологий составит всего лишь около 30 лет, что недостаточно для уверенного дендрохронологического датирования.

Заключение

Всего в результате наших исследований в Калужской области в 2010—2012 гг. было собрано 5 коллекций дендрохронологический образцов и отобрано более 70 кернов и спилов из живых деревьев, архитектурных и археологических объектов. Была построена хронологии по живым деревьям сосны протяженностью в 294 года. Определены климатические условия, влияющие на прирост сосны в этом регионе.

Исследования в Калужском областном краеведческом музее позволили построить плавающую хронологию длиной 95 лет, но привязать ее к календарным датам пока не удалось. То же относится к плавающей хронологии по материалам раскопок Гостиного двора длиной 79 лет.

Проведенные исследования создали задел для построения непрерывной многовековой дендрошкалы по сосне в Калужской области. Ближайшими перспективами продолжения данных исследований являются построение хронологий по живым деревьям из калужского бора и Национального парка Угра, а также измерение и перекрестная датировка новых археологических образцов из Калуги.

Благодарности

Мы благодарим ***И.В.Болдина*** и ***Г.А.Массалитину*** за помощь в проведении работ; ***В.Н.Михаленко***, ***Е.А.Долгову*** и ***М.Ю.Александрина***, принимавших активное участие в данном исследовании; председателя Липецкого областного краеведческого общества ***А.Ю.Клокова***, указавшего нам на существование уникальных старовозрастных сосен в Оптиной Пустыни; ***В.В.Грязнову*** и ***Ю.З.Мацковскую*** за помощь в измерении образцов.

Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 09-05-00982-а, №11-05-10074-к, Программы Президиума РАН № 4 и гранта Президента РФ МК-7354.2013.5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мацковский В.В. Соломина О.Н. Климатический сигнал в ширине годичных колец хвойных деревьев на севере и в центре Европейской территории России // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. Том XXIV. М., 2011. С. 256—270.
2. Шиятов С. Г. Дендрохронология, ее принципы и методы // Записки Свердловского отдния ВБО. Вып.6. 1973. С. 53—81.
3. Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Часть I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. Красноярск, 2000.
4. Cook E.R. A Time Series Analysis Approach to Tree-Ring Standartization: Ph. D. Diss. University of Arizona, 1985.
5. Cook E.R., Holmes R L. Users Manual for Program ARSTAN // Holmes R. L., Adams R.K., Fritts H.C. Tree-Ring Chronologies of Western North America: California, Eastern Oregon and Northern Great Basin. By Laboratory of Tree Ring Research. Tucson (Ariz.), 1986. P. 50—65.
6. Cook E. R., Kairiukstis L. A. Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences. Dordrecht; N. Y., 1990.
7. Holmes R.L. Computer-Assisted Quality Control in Tree-Ring Dating and Measurement // Tree-Ring Bulletin. 1983. Vol. 43. P. 69—78.
8. Rinn F. TSAP. Version 3.0. Reference manual. Computer program for time series analysis and presentation. Heidelberg, 1996.

МЕДНОЛИТАЯ ИКОНА СПАСА, НАЙДЕННАЯ В КАЛУЖСКОМ БОРУ

В.Г.Пуцко, *засл. работник культуры РФ, с.н.с.,*
Калужский областной художественный музей.

Результаты археологического изучения старообрядческого кладбища в Калужском бору известны[1]. Оно расположено на склонах холма и издавна привлекало к себе внимание, особенно после его первого обследования в 1720 г., когда установлено, что «явились погребены многие старцы и старицы знатно и живые, понеже у них руки и ноги связаны и на устах подушки, и сандалии и чулки с ног сбиты, из которых тамошние жители именуют за святого погребенного в тех кладбищах старца Феофана и поют по нему панихиды[2]. Погребальный инвентарь представлен бронзовыми нательными крестами, медными монетами 1810—1829 гг., остатками кожаной обуви, фрагментами тканей, кожаными лестовками.

Невдалеке от указанного места, по утверждению находчика, была обнаружена публикуемая массивная медная икона, размером 12,2 х 8,4 см, с рельефным поясным изображением Христа, отлитая кустарно, по оттиску готового изделия в глиняной форме *(рис. 1, 2)*. Исследователям и коллекционерам произведений русской металлопластики хорошо известны экземпляры этой иконы, возбуждающие любопытство благодаря курсивной рельефной надписи на оборотной стороне вверху: ***«7102 лета»***, что соответствует 1594 г. Известные же экземпляры относятся к значительно более позднему времени, а эпиграфические признаки датирующей надписи указывают скорее всего на рубеж XVIII—XIX вв. Это соответственно вызывает вопрос: зачем и кому понадобилось пометить изделие датой, противоречащей реальному изготовлению? Нельзя ли установить, имеем ли дело с заурядной подделкой или приведенная дата механически перенесена с раннего не сохранившегося оригинала?

Для того, чтобы получить ответ на поставленные вопросы, следовало бы соотнести максимальное количество сохранившихся экземпляров иконы, а это условие практически невыполнимо. Отливки встречаются в самых неожиданных местах, часть их успела оказаться в зарубежных коллекциях. Поэтому остается довериться анализу художественных форм, тем более, что именно они могут дать представление об оригинале этого загадочного медного рельефа. Отчетливо распознаются два варианта меднолитой иконы, имеющие общую модель, явно обязанные ее вынужденной адаптации и параллельному изготовлению аналогичных изделий в различных центрах медного художественного литья, предназначавших свою продукцию для старообрядческой среды.

Первый из них, по-видимому, количественно преобладающий, с сильно сглаженной поверхностью рельефной полуфигуры Христа и наличием вокруг заполненного славянским текстом широкого обрамления валика в виде балясины[3] *(рис. 1, 3)*. Обычные размеры иконы 12,7 х 8,6 см, но они могут оказаться и иными, поскольку зависели от уменьшенной в размерах при высыхании глиняной литейной формы. Скажем, хранящийся в Минске экземпляр 12,8 х 8,6 см[4], а представленный в Церковном музее в Софии (№ 6089) — 11,0 х 8,0 см[5]. Второй вариант с упрощенным обрамлением, без обрамляющего валика, несколько меньших размеров: экземпляр в Минске — 11,6 х 7,7 см[6]; сильно «заплывший» в частном собрании в Германии — 11,7 х 7,6 см7 *(рис. 4)*; в Пермской Государственной художественной галерее — 11,5 х 7,7 см[8] *(рис. 5)*. В первом случае моделью послужил сравнительно качественный отливок, и его воспроизведение пришлось лишь обработать резцом. Во втором — состояние модели оставляло

Рис. 1. Спас Вседержитель. Медный сплав, литье. Конец XVIII — начало XIX в. (по оригиналу 1594 г.). Калуга, Частное собрание. Лицевая сторона.

Рис. 2. Спас Вседержитель. Та же икона из Калужского бора. Оборотная сторона.

Рис. 3. Спас Вседержитель. Медный сплав, литье. Конец XVIII в. (по оригиналу 1594 г.). Германия, Частное собрание.

Рис. 4. Спас Вседержитель. Медный сплав, литье. XIX в. (по оригиналу 1594 г.). Германия, Частное собрание.

Рис. 5. Спас Вседержитель. Медный сплав, XIX в. (по оригиналу 1594 г.), Пермь, Государственная художественная галерея.

желать лучшего, и поэтому воспроизведение производит впечатление сильной изношенности, поскольку детали изображения кажутся весьма потертыми либо заплывшими при отливке. Наконец, в третьем — изделие тщательно прочеканено, детали пройдены резцом. Если сравнить между собой все эти экземпляры, в литературе одинаково относимые к XIX в. с оговоркой о выполнении **«по иконографии XVI в.»**, то можно обнаружить явное несоответствие в трактовке лица, складок одежды, в проработке вязи обронного текста обрамления. Становится очевидным, что это результаты последовательной переработки раннего образца, сопровождаемой также изменением формы оглавия с рельефным образом Спаса Нерукотворного.

Одним словом, перед нами неизбежное следствие производства литых икон по оттискам готовых изделий, при котором продукция выходила с заплывшим рельефом. Русское художественное литье XVIII—XIX вв., развивавшееся преимущественно в старообрядческой среде, насчитывает более сотни только основных моделей. Датированные же произведения среди них единичны, а дата не соответствующая технологическим признакам экземпляров является беспрецедентной. Не относится ли она к утраченной модели, выполненной в иной технике и в ином материале?[9]

Строгое полуфигурное изображение Христа Пантократора, благословляющего двуперстно правой рукой перед грудью, держа в левой закрытый кодекс, для византийской иконографии является традиционным. Этот образ известен на Руси по многочисленным образцам иконописи, но в средневековой каменной пластике малых форм он представлен лишь в отдельных случаях[10]. Ни один из них не восходит к тому же оригиналу, что и медный рельеф, датированный 1594 г. Такими иконографическими особенностями, за исключением второстепенных деталей, отличается лишь шиферная икона в серебряной сканной оправе, отнесенная к XVI в., из ризницы Троице-Сергиевой лавры[11]. Подобная иконографическая формула получает известность в пластическом искусстве, впрочем, значительно

Рис. 6. Деисус. Камень, резьба. Около 1627 г. Рельеф метопа фриза северного фасада Успенской церкви во Львове.

раньше, с начала XIII в., судя по византийским камеям. При этом кисть благословляющей руки Христа и кодекс Евангелия увеличенных размеров, как в литике рубежа XIII—XIV вв., находившемся в ризнице Благовещенского собора в Сольвычегодеке[12]. Развитие данного иконографического образа прослеживается прежде всего в византийской живописи. Достаточно сравнить изображение Христа Пантократора на двусторонней иконе второй половины XIII в. из Успенского собора Московского Кремля[13] и на иконе около 1363 г. из афонского монастыря Пантократора, в Государственном Эрмитаже[14]. Видоизменяются рисунок и пропорции, в частности в русских произведениях, таких как двусторонняя икона 1360-х гг. из Покровского монастыря в Суздале[15]. Непосредственным образцом для оригинала рельефной иконы, датированной 1594 г., по-видимому, послужила икона конца XV в., аналогичная обнаруженной в церкви Ламского погоста под Весьегонском[16] *(рис. 7)*. Наметившиеся в последнем случае тенденции к удлинению пропорций в рельефе нашли дальнейшее развитие.

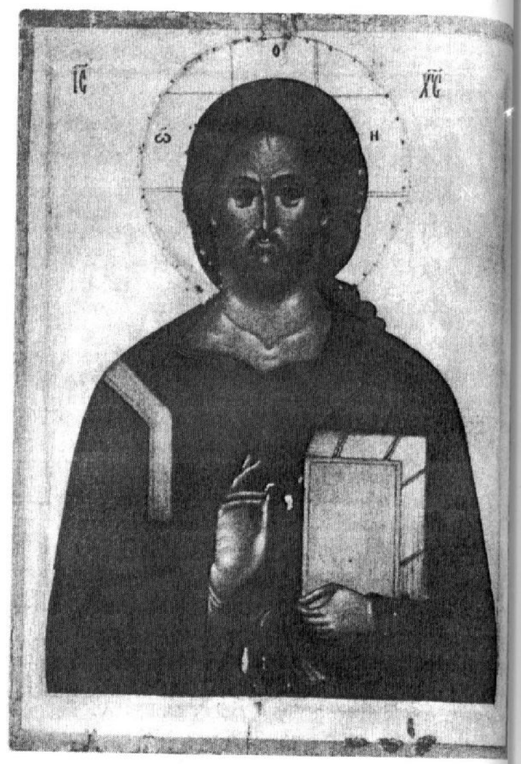


Рис. 7. Спас Вседержитель.
Конец XV в.
Икона из Ламского погоста.
Тверь, Картинная галерея.

Нельзя не заметить, что в меднолитой иконе Спаса с редкой очевидностью ощущается фактура мягкого материала, но без признаков выполнения рельефного изображения из воска. Движения резца типичны для художественной обработки дерева. Это особенно проявляется в проработке прядей волос, черт лица, в манере выявления складок одежд. Изображение в своей верхней части является горельефным. Оригинальность исполнения заключается в том, что резчик, воспроизводя иконописный оригинал, привносил в его пластическую интерпретацию ренессансные художественные формы. Отсюда бросающаяся в глаза неординарность, если не светскость. Свое иноземное происхождение резчик выдал трактовкой нимба, повернутого верхней частью к зрителю, мыслимого в форме диска, прикрепленного в наклонном положении к голове. В западноевропейской пластике XV—XVI вв. такая деталь не является редкостью[17]. Нимб в раккурсном положении можно отметить и в выполненной итальянским мастером в начале XVII в. каменкой резьбе метопа фриза Успенской церкви во Львове[18] *(рис. 6)*.

Известно о том, что со второй половины XV в. в московских царских мастерских кроме русских мастеров были и иностранцы, и в царствование Ивана IV их было так много, что они образовали в столице особую Немецкую слободу. При Борисе Годунове видим в числе серебряников венецианского ювелира Франческо Ашентини, вырезавшего изображения на драгоценных камнях для царского перстня и креста[19]. В это же время золотых дел мастер и ювелир Яков Ган изготовил по восковым моделям отлитые в человеческий рост золоченые фигуры Христа, архангела Гавриила и двенадцати апостолов, для нового храма, сооружение которого предполагалось в Кремле20. Естественно, что среди этих мастеров мог оказаться и выполнивший оригинал описываемой иконы, имеющий все признаки элитарного происхождения.

Плоскость широкого обрамления рельефной иконы Христа Пантократора заполнена великолепной кириллической славянской вязью с эпиграфическими признаками, характерными для Москвы последней четверти XVI в., в технике оброна, текстом тропаря Преображения Господня: ***«Преобразися на горе Хр(ис)те Б(о)же показа / оученикомъ славу свою иако можаху / да восияетъ и намъ греш/нымъ светъ твой присносущи»***. Для последней фразы гимна не оказалось места, и тропарь оказался воспроизведен в усеченном виде. Художественный прием заполнения обрамления декоративно трактованным текстом в московской металлопластике получает распространение преимущественно в оформлении литургических сосудов и панагий. Но с середины XV в. его применяют и для украшения икон-складней, а также ковчегов-мощевиков[21]. Во второй половине XV в. вырезаны две иконы из кипариса, на которых вокруг изображений Богоматери Одигитрии и Троицы размещены обронные тексты: *«О Тебе радуется»* и *«Видехом свет истинный»*[22].

Почему же в данном случае текст сюжетно не соотнесен с обрамляемым им изображением? Едва ли это можно объяснить невнимательным отношением заказчика или мастера-ювелира. Трудно допустить и выполнение рельефа для уже готовой оправы: обычно дело обстояло скорее наоборот. Обрамление имело еще украшенное изображением Спаса Нерукотворного оглавие, соединенное с ним посредством шарнира. На части сохранившихся экземпляров, уже меднолитых, можно заметить следы функционально действующего шарнира, тогда как позже эту деталь имитируют несколько параллельно нанесенных линий. Можно ли сомневаться в том, что в литье из медного сплава воспроизведено реально существовавшее произведение деревянной пластики в ювелирной оправе, выполненное в Москве в конце XVI в.? Следовательно, датировка оригинала 1594 г., заботливо перенесенная на поздние отливки, не обязана фантазии более позднего ремесленника. Известна еще икона св. Георгия-змееборца с заполненным подобной вязью обрамлением, с текстом тропаря «Подвигом подвизался еси», датируемая по стилистическим признакам рубежом XVI—XVII вв.[23] Следовательно, речь может идти о моделях одной эпохи.

Итак, не получившим объяснения остается лишь несоответствие текста тропаря Преображения представленному иконографическому образу. Конечно, правомерно считать, что образ Христа Пантократора является носителем той Божественной славы, которая была зрима апостолами на Фаворе. Но вместе с тем речь не идет о реплике названной композиции. Думается, что не возникнет противоречий, если предположить предназначение иконы служить прикладом к храмовой с изображением Преображения Господня. Такая икона в ювелирной оправе могла быть привешена, скажем, к храмовой иконе построенного Иваном Грозным каменного собора Спасского монастыря в Муроме, к храмовой иконе построенного в 1511 г. Спасо-Преображенского собора Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря или к храмовой иконе освященного в 1566 г. соборного Преображенского храма Соловецкого Преображенского монастыря. Все эти обители могли иметь подобные царские вклады, и не исключено, что по мере изучения сохранившихся описей окажется реальным данное отождествление. В любом случае, меднолитая икона Спаса может быть рассматриваема как воспроизведение резной из дерева и украшенной ювелирной оправой в 1594 г. Заметим, что выполнение оригинала иконы приходится на последние годы царствования набожного Феодора Иоанновича (1584—1598).

Теперь надо сказать несколько слов о калужской находке, локализованной бором и, по-видимому, связанной своим бытованием с упомянутым старообрядческим кладбищем, где была врезана в деревянный голубец. Фактура лицевой и оборотной сторон иконы, отлитой в составной форме, свидетельствует о том, что ее отделяют от оригинала несколько промежуточных копий, что последовательно ухудшало качество рельефа, утратившего свою четкость. В тоже время местами наводили линии складок одежд и подправляли заплывшие литеры текста на обрамлении. Появились и механические повреждения, отсутствующие на других экземплярах. Что касается затеков металла и неровностей нижнего края, то это, несомненно, следует отнести к данному изделию, имеющему на торцовой стороне оставшийся не спиленным шов. Все указывает на то, что отливка осуществлена в кустарных условиях и что изготовивший икону ремесленник был не в состоянии устранить даже те технические погрешности, которых не смог избежать. Нет твердой уверенности в изначательном характере крупных рельефных монограмм Христа, но они более ранние, чем разнохарактерные на втором варианте, радикально переработанном. Все это как будто не выводит икону из Калужского бора за хронологические пределы последних десятилетий XVIII — начала XIX вв. Располагая более обширным сравнительным материалом, возможно, в будущем удастся придти к несколько иным выводам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Станюкович А.К. Итоги изучения могильника в Калужском Бору // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов научно-практической конференции. Калуга, 1987. С. 37—39; Фролов А.С. Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII в. в Калужском бору // Боровский краевед. Вып. 3. Боровск, 1991. С.24—26.

[2] Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. (Прошлое и настоящее местного раскола). Калуга, 1900. С. 15—16; Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга, 1999. С. 334—335.

[3] Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отд. VIII—XI, М., 1908; Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датирования древнерусского медного литья // Известия ГАИМК. Вып. 73.1933; Jeckel S. Russische Metall-Ikonen — in Formsand gegossener Glaube. 2. Aufl. Bramsche, 1981. S. 39, 46. Abb. XXX, XXXIV.

[4] Карпенко Е. «Образ литой, старинный...». Медное художественное литье XII—XX вв. из собрания Национального художественного музея Республики Беларусь. Каталог. Минск, 2006. С. 87. Кат. № 148.

[5] Blanlcoff J. Passerport pour ua encolpion. Bruxelles, 1986. P. 24. Fig. 8.

[6] Карпенко Е. «Образ литой, старинный...». С. 87. Кат. № 149.

[7] Kirchenschätze des Christlichen Osten. Metallikonen. Recklinghausen, 1986. S. 11, 95. Kat. № 1.

[8] Русское медное литье. Избранные памятники в собраниях Урала. Екатеринбург, 2008. С. 38. Ил. 13.

[9] Это предположение было мной высказано уже в докладе «Медная икона Христа Пантократора с «фальшивой» датой — 1594 г.», прочитанном в августе 1991 г. на конференции в Самаре, проведенной Государственным Русским музеем и оставшейся не удостоившейся напечатания ее материалов.

[10] Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—X вв. // САИ. Вып. Е1-60. М., 1983. Кат. № 1, 4, 119, 260, 266, 360, 371.

[11] Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII-XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 188-189, Кат. № 74.

[12] Пуцко В.Г. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сборник научных трудов. СПб., 2001. С. 149. Ил. 1.

[13] Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века. Каталог. М., 2007. С. 94—97. Кат. № 5.

[14] Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII — первой половины XV века. Каталог выставки. М., 1991. С. 222—223. Кат. № 35.

[15] Там же. С. 245—246. Кат. № 78.

[16] Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV—XVI века. М., 1979. С. 321—325. Кат. № 23.

[17] См.: Spätgotik am Oteerrhein. Meisterwerke der Plastik und des Kunsthandwerks, 1450—1530. Karlsruhe, 1970. Kat. № 222—224, 228; Gotic and Renaissance Art in Nuremberg. 1300—1550. New York — Munich, 1986. Cat. № 52.

[18] Любченко В.Ф. Львівська скульптура XVI—XVII століть. Київ, 1981. С. 85—86.

[19] Постникова-Лосева М.М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты VI—XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 146.

[20] Подробнее см.: Баталов А. Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 270—282.

[21] Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1-49. М., 1971. С. 85—87. Табл. 54, 56. Кат. № 84, 87 (1456, 1463 гг.).

[22] Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII-XVII веков в собрании Загорского музея. С. 159—162. Кат. № 50, 51.

23. Jeckel S. Russische Metall-Ikonen — in Formsand gegossener Glaube. S. 29. Abb. XXI.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В ТУЛЬСКОМ КРАЕ

А.С.Панин, *к.и.н., н.с.,*
Историко-архитектурный и ландшафтный музей «Тульский некрополь»

На современном этапе история все чаще обращается не столько к фактографии, сколько пытается ответить на вопрос, какой смысл вкладывали люди в свою повседневную жизнь. *«Историк призван углубиться в аспекты повседневной жизни человека, который не утруждает (не утруждал) себя писаниной, в мир без текстов и без письма»*[1]. Исторические кладбища дают уникальную возможность расширить наше представление об истории, так как именно здесь сосредоточенны предметные источники позволяющие дополнить понимание «мира без текстов и письма». *«Историческое кладбище является неотъемлемой частью культурного наследия и представляет собой комплексный памятник, требующий комплексного же исследования...»*[2].

Комплексное изучение исторических кладбищ затруднено в силу все еще недостаточной изученности всей имеющейся совокупности погребений. Так *«на территории г. Тулы расположено три исторических кладбища общей площадью свыше 50 га, на которых сохранилось около 15 тыс. надгробий... произведено описание 500 надгробий. В силу этого методика комплексного изучения исторического некрополя не может быть в полной мере применена сегодня на тульских кладбищах...»*[3].

В тоже время каждое отдельное погребение уже представляет собой комплексный исторический источник, объединяющий в себе эпиграфику, символико-семантический план и общий тип погребения. Уже в силу внутреннего единства всех трех информативных сторон надгробия представляющего, по сути, объект православного культа, можно предположить и наличие смыслового единства самого кладбища — сакрального объекта, само появление которого определено христианской традицией погребения. Отсюда представляется допустимым попытаться реконструировать представления о смерти и посмертном существовании на основании уже изученных погребальных памятников.

Большой интерес представляет так называемое рядовое надгробие XX века.Под рядовым надгробием следует понимать, прежде всего, наиболее типичное, включающее в себя наиболее характерные, чаще всего повторяющиеся элементы намогильных памятников. Период XX века характеризуется скудностью источниковедческой базы, что создает необходимость применения новых подходов для усовершенствования информационной отдачи источников. Изучение именно рядового надгробия и позволит получить представление об отношении к смерти «молчаливого большинства». Иначе — мы можем попытаться в какой-то степени реконструировать содержание погребальной обрядности по отдельным имеющимся памятникам

Говоря о погребальной обрядности, прежде всего, следует иметь в виду, что представления о смерти и посмертии могли различаться в каноническом православии и в народных представлениях. Также как любой традиционный погребальный обряд мог иметь типичные черты и региональные различия. Однако на всем протяжении XX века в независимости от официального отношения к религии кладбище оставалось сакральным местом.

Так в XX столетии основным типом рядового надгробия в Тульском крае оставался крест — главный символ христианской религии. Он часто ставится на могилах даже в советское время, когда преследовались верующие. *«От 1950 — 1960-х годов на тульских исторических кладбищах сохранились деревянные шестиконечные кресты и трилистные деревянные кресты...»*[4] Вместе с тем еще в начале прошлого столетия отмечалось присутствие в намогильных памятниках элементов не связанных с православием. В 1903 году *«в Епифанском уезде... Во 2 Епифанском округе...Благочинный констатирует присутствие на кладбище бесформенных намогильных камней вместо крестов — замена камней крестами хотя и делается, но недостаточно, по укоренившемуся обычаю прихожан полагать такие камни...»*[5] Возможно обычай класть на могилы камни связан с тем, что камни «в земле вятичей» вообще долгое время служили предметом поклонения и объектом совершения различных магических обрядов. И сегодня в Тульской и Калужской областях сохранились огромные камни, носящие названия животных: «Конь-камень», «Свинья-камень», «Баран-камень», а также «Баш» и «Башиха».В конце XIX века Забелин М. отмечал: *«В Одоевском уезде, Тульской губернии, находятся два камня Баш и Башиха или Баши, которых чествуют жители... в летнее время, около Петрова дня, народ стекается в село толпами, сперва служат молебен Божией Матери — Умилению, а потом ходят кланяться камням, как бы на могилы усопших родственников»*[6].Интересно, что обычай «полагать такие камни» на могилы «на южных окраинах нашей губернии» сохранялся вплоть до недавнего времени[7]. Предположительно камень, в соответствии с традицией, «отворяет ворота в загробный мир»[8].

Можно видеть, что обряды похоронно-поминальные в общих чертах сохраняются на всем протяжении XX века, что говорит об их большом консерватизме. Также очевидно, что в погребальных обрядах Тульского края вплоть до недавнего времени наряду с православными элементами сохранялись и черты традиционного, дохристианского обряда. *«Погребальный обряд русского населения представлял и представляет собой комплекс ритуальных действий, порожденных верой в посмертное существование души. В этом комплексе христианский и языческий мировоззренческий пласты порой достигали органического взаимопроникновения, порой существовали параллельно...»*[9] Можно предположить что, прежде всего, камень на могиле не «отворяет ворота в загробный мир» а напротив, является пережитком языческой предохранительной магии и должен был воспрепятствовать выходу мертвеца из могилы.

Вместе с тем, этот обычай, не является преимущественно региональным. Так обычай класть камень на могилу отмечен и в Подмосковье, хотя смысл этого действия не просто искажен, но окончательно утрачен. «В некоторых районах существует обычай класть камень на могильный холмик на девятый, сороковой день или в годовщину смерти (а в городе Козьмодемьянске так вообще кладут кирпич!). Сколько раз я не спрашивал у людей, в чем смысл этого действа, слышал стандартный ответ типа: «Не знаю, отцы и деды наши так делали...»[10].

Представляется показательным связь обычая класть камень на могилу с традиционной поминальной обрядностью, устанавливающей обязательные сроки поминовения. Так на севере России на старообрядческих кладбищах установка креста и положение на могильный холмик небольшого камня взаимосвязаны и соотносятся с поминками, хотя «обычаи разнятся даже в селениях, расположенных недалеко друг от друга». В одних деревнях крест и камень появлялись на могиле сразу, в день похорон, в других — по прошествии 40 дней. *«Иногда камень кладут сразу, а крест — по прошествии 40 дней (Столбуново). «Зачем душу камушком закрывать?! Она 40 дней по земле ходит», — сказала мне одна женщина в Пласкинино. Она же рассказала, что, когда на 40 дней родственники собираются на поминки, около полуночи лампадка перед иконой обязательно начинает качаться»*[11]. Так же на севере, «в Сибири» зафиксирован обычай «замещения места покойного» смысл которого также в «предохранительной магии». *«Как только покойника вынесут, в передний угол избы клали камень или полено, или ставили квашню, чтоб не умер другой член семьи...»*[12].

«Вообще у всех классов 40-й день после смерти определялся на поминовение. Семейные нанимали духовных лиц читать псалтырь по усопшим. Чтение это у иных происходило в двух местах разом: в доме, где умер покойник, и на могиле; для этого устраивался на могиле деревянный голубец или голбец...»[13]. Если обобщить все вышеприведенные данные, можно предположить что камень на могиле «на южных окраинах нашей губернии» мог замещать покойного в погребальном обряде, служить напоминанием о нем и одновременно препятствовать его возвращению. Выполняя функцию намогильного памятника, камень становился объектом поклонения и в этом качестве заменял крест — на сорок дней или больший срок в зависимости от обычаев «в разных селениях»

Таким образом, можно сделать вывод, что в своих основных чертах русские похороны мало изменились в течении прошлого XX столетия. Как и в начале векатак и в его конце мы можем говорить о комплексном характере погребального обряда сохраняющего традиционные черты в сочетании с явно выраженным христианским характером погребения. Более того, если сравнивать материалы из разных регионов, то они также показывают очень много общего. Однако сделать окончательный вывод о том, что является сутью похоронной обрядности остающейся без изменений, а что допускает вариативность возможно только при более тщательном сопоставление похоронной обрядности Тульского края с аналогичной в других регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 208.

[2] Клянин Р.В. Пример комплексного исследования исторического кладбища//Столица и провинция в отечественной и всемирной истории: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Н. Ашуркова: в 2 т. — Тула, изд-во Тульского государственного педуниверситета им. Л.Н.Толстого, 2004. Т. 2. С. 136.

[3] Клянин Р. В.Там же. С.137.

[4] Дзиговская Л. Надгробия типа «крест» на Всехсвятском кладбище // Тени старинного кладбища — Всехсвятский некрополь в Туле: Краеведческий сборник под редакцией М.В.Майорова. Тула, 2011. С. 94.

[5] Состояние кладбищ Тульской епархии и продолжение мер к их благоустройству в 1903 г. Составил на основании отчетов благочинных за этот год С. Покровский. Тула, Типография И.Д.Фортунатова насл. в Туле, 1904. С. 15.

[6] Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. [Собр. Забелиным в четырех частях]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 91.

[7] Трифонова О., Киреев С. Тайны Всехсвятского кладбища. Интервью с замом директора по науке музея «Тульский некрополь» Кляниным Р.В. // Слобода. 19 — 26 июля 2006. Л. 8.

[8] Трифонова О., Киреев С. Там же. Л. 8.

[9] Наши традиции. Крещение. Венчание. Погребение. Посты./Сост. П.Кузьменко. М.: Букмэн, 1998. С. 240.

[10] Михеев Г. Русское кладбище[электронный ресурс] http: //genamikheev.narod2.ru/russkoe_kladbische/ (18.03.13)

[11] Михайлов С.С. Современное состояние похоронно-поминальной обрядности у старообрядцев Гуслиц и Гжели. Часть 2 [электронный ресурс] http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/134-1-0-1192 (18.03.13).

[12] Наши традиции. Там же. С. 252.

[13] Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Там же. С. 555.

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ ГИДРОНИМОВ БЕЛЕВСКОГО КРАЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Е.Р.Барбашов, *педагог,*
Тульский областной центр детско-юношеского туризма.

Главная задача данной статьи — отметить и охарактеризовать в общих чертах древнебалтское топонимическое наследие в центральной части Верхнего Поочья — Белевском крае. Основное внимание целесообразно обратить именно на малоизученный слой топонимических балтизмов в Белевском крае. В предыдущих работах был подробно освещен этноязыковый контакт древних балтов и славян на данной территории, подкрепленный данными археологии. Следует напомнить, что археологический сезон 2010 года принес долгожданную весть о прямом контакте балтов и славян в районе г. Белева (отчет, *Екимов Ю.Г.*, 2010). Данная работа будет посвящена калькированию гидронимов.

В топонимике есть такое понятие — калька. Перевод (калька) топонима с одного языка на другой с изменением его формы, но сохранением этимологии — один из видов трансформации топонимов. Калька — точный по смыслу перевод названия на другой язык. Этим термином назвали существование рядом, в одном бассейне, двух одинаковых по смыслу названий, но выраженных на разных языках. Этим калькирование отличается от метонимического калькирования, когда переведенное название с одного языка на другой, разносится на два соседних объекта, относящихся к разным бассейнам, и тоже на разных языках. Парные названия калек и метонимических калек могут отражать стремление славянских племен поскорее освоить новую территорию в духовном плане, так как духовное и материальное для древнего человека находилось в неразрывном единстве.

В древности название реки, озера, горы, леса, да и любого другого объекта отражало не только его внешние особенности, но и несло сакральную охранную функцию. Отсутствие имени грозило вселением в не названое место злых сил. Как и имя человека, имя реки должно было быть понятным соплеменникам, поскольку чужие духи всегда враждебны. Поэтому, при совместном длительном проживании балтов и славян, долгое время сохранялось не только двуязычие, но и двойные названия водных объектов, и их топонимические кальки. Без взаимного общения и проживания двух этносов на одной территории, данное явление было бы невозможно, кстати, оно отражает и направление ассимиляции. А теперь познакомимся с топонимическими кальками подробнее.

Ярким примером может служить сохранившееся балтское название реки Малой Вы́ры — Люде́ма. Название в данной форме распространяется на среднее течение этой реки, между дд. Переде́ль и Га́ньшино. Здесь лексико-семантическое образование с «земледельческим» значением, в основе которого лежит балтское (литовское) *lydimas* — «лесная вырубка», *lyduti* — «корчевать, вырубать лес» и прилагательное *lyda*, *lydas* — «пустой», «голый» (ср. аналогичное отношение в русском, пустой — пустошь, запущенный лес). Латышский *lidyms* — «подсека», «раскорчеванный лес»[1]. Продвигаясь вверх по притокам от основной магистрали Оки, балты, на отвоеванных у леса территориях основывали новые поселения, так и возникло название реки.

На нижней границе распространения названия в д. Ганьшино, Людема принимает слева ручей Черто́ль, являющийся калькой этой реке. Прежде чем рубить лес, у основания деревьев кольцами срезали кору для того, чтобы остановить движение соков и дерево засохло. В славянских языках эта операция называлась *čьrst*: соответственно лесной участок, на котором была произведена такая работа, назывался *čьrta* (черта)[2]. Гидроним оформлен праславянским формантом ***-ЛЬ***, по мнению В.В.Седова уже к X веку вышедшему из употребления. Он датирует гидронимы с данным формантом VIII—IX вв. Вывод В.В.Седова поддерживает известный топонимист Г.П.Смолицкая. По ее мнению, наиболее ранняя славянская гидронимия, отмеченная в том числе и ***-ЛЬ*** формантами, сосредоточена на Верхней Оке между реками Зуша и Жиздра[3]. На древнем селище в селе Умры́шенки находится материал РЖВ, мощинского, роменского, древнерусского и последующих периодов, а в д. Ганьшино есть селище, датируемое РЖВ и роменским периодом (ТОИАЛМ).

Более поздние кальки находятся на верхней границе урочища Людема и это естественно, так как и балтское и славянское население продвигалось вверх по этой реке, осваивая ее бассейн. На верхней окраине д. Передель в Людему впадает ручей Зако́рей, а рядом и выше по реке, у д. Зве́рево в Выру (Людему) впадает ручей — Во́лосе́ченка. Кроме приставки ***-ЗА*** в гидрониме Закорей, находится корневая основа кор, корь — *«место, очищенное от пней и корней под пашню»*[4]. Гидроним Волосеченка имеет двухкорневую основу — воля — «поселение, освобожденное от пошлин», что соответствует нашей сельской слободе и сеча — *«поля, очищенные от леса путем вырубки и сожжения»*[5].

В верховьях соседней речки Люти́мки, также сохранившей древнее балтское название — Лити́ва, в д. Ишу́тино, впадает ее первый крупный приток ручей — Ты́рна, являющийся калькой Литиве. Литива, кроме балтского форманта ***-ВА***, имеет корневую основу ***liet*** — «лить», ***lietis*** — «литься», со смысловой нагрузкой «заметно течь», не быстро, но и не медленно[6]. Славянский гидроним Тырна происходит от глагольной основы ты́рить — «спешно идти», т.е. не бежать, но и не медленно идти[7]. Рядом, в среднем течении Литивы находится «гнездо» из пяти древних селищ РЖВ, мощинской и роменской культур, древнерусского и последующих периодов (ТОИАЛМ).

Река Вырка (Средняя) тоже сохранила свое балтское название — Исти́к, распространяющееся на верхнее течение этой реки в Козельском районе, где находятся д. Истик и древний Истицкий погост. В среднем течении Истик (Вырка) принимает свой самый крупный приток — реку Борзы́ну. Название восходит к индоевропейскому *ais, ois, eis* — «быстро течь». Корневые основы на ист (от древнебалтского ais) В.Н. Топоров связывает с индоевропейским субстратом, заимствованным балтами (ср. р. Айста в Литве)8. Сравним, в Белевском крае реки: Иста, Истичка, Истица и Истик (Вырка). Река, особенно в среднем течении, имеет сплошные каменистые перекаты и быстрое течение, часто промывает себе новые русла и постоянно перемещает по дну каменный обломочный материал. Наиболее это заметно на участке между устьями рек Десны́ и Городенки, именно этот участок называется Борзы́нка. В центральной части этого урочища Истик принимает справа р. Борзыну, которая в своем нижнем течении имеет быстрое течение с каменистыми перекатами и называется — Ка́менка. Название от географического термина борзина — «быстрина в реке», «участок стремительного течения»[9]. В данном случае урочище Борзынка вместе с р. Борзыной являются кальками р. Истику. На Истике находятся селища эпохи бронзы, РЖВ, мощинского, роменского и древнерусского периодов, а также городище Твердь-Вырск с аналогичным археологическим материалом (ТОИАЛМ). Река Истик (Вырка) в три раза меньше реки Исты, поэтому она и имеет балтский уменьшительный суффикс ***-ИК***. И хотя расстояние между реками 60 км, мы видим, что балты не только хорошо знали эту территорию, но и подчеркивали топонимические отличия схожих по своим особенностям рек и их названиям.

Река Иста́ — крупный левый приток Оки, в своем нижнем течении имеет участок стремительного течения с многочисленными каменными перекатами и шиверами, и на отрезке в два километра падает на шесть метров, что много для такой реки. Это урочище называется Скори́нка, а на картах XVIII века — «Скорое течение реки Исты». Именно за эту географическую особенность река и получила название. Распростра-

нение названия «Иста» от этого места на всю реку, произошло у балтов существенно позже, по мере освоения бассейна этой реки и было, в своем роде, вторичным восполнением и расширением первоначального локуса этого названия, путем добавки к корневой основе *ais* суффикса-расширителя *-T*. Таким образом, урочище Скоринка является калькой р. Исте, как и в аналогичном случае, рассмотренном выше. В нижнем течении Исты, от д. Большие Голубо́чки, находятся известные в археологии и АКР памятники эпохи бронзы, РЖВ, мощинского, роменского, древнерусского и последующего периодов, а также два городища у с. Фу́рсово (ТОИАЛМ).

Река Мизге́я в своем среднем течении, между дд. Малы́хино и Большое Каси́мово имеет кальку своего названия — Чере́вица. В своем среднем и нижнем течении Мизгея имеет два участка, на которых сильно петляет, делая большие и крутые излучины, за что и получила свое название из балтских языков, где *mizgús* — «запутанный», «петля»; *mežgis* — «узел», что означает сильно петляющая река. Этот балтский гидроним оформлен и балтским «речным» формантом ***-ЕЯ***[10].

Название верхнего урочища Черевица происходит от географического термина *черево* — «изгиб», «излучина реки». Сравним, *чрево* — «живот», *черево* — «кишки»[11]. Если данный гидроним сравнивать с кишками, то получится сильно петляющая река. Раннее упоминание в 1616 году: *«...поляны в лесу позади деревни Малыхиной, поляна Репная..., пустошь Погостище, а Черевитское тож...»*[12]. В Белевском уезде была деревня Усть-Черево в устье ручья Черева (сейчас д. Ущерево, Мценский р-он). Ручей Черева впадает в Оку у устья Зуши, только с левого берега. Приняв Зушу, Ока делает большую и крутую излучину, поэтому гидроним Черева выделяет географические особенности данной местности.

Ниже, от устья Малой Мизгеи, Мизгея получает название Большая Мизгея, которое распространяется и на нижнее течение Малой Мизгеи, поэтому прилагательное «Большая» отражает, в данном случае, не количество воды в реке, а географические особенности этой реки. Автором найдено и исследовано место древнего Черевитского погоста, возникшего в конце XI — начале XII веков на раннеславянском поселении роменской культуры. Гибель погоста происходит в XIII веке. Всего на Мизгее автором открыто четырнадцать разновременных селищ, на пяти из них находится материал мощинского, роменского, древнерусского и других периодов (ТОИАЛМ).

Река Молве́рь, левый и самый крупный приток реки Малой Мизгеи, в своем среднем течении имеет урочище Кори́ша и приток — ручей Кори́шик, которые являются калькой этой реке. Название гидронима происходит из языка балтов, где основа мотивирующего названия *tъlva*, является буквальным соответствием литовскому существительному *tulėve* — «грязь, топь, трясина, тина». Дальнейшее членение *tъlva* предполагает выделение корня *tъl*, наращенного V-детерминативом[13]. Здесь же балтская основа *molva* оформлена топоформантом ***-ЕРЬ***, который относится к западным балтам. Сравним, ручей — Та́мерь в Белевском районе в с. Ильино́.

В среднем течении Молвери находится лесное урочище Кориша, представляющее собой сильно заболоченную родниками пойму с большим количеством небольших озер-стариц. Именно за эту особенность река получила у балтов данное название. В центре этого урочища в Молверь впадает ручей Коришик и тоже с сильно заболоченным родниками участком своего нижнего течения. Верхнее и нижнее течение Молвери довольно сухое и сложено песками ледниковой морены. Славянская калька реке происходит от географического термина *корь* — «низкое болотистое место в лесу» (Мещера, Смоленское и Калужское Полесье). Суффикс ***-ИШ*** характерен для образования топонимов, образованных от географических апеллятивов[14]. Поскольку урочище Кориша находится на главной реке, то впадающий в Молверь Коришик, имеет уменьшительную форму, выделенную дополнительным суффиксом ***-ИК***. На Молвери находится всего одно село — Воро́тцы, около которого автором открыто селище, датируемое периодом бронзы, РЖВ, мощинского, роменского, древнерусского периода и последующим временем (ТОИАЛМ).

Река Вырка (Верхняя) имеет левый приток Иса́йку, у которой имеется приток — ручей Са́нка. Его название происходит из языка балтов, где *sankus* — «проворный, быстрый», т.е. быстро текущий ручей[15]. Соседний с Исайкой приток Вырки и тоже левый — ручей Стре́льна, является калькой ручью Санке. Происхождение названия этого гидронима от диалектного географического термина (Севск) *стре́лить* — «быстро двигаться», «бежать», т.е. быстро текущий ручей[16]. Сравним, название молодой щуки — стрело́к. Между этими ручьями находится крупное древнее селище с материалом РЖВ, мощинского, роменского, древнерусского и последующих периодов (ТОИАЛМ). Кстати, ручей Исайка также имеет балтское название, где *isa* — «короткая»[17]. Сравним, в Белевском районе два ручья Исай находятся в бассейнах рек Малой Мизгеи и Руки. Рядом с короткой «балтской» Исайкой находится «славянская» река Ре́чица, являющаяся самым длинным, крупным и тоже левым приток Вырки. Гидроним в форме Речица подчеркивает ее главенство среди всех притоков Вырки и ее первостепенность, после «материнской» реки.

Левый приток реки Руки́ — река Лова́, имеет кальку — ручей Кага́нец, который протекает по границе Тульской и Калужской областей. Название переводится из языка балтов дословно, *lova* — «русло реки»[18]. В Лову, напротив друг друга, впадают два равнозначных ей по длине притока — правый Ручи́ца и левый — Каганец. Поэтому название «Лова» выделяет главную реку — ось, оставленную в балтской транскрипции. Название ручья Каганец (у калужан он произносится как *Казанец*), происходит от географического термина *казан* — «межгорная котловина», «впадина», заимствованным славянами довольно рано из тюркских языков[19], что тоже может означать главное русло, для впадающих в него ручьев и оврагов. Здесь происходит взаимозаменяемость согласных ***-Г*** и ***-З***. Название другого ручья — Ручицы, происходит от местного географического термина *рука́* — «два одинаковых оврага или реки, впадающие в главную реку с двух сторон и напротив друг друга», т.е. напоминающие туловище и руки, оно не имеет отношения к паре рассматриваемых нами гидронимов. Сравним, две реки Руки, впадающие в Оку напротив друг друга. В устье р. Ловы автором открыто неизвестное науке городище (Касьяново-I), относящееся к периодам: РЖВ, мощинскому, роменскому, древнерусскому и последующему, до XV века времени (ТОИАЛМ).

Река Бо́брик имеет два крупных притока: реку — Де́брю и впадающую в нее реку Дебря́тик. Славянское название реки Бобрик является калькой балтским Дебре и Дебрятику, которые переводятся из этого языка как «бобровые» реки. Редкий и удивительный факт, главная река получила уменьшительную форму своего названия (формант ***-ИК***), от своих же притоков. В гидронимах Дебря и Дебрятик решительно преобладает вокализм ***-Е***, сохраняющий более древнее, балтское, состояние и широко применяемый в говорах населения Белевского района (сравним, ***зелище***, вместо ***золище***; *путорей* (крот), вместо *путорой*; ***зелынь***, вместо ***золынь*** и другие). Здесь же происходит и чередование согласных ***-b*** и ***-d***. В ареале, некогда бывшем балтским, наиболее ранние, субстратные основы, имеют форму *Дебря*, вместо *Бебря*[20]. То, что этот гидроним не является раннеславянским архаизмом, говорит название его главного притока — Дебрятик, в котором находятся балтские суффиксы, расширитель ***-Т***, не применявшийся в славянских языках и уменьшительный ***-ИК***, указывающий на подчиненность Дебрятика Дебре, как у пары: Иста — Истик. В среднем течении р. Бобрик автором открыто «гнездо» из шести селищ, датируемых периодом бронзы, РЖВ, мощинским, роменским, древнерусским и последующим, до XVI века временем (ТОИАЛМ)[21].

Как мы видим, топонимические кальки дают нам убедительную картину совместного и длительного проживания двух этносов — балтского и славянского, что отразилось в языке и культуре. Современные белевские говоры продолжают хранить многие архаичные черты, в том числе и балтские фонетические заимствования, которые легли в основу для выделения в русском языке архаического Белевского говора, что отличает белевские диалекты от всех прочих тульских диалектов[22]. Кроме этого население Белевского края проявляет определенную консервативность, которая заключается в древнейших обрядах, восходящих к временам балтов. Так в д. Алферово, на р. Вырке (Истике), в святом источнике до второй половины XX века крестили детей! Делал это священник из соседней церкви села Вырска Козельского района, который приходил крестить детей в этом источнике, заметьте, не в церкви! Этот древнейший обряд также принадлежит древним балтам[23].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Куркина Л.В. Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования. 1998—1999. Вып. XIV. М., 2000. С.

[2] Там же, с. 16.

[3] Агеева Р.А. Гидронимия русского северо-запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004. С. 174—175.

[4] Куркина Л.В. Указ. соч. С. 10.

[5] Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1999. Т. 1. С. 132, 135, Т. 2. С. 195.

[6] Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. Вып. XVI. М., 2004. С. 103.

[7] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. IV. С. 448.

[8] Топоров В.Н. Балтика Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 236, 251, 268.

[9] Мурзаев Э.М. Указ. соч. Т. 1. С. 100.

[10] Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 101; Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2010. Т. 4. Кн. 1. С. 75.

[11] Мурзаев Э.М. Указ. соч. Т. 2. С. 307.

[12] Белевская вивлиофика издаваемая Н. Елагиным. Собрание древних актов об истории Белева и Белевского уезда в 2-х томах. М., 1858. Т. 1. С. 195.

[13] Илиади А.И. Русские гидронимические этимологии (тарпица, молва, молга, моргина, морхина) // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Москва, декабрь, 2004. С. 362.

[14] Мурзаев Э.М. Указ. соч. Т. 1. С. 300; Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь. М., 2005. С. 113.

[15] Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 47.

[16] Даль В.И. Толковый словарь. Т. IV. С. 345.

[17] Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 87.

[18] Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 101.

[19] Мурзаев Э.М. Указ. соч. Т. 1. С. 247.

[20] Топоров В.Н. Мифологический образ бобра в балтийско-славянской перспективе: генетическое, ареальное и типологическое // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 414—416; Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 98.

[21] Подъемный материал с открытых автором памятников находится в Тульском областном краеведческом музее (ТОИАЛМ).

[22] Парикова Н.Б. Тульские говоры. Проблема соотношения современной лингвогеографии и истории русского народа // Лингвистические этюды. Сборник научных статей. Тула, ТГПУ. 2000. С. 20—21; Там же, Ровкова О.Г., Савинов Д.М. Диалектная архаика в говорах Белевского района Тульской области (фонетика и грамматика). С. 13–17.

[23] Гимбутас М.Б. Балты. М., 2004. С. 158.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ ПО ДАННЫМ КРАНИОФЕНЕТИКИ

Д.В.Пежемский, *к.б.н., с.н.с.*
НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В.Ломоносова

В 2009 г. нами был опубликован новый краниологический материал, происходящий с территории г. Козельска, материал имевший, к сожалению, четкого археологического контекста и строго определенной даты. Было ясно только, что черепа происходят из грунтовых могил (могилы/скудельни?) и ориентировочно могут относиться к позднему средневековью (Пежемский, Шмытов, 2009). С точки зрения морфологии черепа население Козельска представляет собой чрезвычайно специфический для территории Верхнего Поочья антропологический вариант. Впрочем, это можно сказать и в адрес большинства сопредельных регионов. Казалось, что отсутствие каких-либо краниологических аналогий, одинокость Козельска на палеоантропологической карте региона, должны быть объяснены исходя из «туманного происхождения» данной выборки, однако довольно скоро выяснилось, что это не так.

Напомню, что мужские черепа из Козельска брахикранны и гипоморфны, их мозговая коробка очень короткая и среднеширокая, малой высоты. Лоб среднеширокий как по абсолютным размерам, так и по лобно-поперечному указателю. Лицо очень низкое, узкое, средне профилированное на верхнем уровне и клиногнатное на нижнем. Орбиты узкие и очень низкие по абсолютным величинам, по указателю — средних пропорций (мезоконхия). Нос узкий, очень низкий, по указателю мезоринный. Переносье развито значительно, как по указателю, так и по абсолютным размерам — симотическая ширина относится к категории больших величин, симотическая высота — средних.

В ходе дальнейшей работы над проблемами антропологического состава средневекового населения центральных регионов России, в процессе изучения его хронологической динамики, мною был выявлен тот же самый краниологический комплекс, что описан по материалам Козельска. Он обнаружен у позднесредневекового населения, погребенного на грунтовом кладбище в Кунцево, на городище, расположенном на берегу р. Москвы, на территории Ворошиловского парка (ныне — в черте г. Москвы). По мнению автора раскопок — А.Г.Векслера, изучавшего памятник в 1964 г., могильник в Кунцево датируется концом XIV — началом XVI в. (см. документацию НИИ и Музея антропологии МГУ), что приблизительно соответствует нашим представлениям о хронологической позиции погребений в Козельске.

Сравнительной характеристике двух выборок по данным краниометрии будет посвящено специальное исследование, сейчас же ограничимся указанием на то, что черепа из Кунцево представляют гипоморфный мезобрахикранный краниологический вариант с низкими орбитами, резко профилированным лицом, значительно развитым переносьем и выступающим носом. Черепа из бассейна р. Жиздры (Козельск) являются наиболее близкой аналогией этому материалу.

В настоящей работе нами поставлены две **задачи**: 1) сопоставить рассматриваемые выборки — из Козельска и Кунцево — между собой, опираясь на данные краниофенетики; и 2) провести предварительный сравнительный анализ частот анатомических аномалий в этих выборках с таковыми в других выборках позднесредневековых русских, а также в группах древнерусского населения рассматриваемого региона.

В современной антропологии под *краниофенетикой* понимают область знания, изучающую дискретно-варьирующие признаки (ДВП; аномалии — уст. назв.) черепа

человека, которые рассматриваются как фены — неделимые вариации анатомических признаков, позволяющие изучать генетический полиморфизм древних и современных популяций *(Мовсесян, 2005, с. 6—15)*. Здесь рассматриваются такие признаки как дополнительные и непостоянные швы, отверстия и каналы, различного рода экзостозы, вставочные косточки. Иногда данные признаки именуются эпигенетическими, особенно в иностранной научной литературе. Одной из первых работ подобного рода в мировой науке было исследование Дмитрия Николаевича Анучина, положившего начало этому направлению в России *(Анучин, 1880)*. Несмотря на столь яркое начало, в конце XIX — первой половине XX в. обращения к системе дискретно-варьирующих признаков черепа человека были эпизодическими *(работы В.В.Бунака, Г.Ф.Дебеца)*. Только с выходом в свет публикаций британских биологов Кэролайн и Роберта Бэрри, одна из которых содержала методику фиксации признаков, интенсифицировались и отечественные исследования в данной области *(Berry, Berry, 1967)*. В этот момент началась эпоха нового и разностороннего интереса к изучению анатомической изменчивости черепа человека. Огромная заслуга в возрождении интереса к системе дискретно-варьирующих признаков признается за Юрием Григорьевичем Рычковым, начинания которого фундаментально развиты А.А.Мовсесян *(Рычков, 1969; Мовсесян, Мамонова, Рычков, 1975)*. Немаловажную работу с рядом дискретно-варьирующих признаков провела Татьяна Ивановна Алексеева, рассмотревшая их в географическом, экологическом и демографическом аспектах *(Алексеева, Шауро, 1970)*. Особое направление анализа анатомической изменчивости человеческого черепа представлено исследованиями А.Г.Козинцева, сконцентрировавшегося на дополнительных и непостоянных швах *(Козинцев, 1975, 1980, 1984, 1988)*.

Материалом для данной работы послужили черепа из Козельска (n=26) и черепа из Кунцево (n=41), хранящиеся в НИИ и Музее антропологии МГУ (Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986, с. 117). В выборке из Кунцево насчитывается 43 черепа, однако из обработки были исключены детские черепа, принадлежавшие индивидам до 7 лет (КО 61/26 и КО 61/30).

Методика, использованная в данной работе, находится в русле традиционных подходов к краниологическому материалу, принятых в московской антропологической школе *(Мамонова, Мовсесян, Рычков, 1975; Мовсесян, 2005)*. Мною учтен ряд методических уточнений Т.В.Томашевич, касающихся надглазничных отверстий *(Томашевич, 1988)*. Отличием является то, что заднескуловой шов фиксировался по А.Г.Козинцеву, то есть *os zygomaticum bipartitum* рассматривался только в варианте completum (=*os japonicum*), а заднескуловой шов (ЗСШ) отмечался отдельно *(Козинцев, 1984, 1988)*. Несмотря на существующие в литературе иные точки зрения на латинскую терминологию большинства признаков *(Чеснис, 1986; Česnys, Pavilonis, 1982; Hauser, De Stefano, 1989)*, нами на данном этапе используются более привычные наименования. Обработка исходных данных о краниофенетических признаках заключалась в вычислении частоты каждого из них *(Мовсесян, 2005, с. 36)*, вычислении ошибки частоты и в вычислении интервала, в котором расположено истинное значение частоты (табл. 1 и 2). Для вычисления ошибки частоты была привлечена формула, использующая число степеней свободы *(Каминский, 1959)*, а не общее число наблюдений в выборке *(Рокицкий, 1973, с. 172—173)*. Полученный интервал рассматривался исключительно как ориентировочный, так как вообще доверительные интервалы для долей и оценка их величин при столь небольших численностях должна проводиться через φ-преобразование Фишера *(Дерябин, 2007, с. 97—98, 125—128)*. Кроме того вычислялся критерий достоверности различий между двумя выборками по формуле Эрны Вебер *(Weber, 1961)*. Далее проводилось эмпирическое сравнение полученных частот с данными, взятыми из обширной сводки А.А.Мовсесян (2005). Многомерный анализ частот изученных признаков рассматривается мною как следующий этап работы.

Результаты и обсуждение. Для краниологической выборки из Козельска характерны достаточно высокие частоты надглазничных и дополнительных подглазничных отверстий, вормиевых костей в лобном, затылочном и затылочно-сосцевидном швах, случаев сужения птериона и эпиптерных костей. Кроме того высоки частоты астериальных костей, костей инков, зародышевых швов и межтеменного выроста затылочной чешуи, сосцевидных отверстий вне шва, заднемыщелковых каналов и двусоставных затылочных мыщелков. То же самое можно сказать о разделенных подъязычных каналах, отверстиях Хушке, малых крылоостистых отверстиях и аномалиях остистого отверстия *(табл. 1)*.

Характерными чертами краниофенетического профиля выборки из Кунцево являются высокие частоты надглазничных отверстий и блоковых костей, вормиевых костей в затылочном шве и вставочных костей заднего родничка, астериальных костей и костей теменной вырезки, межтеменного выроста затылочной чешуи, заднемыщелковых каналов и отверстий Хушке, малых крылоостистых отверстий и случаев незамкнутого остистого отверстия. Как видим, между рассматриваемыми выборками из Козельска и Кунцево наблюдаются некоторые отличия. Для того чтобы оценить их, применим парный t-критерий по формуле Э.Вебер *(табл. 1)*. Результат оказывается крайне любопытным. По большинству изученных дискретно-варьирующих признаков позднесредневековое население Козельска и Кунцево не имеет статистически значимых отличий. Достоверные отличия найдены только для 4-х признаков из 38-ми — это частоты умноженных подглазничных отверстий, эпиптерных костей (по этому признаку Козельск выделяется особо — общее число наблюдений здесь меньше, а частота его значительно выше!), костей инков и вормиевых костей в затылочно-сосцевидном шве. Относительно последнего признака необходимо сказать следующее. Выборка из Кунцево, в целом имеющая неплохую сохранность, в Музее антропологии МГУ прошла реставрацию и консервационные мероприятия, заключавшиеся в пропитке всех крупных швов восковой мастикой. Особенно «досталось» височно-теменным и затылочно-сосцевидным швам. При работе с данной серией я, как мог, пытался учесть это обстоятельство (от изучения ряда ДВП даже пришлось отказаться), однако вполне вохможно, что столь существенная разница в частотах указанного признака определяется исключительно внешней причиной.

Важным этапом проведенной работы, в силу не очень большой численности выборок, стало вычисление ошибок частот дискретно-варьирующих признаков, что позволило оценить интервалы, в которых варьируют истинные их значения, и перейти к сравнительному анализу *(табл. 2)*. Сравнительным материалом были избраны частоты тех же самых признаков в масштабе всей Восточной Европы *(Мовсесян, 2005)*. Не трудно заметить, что изучаемые выборки из Козельска и Кунцево по частотам анатомических аномалий резко выбиваются из привычной для Восточной Европы картины по целому ряду важнейших признаков. В первую очередь это частоты надглазничных отверстий, вормиевых костей в затылочном шве, астериальных костей, межтеменного выроста затылочной чешуи, заднемыщелковых каналов, отверстий Хушке, малых крылоостистых отверстий и незамкнутых остистых отверстий. При этом каждая из серий в отдельности имеет ряд признаков, частоты которых также не укладываются в наши представления об их распределении в Восточной Европе. К этому аспекту исследования необходимо будет вернуться особо. Теперь же проведем предварительное эмпирическое сравнение выборок из Козельска и Кунцево с выборками черепов эпохи позднего средневековья (Москва, Никольское) и с выборками черепов древнерусского времени, происходящими с территорий нескольких «летописных» племен.

Сравнение изучаемых черепов с черепами из кладбищ Москвы XVI—XVIII вв. и подмосковного сельского кладбища XVI—XVII вв. на р. Химке (Никольское) показывает их яркие отличия по таким признакам как вормиевы кости в затылочном шве, межтеменной вырост затылочной чешуи, сосцевидные отверстия вне шва, заднемыщелковые каналы, двусоставные затылочные мыщелки, отверстия Хушке и незамкнутые остистые отверстия (очень высокие частоты), а также крылоостистые отверстия (очень низкие частоты), что показывает существенные отличия генофонда изучаемого населения от синхронного ему и расселенного в пределах одного речного бассейна *(табл. 3)*. Причем население Кунцева в краниофенетическом отношении похоже на население Москвы и ближайшего Подмосковья значительно больше, чем население Козельска, что вполне ожидаемо, однако отличия его от ближайших «соседей» остаются крайне существенными.

На следующем этапе анализа были рассмотрены частоты дискретно-варьирующих признаков в трех выборках вятичей *(табл. 4)*. Общее впечатление от сравнения

их частот с таковыми в выборках из Козельска и Кунцево таково, что позволяет говорить о значительно большей близости изучаемого населения к населению тех же территорий древнерусского времени. Особенно разительным оказывается сходство по частотам заднемыщелковых каналов, чего не наблюдалось при сравнении его с синхронным и близким в географическом отношении населением. При этом также просматривается некоторая обособленность Козельска и его большее сходство с Кунцево, нежели с выборками вятичей. От вятичского массива данные серии отличают очень высокие частоты вормиевых костей в затылочном шве, сосцевидных отверстий вне шва и незамкнутых остистых отверстий.

Сравнение краниофенетических данных по Козельску и Кунцево с данными по нескольким выборкам черепов кривичей показало более отчетливую картину сходства наших выборок между собой и яркие их отличия от сравнительного фона *(табл. 5)*. Нет никаких сомнений, что различные племена кривичей представляли генофонд в целом чуждый тому, который был представлен у населения Козельска и Кунцево в позднем средневековье.

В поисках близких аналогий краниофенетическим особенностям выборок из Козельска и Кунцево пришлось обратиться к данным по другим древнерусским племенам. В ходе работы со сводкой А.А.Мовсесян, удалось выявить, наконец, направление более или менее тесных связей изучаемых выборок с выборками древнерусского времени *(табл. 6)*. Направления эти уводят нас в низовья р. Десны и на территорию северянских племен. Справедливости ради нужно сказать, что выборка из Козельска и в данном масштабе сравнения ведет себя достаточно обособленно. В целом сходство и Козельска, и Кунцева с Черниговом, Любечем или Липовым является мозаичным и не позволяет пока делать далеко идущих выводов. Однако игнорировать южное, «северянское» направление связей изучаемого населения точно не стоит. К этому имеется и еще одно важное наблюдение.

Речь идет о таком ярком признаке как *cribra orbitalia*, который большинством авторов в настоящее время считается признаком анемических состояний организма *(Бужилова, 2005, с. 209—214)*. Не думаю, что споры о природе данного признака закончены. Вполне могут оказаться правыми специалисты, рассматривающие его как обычный эпигенетический признак, однако сейчас это не так важно.

В серии из Козельска *cribra orbitalia* выявлена в 16,0% случаев, в серии из Кунцево — в 21,1%. Для того чтобы оценить эти величины обратимся к частотам данного признака в выборках средневековых восточных славян. Обнаруживаем, что для вятичей характерна встречаемость данного признака от 3 до 14%, для кривичей — от 6 до 12%, для полян — 18,1%, для северян — 22,2% *(Бужилова, 1995, с. 69)*. Сходство с северянами станет еще разительнее, если мы обратимся к данным по городам, в которых частоты *cribra orbitalia* вообще чаще всего повышены. Оказывается, что идентичные частоты найдены для Киева — 14,7%, Витичева — 17,2%, Смоленска — 18,8% и, наконец, максимум выявлен в Любече — 25%. Напомню, что общемировая сводка частот *cribra orbitalia* показывает для средневековой Европы величины от 6,5 до 9% *(Бужилова, 2005, с. 211)*.

Заключение. На текущем этапе анализа краниофенетического профиля двух позднесредневековых выборок из Козельска и Кунцево можно утверждать, что краниометрическое их сходство не случайно — по данным о распределении дискретно-варьирующих признаков черепа они должны быть признаны частями одной генеральной совокупности, представляющей собой самостоятельный генофонд, относительно слабо связанный с генофондом синхронного населения ближайших территорий. Небольшие отличия между рассматриваемыми сериями пока не принимаются мною во внимание, возможно мы имеем дело с двумя хронологическими срезами одного и того же генофонда, так как хронологическая позиция и той, и другой выборки будет еще уточняться. Можно предположить, что истоки выявленного генофонда следует искать среди древнерусского населения центральных регионов России. На эту роль пока претендуют различные группы вятичей и более южные, северянские группы. Племена кривичей же, судя по всему, оказываются за пределами того популяционного круга, из которого вышло население, погребенное в Козельске и Кунцево.

Таблица 1. **Частоты дискретно-варьирующих признаков в сериях черепов из Козельска и Кунцево и оценка достоверности их различий**

№ n\n	Название признака	Козельск		Кунцево		t-критерий
		N	p	N	p	
1	*Sutura frontalis (metopica)*	26	0,115	41	0,098	0,22
2	*Foramen supraorbitale*	23	0,478	33	0,424	0,40
3	*Foramen frontale*	25	0,120	39	0,077	0,58
4	*Cribra orbitalia*	25	0,160	38	0,211	0,50
5	*Spina trochlearis*	21	0,190	35	0,314	1,01
6	*Foramen infraorbitale accessorium*	14	0,357	25	0,080	2,16*
7	*Os zygomaticum bipartitum (completum)*	12	0,0	25	0,0	–
8	*Sutura zygomatica posterior (ЗСШ)*	8	0,250	12	0,0	–
9	*For. zygomaticofaciale accessorium (2+)*	14	0,786	29	0,621	1,08
10	*Spina processus frontalis ossis zygomatici (отросток)*	13	0,154	24	0,125	0,25
11	*Os bregmale*	25	0,040	39	0,0	1,26
12	*Ossa Wormii suturae coronalis*	20	0,150	35	0,086	0,73
13	*Stenocrotaphia*	20	0,100	36	0,028	1,15
14	*Os epiptericum*	19	0,579	27	0,148	3,07**
15	*Os postsquamosum*	21	0,048	32	0,219	1,70
16	*Os asterii*	18	0,222	28	0,143	0,69
17	*Foramen parietale*	21	0,429	33	0,273	1,19
18	*Sutura parietalis*	24	0,042	41	0,0	1,32
19	*Ossa Wormii suturae sagittalis*	20	0,150	32	0,031	1,57
20	*Os Incae*	22	0,182	40	0,0	2,79**
21	*Os triquetrum*	22	0,045	39	0,026	0,40
22	*Os apicis lambdae*	21	0,143	36	0,333	1,57
23	*Ossa Wormii suturae lambdoideae*	22	0,818	32	0,781	0,33
24	*Sutura mendosa*	22	0,318	41	0,122	1,89
25	*Foramen mastoideum (в шве)*	19	0,632	19	0,579	0,33
26	*Foramen mastoideum extrasuturale*	22	0,636	18	0,444	1,21
27	*Ossa Wormii suturae occipitomastoideae*	22	0,227	30	0,033	2,17*
28	*Processus interparietalis squamae occipitalis*	22	0,227	38	0,211	0,14
29	*Canalis condylaris*	19	0,842	34	0,882	0,41
30	*Canalis hypoglossalis bipartitum*	17	0,294	37	0,189	0,86
31	*Facies condylaris bipartitum*	15	0,333	33	0,152	1,43
32	*Tuberculum praecondylare*	18	0,056	37	0,108	0,63
33	*Condylus tertius*	18	0,0	37	0,0	–
34	*Foramen tympanicum*	21	0,286	35	0,171	1,02
35	*Foramen spinosum apertum*	23	0,391	35	0,457	0,50
36	*Foramen spinosum bipartitum*	21	0,238	36	0,139	0,95
37	*Foramen pterygospinosum*	22	0,0	38	0,026	0,76
38	*Foramen pterygoalare*	23	0,348	39	0,154	1,76

* Разница достоверна на уровне p=0,05.

** Разница достоверна на уровне p=0,01.

Таблица 2. **Ошибки частот дискретно-варьирующих признаков черепа в изучаемых краниологических выборках и пределы их вариации в популяциях Восточной Европы**

№ п\п	Название признака	Козельск		Кунцево		Восточная Европа (Мовсесян, 2005)
		m(p)	p ± m(p)	m(p)	p ± m(p)	
1	*Sutura frontalis*	0,064	0,051–0,179	0,047	0,051–0,145	0,000 – 0,154
2	*Foramen supraorbitale*	0,106	0,372–0,584	0,087	0,337–0,511	0,143 – 0,364
3	*Foramen frontale*	0,066	0,054–0,186	0,043	0,034–0,120	0,028 – 0,128
4	*Cribra orbitalia*	0,075	0,085–0,235	0,067	0,144–0,278	–
5	*Spina trochlearis*	0,088	0,102–0,278	0,080	0,234–0,394	0,042 – 0,236
6	*For. infraorbitale acces.*	0,133	0,224–0,490	0,055	0,025–0,135	0,045 – 0,200
8	*Sut. zygomatica post.*	0,164	0,086–0,414	–	–	–
9	*For. zygom.-fac. acces.*	0,114	0,672–0,900	0,092	0,529–0,713	–
10	*Sp. proc. front. os. zyg.*	0,104	0,050–0,258	0,069	0,056–0,194	–
11	*Os bregmale*	0,040	0,000–0,080	–	–	–
12	*Os. W. sut. coronalis*	0,082	0,068–0,232	0,048	0,038–0,134	0,000 – 0,092
13	*Stenocrotaphia*	0,069	0,031–0,169	0,028	0,000–0,056	0,000 – 0,088
14	*Os epiptericum*	0,116	0,463–0,695	0,070	0,078–0,218	0,091 – 0,274
15	*Os postsquamosum*	0,048	0,000–0,096	0,074	0,145–0,293	0,054 – 0,182
16	*Os asterii*	0,101	0,121–0,323	0,067	0,076–0,210	0,041 – 0,142
17	*Foramen parietale*	0,111	0,318–0,540	0,079	0,194–0,352	0,206 – 0,447
18	*Sutura parietalis*	0,042	0,000–0,084	–	–	–
19	*Os. W. sut. sagittalis*	0,082	0,068–0,232	0,031	0,000–0,062	в среднем 0,020*
20	*Os Incae*	0,084	0,098–0,266	–	–	0,000 – 0,043
21	*Os triquetrum*	0,045	0,000–0,090	0,026	0,000–0,052	0,000 – 0,054
22	*Os apicis lambdae*	0,078	0,065–0,221	0,080	0,253–0,413	0,055 – 0,182
23	*Os. W. sut. lambd.*	0,084	0,734–0,902	0,074	0,707–0,855	0,235 – 0,456
24	*Sutura mendosa*	0,102	0,216–0,420	0,052	0,070–0,174	0,042 – 0,143
25	*For. mastoid. (в шве)*	0,114	0,518–0,746	0,116	0,463–0,695	–
26	*For. mastoid. extrasut.*	0,105	0,531–0,741	0,121	0,323–0,565	0,227 – 0,500
27	*Os. W. sut. occ.-mast.*	0,091	0,136–0,318	0,033	0,000–0,066	0,022 – 0,142
28	*Proc. interparietalis*	0,091	0,136–0,318	0,067	0,144–0,278	0,000 – 0,073
29	*Canalis condylaris*	0,086	0,756–0,928	0,056	0,826–0,938	0,466 – 0,755
30	*Can. hypogloss. bipart.*	0,114	0,180–0,408	0,065	0,124–0,254	0,182 – 0,294
31	*Fac. condyl. bipart.*	0,126	0,207–0,459	0,063	0,089–0,215	0,000 – 0,190
32	*Tub. praecondylare*	0,056	0,000–0,112	0,052	0,056–0,160	0,000 – 0,091
34	*Foramen tympanicum*	0,101	0,185–0,387	0,065	0,106–0,236	0,014 – 0,136
35	*For. spinosum apertum*	0,104	0,287–0,495	0,085	0,372–0,542	0,143 – 0,274
36	*For. spinosum bipart.*	0,095	0,143–0,333	0,058	0,081–0,197	0,000 – 0,098
37	*For. pterygospinosum*	–	–	0,026	0,000–0,052	0,051 – 0,174
38	*Foramen pterygoalare*	0,102	0,246–0,450	0,059	0,095–0,213	0,010 – 0,051

* По данным Т.И. Алексеевой (Алексеева, Шауро, 1970).

Таблица 3. **Сравнительные данные по частотам дискретно-варьирующих признаков в сериях черепов из Козельска, Москвы и ее ближайшей округи**

№	Название признака	Козельск	Кунцево	Москва XVI—XVIII вв.	Никольское
1	*Sutura frontalis (metopica)*	0,115	0,098	0,065	0,143
2	*Foramen supraorbitale*	0,478	0,424	0,312	0,357
3	*Foramen frontale*	0,120	0,077	0,052	0,071
5	*Spina trochlearis*	0,190	0,314	0,052	0,236
6	*Foramen infraorbitale accessorium*	0,357	0,080	0,068	0,080
8	*Sutura zygomatica posterior (ЗСШ)*	0,250	0,0	0,068	0,019
10	*Spina processus frontalis ossis zygomatici (отросток)*	0,154	0,125	0,096	0,120
12	*Ossa Wormii suturae coronalis*	0,150	0,086	0,026	0,019
13	*Stenocrotaphia*	0,100	0,028	0,043	0,019
14	*Os epiptericum*	0,579	0,148	0,200	0,151
15	*Os postsquamosum*	0,048	0,219	0,078	0,054
16	*Os asterii*	0,222	0,143	0,117	0,109
17	*Foramen parietale*	0,429	0,273	0,377	0,327
20	*Os Incae*	0,182	0,0	0,014	0,0
21	*Os triquetrum*	0,045	0,026	0,028	0,019
22	*Os apicis lambdae*	0,143	0,333	0,071	0,109
23	*Ossa Wormii suturae lambdoideae*	0,818	0,781	0,357	0,272
24	*Sutura mendosa*	0,318	0,122	0,086	0,072
26	*Foramen mastoideum extrasuturale*	0,636	0,444	0,300	0,290
27	*Ossa Wormii sut. occipitomastoideae*	0,227	0,033	0,100	0,019
28	*Proc. interparietalis squamae occipitalis*	0,227	0,211	0,028	0,054
29	*Canalis condylaris*	0,842	0,882	0,586	0,603
30	*Canalis hypoglossalis bipartitum*	0,294	0,189	0,257	0,245
31	*Facies condylaris bipartitum*	0,333	0,152	0,014	0,038
32	*Tuberculum praecondylare*	0,056	0,108	0,054	0,091
34	*Foramen tympanicum*	0,286	0,171	0,014	0,040
35	*Foramen spinosum apertum*	0,391	0,457	0,243	0,176
36	*Foramen spinosum bipartitum*	0,238	0,139	0,028	0,098
37	*Foramen pterygospinosum*	0,0	0,026	0,114	0,151
38	*Foramen pterygoalare*	0,348	0,154	0,028	0,019

Таблица 4. **Сравнительные данные по частотам дискретно-варьирующих признаков в сериях черепов из Козельска, Кунцево и некоторых локальных групп вятичей**

№	Название признака	Козельск	Кунцево	Вятичи 1	Вятичи 2	Вятичи 3
1	*Sutura frontalis (metopica)*	0,115	0,098	0,010	0,038	0,143
2	*Foramen supraorbitale*	0,478	0,424	0,242	0,231	0,339
3	*Foramen frontale*	0,120	0,077	0,091	0,038	0,089
5	*Spina trochlearis*	0,190	0,314	0,097	0,192	0,107
6	*Foramen infraorbitale accessorium*	0,357	0,080	0,037	0,214	0,167
8	*Os zygomaticum bipartitum (следы)*	0,250	0,0	0,0	0,0	0,108
10	*Spina processus frontalis ossis zygomatici (отросток)*	0,154	0,125	0,091	0,143	0,207
12	*Ossa Wormii suturae coronalis*	0,150	0,086	0,030	0,143	0,054
13	*Stenocrotaphia*	0,100	0,028	0,0	0,0	0,0
14	*Os epiptericum*	0,579	0,148	0,333	0,217	0,304
15	*Os postsquamosum*	0,048	0,219	0,091	0,077	0,143
16	*Os asterii*	0,222	0,143	0,091	0,077	0,107
17	*Foramen parietale*	0,429	0,273	0,364	0,231	0,268
20	*Os Incae*	0,182	0,0	0,0	0,0	0,018
21	*Os triquetrum*	0,045	0,026	0,031	0,0	0,0
22	*Os apicis lambdae*	0,143	0,333	0,062	0,077	0,127
23	*Ossa Wormii suturae lambdoideae*	0,818	0,781	0,312	0,577	0,446
24	*Sutura mendosa*	0,318	0,122	0,031	0,192	0,018
26	*Foramen mastoideum extrasuturale*	0,636	0,444	0,300	0,192	0,273
27	*Ossa Wormii suturae occipitomastoideae*	0,227	0,033	0,151	0,077	0,091
28	*Processus interparietalis squamae occipitalis*	0,227	0,211	0,0	0,0	0,0
29	*Canalis condylaris*	0,842	0,882	0,822	0,700	0,857
30	*Canalis hypoglossalis bipartitum*	0,294	0,189	0,286	0,100	0,244
31	*Facies condylaris bipartitum*	0,333	0,152	0,035	0,050	0,022
32	*Tuberculum praecondylare*	0,056	0,108	0,071	0,100	0,067
34	*Foramen tympanicum*	0,286	0,171	0,030	0,038	0,035
35	*Foramen spinosum apertum*	0,391	0,457	0,300	0,192	0,303
36	*Foramen spinosum bipartitum*	0,238	0,139	0,100	0,077	0,018
37	*Foramen pterygospinosum*	0,0	0,026	0,143	0,187	0,078
38	*Foramen pterygoalare*	0,348	0,154	0,0	0,0	0,036

Вятичи 1 — группа вятичей верхнего течения р. Москвы.
Вятичи 2 — группа вятичей среднего течения р. Москвы.
Вятичи 3 — группа вятичей нижнего течения р. Москвы.

Таблица 5. **Сравнительные данные по частотам дискретно-варьирующих признаков в сериях черепов из Козельска, Кунцево и некоторых локальных групп кривичей**

№	Название признака	Козельск	Кунцево	Крив.см.	Крив.тв.	Крив.яр
1	*Sutura frontalis (metopica)*	0,115	0,098	0,159	0,153	0,191
2	*Foramen supraorbitale*	0,478	0,424	0,238	0,282	0,253
3	*Foramen frontale*	0,120	0,077	0,047	0,038	0,065
5	*Spina trochlearis*	0,190	0,314	0,047	0,138	0,217
6	*Foramen infraorbitale accessorium*	0,357	0,080	0,060	0,120	0,062
8	*Os zygomaticum bipartitum (следы)*	0,250	0,0	0,0	0,060	0,120
10	*Spina processus frontalis ossis zygomatici (отросток)*	0,154	0,125	0,079	0,020	0,0
12	*Ossa Wormii suturae coronalis*	0,150	0,086	0,016	0,041	0,021
13	*Stenocrotaphia*	0,100	0,028	0,033	0,0	0,0
14	*Os epiptericum*	0,579	0,148	0,180	0,100	0,108
15	*Os postsquamosum*	0,048	0,219	0,068	0,097	0,152
16	*Os asterii*	0,222	0,143	0,0	0,069	0,065
17	*Foramen parietale*	0,429	0,273	0,300	0,402	0,196
20	*Os Incae*	0,182	0,0	0,018	0,029	0,043
21	*Os triquetrum*	0,045	0,026	0,036	0,043	0,022
22	*Os apicis lambdae*	0,143	0,333	0,054	0,116	0,043
23	*Ossa Wormii suturae lambdoideae*	0,818	0,781	0,473	0,333	0,391
24	*Sutura mendosa*	0,318	0,122	0,054	0,029	0,065
26	*Foramen mastoideum extrasuturale*	0,636	0,444	0,180	0,328	0,369
27	*Ossa Wormii suturae occipitomastoideae*	0,227	0,033	0,033	0,116	0,109
28	*Processus interparietalis squamae occipitalis*	0,227	0,211	0,018	0,0	0,0
29	*Canalis condylaris*	0,842	0,882	0,627	0,460	0,657
30	*Canalis hypoglossalis bipartitum*	0,294	0,189	0,235	0,300	0,315
31	*Facies condylaris bipartitum*	0,333	0,152	0,0	0,016	0,0
32	*Tuberculum praecondylare*	0,056	0,108	0,020	0,016	0,0
34	*Foramen tympanicum*	0,286	0,171	0,085	0,014	0,023
35	*Foramen spinosum apertum*	0,391	0,457	0,169	0,167	0,068
36	*Foramen spinosum bipartitum*	0,238	0,139	0,017	0,045	0,045
37	*Foramen pterygospinosum*	0,0	0,026	0,098	0,226	0,190
38	*Foramen pterygoalare*	0,348	0,154	0,034	0,015	0,023

Кр.см. — кривичи смоленские, **кр.тв.** — кривичи тверские, **кр.яр.** — кривичи ярославские.

Таблица 6. **Сравнительные данные по частотам дискретно-варьирующих признаков в сериях черепов из Козельска, Кунцево и некоторых локальных групп древнерусского населения**

№	Название признака	Козельск	Кунцево	Липовое	Чернигов	Любеч
1	*Sutura frontalis (metopica)*	0,115	0,098	0,118	0,097	0,176
2	*Foramen supraorbitale*	0,478	0,424	0,365	0,467	0,353
3	*Foramen frontale*	0,120	0,077	0,111	0,067	0,117
5	*Spina trochlearis*	0,190	0,314	0,151	0,200	0,117
6	*Foramen infraorbitale accessorium*	0,357	0,080	0,104	0,222	0,133
8	*Os zygomaticum bipartitum (следы)*	0,250	0,0	0,105	0,0	0,0
10	*Spina processus frontalis ossis zygomatici (отросток)*	0,154	0,125	0,239	0,067	0,133
12	*Ossa Wormii suturae coronalis*	0,150	0,086	0,090	0,064	0,062
13	*Stenocrotaphia*	0,100	0,028	0,024	0,035	0,0
14	*Os epiptericum*	0,579	0,148	0,317	0,143	0,200
15	*Os postsquamosum*	0,048	0,219	0,245	0,097	0,117
16	*Os asterii*	0,222	0,143	0,121	0,064	0,059
17	*Foramen parietale*	0,429	0,273	0,450	0,550	0,294
20	*Os Incae*	0,182	0,0	0,0	0,0	0,0
21	*Os triquetrum*	0,045	0,026	0,037	0,0	0,0
22	*Os apicis lambdae*	0,143	0,333	0,167	0,0	0,176
23	*Ossa Wormii suturae lambdoideae*	0,818	0,781	0,447	0,400	0,428
24	*Sutura mendosa*	0,318	0,122	0,074	0,033	0,0
26	*Foramen mastoideum extrasuturale*	0,636	0,444	0,283	0,451	0,214
27	*Ossa Wormii suturae occipitomastoideae*	0,227	0,033	0,057	0,032	0,059
28	*Processus interparietalis squamae occipitalis*	0,227	0,211	0,0	0,032	0,0
29	*Canalis condylaris*	0,842	0,882	0,828	0,653	0,500
30	*Canalis hypoglossalis bipartitum*	0,294	0,189	0,400	0,192	0,250
31	*Facies condylaris bipartitum*	0,333	0,152	0,080	0,0	0,0
32	*Tuberculum praecondylare*	0,056	0,108	0,0	0,0	0,062
34	*Foramen tympanicum*	0,286	0,171	0,023	0,097	0,0
35	*Foramen spinosum apertum*	0,391	0,457	0,186	0,267	0,312
36	*Foramen spinosum bipartitum*	0,238	0,139	0,023	0,0	0,062
37	*Foramen pterygospinosum*	0,0	0,026	0,256	0,097	0,117
38	*Foramen pterygoalare*	0,348	0,154	0,0	0,033	0,0

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1986. 224 с.

Алексеева Т.И., Шауро Э.А. Аномалии черепа в их географической, социальной и генетической обусловленности // Морфо-физиологические исследования в антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 142—185.

Анучин Д.Н. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам // Изв. ОЛЕАЭ. Т. XXXVIII, вып. 3 (Труды Антропологического отдела. Т. 6). СПб., 1880. 120 с.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Дерябин В.Е. Курс лекций по элементарной биометрии для антропологов. М.: Биофак МГУ, 2007. 253 с.

Каминский Л.С. Обработка клинических и лабораторных данных. Л.: Медгиз, 1959. 194 с.

Козинцев А.Г. Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири (К проблемам методики изучения краниологического полиморфизма) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI — Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 75—99.

Козинцев А.Г. Заднескуловая щель как расоразграничительный признак // Вопросы антропологии, 1984, вып. 74. С. 55—61.

Козинцев А.Г. Метопизм в Европе // Вопросы антропологии, 1975, вып. 49. С. 116—141.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 165 с.

Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. 271 с.

Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии, 1975, вып. 51. С. 127—150.

Пежемский Д.В., Шмытов М.А. Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Калужской области // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. С. 21—31.

Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика. Изд. 3-е, испр. Минск: Вышэйшая школа, 1973. 320 с.

Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций. М.: Изд-во МГУ, 1969. 222 с.

Томашевич Т.В. Закономерности распределения частот надглазничных каналов черепа человека // Вопросы антропологии, 1988, вып. 80. С. 119—128.

Чеснис Г. Дискретные признаки черепа у людей фатьяновской и балановской культур // Вопросы антропологии, 1986, вып. 76. С. 117—127.

Berry A.C., Berry R.J. Epigenetic variation in the human cranium // Journal of Anatomy, 1967, vol. 101, № 2. P. 361—379.

Česnys G., Pavilonis S. On the terminology of non-metric cranial traits (Discreta) // Homo, 1982, Bd. 33, h. 2-3. S. 125—130.

Hauser G., De Stefano G.F. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbart, 1989. 301 p.

Weber E. Grundriss der biologischen Statistik für Naturwissenschaftler, Landwirte und Mediziner. Bd. 4, überarb. u. erw. Aufl. Jena: Gustav Fisher Verlag, 1961. 565 s.

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

РОЛЬ СВЯТО-ПАФНУТЬЕВА БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Е.Р.Разумовский, *доц.,*

Московский институт образования и науки,
руководитель Паломнической службы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря.

В год 400-летия династии Романовых, происхождение которой имеет непосредственное отношение к Калужской земле, хотелось бы вспомнить об удивительной и благословенной обители Свято-Пафнутьевом — Боровском монастыре. Этот уникальный центр Русского Православия, с давних времен и по нынешний день, играет знаменательную роль в культурной жизни Калужской области и Российской государственности.

Монастырь перенес многочисленные нашествия и разорения на протяжении веков. Являя собой суровый форпост Московского государства он в 1610 году принял на себя жестокий удар войск Польских интервентов и Лжедмитрия II и ослабив их силы, внес значительный вклад в борьбу с захватчиками и возведение на престол первого царя из династии Романовых.

Монастырь основан преподобным Пафнутием Боровским в 1444 году на возвышенности при впадении реки Истремы в реку Протву. После смерти Пафнутия игуменом монастыря стал его ученик, преподобный Иосиф Волоцкий, который вскоре, по причине нежелания братии принять общежительный устав, ушел в Волоколамское княжество и основал новую обитель — (Иосифо-Волоколамский монастырь).

На месте первой, деревянной, Рождественской церкви в 1467 году был построен белокаменный Рождественский собор (не сохранился). Роспись первого собора Рождества Богородицы Пафнутьево-Боровского монастыря является самой ранней известной работой великого иконописца Дионисия: по свидетельству жития преподобного Пафнутия, Дионисий выполнил роспись под началом старца Симонова монастыря — иконника Митрофана.

Через 117 лет, в 1586 году собор был почти полностью разобран, и на его месте по воле царя Федора Ивановича поставлен новый, пятиглавый; в кладке его фундамента использовались блоки с росписью XV века. Так фрагменты росписи Митрофана и Дионисия сохранись до нашего времени (они находятся в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева в Москве и Боровском филиале Калужского государственного областного краеведческого музея).

В XVI века монастырь был окружен каменными стенами и укреплениями; обитель превратилась в сильную пограничную крепость. В это время строится и каменная трапезная с храмом во имя Рождества Христова. В 1523 году была построена звонница, которая в 1688 году заменена колокольней: по желанию ее заказчика, князя К.О.Щербатова, она повторяет формы колокольни Высоко-Петровского монастыря в Москве.

Стены и башни Пафнутьево-Боровского монастыря относятся к XVI—XVII векам. Есть версия, что строительством Поваренной, Оружейной и Георгиевской башен монастыря руководил знаменитый архитектор Феодор Конь, автор сооружений Белого города в Москве, Смоленского кремля и Симонова монастыря.

Любой посетитель обители, войдя в ворота монастыря, может увидеть слева башню, покрытую современным строительным материалом. Это башня называется Тайницкой или в простонародьи башня Измены. В основании башни есть проход, который указывает, что там были ворота. На сегодняшний день эти ворота почти на половину скрыты под землей, это говорит о том, что территория внутри монастыря стала значительно выше, чем в 17 веке.

Башня Измены. Для того чтобы выяснить происхождение этого названия, надо обратиться к лихолетью Смутного времени, когда после гибели Лжедмитрия первого появился новый самозванец. Это был Лжедмитрий второй, обосновавшийся под Москвой в селе Тушино и прозванный «Тушинским вором». Вынужденный оставить Тушино, он обосновался в Калуге, а затем снова двинулся на Москву. Вместе с самозванцем шли разбойные отряды литовского магната Яна Сапеги, причинившего немало горя и страданий русскому народу. Для защиты столицы было создано московское войско в количестве 12 тысяч человек во главе с князем Михаилом Константиновичем Волконским, которое заняло крепость Пафнутьева монастыря и держало здесь оборону в течение нескольких дней и ночей. В подвалах монастырских зданий, в частности, в погребном корпусе, были собраны немалые запасы продовольствия и боеприпасов. Крепость была неприступна. Однако помощники Волконского воеводы Яков Змеев и Афанасий Челищев пошли на сговор с врагом. Были открыты ночью ворота башни, что расположена в западной стене ограды. Противник прорвался на территорию крепости, завязался бой, который продолжался всю ночь и весь день. Погибло все русское войско. В числе последних, сражаясь у южных ворот Рождественского собора, был зарублен и князь Михаил Волконский. Произошло это событие в 1610 году. Много погибло здесь жителей города Боровска и окрестных деревень, укрывавшихся за крепостными стенами. Об этом свидетельствуют записи в Писцовой книге за 1621 год, где перечисляются жители города. Так трагически кончилась схватка с врагом в 1610 году. Но отвага и мужество Волконского и войска его не забыты. А башня, ворота которой были предательски открыты врагу, стала называться башней Измены.

Есть и другая версия. В своем дневнике Ян Сапега рассказывает, что никакой измены не было, что ворота были открыты по другой причине. У ворот крепости скопилось много крестьян, стремившихся укрыться за монастырскими стенами. Волконский решил впустить их и приказал открыть ворота. Этим и воспользовались враги, ворвавшись в крепость вместе с крестьянами.

После страшных разрушений монастырь на долгое время оказывается в запустении. В 1630 году монастырь посещает Патриарх Московский и Всея Руси Филарет, отец царя Михаила Романова. Им даны большие дары и монастырь восстанавливается.

В монастырь по-прежнему, как и в старое время прибывают монашествующие из числа знатнейших Русских фамилий, неслучайно над крестами на куполах монастыря расположены царские короны.(1)

Опять в обитель поступают пожертвования, монастырские крестьяне проживающие в слободе расположенной рядом с монастырем трудятся как мастеровые (Например, семья крестьян Стекольщиковых, проживающих в Рябушинской слободе на протяжении долгого времени дала России известного мецената Рябушинского, ему принадлежат слова: «Богатство обязывает») и известные на всю Россию овощники, огуречники.

Чтобы показать туристам и паломникам раритетные экземпляры монастырских книг и икон в декабре 2012 года в монастыре открыт музей. Посетителям демонстрируется келья Протопопа Аввакума в которой он находился с 1666—1667 года. А также фреска Спаса Нерукотворного, церковные книги дореформенного периода, иконы 17 и 18 веков, а также Рака Святого Пафнутия, ранее находившаяся в храме , в которой находился ковчег с мощами Святого Пафнутия.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.А.Антипов «Живые корни России» М.,1994.

ТОРГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ КАЛУЖАН В КУРСКЕ И ВЯЗЬМЕ В XVII в. (по материалам таможенных книг)

А.И.Раздорский, *к.и.н., в.н.с.,*
Российская национальная библиотека

Основным источником по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — первой половины XVIII в. являются таможенные книги, составлявшиеся в местных таможнях, располагавшихся до таможенной реформы 1753 г. по всей территории страны. В этих документах содержатся сведения о географии торговых связей городов, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц, бытовавших на данной территории. Имеющиеся в таможенных книгах данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают этим памятникам значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий.

По Калуге, являвшейся в XVII — первой половине XVIII в. одним из значительных торговых центров страны, таможенных книг, к сожалению, не сохранилось. Поэтому для исследования калужской торговли и купечества указанного периода важное значение приобретают таможенные книги других городов, с которыми Калуга имела торговые связи. В данной статье рассматриваются рыночные операции калужан в двух крупнейших торговых центрах юга и запада Европейской России (Курске и Вязьме) в XVII в., зафиксированные в таможенных книгах этих городов[1]. По Курску за XVII в. сохранилось 18 таможенных книг (за 1619 (две книги), 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42, 1647/48, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1669/70, 1670/71, 1672/73, 1677/78 гг.)[2], по Вязьме — 17 (за 1649/50, 1651/52, 1652/53, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1661/62, 1666/67, 1668/69, 1673 (с 26 марта по 31 августа), 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1676/77, 1678/79, 1679/80 гг.)[3].

Калужские торговцы регулярно приезжали в Курск. Они упоминаются в 16 курских таможенных книгах. В конце 1610-х — 1620-е гг. Калуга являлась главным торговым партнером Курска. По совокупной стоимости оптовых товарных партий (таможенная оценка которых была свыше 1 руб.), привезенных на местный рынок, калужане намного превосходили жителей других городов. В 1619 г., например, на их долю пришлось более половины стоимости оптового товарного привоза курского рынка. В 1619, 1626/28, 1628/29 и 1641/42 гг. по количеству товарных явок и совокупной стоимости привезенных на продажу товаров калужане опередили даже хозяев местного рынка — курян. В 1640е гг. торговые связи Курска значительно расширились, в том числе благодаря участию в коммерческих операциях на местном рынке купцов из Речи Посполитой. Но, несмотря на это, калужане сохранили лидирующие позиции в курской оптовой товарной торговле. По совокупной стоимости товаров, зарегистрированных в местной таможне, калужские купцы по-прежнему занимали первое место среди иногородних торговцев. С началом русско-польской войны 1654—1667 гг. ситуация кардинальным образом изменилась: калужане резко сократили масштабы торговых операций в Курске. Случаи доставки ими оптовых партий товаров на курский рынок носили в годы войны единичный характер. В 1656/57, а также в 1661/62 г. (в разгар финансового кризиса, связанного с обесцениванием медных денег) калужские торговцы в курской таможне не отмечены. После Андрусовского перемирия объемы торговли калужан в Курске вновь возросли, но на уровень 1640-х гг. так и не вышли. В конце же 1670-х гг. их деятельность на местном рынке снова пошла на спад *(см. табл. 1)*, что было связано, прежде всего, с перераспределением товарных потоков в южнорусской соляной торговле.

Таблица 1. **Количество оптовых товарных партий, зарегистрированных калужскими торговцами в курской таможне к продаже в 1619—1677/78 гг., и их совокупная стоимость**

Год	Количество товарных партий	Совокупная стоимость (руб.)	Год	Количество товарных партий	Совокупная стоимость (руб.)
1619*	18	<439,5	1657/58	3	215
1623/24**	19	542	1658/59	2	280
1626/28***	24	764	1660/61	2	500
1628/29	14	588	1661/62	—	—
1641/42	26	1354	1669/70	5	793
1647/48****	15	1454	1670/71	20	667,1
1653/54	1	30	1672/73	5	723,72
1654/55	1	50	1677/78	3	164,7
1656/57	—	—			

Калужские торговцы в Курске преимущественно продавали, а не скупали товары. На 158 таможенных явок товаров, сделанных калужанами, приходится всего 11 явок денег на покупку (4 на 20 руб. в 1619 г., 2 на 11 руб. в 1623/24 г., 1 на 40 руб. в 1626/28 г., 1 на 34 руб. в 1628/29 г., 2 на 60 руб. в 1653/54 г., 1 на 10 руб. в 1657/58 г.). При этом следует иметь в виду, что некоторая часть товаров могла быть закуплена на так называемые «товарные деньги», вырученные в результате продажи товаров. Каждый торгующий освобождался от уплаты сборов при приобретении товаров на сумму, равную стоимости им ранее проданных. Подобные торговые операции в таможенных книгах не фиксировались. Состав скупленных товаров в этих документах обычно также не показывался.

Калужские торговцы привозили в Курск на продажу самые разнообразные товары: соль, рыбу (белуга, осетр, севрюга, сельдь, снетки, стерлядь), хмель, масло (видимо, конопляное), кожи, войлок, черный (железо, уклад) и цветной (медь) металл, металлические изделия (гвозди, котлы, ножи, сковороды), ткани (крашенина, сукно, шелк), предметы одежды и обуви (зипуны, кафтаны, крашенинники, рукавицы, сапоги, чулки, шапки, шубы), галантерею (гребни роговые, кошельки («мошоны»), мишура, нашивки, покромея, пряжки, сумки, увязки, шнурки), мыло (в т. ч. «простое», «костромское»), краску, писчую бумагу, попоны, пушнину (заяц, лиса, куница), а также «москательные» и «рухлядные» товары. Среди товаров, доставленных на курский рынок калужанами, отмечены изделия местного производства: калужские ножи (в 1647 г.) и калужское мыло (в 1677 и 1678 гг.).

Калужане специализировались, прежде всего, на поставках в Курск соли. Надо полагать, это была пермская соль («пермянка»). Калужских торговцев солью не было на курском рынке, помимо 1647/48 г., когда этот товар здесь полностью отсутствовал вследствие повышения пошлин на него в общероссийском масштабе, лишь в 1656/57, 1660/61 и 1677/78 гг. В 1620е гг. калужские купцы безраздельно господствовали в курской соляной торговле. В 1623/24 г. ими было привезено 148 возов и подвод и 60 пудов соли, что составило около 50 % от общего объема ее поставок, в 1626/28 г. — 183 воза

* С 22 февраля по 22 ноября.
** С 22 декабря 1623 г. по 22 ноября 1624 г.
*** С 22 ноября 1626 г. по 1 марта 1628 г.
**** С 28 января 1647 г. по 5 января 1648 г.

и подводы и 14 кулей (около 80 %), в 1628/29 г. — 103 воза и подводы, 50 кулей и 10 мехов (около 70 %). В 1641/42 г. калужане сохранили свои лидирующие позиции на курском соляном рынке, однако их доля в привозе соли снизилась примерно до 40 % (86 возов и 15 пудов). Купцы из других городов в первой половине XVII в. привозили соль в Курск в значительно более скромных размерах.

Ситуация существенно изменилась в годы русско-польской войны 1654—1667 гг. В ее начальный период калужане резко сократили поставки соли в Курск. В 1653/54 г. ими было привезено лишь 7 возов, а в 1654/55 — 10 мехов соли. В 1656/57 г. этим товаром они не торговали вообще. При этом объемы поставок соли жителями других городов в эти годы были также невелики. В 1657/58 и 1660/61 гг. калужане снова привезли соли больше всех (соответственно, 30 и 60 мехов), что составило около 36 и 55 % от общего объема поставок. Сокращение оптовой соляной торговли в Курске в годы войны было обусловлено в первую очередь уменьшением ее поставок калужскими купцами.

В конце 1660 — первой половине 1670х гг. калужане возобновили привоз соли в Курск в довоенных масштабах и вновь заняли в этой сфере торговли ведущее положение. Однако если в первой половине XVII в. их доминирование здесь было безусловным, то в послевоенные годы ситуация изменилась кардинальным образом. Серьезными конкурентами калужан на курском соляном рынке стали в этот период мценяне и коломенцы. В 1669/70 г. купцы из Мценска заняли первое место по поставкам соли (около 47 % общего объема поставок), оттеснив калужан на второе место (200 мехов, около 25 %). На следующий год калужане снова возвратили лидирующие позиции (158 мехов, около 40 %). Однако уже в 1672/73 г. купцы из Калуги опустились по рассматриваемому показателю на третье место (2590,5 пудов, 25,5 %), пропустив вперед мценских (29,9 %) и коломенских (28,5 %) купцов. В 1677/78 г. калужане вообще оказались вытесненными с курского соляного рынка. В это время соль-пермянку, которой торговали калужане, на курском рынке начинает активно теснить более дешевый нижневолжский бузун.

В отдельные годы заметной была доля калужских купцов в поставках в Курск так называемых «москательных товаров»: в 1626/28 г. они привезли их на 198 руб., в 1641/42 г. — на 200 руб., в 1647/48 г. — на 412 руб. Следует заметить, что понятие «москательный товар» в рассматриваемый период было значительно шире традиционного («химические вещества (краски, клей, масло, купорос, селитра, различные продукты, полученные из нефти, аптекарские товары и т. д.) как предмет торговли»). К этой категории, наряду с собственно «москателью» (чаще всего краской), относили самые разнообразные товары, состав которых мог значительно варьироваться, в том числе различные виды тканей, меха, кожи, предметы одежды, металлические изделия, ювелирные украшения, галантерею, писчую бумагу, пряности. Как правило, эти товары закупались оптом в Москве и затем доставлялись на южнорусские рынки.

В первой половине XVII в. калужане, наряду с жителями других городов Поочья, играли важную роль в поставках в Курск рыб семейства осетровых. Однако с конца 1650х гг. их начинают теснить торговцы из Подонья, а также сами куряне, и уже в 1670-е гг. осетровые на курский рынок поступали почти исключительно с Дона. Помимо осетровых, калужские купцы поставляли в Курск также сельдь. Так, в 1641/42 г. из 38 бочек сельди, привезенных в Курск, на их долю пришлось 32, в 1647/48 г. — 15 из 16, 1657/58 г. — 10 из 15, 1669/70 г. — 10 из 12.

Калужане неоднократно упоминаются в курских таможенных книгах в качестве продавцов или покупателей лошадей. Всего зафиксировано 22 торговые операции с их участием. В 13 случаях они фигурируют как покупатели лошадей, в 8 — как продавцы, и еще в одном случае имел место обмен лошадьми. Разумеется калужане специально не приезжали в Курск с целью купить или продать лошадь. Судя по всему, они, как правило, либо сбывали лошадей, на которых были привезены товары, либо покупали их для возвращения домой или отправки скупленных товаров в другие города. Так, калужанин Евтифей Силин 17 февраля 1658 г. привез в Курск рыбы на 75 руб., а 25 февраля купил лошадь на местной конской площадке.

Торговые операции калужан в Вязьме также отличались сравнительной регулярностью, но при этом их интенсивность была значительно ниже, чем в Курске.

Торговцы из Калуги упоминаются в 12 вяземских таможенных книгах. Пик торговой активности калужан в Вязьме пришелся на 1653/54 г. Если в Курске с началом русско-польской войны они фактически свернули свою деятельность, то в Вязьме, напротив, существенно увеличили. Это обстоятельство следует связывать с тем, что в мае 1654 г. через Вязьму в направлении Смоленска выступило многочисленное русское войско во главе с царем Алексеем Михайловичем. В этой ситуации калужане решили воспользоваться сложившейся выгодной рыночной конъюнктурой и устремились в Вязьму с товарами, которые можно было выгодно реализовать для обеспечения действующей армии (продукты питания, соль, сапоги, кожи, деготь). С 16 мая по 25 июня в вяземской таможне калужскими торговцами было зарегистрировано 12 товарных партий на 1051 руб. Затем снова последовал спад, и во второй половине 1650-х — 1660-е гг. рыночные операции калужан в Вязьме находились примерно на там же уровне, что и до войны. В 1670-е гг. торговые связи Калуги с Вязьмой практически сходят на нет (см. табл. 2). Это объясняется изменением геополитического положения Вязьмы, которая с присоединением Смоленска уступила ему значение главного торгового центра западнорусской торговли. Именно на Смоленск и переориентировали калужане свои рыночные операции на западе страны. Их торговые обороты на смоленском рынке составили в 1673/74 г. 115 руб., в 1676/77 г. — 155 руб., в 1677/78 г. — 376 руб. 58,5 коп., в 1678/79 г. — 261 руб. 2,5 коп.[4]

Таблица 2. **Количество оптовых товарных партий, зарегистрированных калужскими торговцами в вяземской таможне к продаже в 1649/50—1679/80 гг., и их совокупная стоимость.**

Год	*Количество товарных партий*	*Совокупная стоимость (руб.)*	*Год*	*Количество товарных партий*	*Совокупная стоимость (руб.)*
1649/50	3	291,9	1668/69	5	131,3
1651/52	—	—	1673*	—	—
1652/53	2	250	1673/74	—	—
1653/54	24	<2250,275	1674/75	1	5
1654/55	5	165,2	1675/76	—	—
1656/57	3	266	1676/77	2	22
1657/58	6	174,1	1678/79	—	—
1661/62	1	1600	1679/80	1	2,75
1666/67	6	159,5			

Как и в Курске, калужане в Вязьме, прежде всего, занимались сбытом, а не скупкой товаров. На 59 товарных таможенных явок приходится только три денежных: 1 на 50 руб. в 1651/52 г., 1 на 400 руб. в 1656/57 г. и 1 на 100 руб. в 1657/58 г.

Среди товаров, которые привозили в Вязьму калужане, значатся соль, рыба (белуга, осетр), мед, воск, хлеб (пшеница, рожь, овес), солод, пшеничная и ржаная мука, гречневая крупа, горох, огуречное семя, конопляное масло, хмель, анис, пенька, кожи, черный металл (железо, уклад), обувь (сапоги, поршни), деготь, сумки. Отмечено несколько таможенных явок крупного и мелкого рогатого скота. Четко выраженной специализации в поставках товаров на вяземский рынок, в отличие от курского, у калужских торговцев не было. В структуре товарного привоза у них преобладали преимущественно продукты питания (мед, рыба, хлеб). В 1650—1660-е гг. калужане

* С 26 марта по 31 августа.

торговали в Вязьме также солью (видимо, все той же пермянкой), но в целом их участие в поставках этого товара (за исключением 1653/54 г.) была невелика (доминирующее положение на вяземском соляном рынке занимали местные жители, а также владимирские, осташковские и ржевские торговцы).

В вяземских таможенных книгах 1651/52 и 1652/53 гг. отмечены три явки транзитных товарных партий, которые калужские купцы зарегистрировали для отправки «за рубеж», т. е. в Речь Посполитую. В их составе находился мед и «красные юхти» — сапожные кожи, выделанные по русскому способу на чистом дегте.

Всего в изученных таможенных книгах значится 181 калужанин (138 в курских и 43 в вяземских). В это число входят не только жители Калуги, но и Калужского уезда (в документах упоминаются села Ромоданово и Пятница). К сожалению, таможенные записи в большинстве случаев не дают возможности четко развести городских и уездных жителей. Социальный статус указан в отношении только 62 лиц (42 — посадские люди, 10 — крестьяне калужских вотчин И.Н. и Н.И.Романовых и И.Б.Черкасского, 4 — приказчики, 2 — стрельцы, 2 — ямщики, 1 — пушкарь, 1 — торговый человек). Интересно отметить, что среди калужских торговцев лишь двое отмечены и в курских, и в вяземских таможенных книгах. Это Юда Павлов и Сергей Федоров (во втором случае говорить о том, что речь идет об одном и том же человеке, можно лишь сугубо предположительно). Данный факт свидетельствует о том, что среди представителей калужского торгового мира XVII в. существовала определенная специализация в отношении географической направленности их коммерческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: Раздорский А.И. 1) Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; 2) Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010.

[2] РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10, 11; Денежный стол. 79, 82, 84, 94, 104, 188, 314, 319, 329, 342, 346, 354, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988.

[3] РГАДА. Ф. 137. Вязьма. Кн. 14, 16, 18, 19, 21—24, 27, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 40-а, 41.

[4] Митяев К. Г. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70х годах XVII века // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 78.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Торговцы из Калуги и Калужского уезда, упоминаемые в вяземских и курских таможенных книгах XVII в.

Авдеев Василий — Вязьма: 1654/55[1], 1657/58
Авдеев Сидор, посадский человек — Вязьма: 1676/77
Алексеев Денис, посадский человек — Курск: 1670/71
Алексеев Макарий — Вязьма: 1656/57
Алтухов Максим, посадский человек — Вязьма: 1668/69
Алферов Дмитрий, посадский человек — Курск: 1677/78
Андреев Иван — Курск: 1619
Андреев Петр, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Андронов Гапон, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Антонов Иван, крестьянин князя Ивана Борисовича Черкасского — Курск: 1619
Антонов Прокофий, посадский человек — Вязьма: 1657/58, 1666/67
Антонов Трофим — Вязьма: 1654/55
Архипов Козьма, посадский человек — Курск: 1670/71

Афанасьев Лактион — Курск: 1619
Басов Клим сын Федоров — Курск: 1623/24
Богданов Семен — Вязьма: 1654/55
Борисов Иван, посадский человек — Вязьма: 1649/50
Бородин Меркулий сын Иванов — Вязьма: 1656/57, 1657/58
Бородин Правотерх, житель Ромодановской волости Калужского уезда — Курск: 1669/70
Вавилов Никита, посадский человек — Вязьма: 1666/67
Василев Кирилл, посадский человек — Курск: 1670/71
Васильев Марк — Курск: 1619
Вереитинов Анцифор — Курск: 1660/61
Вереитинов Филипп сын Игнатьев, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Воложенин Григорий — Курск: 1619
Воротынцев Киприян, крестьянин Никиты Ивановича Романова — Курск: 1641/42
Вшивая Шуба Савелий — Курск: 1628/29
Гвоздьков Михаил — Курск: 1641/42
Герасимов Никифор — Курск: 1626/28
Головин Иван сын Михайлов[2] — Курск: 1623/24, 1626/28
Горбун Василий — Курск: 1641/42
Гребенков Терентий, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Гречишников Иван, посадский человек — Курск: 1677/78
Гречишников Кирилл — Курск: 1660/61
Григорьев Родион, крестьянин боярина Ивана Никитича Романова — Курск: 1626/28
Губарев Семен, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Гусятников Григорий сын Петров[3] — Курск: 1626/28, 1647/48
Данилов Иван — Вязьма: 1653/54
Дементьев Елизарий, посадский человек — Вязьма: 1651/52, 1653/54, 1657/58
Дехтерев Семен, посадский человек — Курск: 1670/71
Дешин Астафий, посадский человек — Курск: 1670/71
Дешин Гапон, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Дмитриев Петр — Курск: 1653/54
Домнин Кирилл — Курск: 1623/24
Дорофеев Алексей — Вязьма: 1656/57
Евтифеев Тихон, посадский человек — Вязьма: 1649/50
Жданов Федос — Курск: 1628/29
Золотарев Елизар сын Васильев4 — Курск: 1626/28, 1628/29
Иванов Иван, приказчик посадского человека Василия Моисеева — Вязьма: 1668/69
Иванов Игнат, работник Василия Гречишникова — Курск: 1672/73
Иванов Кирилл — Курск: 1619
Иванов Нефедий, посадский человек — Курск: 1670/71
Иванов Прокофий — Вязьма: 1654/55
Иванов Сила, крестьянин боярина Ивана Никитича Романова — Курск: 1628/29
Иванов Шарап, посадский человек — Курск: 1626/28
Игнатьев Анцифор, приказчик посадского человека Галактиона Моисеева — Вязьма: 1668/69
Игнатьев Филипп, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Исаев Астафий — Курск: 1641/42
Исаев Никифор — Курск: 1647/48
Исаев Семен — Курск: 1647/48
Калинин Михаил, стрелец — Вязьма: 1668/69
Карпов Дорофей, посадский человек — Вязьма: 1676/77

Карпов Тимофей — Вязьма: 1657/58
Касилов Яков, посадский человек — Курск: 1670/71
Кирпичников Василий — Курск: 1619
Климов Анос — Курск: 1619
Климов Иван — Курск: 1623/24
Климов Козьма, посадский человек — Курск: 1670/71
Колошин Андрей сын Иванов — Курск: 1619
Кондратьев Гаврила — Курск: 1623/24
Коптев Семен — Курск: 1641/42
Коптев Сила — Курск: 1647/48
Корасев Иван сын Тимофеев, посадский человек — Вязьма: 1666/67
Корнеев Селиван, ямщик — Курск: 1641/42
Косилов Иван — Курск: 1641/42
Кочетов Нефед — Курск: 1641/42
Ладыгин Иван — Курск: 1623/24
Лапа Иван сын Дмитриев — Курск: 1628/29
Ларин Ферапонт — Курск: 1626/28
Лебедев Лука сын Харитонов, посадский человек — Курск: 1672/73
Лебедев Харитон[5], посадский человек — Курск: 1669/70, 1670/71
Логвинов сын Афанасий — Курск: 1628/29
Лодыгин Милоха — Курск: 1619
Лукошкин Василий — Курск: 1623/24
Лукьянов Семен — Курск: 1626/28
Максимов Прокофий — Вязьма: 1673/74
Макушкин Григорий — Курск: 1647/48, 1653/54
Макушкин Клементий — Курск: 1641/42
Манаков Прокофий — Курск: 1628/29, 1641/42
Марков Иван — Вязьма: 1653/54
Матвеев Иван — Вязьма: 1653/54, 1654/55
Медынец Осип — Курск: 1619
Михайлов Иван — Курск: 1626/28
Михайлов Савва, крестьянин Ивана Никитича Романова (?) — Курск: 1619
Михайлов Тимофей — Вязьма: 1652/53
Моисеев Василий — Вязьма: 1649/50, 1653/54
Момот Федос — Курск: 1626/28
Морозов Тит сын Федоров[6] — Курск: 1623/24, 1628/29
Морозов Федор — Курск: 1623/24
Мосалитинов Никон, ямщик — Курск: 1661/62
Мутовозов Кузьма (Козьма) — Курск: 1641/42, 1647/48
Мутовозов Семен — Курск: 1641/42
Некипелый Петр — Курск: 1647/48
Нескородов Нефед, посадский человек — Курск: 1669/70
Нестеров Тихон — Курск: 1623/24
Никифоров Афанасий, крестьянин Никиты Ивановича Романова — Курск: 1641/42
Никифоров Пимен, житель с. Пятница Калужского уезда — Вязьма: 1668/69
Осипов Григорий — Вязьма: 1661/62
Павлов Юда, посадский человек — Вязьма: 1656/57; Курск: 1672/73
Пакин Иван — Курск: 1623/24
Панкратов Иван — Курск: 1641/42
Парфен[7] — Курск: 1619
Пасскин[8] Иван — Курск: 1641/42

Пердин Иван сын Елментьев[9] — Курск: 1626/28, 1628/29
Петров Иев — Вязьма: 1651/52, 1652/53, 1653/54
Подковщиков Авдей, пушкарь — Курск: 1670/71
Поковщиков Алексей — Курск: 1641/42
Попов Василий — Курск: 1641/42
Путимцев Тит — Курск: 1647/48
Пялов Андрей — Курск: 1626/28
Расторгуй Ефим — Курск: 1626/28
Родионов Лактион — Курск: 1619
Рыбиков Олфим, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Рыбиков Терентий, житель с. Ромоданово Калужского уезда — Курск: 1670/71
Савельев Семен — Курск: 1657/58
Санин Алексей — Курск: 1619
Сафонов Константин, приказчик Смирного Судовщикова — Курск: 1626/28
Сафонов Лука — Курск: 1653/54
Седельников[10] сын Фефилов, посадский человек — Курск: 1626/28
Селиверстов Гаврила — Курск: 1647/48
Селиверстов Ефим, посадский человек — Курск: 1670/71
Семенов Федор, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Сергеев Абакум — Курск: 1619
Сидоров Марк с товарищем, посадский человек — Вязьма: 1674/75
Силин Евтифей — Курск: 1657/58
Сисоев Сидор, посадский человек — Вязьма:1666/67
Степанов Алексей — Курск: 1623/24
Степанов Иван, житель Калужского уезда — Вязьма: 1679/80
Степанов Федор, крестьянин боярина Ивана Никитича Романова — Курск: 1626/28
Сурнин Петр сын Иванов, посадский человек — Курск: 1657/58
Суровцев Нефед — Курск: 1641/42
Суровцев Петр, торговый человек — Курск: 1619
Суровцев Степан — Курск: 1619
Тарасов Ерофей — Курск: 1626/28
Тимофеев Иван, посадский человек — Вязьма: 1666/67
Тимофеев Осип — Вязьма: 1657/58
Торубаев Авил, посадский человек — Курск: 1669/70
Торубаев Никита, посадский человек — Курск: 1669/70
Тресаголов Семен сын Юдин — Курск: 1677/78
Тресаголов Юда, посадский человек — Курск: 1670/71, 1672/73
Фатеев Андрей, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Федоров Василий, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Федоров Иван — Курск: 1623/24
Федоров Сергей — Вязьма: 1653/54; Курск: 1628/29
Федоров Тит — Курск: 1628/29
Федосеев Никифор, посадский человек — Курск: 1658/59, 1660/61
Федосеев Сафон — Курск: 1647/48
Федосов Ждан — Курск: 1623/24
Федотов Тимофей, посадский человек — Вязьма: 1653/54
Филимонов Иван — Курск: 1641/42
Фолеев Игнат — Курск: 1619
Фомин Никифор — Курск: 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42
Фомин Полуня, крестьянин князя Ивана Борисовича Черкасского — Курск: 1619, 1641/42

Фомин Полуня, крестьянин князя Ивана Борисовича Черкасского — Курск: 1619
Фомин Яков, посадский человек — Курск: 1657/58
Фролов Игнат сын Васильев, стрелец — Курск: 1626/28
Халеев Иван — Курск: 1626/28
Халеев Панфил — Курск: 1647/48
Хатынцов Тит сын Анофриев, посадский человек — Курск: 1677/78
Хлебников Алексей — Курск: 1623/24, 1626/28, 1628/29
Хлебников Дементий сын Степанов[11] — Курск: 1626/28, 1628/29, 1641/42
Хлебников Константин — Курск: 1623/24
Хорин Григорий — Курск: 1641/42
Хорин Никита — Курск: 1623/24
Хорин Никифор сын Степанов, крестьянин боярина Ивана Никитича Романова — Курск: 1626/28
Черницын Алексей — Курск: 1647/48
Черницын Афанасий — Курск: 1641/42
Черницын Харитон, посадский человек — Курск: 1647/48, 1654/55
Юрьев Федор — Курск: 1658/59
Яковлев Петр — Вязьма:1653/54

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Год таможенной книги, в которой упоминается торговец.

[2] В таможенной книге 1623/24 г. упомянут без отчества.

[3] В таможенной книге 1647/48 г. упомянут без отчества.

[4] В таможенной книге 1626/28 г. упомянут без отчества.

[5] В одной из двух записей таможенной книги 1669/70 г. и в таможенной книге 1670/71 г. упомянут без отчества.

[6] В таможенной книге 1623/24 г. упомянут без отчества.

[7] Прозвище в тексте документа утрачено.

[8] Так в ркп.

[9] В одной из двух записей таможенной книги 1626/28 г. и в таможенной книге 1628/29 г. упомянут без отчества.

[10] Имя в тексте документа утрачено.

[11] В таможенных книгах 1628/29 и 1641/42 гг. упомянут без отчества.

ПОСЕЩЕНИЕ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ГОРОДА БОРОВСКА В 1910 ГОДУ

Е.А.Полежаева, *к.б.н.,*
учредитель «Боровского музея истории предпринимательства».

Великий Князь Михаил Александрович *(рис. 1)*, младший из трех братьев Императора Николая II, родился 22 ноября 1878 г. По характеру отличался исключительной добротой и доверчивостью. С 1901 г. член Государственного совета. До рождения в 1904 г. Цесаревича Алексея считался Наследником престола. Российский военачальник, с 1916 г. генерал-лейтенант. В начале 1-ой мировой войны командовал Кавказской туземной (мусульманской) дивизией, а с 1916 — кавалерийским корпусом. 3 марта 1917 г. отрекся от власти, считая, что может принять ее, только после всенародного голосования через Учредительное собрание. Арестован в ноябре 1917 г. и расстрелян в ночь с 12 на 13 июля 1918 г. под Пермью. Реабилитирован решением Генеральной прокуратуры РФ в 2009 г.

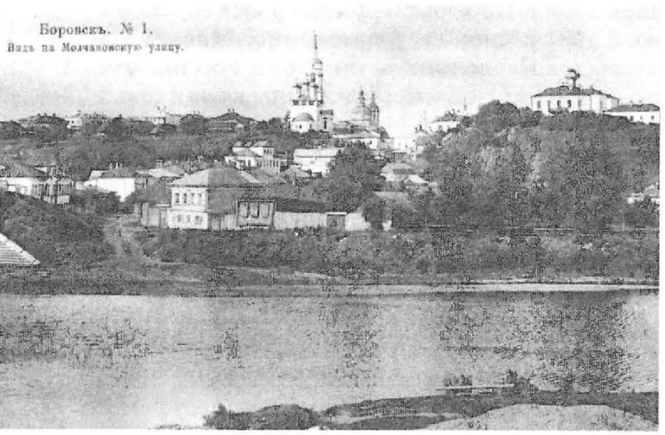
1. Великий Князь Михаил Александрович.

«Калужские губернские ведомости» № 83 за 1910 год сообщают, что 28 июля город Боровск был осчастливлен пребыванием в нем Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича. Здесь был временно расквартирован находившийся под его командованием 17-ый гусарский Черниговский полк.

«Весть об этом радостном событии в миг облетела весь город и, уже рано утром все дома украсились флагами. Великий Князь, следовавший верхом из Малоярославца, на границе уезда близ деревни Городни был торжественно встречен боровским уездным исправником, а при въезде в город — Губернатором князем С.Д.Горчаковым, прибывшим в этот день в Боровск, а также временно командующим Черниговским полком подполковником Подгурским и офицерами этого полка».

В начале Калужской улицы *(рис. 2)* была устроена арка, украшенная живыми цветами и флагами. Здесь под нескончаемое «ура» собравшегося к 3 часам народа Великий князь *«сошел с лошади, принял рапорт от уездного воинского начальника подполковника Демидова и был приветствован представителями от городского управления с городским головою П.Е.Капыриным во главе»*, который сказал следующее: *«Ваше Императорское Высочество! Древний город Боровск счастлив встретить в своих стенах ближайшего родственника благополучно царствующего Государя Императора; радость усугубляется тем, что мы десятки лет не видели в городе*

2. Боровск. Калужская улица.



3. Боровск. Вид на Молчановскую улицу и Благовещенский собор.

4. Боровск. Дом фабрикантов братьев И.П. и Н.П.Полежаевых

Особы Царствующего Дома. От глубины души просим принять по русскому обычаю хлеб-соль в знак нашего радушия и безграничной преданности». После этого П.Е.Капырин поднес хлеб-соль на деревянном резном блюде, а Великий Князь поблагодарил, подав городскому голове руку. Затем от лица старообрядцев П.Д.Голофтеев сказал приветствие: *«Ваше Императорское Высочество! Старообрядцы города Боровска приветствуют Вас, просят выразить нашу любовь и преданность к Царствующему Дому. Осмеливаемся просить Ваше Императорское Высочество почтить нас принятием хлеба-соли».* Милостиво выслушав приветствие, Его Высочество изволил сказать: *«Передайте старообрядцам благодарность».* После этого Великого Князя приветствовал хлебом-солью председатель правления Боровского вольно-пожарного общества М.И.Санин. Группа девиц всех сословий поднесла Великому Князю большой букет левкоев, который по его просьбе был поставлен в офицерское собрание.

Сев на лошадь и при нескончаемых кликах «ура» и колокольном звоне, Великий Князь проследовал в Благовещенский собор *(рис. 3)*. Здесь он был встречен всем городским духовенством во главе с протоиереем Жаровым. Выслушав краткое молебствие с многолетием Всему Царствующему Дому, Его Высочество изволил поинтересоваться древностями храма, спросил о времени его построения, затем, преклонив колено и помолившись, приложился к резной иконе св. Николая, перед которой по преданию преклонялись Императоры Александр I после Отечественной войны и, как вспоминают старожилы, Александр II, когда был еще Наследником.

После отдыха в доме фабрикантов братьев И.П. и Н.П. Полежаевых *(рис. 4)*, где Великий Князь *«имел милостивую беседу с хозяевами»*, состоялся обед в офицерском собрании в доме П.Я.Санина *(рис. 5)*. Громадная толпа народа запрудила всю улицу перед домом, и постоянно раздавалось восторженное «ура». За этим последовало посещение дома купчихи

5. Боровск. Бывший дом П.Я.Санина.

6. Боровск. Дом купчихи М.М.Писаревой.

М.М.Писаревой *(рис. 6)*, где по преданию с 15 на 16 октября 1812 г. ночевал Наполеон. В нем сохранилась изразцовая печь с колонками со времен посещения этого дома Императором Александром II. *«Затем Великий Князь выходил на балкон и интересовался видом на окрестности и Свято-Пафнутьев-Боровский монастырь. Народный энтузиазм во время пребывания Его Высочества на балконе не поддается описанию — гремело нескончаемое «ура», и вверх летели шапки, платки и букеты цветов. В принадлежавшей Писаревой книге «Путешествие Государя на поклонение Московским святыням» Великий Князь изволил написать: «**28 июля 1910 г. Михаил**». Такая же надпись была оставлена на чистом листе бумаги в доме П.Я.Санина, где помещалось офицерское собрание».*

Великий Князь проехал в старообрядческий храм Всех Святых *(рис. 7)*. Здесь Его Высочество принял в дар икону Преподобного Пафнутия от попечителя храма Ф.И.Шокина. Священник о.Афанасий (Ковшов), передававший икону, сказал: *«Ваше дорогое и приятное посещение храма на всю жизнь останется в наших сердцах светлым лучом Царской милости».* Великий Князь сдержанно и учтиво благодарил всех боровчан, приветствовавших его в этот день.

7. Боровск. Старообрядческий храм Всех Святых.

Из старообрядческого храма Его Высочество проследовал в экипаже на городскую площадь и поздоровался с выстроенными на ней эскадронами Черниговского полка. Площадь и улицы по маршруту следования Великого Князя были запружены народом, выражавшим свой восторг кликами «ура», и усыпаны цветами. В 6 часов вечера Великий Князь пересел на коня и, простившись со всеми провожавшими, выехал в Малоярославец.

После отъезда Августейшего гостя г. Губернатор вызвал к себе городского голову и передал ему и всем гражданам благодарность Его Высочества за радушный прием.

«Калужские губернские ведомости» от 2 декабря сообщают что 22 ноября в день именин Великого Князя Михаила Александровича в помещении Боровской городской управы прошло молебствие в присутствии горожан и представителей ведомств и учреждений перед иконою Св. Благоверного Князя Михаила Тверского с провозглашением многолетия всему Царствующему Дому. Икону заказали по постановлению Боровской городской думы в память о посещении Его Высочеством Михаилом Александровичем Боровска 28 июля 1910 г. После молебна городской голова П.Е.Капырин послал телеграмму Великому Князю «с поздравлением с днем ангела и пожеланием долгоденствия на много лет». Другая телеграмма была послана от старообрядцев. К 5 часам вечера всех, присутствовавших на молебне, пригласили в помещение городской управы, где была предложена закуска. Во время нее провозглашались тосты за здравие именинника и Особ Царствующего Дома, что сопровождалось восторженными «ура». Оркестр добровольного пожарного общества исполнил гимн Черниговского полка.

Икона Св. Благоверного Князя Михаила Тверского к настоящему времени, к сожалению, утрачена. Планировка городской площади почти не изменилась. Дома, окаймляющие ее, а также на Калужской улице относятся по времени постройки к XIX — началу XX вв. Храмы и дома, которые посетил Великий Князь до сих пор сохранились: Благовещенский собор, старообрядческий храм Всех Святых, дома братьев Полежаевых, П.Я.Санина, и купчихи Писаревой (соответственно дома 1, 27, 18, 3 и 12 по ул. Ленина).

В память об этом событии портрет Его Высочества Михаила Александровича представлен в экспозиции «Боровского музея истории предпринимательства» в бывшем доме братьев Полежаевых, где отдыхал Великий Князь.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСТИНОГО ДВОРА (Г. КАЛУГА) В 2012 Г.

Г.А.Массалитина, *к.и.н., в.н.с.,*
Национальный парк Угра,
И.В.Болдин, *к.и.н., зав. отд.,*
Калужский областной краеведческий музей.

Археологические исследования проведены на участке, отведенном под строительство подземной парковки на территории памятника федерального значения «Ансамбль Гостиного двора» по адресу г. Калуга, ул. Ленина, пл. Старый торг, пер. Гостинорядский.

Эта территория находится в пределах острога 16-17 вв. (Трейтер, 1894). Ансамбль Гостиного двора запроектирован и частично отстроен при Екатерине II. Первоначально здесь предполагалось построить двадцать корпусов. К 1788-89 гг. было возведено два южных корпуса. К 1796 г. появились два северных корпуса с противоположной стороны двора. С 1797 г. по 1811 г. строительство было приостановлено. Учитывая недовольство купцов, было сокращено общее число корпусов с двадцати до шестнадцати и увеличено расстояние между ними.

Ансамбль Гостиного двора расположен в центральной части Калуги, за последние полстолетия по территории Гостиного двора были проложены десятки коммуникаций (электрокабели, кабели связи, водопровод, канализация, газ). Все эти коммуникации на момент проведения археологических работ оставались действующими. Поэтому размер участка зависел от наличия этих коммуникаций. Участок, выбранный под обследование, позволил освоить максимальную площадь — 108 кв. м (6 м х 18 м). Раскоп вытянут с юга на север *(рис. 1)*. Верхний слой, мощностью около 1,5-1,7 м был удален при помощи экскаватора. Этот слой, содержащий фрагменты кирпича, щебень, куски асфальта, железные изделия второй половины 20 в., образовался в результате послевоенных ремонтно-восстановительных работ. В его заполнении практически отсутствовали предметы более раннего времени.

Рис. 1. Раскоп после снятия балластного слоя.
На первом плане — яма для гашения извести, далее — фрагмент фундамента и яма сруба.
У торцевой стенки — дощатый колодец ливневки. Вид с севера.

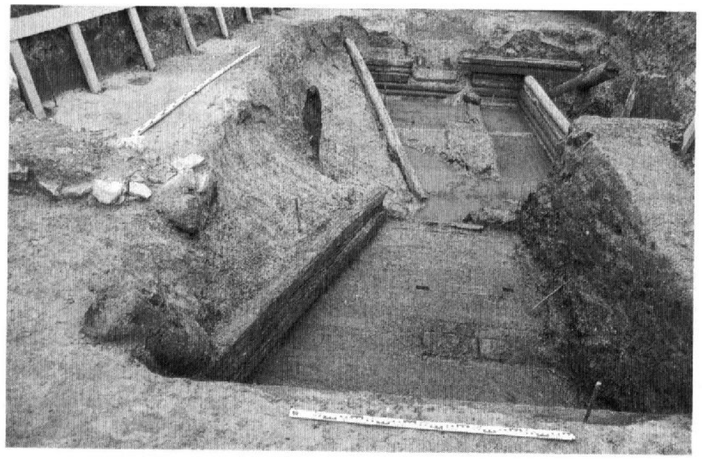


Рис. 2. Сруб. Вид с севера.

В южной части раскопа был обнаружен дренажный колодец ливневки, изготовленный из досок. Размеры 1,6 х 2,2 м. После выхода колодца из строя, он был превращен в мусорную яму. В заполнении этого колодца найдены десятки стеклянных пузырьков из-под одеколона (горлышко под завинчивающуюся пластмассовую крышку), стеклянные бутылки, фрагменты обуви, проволока и другой бытовой мусор. По-видимому, заполнение можно датировать 1950-60-ми годами 20 в. Соответственно, строительство колодца ливневки можно отнести к первой половине 20 в. Котлован колодца частично прорезал слой черного суглинка, сохранившегося в южной части раскопа на площади около 12 кв. м. Черный суглинок содержал большое количество фрагментов дерева, в том числе деревянных изделий, и скорлупу лесных орехов. Обнаруженные в его заполнении фрагменты керамической посуды датируются по технологическим и морфологическим особенностям 17—19 вв. Черный суглинок залегал непосредственно на материке.

Большую часть раскопа заняло бревенчатое сооружение *(рис. 2, 3)*, заглубленное в материк на 1,5—1,8 м, размеры около 9 х 3 м, вытянуто с юга на север. Сруб сохранился на 5—6 венцов. В слое заполнения сруба были расчищены деревянные доски, фрагменты столбов, лежащие на разных уровнях, без системы. Верхняя часть заполнения сруба — серо-коричневый суглинок с фрагментами деревянных изделий (части бочек, маслобоек, туесков, коробов и пр.) и включением фрагментов кирпича. Вход в сруб был организован с южной стороны (ширина — 1,1 м). Вход круто спускался к дверному проему. На бревне в дверном проеме сделаны врубы (0,07 х 0,08 м при глубине около 0,04 м) по ширине дверного проема. Назначение — упор для деревянной лестницы. От самой лестницы сохранилась первая снизу ступень с двумя вертикальными плахами. Три угла сруба рублены в лапу (четвертый не расчищен). Северная стенка сохранилась на 5 венцов. С внутренней стороны северной стены сохранилось две доски внутренней обшивки сруба.

Если южная и северная стены сруба по длине изготовлены в одно бревно, то западная и восточная стены имеют длину в два бревна. Причем, бревна западной и восточной стен были подтесаны и вставлены в специально изготовленные пазы вертикальных столбов, а примыкавшие к ним вторые бревна были рублены в лапу. Под давлением грунта бревна восточной стенки завалились внутрь сруба. По-видимому, это стало причиной прекращения использования помещения.

Пол в южной половине сруба сохранился фрагментарно. Доски ориентированы с юга на север (толщина около 0,05 м), положены на лаги. Доски пола необрезные, положены следующим образом: одна широкой стороной лежит на лаге, соседняя — узкой стороной. Такая система укладки позволила более плотно подогнать доски друг к другу без щелей. В южной части на одной доске есть пропил и в грунт вбиты вертикальные колья.

Северная половина сруба отделена от южной дверным проемом, от которого сохранилось единственное бревно. Пол в северной части сохранился полностью. Доски обрезные, положены по направлению запад — восток.

Заполнение сруба содержало большое количество органического материала: фрагменты дерева и деревянных изделий, сено (или солому). В заполнении сруба, помимо фрагментов керамической посуды, стеклянных бутылок, деревянных изделий, были найдены фрагмент стального палаша, керамический горшок с орехами, светильники керамические жировые, железная гиря от весов, медные монеты 18 в.

Западная стена сруба не является границей ямы. Здесь на двух деревянных лагах сохранилась единственная доска пола, примыкавшая к бревну сруба (с внешней стороны).

О времени сооружения данного сруба можно судить по материалам, найденным в верхней части заполнения. По-видимому, котлован постройки, после выхода ее из эксплуатации, был превращен в мусорную яму, куда собрали обломки различных предметов из дерева, глины, стекла. Большая фрагментированность предметов свидетельствует, что их попадание в яму было уже следствием уборки какой-либо территории. После заполнения ямы ее забутили пластом глины. Время бытования мусорной ямы можно определить по оттискам с датами на стеклянных бутылках. Они датированы 1811—20 гг. То есть, сбор мусора и забутовка ямы глиной были проведены в 1820-е гг. Соответственно, сруб к этому времени перестал уже использоваться и его сооружение может быть отнесено к середине — второй половине 18 в. В пользу этого предположения свидетельствуют и находки бронзовых монет 18 в. в заполнении сруба. В этот период времени на исследованном участке располагались деревянные торговые ряды. Наиболее вероятное предположение о назначении сруба — хранение товаров. С началом возведения каменных торговых рядов в 1780-е гг. деревянные постройки были удалены, подвальные помещения были засыпаны.

Помимо деревянного сооружения, заглубленного в материк, на территории раскопа были обнаружены другие объекты. Одним из них является прямоугольная в плане яма со стенками обшитыми досками. В пределы раскопа вошла только южная часть этой ямы, ее размеры в раскопе — 3,8 х 4 м, заглублена в материк на 0,5 м. Заполнение — известь. Назначение — яма для гашения извести. Каких либо датирующих материалов обнаружено не было, но размеры ямы позволяют говорить о масштабном производстве извести, что, по-видимому, связано со строительством корпусов Гостиного двора.

Другой объект — фрагмент фундамента. В пределы раскопа вошла западная часть фундамента (1,8 х 0,8 м). Сложен из бутового камня 0,2—0,4 м в поперечнике. Исключение составляет единственный камень, примыкающий к стенке раскопа — около 1 м в поперечнике. Камень (известняк) без следов обработки. В верхней сохранившейся части фундамента — мощный слой известкового раствора с включением кирпичной крошки. Характер залегания известкового раствора, наличие в нем очень мелких фрагментов кирпича, большое количество раствора в одном месте и отсутствие в других местах позволяют сделать вывод, что этот фундамент от кирпичной постройки был разобран практически до основания, выбран мелкий бутовый камень, в образовавшуюся траншею был засыпан известковый раствор, оставшийся в результате разборки здания. Под слоем бутового камня залегали два бревна (диаметр — около 0,2 м), положенные вдоль линии фундамента *(рис. 3, см. стр. 110)*. Бутовый камень помещен непосредственно на бревна. Назначение бревен в основании фундамента непонятно. Возможно, бревна служили в качестве стяжки стены или строители заменили бревнами бутовый камень (из экономии?).

В процессе работ проведены исследования слоев, отложившихся на территории Гостиного двора в 18—20 вв. Слои более раннего времени на данной территории отсутствуют. Это связано, по-видимому, с работами по планировке поверхности и засыпке Городенского оврага, находившегося в нескольких десятков метров западнее.

Исследованная в процессе работ постройка (середина — вторая половина 18 в.) служила подвальным помещением, вероятно, для хранения товаров, реализуемых на этой территории. Наиболее вероятно, на данном участке в это время было наземное сооружение (лавка торговых рядов).

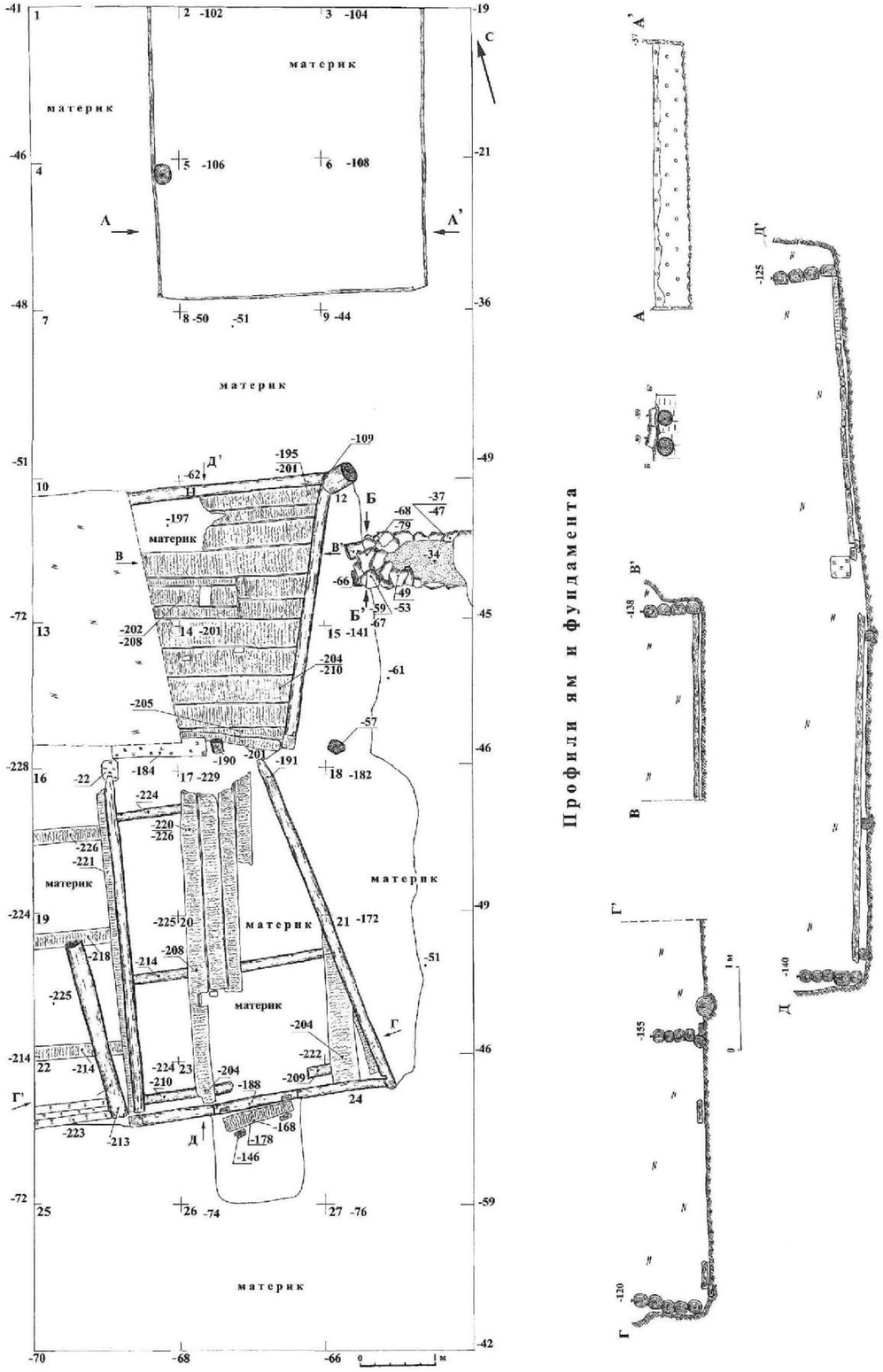


Рис. 3. План раскопа на уровне материка.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1812—1814 ГГ.

Е.А.Назарян, *к.и.н., доц.,*
Калужский филиал Московского финансово-юридического университета — МФЮА

Судьбы военнопленных российской армии, обстоятельства при которых они попадали в плен, условия содержания, то, как проходило освобождение, их правовой статус и целый ряд других вопросов по-прежнему остаются малоизученными страницами истории наполеоновских войн. Вследствие этого материалы для доклада пришлось собирать по крупицам в АВПРИ и РГВИА.

В 1812 г. группы солдат и офицеров, сбежавшие из французского плена выходили на кордоны Калужской губернии. Эти сведения приводит В.И Ассонов в своей известной книге «В тылу армии: Калужская губерния в 1812 году»: *«10(22) сентября в Медынь пришли сбежавшие из плена 18 солдат разных полков и 2 ратника ополчения, 11(23) сентября — 26 человек, 15(27) сентября — 22 человека, 20 сентября (2 октября) — 17 солдат. Всего из плена на кордоны Калужской губернии собралось 279 человек»*[1].

Возникает вопрос, а как могла в дальнейшем сложиться судьба этих людей, что их ожидало по возвращению из плена?

Плен в России в начале XIX в. рассматривали не как предательство или трусость, а как несчастье, которое произошло с человеком. Так, например, император Александр I, обращаясь к М.И.Кутузову с повелением принять меры для освобождения генерала от кавалерии Ф.Ф.Винцингероде, попавшего в плен в Москве 10(22) октября, называет произошедшее *«несчастным приключением»*[2], А.Я.Булгаков[3] применяет по отношению к Винцингероде эпитет *«бедный»*, в связи с тем, что тот *«попался в плен»*[4].

Генерал-майору П.Г.Лихачеву, единственному русскому генералу захваченному французами в Бородинской битве, после освобождения из плена выделяют деньги для поправки здоровья на водах. Об этом пишет его вдова в прошении к императору: *«Его Светлость князь Михаил Илларионович от 9 марта сего года из города Калиша известил мужа моего, что Государь Император желая сохранить здоровье его, изволил пожаловать ему для отъезда к водам и обратно 5 тыс. рублей, и сверх того приказал производить полное жалование. Таковое благотворение казалось начало успокаивать обоих нас ... Муж мой ослабел от ран и 24 числа минувшего апреля окончил жизнь свою, оставя меня в совершенном бедствии»*[5]. Т.е. плен был одной из превратностей военной судьбы, и к нему относились философски: не гордились, но и не стыдились.

Целый ряд офицеров по возвращению из плена были направлены в свои части и продолжили дальнейшую службу без всяких штрафных санкций. Портреты генерал-майоров П.А.Тучкова, попавшего в плен в бою у Валутиной горы и освобожденного в 1814 г. во Франции, и П.Г.Лихачева, плененного при Бородине и освобожденного в 1813 г. в Кенигсберге, были помещены в Военную галерею Зимнего дворца.

Правовое положение военнопленных российской армии во многом зависело от законодательной базы, существующей в Российской империи. Частично нормативные акты, регулирующие правовой статус военнопленных российской армии, уже были наработаны в ходе предыдущих войн, но зачастую ситуация требовала новых решений.

В 1812 г. основным документом, регулирующим целый ряд вопросов, связанных со службой в армии, в том числе и статус военнопленного было «Учреждение для управления большой действующей армией от 27 января 1812 года». Согласно «Учреждению...» вопросами обмена пленными занимался Главный штаб армии[6]. Пленных направляли к дежурному генералу, возглавлявшему Дежурство армии Главного штаба. Именно поэтому в журнале по армии время от времени попадаются записи о вышедших из плена русских, которые были доставлены к дежурному генералу. Например, 19 декабря 1812 г. к дежурному генералу 1-й Западной армии генерал-майору П.А.Кикину были препровождены *«17 человек объявившихся из плену и отставших от полков»*[7].

Другой документ, который в 1812 г. был в качестве руководства направлен М.Б.Барклаю де Толли — выписка из Комиссариатских регулов 1758 г. Из этого документа видно, что русским солдатам и офицерам, попавшим в плен, сохраняли жалование в полном объеме, и по возможности пересылали, или выплачивали его по возвращению из плена. Так, глава 1 гласила: *«О даче взятым в полон офицерам, и прочим чинам, и ежели возможно об отправлении в те места, где находиться будут, жалования.*

Кто из генералитета, штаб-обер-офицеров и других чинов находясь в службе взят будет в полон, из природных российских подданных, или чужестранцев, — таковым жалование по их окладам полное и с денщиками в места, где оные находятся будут пересылать или переводить через векселя, или по верющим письмам производить, кому они в том поверят, чтобы они верности своей от неимения пропитания нарушить не могли.

А когда они от неприятеля отпущены, или на размене взяты и другие случаи возвращения будут, таковым жалованием, что им следовать будет немедленно удовлетворить, а после умерших таковое жалование производить женам, и их детям и протчим наследникам по вышеописанному»[8].

Побеги из плена были достаточно распространенным явлением в период наполеоновских войн. В РГВИА сохранилась записка от 10 октября 1812 года председателя Департамента военных дел Государственного совета генерала от артиллерии А.А.Аракчеева управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту А.И.Горчакову в которой сообщается о Высочайшем указе от 9 октября 1812 года о снабжении людей, возвращающихся из плена одеждой и обувью[9]. Дело в том, что в «Учреждении для управления большой действующей армией от 27 января 1812 года» никак не регламентировался вопрос, как ставить на довольствие вновь поступивших людей, и тогда потребовался Высочайший указ, регулирующий возникшую проблему.

Как же поступали с вышедшими из плена русскими солдатами и офицерами?

Имелась достаточно многочисленная категория солдат и офицеров, которые по выходу из плена, были отправлены в те части, в которых служили ранее. Например, майор 6-го егерского полка Н.Чичагов, попал в плен под Смоленском 5 августа 1812 г., вышел из плена в апреле 1814 г. и был отправлен генералом-майором П.Ф.Желтухиным в свой полк. И там дожидался высочайшего приказа о зачислении, т.к. был исключен из списков. Об этом была сделана соответствующая запись в журнале дежурств по армии[10].

Капитан 21-го Егерского полка Яков Иванович Шмидт, который 5 августа 1812 г. при Смоленске пропал без вести, согласно истории полка вернулся из плена только в 1816 г.[11]

Не менее интересную картину дает нам анализ рапортов по отдельным полкам. Например, Месячные рапорты Черниговского конно-егерского полка за 1813 г. Так, в январе месяце 1813 г. к полку были причислены трое рядовых считавшиеся в числе убитых, раненых и без вести пропавших 24 августа 1812 г. (Шевардино), в апреле — один рядовой, считавшийся убитым 23 августа 1812 г. (бои за Колоцкий монастырь), трое рядовых без вести пропавших 24 и 28 августа (отступление за Можайск). Всего в 1813 г. к полку было причислено 38 рядовых и 2 унтер-офицера[12].

Однако не всегда вышедших из плена отправляли в те полки, где они служили ранее. Зачастую именно этими людьми доукомплектовывали воинские части. Например, генерал-майор К.К.Сиверс сообщил генералу от кавалерии Ф.Ф.Винцингероде, что *«для укомплектования находящейся при пехотной бригаде под командою генерал-майора Е.С.Горбанцова артиллерийской легкой полуроты № 57 назначил я людей из находящихся здесь разных полков бывших в плену у французов всего 32 человека о которых именной список Вашему сиятельству представляю»*. Тут же Сиверс сообщает, что *«многие из них не имеют другого одеяния кроме партикулярных изорванных шинелей и мундиров»*[13] и спрашивает, откуда им взять обмундирование.

Упоминаемый выше генерал-майор Желтухин в рапорте начальнику 2-го отдельного корпуса генерал-лейтенанту И.К.Орурку сообщает, что «состоящие в 12-м пехотном корпусе прикомандированные других корпусов воинские чины, бывшие в госпиталях и в плену, не имеют на себе никакой одежды, так что во время нынешнего холодного ненастья и грязи, начинает большинство оных болеть». И просит выделить для них имеющиеся в Лейпциге 500 шинелей[14].

Архивные документы свидетельствуют, что правовой статус вышедших из плена русских солдат и офицеров не был четко определен, во многом зависел от настроения и рвения начальства. Вырвавшись из французского плена, офицеры и нижние чины сталкивались в первую очередь с проблемами юридического характера: они были уволены из полка либо как убитые, либо как пропавшие без вести. Приказов о зачислении обратно в полк приходилось ждать месяцами. Показателен пример майора Алексопольского пехотного полка Зенцова, который был взят в плен 2 февраля 1814 г., бежал из плена, явился к командующему Алексопольского пехотного полка полковнику К.К.Панцербитеру, а тот сообщил, что не имеет о поступлении Зенцова *«в оный полк никакого повеления посему и в причислении не полагает»*. До июня 1814 г. майору пришлось писать рапорты с просьбами о зачислении его обратно в полк[15].

Подобные юридические коллизии приводили к проблемам экономического характера. Как уже было сказано выше, офицерам и солдатам, вышедшим из плена, элементарно не хватало обмундирования и амуниции. Справедливости ради следует упомянуть случаи, когда командиры брали инициативу в свои руки. Например, генерал-майор П.И.Ивелич[16] в рапорте генералу от кавалерии Винцингероде сообщает, что *«22 числа сего марта отправлено из Праги в егерской роте, составленной из выздоровевших и вышедших из плена, ... разных полков, принадлежащих к корпусу Вашего превосходительства обер-офицеров шесть и нижних чинов сто шестьдесят три человека под командою 41-го егерского полка капитана Зыбина до г. Лейпцига, с тем, чтобы получить дальнейшее направление от находящегося там генерал-майора* [А.Н.]*Бердяева»* И далее, *«означенные в этой ведомости нижние чины удовлетворены в счет жалования по одному серебряному рублю и годовыми вещами: по одной рубахе, по две пары сапог и летними панталонами»*[17].

Но далеко не всем военнопленным удалось вернуться в действующую армию в период боевых действий. Часть из них осталась за границей и вернулась на родину значительно позднее. Положение этих людей регулировал Всемилостивейший Манифест Императора Александра I от 30 августа 1814 г., в котором в разделе льготы и милости, п. 15 было указано, что *«отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течение года, а из иностранных земель в течение двух лет»*[18].

Таким образом, положение военнопленных российской армии в начале войны регулировалось «Учреждением для управления большой действующей армией от 27 января 1812 года» и «Комиссариатскими регулами 1758 года». В период военных действий правовые лакуны заполнялись Высочайшими указами Императора.

Солдаты и офицеры, вернувшиеся из плена в армию в 1812—1814 гг., направлялись в свои части; в случае необходимости или в связи со сложившейся обстановкой вышедшими из плена доукомплектовывали воинские части. Бывшие военнопленные продолжали дальнейшую службу без всяких штрафных санкций. Видимо, и вышедшие из плена на кордоны Калужской губернии офицеры и солдаты были отправлены к своим частям в действующую армию.

Офицеры и солдаты, погибшие в плену, исключались из списков. Положение возвратившихся из плена после завершения Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российской армии определял Всемилостивейший Манифест Императора Александра I от 30 августа 1814 г.

Традиционная мораль начала XIX века не осуждала попавших в плен. Подобный эпизод биографии не являлся препятствием в дальнейшей карьере.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Ассонов В.И. В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912.

[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3464. Ч. 3. Л. 15 об.

[3] Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), сенатор (1856), секретарь посольства в Неаполе при посланнике Д.П.Татищеве, московский почт-директор до 1856 г.

[4] Письмо А.Я.Булгакова Наталье Васильевне Булгаковой. Владимир, 19 октября 1812 г. // Русский архив. 1865. Ч.4. Ст.707-708.

[5] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. св. 45. д. 2. Л. 352.

[6] ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXII. № 24975. Учреждение для управления большой действующей армией от 27 января 1812 года. С. 46.

[7] РГВИА. Ф. 103. Оп.3. Д. 35. Л. 4.

[8] РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 18. Д. 8. Л. 169.

[9] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3448. Л. 114.

[10] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/ 208 г. Св. 8. Д. 37. Ч.2. Л. 49.

[11] Годунов В.И. История 91-го пехотного Двинского полка. 1805—1905 гг. Юрьев, 1905. С. 81.

* Видимо, это объясняется тем, что военнослужащие не вернулись в течение двух лет, указанных в манифесте.

[12] РГВИА.Ф. 489. Оп.1. Д. 2815

[13] РГВИА.Ф. 103. Оп. 1/208в. Д.2. св. 45. Л. 11.

[14] РГВИА.Ф. 103.Оп. 1/ 208 г. Св. 10. Д. 48. Ч.2. Л. 20

[15] РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/ 208 г. Св. 10. Д. 48. Ч.2. Л. 100

[16] Предположительно, т.к. в тексте фамилия написана неразборчиво.

[17] Ф. 103.Оп. 1/ 208 г. Св. 8. Д. 37. Ч.2. Л. 22

[18] ПСЗРИ. Собрание I. Т. 32 (1812-1815) № 25671. С. 908.

УРОЖЕНЦЫ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ — ВЫПУСКНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1877—1916 гг.)

В.П.Пушков, *к.и.н., с.н.с.*

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Состоявшийся в 2005 г. 250-летний юбилей Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова активизировал разработку целого ряда новых историко-культурных проблем[1], одной из которых является изучение источников формирования национального интеллектуального потенциала (в этом аспекте контингент обучавшихся в Московском университете является вполне репрезентативной выборкой). В настоящее время наиболее перспективным представляется региональный аспект проблемы, который позволяет выявить, так сказать, интеллектуальную составляющую географического фактора, установить общее и особенное вклада отдельных земель в «умственную силу нации» (термин акад. И.П.Павлова). Естественно, реализация такого подхода возможна только на масштабном пространственно-временном материале. Такие источники были разработаны и оформлены в базу данных «Выпускники Московского университета 1877—1916 гг.» на 27849 персоналий с отдельными полями по фамилиям, именам, годам окончания, факультетам, типам предварительного среднего образования и местам (город и губерния) его получения, а также сведения о стипендиях, гимназических медалях, дворянских титулах и др.[2]. База данных представляет собой электронную таблицу в формате MS-Excell, включающую 12 полей и передающую всю информацию источника[3].

На общем фоне 27849 университетских выпускников за предреволюционное сорокалетие 1877—1916 гг. калужане выглядят очень достойно, обогатив отечественную интеллектуальную элиту 545 своими уроженцами. (2% от всего их контингента) и заняв по этой характеристике высокое 13-е место среди 85 других российских губерний и областей, немного опередив ближайшего своего преследователя Ярославскую губернию, давшую 537 специалистов высшей квалификации (первые же три ранга были за москвичами (без губернии) — 7222 человека, смолянами (1071) и орловцами (1065). По сравнению со всеми университетскими выпускниками за это время калужане продемонстрировали повышенный интерес к медицине (36,3% против 32,0%, — 198 человек) и физико-математическому факультету, где изучались фундаментальные и естественные дисциплины (20,0% против 18,1%, — 109 дипломов), но пониженный к юриспруденции (35,2% против 41,8%, — 192 человека) при соответствии среднему уровню по историко-филологическому факультету (8,4% и 8,2%, — 46 выпускников). Калужане выходили из стен Московского университета все эти 40 лет без перерыва. Больше всего дипломов (41) они получили в 1914 г., когда в условиях военного времени был проведен «досрочный» выпуск медиков 4 курса в ноябре месяце (полный курс обучения на медфаке составлял 5 лет, — на других 4), но лишь одному студенту удалось закончить университет в революционном 1905 г. *(см. Табл. 1)*. Подъем числа выпускников наблюдался в 1881, 1888, 1895 гг. (соответственно 10, 17 и 18 человек), резкий же их прирост произошел вследствие демократизации высшей школы после Первой русской революции 1905—1907 гг., когда, начиная с 1909 г., их количество не опускалось ниже 12 человек (в среднем же за все время ежегодно по 14 калужан становились выпускниками Московского университета). Наиболее стабильно они выходили из медицинского факультета (выпуска не было только в 1877, 1905 и 1915 гг.) — в среднем по пять человек в год (столько же давал и юрфак), тогда как с физико-математического и историко-филологического факультетов соответственно ежегодно в среднем выходило по три и одному специалисту. Отметим резкий всплеск в девять выпускников историко-филологического факультета 1909 г., что, возможно, объяснялось возросшим интересом к отечественной истории под влиянием революционных событий 1905—1907 гг.

Важной особенностью талантливой калужской молодежи является тот факт, что все они получили предварительное среднее образование исключительно в самом губернском центре, чего не наблюдалось по 50 «коренным» губерниям Европейской части России (это обстоятельство не позволяет установить принадлежность выпускников к уездным городам). При этом львиная доля выпускников оказались воспитанниками Калужской Николаевской гимназии — 468 человека (86%), тогда как губернская Духовная семинария дала 62, а Реальное училище 14 университетских выпускников (соответственно 11% и 3%). Бывшие семинаристы (как правило после 4 класса) выходили из университета в 1877—1883 и 1898—1913 гг., в основном их интересовала возможность получения медицинского образования (четверть века между этими отрезками времени действовал запрет воспитанникам духовных семинарий поступать в светские вузы).

Таблица 1. **Динамика числа выпускников Московского университета из Калужской губернии (1877—1916 гг.)**

Год	Ист-фил.	Мед.	Физ-мат.	Юрид.	Итого	Год	Ист-фил.	Мед.	Физ-мат.	Юрид.	Итого
1877			2	4	6	1897		6	2	6	14
1878		3	1	2	6	1898	2	6	2	5	15
1879		6	1		7	1899		7	1	2	10
1880		6		2	8	1900		5	2	2	9
1881	1	5	3	1	10	1901	1	4	4	2	11
1882		5	2		7	1902		3	3	7	13
1883		5	1		6	1903		6	8	6	20
1884	1	2	3	1	7	1904		1	1	5	7
1885	2	1	1	7	11	1905			1		1
1886	1	6	1	1	9	1906		2	1		3
1887	1	4	2	3	10	1907		10		3	13
1888	1	10	1	5	17	1908		6	4	8	18
1889	1	9	1		11	1909	1	5	1	5	12
1890	1	7	1	3	12	1910	9	4	8	10	31
1891	1	1	1	4	7	1911	5	5	12	15	37
1892		4			4	1912	2	3	9	13	27
1893		8		7	15	1913	4	3	9	10	26
1894	2	7		7	16	1914	2	16	7	16	41
1895	3	6		9	18	1915	1		6	10	17
1896	1	4	1	4	10	1916	3	7	6	7	23
						Всего	**46**	**198**	**109**	**192**	**545**

О большом интеллектуальном потенциале калужского «сока умной молодежи» свидетельствуют ее высокие академические награды в средней школе, поскольку 68 выпускников (12,5%) имели золотые и серебряные медали (соответственно 28 и 40 наград), причем был «награжден золотой медалью» даже бывший семинарист 4 класса Сергей Марков, окончивший в 1877 г. со званием кандидата математическое отделение физико-математического факультета (это очень редкий случай). До 1883 г. относительно выпускников медицинского факультета указывалось, обучались ли они на собственные средства («своекоштные») или были стипендиатами, притом последних оказалось вдвое больше (20 против 10), что косвенным образом подтверждает высокий образовательный уровень калужан и общественную поддержку их научных устремлений. До 1910 г. по выпускникам физико-математического факультета сообщалась их принадлежность к его двум отделениям — математическому и естественному, причем калужане проявили вдвое большую склонность к первому из них (34 человека против 16), затем стали указывать и более конкретные специальности, а разрыв между отделениями существенно сократился: 32 выпускника против 24. На математическом отделении молодых людей прежде всего привлекала механика и чистая математика (соответственно 13 и 10 человек), меньше было физиков (8) и всего лишь один астроном. Среди естественников преобладали специалисты по химии — четверо по физической химии и по трое в области агрохимии и технической химии. По четыре выпускника стали зоологами и физиологами, по два — ботаниками и географами и по одному — геологом и почвоведом. Отмечен один единственный случай, когда калужский выпускник Московского университета до того обучался и в другом вузе (юрист П.Всесвятский был студентом Юрьевского университета).

Некоторые студенты, которым сразу не удавалось попасть на манящий частной врачебной практикой медицинский факультет, для достижения своей цели прибегали, так сказать, к обходному маневру, поступая сначала на естественное отделение физмата, где преподавались близкие к медицине науки (например, физиология), а после второго курса переводились на медфак. Именно так поступил бывший гимназист С.Миронов, перейдя в 1913 г. с естественного отделения на медфак и став врачом в 1916 г. Другие же предпочитали пройти полный курс естественного отделения, после чего поступали на медфак (иногда такая громоздкая комбинация осуществлялась не только ради жажды знаний, но и с целью обойти закон о всеобщей воинской повинности). Это относится к серебряному гимназисту П.Тутышкину (1891 г. — физмат и 1893 г. — медфак) и Дм. Розанову (1903 и 1907). Крайне редко молодые люди по окончании других факультетов становились медиками. Лишь один-единственный калужанин, серебряный гимназист Н. Образцов, окончив в 1884 г. историко-филологический факультет, стал «лекарем» в 1888 г.

545 калужских выпускников Московского университета были представлены 389 фамилиями, так что на одну фамилию приходилось по 1,4 человека (весьма высокое значение данного коэффициента в первом приближении сигнализирует о существенном уровне родственных связей выпускников). Ранжировка фамилий по числу их носителей дала следующую последовательность. Более других оказалось Соколовых — 12 человек, за которыми шли Никольские (9) и Архангельские (8), и лишь на 4-м месте по числу выпускников стояла первая из самых распространенных фамилий — 7 человек Смирновых. По 6 выпускников были с фамилиями Беляев, Лисицын и Преображенский. Семь фамилий дали по 5 и 4 человека, 13 — по 3 человека, и 28 фамилий имели по 2 выпускника. Получается, что 86 фамилий из 389 (22%) представляли почти половину выпускников из 545, или 48%. Большинство же калужан — 285 человек, или 52%, имели весьма редкие, не повторявшиеся фамилии. Примерно равное соотношение количества выпускников с повторяющимися и «единичными» фамилиями типично и для университетских выпускников других губерний, и, видимо, иллюстрирует какую-то общеантропонимическую закономерность в распределении генетических маркеров. Практически во всех центральных губерниях по всем 27849 выпускникам за 1877—1916 гг. больше всего их носило фамилию Соколов и 12 калужан еще раз подтвердили это правило. Всего же среди них было выявлено 14 «птичьих» фамилий, давших 32 выпускника. Кроме Соколовых, это еще Лебедевы (4), Орловы (3), Голубевы и Соловьевы (по 2 человека) и др. Отметим, что «звериных» и «рыбьих» фамилий оказалось существенно меньше (соответственно 8 фамилий — 13 выпускников и 2 фамилии — 2 выпускника). Среди них выделяются только 6 Лисицыных, а остальные присутствовали лишь в единственном числе. Повсеместно высокие ранги птичьих фамилий, по нашему мнению, объясняются тем, что положительные качества отраженных в них птиц (сокол, орел, лебедь) переносились и на интеллектуальную оценку их носителей, что через ряд поколений сказалось и на конкурсе аттестатов при зачислении в университет. Интересно будет сравнить эту

статистику и по выпускникам других российских университетов. Хотя носители птичьих фамилий занимали первое место в абсолютном большинстве губерний, тем не менее больше всего выпускников, если судить по фамилиям, были выходцами и потомками из семей духовенства, что свидетельствует об очень высоком умственном потенциале данного сословия. Так, среди калужан только с явными 29 церковно-семинарскими фамилиями оказалось 72 человека (13% выпускников). Кроме названных, это по 5 человек Поповых, Разумовских и Розановых, четверо Протопоповых и др. По фамилиям и именам выделяются поляки (Бронь, Гржегоржевский, Дворжанчик, Зенцевич, Свенгоржецкий и др. (заметное присутствие поляков среди калужан, возможно, объясняется эвакуацией в Центральную Россию ряда польских гимназий или их инфильтрацией из смежной Смоленской губернии). Среди выпускников присутствовали также украинцы (Дмуховский, Копыстынский, Май-Маевский, Рагульский, Чулицкий...), евреи (Брейфус, Намет, Пригожин, Трайнин...), люди с немецкими (Гаупт, Гофмеклер, Тейле, Фабиан, Фосс, Шлезингер, Штильбах...), французскими (Дювернуа) корнями и, возможно, татарин по фамилии Гомрат-Курек. Не было ни одной титулованной особы, хотя ряд фамилий может свидетельствовать о былой их знатности (Фон-Зельман, Фон-Ренне и Фон-Шпиндлер).

Другой яркой особенностью калужских выпускников следует признать очень высокое представительство в их среде близких родственников (отцов с сыновьями и родных братьев, что свидетельствует о прочности связей Калужской земли с ведущим отечественным университетом и формировании университетских династий. Близкое родство имели как минимум 70 человек (точный подсчет затруднителен среди наиболее распространенных фамилий). Выявляется по меньшей мере 6 случаев обучения отцов и сыновей. Это: медик Михаил и юрист Кирилл Свечниковы (1886, 1915), математик Дмитрий и медик Николай Любимовы (1882, 1914), математик Михаил и юрист Георгий Архангельские (1884, 1916), медики Павел, Тихон и Василий Гейеры (1880, 1899, 1900), математик Константин и Николай Леонтьевы (1887, 1914), медик Николай и юрист Николай Образцовы (1888, 1915). Как видно, только сыновья медика унаследовали отцовскую профессию. Родные братья (в основном по двое — всего 18 случаев), как правило, обучались на каком-то одном из факультетов и какое-то время вместе, что позволяло экономить семейный бюджет. Например, Николай и Петр Буравцовы вышли соответственно из университета юристом и ботаником в 1911 и 1912 г., в те же годы завершили курс историко-филологического факультета бывшие семинаристы Иван и Яков Добринские и в один 1911 г. стали юристами бывшие гимназисты Дмитрий и Сергей Францисци.

Набор имен калужан, естественно, был в разы меньше числа их фамилий 89 против 389, так что на одно имя приходилось по 4,4 фамилии и 6,1 выпускника. Лишь 27 имен, или 30%, имели более одного носителя, но их имели 483 выпускника (89%), тогда как абсолютное большинство имен (62) были представлены в единственном числе. Весьма показательна концентрация личных имен калужан, т.к. первые пять рангов занимали имена членов императорского дома., на которые пришлось 261 человек, или 48% выпускников, что, возможно, объяснялось имперской ментальностью их родителей. К тому же, имя действующего императора существенно опережало имя его отца: 88 Николаев и 52 Александра, за которыми шли 46 Владимира, 40 Сергеев и 35 Михаилов. Эти лидеры «оттеснили» на шестое место, казалось бы, однозначно претендовавших на первенство 29 Иванов, за которыми уже начинал действовать закон больших чисел: 26 Васильев, 22 Дмитрия, 19 Алексеев, 18 Петров, 16 Константинов, 16 Павлов, 14 Борисов, 11 Федоров, по 9 Викторов и Григорьев, по 7 Евгениев и Яковов, 6 Вячеславов, 5 Георгиев, по 4 Анатолиев и Ильи, по 3 Иосифа, Леонида и Семена и по 2 выпускника имели имена Андрей, Всеволод, Лев и Матвей.

Об огромном стремлении талантливой молодежи к университетскому образованию свидетельствуют 46 калужан (в том числе две девушки), ставшие первокурсниками после Февральской революции летом 1917 г., причем треть из них имела однофамильцев среди выпускников 1877—1916 гг., а некоторые были их родными братьями (например, потомственные дворяне Комаровы — с физико-математического факультета — выпускник 1914 г. математик Николай и его младший брат первокурсник 1917 г. Сергей).

По меньшей мере семь уроженцев Калужской земли стали профессорами Московского университета. Самыми известными из них следует признать филолога Н.С.Тихонравова (1832—1893), бывшего деканом историко-филологического факультета (1876—1877) и ректором всего университета с 1877 по 1883 г.; а также экономиста А.И.Чупрова (1842—1908). Из университетских выпускников 1877—1916 гг. профессорами были выпускник медфака 1882 г. Н.Ф.Голубов и окончивший университет в 1895 г. историк-медиевист А.Н.Савин (1873—1923), а Н.Еленский был профессором богословия в начале XX в. В университете преподавали также физик А.П.Соколов и медик Г.А.Иванов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. — Университет для России / Под ред. В.В.Пономаревой и Л.Б.Хорошиловой. Т. 1. М., 1997; Т. 2. 2001; Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. М., 2002; Университетские профессора и подготовка устава 1835 года. М., 2003; Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессора. Ч. 2. Студенчество. М., 2003; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

[2] Данная база данных построена по материалам ежегодных университетских отчетов. См.: Отчет и речь, произнесенные в Торжественном собрании Императорского Московского университета. 12 января ... года. М., 1877...1906; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. М., 1907...1917. Подробное описание БД см.: Пушков Л.В., Пушков В.П., Завьялов С.М., Гришина З.В. Выпускники Московского университета и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (первые итоги создания базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 31. М., 2003. С. 184—192.

[3] Описание состава выпускников из отдельных губерний и городов см.: Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Выпускники Московского университета — уроженцы Владимирской губернии (1877—1916) // Вестник архивиста. 2004. №3—4. С. 197—211; Они же. Елецкий интеллектуальный феномен (Воспитанники Елецкой гимназии — выпускники Московского университета. 1881—1916 гг.) // Философия хозяйства. 2004. №4. С. 9—20; Гришина З.В., Завьялов С.М., Пушков В.П., Пушков Л.В. Уроженцы Рязанщины — выпускники и профессора Московского университета. 1877—1916 // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории. К 225-летию образования Рязанской губернии. Рязань, 2004. С. 92—96; С.Т. Минаков, Л.В. Пушков, В.П. Пушков, С.М. Завьялов. Уроженцы Орловской губернии — воспитанники и профессора Московского университета // Вестник архивиста. 2004. № 1. С. 221—231; Пушков В.П., Пушков Л.В. Выпускники Московского университета из Вологодской губернии (1878—1917 гг.) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 14. Вологда, 2007. С. 71—83; Они же. Уроженцы Тульской губернии — выпускники Московского университета (1877—1916 гг.) // Белевские чтения. Вып. 4. М., 2004. С. 133—140; Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Жители города Серпухова — выпускники (1909-1916) и первокурсники (1917/1918) Московского университета // Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры. Серпухов, 2010. С. 85—99. Они же. Уроженцы Архангельской области — выпускники и студенты Московского университета (1881—1918) // «Для пользы общества коль радостно трудиться» (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова). М., 1910. С. 287—290.

Авторы могут предоставить всем желающим любую выборку из списка выпускников, для чего просят обращаться по адресу электронной почты *pushkov@wwwcom.ru* .

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ УГОДСКОГО КРАЯ В 1965—1985 ГОДАХ

А.И.Ульянов, *учитель,*
школа-пансион «Дубравушка», г. Обнинск.

Это двадцатилетие принято называть «эпохой застоя», однако именно в это время советские краеведы достигли наибольших успехов в своем творчестве. опубликовав ряд работ, оставивших свой след в калужском краеведении.

В 1965 году появилась книга Н.Н.Гостунского о Тарусе (1). Обращают на себя внимание место издания и издательство — Москва, «Наука», Институт истории АН СССР. Никогда прежде калужская краеведческая литература не выходила в столице под эгидой академического института. Ее редактор, кандидат исторических наук, С.М.Каштанов, фактически является соавтором книги, и, благодаря ему, этот труд соответствует требованиям исторической науки. Он не только устранил грубые ошибки предыдущих изданий, но фактически, скромно уклонившись от авторских лавров, заново написал книгу. Почти все описание прошлого Тарусского края до начала XX века принадлежит перу историка. Читатель и сегодня обнаружит на страницах этой не утратившей своего значения книги массу интересных, а главное, научно выверенных фактов по истории Тарусского уезда, часть которого в настоящее время входит в Жуковский район.

После восстановления в 1967 году Угодско-заводского района и местной печати, на ее страницах появились статьи по истории Угодского края. Например, А.Д.Терешин написал о строительстве больницы в с. Угодский завод. Правда, доктор Всесвятский превратился у него во «Всесвяцкого», а строитель Гашинский — в «Глушинского», но начало было положено и завеса умолчания, повисшая над добрыми делами местной интеллигенции начала XX века приподнялась (2). Статья Синельщикова о селе Тарутине (3) положила начало краеведческой серии по истории сел края. На протяжении 6 лет целый ряд авторов описывал историческое прошлое сел и деревень Угодско-заводского района.

К сожалению, многие из них не владели методикой исторического исследования, что привело к появлению поверхностных статей, написанных на основе непроверенных слухов, преданий и вымыслов (4, 5 и др.). К 1968 году обозначился тупик этого направления в краеведении. Начались повторы уже известного. Стало очевидно, что только повышение научного уровня публикаций способно уберечь краеведение от графомании. Однако осознание этого пришло не сразу.

В 1969 году вышла в свет книга мемуаров маршала Г.К.Жукова (6). Первые страницы в ней содержат любопытные описания крестьянского быта малой родины полководца. К сожалению, научная значимость этих свидетельств снижается их идеологической составляющей.

С начала 1970-х гг. в рамках союзной программы начинаются комплексные исследования, связанные с созданием «Свода памятников археологии Калужской области». Основной вклад в эту работу в нашем крае внесла академическая экспедиция И.К.Фролова (1973—1983).

Подлинным событием в краеведческой литературе того времени стал выход в свет «Атласа Калужской области» (7), который до сих пор не утратил своего значения. Комментарии к туристической карте содержали относительно полное описание угодских достопримечательностей дореволюционного периода: Чернишня, Тарутино, Спас-Прогнань. Полухино, Окатово, Алтухово.

В 1973 году появились интересные статьи В. Синельщикова о Тарутинской больнице (8), И.Гордеева о Заворовской волости (9) и А.Андреева о Никольских и Латышских дворах (10). Однако на этом рубеже развитие местного краеведения и затормозилось. Время краеведов-любителей заканчивалось, время краеведов-историков еще не наступило. Новые факты по истории края, добытые С. Я. Матвеевым в ходе бесед с местными жителями и работы с дореволюционными изданиями, не могли быть опубликованы в советской печати. Их уделом стало многолетнее забвение в фондах угодского музея. Вскоре кризис стал явным. С 1974 по 1979 год в местной печати не появилось сколько-нибудь ценных публикаций по теме, а 1980 год, судя по газете «Ленинский луч», вообще стал годом молчания краеведов. В это время изучение края вышло за пределы района.

Важным шагом в калужском краеведении стал выход в свет в 1974 году 1-й части учебного пособия «Изучай родной край» (11). Его авторы, при поддержке учителей, музейщиков и преподавателей Калужского педагогического института, создали первый коллективный труд по истории Калужского края до начала XX века. Впервые была предпринята попытка создать относительно полный, систематический курс краеведения в средних школах. Из этой книги угодские школьники узнали о Е.Р.Дашковой, П.Л.Чебышеве, Огубском городище, Тарутинском сражении и железоделательных заводах.

В 1976 году появилась книга В.Прудникова о П.Чебышеве (12). Большая заслуга в этом принадлежит его коллегам, выпустившим в свет исследование об известном математике после смерти автора. В этой книге, ставшей итогом многолетних исследований Василия Ефимовича, было обнародовано много новых фактов из жизни и деятельности ученого. Особую ценность ей придают страницы, посвященные малой родине математика.

В том же году вышла в свет первая книга из серии «Калужский край. Документы и материалы», подготовленная сотрудниками ГАКО (13). Впервые история края была поставлена на документальную основу, включившую в себя как известные, так и малоизвестные архивные документы.

Тем временем «эпоха застоя» подобно катку прошлась по историческому прошлому Угодского края. Именно в эти годы произошло массовое варварское уничтожение памятников истории и культуры в крае. Одним из первых поднял свой голос в защиту этих достопримечательностей В.Зенкин. В своей статье, опубликованной в марте 1977 года он обратил внимание общественности па уничтожение двух укреплений 1812 года в селе Тарутине, на запущенное состояние архитектурных памятников в с. Курилове, Ильинском и Троицком (14). Автор увидел в этом нарушение советских законов и обратился к обществу с призывом беречь памятники истории и культуры. Призыв отклика не нашел. Партийные чиновники никакой ценности в молчаливых свидетелях прошлого не усмотрели, а в душах населения постепенно утверждалась апатия ко всему, что не касалось напрямую их относительного благополучия.

Восьмидесятые начались с интересной статьи В.Ракова «Кружевницы» (15). Краеведение, зажатое идеологическими рамками, пыталось найти выход в этнографии. Автор описал искусство кружевоплетения на коклюшках, бытовавшее в крае в XVIII — начале XX века. Тема увлекла его и в начале восьмидесятых он объездил деревни, расположенные по берегам рек Истья и Нара, где встречался с пожилыми мастерицами.

В 1981 году в «Ленинском луче» появилась статья доктора медицинских наук В.Бржевского о В.Покровском (16). Ранее никто из местных краеведов не знал о том, что Покровский, известный врач XIX века, родился в с. Рыжково, да и о самом ученом у нас имели самое смутное представление. Эпоха застоя погубила и этот импульс. Никакого отклика статья, в которой подробно и интересно рассказывалось об ученом-медике, не имела. Призыв увековечить имя выдающегося человека остался без ответа.

С марта 1981 года на заседаниях секции истории и краеведения обнинского Дома ученых начались выступления археолога-любителя В. С. Нестерова. Центр археологических исследований края переместился в город Обнинск, где и проживал Нестеров. Его археологические разведки, начавшиеся как любительские, после знакомства Владимира Сергеевича с учеными из Института археологии АН СССР постепенно приобрели более научный характер.

Главным событием угодской историографии восьмидесятых годов стал выход в свет в 1985 году книги А.Терешина и Н.Брылякова «Жуково» (17). Терешин писал эту книгу на протяжении многих лет. Возникшие трудности с публикацией вынудили его искать соавтора. По сложившейся традиции соавтор был найден в лице члена Союза журналистов СССР, кандидата исторических наук Н.А.Брылякова.

Читатели книги впервые получили возможность ознакомиться с систематизированным и относительно полным сводом исторических знаний по истории Жуковского района. До сих пор она не утратила своего культурно-просветительского значения. Практически сразу после выхода в свет книга стала учебным пособием в школах района. Именно по ней школьники изучали и изучают историю Угодского края.

После прочтения дореволюционного раздела книги остается смешанное чувство. Пробелы понятны — авторы не знали многих исторических событий. Однако как объяснить полное отсутствие информации по истории края с конца XVIII до середины XIX века?! Восемьдесят лет истории края выпали целиком из поля зрения авторов.

Можно понять и отдельные ошибки (кто из нас без греха!), но как могли авторы, один из которых кандидат исторических наук, превратить знаменитого литовского князя Миндовга в «Миндогу», написать, что на месте села Жукова «кочевали племена древних славян», назвать Огубское городище «стоянкой древнего человека», именовать В. Всесвятского «местным учителем», хотя он был врачом и т. д.?!

Если проводить подробный анализ текста, то почти на каждой странице можно найти ошибки, неточности, исторически безграмотные утверждения, например о начале объединения русских земель вокруг Москвы лишь в XV веке. Об идеологических искажениях прошлого говорить вообще не приходится — ими пропитаны почти все страницы истории края конца XIX — начала XX века.

Читатели получили закономерный итог периода конца 1950-х — середины 1980-х годов в калужской историографии. Советское краеведение завершалось вместе с советской державой.

В этот период краеведение стало массовым, пережило свой подъем, расцвет и упадок, во многом связанный с эволюцией власти и народа. В эти годы был накоплен основной массив фактов по истории края, вышли в свет первые обобщающие работы. Одновременно закрепились и фактические ошибки прошлых лет, бойкий журналистский стиль в описании сложных тем и дилетантский подход к изучению края.

Краеведы-энтузиасты, многие из которых не были историками, к середине 1980-х годов достигли пика своих творческих возможностей. Видимо не случайно этот рубеж стал мистическим пределом жизненного пути для многих из них. В 1985—1987 гг. умерли: В.Я.Синельщиков, А.Д.Терешин, В.С.Нестеров — столпы местного краеведения. Однако их труды не пропали даром и стали фундаментом для нового поколения краеведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостунский Н.Н. Таруса — древний город на Оке. М.: Наука, 1965.
2. Терешин А. Больница построена 60 лет назад // Ленинский луч — далее «ЛЛ»; 1967, 17 июня.
3. Синельщиков В. Село русской славы. Лл., 1967, 26 октября.
4. Левин М. Федоровское. Лл., 1968, 22 августа.
5. Синельщиков В., Князев Н. Оболенское. Лл., 1969, 13 февраля.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
7. Атлас Калужской области. М.: Главуправление Геодезии и Картографии при Совмине СССР. 1971.
8. Синельщиков В. Тарутинская больница. Лл., 1973, 7 июня.
9. Гордеев И. Заворовская волость. Лл., 1973, № 77, 79, 81, 84.
10. Андреев А. Никольские и Латышские дворы. Лл., 1973, 6 января.
11. Изучай родной край. Часть первая. Учебное пособие по истории СССР для учащихся 7—8 классов Калужской области. Тула: Приокское книжное издательство, 1974.
12. Прудников В.Е. Пафнутий Львович Чебышев. Л.: Наука, 1976.
13. Калужский край. Документы и материалы. Кн. I . С древнейшие времен до 1861 г. Калуга, 1976.
14. Зенкин В. Трещина на камне. Лл., 1977, 6 марта.
15. Раков В. Кружевницы. Лл., 1980, 13 сент.
16. Бржевский В. Ученый медик из Рыжкова — Василий Тимофеевич Покровский. Лл., 1981, 6 окт.
17. Брыляков Н.А., Терешин А.Д. Жуково: Историко-экономический очерк. Тула: Приокское книж. изд., 1985.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БОРОВСКОГО И МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДОВ В XIX ВЕКЕ

И.Л.Ефимова, *н.с.,*
Музея истории г. Обнинска.

В XIX веке Калужская губерния являлась одним из крупных экономических центров России, что было обусловлено природно-географическими и социальными факторами. Калужский губернатор П.А.Булгаков сообщал: *«Положение губернии в центре России, близость ее к столице, изобилие в лесных материалах, удобство водяных сообщений, а равно и близость ко многим местам сбыта послужили к развитию промышленности торговой и мануфактурной.*

Главные предметы внутренней торговли: писчая бумага, чугунные изделия, кожа, хрусталь, парусные полотна, бумагопрядильные произведения, сало, щетина, химически приготовляемые краски, хлебное вино. Многие из этих предметов получаются с собственных в губернии заводов и фабрик. Сбыт этих произведений делается по реке Оке и сухим путем по транспортным дорогам. Малоземелье, неплодородность почвы и центральное положение губернии внутри России условливают промышленный сбыт ее. Промышленность занимает почти третью часть населения»[1].

К наиболее экономически развитым районам Калужской губернии можно отнести Боровский и Малоярославецкий уезды, где уже в середине XVII — начале XVIII веков в районе железорудных месторождений, на реках Угодка, Протва, Истья, Нечайка, были основаны одни из первых в России железоделательные заводы. В 1719 году к ним прибавились заводы боровских купцов Василия и Агафона Копыриных в районе деревни Ермолино. Однако во второй половине XVIII века, исчерпав сырьевую базу, заводы постепенно прекратили работу. Центр металлургической промышленности переместился в западные уезды Калужской губернии.

В этот период Боровский уезд становится центром парусно-полотняного производства. Согласно статистическим данным, в конце XVIII века в уезде было пять парусно-полотняных фабрик (столько же было в Калуге)[2]. В 1746 году боровский купец Захар Елизаров открыл в собственном доме парусно-полотняную фабрику, где работало сто наемных работников. Фабрика просуществовала довольно долго, несколько раз меняя владельцев. В 1818 году купец Михаил Савин продал ее купцу Глушакову, «который отдал производство в залог купцу И.Богданову». Около 1826 года фабрика прекратила работу[3].

Парусно-полотняное производство, так же, как и железоделательное, не получило в Боровском и Малоярославецком уездах дальнейшего развития, сосредоточившись на территории современного Износковского и Дзержинского районов.

В XIX веке в социально-экономической и политической жизни Российской империи произошли коренные изменения. Наблюдался процесс перехода от самодержавно-крепостнического к демократически-капиталистическому строю. После отмены крепостного права в 1861 году страна окончательно вступила в эпоху стремительного экономического подъема. Что касается Калужской губернии, то здесь произошло «смещение центра» экономического развития в ее северо-восточную часть. Причиной этому послужило сокращение судоходства ввиду обмеления рек, строительство Варшавского шоссе (1840 год) и железной дороги, соединивших производственные центры северо-восточной части губернии с рынками сырья и сбыта продукции. В результате, к 1857 году «по обширности фабричного производства» Боровский уезд вышел

на первое место в Калужской губернии. Кроме того, уезд занимал второе место после Калужского по количеству купеческого сословия: на 27653 человек приходилось 1178 купцов. Малоярославецкий уезд значительно отставал: на 23097 жителей приходилось всего 453 купца[4].

Ведущими в экономике изучаемого региона в XIX веке стали писчебумажное, химическое, бумагопрядильное и бумаготкацкое производства.

У истоков зарождения и развития писчебумажной промышленности в Боровском уезде стояли московский купец Иван Григорьевич Аристархов и калужский купец Михаил Петрович Прянишников, поселившийся вместе с семьей в д. Тимашово. В 1839 году предприимчивые купцы арендовали землю в д. Кривское у княгини Голицыной и на реке Протве основали фабрику для механической выделки бумаги. В1840 году на должность директора они пригласили из Англии Василия Говарда, который наладил производство: выписал из Франции и Англии две бумагоделательные машины, набрал 240 крестьян и обучил их печатному делу. Производство располагалось в четырех корпусах, всего на территории фабрики было 20 строений. Все сырье: купоросное масло, квасцы, соду, сыромятный клей, известь, древесный поташ, берлинскую лазурь закупали в Москве. Туда же сбывали и продукцию — почтовую и писчую бумагу[5]. Бумага с Кривской фабрики была высокого качества и пользовалась большим спросом, а В.Говард за свою продукцию получил малую золотую медаль.

Вскоре М.П.Прянишников «отошел от дела», в 1850-м году скончался И.Г.Аристархов, передав дело Василию Говарду, числившемуся в то время купцом II гильдии. В 1855 году фабрика сгорела. Говард не стал ее восстанавливать и в 1858 году основал в Медынском уезде Троицко-Кондровскую бумажную фабрику — одну из самых крупных в Калужской губернии.

Во второй половине XIX века бумажное производство Боровского и Малоярославецкого уездов представляли небольшие бумаго-оберточные фабрики в селах Момолахово, Атепцево, сельце Афанасовка (Афанасьево) и деревне Ермолино. На фабрике в с.Атепцево Рождественской волости Боровского уезда, основанной в 1876 году боровским купцом Иваном Ильичом Алешиным, 10 рабочих производили оберточной бумаги на сумму 1800 рублей, при этом имели очень хороший заработок — от 10 до 15 рублей в месяц. На фабрике при сельце Афанасовка, принадлежавшей помещику Коротневу, арендовавший ее крестьянин д. Боболи Петр Федотов платил своим рабочим всего 4 рубля в месяц, при этом 8 человек выпускали бумаги на сумму 7600 рублей в год[6].

В середине XIX века наряду с писчебумажным развивается химическое производство. В Боровске между 1830 — 1838 годами существовали фабрики купца Пашутина и мещанина Коростылева по производству нашатыря. В 1848 году московский купец II гильдии Василий Иванович Санин близ д. Малая Леташевка Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда основал самый крупный в Калужской губернии химический завод. Управляющим завода был брат владельца купец Петр Иванович Санин. Вскоре братья расширили производство, открыв филиалы в деревнях Чуриково и Дроздово, где работало соответственно — 158, 14 и 8 рабочих. «Завод состоял из четырех одноэтажных корпусов, где были 24 печи и паровик в 12 сил. Вырабатывали ярь венецианскую, медянку, синий медный купорос, деготь, квасцы, крепкую водку, соляную и уксусную кислоту на сумму 66251 рублей в год. Сырье покупали в Москве. Товар продавали в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, на Нижегородских и Украинских ярмарках[7]. В 1887 году владельцем завода числился бывший управляющий, уже московский купец I гильдии Петр Иванович Санин. Количество рабочих уменьшилось более чем в два раза (70 человек), что не особенно отразилось на количестве выпускаемой продукции (51698 рублей в год). Вероятно, произошло это по причине появления новых машин, в частности гидравлического пресса. К тому же новый управляющий Александр Иванович Санин, получив техническое образование в Московской Практической Академии Коммерческих наук, применил на производстве новые технологии и улучшил качество производимого продукта. Рабочие жили при заводе, работали по 12 часов в день, получали до 60 рублей в год «на хозяйских харачах», лечились в заводской больнице. Следует отметить, что ни на одном другом промышленном предприятии Малоярославецкого уезда не было больниц[8].

Продукция химического завода купцов Саниных пользовалась большим спросом и не раз представлялась на промышленных выставках в России и за рубежом. За отличное качество изделий П.И.Санин получил похвальную медаль II класса на Всемирной Лондонской выставке. В 1870 году на промышленной выставке в Санкт-Петербурге продукция завода была признана одной из лучших, а ее владелец получил право от царского правительства ставить на своих изделиях клеймо с изображением царского государственного герба.

Между деревнями Грачевка и Чериково находилось имение П.И.Санина с прудами и парком. *«Санинский пруд, согласно местной легенде, до сих пор считается «лихим местом», «черным». Видимо потому, что в округе его все было отравлено химическим производством»*[9].

Во II половине XIX в уездах открывется еще несколько небольших химических заводов. В 1881 году боровский купец Поликарп Аксенович Глухарев открыл химическое производство при деревне Кочетовка Спас-Прогнанской волости Боровского уезда. В 1887 году 6 рабочих изготавливали древесный порошок на сумму 1950 рублей в год[10]. Через год объем выпускаемой продукции в денежном эквиваленте увеличился до 2400 рублей. Продукцию сбывали в Серпухов. Сын Поликарпа Аксеновича, Николай Поликарпович Глухарев, состоявший на службе в химическом концерне П.И.Санина, близ деревни Балабаново построил фабрику по производству белил.

В 1873 году в селе Смахтино Малоярославецкого уезда московские купцы — братья Ботневы в десяти одноэтажных корпусах открыли химический завод, где 30 рабочих изготавливали свинцовую соль, древесный деготь, уксусную кислоту, нашатырный спирт и свинцовые белила. Заведовал производством боровский купец Петр Кондратьевич Молчанов.

К началу XX века объем выпускаемой химической продукции значительно уменьшился. В Торгово-промышленной газете за 1902 год сообщалось: *«Падение производства сухой перегонки дерева объясняется сильным развитием подобного производства в Ярославской и Костромской губерниях. Другая причина — поднятие цен на березовые дрова»*[11]. В этот период прекратил производство завод в Кочетовке. Леташевский завод, значительно сократив производство, продолжал снабжать местных крестьян удобрениями и после 1917 года.

В XIX веке Боровский и Малоярославецкий уезды становятся крупными центрами бумагопрядильной и ткацкой промышленности, а также кустарного ткачества — древнейшего занятия местных крестьян. Отзвуки давнего существования ткацкого промысла сохранились в названиях некоторых сел и деревень Боровского и Угодско-Заводского районов: д. Ворсино (*«ворса»* — волос, пушок), д. Воробьи (*«воробка»* — приспособление для размотки пряжи), с. Красное (*«кросна»* — простой крестьянский холст), д. Сороковеть (*«сороковушка»* — нить из сорока или более тонких нитей».

Почти в каждом доме стояли ткацкие станы, на которых *«кустари занимались выделкою платков бумажных, шерстяных, так называемых черкасиновых, бумажных, пуховых шалей, одеял и сарпинки»*.

В.М.Кашкаров сообщал, что в Малоярославецком уезде проживало около 600 ткачей-кустарей, в Боровском уезде — свыше 540. Ткачество более всего было развито в деревнях Доброе, Верховье, Кривошеино, Передоль. Белоусово, Росляковка, Болотское Угодско-Заводской волости, Пяткино, Спас-Митинка, Подчеревкино, Кривоносово, Всесвятское Спасской волости Малоярославецкого уезда и Рощинской, Добринской, Чубаровской и Кривской волостях Боровского уезда[12].

Появление ткацких фабрик в Боровском и Малоярославецком уездах относится к началу XVIII века. В 1751 году Егор Иванович Грунт вблизи д. Белоусово Малоярославецкого уезда на реке Дырочной основал первую в Калужской губернии суконную фабрику на 16 станков: 8 — для трико, 6 — для шелковых материй. Сделав небольшое отступление, отметим, что во второй половине XIX века в Малоярославецком уезде было широко развито тесемочно-шелково-ленточное производство. М.Попроцкий сообщал, что *«на все русские ярмарки из Малоярославца вывозится ручной тесьмы на сумму 30 000 рублей»*[13]. Приводим данные о бумажно-тесемочных фабриках Малоярославецкого уезда за 1882 год.

Нас. пункт	*Владелец*	*Кол-во рабочих*	*Дата основания*
с. Поречье	Максим Фодеев (крест.)	14	1879
д. Веткино	Тимофей Семенов (крест.)	14	1878
с. Поречье	Ирина Ананьева (крест.)	7	1878
д. Васильчиновка	Евлапмий Анисимов (крест.)	40	1845
с. Поречье	Иван Сергеев (мещанин)	7	1879
д. Каньшино	Максим Смирнов (купец II гильдии)	50	1845
д. Веткино	Акинфий Пресков (крест.)	15	1875[14]

На протяжении XIX века количество ткацких предприятий в исследуемых уездах значительно увеличивается, производство механизируется, применяются новые технологии. В 1811 году коммерции-советник П.М.Губин открыл в с. Спас-Лыковщина Малоярославецкого уезда первую в Калужской губернии миткалевую фабрику. 896 крепостных крестьян и 202 наемных рабочих обслуживали 615 станков[15]. В это же время появляется «рассеянная мануфактура» московского купца Жукова: двое крестьян из д.Белоусово и четверо из с.Скрипорово ткали из верблюжьей шерсти сукно для Московской почтамтской конторы.

Через двадцать лет, в 1832 году, в с. Красное Боровского уезда купец Батурин основал бумагопрядильную фабрику. Согласно архивным данным, в 1836 году фабрикой владели купцы Владимир и Константин Занегины, которым принадлежала четвертая часть села. В 1849 году на фабрике числилось 854 рабочих, три иностранных и десять русских мастеров. Производство велось на тонкопрядильных машинах новейшей конструкции, из Манчестера привезли паровую машину, из Англии через Петербург поставляли сырье: бумажный хлопок для изготовления пряжи. Фабрика располагалась в двух корпусах, рабочие жили в общежитиях или бараках, посещали сельскую церковь, лечились в заводской больнице. Это был период расцвета фабрики: в 1850 году годовой выпуск продукции составил 453 135 тысяч рублей, в 1859-м — 676 тысяч. Постепенно производство сокращается ввиду того, что Англия заполнила своей высококачественной пряжей наши рынки. В 1879 году на фабрике вырабатывалось пряжи и ваты всего на 188 400 рублей. Не выдержав конкуренции со стороны иностранных товаров, фабрика закрылась[16].

Крестьянская реформа 1861 года, завершив процесс освобождения личнозависимых крестьян, качественно изменила социально-экономическое состояние сельского населения уездов. Крестьяне, получив свободу, все более втягивались в товарно-денежные отношения. Повсеместно наблюдалось расслоение крестьянства, из среды которого выходили предприниматели, крупные торговцы, представители сельской буржуазии и купечества. Постепенно расширяя производство, они открывали фабрики, где работали десятки, а то и сотни крестьян.

Ярким примером является деятельность выходца из крестьян с. Рябушки Боровского уезда купца I гильдии Михаила Яковлевича Рябушинского. В 1857 году через свою раздаточную контору в д. Ермолино он обеспечивал работу надомникам на три тысячи станков. Близ Малоярославца, в с. Чуриково, купец основал фабрику, где 700 наемных крестьян работали на станках, привезенных из Манчестера.

Во второй половине XIX века в Боровском уезде наблюдается бурный рост ткацкого фабричного производства. Вступают в строй платочно-набивная фабрика И.А.Александрова в с.Русиново, ткацко-красильное производство Ф.И.Исаева в д. Ермолино, бумаготкацкоя фабрика П.М.Полежаева в с. Комлево, затем в Боровске. Русиновская фабрика стала самой крупной в уезде: в 1898 году — 950 рабочих и надомники в 26 деревнях. Фабрика Ф.И.Исаева была меньше: в 1890 году здесь работало 200 рабочих. К началу XX века производство на Ермолинской фабрике значительно расширилось: около тысячи ткачей изготавливали турецкие шелковые, шерстяные набивные шали, муслин для халатов, паранджу для женщин. Товар отправляли в Турцию, Иран, Ирак, где он успешно выдерживал конкуренцию со стороны английских товаров.

Одной из самых крупных в Боровском уезде была ткацкая фабрика в д.Тишинка (Тишнево) Красносельской волости, основанная в 1870 году выходцем из крестьян, купцом Александром Прокофьевичем Смирновым. На фабрике работало 100 мужчин, 80 женщин и 45 детей, которые на 40 станках вырабатывали бумажные платки, сарпинку на сумму 72 тысячи рублей в год[17].

Помимо крупных, появляется множество средних и мелких ткацких предприятий с количеством рабочих до ста человек. К ним можно отнести две ткацкие фабрики в д. Грачевка Боровского уезда, основанные в 1873 году боровскими купцами II гильдии братьями Иваном Ивановичем и Егором Ивановичем Сироткиными. На первой: на 48 станках 55 мужчин и 15 женщин производили платки на сумму 10522 рубля в год. Рабочие жили артелью при фабрике, работали по 12—14 часов в день, получая от двух до двадцати двух копеек за платок. Подобный график работы и система оплаты были характерны и для других ткацких фабрик.

У Егора Ивановича Сироткина фабрика была поменьше. Здесь в 1887 году на 17 ручных станках 17 мужчин и 12 женщин вырабатывали платков на сумму 4802 рубля. Продукцию братья Сироткины сбывали в Харьков[18].

К среднему звену можно отнести бумажно-платочную фабрику в д. Белоусово, основанную в 1872 году крестьянином д. Верховье Петром Савельевичем Мартыновым. Сто рабочих изготавливали платки из купленной пряжи. Петр Мартынов расширил производство и в 1879 году числился уже купцом г. Малоярославца.

Одновременно с фабричным во многих населенных пунктах Боровского и Малоярославецкого уездов открываются небольшие кустарные производства. Зажиточные крестьяне раздавали работу крестьянам-надомникам, арендовали или строили специальные здания, где около двадцати рабочих ткали, красили, обвязывали платки.

Приводим данные о ткацких заведениях по населенным пунктам, прилегающим к городу Обнинску и ранее находившихся на его территории.

Деревня Пяткино Малоярославецкого уезда. В 1881 году здесь проживало 159 человек, из 21 двора 11 занималось платочным производством, 7 дворов вырабатывали бумажные ткани: шатландку и камелот, один хозяин держал ткацкое производство, где работало 23 наемных рабочих.

Деревня Кабицино Боровского уезда. В 1859 году проживало 436 человек, работало три бумаготкацкие фабрички, принадлежавшие местным крестьянам: Кузьме Прокопьевичу Шапкину (22 рабочих), Евстигнею Сафатову и Григорию Иванову. Последний открыл в деревне Трактирное заведение, что было характерным явлением того времени. Представители сельской буржуазии довольно часто открывали чайные, трактиры, магазины. Так, имели трактирный промысел в д. Доброе крестьянка Анна Иванова и крестьянин Марк Сметанов, в д. Белоусово Малоярославецкая мещанка Прасковья Перфильевна Паньшина.

Деревня Самсоново Боровского уезда. В 1859 году проживало 163 человека. Большинство жителей деревни производили платки на дому или на бумаготкацких фабриках местных богатеев. В 1893 году Федор Михайлович Безяев и Михаил Петрович Петров открыли в Самсоново фабрички, где было соответственно 11 и 15 наемных рабочих. Кроме того, Михаил Петрович раздавал работу ста крестьянам-надомникам. Его брат Филат устроил красильню.

Деревня Доброе Малоярославецкого уезда. Здесь проживало 206 мужчин и 219 женщин, большинство работали на дому, лишь 28 человек — на ткацких фабриках местных крестьян Якова Тимофеева и Якова Федотова. Продукцию продавали московскому купцу Назарову.

Село Белкино Боровского уезда. В 1859 году — проживало 520 человек (62 двора). В селе существовали: бумаготкацкие фабрики крестьянина Петра Васильевича Сабурова и Марии Ананьевой, в доме Никиты Ефремовича Рожкова наемные рабочие изготавливали ленты[19].

На вышеперечисленных фабриках работали, как местные крестьяне, так и приходящие из соседних сел и деревень. Как правило, «на стороне» крестьяне работали с сентября по май, в летние месяцы производство либо совсем останавливалось, либо сокращалось до минимума. Часть населения, в основном мужская, уходила «в отход» — на заработки в города, чаще всего на Московские ткацкие фабрики.

Отходничество являлось характерным явлением для всех уездов Калужской губернии, но к началу XX века самый большой отход наблюдался в Боровском и Малоярославецком уездах, где треть населения покидала свои дома. В.М.Кашкаров сообщал: *«Крестьяне северных уездов Калужской губернии, в особенности так называемые «москвичи» и «питерцы», которые большую часть времени проводят на заработках в Москве или Санкт-Петербурге, сметливы, общительны. Всегда вежливы, но бойки на язык. Они зачастую ведут в городе большое прибыльное дело, но, несмотря на это, каждогодно к Петровкам возвращаются к себе на родину на полевые работы: убирать сено и хлеб, к Успению кончают, и тогда опять возвращаются в столицу»*[20]. Скопив денег, некоторые из отходников возвращались домой и открывали свое дело. Так, жители с. Белкино Ефим Коляскин и Филипп Казаков в середине XIX века работали на ткацкой фабрике в Москве. В 1896 году Ефим Емельянович взял на фабрику мотальщиком своего двенадцатилетнего сына Зота, *«где он выучился работать искусственный барашек»*. Вернувшись в родную деревню с капиталом, Ефим Емельянович в д. Ново-Михайловское (часть с. Белкино) открыл ткацкую фабрику на десять станков, красильню и сушильню. Зот Ефимович продолжил дело отца, а жена его Марфа Емельяновна *«занималась мелочной торговлей на своем крыльце»*. Распространение отходничества способствовало проникновению городских элементов в культуру и быт местного население, именовавшегося в документах пореформенного периода, как «фабричное».

Подводя итог, следует заключить, что Боровский и Малоярославецкий уезды в XIX веке являлись экономически-развитыми районами Калужской губернии с преобладающим характером ткацкого производства и высоким уровнем отходничества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Государственный архив Калужской области. Ф. 32, оп. 1, д. 20, л. 60.

[2] Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния, часть I, с. 578. СПб., 1864.

[3] ГАКО. Ф. 372, оп. 1, д. 35.

[4] Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния, часть I, с. 549. СПб., 1864.

[5] ГАКО. Ф. 372, оп. 1, д. 61, л. 5.

[6] Там же. Ф. 58, оп. 2, д. 88, л. 28.

[7] Там же. Ф. 372, оп. 1, д.61, л. 6.

[8] Там же. Ф. 58, оп. 2, д. 125, л. 29.

[9] Угодский завод и его окрестности. Калуга, 2005, с. 80.

[10] ГАКО. Ф. 58, оп. 2, д. 125, л. 28.

[11] Торгово-промышленная газета. 1902 год, № 118.

[12] Кашкаров В.М. Географический очерк Калужской губернии. Калуга, 1908, с. 232.

[13] Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния, часть I, с. 661. СПб., 1864.

[14] ГАКО. Ф. 58, оп. 2, д. 63.

[15] Там же. Ф. 32, оп.19, д. 973.

[16] Там же. Ф. 372, оп. 1, д. 61, л. 4.

[17] Там же. Ф. 58, оп. 2, д. 141.

[18] Там же. Ф. 58, оп. 2, дд. 125, 141.

[19] Там же. Ф. 784, оп. 1, д. 24; оп. 5, д. 25. Ф. 825, оп. 1, д. 33; оп. 5, д. 95.

[20] Кашкаров В.М. Географический очерк Калужской губернии. Калуга, 1908, с. 222.

17-я ТАНКОВАЯ БРИГАДА «ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛКОВНИКА И.И.ТРОИЦКОГО» И ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ В ОБОРОНЕ ВАРШАВСКОГО ШОССЕ В ОКТЯБРЕ 1941г. МИФЫ ЖИВУТ И ПОДМЕНЯЮТ СОБОЙ ИСТОРИЮ

Г.Я.Грин, *вед. мет.,*

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В.А.Чернов, *краевед,*

г. Москва.

Так сложилось, что некоторые факты нашей истории, однажды описанные общепризнанными авторитетными учеными, полководцами, писателями слепо принимаются на веру остальными историками, не имеющими других источников информации. Либо по забывчивости, либо умышленно, они частично искажали информацию, преувеличивая значимость одних частей, не упоминая о роли их соседей. Эти ошибки, многократно повторенные историками следующих поколений, превращались в мифы и легенды, которые искажали и до сих пор искажают картину прошлого в сознании новых поколений. В настоящее время, когда открыт доступ ко многим документам периода Великой Отечественной войны, стало достаточно просто исправить многие из этих ошибок, но необъяснимый страх до сих пор мешает устранить их тем людям, которые могут и должны это сделать в силу своего профессионального и общественного положения.

Миф о полковнике Троицком

Вот одна из таких историй, связанная с практически вычеркнутой из истории Московской битвы 17й танковой бригадой, которая участвовала в обороне Москвы в октябре 1941 на Варшавском шоссе:

- 1-й бой бригады был на р. Изверь (Износковский р-н) (9.10.41),
- затем бой на р. Шаня, западнее 6 км г. Медынь,
- затем бой у д. Дворики, восточнее г. Медынь 4 км (10—11.10.41),
- наступательные бои от Ильинских рубежей в направлении на Медынь до д. Старое Рыбино (12-13.10.41);
- участие во фланговом ударе по немецким войскам, продвигавшимся на Боровск. Маршрут движения танков — деревни Отяково, Асеньевское, Абрамовское, Тюнино Боровского района (15—16.10.41),
- а затем наступательный бой за город Боровск и освобождение села Уваровское и юго-западной окраины г. Боровск (17.10.41).
- 18.10.41 бригада намеревалась продолжить освобождение города Боровск, но была срочно перенаправлена в Угодский Завод. В этот день утром был сдан г. Малоярославец и бригаде пришлось выходить из полуокружения через территорию нынешних городов Обнинск и Балабаново и деревень Каменское, Иклинское до реки Нара.
- 21.10.41 часть бригады, вышедшая из окружения, участвовала в бое за Тарутино.
- до 27.10.41 бригада, собирая своих бойцов, выходящих из окружения, вела бои на Старой Калужской дороге, до рубежа р. Черничка. И дальше этого рубежа немцы уже не прошли.

В своих воспоминаниях[1] Георгий Константинович Жуков описывает встречу 8 октября в районе Медыни с командиром танковой бригады Иваном Ивановичем Троицким, вместе с которым он воевал еще на Халхин-Голе:

«...Навстречу мне поднялся невысокого роста, подтянутый танкист в синем комбинезоне, с очками на фуражке. Мне сразу показалось, что этого человека я где-то видел.

— Докладывает командир танковой бригады резерва Ставки полковник Троицкий.

— Троицкий! Вот не ожидал встретить вас здесь!

И.И.Троицкий мне запомнился по Халхин-Голу, где в 1939 году он был начальником штаба 11-й танковой бригады. Эта бригада была грозой для японцев...

Полковник Троицкий рассказал:

— Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре. Посылал я разведку и в Калугу, В городе противника пока нет, но в районе Калуги идут напряженные бои. Там действуют 5-я стрелковая дивизия и некоторые отошедшие части 43 Армии. Вверенная мне бригада находится в резерве Ставки. Стою здесь второй день и не получаю никаких указаний...»

Многие авторы, ссылаясь на эти сведения из «Воспоминаний и размышлений», называют в дальнейших своих исследованиях И.И.Троицкого командиром 17-й танковой бригады (17 тбр). Но в документах Центрального Архива Министерства Обороны РФ (ЦАМО РФ) нет ни одного свидетельства о том, что 17-й танковой бригадой когда-либо командовал полковник И.И.Троицкий. Ни в одном из многочисленных документов 17-й тбр, с начала формирования в сентябре 1941 года, ни разу не упоминается его фамилия и не встречается ни одной его подписи. Только за октябрь — декабрь 1941 года в фонде бригады (ф. 3080) ЦАМО РФ находится 8 дел, по 100—200 листов каждое, есть также документы бригады в фондах 43-й Армии, МВО и Западного фронта. Все документы с момента формирования бригады свидетельствуют, что командиром 17-й тбр в октябре 1941 г. был Герой Советского Союза майор Николай Якимович Клыпин.

Так может быть Г.К. Жуков встретил не 17-ю тбр, а другую танковую часть?

В ходе исследования в документах МЗО была найдена Оперсводка № 01, составленная Штабом опергруппы Московского Военного Округа к 4.00 7.10.41, направленная Начальнику Генштаба КА:

«...37 укрепрайон (УР) (Штаб — Малоярославец)...Прибыло за 6.10.41:

Подольское пехотное училище (4 батальона), Подольское арт. училище, один артдивизион, запасной полк, 2 полка ПТО, отряд танков майора Троицкого (5 танков и 1 бронемашина)...»[2]

Для уточнения тот ли самый Троицкий командовал отрядом танков, пришлось обратиться в учетно-послужную картотеку ЦАМО. Выяснилось, что И.И. Троицкий во время боев на Халхин-Голе служил помощником начальника штаба (с 29.6.39) в 11-й тбр, командиром которой был Михаил Павлович Яковлев, Позже (с 31.10 39) он стал начальником штаба 11-й тбр и **к 1941 году уже был полковником**, а не майором. Также выяснилось, что с марта 1941 по февраль 1942 г. он был начальником штаба 61 танковой дивизии, которая весь период с 1941 до 1944 года находилась на Забайкальском фронте. Следовательно, полковник И.И. Троицкий никак не мог находиться под Москвой, в то время как его дивизия

Клыпин Николай Якимович *(1908—1943), командир 17 тбр (29.9—07.12.41), Герой Советского Союза с марта 1940 г.*
Фото из фонда Музея школы пос. Рогово, г. Москва

Троицкий Иван Иванович *(1903-1957).*
Во время боевых действий на Халхин-Голе — помощник начальника штаба — с 29.6.39 11 тбр под командованием М.Яковлева, а по окончании — с 31.10.39 — начальник штаба 11 тбр им. Яковлева. С 12.3.41 по 00.2.42 — начальник штаба 61 танковой дивизии ЗабВО.
(Фото с учетно-послужной карточки).

находилась в Забайкалье. Поэтому очевидно, что этот отряд из 5 танков находился под командованием его однофамильца. Все документы ЦАМО РФ Резервного фронта свидетельствуют, что **на Варшавском шоссе 8 октября других крупных танковых частей, кроме 17й танковой бригады не было.**

Кого же тогда встретил Г.К.Жуков? Поиск пришлось продолжить...

Выяснилось, что командир 17-й тбр Н.Я.Клыпин на Халхин-Голе не воевал. Но при изучении учетно-послужных карточек офицеров 17-й танковой бригады неожиданно было обнаружено, что начальник штаба 17-й тбр Александр Спиридонович Кислицын воевал на Халхин-Голе. Причем в 1937-38 годах, т.е. еще до начала боевых действий, он поочередно был начальником 5-й части и 1-й части штаба той же самой 11-й тбр ЗабВО МНР, которой позже присвоили имя ее погибшего командира Яковлева. Во время боевых действий на Халхин-Голе А.С.Кислицын был помощником командира и начальником снабжения 57-го особого корпуса 1-й Армейской группы МНР. По служебным делам он неоднократно встречался с Г.К.Жуковым, назначенным сразу по прибытии на Халхин-Гол командиром этого корпуса. Жуков в своих воспоминаниях подробно рассказывал о преодолении в 1939 году трудностей в снабжении войск, возникающих из-за значительной удаленности от Монголии наших баз снабжения.

В 1942 году Г.К.Жуков еще хорошо помнил А.С.Кислицына. В записи телефонных переговоров за март 1942 года командующего Запфронтом Жукова и командарма 49-й Армии Захаркина, на жалобу последнего о том, что у его нового начальника АБТВ (автобронетанкового вооружения) Кислицына *«характер до невозможности спокойный...»* Г.К.Жуков отвечает: ***«...Он у меня был помощником на Халхин-Голе по снабжению... Характер у него такой...»***[3]

При исследовании учетно-послужных карт и документов 11-й тбр в Российском Государственном военном архиве (РГВА) выяснилось также, что и начальник политотдела 17-й тбр — Исидор Евстафьевич Астапенко, тоже был на Халхин-Голе в той же 11-й тбр в должности инструктора политотдела.

...После успешного для немцев начала операции «Тайфун» к 8 октября 1941 года Ставка не знала истинного положения войск: ни положения немец-

Кислицын Александр Спиридонович *(1903—1965).*
1937—38 г.г., начальником 5 части и 1 части штаба 11 тбр Заб ВО. 1939 г.— помощник командира и начальником снабжения 57 особого корпуса 1 Армейской группы МНР (боевые действия на р. Халхин-Гол). С октября по декабрь 1941 — начальник штаба 17 тбр. (6-12.10.41 СВГК и Резервного фронта, 12.10—24.11.41 — 43 Армии).
С января по апрель 1942 — начальник отдела автобронетанкового вооружения 49 Армии (освобождение Юхнова и района).

ких войск, ни количества и положения наших войск. Поэтому, по личному указанию И.В.Сталина, Г.К.Жуков объезжал Можайскую линию обороны, пытаясь установить неизвестную в Ставке линию фронта и соотношение сил. Об этой поездке, кроме самого Г.К.Жукова, вспоминал начальник его охраны — Н.Х.Бедов: *«Два дня 7 и 8 октября, Г.К.Жуков ехал по проселочным дорогам от Можайска до Калуги. Он ознакомился с положением дел в штабах и на местности Можайского, Наро-Фоминского, Боровского, Малоярославецкого и Калужского районов. Выяснил силы и возможности войск. Принял энергичные меры, помог штабам навести порядок, и искал выход из создавшейся критической обстановки... Неожиданное появление Жукова в штабах и войсках заметно поднимало настроение, вносило уверенность»*[4].

Большинство войск, выходящих из окружения, были не только измотаны физически, но и деморализованы. Встреча с танкистами 17-й тбр — единственного целого соединения, стала для Г.К.Жукова самым радостным событием в этой поездке.

Свое впечатление от этой же встречи описал в своих воспоминаниях и личный шофер Г.К.Жукова — Александр Николаевич Бучин. Он, к сожалению, еще больше запутал сведения о номере бригады и имени ее командира[5]: *«В странствиях 6-8 октября Жуков неожиданно появлялся в войсках, что немедленно вселяло уверенность как в толпах отходивших красноармейцев, так и в штабах... Самым отрадным эпизодом в той мрачной поездке была встреча под Медынью. Нас остановил патруль, одетый в комбинезоны и танкистские шлемы. Патрули сказали, что дальше ехать нельзя — противник. Георгий Константинович ушел в штаб части, вернулся веселый, помолодевший. Меньше, чем за час! Оказалось, что в этом районе дислоцировалась 11 танковая бригада под командованием полковника И.П.Троицкого, которого Г.К.Жуков знал по Халхин-Голу. Он отдал какие-то приказы и, удовлетворенный, уехал в Калугу. Я, во всяком случае, почувствовал, что мы, наконец, побывали в нормальной воинской части, где несли службу, как подобает!»*

В Исторических формулярах 17-й тбр, 53-й стрелковой дивизии, и других частей, а также в документах штаба 37-го УР МЗО есть свидетельства о посещении их Г.К.Жуковым 8 октября 1941 года. Возможно, что из-за большого количества встреч 7 и 8 октября, спустя много лет, он по ошибке перепутал А.С.Кислицына с И.И.Троицким. Оба офицера имели должность начальника штаба и оба раньше служили в 11-й тбр Заб ВО, с ними обоими он встречался на Халхин-Голе. А на момент написания «Воспоминаний и Размышлений» Жукову было более 70 лет и в этот период он перенес инсульт! При этом поразительно точно, по памяти, не прибегая к архивным документам, он описывает обстановку на 8 октября 1941 года, изложенную именно в том докладе, который он услышал в 17-й тбр. Точность доклада на 100% подтверждается архивными документами 17-й тбр за 8 октября 1941 г. Таким образом, подтверждается информация о посещении Г.К.Жуковым именно 17-й танковой бригады, а не какого-либо другого танкового подразделения. После выхода в свет «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова началась самостоятельная жизнь этого мифа о «полковнике Троицком», который упорно переписывался из одного источника в другой. Миф приобрел статус неоспоримой истины. Никто до 2006 года не решился противоречить «Воспоминаниям и размышлениям» Г.К.Жукова, даже лично удостоверившись в ошибочном написании фамилии командира 17-й тбр.

Писатель К.М.Симонов[6] лично знал А.С.Кислицына, его адрес был занесен в записную книжку писателя, т.к. он беседовал с ним при написании романа «Живые и мертвые», где часто фигурирует именно 17-я тбр. Но в своей книге «Письма о войне» в именном указателе, К.М.Симонов, тем не менее, указывает: ***«Троицкий Иван Иванович, 1903—1957** — советский военачальник, генерал-майор, во время Московской битвы **командовал 17 танковой бригадой»*** и далее цитирует тот же отрывок о встрече Жукова и Троицкого.

Ошибка с фамилией командира 17-й тбр продолжала свое шествие из издания в издание. Исследователи, которые обнаруживали ее, предпочитали умалчивать об этом и поэтому вообще не писать о 17-й тбр. Первым, кто нарушил это молчание, был Л.Н.Лопуховский, кандидат военных наук, доцент, член Союза журналистов России, полковник в отставке, отметивший это несоответствие в своей книге «Вяземская катастрофа 41-го года» (2006).

Воспевшие подвиг Подольских Курсантов[7] Д.Д. и Д.В.Панковы исследовали в ЦАМО почти все дела 17-й тбр за 1941 год, копировали некоторые листы (в частности список командного состава бригады), делали выписки, о чем в листах ознакомления оставлены их подписи, и поэтому, не могли не знать о том, что бригадой командовал майор Н.Я Клыпин, но не упоминали об этом в своих публикациях, продолжая цитировать эпизод с полковником Троицким.

И с их же легкой руки в историю Великой Отечественной войны был вписан еще один миф.

Миф о Подольских курсантах

Книга «Подвиг Подольских курсантов» представляет собой мозаичное описание отдельных боев курсантов, которые были в действительности. После публикации этой книги и многочисленных последующих статей непонятным образом **возник миф о Подольских курсантах, как о единственных защитниках Москвы на Варшавском шоссе, которые все погибли, но немцев не пропустили, уничтожив 100 танков и 5000 солдат и офицеров противника.** Этот миф никак не следует из действительных воспоминаний курсантов и документов ЦАМО. Он не подтверждается ни фондами Подольских училищ, ни МВО, ни 43 Армии, ни Резервного или Западного фронтов, а, наоборот, опровергается имеющимися документами этих фондов. Но именно этот миф до сих пор часто повторяется в СМИ и документальных телефильмах и активно внедряется в сознание подрастающих поколений.

В книге Д.В. и Д.Д. Панковых указывается на посещение Г.К. Жуковым Подольских Курсантов и постановку боевой задачи именно для курсантов, и подкрепляется это ссылкой на документ ЦАМО. Но при проверке этой ссылки, выяснилось, что содержание указанного листа документа *(ЦАМО, ф. 3080, оп. 1, д. 3, л.6)* не соответствует этому утверждению. Фонд № 3080 ЦАМО — это фонд 17-й танковой бригады, а не Подольских училищ. В документе на указанном листе описаны направления, по которым 8 октября 1941 г. была выслана разведка 17-й тбр. Справедливости ради, необходимо указать, что после посещения 17-й тбр Г.К Жуковым **с вечера 8 октября 1941 г. Подольские курсанты вошли в оперативное подчинение к 17-й танковой бригаде**, но именно в этом документе, ни о курсантах, ни о Г.К. Жукове ни слова не сказано. Возможно, существуют документы, подтверждающие это посещение, но нам их нигде не удалось найти. При исследовании более 70 писем — воспоминаний бывших курсантов в фонде начальника Подольского арт. училища И.С.Стрельбицкого в Центральном Государственном архиве Московской области (ЦГАМО) не нашлось ни одного воспоминания о встрече курсантов с Г.К. Жуковым. Нашлось только одно опубликованное свидетельство о встрече с Г.К.Жуковым лейтенанта Симкина из ППУ, находившегося на дежурстве у шлагбаума на Варшавском шоссе через который проезжал автомобиль Г.К.Жукова 8.10.41 г.[8]

Миф о Подольских курсантах и их встрече с Г.К.Жуковым был иллюстрирован и широко растиражирован и в фильме Ю.Озерова «Битва за Москву».

Необходимо при этом учитывать, что **Подольские курсанты действительно дрались самоотверженно, что подтверждают и немецкие документы, но при этом они никогда не были единственными защитниками на этом направлении, и уж, конечно, они все не погибли.** Это подтверждается их многочисленными встречами в Подольске и Ильинском в 60-80-е годы, воспоминаниями оставшихся в живых ветеранов, а также документами фондов Подольских пехотного и арт. училищ в ЦАМО и фонда И.С.Стрельбицкого в ЦГАМО.

Точных списков курсантов выбывших на фронт и прибывших после боев в октябре 1941 — не существует (по крайней мере, до сих пор их никто не смог найти). Но в фонде ЦАМО Подольского пехотного училища существует дело — «Списки воен-

нослужащих училища и погибших, умерших от ран и пропавших без вести в боях с 5.10 по 25.10.41»[9]. Их всего около 600 человек из 2000, ушедших на фронт из ППУ. При выборочной проверке этих «Списков...» выяснилось, что даже из них не все погибли: некоторые были ранены, но не вернулись в училище, другие, выходя из окружения, попали в другие части и за документами в училище не обращались. В 60—70-е годы начальник училища генерал-майор И.С. Стрельбицкий пытался восстановить списки ПАУ, но до конца ему это сделать не удалось. По предварительным подсчетам, в ПАУ потери тоже составляют около 30—40%, но точных полных списков погибших не существует.

Миф о единственности курсантов, как защитников Москвы на Варшавском направлении опровергаются практически всеми документами ЦАМО, как КА (фонды Резервного, Западного фронтов, 43-й Армии), так и немецкими (документы ГА «Центр» и 57-го мехкорпуса), а также воспоминаниями самих бывших Подольских курсантов. Одни описывали находящиеся рядом и взаимодействующие с ними стрелковые части, другие — армейскую артиллерию, третьи— «Катюши», четвертые — танкистов и т.д.

В одиночестве Подольские курсанты не были никогда.

Передовой отряд курсантов прибыл на р. Угра (а возможно — Изверь? — ***прим. авт.***) утром или днем 6.10.41, где встретились с группой десантников И.Г. Старчака, а уже в 17.00 того же дня у Малоярославца выгрузилась из эшелонов 17-я тбр и к вечеру достигла района Мятлево. Многие бойцы и офицеры этой бригады уже имели положительный опыт борьбы с немецкими войсками, в отличие от курсантов. Часть из воинов 17-й тбр, с начала июля 1941 в период их пребывания в 48-й танковой дивизии, сумела 21.7.41 освободить занятый 19.7.41 немцами город Великие Луки и удерживали его в непрерывных боях более месяца. Немцы тогда называли их «Черные дьяволы». При этом воевали они там именно с тем же 57-м МК, который вновь противостоял им теперь на Варшавском шоссе.

В публикациях о Подольских курсантах, отчет о бое курсантов на р. Изверь был практически переписан с отчета командира 17-й тбр об этом же бое[10]. Этот же бой выдан за бой 6.10.41 на р. Угра — описание этих боев идентично, отличаются они лишь названием реки и датой. По немецким документам, никаких боев в районе Юхнова их войска не вели. Отчет с результатами боя на подступах к Медыни 10.10.41 на реке Шаня 17-й тбр (численностью более 1,5 тыс чел.), совместно с передовым отрядом (ПО) Малоярославецкого УР, в который входила часть Подольских курсантов (в количестве 100 человек) Г.К.Жуков вечером того же дня передал в Генштаб и в Ставку[11], объявив благодарность бригаде. Позже и этот отчет был приписан только Подольским курсантам, хотя даже в состав ПО входили не только они.

10.10.41 на Варшавское шоссе начала прибывать 312-я стрелковая дивизия, сыгравшая в последующие дни важную роль в обороне всех секторов Малоярославецкого УР. Затем в оборону встали и другие части, как выходящие из окружения, так и сформированные Ставкой в тылу, и переброшенные с других участков фронта. Как указано в «Сведениях о боевом и численном составе соединений 43 Армии на 14 октября 1941 г.» в день начала серьезных боевых действий Подольских курсантов на Ильинских рубежах, под Малоярославцем находилось более 30 тыс. бойцов, и это без учета Подольских училищ[12].

После войны результаты боев всей 43-й Армии на Варшавском шоссе были приписаны только Подольским курсантам. Уничтоженные курсантами 100 танков и 5 тыс чел. живой силы противника — это также сфальсифицированные сведения. Достоверно подтвержден факт уничтожения 16.10.41 у д. Сергиевка силами ПАУ 14 из 16 немецких танков за 5 минут. Он подтвержден многими независимыми воспоминаниями курсантов, а также немецкими документами, воспоминаниями и фотографиями. Также в ходе боев 14—18.10.41 на Можайской линии обороны курсантами были уничтожены некоторые одиночные танки. Но 100 танков одни курсанты, конечно, не уничтожили. Так, за 16 дней непрерывных боев (9-25.10.41) всей 17-й тбр, имеющей гораздо лучшее вооружение и боевой опыт, удалось уничтожить всего 28 танков.

По сравнению со сведениями о Подольских курсантах как о единственных защитниках Москвы на Варшавском шоссе, ошибка в фамилии командира 17-й тбр видится уже не очень значимой. Но важно то, что **из-за этой ошибки 17-я тбр, как и некоторые другие части, была вычеркнута из истории боев за Москву на Варшавском шоссе.**

Аналогично, уже после войны, были приписаны соседним частям и их знаменитым командирам и остальные результаты боевых действий 17-й тбр на других участках боев за Москву.

Так бои 17-й тбр под Рязанью с 26 по 30.11.41 были приписаны 10-й Армии под командованием Ф.Голикова, части которой были развернуты под городом лишь 2 декабря и начали очередное наступление на Михайлов 6 декабря.

Освобождение Волоколамского шоссе от Дедовска, Истры до Волоколамска в декабре 1941 года были приписаны только частям генералов Белобородова и Катукова.

Все эти командиры и их части, без сомнения, внесли свой вклад в боевые действия, но 17-я тбр, таким образом, перестала упоминаться в истории Московской битвы. Ее номер не был внесен до 2009 г. ни на один памятник Калужской, Московской и Рязанской областей. Из 124 погибших и 388 пропавших без вести бойцов 17-й тбр на памятниках были занесены фамилии не более 15 человек.

Но в годы войны 17-я тбр через год, после начала боев (17.11.42) была преобразована в 9-ю гвардейскую танковую бригаду и неоднократно упоминалась в числе лучших в ходе различных операций.

Последующая связь 17-й тбр с Калужской землей

20 дней воевала 17 тбр на Малоярославецком участке обороны от р. Изверь, до р. Нара в городах и селах: Мятлево, Медынь, Ильинское, Малоярославец, Отяково, Абрамовское, Боровск, Балабаново, Каменское, Иклинское, а затем вдоль Старого Калужского шоссе от Тарутино до Чернишня и Рогово (пройдя по местам боев 1812 г.). 26.10.41 бригада была выведена на доукомплектование в Подольск.

При дальнейшем исследовании документов, оказалось, что с выходом 17-й тбр со связь танкистов и Калужской земли не закончилась:

- 7 декабря **Н.Я.Клыпин** сдал командование 17-й тбр новому командиру, а сам поступил в распоряжение Отдела Кадров Зап. фронта. Оттуда его направили во вновь формируемую часть (ее номер или наименование пока не установлены), которая принимала участие в наступлении на Малоярославец. **Под Малоярославцем Н.Я.Клыпин был тяжело ранен.** После выписки из госпиталя он был назначен начальником 2-го Саратовского бронетанкового училища. В **марте 1943 года** он умер **вследствие этого ранения** в городе Щучинск Каз. ССР.
- С января по апрель 1942 г. **А.С.Кислицын был начальником АБТВ 49-й** Армии Захаркина и принимал непосредственное участие в боевых действиях по освобождению г.Юхнова и его района вошедшего с 1944 г. в состав Калужской области (Суковский плацдарм, Шуклеево и др.).
- **Зам. командира 17-й тбр полковник С.И.Токарев** с января 1942г **стал командиром 146-й тбр 16-й Армии К.К.Рокоссовского (11 Гв А). Эта танковая бригада в 1942—43 годах вела боевые действия в Кировском, Сухиничском, Жиздринском и Ульяновском районах**, которые в 1944 году также вошли в состав Калужской области.

Под его командованием 146-я тбр стала 29-й Гвардейской тбр. В начале Курской битвы на северном фасе, которой захватывал Ульяновский район, 12 июля С.И.Токарев был тяжело ранен и убыл в госпиталь.

• В январе 1943 года, когда 17-я тбр уже стала 9-й гвардейской тбр, и находилась на доукомплектовании в Кубинке после участия в кровопролитной операции «Марс» по взятию г. Ржев, ей была передана танковая колонна «Тульский колхозник». Эта колонна была построена на трудовые сбережения жителей Тульской области: Бабынинского, Перемышльского Дугнинского, Калужского, Тарусского и Детчинского районов области, все они ныне входят в состав Калужской области. На этих танках рейдом по глубоким тылам противника (до 70 км) был освобожден город Красноармейск и удерживался бригадой в тяжелых боях.

Так жители будущей Калужской области помогли бригаде и тем людям, которые защищали с 1941 года и освобождали районы нынешней Калужской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 341

[2] ЦАМО РФ. Ф. МЗО, оп. 11158, д. 62, л. 22.

[3] Г.К.Жуков в битве под Москвой, М.: Мосгорархив, 1994. С. 138

[4] Маршал Жуков: полководец и человек. Сборник. Т. 1. М., 1988. С. 153.

[5] А.Н.Бучин 170 000км с Г.К.Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Н.Н.Яковлевым. М.: Мол. гвардия, 1994. С. 38—39

[6] Симонов К.М. Письма о войне, М., Советский писатель, 1990. С. 630

[7] Панков Д.В., Панков Д.Д. Подвиг Подольских курсантов. М., 1982. С. 31—32

[8] Непобежденные курсанты: Сб. очерков о битве под Москвой. Авт.-сост. Н.Е.Зуев и др. М.: Просвещение, 1992, с. 60

[9] ЦАМО РФ, Ф. 60062 (Подольск. пех. уч.), оп. 35126, д. 14.

[10] ЦАМО РФ. Ф. 3080, д. 5, л. 10.

[11] ЦАМО РФ. Ф. 219, оп. 679, д. 30, л. 226. Оперсводки Резервного Фронта. (рукописный оригинал, написан генералом Армии Г.К.Жуковым). То же, напечатано в виде телеграммы. Л. 227.

[12] ЦАМО РФ. Ф. 398 (43 Армия), оп. 9308, д. 15, л. 515.

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЕЗДНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

Д.А.Панько, *м.н.с.,*
Орловский краеведческий музей.

У каждой области, района, города есть своя самобытная, интересная история. Много интересных фактов и сведений открывается при изучение исторического прошлого родного края, ставшие незыблемой частью многовековой истории. Выявление и введение в широкий научный оборот информации, заключенной в ключевых местных печатных источниках по истории Российской империи, относится к числу наиболее крупных и актуальных научных задач. В ряду наиболее ценных исторических источников — таких, как «губернские ведомости», «епархиальные ведомости», «обзоры губерний», «труды губернских ученых архивных комиссий», — особого внимания заслуживают Памятные книжки.

Памятные книжки это ежегодники официальной справочной информации, которые выпускались в 88 губерниях и областях Российской империи с середины 1830-х до 1917 г. Они выпускались местными официальными лицами и органами внутренних дел. В настоящее время Памятные книжки являются одним из наиболее ценных источников по региональной истории, важный источник по составлению генеалогического древа. Ко времени издания Памятных книжек Орловская губерния включала 12 уездов: Орловский, Болховской, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромский (Кромской), Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Севский, Трубчевский. Границы губернии и уездов в период издания памятных книжек не менялись.

Памятные книжки Орловской губернии издавались 1860 по 1917 г., известно 37 выпусков (1860, 1868—1870, 1875, 1877, 1880, 1888, 1891—1917 гг.) Все книжки печатались в Орле, в типографиях губернского правления, газеты «Орловский вестник», а также в частных типографиях А.П.Матвеева и А.Н.Хализева[1] Инициатива издания первой известной орловской памятной книжки принадлежала губернатору В.И.Сафоновичу. 28 января 1859 г. представлена на утверждение в Министерство внутренних дел (МВД) программа уже составленной под его руководством книжки на 1859 г.

Особая ценность Памятных книжек заключается в том, что они позволяют во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии или области, отдельного населенного пункта или местности на ее территории; получить сведения о составе и занятиях жителей, состоянии природы, экономики, культуры, быта; наблюдать за изменениями, происходящими в губернии или области год за годом, в длительной временной период. Издаваемые сравнительно небольшими тиражами и распространяемые преимущественно в пределах своей области или губернии, памятные книжки становились библиографической редкостью почти сразу после выхода в свет. *«В настоящее время ни одна библиотека России не располагает их полным собранием,* — отмечает А.И. Раздорский. — *Только в фондах Российской национальной библиотеки, наиболее богатом этими изданиями (1911 годовых выпусков), лакуны составляют примерно 15% от всех выявленных к настоящему времени (2255)»,* — утверждает этот исследователь[2].

Структура Памятных книжек менялась с течением времени и в каждой губернии имелись свои особенности. В наиболее полном виде они включали в себя четыре крупных раздела: адрес-календарь (перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом), административный справочник (сведения об административном делении губернии, о почтовых и телеграфных учреждениях, путях и маршрутах сообщения в пределах губернии, о промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях и библиотеках, книжных лавках и типографиях, о периодических изданиях, выписываемых и издаваемых в губернии, списки населенных мест, списки крупных землевладельцев губернии и т.д.), статистический обзор (статистические таблицы населения, землевладения, сельского хозяйства, данные по статистики судебной, медицинской, фабрично-заводской, народного образования, пожаров, доходов и недоимок и т.д.) и научно-краеведческий сборник (источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы). Все перечисленные элементы придают памятным книжкам исключительную ценность и значение комплексных первоисточников для исторических (в т.ч. генеалогических и биографических), географических, демографических, этнографических, краеведческих исследований.

Особенностью структуры Памятных книжек 1860 гг. было оформление адрес календарного раздела, как самостоятельного издания, с титульным листом и отдельным цензурным разрешением. Адрес-календарь представляет собой отдельную часть Памятной книжки, включающую перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом. Часто адрес-календарь издавался отдельным томом. *«В некоторых областях и губерниях памятная книжка в полном составе не выходила и издавался только адрес-календарь. Зачастую деньги, вырученные от продажи адрес-календарей направлялись на благотворительные цели»*[3].

В адрес-календаре Памятной книжки содержится информация о уездном чиновничестве, лица занимавшие высокие должности в уезде представлены поименно. В адрес-календаре приводились списки чинов придворного штата, государственных учреждений гражданского, военного и духовного ведомств как столичных, так и по всем губерниям и областям. Кроме того, здесь указывались сведения о должностных лицах других крупных учреждений. К примеру в адрес-календаре Памятной книжки Орловской губернии сведения о уездном предводители в Малоархангельском уезде: «Уездный предводитель дворянства — камер юнкер, князь гвардии подпоручик Александр Борисович Куракин — село Куракино; помощник его над ведомственный советник Д.М.Емельянов[4]. В адрес-календарь могла включаться справочная информация: присутственные дни, церковный календарь, сведения о Российском Императорском доме и др. Несмотря на то, что в Памятных книжках можно и должно искать сведения о представителях властей губернского, городского и уездного уровня — губернаторах, губернских и уездных гласных и предводителях дворянства. Есть в них и сведения низшего, в дореволюционной России, административного уровня — волостного, в частности, списки волостных старшин и писарей. Для удобства читателей, в адрес-календарях, посвященных уездам, информация публиковалась блоками, по «министерскому признаку»: МВД — уездный предводитель дворянства, уездный съезд. Военное министерство — Управление уездного воинского начальника; Министерство финансов — Уездный распорядительный комитет, уездное казначейство и т.д.

Прежде всего, если речь идет о поиске информации о лицах, принадлежавших к дворянскому роду и занимавших какие-либо более или менее значимые должности на губернском, областном, городском или уездном уровне (губернаторах, губернских и уездных предводителях дворянства и т.д.), то целесообразнее начинать знакомство с адрес-календаря: «общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи». Первоначально издававшийся в Санкт-Петербурге (в типографии Правительствующего Сената) с 1867 г. Департаментом герольдии Правительствующего Сената, этот Адрес-календарь состоял из двух основных частей — «Власти и места центрального управления и ведомства их» и «Власти и места управлений: губернского, областного, окружного, городского, уездного и ведомства их».

Часть первая, в свою очередь, включала следующие отделения: «Придворный штат и Министерство Императорского двора», «Государственные установления: Государственный Совет, Государственная Типография, Комитет Министров, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия... министерства и принадлежащие к ним места и власти» и «Воспитательные, учебные, богоугодные и другие отдельные учреждения».

Часть же вторая, как и следует из ее названия, являлась указателем властей и мест управлений разных уровней (от губернского до уездного). В ней помещалась информация о лицах, занимавших государственные должности и ответственные места упомянутых уровней по состоянию на тот или иной год.

В отличие от второй части адрес-календаря, в первой его части помещались сведения о лицах, составлявших высшие эшелоны государственной власти Российской империи, включая официальную информацию о составе Государственного Совета, правительстве и придворном штате: фрейлинах, камергерах и т.д. В ежегодный адрес-календарь включалась информация о лицах первых нескольких классов «Табели о рангах», актуальная на декабрь года, предшествующего году издания адрес-календаря, и на июнь года текущего. На рубеже XX в. губернские Памятные книжки и адрес-календари были снабжены алфавитными указателями лиц, информация о которых в них помещалась, а еще раньше в них были введены оглавления, что теперь существенно облегчает поиск необходимой информации.

Материалы орловских губернских Памятных книжек и Адрес-календарей помогают историкам и краеведам уточнить информацию о роде деятельности и должности уездного чиновничества. Например, род занятий крупных помещиков того или иного уезда, занимавших порою сразу по несколько почетных должностей одновременно: земского начальника, почетного мирового судьи и члена Комитета попечительства о народной трезвости. Таким образом, Памятные книжки и адрес-календари являются интересным источником по институциональным основам правительственной администрации, а также социально политическим аспектам истории уездного чиновничества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Н.М.Балацкая, А.И.Раздорский. Памятные книжки губерний и областей Российской империи 1833—1917. С. 256—263

[2] Н.М.Балацкая, А.И.Раздорский Памятные книжки губерний и областей российской империи 1833—1917. С. 8

[3] Материалы межрегиональной научно-практической конференции: «Культурный и научный потенциал региона: общее прошлое, общее будущее // Раздорский А.И Справочные и статистические издания Курской и Орловской губерний 19 — начала 20 в. С. 66.

[4] Адрес-календарь Орловской губернии: издание Орловского губернского статистического комитета. Орел: Тип. губ. правл., 1888.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВЫХ ИСТОЧНИКАХ КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ

В.И.Меленчук , *к.г.н, доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

С родниками и источниками у многих народов мира связаны различные поверья и религиозные обряды. Долгое время были сильны языческие традиции — люди приносили к водным источникам различные дары: монеты, иногда оставляли рядом с источниками, а иногда и в них пищу. Нередко образовывались целые комплексы, включающие в себя не только источники воды, но и культовые камни [1, 8, 9,10,11,12,13,14]. У славянских племен также существовали верования с почитанием воды. В некоторых случаях удается установить детали таких культов и связанных с ними обрядов. Духи, связанные с реками и источниками у славян назывались берегынями. Также в славянских народных верованиях сохранилось представление и о вилах — духах источников и колодцев. Внешний вид их известен по оригинальным изображениям в древнерусских текстах XIV—XV вв. Не потому ли встречаются изображения русалок в русской домовой резьбе по дереву?

Берегыни и вилы в пантеоне языческих божеств относились к так называемым низшим духам, которых насчитывалось огромное количество. Эти духи не имели имен, представлялись в образе прекрасных девушек в длинных платьях, но с козьими или ослиными ногами. Вилы кроме этого были крылаты и наделены способностью летать [15].

В источниках XV—XVIII в.в. встречаем описания отдельных источников известных издавна, но служащих в основном межевыми знаками [17,18,19].

Выдающийся русский ученый-биолог и путешественник В.Ф. Зуев в труде «Путешественныя записки от Санкт Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах» посетив Калугу, оставил описания некоторых ключей и произвел анализ содержащейся воды: *«В городской части есть глубокий буерак, из известкового камня состоящий, по которому течет небольшой ручей, называемый Березуйка, из коей вода, хотя и берется не издалека, а по большей части из его же сторон скопляется, однако же по причине отменной прозрачности и холодности от прочих буерачных вод отменно увлажняется; сверх того у ней на устье сделан небольшой водоем, которому вода из находящегося в яру родника проведена деревянными желобами, оная по вышеописанным своим качествам от жителей едва целительною не почитается, и хотя по химическим опытам ничего она в себе не содержит, чтоб в каком нибудь целении делало ее употребительною, а содержит так, как и другие воды, по здешним буеракам просякающия из известковых берегов только тонкую известь, однако от обывателей пред всеми прочими носит почетное имя — «здоровец»* [2, 6].

Русский историк, географ и журналист П.П.Свиньин в «Археологических путешествиях по России» в 1825 году отмечал, что *«...прежде жены богатейших купцов, надевали свои драгоценные кокошники и повязки, бархатныя, соболями опушенныя душегрейки, и в сопровождении прислужниц, ходили на Крупец полоскать белье».*

В военно-статистическом обозрении Калужской губернии 1849 г. говорится: *«Жители Калужской губернии, в домашнем быту соблюдают чистоту и порядок, строго исполняют посты, в праздничные дни всегда ходят в церковь, и никакою работою не занимаются; большею частию время проводят дома, любимое развлечение их сидеть за воротами; еще ведется обыкновение в простом классе, между женским полом, собственно в Калуге, ходит на Крупец ключевой колодезь, на берегу р. Оки, для стирки белья или с ведрами за водою, в хороших чистых платьях, куда обыкновенно сходятся после обеда»* [3].

Для большинства современных жителей нашего региона представление о религиозно-культовых источниках связаны, прежде всего, с источниками монастырей. Однако, как показывают исторические документы в некоторых монастырях даже в XIX столетии источники использовали исключительно в утилитарных целях — для бытового водоснабжения. Находим подобное описание у Леонида Кавелина в «Описании общежительского Черноостровского Николаевского монастыря». Здесь дана информация о водопроводе с родниковой водой из этого монастыря г. Малоярославца: *«О. Пафнутий в 1888 году устроил по всем монастырским службам, гостинице и конному двору водопровод из ключа в овраге, что ниже конного двора, — над ним сделан круглый деревянный, крытый деревом шатер, где ходит лошадь для водокачки, а для резервуара с водою устроена на горе близ Святых ворот, около часовни, между нею и гостиницею круглообразная каменная теплая башня вышиною 12 аршин, крыта железом и окрашена медянкою; в ней 1 печь, 6 окон и 1 дверь, на это израсходовано 5000 рублей»* [7].

В работе краеведа А.Вусовича содержится информация о святом источнике (колодезе) в Тихоновой пустыни [4].

В труде академика М.Т.Преображенского «Памятники древне-русского зодчества в пределах Калужской губернии» 1891 г. представлена обширная информация о церквях и расположенных при них колодцах *(табл. 1)*. Здесь указаны 13 местоположений религиозно-культовых колодцев (многие из которых имеют именно родниковое происхождение) находящихся при церквях [16]. Среди прочих упомянут и колодезь «Яндовище» в с. Григоровском — ныне Перемышльского района области.

Таблица 1. **Сведения о местоположениях источников и колодцев, расположенных при церквях** (по М. Т. Преображенскому).

№	*Уезд*	*Расстояние до уездного города*	*Населенный пункт*	*Церковь, при которой расположены*
1	Перемышльский	18 верст	с. Заболотье	Архангельская
2	Перемышльский	32 версты	с. Ревякино (Богоявленское)	Богоявленская
3	Перемышльский	10 верст	с. Григоровское	Казанская
4	Калужский	5 верст	с. Ближняя Борщевка	Николаевская
5	Калужский	8 верст	с. Чижово (Никольское)	Николаевская
6	Перемышльский	38 верст	с. Дойцы	Николаевская
7	Мещовский	38 верст	с. Чемоданово (Белогурово)	Николаевская
8	Мещовский	7 верст	с. Чавля	Николаевская
9	Медынский	18 верст	в Кузовах	Преображенская
10	Перемышльский	35 верст	с. Бокатово	Пятницкая
11	Мещовский	24 верст	с. Копцево (Спасское)	Спасская
12	Боровский	38 верст	с. Рыжково	Успенская
13	Мещовский	29 верст	с. Щелканово	Христовоздвиженская

На протяжении длительного периода шел сбор сведений о святых источниках, расположенных в пределах современной Калужской области.

Эти сведения были опубликованы в 2003 году в книге, вышедшей под редакцией архиепископа Калужского и Боровского Климента [5]. Всего здесь представлены сведения о 23 святых источниках *(табл. 2)*.

Таблица 2. **Некоторые сведения о святых источниках Калужской области (по материалам книги «Земля Калужская — земля святая» под общей редакцией архиепископа Калужского и Боровского Климента)**

№	Район	Храм (монастырь)	Святые источники
1,2	Козельский	Козельская Введенская Оптина пустынь	источники Амвросия Медиоланского, Пафнутия Боровского
3,4,5	Козельский	Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь	Казанской иконы Божией матери, преподобного Амвросия, преподобных Оптинских старцев
6	Калуга и пригород	Свято-Лаврентьев монастырь	Лаврентьевского монастыря
7	Боровский	Рождества Пресвятой Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский монастырь	преподобного Пафнутия Боровского
8	Калуга и пригород	Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова Пустынь	колодец преподобного Тихона
9	Малоярославецкий	Свято-Никольский Черноостровский монастырь	источник в честь святителя Николая
10	Калуга и пригород	Молитвенный дом в честь Калужской иконы Божией Матери и храм в честь мученика Иоанна воина	источник великомученицы Варвары (в 3 км. от храма)
11	Калуга и пригород	Храм в честь Преображения Господня (Спаса за верхом)	раньше принадлежала часовня над источником "Здоровец"
12	Калуга и пригород	Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы на р. Калужке	источник Калужской иконы Божией Матери
1314	Боровский	Храм в честь великомученика Дмитрия Солунского (с. Рябушки)	великомученика Дмитрия Солунского, святителя Николая
15	Думиничский	Храм в честь Воскресения Христова (с. Усты)	источник в честь Казанской Божией Матери (в 2 верстах от храма)
16	Жиздринский	Храм в честь святых мучеников Флора и Лавра (с. Зикеево)	святой источник у д. Мурачовки
17	Жуковский	Храм в честь Преображения Господня (с. Буриново)	источник в честь Калужской иконы Божией Матери
18	Жуковский	Храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (с. Ивановское)	святой источник
19	Жуковский	Храм в честь Преображения Господня (с. Спас-Прогнанье)	источник Казанской иконы Божией Матери
20	Кировский	Храм в честь Рождества Пресвятой богородицы	Смоловский святой источник
21	Козельский	Храм в честь Пророка Божия Илии (с. Ильинское)	источник в честь пророка Илии
22	Перемышльский	Храм в честь Великомученника Георгия Победоносца (с. Гремячево)	Гремячий источник (Лихвинского Успенского Гремячева монастыря)
23	Хвастовичский	Молитвенный дом в честь Успения Пресвятой Богородицы	источник в честь Казанской иконы Божией матери в д. Стайки

Кроме этих широкую известность приобрели источники «Зык» («Подзык») и «Пудов колодец» в Малоярославецком районе, Кутеповский и Кривошеинский источники в Жуковском районе, источник в с. Шалове (Троицком) Бабынинского района, источники в с. Клыково Козельского района, святые источники Людиновского, Барятинского, Думиничского и Хвастовичского районов.

С дореволюционных времен известен «Шабурин колодец», являющийся истоком Жиздры. Он освящен и ныне называется «Святой источник в честь Свенской иконы Казанской божьей Матери».

Уже в наши дни в каждом административном районе Калужской области есть свои святые источники, и с каждым годом число подобных особо почитаемых источников только увеличивается. Территория вокруг них, как правило, самая ухоженная. Строятся купальни, срубы, мостки, лавочки. Возводятся кресты, территория вокруг украшается киотами с иконами.

Некоторые из источников расположены рядом с культовыми камнями (источник с. Погост Кировского района, «Смоловский святой источник» в г. Киров и др.). Работа по сбору дополнительных сведений и дальнейшему изучению религиозно-культовых источников может быть продолжена с привлечением не только архивных материалов, но и с анализом археологических сведений собранных для территории Калужской области.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Атлас Калужской области. Калуга: Изд-во Бочкаревой, 2005.
2. Боголюбов Н.Н. Материалы по геологии Калужской губернии (в двух частях). Калуга: Издание Калужского губернского земства, 1904.
3. Военно-статистическое обозрение Российской Империи издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Том VI. Часть 6. Калужская губерния. Санкт-Петербург в типографии Департамента Генерального штаба. 1849 г. С. 71.
4. А.Вусович. Курс родиноведения для местных учебных заведнений. Калуга: Типография А.М.Михайлова, 1886.
5. Земля Калужская — земля святая/ под общей редакцией архиепископа Калужского и Боровского Климента (Капалина). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
6. В.Ф.Зуев. Путешественныя записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. Издано в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук в 1787 году.
7. Кавелин Л.А. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. СПб., 1903.
8. Меленчук В.И. Распределение, использование и гидроэкологическое состояние естественных выходов подземных вод в бассейне Верхней Оки // Автореф. дис. канд. геогр. наук. Калуга, 2001.
9. Меленчук В.И. Естественные выходы подземных вод бассейна Десны в пределах Калужской области. Сб. "Вопросы географии и геоэкологии". Выпуск 5. Калуга, 2006. С. 24—28.
10. Меленчук В.И. Родники Калужской области: изученность, состояние и перспективы использования. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Высшая естественнонаучная и математическая подготовка экономистов, менеджеров и государственных служащих». Калуга, 2008. С. 81—87.
11. Меленчук В.И. К истории изучения родников в бассейнах Верхней Оки и Десны на территории Калужской области. Известия КОИП. Калуга, 2008. С. 67—73.
12. Меленчук В.И. Корягин. П.В. Естественные выходы подземных вод в бассейне реки Жиздра на примере территории Думиничей и их окрестностей. Сб. «Вопросы географии и геоэкологии». Выпуск 4. Калуга, 2004. С. 76—78.
13. Меленчук В.И., Корягин П.В. Естественные выходы подземных вод Мосальского района Калужской области. Опыт родниково-ландшафтного районирования. Научные труды КГПУ им. К.Э.Циолковского. Серия: Естественные науки. 2007. Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2007. С. 214—218.
14. А.Перепелицын. Родники бывают всякими — сердитыми, серебряными, гремячими...// Весть № 282—285, 05.08.2010.
15. Петрухин. В. Славяне. М.: Росмен, 1996.
16. Преображенский М.Т. Памятники древне-русского зодчества в пределах Калужской губернии. Опыт исследования древняго зодчества по губерниям Академика архитектуры. Издание Императорской академии художеств. С.-Петрбург., 1891.
17. РГАДА Ф. 1209. Оп. Д. 539, 540, 10328, 681. Писцовые книги по Малоярославецкому уезду 1588/89—1593/94 гг. и 1627/28—1629/30 гг.
18. РГАДА Ф. 1209 Поместный приказ. Оп. 1. Д. 10326. Список с писцовых книг Боровскаго уезду 137 и 138 годов.
19. РГАДА Ф. 1209. Оп.1. Д. 806. Книги Оболенского уезда вотчинным и поместным и монастырским и церковным и оброчным и порожжим землям письма и меры писцов Федора Васильевича Шушерина да подьячего Ивана Максимова 135 и 136 и 137 годов.

«ЛЕСОХИМИЧЕСКИЕ» ПРОМЫСЛЫ ЖИЗДРИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ: ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ

Г.Б.Сафонова, *зав. сект.,*
ГБУК КО «Калужский областной краеведческий музей»

Кустарные промыслы являлись важной экономической составляющей жизни значительной части российского крестьянства XIX — первой четверти XX в., особенно в тех районах, где природные факторы во многом затрудняли традиционные занятия земледелием и животноводством, которые не могли обеспечить необходимый жизненный уровень. Издавна крестьянское население таких территорий, приспосабливаясь к сложившимся условиям, осваивало различные ремесла в качестве подсобного к земледелию занятия, не порывая с последним окончательно и используя для промысла, обычно основанного на индивидуальном ручном труде, свободное от полевых работ время. Хотя их продукция производилась с целью продажи как правило на ограниченном местном рынке, эта неразрывная связь с основным занятием земледелием составляет основную отличительную черту крестьянских кустарных промыслов от деятельности других ремесленников, так же работавших на рынок, чья деятельность, особенно в городах, отличалась более высоким профессионализмом и иными формами социально-правовой организации труда.

Некоторые крестьянские кустарные промыслы в значительной мере сохранили технологические приемы домашнего производства более раннего времени, на основе которого они развились. «Серость и рутинность», отсутствие какой-либо механизации, на что сетовали многие экономисты XIX в. и пытались преодолеть земские деятели, оказались ценными показателями для историков. Консерватизм технологических приемов, основанных на опыте не одного поколения, во многом имеет значительную историческую глубину, прежде всего, в промыслах связанных с добычей и переработкой сырья. Среди них особый интерес вызывают древнейшие — по термической переработке древесины: углежжение, дегтярный и смолокуренный, которые получили в XX в. наименование «лесохимические». Эти промыслы кроме Русского Севера были также характерны для Полесья.

Статус Полесья как историко-этнографического региона, «архаичной зоны», протянувшейся по землям Украины, Беларуси и своей северо — восточной частью входящей в состав России, во многом уникален.[1] В пределах России — это земли левобережья р. Десны и междуречья р. Жиздры и р. Угры, расположенные на территории Брянской области и части Калужской, имевшие различные наименования в зависимости от административного деления. Жиздринское Полесье (междуречье р. Жиздры и р. Угры) — самая крайняя северо — восточная часть этого региона, в пределах Калужской обл. приуроченная к Жиздринскому, Хвастовичскому, и частично к Козельскому, Ульяновскому и Думиничскому районам.[2] Жители этих мест — «по́лехи», являются одной из древних групп южно-русского населения исторически формировавшейся под воздействием белорусско-украинских культурных компонентов[3] в пограничных местах соприкосновения («стыка») культур этих этнических групп. Этим основным фактором, а так же малой приверженностью населения к миграциям, этнографы объясняют значительную архаичность и консервативность быта жителей Полесья.[4] Природно-географические условия — пограничное положение на водоразделе р. Оки и р. Десны (Днепровский бассейн) и преобладание низинного лесного ландшафта — другой немаловажный фактор этнокультурной истории этого региона.[5]

Этноним «по́лехи» на территории Калужской губернии был отмечен официальной статистикой середины XIX в.[6], был он известен и корреспондентам «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева, применительно к Жиздринскому и части Мосальского уездов.[7] Первыми специалистами, обратившими внимание на особенности уклада жизни «по́лехов» были этнографы: Н.И.Лебедева, в 1925—1926 г. проведшая полевые исследования на смежных территориях Брянской и Калужской губ. по изучению костюма[8], Е.Э.Бломквист[9] и Н.П.Гринкова[10], в это же время в своих полевых исследованиях по крестьянскому костюму и жилищу отметившие особенности традиционной культуры Жиздринского Полесья. В планах Н.И.Лебедевой значилось знакомство с гончарным и деревообделочным промыслами, но эти материалы не получили отражения в публикациях. В 1980-е годы историко-краеведческие экспедиции Калужского областного краеведческого музея в Ульяновском (1982 г.), Жиздринском (1984 г.) и Хвастовичском (1985 г.) районах отметили поздний, преимущественно «послевоенный» пласт традиционной культуры этих мест. Для коллекции музея были приобретены изделия некоторых народных промыслов, технологические приемы которых население еще помнило и которыми еще продолжало пользоваться в быту (гончарное, деревообделочное, плетение из лыка). Продукция промыслов по термической переработке древесного сырья была известна лишь как один из видов товаров, продававшихся в прошлом на местных ярмарках. Однако, следы бытования этих промыслов сохранились в местной топонимике: д. Асмолово (от «*осмол*» — сосновый пень, использовавшийся в смолокурении), деревни Буда, Будовка, Будаково (от «*Буда*» — постройка, место промысла, «дегтярня»).

История возникновения и развития лесохимических промыслов в России привлекала внимание специалистов различного профиля. Б.А.Рыбаков, характеризуя древнерусский период истории ремесла, писал: «*Существование развитого железоделательного промысла неизбежно должно было вызвать развитие угольного дела. К сожалению, наши источники очень скупы в отношении всех лесных промыслов. За исключением нескольких дегтярей, упомянутых писцовыми книгами, мы остаемся в полном неведении относительно других промыслов, связанных с разработкой лесных богатств*».[11] В 1951 г. известный химик П.М.Лукьянов посвятил значительную часть третьего тома своего обобщающего труда по истории химической промышленности России лесохимическим промыслам, основываясь на письменных источниках позднего Средневековья и Нового времени. Уделяя основное внимание промышленной форме развития лесохимического производства, П.М.Лукьянов дает подробное описание архаичных технологий, применявшихся в крестьянских кустарных промыслах Русского Севера и Урала. Но и автор обобщающего труда был вынужден признаться: «*Нам так и не удалось установить полную картину состояния лесохимических производств России за вторую половину XIX в.*»[12], подчеркнув при этом, что и в это время значительную часть выпускаемой продукции давали крестьянские кустарные промыслы, особенно смоло — дегтярные. В последующие десятилетия лесохимические промыслы стали объектом археологического изучения, в первую очередь углежжение, как один из источников топлива древнерусской металлургии.[13] На другие промыслы этой группы обратили внимание при изучении структуры средневековых поселений, в основном территории Поднепровья[14], где была предложена реконструкция хозяйственных комплексов лесохимических промыслов на основе археологических материалов[15]. которые при этом уточнялись этнографическими источниками. Однако этнографические сведения по лесохимическим промыслам более полно представлены лишь на материалах белорусского Полесья.[16]

«Российская часть» Полесья, как уже отмечалось, в этом плане изучена недостаточно. Поэтому выявление исторических технологий по этнографическим материалам все еще представляется актуальным, тем более — ареальные исследования, основанные на неизвестных ранее источниках, которые могут пополнить сведения о «ремесленных центрах» лесохимических промыслов России, в данном случае связанных с территорией Жиздринского Полесья. Это, прежде всего, полевые материалы этнографа М.Е. Шереметевой (1886—1963 г.), которая в 1929—1931 г. провела обследование лесохимических промыслов в Калужском районе (бывший Перемышльский уезд) Калужской губернии на заключительной стадии их бытования. Опубликован-

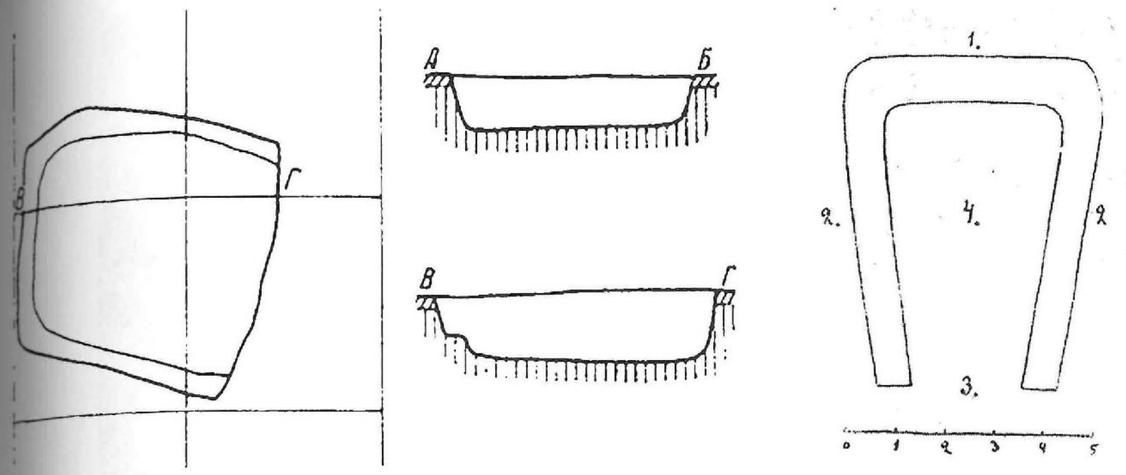
ные Калужским краевым музеем в эти годы две ее работы давно уже стали библиографической редкостью и приобрели статус источника.[17] Кроме того, для Калужского музея были собраны некоторые орудия труда этих промыслов, предметы промыслового костюма и сделано около десятка фотографий производственного процесса. Эти материалы могут быть дополнены письменными источниками второй половины XIX в. — «ведомостями и сведениями» земских управ, податных инспекторов «полесских уездов» Калужской губернии, обзорами губернского Статистического Комитета, которые дают географию размещения этого вида промыслов, краткие описания технологических приемов, затрагивают вопросы социальной принадлежности.

Основная особенность экономики «полесских уездов» Калужской губернии была связана с «разработкой лесных богатств». Только здесь велись в больших размерах лесозаготовка и сплав леса на продажу в южные губернии и получили развитие деревообрабатывающие промыслы.[18] Здесь же, во второй половине XIX в. продолжали бытовать древнейшие для этой территории крестьянские кустарные промыслы углежжения, смолокурения и гонки дегтя, не смотря на существовавшее промышленное производство этого профиля. Смоло-дегтярный промысел был развит в Улемльской, Савкинской, Овсорокской и Теребенской волостях Жиздринского уезда[19], в Волосово — Дудинской Козельского уезда[20], где группы поселений образовывали своеобразные промысловые центры, а так же в Богородицкой и Жерелевской волостях Мосальского уезда. Углежжение было сосредоточено в Улемльской и Огорской волостях Жиздринского уезда, а в селениях Желовской волости Перемышльского уезда этим промыслом был охвачен 51% крестьянских дворов, а также несколько близлежащих поселений соседнего Лихвинского уезда.

В конце XIX в. наряду с местными (стационарно) существовавшими промыслами получает развитие «отхожая» форма, с уходом мастеров на заработки в близлежащие уезды или в другие, порой отдаленные губернии. Так, в одно из селений Желовской волости Перемышльского уезда, где углежжение было старинным промыслом, в конце XIX в. переселились мастера-смолокуры из промыслового центра с.Волосово-Дудино Козельского уезда. Через некоторое время Желовские мастера — углежоги обучились смоло-дегтярному промыслу от переселенцев и наладили свое производство, создав конкуренцию свом «учителям». А когда углежжение перестало приносить доход Волосово-Дудинские смолокуры были вынуждены перейти на новое место в нескольких десятках километров в соседнем Калужском уезде. В 1926 г. они основали промысловую артель в сосновом бору под Калугой, где вскоре попали под пристальное внимание М.Е.Шереметевой, подробно описавшей и сфотографировавшей промысел. Она же тремя годами раньше описала промысел углежжения в упоминавшейся Желовской волости Перемышльского уезда, «неласково» принявшей Волосово-Дудинских смолокуров. То есть, этнографу удалось зафиксировать технологические приемы основных лесохимических промыслов, наблюдая за работой мастеров-кустарей, выходцев из старинных промысловых центров Жиздринского Полесья.

Кустарное углежжение было неразрывно связано с железоделательным производством, для которого оно поставляло основное топливо — древесный уголь. В кон. XIX в. архаичный способ выжигания угля в ямах еще продолжал бытовать в Огорской волости Жиздринского уезда, где наряду с выработкой угля в печах, существовало 35 промысловых ям. И, если в печь закладывалось от 0,5 до 2 кубических саженей дров (4,8 — 19,4 куб. метров), то в яму укладывалось 20 — 30 кубических саженей, почти в 10 раз больше[21].

Угольные ямы известны по археологическим материалам. Они были продолговато — овальной формы, глубиной 50 — 75 см., площадью от 3 до 5 кв. м. (по В.П.Третьякову)[22] или круглые, глубиной около 1 м. и больше (по А.В. Успенской)[23]. Очертаниями такие ямы близки плану «угольницы» из д. Б. Сушки Перемышльского уезда нач. XX в. *(Илл. 1)*, которую местные жители называли «ямной угольницей», «ямой». Хотя там промысел уже велся уже более совершенным кучевым (костровым) способом, в менее известной его разновидности — при горизонтальной укладке дров, но не в углубленную яму, а просто на очищенный от дерна «под». С ямным способом более раннего времени такую «угольницу» сближала и такая важная особенность технологического процесса как обязательное покрытие сложенной кучи «покрышкой» — соломой и поверх нее землей, смешанной с угольными отходами; за неимением их — лесопильными опилками или землей муравьиных куч. Такая «покрышка» препятствовала притоку воздуха к обугливаемому материалу. «Угольницы», располагавшиеся в Желовской волости Перемшльского уезда были рассчитаны на 2—3 кубических сажени дров (19,4—29,1 куб. м.), т.е. по своему объему они были намного меньше ям промысла Огорской волости Жиздринского уезда.



Илл 1.

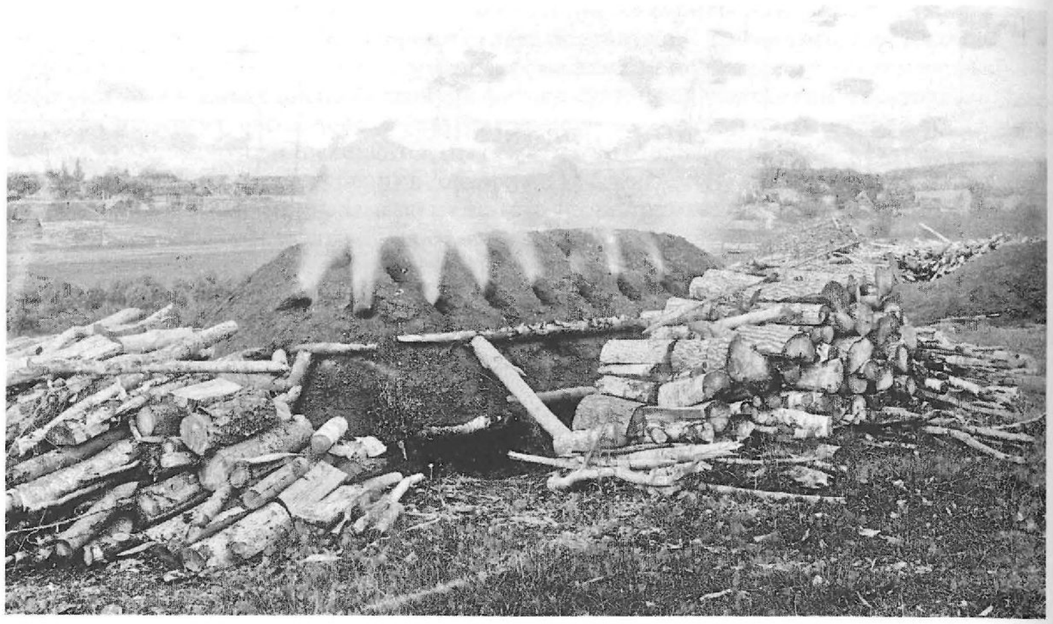
План угольной ямы XV — пер.пол.XVI в. (по В.Г. Третьякову).

План угольной кучи. 1929 г. (по М.Е. Шереметевой).

Заслуживает внимания любопытная информация М.Е.Шереметевой о существовании детских «учебных угольниц», которые она видела около д. Мужачи Желовской волости Перемышльского уезда в 1929 г. За деревней, рядом с отцовской угольной кучей, обучавшийся ремеслу подросток складывал свою «угольницу», в миниатюре повторявшую конструкцию реальной, но гораздо меньшей площади[24]. Вполне возможно, что такая традиция могла иметь место и в более раннее время, и возможность существования «учебных» хозяйственных сооружений должна учитываться при изучении поселений в промысловых центрах.

Топография хозяйственных сооружений при кучевом способе углежжения может быть прослежена преимущественно на этнографическом материале, в отличие от ямного способа, более доступного для археологического изучения. В зависимости от размера промысла, «угольницы» могли устраиваться недалеко от поселения, за крестьянскими дворами или в близлежащих лесах. Этот промысел, не отрывавший крестьянина от земледельческих работ, имел два сезона: более длинный зимний, начинавшийся после уборки хлеба, с дня Ивана Постного (Усекновения главы Иоанна Предтечи — 11 сентября) и до Пасхи; и более короткий весенний — от Пасхи до Петрова дня.

«Угольницы», устраиваемые в Желовской волости Перемышльского уезда, имели удлиненно — овальную форму, с трех сторон устраивались грунтовые стенки высотой в 1 аршин (72 см.), которые снаружи обкладывались дерном; длина задней стенки составляла 5,5 м., длина боковых сторон — 6,5 м., толщина земляных стенок — 90 см. Четвертая сторона «угольницы» — «пажóга» была без насыпной стенки, оттуда производилось зажигание уложенных в кучу дров, обсыпанных, как уже упоминалось, земляной «покрышкой». Высота такой кучи могла доходить до 4 метров со стороны задней стенки, к «пажóге» сходя на нет. Основная технологическая особенность обугливания древесины заключалась в частичном доступе воздуха, когда путем специально устраивавшихся и поочередно закрывавшихся отдушин, процесс горения сна-



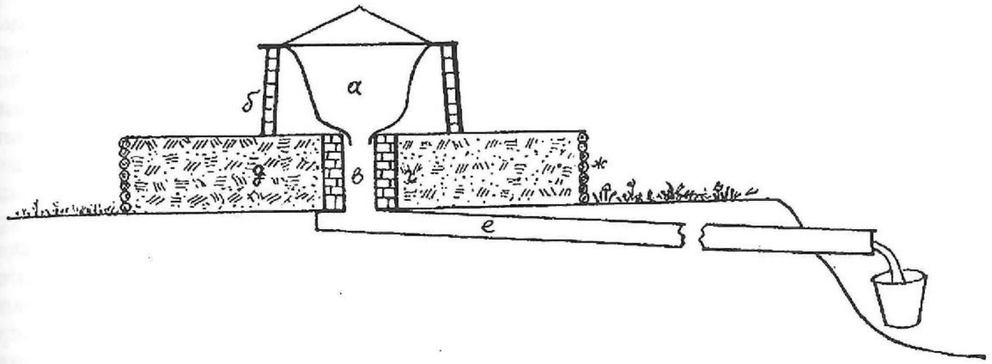
Илл. 2.
Процесс горения «угольницы». Калужская губ., Перемышльский уезд, д. Мужачи. 1929 г.

чала шел по верхним слоям кучи, постепенно переходя в нижние слои дров. *(Илл. 2).* Средние сроки времени горения угольной кучи — около трех недель, за это время она оседала до первоначальной высоты стенок — 72 см. Затем несколько дней давалось на остывание. Искусство мастера — углежога заключалось в умении эмпирически подбирать необходимую температуру горения путем регулирования притока воздуха, т. е. открыванием или закрыванием отдушин в соответствующей части «угольницы». При этом учитывались и погодные условия: в ветреные дни отдушины могли совсем закрываться. Длительный и трудоемкий процесс выжигания угля получил название — «***томить уголь***».

Промысловая терминология, закрепившаяся в языке мастеров-углежогов нач. XX в. может представлять немалый интерес для изучения. Один из примеров этого — уже упоминавшееся название угольной кучи (костра) «ямной угольницей», «ямой», предполагающее определенную связь с технологическими приемами более раннего времени. Другой любопытный термин — «***пажóга***», обозначавший одну из сторон «угольницы» откуда зажигалась вся кладка дров. По В.Далю: *«пожúга», «пожигные пашни» — лесная расчистка, огнище, где в поле был разложен огонь, подсека».*[25] Вероятно, возникновение технологических приемов углежжения можно предположительно связывать с развитием ранних форм земледелия, в данном случае — подсечного, единственно возможного на территории Полесья.

Промысловая терминология, закрепившая за трудоемким процессом выжигания угля название *«томить уголь»*, обозначила не менее точным понятием — ***«сидеть смолу»***, ***«курить смолу»*** технологические приемы смоло — дегтярного промысла, также связанного с термической переработкой древесного сырья.

История отечественного смолокурения описана П.М.Лукьяновым на примере крупных промысловых центров Русского Севера (Вологодской, Архангельской, Олонецкой губ.), издавна поставлявших свою продукцию («важская смола») на экспорт. Применительно к этому региону сохранились более подробные описания архаичных технологий.[26] Промысел Жиздринского Полесья имел значительно меньшие масштабы, его продукция использовалась преимущественно в своей и соседних губерниях. Во второй половине XIX в. в занятых смолокурением селениях Улемльской, Савкинской, Овсорокской и Теребенской волостей Жиздринского уезда, а так же в Волосово-



Вертикальный разрез смольни:
а—котел, б—стенка печи, в—кирпичная труба, г—гнездо, д—насыпь, ж—обруб, е—осиновый желоб.

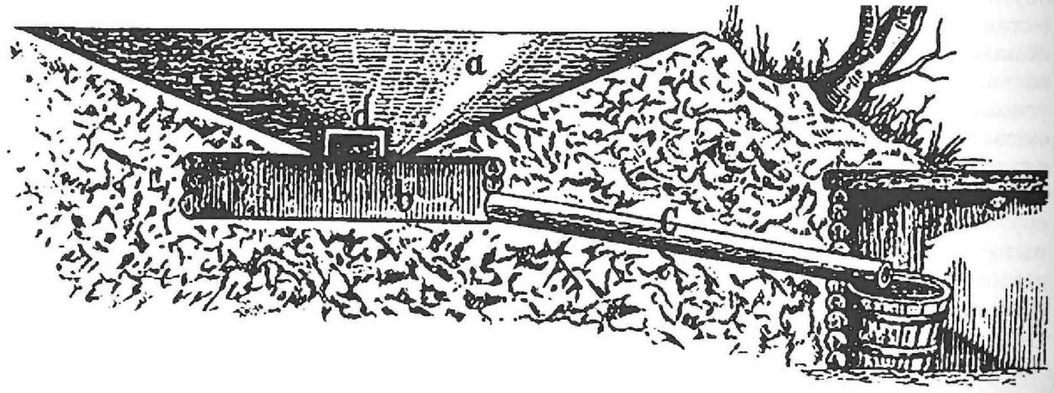
Илл. 3.
Вертикальный разрез «смольни». 1930 г.

Дудинской волости Козельского уезда, в Богородицкой и Жерелевской волостях Мосальского уезда Калужской губернии гонка смолы и дегтя велась в наземных простейшего устройства «печах» с металлическими котлами («казанами»), где шло обугливание древесного сырья без доступа воздуха. Основание смолокуренной печи («стана») составляло «гнездо» — кирпичная кладка высотой в 7 кирпичей в виде трубы, обмазанная внутри глиной, на грунтовом основании 37х37 см.[27] *(Илл. 3).* Эта кладка обсыпалась землей и укреплялась бревенчатым срубом высотой 35—70 см. На этом основании («гнезде») устанавливался чугунный котел для сырья конической формы с отверстием внизу для стока смолы, так, что оно располагалось в центре кирпичной кладки — «гнезда» (верхний диаметр котла — 100см., в нижней части — 63 см., глубина — 80 см.). Вокруг котла на земляной насыпи основания («гнезда») выкладывалась круглая в один кирпич, обмазанная внутри глиной, печь, к которой пристраивалось устье — топка из камня с отверстием для тяги. Завершала конструкцию смолокуренного «стана» деревянная труба для стока смолы, изготовлявшаяся из расколотого надвое долбленого осинового ствола (общая длина около 20 м.). Один конец такой трубы, устанавливавшейся под наклоном и засыпавшейся землей для охлаждения, подгонялся к кирпичному основанию «гнезда», другой конец — к врытому на расстоянии в углублении ушату. Для защиты от непогоды над смолокуренным «станом» устраивался навес на столбах. *(Илл. 4).*

Илл. 4.
«Дегтярня». Калужская губ., Перемышльский уезд, д. Б. Сушки. 1930 г.

Сырьем для смолокуренного промысла служили сосновые пни («осмол»), простоявшие в земле после рубки дерева около 10 лет. Они корчевались вручную с помощью лопаты и топора, подвозились к «смольне», затем раскалывались на куски длиной около 50 см. и закладывались в котел. У смолокуров Перемышльского уезда существовало два способа укладки колотого «осмола» — вертикальный и горизонтальный. В завершении подготовки смолокуренного «стана» к работе котел закрывали металлической крышкой, которую по краю примазывали сырой глиной и обсыпали песком. Затем в топку закладывали дрова и поджигали. Мастерство кустаря смолокура заключалось в умении эмпирически поддерживать необходимую температуру в топке печи. В начале был необходим быстрый и равномерный нагрев, затем, когда начинал выходить древесный уксус («подсмольная вода»), жар уменьшали. В конце, когда по трубе начинала течь смола, температуру горения снова увеличивали. Окончательная очистка сырой смолы от примесей достигалась путем вторичной перегонки нагревом в открытом чугунном котле (до 80°С) на простейшей печи-каменке, углубленной в грунт на 40 см.

Со смолокуренным промыслом в Жиздринском Полесье тесно соседствовал дегтярный, в котором основным сырьем была березовая кора (для чистого дегтя) или в смеси с сосновым «осмолом» («половинчатый деготь»). Работа также проводилась несколько месяцев в году свободных от полевых работ, силами одной семьи, в наземных подобных смолокуренным печах с котлами или прямоугольной формы «казанами». Средних размеров «дегтярня» в Жиздринском уезде в 1881 г. состояла из 2—3 котлов, обслуживалась одним или двумя мастерами, выход готовой продукции в среднем составлял 50 — 75 пудов дегтя (900—1350 кг) за сезон. Побочной продукцией мог быть и древесный уголь.[28]



Илл. 5.
План смолокуренной ямы. Сер. XIX в. (по П.М. Лукьянову).

Сравнение конструкции наземной печи — «смольни» смоло-дегтярного промысла Жиздринского Полесья с конструкцией смолокуренной ямы со стоком более раннего времени говорит об их типологическом сходстве. *(Илл. 5)* Отличие заключается в характере сооружения: наземное или углубленное в грунт. Кроме того, П.М.Лукьяновым было отмечено сходство формы металлических котлов позднего времени с глиняными корчагами, употреблявшимися в корчажной разновидности ямного смолокурения: *«котлы по принципу работы являлись корчагами. Последние, будучи глиняными, так же имели крышку, а внизу отверстие и нагревались обкладыванием вокруг них горящих дров».*[29] Он также отметил, что корчажный способ, еще бытовавший в сер XIX в. в Новгородской и Вологодской губерниях, — «замечателен тем, что он является переходным способом к печному смолокурению».

Этнографические материалы по лесохимическим промыслам Жиздринского Полесья позволяют ретроспективно наметить определенные ***«временные пласты»*** в развитии одного из древнейших промыслов связанных с термической переработкой

древесного сырья. Угольные кучи и печи-«дегтярни» второй половины XIX — нач.XX в. сохраняют основные конструктивные характеристики «ямного способа производства» более раннего времени, в своей заключительной стадии бытования становясь наземными сооружениями. При сохранении основных технологических принципов (переработка сырья с частичным доступом воздуха в углежжении или без него — в смолокурении) изменения шли в материале для производственных сооружений: металлический котел по форме глиняной корчаги; кирпичная кладка печи — «гнездо» по форме глиняного «подъямника». А так же, применение долбленых деревянных труб для стока смолы. Еще один из аспектов — промысловая терминология, требующая более детального изучения, также подсказывает связь возникновения лесохимических промыслов с ранними формами земледелия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Полесье. Материальная культура. Киев. 1988. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика. М., 1968.

[2] Полесье. Материальная культура. С. 39.

[3] Чижикова Л.Н. Этнокультурная история южно — русского населения // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 36.

[4] Лебедева Н.И. Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района // Н.И. Лебедева. Научные труды. Т. 1. Рязанский этнографический вестник. Рязань. 1996. С. 28—30.

[5] Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. М., 2002. С. 7—9. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О роли природно — географического фактора в освоении радимичами территорий полесий. //Песоченский историко — археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2. Киров. 1995. С. 56—63.

[6] Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния. СПб., 1864. Ч. II. С. 184.

[7] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2005. С. 563.

[8] Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Ч. I. Народный костюм, прядение, ткачество. — М., 1927.

[9] Бломквист Е.Э. Крестьянское жилище Калужской губернии. //Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 1—16.

[10] Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 17—36.

[11] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 579.

[12] Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. Т. 3. М., 1951. С. 390.

[13] Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. // МИА. № 32. М., 1953. С. 40.

[14] Веремейчик Е.М. К вопросу о дегтярном и смолокуренном промыслах на древнерусских селищах Черниговщины // Проблемы археологии Сумщины. Сумы. 1989. С. 88—89.

[15] Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ. 2003. С. 85—87, 172—173.

[16] Белорусы (серия «Народы и культуры»). М., 1998. С. 185—188.

[17] Шереметева М.Е. Углежжение в Калужском районе. Калуга. 1931. Она же, Лесохимические промыслы в Калужском районе. Калуга. 1934.

[18] Ламанский А. О сельских промыслах в Калужской губернии. // Калужские Губернские Ведомости. 1860, № 8. Часть неофициальная.

[19] «Ведомости о состоянии кустарных промыслов Жиздринского уезда. Доклад податного инспектора. 1900 г. // ГАКО, Ф. 32, оп. 2, ед. хр. 1016. Л. 206.

[20] Тарасенков И.А. Обозрение фабричной и заводской промышленности Калужской губернии. // Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. — Калуга. 1861. — С. 221

[21] Сведения о фабриках, заводах и других заведениях по волостям Жиздринского уезда за 1886 г. // ГАКО, Ф. 648, оп. 1, ед. хр. 83. Л. 56—58.

[22] Третьяков В.П. Ямы углежогов XIV—XVI в. в Верхем Поднепровье // КСИА. Вып. 135. М., 1973. С. 116—119.

[23] Успенская А.В. Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ. // Очерки по истории русской деревни X — XIII в. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 108—109.

[24] Шереметева М.Е. Углежжение в Калужском районе. С. 29.

[25] Даль Вл.Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.,1990. С. 222.

[26] Лукьянов П.М. История химических промыслов. С. 318—338, 424—437.

[27] Шереметева М.Е. Лесохимические промыслы в Калужском районе. С.23—24, 30.

[28] «Сведения о дегтярных заведениях Жиздринского и Мосальского уездов за 1881 г. // ГАКО, Ф. 58, оп. 8, д. 26. Л. 18—23.

[29] Лукьянов П.М. История химических промыслов. С. 434, 435.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО — Государственный Архив Калужской области.

КСИА — Краткие сообщения о полевых исследованиях Института Археологии.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

О СПОРЕ ГОСПОД СИНЯВИНЫХ С ДЕВИЦЕЙ БЕСЕДНОВОЙ ИЗ-ЗА НАСЛЕДСТВА Н.Ф.СИНЯВИНА

Н.П.Лошкарева, *н.с.,*

Боровский историко-краеведческий музей.

В Боровском уезде на протяжении нескольких столетий располагался не один десяток дворянских усадеб и имений. Сказывалась его близость с Москвой и удобное юго-западное направление от нее. За XX столетие все боровские усадебные комплексы и имения почти полностью были уничтожены. Исследователи не обращали на них должного внимания, и в настоящее время глубокий и значимый пласт усадебной истории и культуры Боровского уезда оказался не изученным.(1) Может быть поэтому, любая информация о той или иной боровской усадьбе, имении или их владельцах вызывает в настоящее время со стороны исследователей неподдельный интерес и уж особенно тогда, когда речь заходит, например, о представителях такой адмиральской династии, как Синявины *(или Сенявины, что одно и то же. — **Н.Л.**)*.

В 1802 г. из-за комлевского имения генеральс-адъютанта Николая Федоровича Синявина разгорелся нешуточный спор, поводом к которому послужило духовное завещание его владельца. Документы о произошедшем споре были выявлены в Государственном архиве Калужской области в описи 1 фонда 54, представляющем собой коллекцию материалов Правительствующего Сената.(2) Они позволяют раскрыть новые, до сей поры неизвестные страницы истории комлевского имения Н.Ф.Синявина, а также отдельные фрагменты биографий участников этого спора.

Завещатель, генеральс-адъютант Николай Федорович Синявин, до своей отставки служил на военном флоте под началом адмирала и кавалера Алексея Наумовича Синявина (05.10.1722—11.08.1797), приходившегося ему двоюродным братом. Известен Николай Федорович и как отец адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Синявина (06.08.1763—05.04.1831).(3) В 1802 г. Николай Федорович владел двумя имениями: родовым в Тульской губернии (сельцо Ольховцово Веневской округи с 78 душами мужского пола) и благоприобретенным комлевским в Калужской. Последнее сложилось из имения упомянутого двоюродного брата Алексея Наумовича, приобретенного у того в бытность его капитаном военно-морского флота по купчей 24 сентября 1750 г. (Алексею Наумовичу оно было «пожаловано от Государя», о чем в Вотчинном департаменте имелось подтверждение), и из имения капитана Ивана Васильевича Зенбулатова *(иногда Зембулатова, что одно и то же. — **Н.Л.**)*, приобретенного 23 апреля 1790 г. «на место проданного матери их имения». По 5-й ревизии за Н.Ф.Синявиным в селе Комлеве, деревнях Кирилловой, Маланьиной и в сельце Фатееве числилось 261 душа мужского пола, 235 душ женского пола вместе с новорожденными «с их землями и всякими принадлежностьми равно и с отхожими многими пустошми». Так же ему принадлежали образа с серебряными окладами, бриллиантовые и золотые разные вещи, серебряная и всякая другая посуда, экипажи и лошади.(4)

Николай Федорович в свое время женился на Марье Васильевне Хитрово(5), которая родила ему троих детей: сыновей Сергея и Дмитрия и дочь Федосью. Сергей в чине капитана 2-го ранга в 1791 г. был уволен с военно-морской службы с сохранением жалованья пожизненно после того, как, в ходе русско-шведской войны 1788—1790 гг. получил тяжелое ранение в левую руку, командуя в августе 1789 г. в I-ом Роченсальмском сражении бомбардирским кораблем «Перун».(6) В связи с отставкой в 1791 г. он несколько месяцев прожил в Соловецком монастыре, где познакомился с путешествовавшим по Северу П.И. Челищевым (1745—1811).(7) Затем, очевидно, обосновался

в Боровском уезде. Дмитрий, контр-адмирал и кавалер, к началу спора из-за наследства находился на военно-морской службе (в 1800-1803 гг. — капитан Херсонского порта, в 1803—1804 — капитан Севастопольского порта).(8) Дочь Федосья была замужем за поручиком Александром Авраамовичем Синявиным(9), вполне возможно, являвшимся совладельцем Николая Федоровича по с. Комлеву.(10)

Как выяснилось, завещатель вот уже более двадцати лет проживал с девицей, дочерью умершего прапорщика Дмитрия Михайловича Беседнова, якобы дворянского происхождения, Марьей Дмитриевной.(11) Проживая в Москве(12), девица Беседнова ощущала себя владелицей комлевского имения: она знала все об имуществе, принадлежавшем завещателю, и о хозяйственной деятельности его имения.(13) Законная жена Николая Федоровича Марья Васильевна по этому поводу сетовала: «*... когда покойный муж мой во время жизни своей отлуча меня от себя и неживя сомною более дватцати лет имел при себе означенную Беседнову, то всем уже имением, а особливо в глубокой старости лет его управляла она и как оной муж мой быв по древности лет его ума своего в замешательстве, то все из него зделать ей Беседновой было удобно, тем паче, что она и с ним поступила, ... самым поноснейшим образом, доведя даже его до подчинения; в каковом стесненном своем положении и жизнь свою он кончил прошлаго 1802 года 1 июня...*».(14) Девица Беседнова действительно могла находиться в этот момент рядом, как и в случае составления Н.Ф.Синявиным 7 августа 1801 г. духовного завещания. Составлял он его, якобы, по своей воле, будучи в здравом уме, а 13 августа т.г. оно было им явлено Московской гражданской палате, коей затем и утверждено. По данному завещанию Николай Федорович свое родовое недвижимое имение в Тульской губернии отписал законным наследникам *(жене и детям. — Н.Л.)*, а благоприобретенное комлевское вместе с частью движимого имущества: с окладами серебряными образа, бриллиантовые и золотые разные вещи, серебряную и всякую посуду, экипажи и лошадей — девице Беседновой. Цену комлевскому имению и части движимого имущества объявил 20000 рублей. После смерти Н.Ф.Синявина девица Беседнова предъявила упомянутое завещание через своего поверенного губернского секретаря Михайлу Смирнова Боровскому уездному суду. В тот же день, 14 июня 1802 г., поверенный подал в Боровский уездный суд и прошение о принятии с объявленной суммы законных пошлин для введения девицы Беседновой во владение имением, и о вынесении распоряжения Боровскому нижнему земскому суду, чтобы тот обязал старосту имения и крестьян дать подписку о должном ей повиновении.(15) Кстати, небывалую щедрость Н.Ф.Синявина по отношению к себе девица Беседнова объясняла в том числе и тем, что он доверял ей оплату за него долга и выплату 5000 рублей его воспитаннику *(некий воспитанник упоминается только в этом случае. — Н.Л.)*, «*...а из движимого, кое состояло в небольшем каличестве, часть предоставил мне, а досталное воспитаннику, ...*».(16)

Поскольку пошлина с заявленного наследства составляла 2000 рублей, платить ее пришлось по законам того времени не в Боровском уездном суде, а в Московском надворном. Последний, удостоверившись в смерти завещателя подписанием свидетелей, оповестил о случившемся Московское и Калужское губернские правления. Калужское, в свою очередь, указом от 31 июля т.г. предписало Боровским уездному и земскому судам ввести девицу Беседнову во владение имением, что и было исполнено только Боровским нижним земским судом 9 августа т.г.(17). Девица Беседнова в одной из жалоб называет еще число 6 августа.(18)

Но на пути девицы Беседновой оказались законная жена Н.Ф.Синявина Марья Васильевна и их дети. Марья Васильевна еще в день объявления завещания, 14 июня, подала в Боровский уездный суд прошение, которым оспорила завещание своего мужа. Имение она просила оставить ей до раздела с детьми, а за девицею Беседновой его не утверждать. К тому же, Марья Васильевна считала *(правда, ошибочно. — Н.Л.)*, что часть имения, приобретенная у двоюродного брата Алексея Наумовича, являлась родовой, а значит наследницею ее в указной части могла быть только она, а в остальном — дети. По поводу случившегося она прокомментировала: «*...коль скоро означенной завещатель дни жизни своей окончил то Беседнова недопуская никого из сродников все что ни было в доме его собственнаго имения из разных вещей и из денег состоящаго захватила в свои руки, и потом покончине уже его объявила она Беседнова то завещание в Московский надворный суд...*».(19) Об «испровержении» завещания отца подал прошение в уездный суд и Сергей Николаевич, причем, сделал это до ввода девицы Беседновой во владение. Он просил на период производства дела Беседнову во владение имением не вводить. Поскольку же земский суд все-таки ввел девицу во владение, то Сергей Николаевич, проживавший в Комлеве, 20 августа т.г. вынужден был дать земскому суду подписку о том, что 22 августа покинет имение и с того же числа не будет им распоряжаться и сено развозить не будет. По прошествии указанного срока Сергей Николаевич имение не покинул и продолжал отдавать распоряжения, не допуская Беседнову ко владению. Он ожидал указа суда более высокой инстанции — уездного.(20) И дождался: где-то в это время *(точную дату установить пока не удалось. — Н.Л.)* Боровский уездный суд, рассмотрев поданные Синявиными прошения, вынес резолюцию, в которой просил губправление понудить земский суд оставить имение в первобытном владении до рассмотрения и решения дела, а чтобы имение расхищено не было, поручить смотреть за ним земскому суду, обязав в его сохранении вотчинных начальников подписками.(21)

Земский суд, открыто поддерживавший девицу Беседнову, как мог, препятствовал производству возникшего спорного дела. Он превышал вверенные ему законом полномочия, не выполнял указы и предписания не только уездного суда, но и губправления, вел с ними бесконечную и безрезультатную переписку, отвлекая от «настоящаго дела». Оценив реально происходившее, губправление 26 ноября т.г. вынесло резолюцию, согласно которой за указанные «безпорядки и неисполнении начальственных предписаний» на присутствующих и секретаря земского суда была наложена пеня 25 рублей в пользу приказа общественного призрения, также строжайше подтверждено земскому суду указом о выполнении им в точности «без наималейшаго продолжения времени» предписаний уездного суда и исправлении вышеобъявленных произведенных беспорядков, «*...о чем куда нужно сообщил бы, опасаясь в будущем за подобные поступки более строго законного взыскания...*». Губправление предписало об этом решении сообщить уездному суду, а девице Беседновой или ее поверенному объявить, что ее просьбы об оставлении за нею завещанного имения правление удовлетворить не может «до решения в надлежащих инстанциях.(22)

Пока решался вопрос о незаконных действиях земского суда, девица Беседнова 13 октября т.г. успела подать прошение в Правительствующий Сенат. В нем она довольно подробно и красноречиво изложила, каким образом досталось ей, несчастной сироте, наследство Н.Ф.Синявина, что его незаконным путем пытаются отобрать у нее жена и дети завещателя. Поэтому она попросила защиты у Московского губправления. Узнав об этом, как пишет девица Беседнова, сын завещателя господин генерал-майор *(что соответствовало в ВМФ званию контр-адмирал. — Н.Л.)* и кавалер Дмитрий Николаевич Синявин 30 сентября подал в Московскую управу благочиния иск о разном имуществе и о дворовых людях, «*...делая мне (т.е. Беседновой: — Н.Л.) явную обиду и чести моей яко благородной девице поношение...*». «*...он для сего дела расположен ехать в Санктпетербург и поднесть Его Императорскому Величеству всеподданнейшую прозбу. Но за всем тем когда сия прозба отослана была в часть и наоную принято от меня следующее объяснение, то господин Синявин, дабы сильнее показать мне свое могущество и чтобы более навести страх сего октября 3 дня приехав с частным приставом и двумя квартальными офицерами в мой дом, и взойдя комне в комнату господин Синявин делая мне обиду, называл меня подлою женщиною и прачкою, устращивая же определял мне быть в смирительном доме и уголовной палате, каковым случаем доведена я дочрезвычайнаго оскорбления и замешательства осталась почти безмолвна; а в таком та случае производим был и допрос в доме человеку моему Петру Иванову, а прочим всъезжем доме...*». О случившемся она сообщила уездному стряпчему, прося «законной защиты». В завершении прошения девица Беседнова написала: «*...все вышеписанныя господина Синявина несправедливыя настоянии о присвоении моей собственности и ограживания его в прозбе своей о утруждении Его Величества, приводят меня в опасность дабы я побытности его Синявина ныне в Санктпетербурге чрез подобныя вышеписанным показании безвинно нелишилась моей принадлежности...*» (23) После знакомства с этим делом складывается впечатление, что девица Беседнова путает обвиняемого ею Дмитрия Николаевича с его старшим братом Сергеем Николаевичем, так как первый по долгу службы, скорей всего, продолжал находиться в Херсоне. Возможно, она делала это сознательно.

Девица Беседнова упорствовала и 9 декабря 1802 г. в Правительствующий Сенат послала жалобу на Калужское губправление, выразив недовольство его решением от 26 ноября. Беседнова просила Сенат предписать Калужскому губправлению, чтобы он не отбирал у нее имения, а исполнение по вынесенному определению остановить до рассмотрения спорного дела Сенатом. Своего она добилась: 19 декабря т.г. Сенат направил в Калужское губправление указ о присылке по данному делу рапорта, а до рассмотрения его в Сенате исполнение определения Калужского губправления остановить. (24)

И хотя этот указ не подтверждал права Беседновой на наследство, девица все же поторопилась его за собою утвердить. В начале января 1803 г. она появилась в селе Комлеве в качестве полноправной владелицы имением. *«...но находящийся во оной же вотчине крестьянин Тихон Павлов (был старостой при Н.Ф.Синявине. — Н.Л.), нетолько делая в небытность мою разныя своевольства и приказаниям моим неповиновение, но даже по приезде ныне моем нашла я что состоящей в селе Комлеве господской дом неизвестно почему им Павловым заперт, а потому я имея сомнение дабы чего неприключилось, во оной дом сама собою не въехала, а покорнейше прошу поданной законом власти приказать оной дом отпереть и освидетельствуя, меня ввесть, а сказаннаго крестьянина с каким намерением он делал противу меня неповиновении и ослушании допрося поступить за сие по законам; а дабы и прочие крестьяне подражая примеру того Павлова немогли делать мне каковаго неповиновения им подтвердить»* — так описала девица Беседнова свой приезд в комлевское имение в «объявлении», поданном 2 января 1803 г. в Боровский земский суд. В тот же день суд вынес решение отправиться в село для введения Беседновой в наследство *(в данном случае имелся в виду дом. — Н.Л.)*, крестьянина Павлова допросить, а остальным крестьянам подтвердить ее право на наследство. Исполнение решения состоялось 5 января 1803 г. в присутствии членов Боровского земского суда: исправника Тювикова и заседателя Лущихина и сторонних понятых людях из ближайших имений. Девица Беседнова, в свою очередь, при свидетелях поручила смотреть за всем старосте Ивану Тарасову, назначенного ею еще в августе 1802 г.

После этого «помещица» Беседнова приказала старосте Ивану Тарасову и выборному Сергею Васильеву объявить всем крестьянам своего имения 8 января 1803 г. собраться в селе Комлеве у господского дома. Явившимся в этот день она заявила о необходимости «должного повиновения и законного послушания» со стороны всех крестьян ей принадлежавших. Так же она приказала собирать полугодовой денежный оброк к числу, в каковое собирал сам завещатель Н.Ф.Синявин. В ответ «оные крестьяне все единогласно» сказали ей, что оброка заплатить не смогут, так как сомневаются — ей ли его надо отдавать. В случае же отдачи называли разные «дальние сроки», выгодные для себя. *«При каковом оных крестьян упорстве начертано было на их лицах какое то смущение изъявляющее злобу и ожесточение»*. По окончании разговора с собравшимися Беседнова решила наказать крестьянина д.Кириловой Василья Петрова, который ослушался ее, не явившись для караула на квартиру, «в чем он Петров и сам признался». Как далее написала девица Беседнова в новом «объявлении», поданном ею опять в Боровский земский суд 9 января т.г.: *«При начатии наказания при нем оказался дворовый человек госпожи Марьи Васильевны Синявиной и ее детей Матвей Сергеев, который сказал: «как я смею наказывать, ступайте крестьяне все вон, не слушайте ея, когда еще будет указ чтоб мне владеть». И все крестьяне вышли из господского дому вон. Тогда Беседнова приказала своему человеку Федору Абрамову остановить Сергеева, что тот и сделал. Крестьяне (всего 8 человек из с. Комлева и д. Фатеевой. — Н.Л.) нагнали их и Сергеева у Абрамова отбили «наглым своевольством и поступили самым буйственным и озартным образом, а тем самым открыли против меня бунт»*. Беседнова, испытав «страх и замешательство» уехала из села Комлева и «не имеет смелости приступить к управлению показаннаго имения». Описав подробно произошедшее в том же «объявлении» она просила провести следствие, а с крестьянами-бунтарями и их зачинщиком Сергеевым поступить по существующим законам, сослав, куда следует. При этом она указала еще на 25 крестьян, проживавших в селе Комлеве и деревнях Фатеевой, Кривской, Кириловой и Маланьиной. Их она считала «единомышленниками», которые, хоть и не участвовали в бунте, но и не сдерживали остальных, требовала поступить с ними тоже по закону. Также просила суд подтвердить крестьянам

«наистрожайше» ее право на владение, чтоб подобного не повторялось. В тот же день Боровский земский суд принял решение провести следствие по «объявлению» Беседновой, отправившись на место.

Прибыв 16 января т.г. в имение члены Боровского земского суда смогли допросить лишь крестьянина Ерофея Иванова, 50-ти лет, неграмотного, православного исповедания. Но, как выяснилось, он ничего не помнил: кто кого отнимал. «Взирал на прочих без всякаго умыслу». По его словам, дворовый человек Сергеев говорил им, что они не принадлежат Беседновой, а «следуют» наследникам Н.Ф.Синявина. Других крестьян-бунтарей допросить не довелось, так как староста Иван Тарасов не застал их дома и, где они находились, родные не знали (по мнению Беседновой, они могли совершить побег). Да и при очередном подтверждении «законной» владелицы имением присутствовало не более 15 человек: они «стояли молчали, а потом некоторые крестьяне говорили: что они объявленнаго земским судом к ней повиновения исполнить немогут потому что они люди незнающие ничего».

Пока на местном уровне решался вопрос с крестьянами-бунтарями Калужское губправление, рассмотрев прошения споривших о наследстве сторон, заявило, что не признает правильным ввод Боровским земским судом девицы Беседновой во владение спорным имением, но так, как оно оказалось в ее ведении, то просьбе жены Н.Ф. Синявина Марье Васильевне отказать. Боровский земский суд получил указ с таким решением 27 января т.г.(25)

Бесспорно, что такой указ полностью противоречил интересам прямых наследников Н.Ф.Синявина и, не мешкая, Марья Васильевна в тот же день подала на имя императора Александра Павловича в 6-й департамент Правительствующего Сената прошение. В нем она довольно подробно изложила все обстоятельства возникшего спора о наследстве, обосновывая со своей точки зрения лживость жалоб и незаконность претензий на наследство девицы Беседновой. Марья Васильевна указала на то, что в вышедших указах Правительствующего Сената и губправления ничего не было сказано о вводе Беседновой во владение спорным имением, но та все же явилась в него, *«...где у господских покоев в коих жил...» «...отставной флота 2 ранга капитан Сергей Синявин и где было движимое его имение печать сорвала и замок сбила...»*, по своей воле сменила старосту: прежнего старосту, как и кучера из другого синявинского имения, *«...заковав отвезла в город, крестьян же разоряет и расположилась собрать с них непомерные оброки...»*, собралась продавать дворовых людей, крестьян и землю. Синявина вновь просила, чтобы имение до разрешения спора согласно узаконениям Боровского уездного суда и Калужского губправления велено было *«...представить в мое и детей моих владение...»*.(26)

Мать в очередной раз поддержали дети: Сергей и Дмитрий подали прошения в Правительствующий Сенат 23 февраля, а дочь Федосья 26 марта т.г. По мнению Федосьи, Беседнова не имела права на владение крестьянами, взошла во владение имением своевольно под защитою Боровского земского суда и «начала продолжать жестокости». Жестокости она описала так: *«...когда приехали в означенное село Комлево, которое отстоит от г.Боровска неболее полуторы версты, где была и Беседнова, боровскаго земскаго суда дворянской заседатель Иван Лущихин и с ним секретарь Иван Васильев в феврале месяце были от нея Беседновой угощаемы и удовлетворяя обыкновенному ея к отягощению крестьян расположению без всякаго приговора и от вышних начальств предписания наказывали крестьян жесточайше, изможда с них в пользу ее поборы, а из сего села Комлева согласно ея Беседновой желанию, означенныя заседатель и секретарь за две версты разстоянием от села Комлева поехали также в спорное сельцо Фатеево, где секретарь привиде заседателя, а может быть ис позволения его, крестьянина Льва Фролова, жену Марину Петрову хотя и видел, что она беременна, вымучивая из нее для Беседновой оброк, бил ея наижесточайшим образом, которая недонеся младенца при великом мучении выкинула его мертваго, о чем села Комлева священник Никифор Григорьев засвидетельствовал, как селения онаго сторонним людям, так и в городе Боровске дал знать своей и свецкой командам, после чего куда тот младенец девался и как скрыт неизвестно...»*. В завершении Федосья, как и ее мать и братья, просила повеления отдать спорное имение Синявиным. Если же это сделать невозможно, то просила взять имение в казенный присмотр до разрешения спора, *«...убивство же в беременной женщине младенца предписать кому надлежит исследовать и в том поступить по законам»*.

Девица Беседнова 2 марта т.г. тоже подала прошение в Правительствующий Сенат с просьбой повелеть решить производство дела о спорном имении «в непродолжительном времяни» и приложила к прошению доказательства своего дворянского происхождения.(27)

И вот, в Правительствующем Сенате 10 июня т.г. состоялось слушание дела о спорном недвижимом имении умершего генеральс-адъютанта Н.Ф.Синявина. На основании слушаний 18 июня т.г. Правительствующий Сенат приказали: поскольку из за завещанного недвижимого имения вышел спор, о чем было заведено дело в уездном суде, препоручить само спорное имение в ведомство дворянской опеки, а что касается показаний Федосьи Синявиной по поводу поступка секретаря земского суда, то Калужскому губправлению поручить расследовать его, поступив с виновными по законам. Приказания Сената 31 июля т.г. Калужским губправлением были доведены до Боровской дворянской опеки. Дело действительно передали из Боровского уездного суда в ведомство дворянской опеки, что, вероятно, охладило пыл девицы Беседновой в посягательствах на наследство Н.Ф.Синявина, по крайней мере, более чем на год.(28)

Явившись же в Боровский уездный суд 20 сентября 1804 г. для рукоприкладства под очередной судебной выпиской (наследники Н.Ф.Синявина под указанной судебной выпиской еще не рукоприкладствовали), девица Беседнова узнала о смерти «зачиньщици того спорнаго дела» Марьи Васильевны Синявиной. Сведения об этом в уездный суд поступили от Федосьи Синявиной по доверенности от брата Сергея 12 августа т.г. Девица Беседнова вновь активизировалась и 14 ноября т.г. подала в Боровский уездный суд прошение, в котором напомнила о смерти зачинщицы Марьи Васильевны Синявиной и припомнила, что второй зачинщик спора Сергей Синявин еще 19 августа 1802 г. подал Боровскому земскому суду подписку о выезде из с.Комлева, «с тем утверждением и спор свой уничтожил», лишившись «навсегда права своего». Федосья Синявина, по мнению Беседновой, при братьях ее родных вообще «невотчинница», а что до контр-адмирала и кавалера Дмитрия Синявина, то с начала спорного дела он не рукоприкладствовал и просьб никаких не писал «чему минуло более 2х лет». Беседнова констатировала, что по законам рукоприкладство с обеих сторон должно было произойти в определенный срок, либо за них должны рукоприкладствовать лица по доверенности. Срок давно уже минул, а в просьбе Беседновой о принятии уездным судом решения по существующему делу было отказано. Поэтому Беседнова и спрашивала, кого ж Боровский уездный суд к решению дела будет ожидать, *«ибо из показанных особ 1я умре, 2я и 3я за силою вышеизображенных мною законов не имеют никакаго права спорить, а тем менее и ожидать их недолжно...»* По ее мнению, препятствий для положительного решения Боровского уездного суда в ее пользу не имелось.

По поводу сроков рукоприкладства и отказа Боровским уездным судом принять решение 14 декабря т.г. перед действительным тайным советником министром юстиции и разных орденов кавалером князем П.В. Лопухиным рапортовал губернский прокурор Степанов (в ответ на предписание П.В. Лопухина от 19 ноября 1804 г. за №8009), который в очередной раз изложил обстоятельства спорного дела и дал знать, что по его представлению губернское правление потребовало от уездного суда спешное донесение о том, не было ли от контр-адмирала Д.Н.Синявина предоставлено кому-либо доверенности *«для хождения за делом, или может еще и совсем не входил он в тяжбу с тою Беседновою, а ведут оную прочие наследники одни сами от себя?»* (По сути, *«...рукоприкладства еще не учинено, а за тем и дело еще не решено...»*).(29)

Пока действительный тайный советник министр юстиции и разных орденов кавалер князь П.В. Лопухин ожидал рапорта калужского губернского прокурора, девица Беседнова 11 декабря т.г. подала на его имя новое прошение. В нем она очень подробно изложила обстоятельства спорного дела со своей точки зрения, заявив при этом, что «никакаго на завещание спору не было», что она не только не предполагала, но даже и не мыслила о каком-либо споре и уж тем более о столь долговременном производстве дела. По ее мнению, уездный суд мог продолжать спор только о той части имения, которое «якобы от родственника пришедшее» *(т.е. куплено завещателем у А.Н.Синявина. — Н.Л.)*, второе имение, купленное у И.В. Зенбулатова должно было остаться свободным от спора. Вспомнила девица и об оскорблениях и притеснениях со стороны наследников Синявиных, выразившихся в вышеописанных прошениях 1802 и 1803 гг. И почему-то только теперь решила сообщить, что вместо Сергея и

Дмитрия Синявиных эти прошения подписывал московский купец Богомолов. Она привела даже его объяснения. За Дмитрия Николаевича он расписывался в связи с отсутствием и нахождением того на Черном море *(тогда, почему Беседнова обвинила в своей жалобе Правительствующему Сенату 13 октября 1802 г. именно Дмитрия Николаевича? — Н.Л.)*, а за Сергея Николаевича он подписывался потому, *«...что с ним Сергеем Синявиным нередко поглубоким меланхолическим и ипохондрическим болезням бывают такия задумчивости в которых он совсем относительно к мыслям его теряется иногда даже до того что приоскорбительных и горестных чувствованиях его самая жизнь делается ему несносною, то неудивительно, что в таковых замешательствах его может быть к подписанию его подписка /данная 19 августа о коей выше упомянуто/ от стороны недоброходствующаго им земскаго суда ввиде чего ниесть и подложена»*. В прошении девица Беседнова сочла уместным «раскрыть» и еще одни обстоятельства производства спорного дела: *«...дворянских чиновников находится ныне: уездный судья Байберин, он же и правящей должность предводителя да один дворянский заседатель Байберин же и первому родной племянник /о чем ныне только узнала я/, следовательно посвязи родства и в обще их служении, и в одном доме вместе жития их, почитаю я одну особу уезднаго судью, от коего зависит участь моя по спорному о завещании делу...»*. Вот почему, считала девица, и дело движется так медленно, и решение по нему не принимается более 2-х лет и 5 месяцев, а при таких обстоятельствах, продолжала она возмущаться, будет ли соблюдена «целость спорнаго имения вверяннаго опеке». Опека же, по ее мнению, чинила убытки имению. Выплеснув, таким образом, все свои обиды на Синявиных, Боровские уездный суд и дворянскую опеку, девица Беседнова попросила вернуть отнятое, но завещанное ей имение, и рассмотреть законность назначенных уездным судом годовых сроков к вызову наследников Синявина для рукоприкладства под судебной выпиской. К прошению Беседнова приложила довольно приличное количество копий с прошений и «объявлений», исходивших в разные учреждения, как от нее, так и от Синявиных. И все это только для *«изобличения несправедливости господ Синявиных»*.(30)

Как происходили события в дальнейшем, сказать трудно в связи с недостаточным количеством сведений по этому спорному делу. Так, например, записи в журналах Боровского уездного суда от 29 января 1812 г., 7 мая и 19 сентября 1813 г., сообщали, что дело еще не завершено по следующей причине: *«...означенныя тяжущиеся ни сами ни их поверенныя для показаннои надобности в суд сей не явились»*.(31) Более поздние сведения, обнаруженные в метрических записях 1819 г. по приходу комлевского храма Иоанна Предтечи, указывали в качестве владельца вотчины, располагавшейся в с. Комлеве, д. Фатеевой, Маланьиной и Кирилловой, умершего генеральс-адъютанта Николая Федоровича Синявина(32), а в «Списках помещикам и их имениям по Боровской округе» за 1824 г. значились владельцами вице-адмирал и кавалер Дмитрий Николаевич Синявин (за ним числилось в с. Комлеве — 71, д. Фатеевой — 95 душ) и жена флота капитана 2-го ранга Сергея Николаевича Синявина Марья Яковлевна (за нею числилось в дд.Кириловой — 24, Кривской — 33 и Маланьиной — 32 души).(33) Что касается девицы Беседновой, то никаких упоминаний о ней в названных документах не встретилось.

Исходя из вышеизложенного, сделаем предположение, что, довольно богатое для начала XIX в. комлевское имение Н.Ф.Синявина, сложившееся из бывших имений А.Н. Синявина и И.В.Зенбулатова, осталось все-таки в руках прямых наследников. В ходе произошедшего спора ярко проявились дружеские отношения близких не только по родству, но явно и по духу, матери Марии Васильевны, сыновей Дмитрия и Сергея Николаевичей и дочери Федосьи Николаевны Синявиных. Наряду с этим, вышеизложенное в очередной раз продемонстрировало, сколь несовершенной в начале XIX в. была судебная система и неповоротливым чиновничий аппарат Российской империи. В частности, прослеживается отсутствие четкого разделения функций между местными уездным и земским судами, а также губернскими органами власти. Прослеживается и такой факт, как бесстыдно-открытая поддержка Боровским земским судом интересов девицы Беседновой. Главное, что стало известно благодаря выявленным документам, это даты смерти отца и матери адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Синявина. Установлено, что Николай Федорович Синявин скончался 1 июня 1802 г., а Марья Васильевна Синявина скончалась либо около 12 августа, либо 12 августа 1804 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исключением являются усадьбы Белкино, Турлики, Бугры, о которых писали сотрудники Музея истории города Обнинска З.В.Васильева, А.А.Кащеева, Л.Б.Сорокина, а также Т.М.Ларина.

2. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 347 «По жалобе из дворян девицы Беседновой о спорном недвижимом имении с генерал-майором Синявиным в Калужской губернии Боровского уезда»; Д.190 «По письму придворной девицы Марии Беседновой о ходатайстве перед императором о нанесении ей генерал-майором Синявиным бесчестия и обиды по поводу имеющегося у них судебного дела о спорном имении Боровского уезда» (название данного дела не совсем точно отражает его содержание).

3. Воспоминания адмирала Д.Н.Сенявина// Военная быль. 1973. №125 (ноябрь).

4. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 347. Л. 5, 44 об, 45, 46 об.

5. Лошкарева Н.П. О нравах боровского дворянства // Мансуровские чтения. Вып. 2. Тула: «Ясная Поляна», 2010.

6. Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М.Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1973—1982.

7. О С.Н.Сенявине П.И.Челищев упомянул в своем дневнике «Путешествие по Северу России в 1791 году» // Альманах «Соловецкое море». 2002. № 1.

8. Русский биографический словарь. СПб., 1904.

9. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 347. Л. 11 об.

10. РГАДА. Ф. 1355. № 459, экономич. прим. на 1776—1780 гг. Л. 9; РГВИА РФ. ВУА. Д. 18753. Ч. 1. № 22. Л. 7 об. — 8.

11. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 347. Л. 12 об, 50—51.

12. Там же. Л. 3 об., 12 об., 38 об.

13. Там же. Л. 40 об., 50.

14. Там же. Л.3 8, 44 об.

15. Там же. Л. 3 об. — 4 об., 5—5 об., 44 об.

16. Там же. Д. 190. Л. 1.

17. Там же. Д. 347. Л. 3 о. — 4 об., 7—7 об.

18.Там же. Д. 190. Л. 1.

19. Там же. Д. 347. Л. 5 об. — 6, 44 об.

20. Там же. Л. 4 об. —5, 7—7 об., 44 об., 46.

21. Там же. Л. 6—7.

22. Там же. Л. 7 об. — 11об.

23. Там же. Д. 190. Л. 1—1 об., 3—3 об.

24. Там же. Д. 347. Л. 3—3 об.

25. Там же. Л. 48—49, 52—53, 54, 55.

26. Там же. Л. 44—45 об.

27. Там же. Л. 11 об. — 12 об., 50—51.

28. Там же. Л. 1, 2, 12 об. — 13, 50—51.

29. Там же. Л. 37—37 об., 42—43 об.

30. Там же. Л. 38—41.

31. ГАКО. Ф. 437. Оп. 1 Д. 148. Л. 49—49 об.; Д. 153. Л. 121—121 об, 293 об. — 294 об.

32. ГАКО. Ф. 79. Оп. 3. Д. 44. Л. 143—145 об.

33. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 720. Л. 105 об.

ДВОРЯНЕ СЕНЯВИНЫ — ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛЬЦА МСТИХИНО КАЛУЖСКОГО УЕЗДА

В.И.Абакулов, *н.с.,*
Т.И.Абакулова, *гл. бух.*
Калужский областной краеведческий музей.

Сенявины — дворянский род, происходящий от выехавшего из Польши в Россию в начале XVI века к великому князю Василию III Ивановичу на службу Алехна Сенявина. Его сын, Иван Алехнович, в 1514 г. был пожалован от великого князя вотчинами. Его потомки служили российскому престолу стольниками, окольничими, воеводами и в других чинах. Герб Сенявиных внесен во II часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи под № 67: *«По середине щита имеющаго голубое поле изображена река, над которою видна шестиугольная звезда серебреная, а в нижней части золотая луна обращенная рогами в верх. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой означены три павлиныя пера и на середине их золотая луна с серебреною звездою. Намет на щите голубой, подложенный золотом».*[1] Некоторые представители этого рода писались как Синявины.

Представители этой дворянской фамилии владели поместьями и вотчинами в разных уездах Калужского края, начиная, как минимум с XVII столетия. Самой знаменитой ветвью этого рода, оставившей заметный след в российской истории, давшей нашей Родине нескольких адмиралов, была боровская. Именно из нее происходит знаменитый адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин, 250-летие со дня рождения которого празднуется в этом году.

Владели Сенявины поместьями и в Калужском уезде. Опираясь на документы, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области, мы расскажем об одном таком имении, находящемся в указанном уезде, а именно, о сельце Мстихино (ныне имеет статус деревни и входит в состав муниципального образования г. Калуга).

Согласно писцовой книге Калужского уезда 1630—1631 гг. деревней Мстихино, входившей в Подгородный стан, владели дворяне Василий Савельевич Износков и Федор Суторминович Дуров. Деревня располагалась возле пруда. Рядом тянулся бор в длину на версту и в ширину на полверсты. На половине поместья в Мстихине, принадлежавшей Износкову, был помещичий двор, 1 крестьянский и 3 бобыльских двора. Была пахотная земля и сенокос по речке Речице. В.С.Износкову поместье досталось от отца. Ему принадлежали также полпустоши Покровской Угримовская тож на речке Васце, десятина бора, жеребей пустоши Арсеновской Макаровская тож на речке Вертлюшке, полдеревни Деминской Деменина тож, располагавшейся на речке на Яченке, в которой на этот момент никто не проживал, полпустоши Кулемины Селища тож на речке Каменке, полпустоши Симоновской на речке Яченке. На речке Васце находилась пустошь Жерлова Мстихина тож, которая была в поместье за Жадеем Корочевым.[2]

Поместье Василия Износкова полдеревни Мстихиной и полдеревни Деминской с пустошми (всего 159 четвертей земли) позже было справлено за его сыном Петром. Прожил он, видимо, недолго. Указанное поместье было справлено за женой Петра Износкова и за его незамужней дочерью Федосьей. Вдове досталось 106 четвертей земли, а дочери 53 четверти.[3] Вдова Марья Износкова вышла замуж за Петра Григорьевича Сенявина, и описываемое поместье было отказано ему в 1677/1678 году. Федосья Износкова в 1687/1688 году уступила принадлежавшую ей часть поместья своему отчиму Петру Сенявину, за что получила от него 53 руб. денег себе на приданое. Таким образом, к 1690 г. П.Г.Сенявин завладел всем имением, принадлежавшим Износковым.[4]

По всей видимости, Петр Григорьевич Сенявин впоследствии женился вторично, т.к. в документах начале XVIII столетия упоминается его супруга Федора Федоровна. От нее он имел троих сыновей Алексея, Федора и Семена, также впоследствии бывших владельцами сельца Мстихино.

В Санкт-Петербурге на смотр 1716 г. недоросль Алексей Петрович Сенявин явился больным, и по именному указу царя Петра I было велено отослать его на осмотр к доктору. По осмотру *«дохтора Савастия у оного Сенявина от цынги и от ран правую ногу свело и владеть ею не может и того ради оной недоросль Сенявин за тем увечьем отпущен в дом свой».*[5]

В 1722 г. Федора Федоровна Сенявина, бывшая уже вдовой, продала своему сыну отставному недорослю Алексею Петровичу свою дворовую женку Марью Савельеву с сыновьями Ефимом и Максимом, которая досталась ей в приданое. За это она взяла с него 10 руб. «на пострижение» в монастырь.[6] Через два года, 24 февраля 1724 г. вдова написала духовное завещание, свидетелями которого были священник церкви Николая Чудотворца, что на Борщовке, Калужского уезда Афанасий Митрофанов, отставной капрал Козьма Григорьевич Анненков и гардемарин Ларион Никифорович Дешковский. Федора Федоровна завещала принадлежавшую ей часть имения в сельце Мстихино с пустошами «в вечное наследственное владение» своему любимому сыну Алексею.[7]

Дворянин Пахом Петрович Белевцов 31 января 1745 г. написал рядную запись в том, что сговорил он сестру свою Наталью Петровну в замужество за прапорщика первого Московского полка Алексея Петровича Чебышева. В приданое за ней он отдал из своего недвижимого имения землю и крестьян в сельце Мстихино, которые принадлежали Наталье по наследству после смерти ее родной тетки, вдовы поручика Семена Петровича Сенявина, Анны Васильевны.[8]

29 апреля 1752 г. Рязанского драгунского полка драгун П.П.Белевцов занял на год у отставного сержанта Ивана Павловича Челищева денег 15 руб. А в тех деньгах до 1 мая 1753 г. он заложил Челищеву своего дворового человека из сельца Мстихино Анисима Яковлева с женой и детьми.[9] П.П.Белевцов 29 апреля 1754 г. продал своей сестре Наталье Петровне, жене А.П.Чебышева, крепостного своего крестьянина из сельца Мстихино Якова Васильева с детьми его Макаром, Анисимом, Никифором и Александром. Чебышев вывез этих крестьян в свою вотчину в сельцо Нетусово Козельского уезда.[10]

Брат Алексея Петрович Сенявина коллежский асессор Федор Петрович 10 февраля 1745 г. продал канцеляристу Калужской таможни Лаврентию Козмичу Лапину принадлежавшую ему крепостную дворовую женку из своей вотчины из сельца Мстихино вдову Федосью Григорьеву за 3 руб.[11] 6 октября того же года священник церкви св. великомученика Никиты, что на Лебедани, Калужского уезда священник Сидор Иванов отпустил дочь бобыля, жившего на церковной земле, девицу Наталью Васильеву замуж за крестьянина дворянина Алексея Петровича Сенявина Фадея Кондратьева в сельцо Мстихино.[12] 10 июля 1746 г. А.П.Сенявин отпустил свою дворовую девку из того же сельца Мстихино Авдотью Ефимову замуж за дворового человека прапорщика Матвея Ивановича Крадыкина Тихона Васильева в сельцо Рыково Воротынского уезда.[13]

Упоминавший коллежский асессор Ф.П.Сенявин 20 февраля 1746 г. продал калужскому купцу и содержателю бумажной фабрики Степану Ивановичу Золотореву свою крепостную крестьянку из сельца Мстихино девицу Наталью Ермолову за 6 руб.[14]

В Калужской провинциальной канцелярии 4 апреля 1751 г. слушали прошение А.П.Сенявина, в котором он писал, что в его вотчине в сельце Мстихино имеется медный куб для курения вина для «домового его расходу», который записан за ним в окладные книги. Помещик сообщал, что в сельце выкурено 10 ведер вина, и просил дать выписку из канцелярии на его перевозку «куда ему надлежит».[15] 29 января 1753 г. Алексей Петрович занял у капитана Герасима Афанасьевича Реткина 100 руб. денег до 1 марта 1754 г. И в тех деньгах он на означенный срок заложил Реткину часть недвижимого своего имения в сельце Мстихино с крепостными крестьянами.[16]

Летом того же 1753 г., 11 июня, коллежский асессор Ф.П.Сенявин продал своей дочери Прасковье, бывшей в это время уже замужем за дворянином Алексеем Максимовичем Тургеневым, своих дворовых людей из сельца Мстихино за 100 руб.[17]

Не все ладно было в семейных отношениях у второй дочери коллежского асессора. Так Федор Петрович 22 августа 1754 г. подал челобитную в Калужскую канцелярию, в которой писал, что его дочь Федосья отдана замуж за дворянина Петра Александровича Матова в сельцо Костенево Воротынского уезда. Сенявин обвинял своего зятя в том, что тот *«сжился блудно с приданою дочери моей девкою Татьяною Алферовою дочерью перед-то беззаконие ежедневно необыкновенными побоями дочь мою и пугает перерезать до смерти».*[18] 19 августа того же года родной брат Петра Матова Михаил прислал своего дворового человека Василия Иванова в сельцо Доропоново Воротынского уезда, вотчину Алексея Максимовича Тургенева, у которого был в гостях его тесть Ф.П.Сенявин. Присланный человек сообщил, чтобы Федор Петрович немедленно ехал в сельцо Костенево, где упоминавшийся зять его Петр Матов грозился зарезать его дочь до смерти.

Недолго думая, Федор Петрович со своим зятем Тургеневым выехали. Не доехав до сельца Костенево, Ф.П. Сенявин увидел в поле бегущую свою дочь Федосью «в одной рубахе в великом страхе». Он посадил ее в свою коляску и привез в свой дом в сельцо Мстихино. В челобитной Сенявин писал, что дочь его от побоев мужа лежит в его доме при смерти. Все ее приданое осталось в доме Петра Матова в сельце Костенево.[19]

22 сентября 1754 г. Федор Петрович Сенявин подал новую челобитную в Калужскую канцелярию, которую слушали там 29 сентября. Сенявин сообщал, что 29 июня текущего 1754 г. он отдал в приданое за своей дочерью Федосьей своему зятю Петру Александровичу Матову в сельцо Костенево крепостную дворовую девицу из сельца Мстихино Татьяну Алферову. 6 сентября П.А. Матов прислал эту дворовую девицу обратно в сельцо Мстихино «незнаемо для чего». Сенявин привез ее в канцелярию и просил допросить, чтобы узнать, за что ее вернули обратно, «не чинила ль она в доме объявленного Матова каких непотребств».[20]

Татьяна Алферова в допросе 19 сентября показала, что она крепостная дворовая девица Ф.П.Сенявина из сельца Мстихино, была отдана в приданое за его дочерью Федосьей помещику П.А.Матову в сельцо Костенево. Через день после праздника Успения Пресвятой Богородицы, 16 августа, П.А.Матов приехал из гостей в полночь и послал ее в особую горницу, где никого не было, за шапкой. Вскоре он сам туда пришел «и ее Татьяну силно растлил». Алферова рассказала также, что Матов неоднократно бил свою жену плетью и по щекам и угрожал зарезать до смерти. Опасаясь этих угроз,

Федосья Петровна бежала к своему деверю Михаилу Александровичу Матову, который «ее в доме своем и хранил». Две недели назад, неизвестно по какой причине, помещик П.А.Матов отослал ее обратно в сельцо Мстихино. Выслушав крепостную, в Калужской канцелярии приказали отдать ее обратно помещику Сенявину в упомянутое сельцо.[21]

Черная полоса неудач преследовала Сенявиных и осенью этого же 1754 г. Крепостной крестьянин Ф.П.Сенявина Борис Парфеньев 18 октября писал в Калужскую провинциальную канцелярию о том, что возле сельца Мстихино дворовые люди его помещика и его племянника подпоручика Ивана Алексеевича Сенявина пасли лошадей. 15 октября указанного года неизвестные люди человек 100 напали на упомянутых сторожей, *«били их смертно и переломали руки и ноги и их ограбили, а вышеписанных лошадей отбили ...»*[22]

4 мая 1755 г. Калужская канцелярия слушала дело о присланном дворовом человеке из вотчины помещика Ивана Алексеевича Сенявина сельца Мстихино Максиме Ермолаеве. Он был привезен с двумя медными кубами. Следствием было установлено, что в вотчине Сенявина производилось незаконное курение вина. Когда следственная команда по доносу приехала в сельцо Мстихино, помещик, увидев ее, приказал один куб с горна сорвать и скинуть. Командой дворовый человек, куривший вино, вместе с кубами был взят и привезен в канцелярию. Было приказано взять с И.А. Сенявина штраф в размере 50 руб., куб для курения вина сломать и отослать для продажи в монетную контору.[23]

Дворовые люди и крепостные крестьяне помещиков Сенявиных периодически совершали побеги от своих господ. Из сельца Мстихино, вотчины премьер-майора И.А.Сенявина, 14 января 1762 г. неизвестно куда бежал крепостной дворовый человек Фрол Миронов.[24] Из того же сельца 22 августа 1771 г. бежал крепостной крестьянин Ф.П.Сенявина Антон Семенов.[25]

В 1763 г. староста сельца Мстихино, вотчины Ф.П. Сенявина, Ермил Нестеров отпустил по поверенному письму своего господина из указанного сельца крестьянскую девицу Авдотью Алферову замуж за крестьянина сельца Горинское Наума Дмитриева, вотчину вдовы Пелагеи Ивановны Волженской.[26]

Иван Алексеевич Сенявин 28 апреля 1765 г. Всемилостивейшее был пожалован в подполковники. Свидетельство об этом за собственноручной подписью императрицы Екатерины II было дано ему в Санкт-Петербурге 28 июля 1786 г. В военной коллегии указ записан под № 70.[27]

13 октября 1770 г. подполковник Иван Алексеевич Сенявин просил Калужскую канцелярию разрешить ему перевести семь своих дворовых людей из сельца Мстихино в сельцо Провоторово Болховского уезда, и исключить их из оклада, чтобы подушные деньги платить за них уже по новому месту их жительства. Такое разрешение канцелярия дала, и Сенявин осуществил задуманное.[28]

В конце 1770-начале 1780-х гг. сельцом Мстихино владели Иван Алексеевич и Федор Петрович Сенявины, а также Афанасий Аврамович Меньшов, Дмитрий Михайлович Шепелев, Осип Петрович Петров и Петр Иванович Унковский. В этом населенном пункте был 21 двор, в которых проживали 46 мужчин и 43 женщины. Земли при сельце было 369 дес. 908 саж. Оно располагалось при копаном пруде и колодезях. В Мстихине было два деревянных господских дома с плодовыми садами при них. Крестьяне были на барщине.[29] Позднее сельцо входило в приход церкви великомученика Никиты села Никитского, что на Лебедани, Калужского уезда.[30]

Петр Никитич Сенявин, внук подполковника Ивана Алексеевича, 13 ноября 1802 г. подал прошение в Калужское дворянское депутатское собрание, присовокупив к нему ряд документов о своих предках. Он просил внести его как владеющего в Калужской губернии недвижимым имением в дворянскую родословную книгу и после внесения выдать грамоту на дворянское достоинство.[31]

По прошению П.Н.Сенявина Калужский уездный предводитель дворянства рапортом от 22 августа 1802 г. за № 152 представил в Калужское дворянское присутствие список о нем. Так недоросль П.Н. Сенявин был 22 лет, холост. Имел по последней ревизии в сельце Мстихине Калужского уезда 46 и в сельце Мякинине Тарусского уезда 58 мужского пола душ.[32]

Просьба П.Н.Сенявина была удовлетворена. 20 января 1803 г. определением Калужского дворянского депутатского собрания он был внесен в VI часть дворянской родословной книги Калужской губернии. В книге упоминаются также его отец Никита Алексеевич и брат Евграф Никитич.[33]

Из проанализированных документов ГАКО, видно, что сельцом Мстихино Сенявины владели с конца XVII до начала XIX века. Эти калужские помещики была в родстве с дворянскими фамилиями — Тургеневыми, Чебышевыми, Матовыми, Износковыми, Белевцовыми. Владели ли Сенявины указанным имением позднее, требует выявления новых документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. Ч. II. № 67.

[2] Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 165. Л. 7—7 об., 8 об.

[3] Там же. Л.. 9 об.

[4] Там же. Л. 9 об. — 10.

[5] Там же. Л. 15.

[6] Там же. Л. 10 об.

[7] Там же. Л. 11—11 об.

[8] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 38. Л. 10.

[9] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 66. Л. 75 об.

[10] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 93. Л. 168 об.

[11] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 38. Л. 15 об.

[12] Там же. Л. 98 об.

[13] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 47. Л. 78.

[14] Там же. Л. 18 об.

[15] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.

[16] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 84. Л. 19.

[17] Там же. Л. 135-135 об.

[18] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 92. Л. 46.

[19] Там же. Л. 46 об.

[20] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 93. Л. 172.

[21] Там же. Л. 172—172 об.

[22] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 92. Л. 71.

[23] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 104. Л. 18, 20 об.

[24] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 195. Л. 5 об.

[25] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 334. Л. 177.

[26] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 204. Л. 43.

[27] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 165. Л. 12.

[28] ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 315. Л. 400.

[29] Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Часть 1. СПб., 1782. С. 20.

[30] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 2082. Л. 424, 431 об.

[31] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.

[32] Там же. Л. 4.

[33] Булычов Н.И. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С. 249.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЕЛА ПОЧЕП ТАРУССКОГО УЕЗДА

В.И.Абакулов, *н.с.,*
Калужский областной краеведческий музей.

Среди многих других сел Тарусского узда заслуживает своего внимания Почеп, один из ныне не сохранившихся населенных пунктов указанного региона, история которого насчитывает не одно столетие.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря ошибочно называет нам дату первого упоминания этого села как 6907(1398) год. В ней написано, что в указанном году *«сентября в 7 день дала вкладу киевская великая княгиня Анастасия Александровна з детьми своими со князем Симеоном Александровичем и со князем Михаилом Александровичем, и с архимандритом печерским Николою, и со всею своею радою село Передоль да Почапь со всеми приселки и с людьми, и с пошлины, и с пашнею, и со всеми угодьи по себе и по своих родителях, а данная писана в вотчинной книге в Малом Ярославце, гл. I».*[1]

Историк С.Б.Веселовский называет дату получения Троицким монастырем двух вышеупомянутых сел — 1459 год. Это было очень крупное владение, лежавшее смежно с уделом Оболенских князей, и троицкие старцы не раз терпели обиды от соседства с Оболенскими князьями, т.к. «пристав к ним в Оболенск государя великого князя не въезжал», т.е. Оболенские князья были неподсудны великому князю и предъявлять к ним иски было возможно только в порядке совместного суда, их самих с боярами великого князя.[2]

В юго-западных от Москвы уездах вотчины Троице-Сергиева монастыря появляются после ликвидации Радонежско-Боровского удела в 1456 г. Главную роль в этом процессе во второй половине XV в. сыграли щедрые княжеские пожалования. В 1458/59 гг. великая киевская княгиня Анастасия (сестра Василия II, выданная замуж за киевского князя Александра-Олелько Владимировича) пожаловала троицкому игумену Вассиану 2 волости — Передол и Почап под Малым Ярославцем.[3] Тянувшие к ним деревни и пустоши располагались по рекам Протве и Диричне. Пограничное положение этих земель (по соседству с Оболенским княжеством и Калужским уездом) привело к тому, что монастырские власти в 1460—1470 гг. давали их в срочные держания «для береженья» различным служилым людям.[4]

Управление малоярославецкими вотчинами осуществляли во второй половине XV века посельский села Передола Есип Мошнин, затем — старец Александр Вавин.[5] «Посельские монахи» назначались для экономического заведования вотчинами. Это были вотчинные экономы; они постоянно разъезжали по вотчинным селам и деревням, берегли житный хлеб, заведовали посевом и сбором с полей хлеба и сена, вели приходно-расходные книги; на их обязанности и ответственности было содержание коней и другого скота, составлявшего собственность монастырей, сбережение церковных строений, смотрение монастырскими рощами.

В конце XV столетия Оболенские князья лишились прав удельных князей, и в 1496 г. троицкие старцы предъявили иск к князю Ивану Константиновичу Оболенскому (Глупому) о пограничном селище Зеленеве. Почапский старец Исайя защищал интересы Троицкого монастыря. Из дела видно, что троицкие власти, обороняясь от Оболенских, прибегали к разным средствам. При игумене Спиридоне (1467—1474 гг.) селище Зеленево 3 года «держал» троицкий слуга Богдан Микулин.[6]

Затем весь Почап держал на неизвестных нам условиях Семен Васильевич Беклемишев. Он упоминается в летописях в 1472 г. как наместник великого князя в Алексине.[7]

После Беклемишева «держал тот Почап Федор Давидович монастырю на соблюденье». Могущественный боярин Федор Давидович Хромого, старший представитель рода Бутурлиных, Жулебиных, Чулковых, Челядниных и др. фамилий, управлялся с князьями Оболенскими без суда, своими средствами. Старожилы показывали на суде 1496 г., что однажды люди князя Оболенского «украдом» покосили селище Зеленево, и *«Федор, господине, Давидович велел сено поимати, а иное, господине, велел сжечи. И после того, господине, то селище Зеленево пахали крестьяне Почапские».* Умер Федор Давидович в 1491 г.[8]

В начале XVI века допускалось посошное обложение малоярославецких монастырских сел данью в пользу малоярославецкого наместника князя Василия Ивановича Шемякина. В жалованной грамоте Василия III от 22 апреля 1516 г. написано: *«...А дань емлет князь Василей на себя с тех сел и з деревень с монастырских з году на год по сохам по тому ж, как яз коли велю взятии дань на себя с своих городов з Боровска и с Можайска, по Кольку с сохи, а опричь дани не емлет с них ничего».*[9]

До конца XVI века увеличения малоярославецких комплексов, поступивших в монастырь в сложившемся виде, практически не произошло. Структура сельского расселения здесь с конца XVI и до середины XVIII в. также оставалось в основном неизменной. Писцовая книга 1594 г. А. Колтовского отметила одного приказчика на оба села, Передол и Почап, — Андрея Синцова. В селах имелась господская запашка: в Почапе 120 четвертей в одном поле, в Передоле — 86 четвертей. Средний крестьянский надел был 4 четверти на двор в одном поле. Важным элементом системы землепользования была «пашня наездом» на пустошах к Почапу 92 четверти.[10]

Приправочная книга того же 1594 г. отмечала село Почап, при нем 8 деревень, 6 пустошей, 5 келий нищих, 90 дворов крестьянских (91 крестьянин), 12 дворов бобыльских (12 бобылей), 15 дворов пустых. Пашни церковной было 20 четвертей, монастырской и крестьянской «середние земли» 135 четвертей, «худые земли» 440 четвертей с полуосьминой.[11]

Сильно пострадало село Почап и окружающие ее земли в Смутное время. Дозор 1614 г. отметил очень сильное запустение во всех троицких вотчинах юго-западных уездов. Дозорная книга Ф. Воронцова-Вельяминова и подьячего Алексея Михайлова буквально пестрит упоминаниями о том, что крестьяне такого-то села *«от литовских и от полских и от крымских людей побиты и позжены, и посечены, и в полон пойманы, а иные бродят меж двор».*[12] По дозору убыло из живущего в пусто 2 деревни, двор монастырский, 84 двора крестьянских, а людей 85 человек, 4 двора бобыльских, а людей в них тож. Пашни лесом поросло 657 чет с полуосьминою.[13]

Исследователем М.С.Черкасовой был сопоставлен пофамильный состав монастырских вотчин в книгах 1594 и 1614 гг. При этом выяснилась практически полная утрата населения 1594 г. к 1614 г. К этому времени крестьянская запашка сохранялась в объеме 1—2% от уровня 1594 г.14

По платежной книге Малоярославецкого уезда 1621 г. село Почеп с деревнями значилось в вотчине Троице-Сергиева монастыря, находилось в волости Уготе Холховского стана указанного уезда. На это время обрабатывалось всего 6 четвертей с полуосьминою земли, с крестьян было взято «денег 11 руб. 28 алтын пол-полчетверти деньги и пол-полденьги».[15]

В середине XVII столетия с пустовой церковной оброчной земли Спасской во Вражках с 10 десятин пашен да с 300 копен сенного покоса, которые находились на оброке у крестьян села Почеп, бралось 3 руб. 10 алтын денег. 3 сентября 1670 г. эта земля была отдана на такой же оброк дьяку Патриаршего казенного приказа Перфилию Семеникову.[16]

Можно предполагать, что храм в Почапе существовал, возможно, с XV столетия. В XVII в. упоминается церковь Николая чудотворца «на Почапу», которая находилась в Малоярославецкой десятине, а в 1728 г. отмечена уже в Оболенской. Дани с нее бралось 1 рубль 7 алтын с деньгою.[17]

В середине XVIII столетия село писалось уже как *Почеп*. В 1764 г. правительством была проведена секуляризация: монастырские земли и крестьяне перешли в казну и стали называться экономическими. Такая участь постигла и владения Троице-Сергиева монастыря в рассматриваемом нами регионе. На начало 1780-х гг. село Почеп

Завалье тож, деревни Азарово, Хозникова, Горяинова, Сороковетова, Полухина и Кобелева принадлежали экономическому ведомству и входили уже в Тарусский уезд. В них было 100 дворов, в них проживали 351 мужчина и 306 женщин. Земли при этих населенных пунктах было 1625 дес. 160 саж. Кроме этого крестьяне села Почепа владели 545 дес. 2270 саж. земли пустошей Люхиной, Жорны, Макрининой, Нелидовой, Ефимовой, Масликовой, Болотовой Заболотье тож, Барановой и Малышевой, располагавшихся по обе стороны речки Каменки.

Село Почеп располагалось на правой стороне Завальевской вершины. Деревянная Николаевская церковь состояла на писцовой церковной земле, принадлежавшей священно и церковнослужителям данного храма. В их владении было под усадьбой 1536 саж., пашни 31 дес. 158 саж., сенных покосов 5 дес. 1260 саж., лесу 2 дес. 1896 саж. Всего 41 дес. 170 саж. земли. Храм располагался внутри дачи села Почепа на правой стороне Попова отвершка.[18]

В январе 1800 г. священник Николаевской церкви Василий Иванов, дьячок Герасим Данилов, пономарь Василий Васильев и прихожане подали прошение на имя епископа Калужского и Боровского Феофилакта с просьбой позволить им купить для своего храма новый колокол весом 25 пудов. Вместо прихожан, неграмотных крестьян, на прошении свою подпись поставил престарелый диакон Борис Иванов. Указом консистории № 157 от 20 января 1800 г. священнику указанной церкви разрешено было сделать покупку нового колокола.[19]

Тот же священник Василий Иванов, дьячок Василий Иванов, пономарь Василий Васильев и церковный староста Николаевской церкви села Почепа Ефим Никонов в феврале 1811 г. просили епископа Калужского и Боровского Евлампия разрешить им обновить иконостас в упоминаемом храме. Иконостас с 1760 г. ни разу не подвергался ремонту и в «некоторых местах обветшал». С дозволения Его Преосвященства их просьба была удовлетворена. Указом консистории № 847 от 20 марта 1811 г. за подписью никитского протоиерея Стефана было разрешено обновить иконостас в храме села Почепа.[20]

На месте деревянной церкви Николая чудотворца в 1825 г. тщанием крестьянина деревни Горяиновой экономического ведомства Евфимия Никонова с помощью прихожан и сбора доброхотного подаяния был сооружен новый каменный храм во имя Тихвинской Божией Матери.[21] Крестьяне села Почепа — прихожане Тихвинской церкви — заботились о своем храме. За поправку наружных стен и кровли на своем приходском храме крестьянам этого села Ивану Филиппову и Ивану Стефанову в 1865 г. было объявлено одобрение епархиального начальства.[22] Церковный староста указанного храма крестьянин Иван Шляпин в 1869 г. пожертвовал на окраску кровли приходской церкви 191 руб., за что ему была объявлена благодарность епархиального начальства.[23]

Тихвинская церковь в Почепе.
Фото автора, 2008 г.

Московский купец Иван Максимович Филиппов в 1869 г. пожертвовал на устройство иконостаса и возобновление икон в церкви села Почепа 1250 руб., за что ему также была объявлена благодарность Калужской духовной консистории.[24] Пожертвования в Тихвинскую церковь происходили и в дальнейшем. Так в 1914 г. было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства с выдачею установленного свидетельства крестьянину деревни Азаровой Семену Никифоровичу Фи-

никову за пожертвование в церковь села Почепа иконы преподобного Сергия стоимостью 300 руб. В том же году была объявлена признательность епархиального начальства наследникам московской купчихи Анны Ивановны Титовой за пожертвование в церковь указанного села священнического и диаконского облачения стоимостью 200 руб.[25]

На 1915 год Тихвинская церковь в селе Почепе была каменной с таковой же колокольней в одной связи, отапливаемой. Храм окружала каменная ограда. В церкви было три престола: во имя Тихвинской Божией Матери, Николая чудотворца и преподобного Сергия. Она находилась в 85 верстах от Калуги и в 25 от Тарусы. На церковной земле располагалась земская мужская школа, в которой на этот год обучалось 42 мальчика. В церковно-приходской школе обучалось 35 девочек. Священником был Иоанн Евфимович Смирнов 40 лет, диаконом Иоанн Федорович Бриллиантов 33 лет, псаломщиком Александр Иосифович Изумрудский 59 лет, церковным старостой с 21 августа 1913 г. был крестьянин деревни Горяиновой Николай Лукич Колпаков.

Приход состоял из следующих селений: село Почеп 4 двора, 9 мужчин, 10 женщин, д. Хозникова 18/71/67, д. Горяиново 53/158/194, д. Сороковетово 20/76/73, д. Полухино 36/105/113, д. Кобелево 55/145/175, д. Азарово 38/105/123 и д. Беляницы 27/69/93.[26]

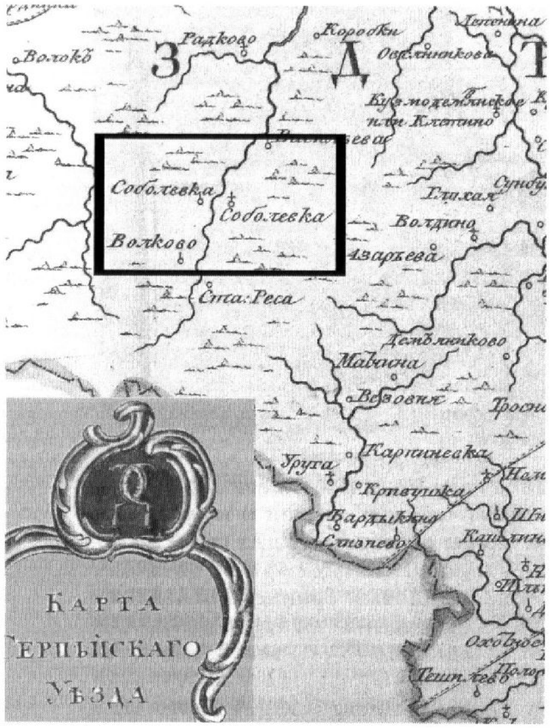
После 1917 г. все изменилось. Церковь была закрыта, жители из этих мест выехали. Ныне нет уже и самого села Почеп и деревень Сороковетово, Полухино, Кобелево, Беляницы. Все дома священно и церковнослужителей ныне полностью разрушены, от них остались лишь груды битого кирпича, поросшие кустами, кое-где можно видеть остатки печей и битые изразцы. От Тихвинской церкви на запад ведет дорога, обсаженная аллеей старых лип, которая направлена в сторону речки Ичи. Возле сильно обветшавшего храма расположено современное кладбище, на котором еще можно видеть ряд старинных надгробий.

Надгробия в Почепе.
Фото автора, 2008 г.

Надгробие из серого гранита в форме параллелепипеда принадлежит вдове крестьянке деревни Полухиной Агриппине Ананьевне Еремеевой (1817—1902), надгробный памятник из серо-розового гранита в форме стелы принадлежит крестьянину деревни Хозниковой Ивану Викторовичу Степанову (1857—1912), надгробие из серого гранита принадлежит крестьянину деревни Полухиной Иакову Назаровичу Васину (1862-1900), известняковое надгробие в форме саркофага принадлежит крестьянину же деревни Сороковеть Якову Фадееву (умер в 189(?) г., 71 года). Кроме этого есть разоренный склеп, обнесенный кованой железной оградой, с двумя поваленными гранитными надгробиями в форме параллелепипедов. Надпись на боку одного из них гласит:

«Рано ты кончил дней своих теченье
Рано въ обитель небесную перешелъ
О милый другъ! растался рано съ нами
Супругу и детей оставил сиротами
Услышь нашъ горькій вопль,
Услышь и пожалей, проснись и посмотри
На плачущихъ своихъ супругу и детей».

На кладбище бывшего села Почеп также есть еще несколько надгробных памятников с плохо читаемыми надписями и известняковые надгробия с высеченными на них крестами без надписей. К сожалению, приходится констатировать, что утрачивается даже то немногое, что сохранилось с дореволюционного времени. Вновь выявленные архивные документы помогут приоткрыть новые страницы несуществующего ныне села Почеп, одного из старейших на территории бывшего Тарусского уезда.

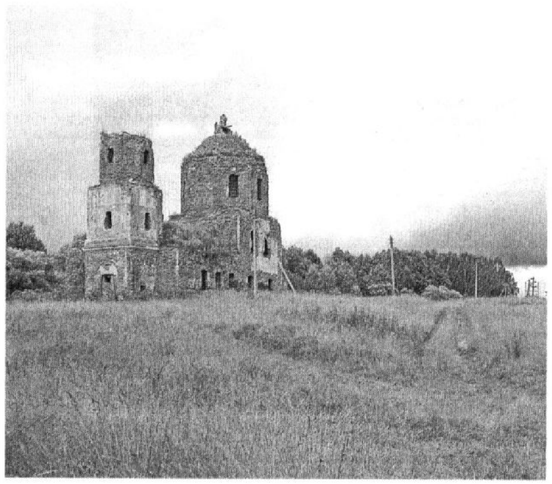


что "к концу XVIII века род Яновых угасает"[13] никак не соответствует сведениям Государственного архива Калужской области. Документы архива свидетельствуют о проживании потомков Яновых на землях в Калужской губернии, которые им были определены еще во время правления царя Михаила Федоровича Романова.

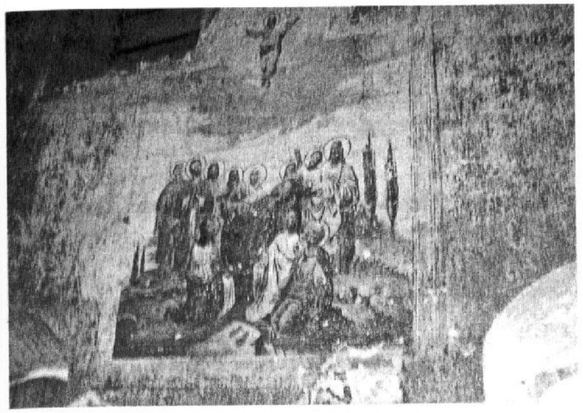
С дворянской фамилией Яновых, которые по неизвестным причинам, как писал историк, генеалог П.Н.Петров (1827—1891), утратили в XVI веке княжеский титул и на уровне Ивана Федоровича и Василия Федоровича Яновы уже писались дворянами,[14] связаны с. Соболевка (ныне Сухиничского района) и с. Хордово (ныне Мещовского района) Калужской области. Потомки патриаршего боярина Василия Федоровича Янова, получив по наследству эти земли, проживали там и в XVIII, и в XIX, и в начале XX столетия.

Можно предположить, что в первой половине XVII века Яновы поселились в сельце Соболевка на реке Рессе Серпейского уезда (позже Мещовского уезда). В документах Государственного архива Калужской области находятся сведения о владении Яновыми землями в Мещовском уезде в середине и второй половине XVII века. По сведениям Л.А. Кавелина (архимандрит Леонид), на другой стороне реки Рессы, напротив поместья Яновых, в 30 верстах от Мещовска первоначально находился Георгиевский монастырь, перенесенный после разорения в Смутное время на место близ города Мещовска. Прежнее его место монастыря стало погостом, числившимся в церковных землях, и уже не принадлежавших указанному монастырю.[15]

Внук Василия Федоровича, Василий Алексеевич (Алешевич) при императоре Петре I был пожалован в прапорщики, а правнук Николай Васильевич, Екатериной II "за оказанную на службе нашей ревности и прилежности" был произведен в премьер-майоры. В 1764 году в селе Хордово "тщанием помещика Николая Васильевича Янова была построена во имя Знамения Пресвятой Богородицы церковь каменная с колокольней. Престолов три: в настоящей во имя Знамения Пресвятыя Богородицы, в трапезной правый во имя Св. Архистратига Михаила, левый во имя Преп. Сергия Радонежского Чуд".[16] Храм Знамения Пресвятой Богородицы был обновлен в 1833 году. Как считает кандидат искусствоведческих наук Екатерина Антоновна Шорбан, сохранившаяся до сего времени церковь села Хордово является редкой находкой для исследователей церковного зодчества. Уцелел целый комплекс настенных росписей, которые можно отнести к монументальной живописи второй половины XIX столетия.[17]



В 1895 году Виталий Павлович Пальмирин "Епископом Александром определен к Знаменской церкви села Хордова Мещовского уезда во диакона 16 августа. Был учителем в Хордовской одноклассной церковно-приходской школе с 29 октября 1900 г.[18]



В 1889 году 30 апреля "Калужские Епархиальные Ведомости" сообщали, что "Преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства: вдове капитан-лейтенанта Ольге Яновой и племяннику ее дворянину Платону Янову за пожертвование в свою приходскую церковь села Дегонки Мосальского уезда вещей на сумму 200 рублей".[19]

Таким образом, представители династии дворян Яновых на протяжении многих столетий служили государству и совершали благие дела во имя Христово.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 66, оп. 1. д. 102, л. 70—74.

[2] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1988. Кн. 1. С. 171.

[3] ГАКО, ф. 66, оп. 1, д. 102, л. 70.

[4] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1988. Кн. 1. С. 171.

[5] Новоселов А.И., Смирных А.И. Туринск. Свердловск, 1990.

[6] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 71.

[7] Там же. С. 72.

[8] Там же. С. 72.

[9] Бушуев А.Е. Надгробия Яновых из некрополя Троице-Сергиева монастыря // Сборник "Сергиево-Посадский музей заповедник". М., 1995. С. 34.

[10] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 73.

[11] Бушуев А.Е. Надгробия Яновых из некрополя Троице-Сергиева монастыря // Сборник "Сергиево-Посадский музей заповедник". М., 1995. С.

[12] Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы. М., 1882. Вып. 2. С. 80—82.

[13] Бушуев А.Е. Надгробия Яновых из некрополя Троице-Сергиева монастыря // Сборник "Сергиево-Посадский музей заповедник". М., 1995. С. 34.

[14] Петров П.Н. История русского дворянства. СПб., 1886.

[15] Кавелин Л.А. (арх. Леонид). Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря. М., 1870. С. 3—5.

[16] ГАКО, ф. 33, оп. 2., д. 2208, л. 614.

[17] Шорбан Е.А Нарышкинское барокко в заброшенных местах Калужской области // Собрание. 2005. № 1. С. 83—87.

[18] ГАКО, ф. 33, оп. 1, д. 2201, л. 64.

[19] Калужские Епархиальные Ведомости, № 7—8, 30 апреля 1899 г. Часть официальная. С. 86.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 162.

[2] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.-Л., 1947. С. 250.

[3] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 1. № 279 // Монастыри в жизни России. Калуга—Боровск, 1997. С. 40.

[4] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 1. № 607, 607 а // Монастыри в жизни России. — Калуга-Боровск, 1997. С. 40; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 271.

[5] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 607, 607 а; Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Выпуск 1. С. 167 // Монастыри в жизни России. Калуга—Боровск, 1997. С. 40.

[6] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.-Л., 1947. С. 251.

[7] Полное собрание русских летописей. Т. VIII. СПб., 1859. С. 174, 167, 176, 179, 180.

[8] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.-Л., 1947. С. 251.

[9] Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 135 // Монастыри в жизни России. Калуга—Боровск, 1997. С. 40.

[10] Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Выпуск 1. С. 162—169.

[11] Выпись с дозорных книг письма и дозору Федора Вельяминова да подъячего Алексея Михайлова 122 году // Родная старина. Малоярославец, 1998. Выпуск II. С. 39.

[12] Там же. С. 39.

[13] Там же. С. 39.

[14] Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в юго-западном Подмосковье в XV-начале XVII в. // Монастыри в жизни России. Калуга—Боровск, 1997. С. 44.

[15] Платежная книга Малоярославецкого уезда 1621 г. // Родная старина. Малоярославец, 1998. Выпуск II. С. 23.

[16] Материалы для истории церквей Калужской епархии. Калужской десятины жилые данные церкви и пустовыя церковныя земли 177 (1669)—1746 г. М., 1903. С. 89.

[17] Малоярославецкой десятины жилыя данныя церкви 7136 (1628)-1746 гг. // Калужская старина. Калуга, 1910. Т. 5. С. 38.

[18] Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Часть 1. С. 74, 96.

[19] Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 1158. Л. 1—1 об.

[20] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1719. Л. 1—2.

[21] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2209. Л. 278.

[22] Калужские епархиальные ведомости (далее КЕВ). 1896, 15 декабря. № 23. Часть офиц. С. 201.

[23] КЕВ. 1869, 31 августа. № 16. Часть офиц. С. 183; КЕВ. 1869, 15 сентября. № 17. Часть офиц. С. 188.

[24] КЕВ. 1869, 15 ноября. № 21. Часть офиц. — С. 216; КЕВ. 1869, 31 декабря. № 24. Часть офиц. С. 234.

[25] Калужский церковно-общественный вестник. 1914, 10 марта. № 8. С. 15.

[26] ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2209. Л. 278–286.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ХРИСТИАНСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ СЕМЕЙСТВА ЯНОВЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Роянова Г.И., *н.с.,*
Абакулов В.И., *н.с.,*
Калужский областной краеведческий музей.

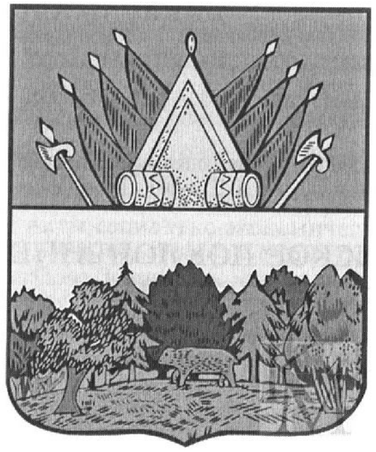
Родословная роспись семьи Яновых уходит своими корнями в далекие времена правления Рюриковичей.[1] Вначале — князья Яновы—Ростовские, затем дворяне Яновы, потерявшие к XVI веку по неизвестной причине княжеский титул, верой и правдой служили русским государям и отечеству, оставляя о себе память в делах мирских и православных. Так, следуя родословной записи, в 1522 году Филипп Кириллович Янов участвовал в "казашном" военном походе. По Царскому Указу два брата Яновых Федор Осипович и Василий Осипович несли государеву службу в Сибири. В 1600 году Тюменскому Голове Федору Янову предписывалось отправиться в Епангиев юрт меж Верхорутья и Тюмени, основать там ям и завести государеву пашню, а для защиты ямщиков и пашенных крестьян построить острог. По всей видимости, после поставления "Туринска" они были отправлены в Тобольск. В марте 1601 года Ф.Янов сообщал, что у него в распоряжении находится 10 тюменских конных казаков "и те стояли все лето на отъезжих сторожах".[2] Эти события вписаны в родословную Яновых, Туринск назван — Туринша.[3]

Важной деятельностью переселенцев из Центральной России было распространение в Сибири христианства. В главной Сибирской летописи, составленной архиепископским дьяконом Саввой Есиповым в 1636 г., многократно повторялось о божественной миссии россиян: "Оттоли же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломски гром огласи, наипаче во многих местах поставивши гради и святыя божия церкви и монастыри создашася".[4] В истории города Туринска известен факт, что после построения острога и ямской слободы, была в 1601 г. (по некоторым данным в 1604 г.) поставлена церковь, при которой в 1624 г. возник мужской монастырь.[5]

Глубоко верующие люди, соблюдая православные традиции, Яновы еще в XVI веке избрали местом своего христианского поклонения и благотворительности Троице-Сергиев монастырь. Крупнейший православный мужской монастырь России был основан в XIV веке (1337 г.) преподобным Сергием Радонежским. В 1422 году в монастыре был заложен Троицкий собор, а в середине XVI столетия выстроен Успенский собор (1559—1585 гг.). С 1688 года — это Патриаршая Ставропигия.

Первое упоминание Яновых во вкладных книгах Троице-Сергиевого монастыря относится к 30 годам XVI века, когда Михаил Яковлев сын Янов на протяжении осени 1534 года делает как денежные вклады 10 рублей (октябрь), 91 золотой (декабрь), так и съестными припасами виде 200 четвертей ржи (октябрь), затем 20 чет. ржи, 10 чет. пшеницы, 20 чет. овса.

По возвращению из сибирского похода, в 1611 году в марте месяце, Федор Осипович Янов "дал вкладу спорок-бархат винидицкой золотной по цене за 50 рублев".[6] Его сын, Василий Федорович, патриарший боярин, в 1641 году "дал вклад в дом живоначальной Троицы за себя и за жену *(Марфу Семеновну. — **Авт.**)* и детей своих перед чудотворцеву Сергиеву раку ломпаду серебряную весом 15 фунтов". По венцу была надпись "Лета 7149 (1641) году при державе государя царя и великого князя Михаила



Туринск, герб.

Троице-Сергиева Лавра.

Федоровича всеа Руси самодержца". Под ней запись о том, что вклад делал Василий Федорович Янов. Заказ текста на лампаде был не случайным. Его отец Федор Осипович в свое время подписал бумагу при выборе на престол Михаила Романова. От него он получил вместе с детьми жалованную грамоту, подтверждавшую дачу каждому недвижимого имущества. За годы своего служения В.Ф.Янов еще не раз делал вклады в Троице-Сергиев монастырь: по случаю рождения и смерти дочери Евдокии (1641), в 1643 — "зделал в церковь живоначальныя Троицы к местным образом под свечи 15 подсвечников медных литых по цене за 200 рублев".[7]

Троицкий собор в Троице-Сергиевой лавре.

В середине XVII века Василий Федорович продолжал делать вклады в Троице-Сергиев монастырь. Так в 1655 году в сентябре месяце он дал в дом живоначальные Троицы "ризы отлас золотной по червчатой земле, оплечье аксамитное шито по черному бархату, около трав низано жемчюгом", "патрахель отлас турской по зеленой земле в травах репья золото и серебро волоченное, 6 крестов низанных жемчюгом, 15 пуговиц серебряных золочены, кисти шелк з золотом" и т.д.[8] Василий Федорович Янов по "сказке" именуется думным дворянином, патриаршим боярином, который стал в конце своей жизни схимонахом Варлаамом (1657). По случаю кончины мужа в 1657 году Марфа Семеновна сделала вклад 100 рублей. Сама она умерла в 1665 году, приняв постриг, почив схимницей Марьей.[9]

На средства Василия Федоровича Янова в селе Хотьково под Троице-Сергиевым монастырем (ныне г. Хотьково) в Покровском монастыре была построена главная шатровая церковь Покрова Пресвятой Богородицы и колокольня. В 1654—1655 годах году он вместе с женой и сыном Иваном Васильевичем на церковное каменное строение Хотьковского монастыря вложил в монастырскую казну 1000 рублей. Он же оплачивал работу мастеровым людям, вкладывал средства на оформление интерьеров храма. Церковь (собор) просуществовала до 1811 года, на ее месте в 1816 году был воздвигнут новый храм.

Продолжил благотворительную деятельность во имя любви к Христу и ближнему своему сын Василия Федоровича — Иван Васильевич. И.В. Янов, государев стольник, в 1655 году "по матери своей иноке схимнице Марье "сделал вклад в виде двух пани-

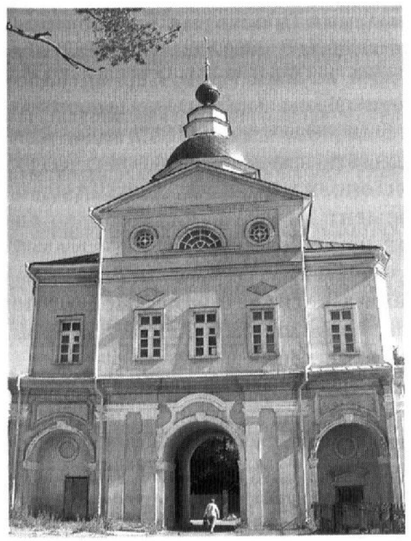
Надгробие стольника Георгия Ивановича Янова. Троице-Сергиев монастырь. 1707 г.

Надгробие стольника Ивана Васильевича Янова. Троице-Сергиев монастырь. 1707 г.

кадил медных «по цене за 100 за 30 рублев". В 1672 году Иван Васильевич "обложил в церкви живоначальной Троицы по правую сторону царских дверей и над гробом великого чудотворца Сергия к местным иконам киоты серебром, оклад гладкий золочен".[10]

Как сообщает в своей статье А.Е.Бушуев "Надгробия Яновых Троице-Сергиева монастыря", в августе 1991 года, при археологических наблюдениях на территории Лавры были обнаружены четыре белокаменные надгробия XVII—XVIII веков. Все четыре надгробия были изготовлены на могилы представителей известного в XVII веке рода Яновых, в том числе и стольника Ивана Васильевича Янова (1681), Георгия Ивановича Янова (1707).[11]

С именем Алексея Ивановича Янова связана история села Крымское дворище (ныне Одинцовского района Московской области), в середине XVII века принадлежавшее боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, который владел селом Григоровским Перемышльского уезда и делал вклады в Перемышльский Свято-Троицкий Лютиков монастырь. Янов получил это село как приданное за дочерью Никиты Федоровича Баркова. Опираясь на "Исторические материалы" Холмогоровых В. и Г., изданные еще в XIX веке, Янов строит в селе деревянную церковь Преображенья Господня.[12] По храму село стало Преображенским. В 1715 году по разделу между сыновьями А.И.Янова Федором и Василием село перешло к Василию, по кончине которого в 1741 году до конца XVIII века им владел его сын Иван Васильевич Янов. Вывод А.Е.Бушуева,



Хотьково.

Крымское дворище.

ПОКОЛЕННЫЕ РОСПИСИ ДВОРЯН КАВЕЛИНЫХ*

М.А.Добычина, *к.и.н. директор,*
Муниципальный архив г. Калуги;

В.А.Иванов, *к.и.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского;

К.А.Столярова, *мл.н.с.,*
Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле».

Род дворян Кавелиных (Ковелиных) принадлежит к числу известных дворянских родов Российской империи. В документах он упоминается с 1620-х гг. Не вызывает, однако, сомнения тот факт, что род этот имеет более древнее происхождение. Многие Кавелины, как записано в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», служили российскому престолу «дворянские службы в разных чинах», что доказывается «выписями с писцовых книг», родословною этого рода и грамотой Калужского дворянского собрания[1]. Среди Кавелиных были военные, чиновники, ученые, общественные деятели, литераторы. Наиболее известными представителями рода являются директор Медицинского департамента и Педагогического института в Петербурге, обер-прокурор 8-го департамента Правительствующего Сената, общественный деятель, член литературного общества «Арзамас», поэт Дмитрий Александрович Кавелин (1778—1851), его сын видный юрист, философ, публицист, один из идеологов российского либерализма, профессор права Московского и Петербургского университетов, Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885), двоюродный брат последнего, богослов, археограф, библиограф переводчик и историк, перу которого принадлежит около трех сот научных работ, Лев Александрович Кавелин (архимандрит Леонид) (1822—1891).

Правильно оценить место и роль родов российского дворянства и их отдельных представителей в общественно-политической, экономической, культурной, военной, духовной жизни страны, на ниве благотворительности в течение нескольких столетий, позволяют родословные или поколенные росписи, дополненные сведениями биографическими характера.

Что касается истории рода дворян Кавелиных, то в нашем распоряжении имеется 4 группы, составленных в разное время, отличающихся по полноте информации поколенных росписей, либо близких к ним по содержанию материалов. Первая, включает родословную Кавелиных хранящуюся в РО Института русской литературы (Пушкинский дом) (ИРЛИ) в Петербурге[2]. Вторая, содержит поколенную роспись, составленную известным генеалогом В.В.Руммелем (1855—1902), опубликованную в 1886 г. совместно с В.В.Голубцовым в 1-м томе «Родословного сборника русских дворянских фамилий»[3]. Третья, заключает материалы о внесении членов рода в дворянскую родословную книгу Калужской губернии, изданную в 1908 г. в Калуге Н.Булычовым[4]. Последняя группа материалов включает родословную рода, составленную современным исследователем Е.П.Гладких[5].

Рассмотрим в общем плане названные группы материалов, обратив внимание в первую очередь на степень полноты заключенной в них генеалогической информации, определив ее источниковую ценность[6].

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, (проект № 12-11-40012а(р).

Сопоставление родословия Кавелиных, отложившегося в РО ИРЛИ и опубликованного В.В.Руммелем, составленных приблизительно в один и тот же период (последняя упоминаемая дата в первой родословной — 1870 г., во-второй — 1885 г.), свидетельствует о почти полном совпадении генеалогических данных. В родословной росписи, хранящейся в РО ИРЛИ значится 10 колен, аккумулирующих 62 имени (сыновей — 40, дочерей — 22). В родословной, построенной В.В.Руммелем, насчитывается 11 колен — 64 имени (соответственно 40 и 24). Выявленные в этих двух родословных различия в сведениях не существенны и касаются следующих основных моментов. Во-первых, в рукописной родословной родоначальником рода Кавелиных являлся не Иван Кавелин как у Руммеля (I колено), а его сын Иван Иванович Кавелин (ум. около 1660), служивший сначала подъячим, а затем дьяком при патриархе Иосифе, приобретший в 1623 г. село Бурнашево в Козельском уезде Калужской губернии[7], которым до этого владела вдова Салагаева Наталия Петровна. Во-вторых, в первой поколенной росписи не упоминаются в VII колене Наталья Адриановна и в VIII колене Софья Дмитриевна Кавелина (род. 1810), дочь обер-прокурора Правительствующего Сената Д.А.Кавелина, состоявшая в браке за генерал-майором А.Д.Корсаковым, включенные Руммелем соответственно в VIII и IX колена родословной росписи. В третьих, в рукописной росписи (IX колено) отсутствует Дмитрий Константинович Кавелин (24.06.1846—11.02.1861), сын профессора Д.А.Кавелина, внесенный Руммелем в X колено родословной под № 40.

Поколенная роспись Руммеля во многих случаях дополняет и уточняет сведения, аккумулируемые первой родословной росписью. Это касается дат, имен, фамилий, должностей, мест и обстоятельств смерти, в ряде случаев приводятся биографические сведения о лицах (К.Д.Кавелин, Л.А.Кавелин (архимандрит Леонид).

Таким образом, сопоставление первой и второй групп материалов неопровержимо свидетельствует, что в основу разработки поколенной росписи рода дворян Кавелиных, Руммелем было положено родословие хранящееся ныне в РО ИРЛИ, дополненное известными ему генеалогическими и биографическими данными.

Сведения, содержащиеся в издании Н.Булычова (имена, отчества и фамилии членов рода преимущественно по мужской линии) позволяют воссоздать часть поколенной росписи дворян Кавелиных, внесенных в родословную книгу Калужской губернии с 13 декабря 1791 г. по 27 августа 1892 г. За этот период в книгу внесено 39 имен (сыновей — 34, дочерей — 5), которые образуют 7 поколений родословной росписи. Из них 32 человека значатся в родословной росписи Руммеля (VI—X колена). Остальные — 7, записанные в дворянскую родословную книгу в 1887 и 1892 гг. — Екатерина, Александр, Лев, Николай и Сергей Михайловичи (племянница и племянники архимандрита Леонида), а также Константин Мелитонович и Лидия Мелитоновна, образующие соответственно X и XI колена родословной рода, в составленную Руммелем роспись, не вошли.

Рассмотрим, что представляет собой последняя, наиболее полная родословная Кавелиных, составленная Е.П.Гладких. В основе ее составления положена поколенная роспись Руммеля, уточненная и дополненная материалами московских (РГАЛИ, ОР РГБ) и петербургских (РГИА, ОР РНБ, РО ИРЛИ) архивов и библиотек, а также публикациями более позднего времени. Генеалогическая информация, заключенная в этой родословной охватывает XIV колен, содержащих 80 имен. Родословная роспись начинается с первого известного представителя рода Ивана Кавелина и заканчивается нашим современником — Александром Дмитриевичем Журавлевым (№ 80), родившимся 19.10.1997 г. Следует обратить внимание, что носители фамилии Кавелиных по мужской линии представлены в 10 коленах в количестве 68 человек (сыновья и дочери). Таким образом, начиная с 11-го колена, родословие ведется по женской линии: с Софьи Дмитриевны Кавелиной (в замужестве Корсаковой), родной старшей сестры Александра Дмитриевича Кавелина, с 1835 по 1852 гг. служившего в Калуге и занимавшегося вопросами благоустройства губернского города и дочери его родного брата философа Константина Дмитриевича Кавелина — Софьи Константиновны Кавелиной (в замужестве Брюлловой). По этим линиям автором выявлено 12 человек.

Как установлено, в родословной Е.П.Гладких также как и в поколенной росписи Руммеля в X колене отсутствуют имена 5 вышеназванных членов рода приведенных в издании Н.Булычова.

На основе проведенных авторами данного сообщения архивных разысканий и рассмотренных выше материалов, заключающих генеалогическую информацию, составлена общая родословная роспись дворян Кавелиных, по мужской линии, насчитывающая 73 человека, хронологически доведенная до 20-х гг. XX в. (последний известный представитель — ученый-орнитолог Е.А.Кавелин, проживавший в родовом имении в с. Юдинки Козельского уезда Калужской губернии). К сказанному добавим, что в процессе розыскной архивной работы над родословной Кавелиных, установлены ранее неизвестные даты рождения 8 представителей рода: Африкана Дмитриевича (16.12.1842—1870)[8], Мелитона Дмитриевича (род. 12.05.1846)[9], Поликсении Дмитриевны (род. 12.01.1845)[10], Екатерины (род. 21.08.1877), Александра (род. 21.03.1879), Льва (род. 13.02.1881), Николая (род. 11.02.1884) и Сергея (род. 20.10.1886) Михайловичей[11].

Подводя некоторый итог вышеизложенному, можно заключить, что дальнейшее изучение родословной дворян Кавелиных предполагает выявление новых — разных по происхождению и назначению как архивных, так и опубликованных материалов, проливающих свет на историю рода (здесь хорошим подспорьем могут стать сведения, приведенные в статье Н.Н.Кашкина) и судьбы носителей этой фамилии в первую очередь конца XIX—XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 6. б. м., б. г. С. 56.

[2] РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 21. Л. 380—394.

[3] Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 337—343.

[4] Булычов Н. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословною книгу по 1-е октября 1908 года и Перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года. Калуга, 1908. С. 212—213.

[5] Гладких Е.П. Род Кавелиных // Из глубины времен. СПб., 1998. №. 10. С. 209—234.

[6] Отдельную группу материалов по истории рода Кавелиных составляет запись, содержащаяся в синодике церкви Чудотворца Николая в селе Бурнашеве Бурнашевской волости Козельского уезда Калужской губернии, сделанная в 1773 г., впервые обнаруженная и описанная историком и генеалогом Н.Н. Кашкиным (см. Кашкин Н.Н. Из козельской старины // Известия Русского Генеалогического Общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 24—30). Запись включает 115 мужских и женских имени, включая младенцев, из которых едва ли не половина упоминается впервые. В связи с тем, что использование данного материала в историко-генеалогических исследованиях невозможно без его соответствующей источниковедческой оценки, что является предметом специального анализа, сообщенные Кашкиным сведения нами не привлекаются.

[7] Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. С. 337.

[8] ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 161. Л. 5—5 об.

[9] Там же. Л. 6—6 об.

[10] Там же. Л. 7—7 об.

[11] Там же. Д. 2247.

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА УЧАСТКА МОСКОВСКО-КИЕВО-ВОРОНЕЖСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МАЛОЯРОСЛАВЦЕ

Е.А.Щебикова, *дир.,*
Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года.

Московско-Киево-Воронежская железная дорога строилась в течение 20 лет с 1893 по 1912 гг. Она прошла по территории нескольких губерний России, в том числе и Калужской, связав центр России с юго-западными районами страны.

Для строительства дороги было учреждено Общество Московско-Киево-Воронежской железной дороги (далее: Общество). Оно отвечало за сооружение и эксплуатацию нескольких рельсовых путей, в том числе от станции Брянск на Сухиничи, Калугу и Малоярославец до Москвы с несколькими соединительными путями.

В 1894 году для выяснения предполагаемой стоимости будущей железной дороги между Брянском и Москвой, Обществом были командированы в Калужскую губернию две группы инженеров. Согласно выданным им документам, уездные власти губернии должны были оказывать им полное содействие. В декабре 1894 года «Калужские губернские ведомости» стали разъяснять населению, что в случае проведения железной дороги значительно сократится путь из Калуги в Москву, упростится доставка товаров в Калугу, и это приведет к их удешевлению[1]. Эти объяснения были вызваны тем, что строительство дороги не могло не затронуть частных владений, вырубки леса и т.д.

Преимущества, которые дало бы проведение ветки железной дороги вблизи населенного пункта, понимали и малоярославецкие власти. Чрезвычайное заседание Уполномоченных города[2] 17 января 1895 года поручило городскому старосте Д.В.Емельянову и директору малоярославецкого Общественного банка Т.В.Черикову обратиться к правительству с просьбой о проведении новой линии железной дороги из Калуги на Москву через Малоярославец, с устройством вокзала для железнодорожной станции на безвозмездно предоставляемой городом земле.

В этом ходатайстве говорилось о значении для города железной дороги: «*...город достопамятен всей России по войне 1812 года и имеет стратегическое значение, памятники войны 1812 года, здоровый воздух, прекрасного качества воду, множество лесов, дешевизну дров, и множество плодовых садов, и весьма красивое местоположение, что составляет удобство для дачных жителей, для фабрик и для расположения войсковых частей. Все сказанное доказывает, что если железная дорога из Калуги в Москву пройдет через город Малоярославец, будет устроен вокзал для станции той дороги, и тогда город должен опять прийти в самое цветущее состояние*»[3].

К обращению присоединились уездный Предводитель дворянства А.И.Храповицкий и малоярославецкая уездная управа. В письме к калужскому губернатору 13 марта 1895 года они обосновывали необходимость проведения линии железной дороги через Малоярославец, описывая торгово-промышленное состояние города.

Подобные ходатайства поступили в Правительство и от других городов губернии — Боровска, Юхнова, Медыни, Жиздры, но получили отказ, так как через них изначально проведение железной дороги не предполагалось.

Обсуждению проекта строительства новой линии железной дороги было посвящено заседание Особой Правительственной Комиссии, на которую министр финансов Российской империи С.Ю.Витте пригласил представителя Малоярославца — Предводителя дворянства А.И.Храповицкого. Результатом совещания Обществу было дано разрешение на строительство линии железной дороги от Брянска на Сухиничи — Калугу через Малоярославец до Москвы. Представленный проект новой железной дороги был рассмотрен на объединенном заседании Комитета министров и Департамента экономики Государственного совета в присутствии императора Николая II, который утвердил его специальным указом.

За дарованную «монаршую милость» — утверждение линии железной дороги через Малоярославец — собрание Уполномоченных города единогласно постановило ежегодно 14 ноября, в день бракосочетания императора, служить молебен «о здравии, благоденствии и долгожитии» императорской семьи. Через калужского губернатора князя Н.Д.Голицына городской староста выразил государю «всеподданнейшие чувства» благодарности от жителей города и поздравил его с рождением княжны Ольги. От вдовствующей императрицы Марии Федоровны город получил в ответ благодарственное письмо.

Тем временем, в ходе изысканий предпринятых Обществом, выяснилось, что по техническим причинам придется обойти Калугу, а, следовательно, и удлинить путь. Калужская городская Дума отреагировала на это следующим образом: она предложила губернатору при строительстве дороги миновать и город Малоярославец, обосновывая это тем, что уездный город с населением 4,5 тыс. жителей, в котором нет промышленности, не может иметь преимущество перед губернским городом с населением в 45 тыс. человек... В связи с этим калужская городская управа возбудила ходатайства в Министерство внутренних дел, Министерство путей сообщения, Министерство финансов о разрешении произвести за счет городского общества дополнительные изыскания, чтобы Калуга не потеряла «всякую надежду на развитие». Правление Общества обещало рассмотреть возможно большее число вариантов обхода неудобной местности, несмотря на крайние трудности и дороговизну проекта. Однако, Инженерный совет Министерства путей сообщения, рассмотрев предложенные варианты, категорично ответил, что вопрос об изменении направления дороги даже не подлежит обсуждению и 15 января 1896 года последовало Высочайшее императорское повеление министру путей сообщения — безотлагательно приступить к строительным работам.

Протяженность линии по Малоярославецкому уезду по проекту составляла 47 верст. На этом участке дороги необходимо было построить разъезд у деревни Семынино Марьинской волости, станцию Суходрев около села Детчино и станцию Малоярославец, в 447 саженях от Московско-Варшавского шоссе, в конце города с южной стороны.

Агенты Общества вели работы по отчуждению частных земель для строительства полотна, в связи с этим они нередко встречали непонимание и препятствия, которые порой были связаны с несвоевременностью доставки распорядительных документов. Так, в июне 1897 года агент по отчуждению имуществ М.М.Полторацкий обратился к малоярославецкому исправнику Печковскому с просьбой описать земли статского советника Г.П.Ермолаева в деревне Таурово Детчинской волости Малоярославецкого уезда, согласно уже готовому плану в двухнедельный срок. Но исправник запросил копию разрешения губернатора на производство описи земли и уведомление о необходимости произведения описи имущества Ермолаева в столь короткое время. После продолжительной переписки разных должностных лиц опись участка земли в размере 1 десятины 1727,5 саженей была, наконец, произведена и отправлена с планом этого участка в Малоярославецкую уездную оценочную комиссию.

После отчуждения земель и заготовки «облицовочного камня», в августе-сентябре 1896 года началось строительство дороги под руководством главного инженера Григоровича, заведующего первым участком инженера Ляпунова и начальника дистанции инженера Редера.

Наиболее трудные земляные работы предстояли на подъеме между деревней Доброй и деревней Князь-Романово, а также при строительстве моста через реку Протву в районе Спас-Загорья, который был закончен только в октябре 1898 года. Мосты строились и на других участках дороги: на реках Суходровке и Песочне. Весьма трудоемкими были и работы по возведению полотна: возводились насыпи, происходила выемка земли, подвозились и укладывались шпалы и рельсы. В некоторых случаях Общество привлекало местное население для транспортировки песка, камней, рельсов[4].

К октябрю 1897 года на всем протяжении железной дороги было закончено «уравнение полотна», во многих местах выложены водосточные трубы, «устроены 2 кессонных устоя». В августе 1898 года было открыто балластное движение поездов от станции Муратовка до деревни Гончаровка Малоярославецкого уезда (в 17 верстах от города), которое к октябрю производилось уже по всей линии железной дороги в пределах Малоярославецкого уезда.

Во время строительства дороги горожане испытывали определенные неудобства. Например, в связи с необходимостью получения разрешения на прогон скота по улицам, где идут работы, агент по отчуждению имуществ присяжный поверенный П.К.Тубенталь разъяснял жителям города: «*...Господин Главный инженер выразил согласие разрешить прогон скота и проезд через полосу отчужденной для водопровода земли, кроме того места, где устроена в настоящее время здание водокачки при реке Луже*»[5].

Параллельно с возведением полотна велось строительство железнодорожных станций. Малоярославецким Общественным городским управлением были подписаны дарственные документы в пользу Общества на 28 десятин 828 кв. сажень земли. Она находилась с левой стороны дороги, идущей от Москвы в Малоярославец «*в границах где пересекается межа городской земли* [Сквера на востоке] *с землею* [...] *деревни Князь-Романовой и частично шоссейной дороги. С юго-запада Серпуховскою дорогою и землями г. Унковского и крестьян деревни Князь-Романовой*»[6]. Эту землю Управление железной дороги, согласно условиям договора не имело права ни продавать, ни закладывать и обязывалось нести все расходы в связи с ее использованием. Предназначалась она для строительства пассажирской станции «Малоярославец» и паровозного депо с поворотным кругом.

Проект «паровозного здания» был утвержден техническим отделом Департамента железных дорог Министерства путей сообщения и включал несколько положений, в т.ч.: глубина заложения фундамента должна быть определена от рода грунта и глубины промерзания; при пересечении дымоотводных труб с деревянным потолком должны быть устроены кирпичные перегородки, а в трубах приспособления против тяги в «сарай» холодного воздуха; должен быть устроен водопровод, сообщающийся с резервуаром; «паровозный сарай» должен быть рассчитан на «10 стойл»[7].

К октябрю 1898 года на станции были закончены работы по строительству и внутренней отделке «*пассажирского здания, 6-ти жилых домов со службами, паровозного здания с мастерскими, пожарного сарая, наружного моста при пассажирском здании, товарной конторы, 2-х погребов для керосина, 4-х сторожевых будок, казарм, водоемного здания при реке Луже*»[8].

При станции были построены трактиры, чайные, торговые лавки, что безусловно требовало усиления полицейского надзора. Штат полиции в конце 1890-х гг. состоял всего из 7 человек. Малоярославецкий исправник просил увеличить штат на три единицы для контроля за соблюдением порядка в новом привокзальном квартале городе. Несмотря на весомые аргументы исправника, который указывал на удаленность квартала от центра города, наличия не только пассажирской, но и товарной станции, большого количество рабочих, занятых на железной дороге, это предложение не нашло отклика у городских властей, так как содержание полицейских ложилось на городской бюджет[9].

В середине 1899 года Правление Московско-Киево-Воронежской железной дороги объявило об окончании строительства участка Брянск—Москва. Для осмотра и приема линии была назначена правительственная комиссия и официально объявлены «тарифные расстояния», названия 30-ти станций открываемой линии, среди которых была станция Малоярославец, в 114 верстах от Москвы.

1 августа 1899 года состоялось торжественное открытие железной дороги. Для Калуги, которую железная дорога обошла на целых 17 верст, это событие не было столь радостным, о чем свидетельствовала, например, фраза из статьи в «Калужских губернских ведомостях»: «*...Этой линии, соединяющей Москву с Киевом прямым рельсовым путем, давно уже ожидали и открытие ее многих конечно порадует...*»[10]. А также высказывания известных калужских историков и краеведов. Так, Д.И.Малинин отмечал: «*...Думается, этим обходом Калуге нанесен жестокий удар, и вряд ли город скоро приобретет какое-либо торгово-промышленное значение*»[11].

Малоярославец же, напротив, с проведением через него линии железной дороги, приобрел значительный потенциал для дальнейшего роста и развития: сократилось время пути до крупных торговых и промышленных центров страны, образовались новые кварталы, увеличилось население и количество рабочих мест, появились новые торговые и промышленные предприятия, было открыто одноклассное железнодорожное училище для подготовки специалистов, обслуживающих железную дорогу[12].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Изыскание линии для прямого железнодорожного сообщения Калуги с Москвой // Калужские губернские ведомости. 1894. № 134 (17 декабря).

[2] Городской орган исполнительной власти.

[3] Государственный архив Калужской области — далее (ГАКО). Ф32. Оп. 4. Д. 214 .Л. 14—14 об.

[4] ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 214. Л. 327.

[5] ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

[6] ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 3 об. Д. Князь-Романово — современное название Коллонтай.

[7] Государственный архив Курской области. Ф. 46. Оп. 31. Д. 415. Л. 53—53 об.

[8] Там же. Л. 341.

[9] ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 214. Л. 314.

[10] По поводу открытия Московско-Брянской железной дороги // Калужские губернские ведомости. 1899. № 92 (26 августа).

[11] Д.И.Малинин. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 2004. С.61.

[12] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 2014. Л. 14.

ПОТОМКИ ДВОРЯН КАШКИНЫХ В XX в.

В.А.Иванов, *к. и. н., доц.,*
Т.О.Лоцман, *ст.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Дворянский род Кашкиных длительностью своего существования, социальной активностью, наличием развитых семейных традиций и родственных связей, участием в важнейших исторических событиях отдельных его представителей, достаточно хорошо известен в России. Со второй половины XV в. носители этой фамилии, верой и правдой служили Отечеству, занимая важные гражданские и военные посты. Их можно увидеть среди окружения Петра I и Екатерины II, среди декабристов и петрашевцев, деятелей русской науки и культуры. Они отличались высоким понятием чести, мужеством, одаренностью, плодовитостью и долголетием. Кашкины были связаны родственными и дружескими отношениями с такими известными дворянскими фамилиями как Муравьевы, Бибиковы, Бутурлины, Нарышкины, Оболенские, Цуриковы, Талиевы, Чистяковы, Былим-Колосовские. Самыми известными представителями рода являются первый пермский и тобольский наместник, ярославский и волынский губернатор, калужский и тульский генерал-губернатор, генерал-аншеф Е.П.Кашкин (1737—1796), член Северного общества декабристов С.Н.Кашкин (1799—1868), его сын калужский земский и судебный деятель, входивший в меньшинство губернского дворянского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, петрашевец Н.С.Кашкин (1829—1914), сын последнего, историк, генеалог, член Русского генеалогического общества, автор двухтомного труда «Родословные разведки» Н.Н.Кашкин (1869—1909).

Изучению дворянского рода Кашкиных XVI—XIX вв. и деяниям носителей этой фамилии посвящена значительная, разнообразная в жанровом отношении (исследования, очерки, воспоминания, заметки и т.д.) литература[1]. Генеалогическая и биографическая информация о членах рода более позднего периода в историко-краеведческой литературе представлена очень слабо.

В данном сообщении авторы ставят перед собой цель — ввести в научный оборот полученные изустно сведения о двух потомках Кашкиных по прямой мужской линии и представителях побочной линии этого рода — Былим-Колосовских[2].

Установлено, что начиная с 1975 г. в подмосковном городе Одинцове проживал с семьей праправнук декабриста Сергея Николаевича Кашкина, полковник юстиции в отставке Юрий Сергеевич Кашкин. Из беседы с Юрием Сергеевичем выяснилось, что он родился 10 февраля 1926 г. в г. Лихвине Калужской губернии (ныне г. Чекалин Тульской области). Его назвали Юрием в честь одного из предков. Отец Юрия — Сергей Александрович (1898—1941), с 1921 г. на протяжении многих лет занимал руководящие должности в советских учреждениях: работал председателем райпотребсоюза, директором ватной фабрики, налоговым инспектором. В 1932 г. его перевели на работу в Москву.

В феврале 1941 г. семью Кашкиных постигло большое горе: от воспаления легких умер отец, который был стержнем семьи — кормильцем, воспитателем, добрым другом и наставником. После смерти С.А.Кашкина его сыновья Игорь, Юрий и младшая сестра Маргарита остались на попечении мамы. Чтобы помочь семье Юрий решил сократить срок обучения в школе: весной 1941 г. он, окончив 7-й класс, сдал экстерном экзамены за 8-й класс и поступил в электромеханический техникум. Но началась

война, и осенью 1941 г. занятия были прекращены. Вместе с другими студентами Юрий выезжал под г. Подольск на рытье противотанковых окопов. В октябре 1941 г. семью Кашкиных эвакуировали из Москвы в Узбекистан. Осенью 1943 г. Юрия призвали в ряды Красной Армии. Призывной пункт находился в г. Андижане. Новых призывников направили в 20-ю снайперскую школу, которая располагалась в 60-ти км. от г. Кушка. По окончании обучения в снайперской школе Юрий был направлен в феврале 1944 г. в военное училище в г. Фрунзе, а 12 января 1945 г. новоиспеченный артиллерист прибыл в расположение 3-й ударной Армии 1-го Белорусского фронта близ г. Варшавы. Его назначили командиром минометного взвода, которым он командовал до августа 1945 г. Девятнадцатилетний Ю.С.Кашкин участвовал в Берлинской операции. (В числе 12 офицеров был прикомандирован в 171-ую стрелковую дивизию, которая вела тяжелые бои на подступах к Рейхстагу). Он являлся свидетелем водружения над зданием Рейхстага утром 1 мая 1945 г. красного знамени Победы.

После окончания войны, до декабря 1946 г., Юрий Сергеевич служил в Германии, командовал минометной ротой и ротой автоматчиков в звании старшего лейтенанта. В январе 1947 г. он был переведен в Приволжский военный округ в п. Шиханы Саратовской области.

6 июля 1947 г. Юрий Сергеевич женился на своей однокласснице — Юлии Комаровой, которая стала его верным другом и помощником во всех начинаниях. В 1948 г. он поступил учиться на заочное отделение Военной юридической академии в Москве, которую закончил с отличием и получил звание майора юстиции. Юрий Сергеевич прошел путь от курсанта военного училища до полковника юстиции. География его службы широка: Германия, Венгрия. Украина, Саратовская область, Дальневосточный военный округ, где он состоял в должности заместителя военного прокурора в г. Хабаровске.

В 1975 г. семья Кашкиных переехала в г. Одинцово Московской области. Юрий Сергеевич, уже будучи на пенсии, продолжал работать в НИИ «Ромб» старшим юрисконсультом, в Международном бизнесцентре, вел учебный курс «Государство и право» в школе-лицее № 81 города Москвы.

Сын Юрия Сергеевича Кашкина — Сергей Юрьевич — родился 14 июля 1949 г. в Москве. В 1966 г. он окончил среднюю школу № 56 в г. Хабаровске, а в 1970 г. — факультет иностранных языков Хабаровского государственного пединститута, затем продолжил обучение на факультетах Университета марксизма-ленинизма при Хабаровском горкоме КПСС (международных отношений, журналистики, философии). В 1970—1971 гг. — служил в рядах Советской армии в качестве военного переводчика. В 1976 г. он с отличием окончил Всесоюзный юридический заочный институт — ВЮЗИ (ныне МПОА). С 1976 по 1979 г. учился в аспирантуре на кафедре международного права. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертации на тему: «Эволюция права свобод граждан в конституции Индийской республики». С 1980 г. С.Ю.Кашкин работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры международного права в ВЮЗИ, заместителем декана заочного факультета, проректором МПОА (с 1992 по 2003 г.) по международным связям. В 1994 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Эволюция конституции Индийской Республики». С 1995 г. — профессор, с 1997 г. заведующий кафедрой права Европейского Союза. Он проходил стажировку в США, Голландии, Бельгии, Венгрии. Выступал на научных конференциях с лекциями (помимо выше названных стран), во Франции, Германии, Индии, Китае, Великобритании. Был секретарем Советско-индийской специальной юридической комиссии, членом правления юридических программ фонда Сороса, экспертом ряда фондов, программы «ТАСИС» и т.д. Руководил рядом научных и образовательных проектов, был генеральным директором Американского правового центра в Москве, исполнительным директором Международного центра партнерства и развития Россия — Европейский Союз». Сергей Юрьевич является членом редколлегий журналов: «Адвокат», «Сравнительное правоведение», «Экономика и право». Он автор свыше 150 публикаций, в том числе, монографий, статей, юридических словарей. Он один из авторов конституции Евросоюза. Жена Сергея Юрьевича (с 1983 г.) Алла Геннадьевна Бровина, по образованию юрист, работала в аппарате Верховного Совета СССР. В 1984 г. у них родился сын Юрий.

Побочная ветвь дворян Кашкиных в XX в. представлена внуками петрашевца Н.С.Кашкина, младшая дочь которого от второго брака Ольга Николаевна в августе 1901 г. вышла замуж за помещика Тарусского уезда Калужской губернии Евгения Дмитриевича Былим-Колосовского — сына капитан- лейтенанта флота Д.В.Былим-Колосовского (1817—1868) и представительнице старинного калужского купеческого рода Билибиных, М.А.Билибиной (1832—1890).

У О.Н.Кашкиной и Е.Д.Былим-Колосовского было 5 детей: Николай (1910—1921), Татьяна (род. 1904), Олег (род. 1905), Мстислав (род.1908) и Георгий (1910—1981).

Семья Е.Д.Былим-Колосовского до 1918 г. проживала либо в г. Кисловодске, где была приобретена земля, либо в с. Кольцово и Богимо, или у Н.С.Кашкина в г. Калуге. После национализации в 1918 г. имения в с. Богимово Былим-Колосовские ютились под г. Алексином на бывших дачах Ковригина.

С 1919 г. Евгений Дмитриевич работал в крупном садоводческом хозяйстве Богучарово. В 1920 г. после смерти Ольги Николаевны (похоронена в г. Алексине) он переехал под Тулу на пчелопасеку, принадлежавшую военному ведомству. Мстислав и Георгий учились в Туле в интернате, а Олег и Татьяна уже работали. Затем Е.Д.Былим-Колосовский работал в Кисловодске технологом у сыроделов братьев Бландовых, имевших в окрестностях курорта на горных лугах 12 собственных сыроделательных предприятий. С 1925 г. Е.Д.Былим-Колосовский работал в г. Гудауте, где развел персиковый сад и до конца своих дней занимался садоводством в совхозе «Персиковый сад». Незадолго до смерти, вспоминая революционные годы, Евгений Дмитриевич рассказал своим детям о том, что знакомые соседи уговаривали его покинуть Россию. Но он решительно отказался, заявив, что он русский человек и разделит судьбу Родины, какой бы она не была. Умер Е.Д.Былим-Колосовский в 1935 г. в г. Гудауте.

Старший сын Е.Д.Былим-Колосовского Олег стал авиационным конструктором, средний Мстислав — архитектором (автор проектов реконструкции ряда городов Российской Федерации: Кирова, Тюмени, Чебоксар и др.), младший — Георгий — инженером-геодезистом.

В настоящее время продолжателем дворянского рода Былим-Колосовского является внук Евгения Дмитриевича и Ольги Николаевны (урожд. Кашкиной), Андрей Георгиевич Колосовский, по профессии инженер, живо интересующийся историей своей семьи. По матери он правнук петрашевца Николая Сергеевича Кашкина и праправнук декабриста Сергея Николаевича Кашкина.

Таковы лишь некоторые, полученные изустно сведения о потомках известного рода дворян Кашкиных, живших в XX в. и наших современниках, проливающие определенный свет на их неизвестные судьбы и биографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Кашкин Н.Н. Архив Кашкиных и прежних владельцев села Нижние Прыски. СПб., 1900; Кашкин Н.Н. Родословные разведки / Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т. I—II. СПб., 1912—1913; Панкратов А.С. Последний петрашевец // Исторический вестник. 1914. № 8; Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984; Петров П.Н. Евгений Петрович Кашкин, один из сподвижников Екатерины II // Русская старина. 1882. № 7; Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2001; Шангин В.В. Калужский наместник Е.П.Кашкин // Памятная книжка Калужской губернии на 1905 год. Калуга, 1904; Шилов А.В. Евгений Петрович Кашкин // Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997.

[2] В основу данного сообщения положены сведения, полученные в результате личных бесед Т.О.Лоцман с Ю.С.Кашкиным (2006 г.) и А.Г.Колосовским (2008 г.).

КАЛУЖСКИЕ КУПЦЫ — ГОРОДСКИЕ ГЛАВЫ КИЕВА. П.М.ДЕХТЕРЁВ, П.П.ЕЛИСЕЕВ, С.Н.ЛЫЧКОВ

Н.И.Кожевникова,

Союз краеведов России, г. Калуга.

Городской голова — выборная должность, глава городского общественного самоуправления. Первым, вторым и пятым городскими головами Киева были «купцы из Калуги» — Парфёнтий Михайлович Дехтерёв, Павел Петрович Елисеев и Семён Никифорович Лычков[1].

Киевский городской голова был впервые избран в 1835 году. Случилось это после того, как изменилась система управления — было отменено Магдебургское право, которое устанавливало порядок выборов и функции органов городского самоуправления, суда, регулировало вопросы торговли, наследства, определяло меру наказания за преступления. (В Киеве Магдебургское право сохранялось до 1835 года, пока Николай I своим указом от 1831 года не упразднил его)[2].

П.М.Дехтерёв, П.П.Елисеев — потомки калужских купцов, торговцев железными товарами. Купцы Лычковы торговали разными товарами[3].

Купцы Дегтяревы /**Дехтерёвы**, *русск.*/ начали осваивать Киев в начале XIX века, развернув скобяное дело на Подоле, в районе улицы Ильинской, где и жили. *«Новое место жительства было «расположено» к Дегтяревым — дела шли хорошо, а отцу семейства верили на слово: «Парфёний сказал — железно исполнит»*[4].

Цель данного исследования: на основе документов Государственного архива Калужской области выявить генеалогические сведения о калужских купцах, городских главах Киева — П.М.Дехтерёве, П.П.Елисееве, С.Н.Лычкове; информацию о деятельности их в Калуге и Киеве. Данная тема меня заинтересовала, так как я занимаюсь исследованиями по теме «Городские головы г. Калуги»[5].

«Яркую страницу в историю города Киева вписала династия купцов—старообрядцев Дегтяревых, основателем которой был калужский уроженец Никита Афанасьевич Дехтерёв. Первым киевским городским головой был старообрядец Парфёнтий Михайлович Дехтерёв, а из объявленных на 1849 год десяти капиталов по 1-й гильдии пять принадлежало старообрядцам — Тимофею Дехтерёву, Родиону Дехтерёву, Екатерине Дехтерёвой...»[6].

ДЕХТЕРЁВ Никита Афанасьевич (1731—01.1809), сын Афанасия Антипьевича, 2-й гильдии калужский купец. Отпет в Знаменской церкви.

Жена 1. N. Дети: Иван Никитич Дехтерёв (1762—6.06.1825) /жена — Мария Авраамовна Мамотова/.

Жена 2 — Ирина Петровна (N.) (1740—1787)[7]. Дети: Семён Никитич Дехтерёв (1764—?) /жена — Матрона Степановна Кадмина (1768—?)/. Михаил Никитич Дехтерёв (1768—?), ратман Калужского городового магистрата (1814) /жена — Анна Алексеевна Скворцова (1769—11.01.1837, отпета в калужской церкви Покрова на рву). Дети: Ирина (1793—?), Анна Долгова (1807—?) /венчание — 2.05.1824г. в Казанской церкви; муж — Алексей Семёнович Долгов (1802—?), сын Семёна Алексеевича (1780—22.08.1826), купца, торговца железными товарами (1819-1824гг.) и Натальи (N.)/. Парфентий (1796—?), Тимофей (1798—?)/. Пётр Никитич Дехтерёв (1774—?) /жена — Прасковья Ивановна Торубаева (?—?), дочь Ивана Акимовича/. Проживали в Воробьёвской слободе в 1816 году[8]. Василиса Никитична (Дехтерёва) (1772—?) /муж — Яков Макаров, купец)/.

ДЕГТЯРЕВ *(укр.)* / **ДЕХТЕРЁВ** *(русск.)* **Парфентий Михайлович** (1796, Калуга—14.03.1837, Киев). «Первый городской голова г. Киева (19.03.1835-1837). Скончался 14 марта 1837 года на 41-м году жизни. В честь его сына, Михаила, известного своей благотворительной деятельностью, названа Дегтярёвская улица». «Потомственный почётный гражданин, 1-й гильдии киевский купец».

Сохранился дом П.М. Дегтярева в Киеве — улица Сагайдачного, № 16[9].

Жена П.М.Дехтерёва — Екатерина Павловна (урождённая Губкина) (1804—?). Повенчаны — 24.10.1820г. в калужской церкви Покрова на рву. Поручителями были: купец Михаил Никитич Дехтерёв, купеческий сын Андрей Степанович Свечников, мещанин Алексей Михайлович Сысоев; купец Трясоголовов, купец Александр Иванович Губкин и мещанин Михаил Иванович Губкин.

Родители Е.П.Дехтерёвой (Губкиной) — Губкин Павел Иванович (3.01.1779—20.01.1813) и Прасковья Степановна (Трясоголова) (1787—1.03.1855). Повенчаны — 2.02.1804 г. в церкви Иоанна Предтечи.

Род Губкиных — старинный калужский купеческий род. Иван Григорьевич Меньшой Губкин (21.05.1749—1798), дед Екатерины Павловны, избирался бургомистром г. Калуги. Он оставил потомкам рукопись с бесценными воспоминаниями из глубины XVIII века. Женой И.Г. Меньшого Губкина была Пелагея Петровна Сапожникова (1750—9.01.1813), дочь Петра Никоновича. Братья и сёстры П.И.Губкина: Анна Ивановна Угрюмова (Губкина) (1776—25.06.1826) /муж — Савва Васильевич Угрюмов (1768—?), купец/, Николай Иванович Губкин (29.08.1777—23.11.1847) /жена — Пелагея Ивановна Мешкова (?—после 1809), дочь Мешковых Ивана Ивановича и Анны Антоновны (Макаровой) (1753—?)/, Александр Иванович Губкин (1781—17.04.1843), гласный Калужской Думы (1824) /жена — Татьяна Петровна Прянишникова (1793—5.12.1844), дочь Петра Илларионовича/, Аполлинария Ивановна Фалеева (Губкина) (30.12.1783—16.08.1827) /муж — Степан Фёдорович Фалеев (1758—11.01.1816), 1-й гильдии купец, депутат от купечества Калужского комитета по пожертвованиям 1812 года.

Братья и сёстры Е.П.Дехтерёвой (Губкиной): Александр (16.12.1804—ум. в мл.). Иван (1810—10.01.1813). Мария (1807—?) — была замужем за Александром Ивановичем Котельниковым, сыном Ивана Ивановича, кяхтинского 1 гильдии купца /повенчаны 1.10.1826г. в Одигитриевской церкви. Поручителями были: купеческие дети Пётр Иванович Черников и Яков Иванович Котельников, кяхтинский купец 1 гильдии Иван Иванович Котельников, купеческая вдова Прасковья Губкина, купеческие дети: Семён Трясоголовов и Парфёний Михайлович Дехтерёв/. Наталья (1812—3.07.1855) — была замужем за купцом Никитой Алексеевичем Калашниковым (1800—6.05.1852, отпет в Александро-Невской церкви в Хлюстинских заведениях) /повенчаны 22.05.1832г. в Благовещенской церкви. Поручителями были: купцы — Артемий Григорьевич Макаров, Пётр Алексеевич Калашников, Александр Иванович Губкин, Венедикт Евдокимович Петров/.

Братья и сёстры П.С.Губкиной (Трясоголововой): Аксинья) (1784—?) — была замужем за купцом Иваном Максимовичем Волостновым. Семён (1785—?) — был женат на Авдотье (1792—?). Николай (25.03.1816—31.08.1828). Мария (1.12.1825—?) /восприемники в Богоявленской церкви: купец Александр Степанович Фалеев и купеческая жена Анна Степановна Мешкова/. Пелагея (?—?) — была замужем за Михаилом Ивановичем Плотниковым (1789—8.12.1869); повенчаны — 25.04.1828г. в Успенской церкви/. Иван (1790—до 1845) — был женат на Наталье Максимовне Ковригиной (1797—?).

В ближайшее окружение П.М.Дехтерёва входили также Василий Романович Расторгуев (1793—?) и его жена Анна Степановна (Свечникова), купец Андрей Степанович Свечников /Парфёний Михайлович был восприемником в Косьмодемьянской церкви при крещении его детей — Павла (19.06.1822—?) и Андрея (15.11.1823—?)/.

Дети П.М. и Е.П. Дехтерёвых: Олимпиада (23.06.1822—?). Серафима (22.06.1824 — ?). Феодосия (10.02.1826—2.08.1826) /восприемники в церкви Покрова на рву: купеческий сын Николай Андреевич Свечников, сын Андрея Степановича, и купеческая дочь Мария Павловна Губкина/. Николай (7.05.1827—?) /восприемники: купеческий сын Н.А. Свечников и купеческая дочь Наталья Павловна Губкина/. Варвара (13.12.1829) / восприемники: купец Алексей Семёнович Богонов /Н.К. — Долгов/ и купеческая дочь Н.П. Губкина/. Михаил (26.08.1831—21.12.1898, Киев).

«Михаил Парфентьевич Дегтярев... рос смышленым ребёнком. Свой интерес к работе проявил, будучи еще юношей: наравне со старшим братом вёл торговые дела. Михаил имел страсть к наукам, но после смерти отца так и не смог получить серьезного образования — надо было ... продолжать начатое /отцом/ дело, ...торговать скобяными товарами»[10].

ДЕГТЯРЕВ Михаил Парфёнтьевич (26.08.1831—21.12.1898, Киев) — потомственный почётный гражданин, меценат, благотворитель, русский I-й гильдии купец-старообрядец, проводивший обширное строительство в Киеве. М.П. Дегтярев — сын первого городского головы Киева П.М.Дехтерёва. Он — потомок бургомистра г. Калуги Ивана Григорьевича Меньшого Губкина (21.05.1749—1798), купца 2-й гильдии и торговца хлебом, ратмана городового магистрата в Калуге Степана Степановича Трясоголовова (1752—27.01.1828); купца 2-й гильдии Степана Фёдоровича Трясоголовова (1721—?), дети которого — Владимир, Степан, Прокофий, пожертвовали 5 тысяч рублей на нужды народного ополчения Отечественной войны 1812 года[11]. Предки М.П.Дегтярева были известны в Калуге своей торговой и общественной деятельностью, благотворительностью. Принимал участие в строительстве первого Цепного моста в Киеве через Днепр. Пожертвовал 40 тысяч рублей на больницу для чернорабочих. Пожертвовал 30 тысяч рублей на стипендии для студентов Политехнического института. Спонсор первого городского трамвая (на паровом двигателе).

М.П.Дегтярев проживал в доме № 5 по улице Покровской на Подоле. Он здесь впоследствии устроил дом престарелых. Ныне это здание — резиденция США. Здание строилось в 1808 г. для киевского ювелира Самсона Стрельбицкого. В соседнем доме №1/1 Дегтярев с женой основали благотворительное заведение для матерей-одиночек[12].

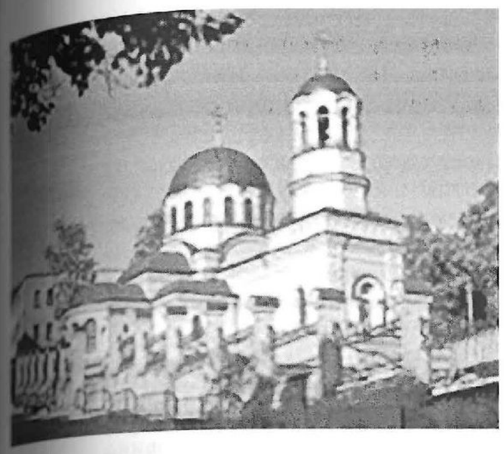
В честь М.П. Дегтярева названа Дегтярёвская улица в г. Киеве. *«В 1908—1939 годах и с 1992 года имеет современное название — от фамилии киевского купца М.П.Де́гтярева, на средства которого в начале XX столетия поблизости от Лукьяновской площади была построена Дегтярёвская богадельня»*[13].

Женой М.П.Дехтерёва была Елизавета Ивановна (Баташова) (?—после 1898).

Из-за отсутствия детей Михаил Парфентьевич Дегтярев все свои сбережения завещал городу Киеву.

Из завещания М.П.Дегтярёва: *«Желаю и прошу, чтобы после моей смерти были устроены богадельня и детский приют для детей старшего возраста до 13 лет обоего пола, православного исповедания, не имеющих ни собственных средств, ни родственников, могущих оказывать им помощь. Приют желаю устроить на 60 детей обоего пола, без различия званий, круглых сирот, полусирот и таких, родители коих не имеют средств для воспитания и обучения... Сверх указанного желаю, чтобы был устроен приют на 100 детей возраста до 6 лет, бесприютных младенцев, также вообще бедных».*

«В 1900 году, уже после смерти М.Дегтярева, его жена Е.Дегтярева приступила к строительству богадельни на Древлянской площади. Кроме жилых корпусов здесь была



построена больница, часовня, административные службы, бани, конюшни, амбары, другие хозяйственные постройки. За первые 10 лет существования богадельни на её содержание благотворительница истратила около 1,2 млн. руб. В общей сложности семейство М.П.Дегтярева передало Киеву около 2 млн. руб. деньгами и ценными бумагами и на 2,5 млн. руб. недвижимого имущества»[14].

Останки супругов Дегтяревых покоятся в главном больничном храме украинской столицы святителя Михаила первого митрополита Киевского, основанном М.П.Дегтяревым[15].

ДЕХТЕРЁВ Тимофей Михайлович (1798—?), брат П.М. Дехтерёва, потомственный почётный гражданин, 1-й гильдии киевский купец.

Женой Т.М. Дехтерева была Пелагея Фаддеевна (Лычкова) (1800—14.09.1845, от чахотки; отпета в калужской церкви Покрова на рву).

Дети Т.М. и П.Ф. Дехтерёвых: Фелицата (1822—6.11.1845, от чахотки). Ф.Т.Дехтерёва, дочь «киевского» купца, вместе с Иваном Георгиевичем Крыловым, провиантской комиссии станционным смотрителем, была воспримницей в Спасослободской церкви при крещении Елизаветы (4.03.1842—?), дочери Петра Максимовича и Ольги Никитичны Волостновых. Пафнутий (10.06.1826—1.07.1826). Николай (24.10.1829—?) / восприемники в церкви Покрова на рву: купеческие дети Иринарх Фаддеевич и Анастасия Фаддеевна Лычковы/. Иринарх (16.09.1830—?) /восприемники: купец Григорий Иванович Дехтерёв и девица Анастасия Фаддеевна Лычкова/. Купец Т.М. Дехтерёв и купца Ивана Петровича жена Александра Семёновна были восприемниками в Казанской церкви при крещении Елизаветы (22.08.1827—?), дочери купеческого сына Алексея Семёновича Долгова.

«Дети Тимофея и Парфёния /Михайловичей/ *Дехтерёвых и в настоящее время* /1892 г./ *киевские домовладельцы, и ведут обширную торговлю железом. От Николая Тимофеевича Дехтерёва получены нами печатаемые акты; им же сообщены и ещё некоторые дополнительные о Дехтерёвых сведения»*[16].

ДЕХТЕРЁВ Родион Петрович (1803—?), сын калужского купца Петра Никитича Дехтерёва (1775—?), потомственный почётный гражданин, 1-й гильдии киевский купец. Старообрядец. Благотворитель. Владел городской усадьбой на Ильинской улице в Киеве (1831). Его отец П.Н.Дехтерёв устроил в 1835 году первый в Киеве завод медных, железных и чугунных изделий /на Кирилловской улице/. На его чугунно-литейном заводе работало свыше 320 рабочих. ... Родионовский завод поставлял оборудование для сахарной и винокурной промышленности всей Правобережной Украины. Родион Петрович Дехтерёв единолично владел заводом с 1853 до 1864 года[17].

Женой Р.П.Дехтерёва была Евдокия Даниловна (Квасникова) (?—?), дочь купца. Повенчаны 11.01.1825г. в калужской Сошественской единоверческой церкви.

Сестра старшая — Анна Петровна (Дехтерёва) (1799—до 1824) /крещена в церкви Покрова Богородицы в Кожевниках/. Купец Р.П.Дехтерёв и купеческая девица Пелагея Васильевна Золотарёва, дочь Василия Степановича, были восприемниками в Благовещенской церкви при крещении Александра (24.04.1816—?), сына купца Василия Васильевича Золотарёва.

ЕЛИСЕЕВ Павел Петрович (1798—?), 2-й гильдии купец, потомственный почётный гражданин (1837). Второй городской голова г. Киева (1837-1838). На выборах 1835 года занял второе место, заступил на пост после смерти П.М.Де́гтярева. Как и его предшественник, был купцом из Калуги. В 1820-х годах основал в Киеве торговлю железом из Сибири.

Родители П.П. Елисеева: Елисеевы Пётр Алексеевич (1762—29.05.1831) и Акилина Васильевна (Носова) (1763—до 1827). Пётр Алексеевич Елисеев, 2-й гильдии купец,

избирался гласным Калужской городской Думы (1812); был отправлен в Главную Квартиру к Фельдмаршалу Кутузову в Тарутино в конце сентября 1812 года гражданами Калуги, вместе с гласным Алексеем Васильевичем Лебедевым. Проживал с семьей в Благовещенской слободе (1816). Вместе с женой и шестью сыновьями торговал железом (1819-1824гг.). Избирался Городским головой г. Калуги (с 16 по 26.05.1831). Отпет в церкви Иоанна Предтечи.

Братья и сёстры П.П.Елисеева, потомственные почётные граждане г. Калуги (1837): Алексей Петрович Елисеев (1785—?) /жена — Мария Ивановна Зотова (около1790—26.07.1867), дочь Ивана Пантелеевича. Исповедана священником Сошественской единоверческой церкви. Отпета в Николослободской церкви/. Иван Петрович Елисеев (1793—18.07.1881, отпет в Мироносицкой церкви) /жена — Ольга Михайловна Макарова (1797—19.04.1856, отпета в церкви Иоанна Предтечи)/.

Мария Петровна Елисеева (1794—19.02.1890, отпета в Мироносицкой церкви). Поликарп Петрович Елисеев (1796—?). Александр Петрович Елисеев (1801—?). Семён Петрович Елисеев (1805—16.03.1855, отпет в Мироносицкой церкви) /жена — Мария Митрофановна (Кожевникова) (1815—?), дочь 1-й гильдии купца Митрофана Тихоновича /повенчаны 28.01.1837г. в церкви Иоанна Предтечи/.

Дед и бабушка П.П. Елисеева: Алексей Мартинович (1715—1789) и Фёкла Афанасьевна (Карасёва) (1723—после 1795) — проживали в Воробьевской слободе (1795). Их дети: Василий (1755—1792) — был женат на Ульяне Тихоновне Носовой, Фёдор (?—1776), Пётр (1762—29.05.1831), Анна (?—?) — была замужем за купцом Иваном Яковлевичем Усовым.

Прадед и прабабушка П.П.Елисеева: Мартин Саввич Елисеев (?—?) и Наталья Ивановна (1748—25.04.1813). Фаддей Мартинович Елисеев (1719—?) был женат на Феодоре Афанасьевне Дехтерёвой, дочери Афанасия Антипьевича.

ЛЫЧКОВ Семён Никифорович (около 1800—?). Пятый городской голова г. Киева (1853?-1854). Калужский купец. Имел недвижимость на Подоле. Сын калужского купца Никифора Ивановича Лычкова, племянник купца Фаддея Ивановича Лычкова (1774—18.07.1828), внук купеческого старосты г. Калуги Ивана Лычкова.

Женой С.Н.Лычкова была Раиса Никифоровна (Ратушкина) (1805—?), дочь купца Никифора Ивановича (1780—?) и Марии Афанасьевны (Мешковой) (1782—?), торговцев красными товарами в Малороссию в 1819—1824 годах.

Повенчаны 15.01.1824 г. в церкви Покрова на рву. Поручителями были купцы: Фаддей Иванович Лычков, Пётр Максимович Волоснов; Никифор Иванович Ратушкин, Харитон Афанасьевич Мешков и Максим Игнатьевич Ивлиев. Братья и сёстры Р.Н. Лычковой (Ратушкиной): Василий (1810—4.02.1867, отпет в Архангельской церкви), Александра (1809—?), Мария (1812—?), Александр (29.02.1813—?), Николай (29.07.1816—?).

ЛЫЧКОВ Фаддей Иванович (1774—18.07.1828), сын Ивана Лычкова, бывшего купеческого старосты Калуги (вместе с Иваном Берендяковым). Калужский купец, ратман городового магистрата Калуги. Организовал калужское купечество к пожертвованиям на нужды русской армии в Отечественной войне 1812 года, сам пожертвовал 2000 рублей. Награжден «за усердие и услуги, оказанные к общей пользе» бронзовой медалью в память войны 1812 года[18]. Проживал с семьёй в Покровской слободе (1816). Умер от чахотки. Отпет в церкви Покрова на рву.

Жена Ф.И. Лычкова — Ирина Максимовна (Волостнова) (1780—22.04.1832). Умерла от чахотки. Отпета старообрядческим священником Николаем Леонтьевым в церкви Покрова на площади.

Дети Ф.И и И.М. Лычковых: Пелагея Дехтерёва (1800—14.09.1845) /муж — Тимофей Михайлович Дехтерёв (1798—?)/. Иринарх (?—?). Ардалион (?—?). Аким (2.09.1815—?). Анастасия (1802—18.04.1848). Феоктиста (1808—20.04.1843). Александра (?—?). Павла (26.05.1812—2.04.1813). Павла (26.05.1813—?) /восприемники в церкви Покрова на рву: купец Иван Фёдорович Лавушкин и купца Ивана Денисовича Лебеданцева жена Ирина Ивановна/. Зиновия (25.09.1816—22.12.1838) /отпета в Сошественской единоверческой церкви/. Евграф (1818—17.06.1845). Клавдия (9.03.1819—?) /восприемники: Пётр Максимович Волоснов и вдова Ирина Ивановна Подкованцева/.

В ближайшее окружение Ф.И.Лычкова входили: Пётр Дмитриевич Лебеданцев, Дмитрий Львович Санин (?—?), сын «киевского купца», торговца серебряными изделиями. Аграфена Львовна Санина (1792—?) была замужем за калужским 2 гильдии купцом, старообрядцем, потомственным почётным гражданином Андреем Никитичем Кожевниковым (1785—5.02.1845). Афанасий Андреевич Кожевников (20.05.1813—18.01.1896) избирался городским головой г. Калуги (1871-1879). Купеческий сын Евграф Фаддеевич Лычков и купеческая жена Пелагея Фаддеевна Дехтерёва были восприемниками в Воскресенской церкви при крещении Зиновии (11.11.1830—?), дочери мещанина Петра Максимовича Золотарёва[19].

Выводы по итогам исследования данной темы:

П.М.Дехтерёв, П.П.Елисеев и С.Н.Лычков являлись потомственными почётными гражданами, потомками калужских купцов-старообрядцев, общественных деятелей, благотворителей, сделавших крупные пожертвования на нужды русской армии в Отечественной войне 1812 года. Они состояли в родстве с калужскими городскими головами.

Имевшие глубокие калужские корни, П.М.Дехтерёв, П.П.Елисеев и С.Н.Лычков состояли в родстве между собой. Женой Т.М.Дехтерева, брата П.М.Дехтерева, была Пелагея Фаддеевна (Лычкова), двоюродная сестра С.Н.Лычкова. П.П.Елисеева двоюродный прадед Фаддей Мартинович Елисеев был женат на Феодоре Афанасьевне Дехтерёвой, дочери Афанасия Антипьевича, прадеда П.М.Дехтерёва.

Михаил Парфёнтьевич Дегтярев, сын первого городского главы Киева П.М.Дехтерёва, вошел в историю Киева как видный меценат и благотворитель.

П.М.Дехтерёв, П.П.Елисеев и С.Н.Лычков не порывали связи с Калугой, где на городском Пятницком кладбище покоятся их предки.

Из глубины XVIII—XIX веков, из небытия, возвращено много несправедливо забытых имён коренных калужан из ближайшего окружения П.М.Дехтерёва, П.П.Елисеева и С.Н.Лычкова.

Калужане могут гордиться своими славными земляками, оставившими добрый след в истории Российской империи, Калуги, Украины и Киева.

Выражаю благодарность за помощь в работе сотрудникам Государственного архива Калужской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Градоначальники Киева — Википедия. wiki.zarinsk.ru›wiki/Градоначальники_Киева.

[2] Дегтярев, Михаил Парфентьевич. ru.wikipedia.org›wiki/Дегтярев,_Михаил.

[3] ГКУ «ГАКО». Ф.49. Оп.1. Д.34. О предмете торга калужских купцов 1819—1824 гг.

[4] vechorka.kiev.ua›index.php?paged=159Киев.

[5] Кожевникова Н.И. «Городские Головы Калуги: к вопросу генеалогии» // Материалы XI Всероссийской научной краеведческой конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 93—96.

Кожевникова Н.И. «Директора Малютинского банка, городские головы города Калуги: к вопросу генеалогии». // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XIII Российской научной конференции. Калуга, 2009. С. 98—105.

[6] www.biblioclub.ru/book/99611/

[7] ГКУ «ГАКО». Ф.86. Оп.3. Д.49. Л.203. Ревизские сказки г. Калуги за 1795 г.

[8] ГКУ «ГАКО». Ф.86. Оп.3. Д.146. Л.519об. Ревизские сказки г. Калуги за 1816 г.

[9] Дом мэра Киева. Улица Сагайдачного. http://regionline.dp.ua/?p=102802

[10] КИЕВСКИЙ ГОБСЕК. Людмила Коваль, Сергей Ковтуненко Июн 23rd, 2010 by komarale

[11] Булычов Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии. (Калужское Дворянское Ополчение). Калуга: Губернская типо-литография, 1910. С. 17.

[12] Покровская улица (Подол) — Улицы Киева. kievstreets.org›object/покровская-улица копия ещё

[13] Дегтярёвская улица ru.wikipedia.org›wiki/Дегтярёвская_улица копия ещё

[14] «Зеркало недели» (Украина): ... orthodoxy.org.ua›...zerkalo-nedeli...otdast-li-kgga...

[15] ЛЕТОПИСЬ ЕПАРХИЙ | Україна Православна

pravoslavye.org.ua›2010/07/letopis_eparhiy_36/ Киев копия ещё

[16] Ал. Маркевич. Калужские купцы Дехтеревы. 1892. ISBN: 978-5-4241-9055-1.

Markevich_A_I_Kaluzhskie_kupcy_Dehterevy_1892

[17] Ковалинский В.В. Меценаты Киев. Киев, 1998. С. 175—203.

[18] ГКУ «ГАКО». Ф.49. Оп.1. Д.590. Л.453. Журнал Калужской Думы за 1818 г.

[19] В данной работе использованы следующие документы Калужской Епархии.

ГКУ «ГАКО». Ф.33. Оп.2. Д.1331. Исповедные ведомости церквей Калуги за 1851 г.

ГКУ «ГАКО». Ф.49. Оп.1. Д.810. Семейные списки жителей г. Калуги за 1869 г.

ГКУ «ГАКО». Ф. 33. Оп. 4. Д. 2 — 1789 г. Д. 8 — 1800 г. Д. 9 — 1801 г. Д. 10 — 1802 г. Д. 13 — 1803 г. Д. 15. — 1804 г. Д. 16 — 1805 г. Д. 17 — 1806 г. Д. 19 — 1808 г. Д. 20 — 1809 г. Д. 22 — 1810 г. Д. 27 — 1812 г. Д. 28 — 1813 г. Д. 30 — 1815 г. Д. 31 — 1816 г. Д. 32 — 1818 г. Д. 33 — 1819 г. Д. 35 — 1820 г. Д. 39 — 1821 г. Д. 40 — 1822 г. Д. 41 — 1823 г. Д. 42 — 1824 г. Д. 43 — 1825 г. Д. 44 — 1826 г. Д. 47 — 1827 г. Д. 48 — 1828 г. Д. 50 — 1829 г. Д. 52 — 1830 г. Д. 58 — 1831 г. Д. 61 — 1832 г. Д. 68 — 1834 г. Д. 70 — 1835 г. Д. 73 — 1836 г. Д. 75 — 1837 г. Д. 84 — 1838 г. Д. 88 — 1839 г. Д. 91 — 1840 г. Д. 97 — 1841 г. Д. 100 — 1842 г. Д. 104 — 1843 г. Д. 109 — 1844 г. Д. 113 — 1845 г. Д. 116 — 1846 г. Д. 128 — 1847 г. Д. 135 — 1848 г. Д. 145 — 1849 г. Д. 153 — 1850 г. Д. 163 — 1851 г. Д. 172 — 1852 г. Д. 178 — 1853 г. Д. 185 — 1854 г. Д. 191 — 1855 г. Д. 195 — 1856 г. Д. 199 — 1857 г. Д. 650 — 1858 г. Д. 204 — 1859 г. Д. 209 — 1860 г. Д. 213 — 1861 г. Д. 217 — 1862 г. Д. 225 — 1864 г. Д. 234 — 1865 г. Д. 241 — 1866 г. Д. 248 — 1867 г. Д. 254 — 1868 г. Д. 262 — 1869 г. Д. 270 — 1870 г. Д. 279 — 1875 г. Д. 280 — 1877 г. Д. 281 — 1878 г. Д. 282 — 1879 г. Д. 283 — 1880 г. Д. 285 — 1881 г. Д. 286 -1882 г. Д. 287 — 1883 г. Д. 288 — 1884 г. Д. 289 — 1885 г. Д. 289а — 1886 г. Д. 290 — 1887 г. Д. 291 — 1888 г. Д. 292 — 1889 г. Д. 294 — 1890 г. ГКУ «ГАКО». Ф. 33. Оп. 6. Д. 651 — 1863 г. Д. 652 — 1871 г. Д. 653 — 1872 г. Д. 654 — 1873 г. Д. 635 — 1874 г. Метрические книги церквей г. Калуги.

Даты жизни купцов взяты из ревизских сказок, исповедных ведомостей и метрических книг церквей г. Калуги. Даты с указанием: число, месяц, год — из метрических книг разных соответствующих лет. Даты, указывающие только год (без числа и месяца), вычислены по ревизским сказкам.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

А.В.Штепа, *к.и.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

В исследуемый период Калужская губерния принадлежала к числу густонаселенных местностей европейской части России. На протяжении XIX столетия наблюдался медленный рост населения, при этом численность духовенства в Калужской губернии изменялась незначительно. Так в 1795 г., по результатам пятой ревизии, в Калужском наместничестве насчитывалось 5734 чел., принадлежащего к духовному сословию[1], а в 1828 г. — 5654[2]. По итогам Всероссийской переписи 1897 г. выяснилось, что в Калужской губернии 9 204 чел. (0,77% всего населения губернии) принадлежали к духовному сословию[3].

Рассмотрим основные направления и результаты профессиональной деятельности приходского духовенства, а также некоторые аспекты взаимоотношений причта с прихожанами.

Основную цель деятельности священника выражалась следующем: «*прославление Триединого Бога и ревностное назидание всех православных христиан в истине веры и чистоте жизни*»[4]. А профессиональные обязанности священнослужителя разделялись на богослужебные (храмовая деятельность), проповедническо-миссионерские (внехрамовая деятельность и внутренняя миссия), миссионерские (внешняя миссия)[5].

Церковное богослужение представляло собой канонически закрепленные действия и различало три круга: суточный, недельный и годовой. В суточный круг входили вечерня, повечерие, полунощница, утреня и литургия. Недельные службы посвящались «поминаниям»: так в воскресенье вспоминали Воскресение Господне; в понедельник служили небесным силам (ангелам); во вторник — Иоанну Крестителю и т.д.[6]. Годовой круг включал богослужения на каждый день года, праздники, торжественные прочтения манифестов и указов[7]. Праздничные богослужения проходили также в особенные даты: царские (дни восшествия на престол, коронации, рождения членов царской семьи и прочих особ царствующего дома), кавалерские дни (в честь тех святых, имя которых носил тот или иной кавалерский орден), викториальные дни (в память победы русского оружия), «особые» дни (19 февраля 1861 г., 17 октября 1905 г. и т.п.)[8].

Особого напряжения требовали праздничные службы, когда в храме собиралось большое число прихожан, а священнику надлежало произносить поучения и проводить внебогослужебные беседы. Большого напряжения сил пастыря требовала исповедь, особенно во время Великого поста, когда желающих исповедаться и причаститься было особенно много. «*По моему мнению,* — делился опытом один священник, — *исповедь самое трудное дело для священника, требующее от него особого внимания, напряжения всех умственных сил и самообладания. У меня говельщиков никогда не было более ста человек, но и их я исповедовал от двух до десяти часов ночи, а ведь в иных приходах бывает и более... Я всегда прихожу из храма после исповеди крайне измученным, усталым и прямо ложусь в постель*»[9].

Периодически священнику приходилось служить по требам в соответствии с нуждами и потребностями паствы, получая при этом доход. Многие требы, такие как крещение, причащение, венчание, панихида, молебны совпадали с исполнением таинств в храме[10].

Наверное, не будет преувеличением сказать, что приходское духовенство Калужской епархии в целом достойно справлялось со своими служебными обязанностями, о чем свидетельствуют рапорты благочинных, представления епархиальных архиереев и получаемые служителями культа награды. Например, скончавшийся 31 января 1890 г. протоиерей калужской Иоанна-Предтеченской церкви Иван Дмитриевич Любимов. За свое тридцатилетнее служение церкви и обществу (состоял членом Калужского статистического комитета, членом попечительства о бедных духовного звания; с 17 июня 1864 г. по 10 января 1884 г. входил в состав калужской духовной консистории; был редактором местной церковной газеты с 1870 г.). *«Столь разнообразная, неутомимая, многоплодная служба о. протоиерея не могла быть оставлена без внимания начальством.* — извещалось в некрологе, напечатанном в «Калужских епархиальных ведомостей»). — *Покойный имел ордена святой Анны 3-й и 2-й ст. и св. Владимира 4-й степени»*[11].

Необходимо отметить, что награждение орденами было достаточно редким явлением в среде духовенства. Для большинства белого духовенства высшей и единственной государственной наградой был орден святой Анны 3-й степени, который они получали в возрасте пятидесяти с лишним лет. Реже встречались кавалеры этого ордена второй степени, еще реже — ордена святого Владимира 4-й степени[12]. Таким образом, награждение калужского протоиерей тремя орденами можно расценивать как большое достижение в рамках профессиональной карьеры и действительное признание положительных заслуг.

Но были и другие виды правительственных наград, в том числе и для церковнослужителей. В июле 1894 г. за 50-летнюю беспорочную отлично-усердную службу были награждены заштатные псаломщики церквей с. Ленивца Медынского у. А.Троицкого и с. Карамышево того же уезда В. Мещерского золотыми медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее на Анненской ленте[13]. Уездный воинский начальник представлял к награде священника г. Тарусы Иоанна Бархатова за духовно-нравственные беседы с ранеными в местных лазаретах (с августа 1914 г.), обучение их молитвам и церковному пению, обучению церковному учению по книгам и т.п.[14]

Тем не менее, некоторые авторы склонны видеть в процедуре награждений клириков орденами и медалями лишь негативные черты. Основываясь на некоторых формулировках, содержащихся, в частности в статуте ордена «Святой Анны с бантом» 4-й степени[15], Ю.Г.Петраш уничижительно оценивает награду, как выдаваемую за *«заслуги по части верноподданнического воспитания населения и приведения его в "смирение"»*[16].

В начале 1917 г. на имя императора и Св. Синода было отправлено 55 представлений о награждении калужских священнослужителей и монашествующих. А 21 февраля епископ Калужский и Боровский Феофан рапортовал Синоду о том, что имеют право на награды 1425 лиц духовного звания, в том числе: архимандритов — 5, игуменов — 5, игумений — 4, иеромонахов — 115, протоиереев — 76, священников — 681, дьяконов — 227 и т.д.[17]

Иногда священнослужители выполняли свои профессиональные обязанности с нарушением общепринятых правил. Так, крестьяне с. Богимово Тарусского уезда жаловались епископу (1831) на неблаговидные дела местного священника Дм. Лебедева, что он отказался отпевать младенца, затребовав от убитой горем матери-крестьянки за это 50 коп., а она насобирала только 47 коп. И только когда попу дали еще 3 коп., он возвратился в церковь и отпел. При этом решением духовной консистории священник был оштрафован на 10 руб. в пользу епархиального попечительства[18].

В специальном указе епископа Евлампия, изданного 3 ноября 1809 г. значилось, что наряду с рапортом о религиозно-нравственном состоянии духовенства благочинные каждые два месяца должны были рапортовать о следующем:

« - почитают ли священнослужители правила, предписанные им в Духовном регламенте, и всегда ли они по оным поступают;

- не допускают ли в своих церквах служить приходящих священников и диаконов, не имеющих свидетельств к исправлению священнослужения;

- часто ли отправляют в своих церквах божественную службу»[19].

По имеющимся в распоряжении исследователей статистическим данным, среди ряда правонарушений, совершенных служителями культа, и связанных нередко с пьянством, распутством, грубостью в отношении прихожан можно выделить и такие, относящиеся к профессиональной деятельности клириков, как погребение без медицинского осмотра и неисправность по службе. И если, с 1871 по 1874 гг. число случаев погребения без медицинского осмотра было стабильно низким (2—3 в год), то количество нарушений в виде неисправностей по службе возросло почти в три раза (с 9 в 1871 г. до 25 в 1874 г.)[20].

Следует подчеркнуть, что по всем фактам правонарушений священников в консистории возбуждались уголовные дела, которые строжайше рассматривались. Приговор выносился в зависимости от тяжести проступка. Например, несудимые ранее лица подвергались «легким наказаниям», т.е. либо предупреждению, либо штрафам различной величины. А лиц, которые когда-либо уже судились, лишали сана священника[21].

Если исходить из убеждения, что на ответственное отношение к профессиональным обязанностям влияло наличие или отсутствие образования у различных страт духовенства, то следует признать слабость образовательного ценза богословского профиля у подавляющего числа калужских дьяконов — 97,3% и псаломщиков — 96,2 %[22] .

Отсутствие у представителей калужского клира профильного богословского образования, еще не означало отсутствие образования как такового. Как правило, выходцы из духовной среды оканчивали, как минимум церковно-приходские школы, а некоторые могли учиться и в городских училищах. И, тем не менее, следует признать, что по официальной статистике на начало XX века наибольшая часть духовенства с высшим образованием была сосредоточена лишь в столицах и губернских городах центральных епархий. В сельских приходах Европейской России преобладало духовенство со средним образованием, в окраинных епархиях европейской части страны и Сибири была значительна доля духовенства с образованием ниже среднего[23].

Калужское духовенство не было освобождено от канцелярской работы. В каждом приходе велось около 20 книг и журналов для учета текущих дел (входящей и исходящей информации, прихода и расхода, метрические и брачные книги, исповедальные ведомости). Приходилось постоянно отвечать на запросы различных ведомств и учреждений, которые, разумеется, хотели, чтобы работа исполнялась «беспрекословно, безвозмездно и безотлагательно»[24].

Указом от 12 октября 1866 г. священникам предписывалось также ведение церковных летописей — историко-статистических описаний церкви и прихода, при этом пристальное внимание надлежало уделять «брачным обыскам» и «знаменательным местным событиям, которые могли бы стать материалом для историка»[25].

В начале XX в. один из рядовых настоятелей составил хронометраж своего рабочего времени: в среднем 5,5 часа в день уходило на службы и исполнение треб, просветительская деятельность занимала около 164 часов в год, а чиновничья и внехрамовая деятельность вообще трудно поддавалась учету[26]. В целом многочисленные заботы священника образовывали бесконечный и утомительный круговорот.

Вне храма необходимо было причащать больных, нарекать младенцев, присутствовать при сватовстве, проводить освящение домов, пастбищ, водоемов, совершать молебны при начале и окончании полевых работ. До места исполнения треб порой приходилось добираться пешком, по разбитым дорогам, в ночное время суток[27].

В 1869 г. у священника появляется новая обязанность — контроль над изготовлением просфор (хлеба, употребляемого при евхаристии). Требования по изготовлению и хранению просфоры, символизировавшей тело Христово, были очень строгими: использовалась только пшеничная мука, которая замешивалась на чистой воде, тесто непременно должно было быть пресным28. Если раньше при каждой церкви существовала должность просфорни, на которую назначали женщин из вдов или сирот духовного звания, то в 1862 г. она была упразднена, и священнику приходилось самому заботиться о том, чтобы просфоры не зачерствели.

Внехрамовая работа также заключалась в проведении регулярных бесед с прихожанами и контроле над их поведением.

Со временем добавилась новая обязанность — преподавание Закона Божьего в светских учебных заведениях. Кроме того, настоятелям храмов приходилось думать о поддержании их «благолепного» вида, обеспечивать сохранность имущества и утвари, работу церковного хора, содержание в должном виде сельского кладбища и т.п. Средств на это постоянно не хватало, и священники были вынуждены склонять к пожертвованиям прихожан, обращаться к местным богатеям, ходатайствовать перед консисторскими чиновниками.

Немало забот было связано с организацией достойных проводов прихожан в мир иной. Священнику полагалось провожать усопшего до могилы, невзирая на расстояния и другие обстоятельства. Важно было учитывать особенности проводов покойника на Пасху и в обычные дни, уметь правильно организовать погребальный перезвон, не допускать ношения венков или звучания музыки на пути следования похоронной процессии, которая не должна была напоминать светскую демонстрацию[29]. Строгому соблюдению данной процедуры не раз посвящались особые определения Св. Синода[30].

Настоятелю прихода приходилось наблюдать за порядком захоронения (глубина и расстояние между погребениями), состоянием могил и надгробных строений, осуществлять уход за местами захоронений священнослужителей[31]. Места на кладбище могли быть как бесплатными, так и приобретенными для отдельной семьи, цены устанавливались светскими властями[32]. Все произрастающее на кладбище считалось собственностью церкви, но использовать на хозяйственные нужды разрешалось лишь скошенные травы и срубленные деревья[33]. Часто в ведении сельского священника могло оказаться несколько кладбищ, что усложняло наблюдение за их состоянием.

Проповедническо-миссионерская деятельность духовенства определялась узаконениями XVIII в.: *«Духовного чина люди обязаны при своих церквах проповедовать народу слово Божие, как поучениями, так особливо Катехизисом не леностно»*[34]. О количестве проповедей следовало ежегодно сообщать своим епархиальным архиереям. Проповеди делились на богослужебные (храмовые) и внебогослужебные (внехрамовые). Существовала даже особая дисциплина, изучающая объект и содержание проповеди (гомилетика). Первостепенное внимание проповедник обращал на положения Священного писания, где говорилось о покаянии, праведности, почитании властей (особенно царской власти), искоренении суеверий, о страхе Божием[35]. В проповеди нельзя было обличать, поскольку это провоцировало гордыню, священнику не подобало жестикулировать, производить иные телодвижения, смеяться и плакать[36]. На деле в проповедях повторялись обычные истины, сформулированные чиновниками из синодальной канцелярии. Религиозная проповедь не должна была касаться светской власти, во избежание чего Синод часто навязывал пастырям нечто далекое от жизни. Анализ отдельных текстов проповедей показал, что они скорее способны были возбуждать чувства служащего духовенства, чем простого народа[37]. Некоторые священники вообще не затрудняли себя интеллектуальным трудом или не имели к нему способностей.

В сельском обществе священнослужители играли очень важную социальную роль, поскольку выполняли сакральную и административную функции, имея монопольное право на отправление обрядов в церкви и на контроль над прихожанами. В обязанности священника входило: вести метрические книги, отмечать сроки отъезда и приезда крестьян, приход их на исповедь и причастие, выдавать переходные свидетельства при переселении в другой приход, оглашать в церкви государственные манифесты и указы.

Во второй половине XIX в. происходит взаимное сближение между приходским духовенством и паствой в процессе организации и деятельности церковно-приходских попечительств[38] и создания приходских школ[39], что обусловливалось изменением отношения населения к получению образования. Но эта сторона деятельности калужского духовенства требует отдельного исследования[40], также как и проблемные вопросы, связанные с миссионерской работой в епархии. Рассмотрим коротко лишь некоторые аспекты.

Задачей миссионерской деятельности было распространение православия в двух направлениях: внутреннем и внешнем. Внутренняя миссия проводилась среди сектантов, старообрядцев, а внешняя — среди нехристианского населения в России и за рубежом. Часто оба направления осуществляли одни и те же клирики под общим руководством епархиальных властей.

Целенаправленная деятельность против старообрядчества в Калужском крае началась в 50-х годах XIX в. Планомерную подготовку миссионеров в Калужской епархии повел ректор духовной семинарии архимандрит Мисаил, имевший уже солидный опыт. С 1 октября 1878 г. в семинарской церкви он стал проводить беседы со старообрядцами. Затем возникла идея образования специального братства по пропаганде православия среди старообрядцев. 25 февраля 1879 г. было учреждено братство «Святого апостола Иоанна Богослова»[41]. При духовной семинарии открыли кафедру по подготовке будущих миссионеров среди старообрядцев.

Большую заботу о деятельности братства, возглавляемого архимандритом Мисаилом, проявлял вице-губернатор князь Н.П. Трубецкой. Члены братства вели со старообрядцами церковные беседы в Калуге и в отделениях братства, созданных по 7 уездам. За первые 10 лет своего существования усилиями братства в лоно православия было привлечено 410 старообрядцев[42].

В 1883 г. в Боровске, в крупнейшем центре старообрядчества, было создано миссионерское «Братство преподобного Пафнутия Боровского чудотворца»[43]. Боровское братство действовало двумя основными способами: духовно-просветительским и благотворительностью. Основная направленность деятельности обоих указанных миссионерских братств нашла одобрение у императора Александра III, начертавшего на верноподданническом отчете Калужского губернатора о борьбе со старообрядчеством: *«Все это весьма похвально»*[44]. Хотя успехи в возвращении в лоно ортодоксального православия старообрядцев не могут быть признаны очень значительными[45].

С 1893 г. Калужская епархия разделялась на три миссионерских участка, каждый из которых состоял из нескольких уездов. Во второй участок, например, входили Жиздринский, Козельский, Мосальский и Мещовский уезды. На их территории проживало приблизительно 23 тысячи старообрядцев, в иных селениях они превосходили православных в несколько раз, проявляя враждебное отношение к православию и миссионерам, закрепленным на этом участке[46]. Но миссионеры проявляли отменное упорство на своей многотрудной стезе. Так, один из них за 1901 г. совершил по деревням 14 поездок, занявшие 96 дней. За это время он проехал и прошел пешком около 2 тысяч верст, побывал в 28 приходах, некоторые посетил несколько раз, выступая там с беседами, проповедями. Особое значение придавалось беседам наедине, а также чтению и распространению соответствующей литературы[47].

Постепенно намечалась тенденция сближения старообрядческого населения с основной массой православного населения, поэтому статистика переходов в православие выглядит очень неровной, поскольку неправославное население часто стремилось избежать излишней формально-казенной помпезности. Так, в 1842 г. перешедших «из раскола» в православие насчитывали 291 человек[48]. В 1862 г. по губернии к православию присоединилось только 15 чел.[49], в 1871 г. — 48 человек[50]. По данным, которые приводит в своей книге Ю.Г. Петраш, в 1914 г. присоединилось 166 чел. и 41 человек уклонились из православия; в 1916 г. присоединилось 53 человека[51].

Представленная характеристика некоторых основных направлений профессиональной деятельности калужского приходского духовенства приводит к следующим выводам.

Причт и прихожане составляли единую социальную общность — приход. Их взаимодействие было очень тесным, особенно в сельской местности. Во многом эффективность профессиональной деятельности приходского духовенства зависела от того, как складывались взаимоотношения причта и прихожан. Негативно на отношениях священно- и церковнослужителей с паствой сказывалась материальная зависимость причта, а постоянное вмешательство государства привело к возрастанию чиновничьих функций духовенства. Его служебные функции были очень многоплановы, однако калужское духовенство по мере сил и возможностей справлялось со всем грузом

возложенных на него служебных обязанностей, свидетельством чего стали многочисленные награды скуфьями, камилавками, наперсными крестами, митрами и светскими орденами.

Приходское духовенство Калужской епархии выполняло важные социальные функции, а успешность деятельности духовенства в социальной сфере заключалась в том, что для большинства из них забота об улучшении жизни населения была призванием.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Летопись Калужская. Калуга, 1991. С. 71.

[2] Там же. С. 84.

[3] Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. XV. Калужская губерния. Тетрадь 2 / Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб., 1903. С. X, 2.

[4] Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т.В.Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 104.

[5] Лавицкая М.И. Орловское приходское духовенство второй половины XIX — начала XX вв. М., 2009. С. 61.

[6] Булгаков С.В. Православие: праздники и посты, богослужения и требы. Из настольной книги для священно-церковнослужителей. М., 1993. С. 16.

[7] Сборник действующих... постановлений... С. 3.

[8] Булгаков С.В. Указ. соч. С. 177.

[9] Записки сельского священника // Приходская жизнь. 1908. № 3. С. 120.

[10] Лавицкая М.И. Орловское приходское духовенство... С. 62.

[11] Калужские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1890. Прибавления № 4. С. 80—83.

[12] Конюченко А.И. Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX вв.: Дис. д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 355.

[13] КЕВ. 1894. Оф. ч. № 16. С.261.

[14] Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО). Ф. 33, оп. 2, д. 2455, л. 38—39.

[15] В статуте учрежденного 20 мая 1829 г. ордена, в частности определялось, что им награждается «употребивший благоразумные наставления, имевшие последствием видимую государственную пользу, как например: а) увещание взбунтовавшихся крестьян, которые через то обратились к своей обязанности; и б) увещание и примеры для полков в сражениях» (ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 1, л. 186).

[16] Петраш Ю. Г. Религия, свободомыслие, атеизм в Калужском крае. Социально-философские аспекты. Калуга, 2009. С. 120

[17] Петраш Ю. Г. Религия, свободомыслие, атеизм в Калужском крае... С. 120.

[18] ГАКО. Ф.33, оп.2, д.1447, л.15—59.

[19] Ассонов В. Некоторые черты из жизни и быта православного духовенства Калужской епархии в начале XIX в. // Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 6.

[20] Вощенкова Н.С., Гусев А.А., Писаренко И.С. Калужская епархия в синодальный период развития Русской Православной Церкви. Калуга, 2000. С. 81.

[21] ГАКО. Ф. 33, оп. 3, д. 1016, л. 11.

[22] Подсчитано по: Петраш Ю. Г. Указ. соч. С. 105.

[23] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева за 1901 г. СПб., 1905, С. 46.

[24] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковных реформах. СПб., 1906. Т. 3. № 50.

[25] Сборник действующих... постановлений... С. 467.

[26] Прибавления к «Церковным ведомостям». 1905. № 48. С. 2089.

[27] Лавицкая М.И. Указ. соч. С. 65.

[28] Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. Ст. 1926.

[29] См.: Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. С. 1328—1333.

[30] См.: Церковный вестник: 1895. № 9, 23; 1904. № 13; Церковные ведомости. 1886. № 7; 1892. № 19 и др.

[31] Церковные ведомости. 1897. № 26.

[32] Там же. 1901. № 45.

[33] Там же. 1905. № 49.

[34] Указ 24 февраля 1769 г. // Сборник действующих... постановлений... С. 259—260.

[35] Там же. С. 259.

[36] Сборник действующих... постановлений... С. 260.

[37] См.: Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. 1. Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. М., 1995.

[38] Более подробно на эту тему см.: Штепа А.В. Калужские церковноприходские попечительства и их роль в организации социальной помощи во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // Калуга в шести веках: М.-лы 5-й город.-й краевед. конф. / Сост. В.А.Дьяченко. Калуга, 2005. С. 76—95.

[39] См.: Васильева Н.А., Штепа А.В. Роль православной церкви в организации и развитии народного просвещения. Церковные школы Калужской епархии // Калуга в шести веках: М.-лы 5-й город. краевед. конф. С. 301—19..

[40] См.: Штепа А.В. Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии во второй половине XIX — начале XX века. Калуга, 2007.

[41] Подробнее см.: Осипов В.И. Из истории миссионерского противораскольничьего братства св. Иоанна Богослова в Калуге (1879—1914 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 4. М., 1995. С. 2—8; Штепа А.В. Из истории деятельности духовного братства св. апостола Иоанна Богослова // Калуга в шести веках: М.-лы 4-й город. краевед. конф. / Сост. В.А.Дьяченко. Калуга, 2003. С. 63—74.

[42] Отчет о деятельности братства «Святого апостола Иоанна Богослова» в Калуге за 1893 г. Калуга, 1894. С. 33.

[43] Братство преподобного Пафнутия Боровского чудотворца в 1889—1890 году. Отчет и миссионерские беседы. Калуга, 1890. С. 6.

[44] Братство преподобного Пафнутия Боровского чудотворца. Отчеты и миссионерские беседы. Калуга, 1886. С. 2.

[45] Подробнее см.: Осипова А.И. Из истории деятельности церковного братства пр. Пафнутия (посл.четверть 19 — нач.20в.) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1991. С.46—50.

[46] ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 1451, л. 3—4.

[47] Петраш Ю.Г. Указ. соч. С. 211—215.

[48] ГАКО. Ф. 32, оп. 20, д. 131, л. 25.

[49] КЕВ. 1863. Прибавления. № 3.

[50] КЕВ. 1872. № 10.

[51] Петраш Ю.Г. Указ. соч. С. 217.

РЕКТУРА КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (XIX — НАЧАЛО XX В.). ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

А.В.Лион, *г. Калуга,*

Ю.Н.Фетисова, *педагог-психолог,*
МОУ № 87 «Прогимназия».

Возросшим за последние годы интересом к истории Русской православной церкви определяется внимание и к судьбам русского духовного образования. Духовная школа внесла существенный вклад в развитие образования, культуры и общественной мысли России. Так и на земле Калужской духовно-учебные заведения и, прежде всего, семинария, оставили заметный след не только в истории Калужской епархии, но и в историческом прошлом губернии. Обращение к заявленной теме обусловлено, с одной стороны, назревшей необходимостью в обстоятельном изучении истории духовных школ края, а с другой — немногочисленностью и, в основном, фактографическим характером работ по истории семинарии. Отсутствуют исследования обобщающего характера, посвященные ректуре Калужской духовной семинарии (далее: КДС). Следует учитывать, что фигура ректора (несмотря на закрепленную уставом зависимость от правящего архиерея), как правило, оказывала значительное влияние на характер и направление духовного образования региона и играла ведущую роль в историческом развитии семинарии. Данная работа является попыткой обобщающего исследования основных биографических вех в судьбах калужских ректоров, в ходе которого применялся метод просопографии.

Просопография (иногда также «прозопография»; от др.-греч. «*лицо, личность*» и «*пишу*»): 1) специальная историческая дисциплина, изучающая биографии исторических лиц определенной эпохи или местности с общими политическими, социальными или этническими чертами, занимавших определенную должность; 2) метод создания коллективных биографий, позволяющий получить описание наиболее типичных представителей какой-либо социальной группы[1].

Объектом нашего исследования явились ректоры КДС (18 персоналий), а предметом — некоторые закономерности их духовно-учебной карьеры. Хронологические рамки охватывают период с 1805 по 1918 г., от учреждения ректорской должности до закрытия КДС.

Цель работы — выявление ряда типичных черт духовно-учебной карьеры калужских ректоров, а также изучение динамики типа на протяжении означенного периода. Для достижения указанной цели потребовалось решить несколько исследовательских задач. Во-первых, составить перечень ректоров, во-вторых, уточнить основные биографические сведения о них и, в-третьих, установив основные закономерности в судьбах калужских ректоров, составить портрет типичного представителя калужской ректуры с учетом динамики типа.

Первые публикации биографических сведений о ректорах КДС были осуществлены архимандритом Леонидом (Кавелиным), В.М.Холминским и Ф.С.Соколовым во второй половине XIX — начале XX вв. Нам неизвестны обобщающие труды современных исследователей, посвященные данной теме. В опубликованных работах содержатся несистематизированные, отрывочные сведения об отдельных представителях калужской ректуры.

Источниковая база исследования представлена двумя группами источников. К первой группе относятся структурированные источники: Полное собрание законов Российской империи (уставы духовных академий и семинарий); указы Св. Синода о назначениях ректоров духовных семинарий; формулярные и послужные списки начальников и наставников КДС и др. В рамках этой группы источников мы использовали делопроизводственные документы Государственного архива Калужской области (далее: ГКУ «ГАКО») из фондов: «Калужская духовная консистория» (Ф. 33), «Калужская духовная семинария» (Ф. 65), «Калужский архиерейский дом» (Ф. 143), «Перемышльское духовное правление» (Ф. 261), «Калужский епархиальный совет при епископе Калужском и Боровском» (Ф. 1267). Ко второй группе относятся неструктурированные источники: биографии, мемуары, монографии, периодические и непериодические издания, энциклопедии, словари, медиа- и интернет-ресурсы и пр.

По Духовному регламенту (1721) внешнее управление духовными школами принадлежало местным архиереям, во главе семинарий стояли ректоры и их помощники — префекты. Испытывая затруднения с кандидатурами на ректорство, епархиальные начальства поручали семинарии наблюдению местных архимандритов, особенно если эти школы размещались в монастырях. В конце XVIII в. семинарии управлялись непосредственно своими архиереями и епархиальными консисториями[2].

По синодскому указу 1798 г. в семинариях были учреждены правления в составе ректора и префекта[3]. Должность ректора составляла привилегию исключительно монашествующих лиц; представителей белого духовенства, не говоря о светских лицах, дальше префектуры не допускали, звание префекта оставалось за ними и в тех случаях, когда за неимением ректоров они становились во главе семинарий и управляли ими на правах ректоров[4].

Ректорская должность в Калужской семинарии возникла не сразу. Назначенный в 1775 г. архиепископом Московским и Калужским Преосвященнейший Платон (Левшин) учредил в своей епархии одновременно несколько духовно-учебных заведений, в том числе и «малое училище» в Калужском Лаврентьевском монастыре[5], именовавшееся со времени учреждения «семинарией»[6].

Руководство ходом учения и всеми учебно-воспитательными вопросами в этой духовной школе в первые годы ее существования осуществлялось самим архипастырем[7]. Непосредственное «смотрение» за семинарией Платон поручал настоятелям Лаврентьевского монастыря. Из источников нам известно о двух смотрителях — архимандрите Никодиме (конец 1770-х — первая половина 1780-х гг.) и сменившем его игумене (с 1798 архимандрите) Феофане (до 1799 г.)[8]. Архипастырской инструкцией (1779) о. Никодиму предписывалось, «чтоб учение происходило по учрежденному порядку», чтобы он наблюдал за общим состоянием семинарии, осуществлял надзор за учителями и пр., а префекту вменялось в обязанность ведать зачислением учащихся и следить за семинарскими расходами[9]. Таким образом, с первых же лет помимо общего руководства со стороны архиепископа, Калужской семинарией руководили «смотритель» и префект.

По указу Синода, после учреждения Калужской епархии (16 октября 1799) и ее «совершенного устроения», надлежало заняться обустройством семинарии[10]. Прибывший в Калугу в начале января 1800 г. епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов) вскоре перевел семинарию из Лаврентьевского монастыря в один из корпусов Присутственных мест. Передававшиеся помещения были сданы старшему учителю семинарии С.И.Лаврову, исполнявшему должность префекта КДС. Перестройка же этих помещений производилась под надзором префекта семинарии священника В.П.Платонова[11].

С 1803г. должность префекта исполнял игумен (с 1807г. — архимандрит) Феофил (Ф.И.Платонов), утвержденный в 1804г. префектом КДС. Он же 24 февраля 1805 г. стал первым ректором КДС[12].

Таким образом, в период с 1800 до 1805 г. внутреннее управление КДС осуществлялось префектами, а с 1805 г. — оно стало совершаться ректорами.

Юридический статус должности ректора духовной семинарии определялся семинарскими уставами 1814, 1867 и 1884 гг. По Уставу 1814 г., ректор должен был избираться епархиальным архиереем, но на практике он чаще всего назначался Комиссией духовных училищ. Ректорскую должность могло занимать лицо как из черного, так и из белого духовенства13; в действительности же ректорами становились почти

исключительно монахи. Согласно Уставу 1867 г. двух кандидатов на должность ректора избирала преподавательская корпорация семинарии, о чем архиерей доносил Синоду, добавляя своего кандидата в случая несогласия. Синод утверждал одно из избранных лиц или назначал другое лицо. Белое духовенство и монашествующие начали располагать равными правами на ректорство[14]. В соответствии с Уставом 1884г. ректор должен был назначаться Синодом по представлению архиерея из числа лиц со степенью кандидата или магистра[15].

С 1805 г. по 1918 г. в должности ректора КДС сменилось 18 лиц, о которых нами были собраны краткие биографические сведения. Мы располагаем крайне скудной информацией об архимандрите Иннокентии (Тихомирове) и не имеем сведений о судьбе архимандритов Агапита (Лопаткина) после 1860г. и Асинкрита (Верещагина) после 1877 г. Тем не менее, полагаем, что собранные нами материалы большей частью достоверны, репрезентативны и дают возможность решить поставленные выше исследовательские задачи.

Для проведения сравнительного анализа нами на основе имеющихся биографических данных были выделены факторы, позволяющие выявить черты, типичные для биографий большинства персоналий. Такими факторами, на наш взгляд, являются: 1) место рождения, 2) этническая принадлежность, 3) социальное происхождение, 4) место получения среднего образования, 5) наличие высшего образования и место его получения, 5) наличие ученой степени, 6) категория духовенства, 7) семейное положение до пострига, 8) срок от окончания духовно-учебного заведения до ректорства, 9) должность, предшествовавшая ректорству в КДС, 10) наличие сана архимандрита, 11) возраст на момент вступления в должность ректора КДС, 12) продолжительность ректорства в КДС, 13) промежуток времени от ректорства до епископской кафедры, 14) духовный сан на момент окончания карьеры, 15) продолжительность жизни. Набор этих факторов достаточен и является основой для составления обобщенной биографии, своеобразного коллективного портрета ректоров КДС.

Итак, каковы же характерные черты такого коллективного портрета?

Прежде всего, калужские ректоры, как правило, не были уроженцами Калужского края. Их национальная принадлежность — русские (или, как тогда указывали, «великороссы»). Они происходили из духовного сословия, в основном из семей сельских священников. Все ректоры КДС получали образование в духовных училищах и семинариях, причем, в большинстве случаев, не Калужской епархии (14 персоналий). После реформы духовно-учебных заведений 1808—1814 гг., в соответствии с требованиями Уставов духовных семинарий, ректоры, занимавшие должность с 1821 г., являлись выпускниками духовных академий (в основном, Санкт-Петербургской духовной академии), и имели ученые степени кандидата или магистра богословия.

Ректоры КДС представляли, как правило, черное духовенство (16 лиц). Данный признак, сравнительно с другими, претерпел динамику в наибольшей степени. Если до 1867г. все занимавшие ректорскую должность в КДС были монашествующими, то после 1867г. две из шести персоналий принадлежали к белому духовенству. Причем до 1867г. монашеский постриг будущие калужские ректоры принимали в подавляющем большинстве случаев или в период обучения в духовной академии, или сразу по ее окончании (7 лиц), а после 1867г. — эта тенденция перестала существовать. Заметим, что из числа монашествующих калужской ректуры около трети лиц до пострига какое-то время состояли в браке.

Первые ректоры КДС (до 1821 г.) были выпускниками Троицкой Лаврской семинарии, и от ее окончания ими до ректорства в КДС прошло от 5 до 16 лет. От окончания последующими ректорами духовных академий до вступления в должность в Калуге мог пройти срок от 1,5 до 28 лет, причем у большинства ректоров этот отрезок времени составил от 7 до 17 лет.

Ректорской должности в Калуге удостаивались преимущественно лица, ранее служившие инспекторами или ректорами семинарий (9 и 5 случаев соответственно). Подавляющее большинство калужских ректоров еще до перевода в Калугу уже было возведено в сан архимандрита (11 лиц). Возраст вступления в ректорскую должность составлял обычно около 38—40 лет. Срок пребывания на посту начальника КДС мог продолжаться от одного года до 20 лет, как правило, от 2 до 9 лет (для 14 персоналий).

Должность ректора обычно была своеобразным трамплином для дальнейшего продвижения в духовной карьере. И действительно, большинство представителей калужской ректуры в последующем довольно скоро заняли епископские кафедры (11 лиц), причем пятеро были хиротонисаны сразу после ректорства, и еще пятеро — в течение первых четырех лет.

Последующая служебная карьера отмеченных нами персоналий сложилась по-разному: 2 лица закончили ее в сане протоиерея, 5 — впоследствии так и остались архимандритами, 11 достигли высших должностей (в том числе, 7 стали епископами, 3 — архиепископами и 1 — митрополитом).

Отметим, что продолжительность жизни лиц, проходивших калужскую ректуру, составляла от 35 до 86 лет.

Представленный обобщенный портрет ректора КДС на протяжении столетия претерпел определенные изменения. Для выявления характера этих изменений анализируемый период условно делим на два основных этапа: первый — с 1805 по 1867г. (12 ректоров), и второй — с 1868 по 1918г. (6 ректоров). Такое деление вызвано переменами в практике назначений на ректорскую должность, определявшимися реформами духовно-учебных заведений 1867 и 1884 гг., и соответствующими указами и циркулярами Синода, а также определениями духовно-учебного ведомства.

Таблица **«Динамика типичных черт ректуры КДС»**

№	*Фактор*	*Количественные показатели*		*Тенденция*
		С 1805 по 1867	*С 1868 по 1918*	
1.	Место рождения	Калуж. губерния — 3, др. губернии — 8	Калуж. губерния — 1, др. губернии — 5	Уменьшение доли уроженцев Калуж. губ.
2.	Этническая принадлежность	10 — русские, 1 — белорус	Все — русские	Предпочтение титульной нации
3.	Социальное происхождение	Горожане — 2, сельские жители — 8; дети священно-служителей — 6, церковно-служителей — 4	Горожане — 2, сельские жители — 4; дети священно-служителей — 5, церковнослужителей — 1	Доля выходцев из сельского духовенства снижается, из священнослужительских семей — растет
4.	Место получения среднего образования	Калуж. ДС — 3, др. ДС — 8	Калуж. ДС — 1, др. ДС — 5	Увеличение доли выпускников ДС др. епархий
5.	Наличие высшего образования и место его получения	Не оканч. академию* — 4 СПб. ДА** — 3 Моск. ДА— 3 Киевская ДА— 2	Все выпускники академии СПб. ДА — 4 Казан. ДА- 2	Повышение образовательного ценза, предпочтение выпускникам СПб.ДА
6.	Наличие ученой степени	Без степени — первые 4, канд. богословия — 2, магистры богословия — 6	Канд. богословия — 4, магистры богословия — 2	Снижение уровня «учености»
7.	Категория духовенства	Черное — все 12	Черное — 4, белое — 2	Уменьшение доли монашествующих
8.	Семейное положение до пострига***	Состояли в браке — 4, не состояли — 7	Состояли в браке — 1, не состояли — 3	Уменьшение доли состоявших в браке до пострига

* Относится к первым пяти ректорам КДС, трое из них — выпускники Троицкой Лаврской семинарии, один — Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии.

** СПб. ДА образована в 1809 г., Моск. ДА — в 1814, Киевская ДА — в 1819, Казан. ДА — в 1842.

*** Для монашествующих.

№	Фактор	Количественные показатели		Тенденция
		С 1805 по 1867	С 1868 по 1918	
9.	Срок от окончания учебы до ректорства	От 1,5г. до 15 лет	От 8 до 28 лет	Увеличение указанного срока
10.	Должность, предшествовшая ректорству в КДС	Преподаватели — 2, инспекторы — 5 (2 в КДС), ректоры — 4	Инспекторы — 4 (2 в КДС), смотритель дух. училищ — 1, ректор — 1	Увеличение доли лиц, состоявших до ректорства инспекторами.
11.	Наличие сана архимандрита	Все 12 — архимандриты и дновременно настоятели монастырей Калуж. епархии	Архимандритов 4 (из 6), ни один из них не совмещал ректорство с настоятельством	Уменьшение доли монахов и утрата связи с монастырями
12.	Возраст при вступлении в должность	38—39,5 лет	40—42 года	Увеличение возраста
13.	Продолжительность ректорства	От 2 до 14 лет (в среднем — 6 лет)	От 1 до 20 лет (в среднем — 6,5 лет)	Увеличение срока пребывания в должности
14.	Промежуток времени от ректорства до епископской кафедры	Из 7 ректоров, ставших епископами, сразу после ректорства — 3, а спустя промежуток времени от 2 до 17 лет — 4.	Из 4 ректоров ставших епископами, сразу после ректорства — 2, а спустя промежуток времени от 2 до 4 лет — 2.	Уменьшение срока
15.	Духовный сан на момент окончания карьеры	Архимандриты — 5, епископы — 4, архиепископы — 2, митрополит — 1	Протоиереи — 2 , епископы — 3, архиепископ — 1	Увеличение доли лиц высших санов
16.	Продолжительность жизни	57—59 лет	Около 68 лет	Увеличение

Список ректоров КДС.

1805—1807гг. — игумен (с 1807 г. — архимандрит) Феофил (Федор Иванович Платонов),
1808—1810гг. — архимандрит Иона (Иван Семенович Васильевский),
1810—1814гг. — архимандрит Иннокентий (Тихомиров?),
1814—1821гг. — архимандрит Феофилакт (Федор Иванович Ширяев),
1821—1829гг. — архимандрит Венедикт (Василий Иванович Григорович),
1829—1835гг. — архимандрит Владимир (Василий Федорович Алявдин),
1835—1843гг. — архимандрит Израиль (Яков Иванович Лукин),
1843—1850гг. — архимандрит Никон (Иван Антонович Щеглов),
1850—1857гг. — архимандрит Феофилакт (Федор Дмитриевич Губин),
1858—1860гг. — архимандрит Агапит (Лопаткин),
1860—1863гг. — архимандрит Герасим (Георгий (Егор) Иванович Добросердов (Попов)),
1863—1877гг. — архимандрит Асинкрит (Андрей Степанович Верещагин),
1878—1879гг. — архимандрит Мисаил (Михаил Иванович Крылов),
1879—1880гг.— архимандрит Аврамий (Авраамий) (Александр Иванович Летницкий),
1881—1901гг. — протоиерей Дмитрий Георгиевич (Егорович) Лужецкий,
1901—1904гг. — архимандрит Александр (Александр Иванович Трапицын),
1904—1909гг. — архимандрит Никодим (Александр Михайлович Кононов),
1909—1918гг. — протоиерей Алексей Александрович Преображенский.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. Интернет-ресурс: http://epistemology_of_science.academic.ru/641/просопография; http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/674461

[2] Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.. С. 57, 59, 69, 193—194, 473—475, 480, 546.

[3] ПСЗ I. Т.XXV. № 18726

[4] Знаменский П.В., С.703.

[5] Автобиография Платона, митрополита Московского. С предисловием и примечаниями прот. С.К.Смирнова // Душеполезное чтение. 1887. №8, 9. Отд. оттиск. М., 1887. С. 42.

[6] ГКУ «ГАКО». Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[7] Соколов Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии. Калужская Духовная Семинария в период с 1785—1799 год. // КЕВ. 1902. 15 нояб. № 21. Ч. неоф. С. 545.

[8] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Составил П.Строев. СПб., 1877. Стлб. 574, 579.

[9] ГКУ «ГАКО». Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[10] ПСЗ I. Т.XXV. № 19156.

[11] ГКУ «ГАКО». Ф. 65. Оп. 1. Д. 3; Д. 4. Л.1, 3—7 об.; см. также: Х-кий [Холминский] В. Материалы для истории Калужской духовной семинарии. // КЕВ. 1866. № 7. Приб. С. 212—213; Соколов Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии в период с 1794—1814 год. // КЕВ. 1903. 15 нояб. № 21. Ч. неоф. С. 570.

[12] ГКУ «ГАКО». Ф. 33. Оп. 1. Д. 646. Л. 13—13 об.; Ф. 65. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.; Д. 24. Л. 1 об., 4.; Ф.143. Оп.1. Д. 1. Л. 2, 45, 209, 211.

[13] ПСЗ I. Т. XXXII. № 25674.

[14] ПСЗ II. Т. XLII. № 44571

[15] Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 г. с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1908. С. 13.

В.М.ГАДЗЯЦКАЯ. К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

А.В.Лион, *г. Калуга,*

Ю.Н.Фетисова, *педагог-психолог,*
МОУ № 87 «Прогимназия».

Причудливые повороты и неожиданные открытия порой дарит судьба исследователю, словно в благодарность за внимание и дотошность. Крохотные разрозненные детали складываются вдруг в неповторимый узор, и за скромным посвящением скрывается подчас не простой житейский эпизод, а жизненной важности событие.

В библиографии калужского историка-краеведа Дмитрия Ивановича Малинина (1879—1933) на сегодняшний день насчитывается более 150 работ. И лишь одна из них имеет посвящение. Речь идет о ранней публикации историка «Отголоски пугачевщины в Мещовском уезде»[1]. Надпись перед текстом статьи гласит: «Посвящается В.М.Гадзяцкой». Кто же эта женщина, имя которой оказалось столь важным для автора и удостоилось внесения в публикацию? Выяснение данного вопроса заставило нас провести небольшое расследование.

В ходе поисков мы обнаружили, что происхождением этого посвящения интересовался известный литературовед и знаток литературной жизни Калужского края В.И. Безъязычный (1929—1996). Он установил, что малининская статья посвящалась Вере Мелетьевне Гадзяцкой, дочери известного и довольно состоятельного екатеринославского юриста Мелетия Христофоровича Гадзяцкого. Безъязычный предположил, что Вера Мелетьевна являлась автором рисунка обложки и одного из стихотворений («Волчье») поэтического сборника «Норд», изданного в Баку в 1926г.[2] Литературовед сделал вывод о том, что по крайней мере до середины 1920-х гг. Вера еще не выходила замуж, поскольку публиковалась под девичьей фамилией.

Однако в библиографическом описании сборника стихов «Норд» указан помимо фамилии только инициал имени. В литературе же есть сведения о художнице Вере Федоровне Европиной (урожд. Гадзяцкой) (1899 — не ранее 1976), уроженке г. Ялты, много лет жившей на Кавказе (г.Сухуми). Известно, что с 1925 по 1927 г. она училась в Баку в Азербайджанском художественном техникуме[3], т.е. имела возможность принять участие в указанном сборнике. Забегая вперед, сообщим: Вера Мелетьевна в те годы уже находилась в эмиграции. Предполагаем, что Вера Федоровна была дочерью военного врача Федора Христофоровича Гадзяцкого, родного брата Мелетия Христофоровича Гадзяцкого[4]. Если наше предположение верно, то В.Ф.Гадзяцкая и В.М.Гадзяцкая — двоюродные сестры. Таким образом, вероятнее всего, Вера Мелетьевна к сборнику «Норд» отношения не имела.

Прежде, чем ответить на вопрос, при каких обстоятельствах пересеклись жизненные пути Дмитрия Ивановича и Веры Мелетьевны, следует познакомиться с некоторыми фактами биографии этой незаурядной, если не сказать, выдающейся женщины.

Главными источниками биографических сведений о ней и ее семье нам послужили архивные документы, хранящиеся в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) (Коллекция писем и рукописных документов. Рукописи В.М.Романович.), в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (фонд Санкт-Петербургского университета (Ф. 14)), в Государственном учреждении «Государственный архив Ростовской области» (фонды Новочеркасской судебной палаты (Ф. 41) и Ростовского-на-Дону окружного суда (Ф. 151)), а также в частных собраниях. Помимо того мы использовали публикации некоторых материалов из архивов русской эмиграции.

Вера Мелетьевна Гадзяцкая (по мужу Романович) (1890? — не ранее 1969) родилась, по одним сведениям, в г. Ростове-на-Дону, по другим — в Санкт-Петербурге[5]. После окончания гимназии в г. Екатеринославе училась в английской католической школе. Как несколько лет спустя вспоминала Вера Мелетьевна, до революции она имела опыт жизни «по студенчески».

Ее отец, Мелетий Христофорович, происходил из духовного сословия (сын священника Покровской церкви с. Чепелевки Староконстантиновского уезда Волынской губернии Христофора Иулиановича Гадзяцкого и его жены Домникии Антоновны). Мелетий Христофорович закончил Кременецкое духовное училище (1869), 4 класса Волынской духовной семинарии (1873) и поступил на первый курс естественного разряда физико-математического факультета Санкт-Петербургского ун-та. В 1874 г. он подал прошение о переводе на юридический факультет, по окончании которого (1879) со званием действительного студента стал слушателем Военно-юридической академии[6]. Надо заметить, что с 1866 по 1891 г. Военно-юридическая академия выпустила 481 офицера и только 32 гражданских чиновника, причем последние принимались до 1882 г.[7] В дальнейшем карьера М.Х.Гадзяцкого была связана с юриспруденцией и гражданским ведомством.

С 1885 г. он числился в округе Санкт-Петербургской судебной палаты, а с 1898 г. — в округе Харьковской судебной палаты, с проживанием в г. Харькове, где служил присяжным поверенным[8]. В 1902 г. семья Гадзяцких перебралась в г. Екатеринослав[9], где проживала до конца 1909 г. С января 1910 г. Мелетий Христофорович работал юрисконсультом Управления Владикавказской железной дороги, в 1911 г. он был принят в число присяжных поверенных округа Новочеркасской судебной палаты (с местом жительства: г. Ростов-на-Дону, Николаевский пер., 44)[10]. И в 1913—1914 гг. Гадзяцкие проживали по этому же адресу. Мать Веры, Александра Петровна, состояла в местном комитете Общества просвещения 1-го Ростовского отделения Владикавказской железной дороги[11].

В «Списках присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных округа Ростовского окружного суда по состоянию на 1914 г. с указанием их вероисповедания» упоминается М.Х.Гадзяцкий, присяжный поверенный г. Нахичевани-на-Дону, православного вероисповедания[12]. Из воспоминаний Веры Мелетьевны известно, что ее отец к началу 1918 г. продолжал служить в железнодорожном управлении, где, по ее словам, «его любили за справедливость»[13].

В юности Вера увлекалась спортом: летом часто посещала Азовско-Донской яхт-клуб, ходила на яхтах, занималась греблей на гоночных шлюпках (аутриггерах), а зимой — играла в хоккей[14].

Во время Первой мировой войны Вера Мелетьевна служила сестрой милосердия, находясь на фронте, состояла в инженерно-строительной дружине. В 1917 г. она вернулась в Ростов, где, по некоторым сведениям, вместе с сестрой Зоей вступила в одну из первых антибольшевистских молодежных организаций. В годы Гражданской войны (1918—1920) состояла сестрой милосердия в Добровольческой армии[15].

В ее воспоминаниях нашли отражение несколько эпизодов того периода. Вот один из них: *«Перед уходом Добрармии из Ростова раненых эвакуировали в Новочеркасск. Мы пришли проводить своих знакомых студентов из Петербурга.... В поезде ничего не было организовано: ни для питания, ни медицинская часть. Когда я это увидела, то решила сопровождать раненых, и, как пришла на вокзал в шубке, без лишнего носового платка, так и поехала — только браунинг был в кармане, привычно еще со времен на германском фронте в передовом госпитале в первую мировую войну»*[16].

Позднее, когда Ростов и Новочеркасск заняли «красные», по приглашению знакомого офицера они вдвоем с сестрой вновь уехали в Новочеркасск. Здесь сняли жилье и поступили на мелиоративный факультет Политехникума (полагаем, для конспирации). Дело в том, что в Новочеркасске оставались поправлявшиеся после ранений белые офицеры. Вера и Зоя поддерживали связь с Ростовом и оказывали им помощь по снабжению штатской одеждой, документами и всем необходимым[17].

Зимой 1918 г. Вера заболела тифом, от нее заразилась сестра, обеих с трудом вылечили[18]. А летом того же года Вера предложила свои стихи редактору иллюстрированного еженедельного журнала «Донская волна» Виктору Севскому (В.А.Краснушкину)

и у них установились «искренние добрые отношения». Так она стала сотрудницей журнала. Вера Мелетьевна вспоминала об этом знакомстве: *«Виктор Севский был писатель Божьей милостью. Среднего роста, с ничем не примечательной наружностью, он любил искусство слова и был искренним патриотом своего родного Дона, интересовался донской стариной. Его тонкое художественное чутье при оценке написанного меня многому научило»*[19].

В конце 1919 г. сестры покинули Ростов-на-Дону. Прощаясь с отцом на железно-дорожном вокзале, они намеревались через месяц-два вернуться[20]. Но вернуться было не суждено... В 1920 г. Вера и Зоя эвакуировались из Новороссийска на грузовом пароходе «Браунфельс» на греческий остров Лемнос, затем переехали в Югославию, позднее — в Бейрут. Последние годы жизни Вера Мелетьевна провела в Тегеране. В эмиграции у нее родились два сына, один из которых жил и работал в Голливуде (США)[21].

В.М.Гадзяцкая известна как автор книги «Грань», изданной под псевдонимом «В.Грэт»[22]. Сборник составили фронтовые стихи и лирика. В ее воспоминаниях находим объяснение названия: *«... война и связанное с ней потом смутное время легли кровавой гранью не только на жизнь юной беспечной девушки, но и всей огромной страны»*[23]. Как упоминалось выше, стихи поэтессы, (в том числе и о Добровольческой армии), публиковались в 1918—1919 г. под тем же псевдонимом в «Донской волне».

Пять стихотворений из сборника «Грань» в 1960-е гг. перепечатал журнал «Возрождение» (Париж). В «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1994. № 195) были опубликованы ее воспоминания «Полвека тому назад», повествующие в основном о событиях 1918—1920-х годов на Дону[24]. Они представляют собой цикл из четырех коротких рассказов, написанных в 1965—1969 гг., каждому из которых предшествует эпиграф из стихотворений В.Романович, Н.Гумилева, Г.Иванова; пятой, завершающей частью публикации стало стихотворение Веры Мелетьевны «Зарубежная Русь». По мнению литературоведа О.Р.Демидовой, подготовившей корпус произведений для этой публикации, стихотворения В.М.Романович представляют значительную художественную ценность[25].

В литературных кругах известно, что знаменитый русский поэт Н.С.Гумилев экземпляр первого сборника своих стихотворений («Путь конквистадоров») подарил В.М.Гадзяцкой, подписав его: «Вере Мелентьевне Гадзятской» — и сопроводив четверостишием:

«Этот «Путь конквистадоров»,
Скопище стихов нестройных,
Недостоин Ваших взоров,
Слишком светлых и спокойных».

По сообщению одного из друзей Гумилева, поэта и переводчика М.Л.Лозинского, дарственная надпись была сделана около 1915 г. Биограф Николая Степановича, П.Н.Лукницкий, ссылаясь на того же Лозинского, записал в своей книге «Труды и дни Н.С.Гумилева»: *«1917 Весна. Встречи с Гадзяцкой (?)»*[26]. Весьма вероятно, знаменитый русский поэт и В.М.Гадзяцкая были не просто знакомы, а, по крайней мере, несколько раз встречались.

Что же могло связывать провинциального учителя и дочь преуспевающего юриста?

Определенный ответ на этот вопрос смог получить В.И.Безъязычный у вдовы Дмитрия Ивановича, Ольги Ивановны Малининой при их личной встрече, состоявшейся в 1960-е гг.

Пути Малинина и Гадзяцкой пересеклись в Екатеринославе, куда после окончания Юрьевского университета Дмитрий Иванович прибыл на службу в 1907 г.[27]

С 1 октября он преподавал историю в Мариинской женской гимназии, а с 1 декабря одновременно с этим — историю и русский язык в частной женской гимназии А.Г.Петровой[28]. Вера являлась ученицей последнего класса одной из этих гимназий. Ей было 17 лет, а ее учителю — 28.[29]

Из записей В.И.Безъязычного можно получить определенное представление о чувстве, возникшем между преподавателем и гимназисткой, и о тех событиях, которые оно повлекло за собой. *«Разница в годах, разница в положении, социальное и материальное неравенство — все это стало неодолимой преградой для Д.И.Малинина, полюбившего свою юную и очень красивую ученицу,* — сообщал литературовед. — *Родители отказали ему в руке дочери, ссылаясь на ее молодость, на то, что она должна поехать в Англию для завершения образования. А чувство со стороны молодого ученого было большое, большим был и удар. <...> По-видимому, юная ученица отвечала взаимностью своему учителю: по крайней мере, О.И.Малинина говорит, что они переписывались, поздравляли друг друга с праздниками»*[30].

Истинные же мотивы отказа заключались, по-видимому, в том, что отец Веры не хотел связывать судьбу своей дочери с «суровым поповичем» из провинции (напомним, что Дмитрий Иванович происходил из семьи сельского священника), пусть и образованным, и честолюбивым, поскольку Мелетий Христофорович вырос в потомственной священнической семье и слишком хорошо представлял себе, какое будущее могло бы ее ожидать в случае заключения брака с Малининым. Думается, Дмитрий Иванович и сам понимал, что не сможет предложить своей возлюбленной достойный ее уровень благосостояния и социального положения. Возможно, на решение родителей Веры повлияли и те убеждения, которых придерживался молодой человек (сторонник марксистских идей).

Так или иначе, прослужив всего полтора года, Дмитрий Иванович в первой половине 1909 г. спешно покинул Екатеринослав, и, как он писал позднее в одной из автобиографий, *«...вышел в отставку и намеревался держать экзамен по юридическому факультету»*[31]. Первый биограф Малинина, Ю.А.Вусович (1882—1938), рассматривал отставку как следствие *«тяжелой политической атмосферы ... в учебных заведениях Одесского округа»*[32]. Мы склоняемся, однако, к тому, что основным мотивом отъезда стала личная драма Дмитрия Ивановича.

Но и планам получения юридического образования, которые имелись у Малинина еще со времен окончания семинарии, также не суждено было осуществиться. Осенью 1909г. он поступил на службу в Калужское казенное реальное училище.

А что же Вера? По скромному замечанию Безъязычного, *«отвергнутого ее родителями Малинина она помнила»*, свидетельством чему являлась их многолетняя переписка. А Дмитрий Иванович, «уязвленный любовью», сохранял свое чувство в течение долгих лет, а, может быть, и до конца своих дней. Более того, со слов Ольги Ивановны, когда родилась дочь, он настоял на том, чтобы назвать ее Верой, о чем сама Вера Дмитриевна не знала...[33]

Итак, одну из первых своих историко-краеведческих работ Д.И.Малинин посвятил своей возлюбленной, В.М.Гадзяцкой, встреча с которой в значительной степени повлияла на его дальнейшую судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 5 ноября 1910г. на заседании Калужской ученой архивной комиссии Д.И.Малинин выступил с рефератом, называвшимся «Отголоски пугачевщины в Мещовском уезде. [По секретным делам Мещовской воеводской канцелярии]. См.: Известия КУАК. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 9—29; 80.

[2] Норд. Стихи. Обл. В.Гадзяцкой. Баку, 1926. См.: Библиотека русской поэзии И.Н.Розанова. М., 1975. С. 248.

[3] Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь в шести томах. Том третий. М., 1976. С. 520—521; http://artru.info/ar/17777

[4] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21114. Л. 3; Д. 17724. Л. 2; Федор Христофорович Гадзяцкий // Большая русская биографическая энциклопедия. Мультимедийное издание. М., 2006.

[5] Отец Веры Мелетьевны на 1890 г. числился в округе Санкт-Петербургской судебной палаты, в Ростов семья перебралась позже. Государственное учреждение «Государственный архив Ростовской области». Ф.41. Оп.3. Д.283. Л.1-1об.

[6] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.17724.

[7] Военно-юридическая академия // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия. Мультимедийное издание. М., 2005.

[8] ГУ ГАРО. Ф.41. Оп.3. Д.283. Л.1-1об.

[9] Там же. Л.2—2об.

[10] Там же. Л.3-6.

[11] Адрес-календарь служащих Владикавказской железной дороги на 1913г. Ростов-на-Дону, 1913. С.228-229.

[12] ГУ ГАРО. Ф.151. Оп.2. Д.14. Л.3.

[13] Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Коллекция писем и рукописных документов. Рукописи В.М. Романович Глава «Страшная ночь». С. III.

[14] Там же. Глава «Последнее прости». С.1.

[15] По сообщению куратора Бахметьевского архива Т.Чеботаревой. Письмо авторам от 30.11.2009г.

[16] БКУ. Рукописи Романович В.М. Глава «Последнее прости». С.1-2.

[17] Там же. С.4.

[18] Там же. Глава «Последнее прости». С. 1.

[19] Там же. Глава «Донская Волна». С. 1. О В.Севском см.: Русские писатели. Т. 5. М., 2007. С. 541.

[20] Там же. Глава «Донская Волна». С. 2.

[21] Письмо авторам от 30.11.2009 г.

[22] БКУ. Рукописи Романович В.М. Глава «Последнее прости». С. 1; Грэт В. Грань. Ростов н/Д., 1918. См.: Библиотека русской поэзии И.Н.Розанова. М., 1975. С. 151; см. также: Русские поэты XX века / Сост. Л.М.Турчинский. М., 2007. С.155.

[23] БКУ. Рукописи Романович В.М. Глава «Последнее прости». С. 1.

[24] Демидова О. Женщины русской эмиграции: краткий обзор материалов Бахметьевского архива. // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. http://www.a-z.ru/women_cd1/html/russkie_pisatelnici_i_lit_process_2.htm (далее: Демидова О.); Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник. М.-Нью-Йорк, 2008. С. 462.

[25] Демидова О. op.cit

[26] Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С.Гумилева. СПб., 2010. С. 429—430, 475.

[27] Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 376. Оп. 2. Д. 81а. Л. 1 об., 3а.

[28] Государственное казенное учреждение «Государственный архив Калужской области». Ф. 78. Оп. 1. Д. 952. Л. 1 об.

[29] Безъязычный В.И. Рукописная карточка. Копия. Частное собрание.

[30] Там же.

[31] Автобиография Д.И.Малинина 1921 г. Копия. Частное собрание.

[32] Вусович Ю.А. Биография Дмитрия Ивановича Малинина. // Малинин Д.И. Неизданные рукописи. Калуга, 2010. С. 14

[33] В.И.Безъязычный. Рукописная карточка. Копия. Частное собрание.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ВОЕННЫЕ НУЖДЫ В 1904—1905 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАНЦЕЛЯРИИ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА)

А.В.Ковалев, *к.и.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Исследование указанной темы позволяет приблизиться к пониманию подлинного отношения провинциального населения России к русско-японской войне 1904—1905 гг. — на примере Калужской губернии. Мнение о том, что с самого начала война была встречена безразличием или даже неприязнью во всех слоях населения, нуждается, как минимум, в проверке и уточнении.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что на манифест императора Николая II о начале войны население губернии отреагировало многочисленными патриотическими мероприятиями. Так, 30 января 1904 г. в Троицком соборе Калуги на богослужение о ниспослании победы собралась военная и гражданская элита во главе с управляющим губернией вице-губернатором князем А.П.Голицыным. А 1—2 февраля толпа людей разного звания устроила на улицах Калуги верноподданническую демонстрацию. Патриотические действия затронули не только дворян, купцов и служащих, но также и крестьян, рабочих, учащихся и других. Такие мероприятия продолжались в губернии особенно активно — до лета 1904 г., но были они и позднее, на протяжении всей войны[1].

Однако, вполне возможно, патриотические заявления — еще не достаточное подтверждение заинтересованности людей в правительственной политике на Дальнем Востоке. Вероятно, более объективным критерием и, своего рода, единицей измерения могут стать денежные пожертвования населения. Речь пойдет о пожертвованиях «на военные нужды».

Следует уточнить, что имелось в виду под таким видом пожертвований. Дело в том, что вскоре после объявления войны начались отчисления на разные сферы, наиболее популярными из которых были, пожалуй, Красный Крест, флот и семьи воинов. Однако часть пожертвований передавалась без определенного назначения. Так, в марте 1904 г. земский начальник 8-го участка Жиздринского уезда С.Назаревский передал губернатору приговоры крестьянских сходов Овсорокской и Огорской волостей, которые *«объяснили мне, что их желание такое, чтобы ПРАВИТЕЛЬСТВО назначило эти жертвенные суммы, куда оно найдет нужным»*[2]. Такие взносы и назывались пожертвованиями «на военные нужды». Изучать их стоит хотя бы потому, что они стали убедительным показателем уровня доверия к правительству. Ведь, скажем, пожертвования в пользу раненых воинов или солдатских сирот можно отчасти объяснить чисто гуманитарными целями. А вот отчисления *«в распоряжение ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на нужды войны»*, как это обозначили в своем приговоре крестьяне Полянской волости Перемышльского уезда[3], показывают веру людей в то, что власти сами лучше знают, куда потратить народные деньги, то есть поддержку в тот момент правительственной политики в Манчжурии.

Источниковой базой исследования стали документы Канцелярии калужского губернатора, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области *(ГАКО, Ф. 32)*. Безусловно, нельзя быть уверенным, что охвачены все случаи пожертвований, но канцелярия к этому стремилась. Ведь власти империи (например, министр внутренних дел В.К. Плеве, которому приписывают слова о «маленькой победоносной войне») были заинтересованы в такой информации. Это создавало бы впечатление нерушимого единства народа и династии Романовых. Жертвователям тоже было бы приятно узнать о себе из местной прессы или даже получить благодарность из столицы. Все эти сведения шли через канцелярию губернатора, который распоряжался о публикации новостей в «Калужских губернских ведомостях» и доносил о пожертвованиях министру внутренних дел. Разумеется, возможны трудности с уточнением времени конкретного пожертвования (от факта до официальной реакции на него проходило время), а также с определением социальной принадлежности жертвователей (сослов-

ные представления были сильны, далеко не полностью учитывались новые капиталистические реалии). Возможны и некоторые погрешности в расчетах. Не всегда можно выявить точные данные о пожертвованиях за конкретный месяц: порой в документах указана сумма, собранная за несколько месяцев. Оставалось исходить из среднеарифметического расчета. Кроме того, иногда документы содержат сведения не о выделении конкретной суммы, а об отчислении процента от жалования, и точный расчет выплат затруднителен. Таким образом, некоторые числа можно считать приблизительными, но это не слишком искажает общую картину. В целом, документы дают представление о тенденциях в области пожертвований на военные нужды.

Необходимо отметить, что прием пожертвований на военные нужды не сразу был поставлен на должный уровень организации. Вот пример: 5 февраля 1904 г. служащие губернского статистического комитета постановили передать «на войну» часть жалования. 4 марта комитет запросил губернаторскую канцелярию: «куда следует сдавать деньги, удерживаемые из содержания чиновников комитета на военные потребности»? На документе стоит красноречивая пометка: *«передать И.П.Б.* [вероятно, член-секретарь губернского статистического комитета надворный советник И.П.Балабанов[4]] *на словах, что Канцелярии также неизвестно — куда передавать пожертвования, не имеющие определенного назначения»*[5].

То, что переписка провинциальных чиновников отражала проблему имперского масштаба, видно из циркуляра В.К.Плеве губернаторам от 17 марта 1904 г. Там говорилось, что *«имеется ряд поступлений, жертвуемых... без определенного назначения, а вообще на нужды военного времени... Относительно направления этих пожертвований не имелось до настоящего времени ясных указаний, и обстоятельство это ставило в большое затруднение как губернские начальства, так и самих жертвователей...»* Отныне надлежало эти деньги «направлять в Государственный банк для внесения на особо открытый для сего текущий счет». В дальнейшем предполагалось использовать эти деньги на 50% — для лечения раненых, на 50% — по усмотрению императора[6]. Напомним, вопрос о порядке приема пожертвований был решен в марте, война же шла с января 1904 г.

Данные канцелярии позволили составить таблицу, согласно которой, в губернии собрано более 38000 р. Возможно, это не так много, но надо учитывать, что большинство пожертвований сделано в первые месяцы (не считая январь 1904 г.: война захватила лишь конец месяца). Это — февраль (пик пожертвований) и март. С апреля размер отчислений резко упал, в последующие месяцы они иногда незначительно возрастали или уменьшались, но не прекращались до конца войны.

Итак, первые два полных месяца войны Калужская губерния своими пожертвованиями демонстрировала поддержку правительственной политики. Возникает вопрос, почему размер пожертвований уменьшился, а значит, закончился патриотический подъем. Причин несколько. Конечно, война не улучшила и без того непростое материальное положение людей. Сыграла роль и антивоенная агитация революционеров[7]. Далее, людям было обидно, при их внимании к военным событиям, получать все новые вести о неудачах. Разочаровывали потери флота, особенно гибель адмирала С.О.Макарова 31 марта 1904 г.[8] Уходила вера в успех, а с нею и интерес к далекой войне.

Еще одно объяснение: люди переключились на более осязаемые направления пожертвований, чем абстрактные «военные нужды». Но и это тоже говорит о том, что слепая вера людей в правительство исчезла. Наконец, вспомним, что само дело сбора денег на военные нужды слишком долго не было как следует организовано чиновниками, это тоже могло останавливать жертвователей.

Посмотрим, какие группы жертвователей выделяли деньги на военные нужды. На первом месте по объему вклада — дворянство, оно не только обладало финансовыми возможностями, но и безоговорочно верило правительству. На втором месте — взнос городов, на третьем — крестьян. Четвертую и пятую позицию заняли пожертвования предпринимателей и рабочих. Более скромными были отчисления прочих: личного состава учебных заведений, учащихся, служащих, полицейских.

Конечно, это деление на группы несколько условно. Так, города могли представлять не только мещан, но и дворян, и купцов или буржуазию (как правило, пожертвования городов утверждались органами местного управления). И все же общие тенденции увидеть можно. Важно, что в пожертвованиях приняли участие различные слои провинциального населения.

Симптоматично, что наиболее стойкими жертвователями оказались служащие и, особенно, полицейские: к концу войны это были последние, кто своими ежемесячными отчислениями из жалования выказывали безоговорочную поддержку правительству.

Помимо жителей Калуги, в пожертвованиях участвовали уроженцы городов и деревень всех уездов Калужской губернии.

Суммы денег иногда содержат намек на способ их сбора. Так, пожертвования дворян и, в некоторых случаях, городов — круглые числа, а вот, скажем, у крестьян это часто неровные суммы. Дело в том, что в первом случае жертвовали, договариваясь о выделении общей суммы, а во втором — еще и складывались «по возможности» или отдавали долю от заработка. Это отражает участие в пожертвованиях значительного количества простых людей.

Итак, изучая пожертвования на военные нужды, отметим доверие разных слоев провинциального населения к правительству, своего рода патриотический подъем в течение первых двух месяцев русско-японской войны. Однако, в силу ряда причин, позднее этот энтузиазм угас.

Данное исследование, конечно, не является окончательным. Полную сумму пожертвований стоит уточнять. Необходимо рассматривать другие направления пожертвований (на Красный Крест, на солдатские семьи, на флот) и сопоставлять их. Это поможет создать более сложную и верную картину настроений провинциальной России на грани эпохи революционных потрясений.

Таблица. **Пожертвования населения Калужской губернии на военные нужды в 1904—1905 гг.** (в рублях)

Месяцы войны	*Жертвователи*									*Всего*
	Крестьяне	*Рабочие*	*Города*	*Предприниматели*	*Дворяне*	*Личный состав учебн. заведений*	*Учащиеся*	*Служащие*	*Полицейские*	
I 1904										
II[9] 1904	2550		1200		25000	52,62	34	26,13	16,49	28879,24
III[10] 1904	2621,43	741,64	4296,73	1030,12				2,13	16,49	8708,54
IV[11] 1904			25,50					2,13	16,49	44,12
V[12] 1904			38,93					2,13	16,49	57,55
VI[13] 1904	250							2,13	16,49	268,62
VII[14] 1904	2,99							2,13	16,30	21,42
VIII[15] 1904			123					2,13	16,30	141,43
IX[16] 1904								2,13	16,30	18,43
X[17] 1904			23					2,13	16,30	41,43
XI[18] 1904	150		100					2,13	16,30	268,43
XII[19] 1904								2,13	16,30	18,43
I[20] 1905									16,41	16,41
II[21] 1905									16,41	16,41

III [22] 1905	106,87								16,39	123,26
IV [23] 1905									16,39	16,39
V [24] 1905									16,39	16,39
VI [25] 1905									16,39	16,39
VII [26] 1905									11,45	11,45
VIII [27] 1905									11,45	11,45
Итого	**5681,29**	**741,64**	**5807,16**	**1030,12**	**25000**	**52,62**	**34**	**47,43**	**301,53**	**38695,79**

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1182. Л. 1, 2, 4, 8, 12, 13, 15, 22—26, 27, 30, 32, 37, 39, 48, 56, 59—60, 63, 131, 132, 136, 140—143, 147, 153, 160, 166, 173-174, 178, 189, 191, 198, 200, 201, 204, 209, 211, 220, 225, 230, 232, 236, 247, 252—256, 260, 272.

[2] Там же. Д. 1131. Л. 44.

[3] Там же. Л. 67.

[4] Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год / Под ред. И.П.Балабанова. Калуга, 1904. С.44.

[5] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1182. Л. 80, 170.

[6] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб., 1904. Выпуск 2. С.41.

[7] Калужский край. Книга 2-я. Калуга, 1977. С. 173—176, 181; Малинин Д.И. Неизданные рукописи. Калуга, 2010. С. 228, 229.

[8] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. СПб, 1904. Выпуск 1—3.; Летопись войны с Японией. 1904. № 1—5.

[9] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1131. Л. 8, 44, 60, 78, 191; Там же. Д. 1144. Л. 119, 126; Там же. Д. 1181. Л. 4, 8, 9, 23, 47, 54, 56—57; Там же. Д. 1182. Л. 115, 136, 166; Там же. Д. 1251. Л. 19.

[10] Там же. Д. 1131. Л. 56—57, 64—67, 73, 108, 110, 120, 121, 154, 191; Там же. Д. 1144. Л. 138, 139; Там же. Д. 1181. Л. 6, 8, 9, 21, 23, 54, 56—57, 77; Там же. Д. 1182. Л. 20—21, 172—174, 194, 220, 230-233; Там же. Д. 1251. Л. 19.

[11] Там же. Д. 1131. Л. 130, 191; Там же. Д. 1144. Л. 151; Там же. Д. 1251. Л. 19.

[12] Там же. Д. 1131. Л. 191; Там же. Д. 1144. Л. 52; Там же. Д. 1251. Л. 19.

[13] Там же. Д. 1131. Л. 191; Там же. Д. 1144. Л. 157; Там же. Д. 1181. Л. 9, 30, 47, 56; Там же. Д. 1251. Л. 19.

[14] Там же. Д. 1131. Л. 258; Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[15] Там же. Д. 1131. Л. 209; Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[16] Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[17] Там же. Д. 1131. Л. 242; Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[18] Там же. Д. 1131. Л. 257; Там же. Д. 1144. Л. 52, 108, 167; Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[19] Там же. Д. 1251. Л. 3а, 4, 19.

[20] Там же. Д. 1251. Л.15.

[21] Там же.

[22] Там же. Д. 1251. Л. 22, 23, 52.

[23] Там же. Л. 52.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же. Л.60.

[27] Там же.

ЧАСТИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ЧОН) И БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918—1920-Х ГГ.

О.А.Лошманова, *асп.,*

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

С первых дней установления Советской власти перед большевиками встала проблема социально- политической стабильности общества, как в центре, так и в провинции.

Противостояние народа и власти в 1917—1920-е годы отражавшееся как в вооруженных столкновениях, так и в неприятии крестьянством и рабочими политики правящей партии, способствовало углублению политического конфликта внутри советского общества, а общая политическая нестабильность в стране способствовала ужесточению политического режима.

На заре своего становления начавшийся утверждаться на территории бывшей Российской империи режим коммунистической диктатуры создал большое количество охранительных институтов, формирований и структур. Одними из них являлись части особого назначения (ЧОН) — военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партячейках, районных, городских, уездных и губернских комитетах РКП(б) и организационно не входивших в Красную Армию. В период с марта 1918 г. до середины апреля 1919 г. отряды особого назначения создавались для использования их в борьбе с контрреволюцией в тылу Советской России и на фронтах гражданской войны.

На протяжении своего существования формирования ЧОН действовали в тесном контакте с органами ВЧК, составляя боевую ударную силу еще недостаточно окрепшего советского репрессивного аппарата. В ряде случаев отряды ЧОН выполняли не только карательные функции в советском тылу, но и направлялись в качестве элитных частей из наиболее проверенных бойцов в состав действующей армии на самые опасные участки фронта. В разные периоды своей истории они именовались «коммунистическими дружинами», «военно-партийными отрядами», «частями особого назначения».

Основу кадрового состава частей особого назначения составляли рядовые коммунисты — рабочие фабрик, заводов, производственных артелей, которые без отрыва от производства должны были пройти начальную военную подготовку и по первому же зову партии с оружием в руках выступить на защиту ее интересов. Помимо коммунистов, в отряды ЧОН привлекались комсомольцы и наиболее лояльные режиму беспартийные рабочие, рекомендованные заводскими парторганизациями.

После революции 1917 года в Калужской губернии политическая обстановка была напряженной. Об этом свидетельствуют секретные документы ВЧК и ЧОН, в которых встречаются отчеты о политическом настроении населения Калужской губернии.

В сентябре 1919 г., после того, как в Калужской губернии были сформированы отряды осназ, на состоявшемся 20 сентября собрании, ответственный организатор отрядов Алмазов Н.Г., разъяснил рядовым коммунарам и командирам отрядов поставленные перед ними задачи, в связи со сложившейся политической обстановкой в стране, а также обратил внимание на то, что *«не все коммунисты понимают, что такое контрреволюция. Контрреволюция это не только вооруженное сопротивление, мятежи, заговоры, акты саботажа и диверсии, но и негативные отношение крестьян и рабочих к советской власти, а также критика и брань в ее сторону»*[1].

На собрании обсуждались методы борьбы с контрреволюцией, среди которых основное внимание уделялось разъяснению крестьянам и рабочим экономической политики партии и организации агентурной разведки на территории Калужской губернии.

Для эффективной борьбы с контрреволюцией в конце 1919 года в губернии были созданы небольшие группы, состоявшие из чоновцев и чекистов. В обязанности групп входило: проведение собраний среди крестьян и рабочих, наблюдение за населением, посещение проповедей, собраний и сходок, организованных крестьянами и рабочими, выявлению недовольных советской властью, составлению отчетов о политическом настроении общества.

В секретных отчетах ЧОН и ЧК, за период с января по март 1919 г., указывалось: *«положение крестьян и рабочих критическое, голод, болезни. На собраниях критикуют советскую власть»*[2]. В одном из отчетов приводится пример высказываний крестьянина Кузьмина из с. Корекозево недовольного советской властью: *«Товарищи граждане, погибает наша Россия, погибает с голоду. При царе Николаше была у нас мука и каша, а при этом совету и на обед хлеба нету! Советская власть доведет до погибели всего народа. Товарищи солдаты не ходите в солдаты, пусть советы сами воюют»*[3].

Сложившейся ситуацией в Калужской губернии были недовольны и сами коммунисты. 5 марта 1919 г. Председателем Жиздринского Уездкома Соколовым и его сослуживцами была отправлена телеграмма Ленину о задержке на три месяца положенных продуктов, для работников Уездкома и их семей, в телеграмме описывалась ситуация в губернии *«голод, болезни, нет еды, одежды, крестьяне и рабочие недовольны совластью»*[4]. За эту телеграмму Соколова задержали, в последствии было заведено уголовное дело, так как информация в телеграмме, по мнению следователя ЧК, носила контрреволюционный характер. 12 апреля 1919 г. Соколов получил телеграмму (часть ее испорчена, установить отправителя невозможно) в которой сообщалось следующее: *«Для удовлетворения продовольствием партработников Калужской губернии Центральным Продовольственным комитетом все меры приняты: отпущено по нарядам на март 3 000 т. пудов муки и 250 пар галош»*[5]. Несмотря на это обвинения в контрреволюции с Соколова не сняли. О дальнейшей судьбе Соколова в документах ЧК и ЧОН сведений нет.

В журналах боевых действий ЧОН за 1919—1920-е годы довольно часто встречаются записи, свидетельствующие о конфликтах крестьян с местной властью. Так, по данным Комчон Калужской губернии, за вторую половину 1919 г. было 24 случая носивших политический характер[6].

Источники свидетельствуют, что в д. Сухиничи, в связи с очередной мобилизацией крестьян на фронт произошел бунт, в ходе которого *«крестьяне грубо отзывались о Советской власти, говорили о своем тяжелом положении и не желании за нее воевать»*[7]. Для устранения сложившейся ситуации был вызван отряд чоновцев с целью предотвращения развития конфликта. В результате мобилизация была сорвана, зачинщики арестованы и переданы представителям ЧК. О дальнейшей судьбе задержанных в документах ЧОН сведений нет.

24 августа в г. Мосальске состоялся съезд духовенства и мирян Мосальской епархии. В ночь с 24 на 25 августа по ордеру ГПУ Комвзводом Мосальской отдельной роты был произведен обыск у епископа Феодора. После чего епископ был арестован, в связи с обвинениями в контрреволюции и помещен в тюрьму. На следующий день жители преимущественно женщины, узнав о случившемся, в 10 часов утра, стали собираться у ворот тюрьмы. Одновременно с этим, в одной из церквей города, ударили в набат, и толпа стала быстро увеличиваться. Прекратить набат и рассеять толпу удалось только после вызова взвода резерва Мосальской роты осназ. В результате главари шайки были арестованы и переданы в ГПУ. Епископ Феодор и другие арестованные были отправлены в Калугу, после чего спокойствие в городе восстановилось. Настроение и отношение масс к соввласти, после случившегося, по полученным данным от красноармейцев ЧОН, *«сочувственное и доверчивое»*[8].

7 апреля Губкомом РКП(б) были назначены 12 человек коммунаров для агентурной разведки по церквям города Козельска, в связи с тем, что попы могли вести антисоветскую агитацию среди населения по поводу ликвидации Оптинского монастыря и аресте монахов. В записях журнала отмечено: *«ночь с 7 на 8 апреля прошла спокойно, духовенство антисоветской агитации не вело»*[9].

Нередки были возмущения крестьян во время сбора налогов. Так, в деревнях, крестьяне протестовали против проводимой Советским государством налоговой политики. По сравнению с продразверсткой, продналог с самого начала был весьма умеренным, тем не менее, для разоренной, живущей впроголодь деревни, его взимание было тяжким бременем. В отчете о политическом положении в Калужской губернии командующий ЧОН указывал: *«Непосильность налогов по-прежнему является главнейшей причиной недовольства крестьян. Невозможность полной сдачи всех налоговых недоимок вынудило налоговые органы ввести вооруженные отряды осназ. Несмотря на принятые меры, налоги продолжают поступать слабо. Сбор продналога невозможен без использования вооруженных сил»*[10].

Информационные сводки ЧОН за 1922—1924 гг. свидетельствуют о сопротивлении крестьян при сборе продналога. Так, за январь 1923 г., командующий ЧОН Калужской губернии сообщал: *«Политическое настроение крестьян неудовлетворительно, отношение их к соввласти и РКП враждебное, вследствие возмутительного поведения продинспектуры и местных властей, а также репрессий, применяемых к неплательщикам продналога...»*[11].

В селах Дурнево и Бурцево в 1922 г. произошло столкновение между крестьянами и представителями соввласти на почве сбора налога. Крестьяне отказались платить налог, так как для них он был непосильным и *«подрывал их и без того бедственное положение»*. Собрать налог удалось спустя два дня, с привлечением вооруженных чоновцев и ареста инициаторов конфликта по обвинению в контрреволюции. В ходе допроса было выяснено, что задержанные не были против соввласти, а столкновение произошло на бытовой почве. О дальнейшей судьбе зачинщиков говорилось в докладе комчон губернии: *«За нарушение порядка и оскорбление представителей соввласти задержанные приговорены к заключению под стражу в исправительный дом сроком на один месяц»*[12]. Подобные конфликты, во время сбора налога, в сводках и отчетах командиров чон встречались часто. Крестьяне, в особенности зажиточные, были противниками налога.

В отчетах ЧОН и ЧК упоминается и о политическом настроение рабочих, например, в информационных сводках за август 1921 г. отмечалось: *«политическое настроение рабочих за отсутствием продовольствия несколько слабо и даже за последнее время на Сызрано — Вяземской ж.д. мастерские рабочие намекали на стачку, но боялись репрессивных мер со стороны чрезвычайных органов. Помимо стачки были предложения вести саботаж, но и это оказалось неприемлемым, очевидно тормозом служит для проведения вышеупомянутых мер репрессивные меры и сокращение штата. По полученным сведениям из уездов наблюдается такая же картина в особенности в Перемышльском уезде в Песоченских чугунно — литейных заводах, где рабочие имеют прогулы по несколько человек одновременно, основание тоже, что и вообще происходит в настоящее время в отношении затруднения с продовольствием...»*[13]

Для предупреждения забастовок, мятежей, кроме репрессивных мер чоновцы, вместе с ГПУ, вели агитационно — разъяснительную работу среди населения, проводили собрания для крестьян и рабочих, на которых разъясняли политику партии. Тем самым успокаивали население. Отряды ЧОН устраивали митинги, на которых разъясняли крестьянам решения X партийного съезда, сущность декрета о замене разверстки продовольственным налогом. Митинги обычно вызывали живой интерес у населения. Как говорилось в отчете одного коммунара *«крестьяне ловили буквально каждое слово о земле, о продналоге»*[14]. Чоновцы, кроме того, инструктировали местных активистов, снабжали их политической литературой, налаживали в селах культурно-просветительную работу.

Таким образом, в пределах Калужской губернии в рассматриваемый период по оперативным данным ЧОН контрреволюционные выступления были немногочисленными, в основном на почве дезертирства в виде одиночных выступлений и групп, состоящих из небольшого количества людей, на почве мобилизации крестьян на фронт, во время сбора продналога.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. р-966. Оп. 1. Д. 128. Л. 62.
2. Там же. Ф. р-966. Оп. 1. Д. 65. Л. 28.
3. Архив Управления ФСБ по Калужской области (АУ ФСБ КО). Д. 3232. Л. 241.
4. Там же. Л. 1—4.
5. Там же. Л. 77.
6. ГАКО. Ф. р-966. Оп. 1. Д. 1176. Л. 30.
7. Там же. Л. 34.
8. Там же. Д. 162. Л. 147.
9. Там же. Л. 147.
10. Там же. Д. 1176. Л. 78.
11. Там же. Л. 89.
12. Там же. Л. 92.
13. АУ ФСБ КО. Д. 3232. Л. 122.
14. ГАКО. Ф. р- 966. Оп. 1. Д. 1190. Л. 130.

ГУБЕРНАТОРЫ — ПРОВОДНИКИ ПОЛИТИКИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ ПО ПОДДЕРЖКЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАЛУЖСКОМ КРАЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.Г.Лебедев, *к.и.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Занимаясь непосредственно активной благотворительной деятельностью династия Романовых не только показывала пример своему окружению, но и требовала этого от лиц назначенных руководить наместничествами и губерниями. В «Учреждении для управления губерний» 1775 года прямо указывалось, что *«государев наместник,.. заступник утесненных и побудитель безгласных дел...нося имя государева наместника, должен он показать в поступках своих доброходство, любовь и соболезнование к народу»*[1].

С основания Калужского наместничества и губернии в 1776 году можно проследить, что местные наместники и губернаторы, руководствуясь этими указаниями и личным примерам венценосной фамилии, которая в своих благотворительных деяниях не обходила вниманием Калужский край, проявляли достойную упоминания активность на ниве благотворительности, как сами лично, так и организуя и стимулируя ее через своих подданных.

Уже по инициативе первого калужского наместника **Михаила Никитича Кречетникова** (руководил наместничеством с 1776 до 1793 гг.). в Калуге одним из первых в стране был открыт Приказ Общественного призрения. Первая больница на 12 коек была учреждена в 1784 году при Калужском Тюремном замке. В больницу наместником был командирован один из городских врачей и подлекарь.

В 1782—1783 годах при Воскресенской церкви был построен каменный корпус «где помещен престарелый инвалид». Согласно других источников в богадельне были размещены «60 престарелых солдаток»[2].

Другой представитель губернского руководства **Петр Петрович Долгоруков**, пробывший в качестве Калужского губернатора всего год с 1792 по 1793 гг. уделял внимание вопросам общественного призрения. В 1793 году по его словесному приказанию была открыта Пятницкая богадельня, вторая по старшинству после первой Воскресенской из официально упоминаемых в источниках. В «приговоре» по этому поводу Калужского Городского общества от 10 октября 1793 года, говорится, что возникшая при Пятницком кладбище каменная богадельня сооружена на общественный городской счет *«для престарелых бедных граждан обоего пола, каковых положено содержать 50 человек на общественном пропитании»*. Строительство ее обошлось в 1700 рублей ассигнациями. В этом же году его стараниями был открыт дворянский пансионат, где обучались и дети-сироты, а также первая в городе публичная библиотека[3].

Губернаторство **Андрея Лаврентьевича Львова** руководившего губернией с 1802 по 1811 годы,ознаменовалось строительством и началом работы Хлюстинской больницы. В 1802 году Мосальским помещиком А.С.Хлюстиным был построен для призрения инвалидов и умалишенных дом стоимостью 50 тысяч рублей ассигнациями. Этот дом с церковью во имя Александра Невского закончен в 1809 году сыновьями

Михаилом и Семеном Хлюстиными и передан ими в ведение Приказа общественного призрения. При этом было пожертвовано на содержание инвалидов и умалишенных 10000 рублей ассигнациями и 1500 рублей на разные нужды заведению. Больница оставалась на протяжении более века крупнейшим медицинским заведением не только города, но и губернии[4].

Губернатору **Омельяненко Никите Кузьминичу** (руководил губернией с 1816 по 1825 гг.) пришлось принимать императора Александра I. Во время визита Александра I в губернию, он удостоил личным посещением подведомственные Приказу общественного призрения благотворительные учреждения Калуги и Указом от 13 декабря 1817 года управлению полиции, которой эти Приказы тогда подчинялись, повелел объявить во всех губерниях, что увиденные им благоугодные заведения в Калуге найдены в совершенном порядке[5]. О большом внимании Н.К.Омельяненко к состоянию и работе благотворительных учреждений социальной сферы свидетельствует факт расширения Хлюстинских заведений. К концу срока его губернаторства в 1824 году, они состояли уже из семи каменных корпусов. Одного двухэтажного и шести небольших одноэтажных. В двухэтажном корпусе имелась домовая церковь, помещение для инвалидов на 40 человек, для умалишенных на 19 мужчин и 10 женщин, две комнаты для 20-ти воспитанников Воспитательного дома, достигших 7 лет и более, обучавшихся в уездном училище и гимназии, комната для бедных обер-офицерских детей, посещавших гимназию. В других домах размещались: Сиротский дом на 30 человек, больница мужская на 25 человек, из 8 комнат с особой баней, больница женская на 25 человек, из 4-х комнат также с особой баней, аптека и лаборатория, больничная кухня с особым очагом на манер Санкт-Петербургского военного госпиталя.

Губернатор **Александр Петрович Оболенский** (руководил губернией с 1825 по 1831 гг.), как и его предшественники не ослаблял внимания к развитию в Калуге и губернии общественного призрения. В самом начале его вступления на должность калужский купец Иван Максимович Золотарев пожертвовал каменный двухэтажный дом, стоимостью 60000 рублей ассигнациями под новый корпус Хлюстинской больницы для содержания в нем 10—15 человек из числа бедных граждан Калуги, для чего выделил особый капитал в 50000 руб. ассигнациями с условием использования подаренного дома и в будущем, под благотворительные учреждения, если размещение в нем городской больницы будет признано неудобным. Однако с того периода до настоящего времени «Золоторевский больничный дом», переоборудованный дарителем под больницу в 1826 году, так и не изменил своей функции. Сейчас в нем размещено одно неврологическое отделение 4-й городской больницы г. Калуги. Все эти события происходили при деятельном участии А.П.Оболенского, так как сам факт передачи пожертвования И.М.Золотарева в ведении Калужского Приказа общественного призрения происходил через кабинет Министров с личного распоряжения Императора, который собственноручно наложил следующую резолюцию на предъявленном ему документе: *«Я Золоторева знаю лично, он человек самый почтенный и заслуживает отличия; дать ему звание Коммерции-Советника»*[6].

После проведения этой акции внимание князя А.П.Оболенского к Хлюстинской больнице не ослабевало. В 1830 году, когда появилась потребность в строительстве новых зданий для нее, он лично открыл подписку по сбору средств, благодаря которой собрали 2077 рублей ассигнациями, на эти средства построили деревянный флигель для неизлечимых больных. Так как этого было явно недостаточно, то в этом же году А.П.Оболенский лично ходатайствовал перед Приказом общественного призрения о выделении 71847 рублей ассигнациями, на которые был построен главный больничный корпус и два деревянных флигеля для размещения служащих и главного больничного врача.

Сменивший А.П.Оболенского **Илларион Михайлович Бибиков** пробыл Калужским губернатором с 1831 по 1837 год. Он также проявил активность в деле общественного призрения. Для осуществления масштабных проектов в социальной сфере активно привлекались благотворительные средства. С 1835 года Калужское городское общество (городское управление) стало выделять ежегодно по 500 рублей ассигнациями на содержание дома Золоторева в комплексе Хлюстинской больницы, сам Золотарев пожертвовал на эти же цели 1000 рублей ассигнациями. При И.М.Бибикове

был открыт в 1835 году Сиротский дом в Калуге вместо упраздненного в 1834 году Воспитательного дома, из которого младенцы раздавались желающим на воспитание. Сиротский дом взял эти функции на себя. При открытии в нем было размещено 20 мальчиков и 10 девочек. Благотворительное заведение было открыто за счет пожертвований со стороны г. Калуги в сумме 20 тысяч рублей ассигнациями. Кроме того, городское общество высылало в Приказ общественного призрения по 500 рублей ежегодно на поддержание Сиротского дома[7]. В 1834 году вновь открывается Калужская публичная библиотека. Ею руководил комитет, в который входил губернатор.

В сложное время пришлось руководить губерний **Николаю Васильевичу Жуковскому**. Он был Калужским губернатором с 1837 по 1843 гг. Его губернаторство ознаменовалось рядом несомненных достижений.

В 1839 году, проявляя заботу об упрочении социального мира и внутренней безопасности, губернатор Н.В.Жуковский предложил Городской Думе принять действенные меры по ликвидации нищенства в Калуге. Он писал: *«Известно обществу купцов и мещан, как много из среды сего общества и другого состояния людей претерпевают нужду в пропитании, но к призрению таковых или к доставлению им способов пропитания нет ничего устроенного в Калуге, кроме богадельни* (Пятницкой), *не соответствующей благотворительному заведению, отчего убогие находятся без помощи и питаются милостыней».* Как мы увидим в дальнейшем, это была не последняя попытка ликвидировать нищенство в городе. В мае того же года Калужское Общество постановило: «Тех из граждан, которые по дряхлости, увечью или другим причинам сами не в силах себя пропитать и не имеют собственного пристанища, определить для призрения в Пятницкую богадельню на том же положении, на котором призреваются помещенные в оную ранее, причем увеличить комплект призреваемых до 100, распространив для этого самое здание богадельни по мере необходимости». Это постановление было исполнено через три года, в 1842 году. Здание богадельни было перестроено. У него появился второй этаж и пристроены новые надворные службы. Что позволило призревать в ней в 1849 году 40 мужчин и 80 женщин[8].

Предпринятые меры оказались очень своевременными перед лицом голода, охватившего большинство губерний центральной России в 1839—1841 гг. В это время Н.В.Жуковский принял активное участие в реализации правительственной программы по созданию рабочих мест для глодающих. Правительство выделило с этой целью для центральных губерний 3 млн. рублей, на которые в Калужской губернии было развернуто строительство шоссейной дороги от Малоярославца до Москвы, а также Брест-Литовского шоссе. Н.В.Жуковский лично посещал эти строительные объекты о чем писали Калужские губернаторские вести. Так при обозрении работ на строительстве Брест-Литовского шоссе он *«нашел оныя в весьма удовлетворительном положении в отношении к цели работ, которая есть доставление пропитания нуждающимся селянам»*[9].

В это же время Н.В.Жуковским были осуществлены еще два благотворительных проекта, призванных облегчить положение пострадавших от голода, которые устремлялись в губернский центр.

Активное участие в борьбе с голодом приняла супруга губернатора Елизавета Николаевна, инициировавшая создание Женского благотворительного общества, члены которого «собирали бы сведения о крайне бедных, а равно дряхлых и увечных, затрудняющихся в приискании себе дневного пропитания, с целью помочь им». На ее предложение отозвалось 32 дамы, обязавшиеся делать ежегодные пожертвования в пользу бедных, и внесли сразу в кассу 1400 рублей ассигнациями. К деятельности супруги присоединился Н.В.Жуковский, который через предводителей дворянства и городских голов открыл в губернии подписку для создаваемого общества. Одновременно, руководимые его супругой дамы, также не сидели сложа руки, продолжив сбор средств, устраивая благотворительные базары, лотереи-аллегри и спектакли. Совместными усилиями в конце 1840 года было собрано свыше 5000 рублей серебром и это при том, что в мае супруга губернатора совместно с вице губернатором Н.Я.Ханыковым приняла участие в раздаче 1000 рублей в качестве денежных пособий 150 бедным семействам. На собранные средства был куплен двухэтажный дом

для сирот и детей бедных родителей. Наконец 28 марта 1841 появилось «высочайшее соизволение» на открытие «Калужского женского Благотворительного общества» и утверждение его устава[10].

Позднее общество вошло в состав крупнейшего в России «Императорского человеколюбивого общества» и просуществовало до 1918 года, занимаясь активной благотворительной деятельностью.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что проводившаяся императорской семьей Романовых политика по стимулированию благотворительной деятельности силами назначаемых ими руководителей губерний была успешной и имела положительный эффект с целью смягчения социальной напряженности в обществе в исследуемый период.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Цит. по: Калужские губернаторы. Библиографические очерки. Калуга, 2001, с. 11; Петрова О.М. Калужское городское педагогическое общество // Калуга в шести веках. Материалы 4-й городской конференции. С. 171

[2] Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Калуга, 1895, с. 2.

Морозова Г.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993, с. 205.

[3] Фридгельм Е. Калуга и калужане. Калуга, 1998, с. 31, 32.

[4] Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Указ. соч. с.5.

[5] Малека Ю.Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический опыт управления процессами: XVIII — нач. XX в. Диссерт. д-ра ист. наук. М., 2003, с. 225.

[6] Цит. по: Благотворительные учреждения в Калуге // Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Указ. соч., с. 6.

[7] Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992, с. 150.

[8] Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Указ. соч., с. 34.

[9] Калужские губернские вести (КГВ): 1840, № 4, 19, 34; 1841, № 2, 18.

[10] КГВ. 1841, № 5, 4.02. Цит. по: Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Указ. соч., с. 44. КГВ, 1843, № 17, 13.02.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В КАЛУЖСКОМ КРАЕ

А.Г.Лебедев, *к.и.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Примером благотворительности калужан служит становление и развитие в городе и губернии библиотечного дела. Одна из первых в Калуге библиотек появилась при калужской тюрьме в конце XVIII века. Первая публичная библиотека в Калуге была открыта в 1793 году при, созданном на средства Приказа общественного призрения и калужского купечества, Главном народном училище по предложению губернатора П.П. Долгорукого. Было сразу оговорено, что наряду с учащимися *«...охотникам до чтения книг оные позволять читать безденежно»*[1]. С преобразованием училища в Николаевскую гимназию библиотека утратила свой публичный характер, а после эвакуации в 1812 г. вообще прекратила свою деятельность. Свою работу она возобновила на новой основе в 1834 году за счет щедрых добровольных пожертвований чиновников, купцов и духовных лиц, которые жертвовали от 5 до 50 рублей на содержание библиотеки и отдельно на приобретение книг, при этом зачастую они дарили книги сами. Кроме того разными лицами и обществами жертвовались журналы земледельческий и лесной, а так же «Коммерческая газета», бесплатно высылались от издательства «Журнал Министерства Народного Просвещения» и «Журнал Министерства Внутренних дел». В это время на нужды библиотеки за счет пожертвований собирали до 1000 рублей. Таким образом, Калуга вошла в число 20 губернских городов, где в 1835 году по официальным данным имелись Публичные библиотеки. На самом деле таких библиотек было меньше, так как многие из них существовали только на бумаге, другие быстро прекратили свое существование. Калужская публичная библиотека, благодаря активной поддержке жертвователей, явилась на этом фоне долгожителем, просуществовав 7 лет до тех пор, пока в сороковых годах открылось сразу несколько частных библиотек, составивших ей конкуренцию. Это библиотеки Грудакова, Татаринова и Антипина. Последняя заслуживает особого внимания, так как она была открыта при книжной лавке и ее хозяином был известный книготорговец Иван Фомич Антипин, встречавшийся дважды с А.С.Пушкиным, лично знакомый с В.А.Жуковским и Н.В.Гоголем. Общественная библиотека для чтения была открыта им в 1847 году. В объявлении, помещенном в Калужских Губернских ведомостях по этому поводу еще в ноябре 1846 года, говорилось, что в библиотеке имеются газеты, журналы и новейшие книги. Наряду с другой информацией сообщалось: *«Собственно же моею библиотекою, составленною из лучших писателей, в которую по сие число* (вошли) *все замечательные новые книги, количеством до 750 т. г.г. подписчики пользуются безденежно»*[2]. При библиотеке был читальный зал. После 1875 года при сыновьях И.Ф.Антипина библиотека пришла в упадок и возродилась лишь в 1888 году М.А.Антипиным, но уже без читального зала.

Массовое развитие библиотечного дела в Калуге и губернии началось в 60-е годы XIX века. В 1860 году в Калужской губернии открывается целый ряд публичных библиотек, большинство из них при уже существовавших уездных училищах в Боровске, Жиздре, Козельске, Лихвине, Малоярославце, Медыни, Мосальске, Мещовске, Тарусе. Библиотеки при училищах функционировали как за счет мизерных средств от казначейств, так и на благотворительные пожертвования[3]. Процесс создания библиотек в Калуге и губернии еще более ускорился с созданием земств, которые уделяли этой проблеме много внимания и подключением к решению данного вопроса органов городского самоуправления. Первая в губернии бесплатная народная библиотека — читальня была открыта на средства товарища (заместителя) председателя Калужского окружного суда, сына декабриста, участника кружка М.В. Петрашевского Николая Сергеевича Кашкина, позднее принявшего активное участие в открытии общественной публичной библиотеки в губернском центре.

В развитии библиотечного дела в Калуге принимало участие и возникшее в 1869 году кооперативное товарищество «Подспорье» в руководстве которого, объединились известные своими демократическими взглядами М.А.Языков, Н.С.Кашкин, А.Н.Цуриков, П.А.Кавторадзе, В.А.Сытин и другие. Наибольшую активность проявил представитель старинного боярского рода М.А.Языков. Возглавив «Общество взаимного кредита» он всячески помогал обездоленным людям. По его инициативе и при непосредственном участии была налажена деятельность «Общества вспомосуществования недостаточным студентам». «Подспорье» собрало вокруг себя малоимущих калужан: чиновников, ремесленников и других, помогая им выжить и встать на ноги, взять беспроцентный кредит. Для малоимущих в лавке «Подспорья» можно было купить продукты по сниженным ценам. Стараниями М.А.Языкова и сподвижника Н.Г.Чернышевского, Н.В. Шелгунова при товариществе была открыта библиотека с читальным залом, основными подписчиками которой стали ее основатели. Они внесли уже за первые две недели 150 рублей.

Библиотека состояла из книг, пожертвованных Румянцевским музеем, правительственными учреждениями и частными лицами. Книги также покупались на средства, которые собрание членов общества «Подспорье» «сочтет возможным уделить из чистой прибыли». В 1871 году в библиотеке насчитывалось 5362 тома и получалось 23 периодических издания[4].

Если в библиотеке «Подспорья» калужане смогли ознакомиться с легальной революционно-демократической литературой, то в частной библиотеке сестер Марии и Ольги Шевыревых, насчитывавшей 1700 томов, в их распоряжение предоставлялась нелегальная русская и французская литература той же направленности, поступавшая к сестрам из Московской подпольной типографии народника Мышкина через Санкт-Петербург. Правда, эта библиотека просуществовала недолго, так как в 1874 году сестры были арестованы. Библиотека располагалась на месте современного Дома печати.

В 1897 году в Калуге на современной улице Баумана была открыта бесплатная библиотека-читальня. В члены общества этой библиотеки входили «отцы города», которые поддерживали общество материально. Сотрудники библиотеки также занимались благотворительной деятельностью. Библиотекарь Ираида Арсеньевна Чулицкая собирала добровольные пожертвования в пользу поднадзорных (т.е. лиц, состоящих под надзором полиции), так как большинство высланных в Калугу зачастую подолгу не могли найти себе работу, которая бы обеспечивала им сносное проживание. Как правило, это были люди высокообразованные, которые способствовали росту культурного уровня и оживлению жизни городского общества в целом, достаточно вспомнить А.В.Луначарского, Н.В.Шелгунова, В.А.Базарова, А.В.Пошехонова, экономиста И.И.Степанова и др.[5]

Все более актуальным становится вопрос об открытии библиотеки в губернском центре. Однако решение его затянулось на десятилетия. Еще в мае 1876 года на общем собрании Калужского губернского статистического комитета, во многом определявшем экономическое и культурное развитие губернии, был поставлен вопрос об открытии губернских музея и библиотеки. Однако, к решению данной проблемы Калужское общество вернулось лишь в 90-е годы, хотя вопрос этот время от времени поднимался, например в 1887 году, на страницах местной прессы, где выражалась надежда, что библиотека будет служить повышению нравственно-эстетического уровня горожан. Лишь с конца 1890 года начали предприниматься конкретные шаги по созданию библиотеки и 12 января 1891 года библиотека была открыта. На страницах Калужских Губернских ведомостей в этот период внимательно отслеживались все этапы становления этого очень необходимого для Калуги культурно-просветительного учреждения. Только в год открытия в газете было помещено более 10 корреспонденций, касавшихся ее деятельности. В них дискутировались вопросы платности работы библиотеки, обсуждалось Положение о ее функционировании, давалась информация о заседаниях Городской Думы, посвященных библиотеке, помещались по формированию ее фондов, приобретению новых книг и т.д.

Не ослабевал интерес прессы к деятельности библиотеки и в следующем 1892 году. Сообщалось о пожертвовании книг в ее фонды, публиковались отчеты администрации библиотеки о приобретении новых книг и т.д.

Накопленный опыт работы городской публичной библиотеки поставил на повестку дня вопрос об открытии при ней бесплатной читальни (читального зала). На страницах прессы этот вопрос был поставлен уже в 1893 году, однако открытие Калужской народной бесплатной библиотеки-читальни состоялось лишь 2 ноября 1897 года, позже, чем в ряде населенных пунктов губернии. Основной причиной этого было отсутствие средств. Инициатором их сбора явилось «Общество Калужской городской библиотеки-читальни», работа которого, до, и особенно после открытия читальни, состояние финансов, благотворительные акции, организованные им, подробно освещались на страницах газет. Общество объединяло в своих рядах 368 человек, в число которых входили представители ряда известных в Калуге фамилий. Так товарищем

председателя общества являлся представитель известный купеческой династии Фалеев. О недостатке средств у Общества говорит факт организации в его пользу благотворительного любительского спектакля сразу после открытия читальни в 1897 году. Однако, в силу отсутствия должного опыта, на первых порах не все благотворительные акции достигали цели. Так не удалось гуляние, организованное обществом 4 сентября 1898 года. Недостатки при его проведении были учтены и уже 20 сентября гуляние было успешным. На него собралось много публики и кроме обычного при проведении таких мероприятий военного духового оркестра пел хор певчих Г.Зарецкого. Доходы от этого мероприятия поступили в кассу Общества, о чем сообщили Калужские Губернские ведомости. Встречались погрешности и в первом отчете за 1897 год. Однако в последующем, за все время существования библиотеки-читальни, вопрос о погрешностях в отчетах, которые регулярно помещались в местной прессе, уже не стоял. К деятельности Калужской бесплатной библиотеки-читальни проявляли интерес и высокопоставленные официальные лица. Так 5 ноября 1898 года ее посетил попечитель Московского учебного округа П.А.Некрасов. Визит был приурочен к годовщине открытия читальни.

Благотворительные же акции в пользу Калужской бесплатной библиотеки-читальни продолжались и в дальнейшем, приобретая все новые формы. Так в декабре 1899 года с этой целью было проведено «литературно-музыкальное утро»[6].

Не ослабевало внимание и к развитию библиотечного дела в губернии. В 1895 году Калужские Губернские ведомости опубликовали отчет об устройстве библиотек при сельских училищах 1-го земского участка Тарусского уезда. 25 сентября того же года, в 10-летнюю годовщину создания двухклассного образцового училища в Полотняном Заводе, при нем была открыта бесплатная библиотека-читальня. Через год, в сентябре 1896 года, появилась общественная библиотека в Боровске. Однако к этому времени преобладает создание библиотек-читален, как наиболее прогрессивной формы распространения книжных знаний среди простого народа. В 1897 году открывается бесплатная библиотека-читальня Александро-Невским братством в Перемышле и аналогичная читальня в деревне Новая Слободка Авчининской волости Малоярославецкого уезда. В этом же году в селе Белкине создается библиотека-читальня Л.П.Обнинской, а через два года по инициативе М.Л.Леонова появляется аналогичное заведение в селе Почеп Тарусского уезда, о чем говорилось ранее. Эта достойная похвалы традиция продолжалась и в XX веке когда начали быстро развиваться библиотеки при профсоюзных и кооперативных организациях, рабочих клубах и других организациях частной инициативы, а так же, по-прежнему, частными лицами. В 1901 году на взносы постоянных членов (около 20 человек) открывается бесплатная библиотека в Сухиничах, в дополнение к городской общественной библиотеке, созданной в 1899 году на средства местной Думы[7]. В 1909 г. Правление Товарищества Думинического чугунолитейного завода Цыплакова и Лабунского открыло библиотеку-читальню; в том же году Константиновское кредитное товарищество открыло бесплатную народную библиотеку-читальню для народа, одновременно с Адуевским кредитным товариществом Медынского уезда. 1915 год ознаменовался открытием библиотеки общества «Вестник знания», а 1916 — читальни Кленовского сельскохозяйственного общества Жиздринского уезда и фабрик Говарда.

В январе 1902 года, стараниями учителя В.Всесвятского, открывается бесплатная библиотека-читальня в Угодском заводе. В 1903 году открываются публичные библиотеки при начальных училищах в селах Галкине, Кременском, Фокине Медынского уезда, а в 1907 году общественная библиотека в самой Медыни. В 1907 году в Малоярославце была открыта частная, доступная для всех, библиотека Н.И.Корсак. Ее основу составляли книги из личного собрания семьи основательницы библиотеки.

В 1908 году создается библиотека-читальня в Тарутине. Инициаторами открытия библиотек-читален для просвещения народа выступали и благотворительные общества. В 1903 году таковую создает в Мещовске местное отделение «Общества попечительства о народной трезвости». Благотворители заботятся и о том, чтобы создаваемые культурно-просветительские учреждения располагались в подходящих для этой цели помещениях. Например, в 1903 году в Жиздре дом-читальня открылся в специально построенном для него здании. В селах Жиздринского уезда помощь библиотекам оказывали церковно-приходские попечительства.

Местная пресса уделяла внимание вопросам развития библиотечного дела не только в губернском центре, но и в провинции. Примером могут служить многократные публикации в Калужских Губернских ведомостях, посвященные, открытой в 1898 году, Мосальской городской общественной библиотеке имени профессора А.И.Чупрова, который вместе с Л.Н.Толстым, С.А.Муромцевым, А.Н.Маклаковым, К.В.Рукавишниковым и другими видными общественными деятелями разработал систему организации помощи неимущим Московской Городской Думой. О состоянии дел в ней сообщалось в 1899, 1903, 1905 гг. Отчасти это объясняется наличием у этой библиотеки высокопоставленных покровителей, доказательством чему является благотворительный концерт артистов Императорской Московской оперы в пользу этой библиотеки в 1905 году. Речь здесь, наверняка, может идти о причастности к этой акции, оказывавшей Мосальску постоянную благотворительную помощь, семьи Мамонтовых, которые стали известными в Москве меценатами, покровительствовавшими лучшим русским артистам и театрам[8].

В Грабцеве в имении княгини Ольги Николаевны Контакузен, являвшейся прямым потомком императорской фамилии, в 1906 году комитетом «Попечительства о народной трезвости» была открыта крестьянская чайная — читальня. Еще раньше в 1902 году в Детчине аналогичным комитетом была открыта при чайной библиотека-читальня. Деньги на содержание, а так же книги и журналы жертвовали в ее фонд владельцы окрестных поместий, среди которых выделялись, известные своей благотворительной деятельностью, особенно на культурном поприще, семьи С.П.Федорова и его супруги Е.Н.Коншиной, а так же сына Л.Н.Толстого — Ильи Львовича Толстого и его супруги Софьи Николаевны. Благодаря ним в библиотеке оказались книги и журналы из Ясной Поляны. Об этом свидетельствует письмо С.Н. Толстой, в котором она, сообщив о передаче библиотеке в Суходреве (железнодорожная станция поселка Детчино А.Л.), 92 «ясенских» книг, просила у свекрови прислать ей для библиотеки еще книги Достоевского и Тургенева. В 1905 году библиотека была переведена из чайной в земское училище.

В 1908 году библиотека имени А.И. Чупрова была открыта в селе Мокром Жиздринского уезда. Библиотеки получали в этот период благотворительную поддержку и от менее именитых меценатов из артистической среды. Так в 1909 году на поддержку библиотеки Любунского народного училища того же Мосальского уезда пошли средства от любительского спектакля, организованного О.Ф.Барятинской.

Не ослабевало внимание благотворителей и прессы к дальнейшему развитию библиотечного дела в Калуге. В газетах, как и ранее, постоянное внимание уделялось отчетам, в первую очередь финансовым, городской бесплатной народной библиотеки-читальни. Дискутировались вопросы улучшения ее работы (создание каталогов и т.д.). С целью стимулирования благотворительной деятельности в пользу библиотеки, постоянно сообщалось о проводимых благотворительных акциях с точным указанием финансового эффекта от них (концерт в пользу библиотеки-читальни 17 января 1900 года). Внимание и любовь калужан к развитию библиотеки проявилось в разбивке сквера перед ее зданием в 1899 году одним из ее почитателей.

Одновременно с совершенствованием деятельности уже имевшейся библиотеки-читальни, в городе создавались новые. В ноябре 1902 г. в доме Чешихиной был открыт Народный дом Общества попечения о начальном народном образовании с бесплатной библиотекой-читальней и ее филиальными отделениями в уездах. С постройкой специального здания Народного дома, в 1911 году, бесплатная читальня начала функционировать и там. В марте 1907 года в Калуге открылась частная публичная библиотека Н.И.Корсак.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Калужские губернаторы. Библиографические очерки. Калуга, 2001, с. 40

Петрова О.М. Калужское городское педагогическое общество // Калуга в шести веках. Материалы 4-й городской конференции. С. 171.

[2] Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992, с. 75; Калужские губернские ведомости (КГВ), 1846, № 44, 16.11.

[3] КГВ: 1860, № 10, 5.03.; № 19, 17.05.; № 20, 14.05.

[4] Аксенова Н.А. Из истории Калужского общества сбережения «Подспорье» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2005, с. 160.

[5] Морозова Г.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993, с. 45, 46, 101, 157, 158.

[6] КГВ: 1873 №32; 1876; 1887 № 89; 1890 №№ 86, 91, 97, 101; 1891, № 3, 6, 7, 8, 9, 20, 26, 36, 92, 95, 107, 138; 1892, № 61, 62, 68, 73, 98, 100, 109; 1893, № 84, 118; 1898, № 45, 78, 93, 121.

[7] Каплин А.А. Сухиничи. Калуга, 1998, с. 34; КГВ: 1895, № 30, 31,112; 1896, 7.09.; 1897, № 52; 1899, № 52.

[8] КГВ: 1908, 14.08; 1903, 26.08.; 1898, № 111; 1903, 21.10.; 1908, 11.03; 1905, 6.08.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАРУССКОГО УЕЗДНОГО РЕВКОМА В 1919 ГОДУ

М.Ю.Вещев,
ООО «Фэнстер Бау», г. Обнинск.

Осенью 1919 г. войска армии Деникина прорвали южный фронт и начала успешное наступление. Никогда еще белогвардейские войска не подходили так близко к Москве. Возникла угроза захвата Тулы и Калужской губернии, где конные разъезды врага доходили до Жиздринского уезда[1]. В самой Москве 25 сентября 1919 г. в помещении МК РКП(б) во время собрания ответственных партийных работников, на которое ожидали приезда В.И.Ленина произошел взрыв, в результате которого погибло 12 человек и 55 было ранено[2]. В такой сложной обстановке 28 сентября 1919 г. Калужский губком РКП(б) обсудил постановление ЦК партии о приведении Московского сектора обороны в боевое положение и предложил губисполкому объявить в губернии военное положении. 29 сентября председатель губисполкома Васильев подписал постановление об объявлении с 1 октября губернии на военном положении со следующей мотивировкой: *«в связи с раскрытием в Москве и целом ряде других городов белогвардейских заговоров, имеющих целью свержения Советской власти, и происшедшим покушением белогвардейских террористов на жизнь ответственных работников — коммунистов в Москве, и принимая во внимание необходимость решительными мерами покончить со всеми белогвардейскими заговорщиками, провокаторами, шпионами, пытающимися своей преступной деятельностью ослабить наш красный фронт и содействовать торжеству Деникина».* В срочно напечатанном и расклеенном в городе тексте постановления говорилось: *«Для общего руководства борьбы с врагами революции для защиты рабочих и крестьян от белогвардейских происков организовать губернский революционный комитет»*[3]. В состав губревкома вошли председатель губкома партии М.П.Артемов, член губисполкома Н.Н.Шевяков, губвоенком М.И.Салтыков и П.А.Хрисанфов[4]. 1 октября был опубликован приказ губревкома, в котором сообщалось гражданам губернии, что власть в губернии перешла в руки ревкома, который уже принял на себя возложенные обязанности[5].

В Тарусском уезде, получив 28 сентября телеграмму из губкома РКП(б), в тот же день организовали уездный ревком. Из отчета уездревкома с 1 по 20 октября следует, что в его состав вошли: *«от уездкома РКП(б) Спиридонов, от уездисполкома — Головкин, от уездвоенкома Голованов. В штате ревкома состояли секретарь Н.С.Костеров его помощник (коммунисты), делопроизводитель (сочувствующий коммунистам), один машинист, комендант, два сторожа. По решению ревкома уезд был объявлен на военном положении»*[6]. По волостям разосланы объявления о введении военного положения и предписание всем учреждениям неуклонно исполнять распоряжения ревкома[7]. Исходя из отчета, датой указанной на сообщении об объявлении уезда на военном положении и датой отправки сообщений в волости (30 сентября) получается, что события в Тарусском уезде развивались быстрее чем в губернии[8].

О работе ревкома можно судить по протоколам заседании. Первое время члены ревкома собирались почти каждый день и докладывали кто что сделал, обсуждали разные вопросы — от охраны города и проведении митингов, до состояния караульного и особого отрядов, производимых арестах и настроении населения. Так, 6 октября тов. Головкин докладывал: *«Вернулись из уезда три товарища из разведки. Население уезда, в особенной части бедняки, опечалены положением военного времени и бояться прихода Деникина»*[9]. Каждый член ревкома отвечал за определенное направление работы. Из протокола № 1от 30 сентября: *«На заседании произошло распределение работ(обязанностей): заведующий боевыми силами тов. Голованов, секретной частью — Головкин (которому по одному из решений ревкома для секретных операции выделили в личное распоряжение троих человек — автор), полит. частью — Спиридонов. Каждый получил задание по своей части»*[10]. Все они оформили удостоверения членов ревкома, дающее право ареста граждан уезда[11]. Просмотренные мною документы не позволяют определить кто из членов ревкома был старший. За председателя ревкома расписывались все трое.

3 октября губревком издает приказ № 3 где предписывалось всем уездревкомам «изъять весь контрреволюционный, буржуазный, саботирующий, спекулятивный, паразитирующий элемент в уездах». В течении 24 часов с момента получения приказа привести в исполнение постановления губревтрибунала в отношении лиц приговоренных к высшей мере наказания и находящихся в губернской тюрьме. Все арестованные заложники остаются на местах до особого на то распоряжения. Освобождение заложника, как в уезде так и г. Калуге, может быть произведено с согласия губчека. Приведение в исполнение высшей меры наказания в отношении заложников в губернии производить по постановлению коллегии губчека[12]. В Тарусском уезде аресты начались еще до выхода приказа. Самарцев Владимир Ростиславович был арестован 29 сентября, а на заседании уездревкома 1 октября Головкин доложил, что *«при облаве дома Всесвятского оказалось, что гр. Всесвятский не зарегистрирован в отделе управления и милиции. Имеет удостоверение № 590 от 10 июня 1919 г. от комиссара Земледельческого союза коммун северной области, командирован в Тульскую губернию. Причина его ареста, что он состоял членом партии народной свободы. Оставлен под арестом до выяснения его вопроса с Петроградом»*[13]. На каждого заложника при аресте составляли по определенной форме анкету (сведения об аресте, результаты обысков, ходатайства, прошения, заявления) для передачи в губчека. Всего мне встретилось 8 анкет, например, на Самарцева Владимира Ростиславовича[14]. Сколько всего было арестовано, сказать не могу. Всего по списку направленному в Калугу от 4 октября мы видим 22 фамилии[15].

Фамилия И.О.	*Лет*	*Нац-сть*	*Место жительства*	*Род занятия*	*Примечание*
Самарцев В.Р.	68 (?)	Русский.	Таруса		Комиссар Временного правительства, бывший председатель комитета «Спасение Родины и революции»
Соловьев А.П	19	Русский.	Таруса	Здравотдел	Находиться под подозрением пропаганды антисоветской власти
Всесвятский В. Д.	27	Русский.	Петроград	Наркомзем	Сын народника, имеет командировочный мандат, нигде не зарегистрирован
Макаренко В. И.	50	Русский.	Таруса	Совнархоз	Бывший городской голова г. Тарусы
Смирнов Д.В.	27	Русский.	Таруса	Здравотдел	Аккуратно ведет контрреволюционную пропаганду, бывший начальник милиции Временного правительства
Шитиков В.Д.	35	Русский.	Таруса	Учитель	Штабс-капитан, ведет антисоветскую агитацию, подозрение принадлежности партии кадетов.
Успенский Н.М.	50	Русский.	Таруса	Священик	Подозрение принадлежности партии кадетов

Нечаев И. В.	55	Русский.	Таруса	Уголовный следователь	Бывший уезд начальник милиции Временного правительства, ведет антисоветскую агитацию.
Михалев И. В.	60	Русский.	Таруса		Местный буржуй.
Смирнов П. В.	30	Русский.	Исканская волость	Учитель	Подозрение принадлежности партии кадетов
Орлов В. В.	30	Русский.	Исканская волость	Учитель	Подозрение принадлежности партии кадетов
Машков И. И.	45	Русский.	Мышегский завод		Кулак и контрреволюционер.
Зотов П. И.	45	Русский.	Таруса		Эсер, активный антисоветчик.
Авдеев И.В.	30	Русский.	Таруса		Эсер, активный антисоветчик.
Мухин П. А.	35	Русский.	Таруса		Эсер, активный антисоветчик.
Сальников	55	Русский.	Бортниковская		Эсер, активный антисоветчик.
Дубов М.	50		Сашкинская волость		Кулак-буржуа,
Минаичев? Г. Ф.	50		Белянинская волость		Эсер, бывший председатель земельного комитета Временного правительства, действовал в интересах помещиков.
Ватагина А. Н.	30		Таруса		Кадетка.
Чистяков Г.	30		д.Уткино		Эсер, антисоветский агитатор.
Чистяков П.	35		д. Уткино		Эсер, антисоветский агитатор.
Хрущев П.Н.	45		Таруса		Кадет, крупный помещик.

По всей видимости, были еще списки. 6 ноября в Тарусу от председателя губревкома Артемова пришла телеграмма: *«ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК ПРЕДСТАВИТЬ ГУБЧЕКА ВЕСЬ МАТЕРИАЛ И ТОЧНЫЕ АНКЕТЫ АРЕСТОВАННЫХ ЗАЛОЖНИКОВ В НОЯБРЕ»*[16]. Арестовывали и в профилактических целях. Уездком 27 октября препроводил в милицию жителя дер. Сивцево Ивана Светова с просьбой *«заключить такового под строгий арест и выдавать ему только по ¼ фунта хлеба в сутки не допуская до него никаких кроме продуктов, которые будут присылаться ему из деревни»*[17].

Уезревком отвечал за состояние и боевую готовность красноармейских частей уезда. Первоначально это только караульный отряд Красной армии, который с 66 человек /1 октября/ увеличился к 17 ноября до 366 красноармейцев[18]. В уезде из коммунистов был сформирован отряд особого назначения, которым сначала командует тов. Звездин, а потом Пухов. Среди бойцов отряда были и женщины. Сохранилось заявление Е.Знаменской с просьбой зачислить в отряд особого назначения начальнику по распределению боевых сил заявление. Всего в отряде на 17 ноября было 44 бойца[19]. На случай оккупации врагом территории уезда создавались партизанские отряды. Всего по списка проходит 60 человек (на 17 ноября), среди которых не только члены ВИК и сов. учреждений, но и простые граждане[20]. В Москву на недельные курсы партизанских инструкторов от уезда были направлены 8 коммунистов[21]. Формирующиеся части необходимо было обеспечить оружием и обмундированием.

В октябре проект инструкции по сбору обмундирования для Красной Армии, разработанный тов. Власовым и Абрамовым, обсуждался на заседании уездревкома. Авторы проекта предлагали *«прежде, чем приступить к опубликованию объявления о призыве населения оказать помощь красной армии, необходимо произвести повальный ОБЫСК у заведомых кулаков и спекулянтов, а так же лиц буржуазного класса, чтобы: 1) конфисковать все предметы военного обмундирования и 2) взять на строгий учет предметы теплого и штатского обмундирования ... Все конфискованные таким образом предметы военного снаряжения и обмундирования со списками взятых на учет штатских вещей представить в распоряжение комитета по обмундированию красной армии»*[22].

30 октября вышел приказ о 10 дневном сроке сдачи предметов снаряжения и обмундирования[23]. 12 ноября Спиридонов подписал удостоверение председателю комиссии по изъятию шинелей в Тарусском уезде гр. Зенину Михаилу Алексеевичу, дающий право обыска[24]. Через несколько дней Зенин сообщает: *«15 ноября мною был произведен обыск у гр. Тарусы А.Л.Познякова, А.П.Сахарова, И.В.Иванова и И.В.Дорофеева. При обыске у первых трех лиц ничего не оказалось, что же касается тов. Дорофеева, то у него был найден френч серого сукна»*[25]. Обыски проходили по разным причинам. Так, 23 октября Головкин приказывает начальнику Тарусской уездной милиции *«немедленно произвести тщательный обыск в дер. Арефьево Троицкой волости, ввиду поступивших сведений, что там сильно развилось водочное изобретение, а так же имеются велосипеды и седла которые должны были быть, согласно приказа уездревкома сданы»*[26]. Встречаются списки лиц, у которых при обысках найдено оружие[27]. С момента объявления уезда на военном положении власть пыталась установить контроль за населением. По приказу ревкома *«Все лица, прибывающие в Тарусский уезд обязаны зарегистрироваться в течении 24 часов»*[28].Уездревком предписал всем волисполкомам задерживать лиц без документов *«Строго воспрещалось давать ночлег и приют проходящим лицам, кои не предъявили документы сельскому совету. Всем перевозчикам н содержателям частных лодок приказано ... имеющиеся у них лодки запирать на день и давать пользоваться только (по указанию) руководства»*[29]. Все волисполкомы обязаны установить ночные и дневное дежурство на мостах через реки уезда. Перемещение по уезду, выезд за его пределы был возможен при наличии удостоверения. Это касалась как рядовых граждан, например профессора московской консерватории Розанова, так и руководителей уезда. Так Виктор Иванович Петровичев получил удостоверение дающее право наблюдать ...за всеми контрреволюционными элементами в районе ст. Коншино, производить обыски на предмет изъятия оружия и арестовывать лиц не имеющих документов[30]. Власти арестовывали лиц распускающих слухи о продвижение белогвардейских банд Деникина. Так, был арестован житель с. Татарского Иван Алексеевич Тришкин, который *«радовался и распространял слухи, что скоро свергнут большевистскую власть»*[31]. Спиридонов дает приказ на арест Г.Г.Асеева, который выступил против агитатора Николаева. Во время митинг 24 октября при д. Семеново, *«Асеев вел себя весьма не прилично. После моего доклада* (сообщает Николаев — автор) *он взял слово в котором говорит: Товарищи! Я как политический комиссар говорю, что здешние коммунисты — настоящие жулики... которые собирают по деревням яйцо, масло и т.д, а мы боремся на фронте, кровь проливаем. Нужно выгнать всех на фронт, как и дармоедов милиционеров, которые приходят ночью и спрашиваю документы, а об обеспечении ни чего не заботятся. Всех выгнать, а на их место поставить инвалидов из нашей среды, чтобы коммунисты не окапывались»*[32].

Под контроль была взята корреспонденция. 6 октября на заседании уездкома Головкин докладывал: *«просмотрены письма на имя некоторых заложников, особенного в таковых ничего не замечено»*, а с 11 октября издали приказ о прекращении приема частных телеграмм и установлении военной цензуры[33]. Было приказано *«немедленно собрать сведения о всех сотрудниках учреждений уезда и студентах... их отношении к сов. власти, выполнения их служебных обязанностей»*[34]. Сведения немедленно отправить в губотдел управления. С большими трудностями шла борьба с дезертирством. Не смотря на приказ по которому *«ко всем уклоняющимся от явки на сбор будут применяться меры наказания, как к злостным дезертирам и предателям Соц. Отечества... вплоть до расстрела»*, в ноябре *«по уезду числиться 407 дезертиров и 391 уклоняющихся от переучета»*[35].

Руководители ревкома отвечали и за все хозяйственные дела в уезде: от организации трудовой повинности, ремонта мостов, заготовки дров, реквизиции лошадей и ...перечислять можно долго. В материалах встречаются удостоверения и распоряжения, многие из которых заканчивались угрозой ареста за не исполнение. В таком интенсивном режиме приходилось работать в то сложное для страны и уезда время. Военное положение в губернии было снято постановлением губревкома от 2 декабря 1919 г.[36] В Тарусском уезде приказ о снятии военного положения вышел позже: *«в виду победы наших доблестных красных войск и окончательного развала белогвардейских банд военное положение в г. Тарусе и его уезде считать снятым с 10 декабря. Все дела переданы в уездисполком»*[37].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Калужской партийной организации. Тула, 1978. С. 83.
[2] ГАКО. Р-957. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
[3] ГАДНИКО. П-1. Оп. 2. Д. 8. Л. 208. ГАКО. Р-957. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
[4] История Калужской партийной организации». Тула, 1978. С. 83.
[5] ГАДНИКО. П-1. Оп. 2. Д. 34. Л. 7.
[6] ГАКО. Р-957. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
[7] Там же. Р-270. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
[8] Р-957. Оп. 1. Д. 3 л. 1. Р — 270. Д. 7. Л. 1.
[9] Р-957. Д. 7. Л. 3.
[10] Там же. Л. 1, 8.
[11] Там же. Д. 15. Л. 23 /Голованов/, Л. 24 /Головкин/, Л. 25 /Спиридонов/.
[12] Там же. Д. 6. Л. 37 об, Д. 3. Л. 8.
[13] Там же. Д. 6. Л. 47, Д. 7. Л. 2 об.
[14] Там же. Д. 6. Л. 47.
[15] Там же. Л. 11—11 об.
[16] Там же. Л. 39.
[17] Там же. Д. 8. Л. 38.
[18] Там же. Д.1. Л. 1-1 об, Д. 2. Л. 22—25.
[19] Там же. Д. 10. Л. 1. Д. 9. Л. 22.
[20] Там же. Д. 10. Л. 1, 2, 23 об.
[21] Там же. Д. 16. Л. 7, 18.
[22] Там же. Д. 6. Л. 20.
[23] Р-270. Д. 7. Л. 28.
[24] Р-957. Д. 6. Л. 31.
[25] Там же. Д. 6. Л. 57.
[26] Там же. Д. 8. Л. 28.
[27] Там же. Д. 6. Л. 10.
[28] Там же. Д. 4. Л. 3.
[29] Там же. Д. 2. Л. 36 об.
[30] Там же. Д. 15. Л. 11.
[31] Р-270. Д. 7. Л. 28, Р-957. Д. 6. Л. 8.
[32] Р-957. Д. 8. Л. 112, 113, 119.
[33] Р-957. Д. 7. Л. 8, Д. 2. Л. 10—10 об.
[34] Р-270. Д. 8. Л. 157.
[35] Р-957. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
[36] Калужский край (книга третья). Тула, 1982. С. 280.
[37] Р-957. Д. 2. Л. 53.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СЫЗРАНО-ВЯЗЕМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1918—1922 ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАДНИКО)

Ю.В.Кондратьев, *ст.,*
Калужский государственный университет имени К.Э.Циолковского.

История железных дорог Калужской области является темой, мало изученной историками. Еще меньше изучена периодическая печать, выпускавшаяся железной дорогой, особенно в годы гражданской войны. Между тем, изучение периодической печати железных дорог вообще и того периода — в частности, имеет серьезное значение. Во-первых, это позволяет понять общественно-политические настроения рабочих-железнодорожников, составлявших большую часть авторов периодических изданий, взятых мною для изучения. Во-вторых, это открывает возможность для изучения развития русской журналистики в тот период. В-третьих, по страницам этих изданий, публиковавших протоколы и резолюции заседаний местных органов власти, можно проследить судьбы авторов статей, являвшихся представителями этих органов. Наконец, при изучении печати железных дорог могут выявиться новые факты из жизни уже хорошо известных нам представителей литературы и культуры, что имеет важное биографическое значение.

В фондах Государственного архива новейших документов Калужской области (ГАДНИКО) хранятся 5 номеров журнала «Рабочий факел» (1918 г.), 3 номера того же журнала за 1919 г., 6 номеров журнала «Факел железнодорожника» (1919 г.) и 2 номера газеты «Наш гудок» (1922 г.), издававшихся руководством Сызрано-Вяземской железной дороги (СВЖД). О них и пойдет речь.

Журнал «Рабочий факел» начал издаваться Главным революционным комитетом СВЖД в середине 1918 г. Его редакция располагалась на углу улиц Луначарского и Никитина. В 1919 г. название журнала меняется: с № 4 он становится «Факелом железнодорожника»[1]. А с № 7 меняется издающая его организация: вместо Главного революционного комитета ею становится Управление СВЖД[2]. При этом формат издания остается прежним — 16 полос формата ин-фолио.

Причины того, что издание такого журнала стало необходимым, изложены в передовице № 1 «Рабочего факела» за 1918 г. *«Пользуясь непросвещенностью народной», «врагам народным» удалось «в некоторых местах уже возбудить крестьян, которые отказываются везти для нас хлеб и поднимают вооруженное восстание, не зная того, что этим самым ударом они убивают самих же себя».* Все это происходит из-за недостатка «народной литературы», которая освещала бы революционные события с позиций рабочих. Этот недостаток и призвано ликвидировать издание этого журнала[3]. В следующем номере был помещен протокол № 1 пленарного заседания первого делегатского съезда коммунистов СВЖД, на котором, в частности, выступал Дробышев. Он сказал о решении «Временного дорожного комитета партии издавать политический журнал «Факел железнодорожника» и роли этого журнала», а также призвал присутствующих делегатов всячески распространять этот журнал среди трудящихся дороги[4].

В журнале существовали следующие отделы:

1) «***Отдел официальный***» — здесь публиковались «действия и распоряжения» центральной и местной властей. Сюда входили телеграммы приказов ВИКЖЕДОРа (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников), Управления и Главного революционного комитета СВЖД, а также протоколы заседаний местных организаций РКП(б) и Главного революционного комитета.

2) «***Отдел литературный***» — здесь размещались прозаические, стихотворные и публицистические произведения, а также иллюстрации — репродукции картин известных русских художников (например, «Толстой на пашне», «Царь Иоанн Грозный и сын его Иван» И.Е.Репина, «Неутешное горе» И.Н.Крамского, «Черное море» И.К.Айвазовского и др.).

Литература ярко отражала настроения общества той бурно меняющейся эпохи, особенно настроения в рабочей среде. Интересна «новелла» «Город» Т.Эсаулова. Город воспринимается как сила, враждебная автору, но в то же время и манящая его своей неизведанной жизнью. Эта жизнь кроется в гудках заводов и скрипе пролеток, в дневной суете и блеске ночных огней. Автор стоит над городом и видит его тайные движения, и сам ощущает себя частью города. «Новелла» заканчивается восклицанием: «Как же я люблю тебя, проклятый город!»[5]. Т.М.Эсаулов был активным участником политических событий того времени. 2 декабря 1918 г. он был принят в партию большевиков на общем собрании Калужской железнодорожной организации РКП(б) Сызрано-Вяземской железной дороги[6], неоднократно был заместителем председателя на партийных собраниях, публиковал публицистические статьи на политические темы. Поэтому можно считать, что в его произведениях в значительной мере нашли свое отражения общественно-политические настроения железнодорожников той эпохи.

Тема Октябрьской революции находила свое отражение прежде всего в литературном отделе. Конечно, другие отделы также отражали ее, ибо духом революции была пропитана вся атмосфера тех лет, однако именно в художественных образах она получала наиболее яркое звучание. Сюда относятся не только публицистические статьи с довольно хлесткими названиями («Диктатура буржуазных холопов», «Иуды» Т.Эсаулова и др.), стихотворения Демьяна Бедного и местных авторов, но и начинающие уже формироваться воспоминания о событиях той эпохи («Годы черной реакции» Н.Абрамова, «Что я видел в стране, где были казаки» Н. Полякова, «Описание праздника годовщины Октябрьской революции при станции Ряжск 2-й Сызрано-Вяземской железной дороги» С.Попова и др.).

3)«***Отдел сельскохозяйственный***» — появляется в №8 «Факела железнодорожника» (июль 1919 г.), хотя еще в № 2 (октябрь 1918 г.) появляется рубрика «По хозяйству», а в № 5 «Рабочего факела» (декабрь 1918 г.), была помещена «Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун». В этом отделе были опубликованы сведения об агрономическом отделе Центропродокома СВЖД, доклад заведующего этим отделом и положение о его прокатных пунктах.

4) «***Почтовый ящик***» — содержал краткие ответы на письма читателей. В числе прочих находился там и ответ известному (теперь) писателю Андрею Платонову, который тогда работал на железной дороге в Воронеже и пробовал свои силы не только в прозе, но и в поэзии. *«Андрею Платонову. Воронеж. Ваше «футуристическое» стихотворение, иначе назвать нельзя, да кстати и без заглавия, поместить не можем, это ведь набор слов без всякой мысли. В вашем стихотворении, например, есть строка: ...Отправились и потащили с песней, пустив под солнце в ярь матюк... Товарищ, не теряйте времени, сейчас весна, солнце светит ярко, уж лучше займитесь пусканьем матюков под солнце, чем писаньем стихотворений»*[7].

Тематика публикаций журнала отражала сложное положение на военном и хозяйственном фронтах, но вместе с тем и оптимизм по поводу крушения «старого мира», особенно в стихотворных произведениях, а также интерес к внешнеполитической ситуации (Германская революция, подъем революционного и забастовочного движения в странах мира).

Газета «Наш гудок» издавалась с 1922 г. и являлась органом Дорпрофсожа и Управления СВЖД. Редакция располагалась в д. 17 по улице Театральной. Газета выходила 2 раза в неделю на 4 полосах формата А3 тиражом 2000 экземпляров. Она печаталась в типографии СВЖД, которая перешла в ведение железной дороги 10 апреля 1922 г.[8]

В газете можно выделить следующие рубрики: 1) ***официальная*** — представлена сообщениями Управления СВЖД и Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) (сообщения последнего органа обведены в рамку, что свидетельствует об их особом значении); 2) «***хроника***» — краткие сообщения о фактах из жизни железной дороги, а также о событиях за рубежом (подрубрика «За границей»); 3) «***на линии***» — более подробные, чем в хронике, сообщения о насущных проблемах железной дороги с их критическим осмыслением. Здесь дается разбор этих проблем, и читатель призывается к участию в их разрешении. Названия этих заметок похожи на лозунги: «Недопустимо», «Стыдитесь, Ефремовцы!», «Надо обратить внимание!» и т. п.

Тематика газетных публикаций отражает интерес к таким внутри- и внешнеполитическим событиям, как судебный процесс эсеров, убийство министра иностранных дел Германии Ратенау, забастовочное движение в зарубежных странах. Сообщения НКПС напоминают о временах «военного коммунизма», когда в ходу был бесплатный транспорт. *«НКПС еще с 1-го июня с. г. предполагал перейти к искоренению системы так называемых безденежных перевозок и услуг транспорта. Но ввиду неподготовленности многих ведомств к этому НКПС отсрочил полное проведение в жизнь этой меры на 15 июня с.г.»*[9].

Переход к нэпу, начатый весной 1921 г., обострил и другие проблемы, в частности, жилищный вопрос. Это также нашло свое отражение на страницах газеты. Одна из передовых статей так и называлась: «Жилищный вопрос». Ее автор пишет: *«В некоторых городах дома целиком почти все отходят к бывшим домохозяевам и в ведении коммунотделов остаются только дома, находящиеся под различными учреждениями и организациями»*. Это приводит к произволу домохозяев: *«под тем или иным благовидным предлогом рабочему отказывается от квартиры»*. Выход из этой ситуации автор видит в том, чтобы *«арендовать те дома у коммунотделов, которые подлежат передаче домохозяевам»*[10]. В другой статье («За чей счет рассчет?») автор из Сызрани, подписавшийся «Потерпевший», пишет: *«Второй день из рабочего района по Пензенской улице перевозятся на базар под харчевни годные (как снаружи, так и изнутри) для жилья дома, а комиссия Горкоммунотдела находит почему-то возможным разрешать их на слом. Почему — неизвестно! А спекулянт бьет вовсю, мало того — по суду получил разрешение вытряхнуть жильцов в недельный срок»*[11].

Авторами публикаций в журналах и газете являлись не только политические и хозяйственные руководители, как А.П.Кудрявцев и Т.Эсаулов, но и простые читатели (как Потерпевший из Сызрани). Однако определить авторство большинства статей затруднительно, так как они зачастую подписывались инициалами, псевдонимами или же не подписывались вовсе. Обстановка гражданской войны, когда за напечатанное могли просто убить, заставляла людей быть осторожными.

По страницам печати можно проследить некоторые этапы биографии политических деятелей Калужского края того времени, деятельность которых была связана с железной дорогой. В качестве примера можно взять Андрея Петровича Кудрявцева.

А.П.Кудрявцев был избран председателем Главного революционного комитета Сызрано-Вяземской железной дороги после Чрезвычайного съезда железнодорожников, состоявшегося в январе 1918 г.[12] На этом съезде был ликвидирован ВИКЖЕЛЬ (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза), активно противостоявший Советской власти, и образован ВИКЖЕДОР (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников). В его руководстве преобладали большевики.

20 апреля 1918 г. при Главном революционном комитете Сызрано-Вяземской железной дороги была образована фракция РКП(б). 13 мая создается ячейка РКП(б) Калужского железнодорожного узла, в которую вошли коммунисты Главных железнодорожных мастерских, депо, службы пути и другие[13]. В конце 1918 г. железнодорожная партийная организация прекратила свое существование и влилась в городскую партийную организацию РКП(б), так как *«на основании постановления областного съезда признан принцип территориальный, а не профессиональный»*[14].

А.П.Кудрявцев принимал активное участие в политической жизни губернии. В ноябре 1918 г. он участвовал в подавлении антисоветского восстания в Медынском уезде, командуя отрядом Красной гвардии из рабочих железной дороги численностью 800 человек[15]. Материалы изученной мной периодики позволяют выявить особенности его политической позиции в те годы, а также показать общий фон политических настроений в партийной среде того времени. В книге «Калужский машиностроительный завод. Исторический очерк» А.П.Кудрявцев сразу предстает перед нами как большевик, занимающий пост председателя Главного революционного комитета СВЖД. Однако дело обстоит сложнее.

В №4 «Рабочего факела» был опубликован протокол партийного собрания от 19 сентября 1918 г., на котором Кудрявцев был принят в РКП(б) и одновременно отозван с поста Главного комиссара СВЖД. На этом собрании некоторые ораторы обвиняли его в небольшевизме и неопределенной политической ориентации. В ответ он сказал: *«В партию меня не приняли потому, что я много делал честности, когда как приняты были правых и других течений»*. Другие, например, Лылов, защищали его: *«Когда было контрреволюционное выступление, и когда все сразу откачнулись, тов. Кудрявцев стоял твердо на своем посту и заявил на собрание: тот, кто покидает в настоящее время Советскую власть, это только шкурники, после чего он неутомимо боролся с контрреволюционными выступлениями, и стоял исправно на своем посту, когда остальные разбежались»*[16]. Этому оратору не нашлись, что возразить. Членство А.П. Кудрявцева в партии было утверждено 24 октября 1918 г. на общем собрании калужской железнодорожной организации РКП(б)[17]. Заменить его на посту Главного комиссара оказалось некем, и он продолжает исполнять свои обязанности. Об этом свидетельствует телеграмма за его подписью, опубликованная в № 5 «Факела железнодорожника»[18]. Кроме того, он неоднократно публикует в журнале свои публицистические статьи на политические темы.

Таким образом, Кудрявцев вступил в партию уже после того, как стал Главным комиссаром СВЖД, и даже после того, как (формально) перестал им быть, если уж добиваться полной точности. Общий факт, что Кудрявцев был большевиком и возглавлял Главный революционный комитет, неоспорим. Однако выяснение более мелких деталей факта позволяет глубже понять сложную, противоречивую обстановку того времени, когда не каждый мог разобраться, где — свои, а где — чужие, выбрать правильную дорогу в жизни, определить свою политическую принадлежность.

Изучение периодической печати Сызрано-Вяземской железной дороги 1918—1922 гг. дает возможность открыть новую страницу в истории железных дорог России, систематизировать уже имеющиеся в науке знания по этому вопросу, а также познакомиться с ранее не известными, но существенными и интересными фактами из истории железных дорог, их периодической печати, общественно-политической и культурной жизни России того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАДНИКО. Архивная коллекция печатных изданий. Оп. 1. Ед. хр. 165.

[2] Там же. Оп.1. Ед. хр. 168.

[3] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 145. С. 1.

[4] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 146. С. 8.

[5] «Рабочий факел». 1918. № 4. С. 11—12.

[6] ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 20.

[7] «Факел железнодорожника». 1919. № 5. С. 16.

[8] ГАДНИКО. Архивная коллекция печатных изданий. Оп. 1. Ед. хр. 221—222.

[9] «Наш гудок». 1922. № 22. С. 3.

[10] Там же. С. 1.

[11] Там же. С. 4.

[12] Калужский машиностроительный завод. Исторический очерк. К 100-летию основания завода. Калуга,1974. С. 70—71

[13] Там же. С. 72

[14] ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.

[15] Калужский машиностроительный завод. С. 77.

[16] «Рабочий факел». 1918. № 4. С. 5.

[17] ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

[18] «Факел железнодорожника». 1919. № 5. С. 13.

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Л.В.Митрошенкова, *к.и.н., зам. дир.,*
ГБУК «Музей-панорама «Бородинская битва»

Сражение за Малоярославец 12/24 октября 1812 года, решившее исход войны с Наполеоном, принесло много горя мирным жителям города.

Восстановленный в статусе уездного, Малоярославец в первое десятилетие XIX в. стал понемногу богатеть и благоустраиваться. Все больше появлялось каменных домов, расширялись и выравнивались улицы и площади... После сражения за город, вернувшиеся в него жители нашли лишь обгорелые развалины. Пробитые ядрами главы собора и приходских храмов, разоренный монастырь, всего несколько уцелевших жилых домов. Восстановление города после войны шло трудно и долго. И облик его со временем менялся. Планы и описания города после Отечественной войны 1812 года показывают нам Малоярославец совершенно не похожим на тот город, каким он был до нее. Только церкви не изменили своего местоположения. Представить себе, каким был городок, ставший, по словам графа де Сегюра, «страшным полем битвы, на котором закончилось завоевание мира», можно на основе сопоставления отдельных документов ГАКО с описанием города и уезда 1775 года[1], топографическим описанием Малоярославецкого уезда Калужского наместничества 1785 г.[2] и нескольких планов города конца XVIII — начала XIX в. Общее, весьма краткое, описание города на момент сражения дано в работах В.И.Ассонова[4], архимандрита Л.Кавелина[5], А.Е.Дмитриева[6] и А.А.Васильева[7]. Однако, цельного представления о городе, его площади, застройке, занятиях населения в работах названных авторов нет. Не претендуя на полноту освещения данного вопроса, мы попытаемся в предлагаемом сообщении дать описание Малоярославца накануне Отечественной войны 1812 года, каким оно представляется по выявленным к настоящему моменту архивным материалам.

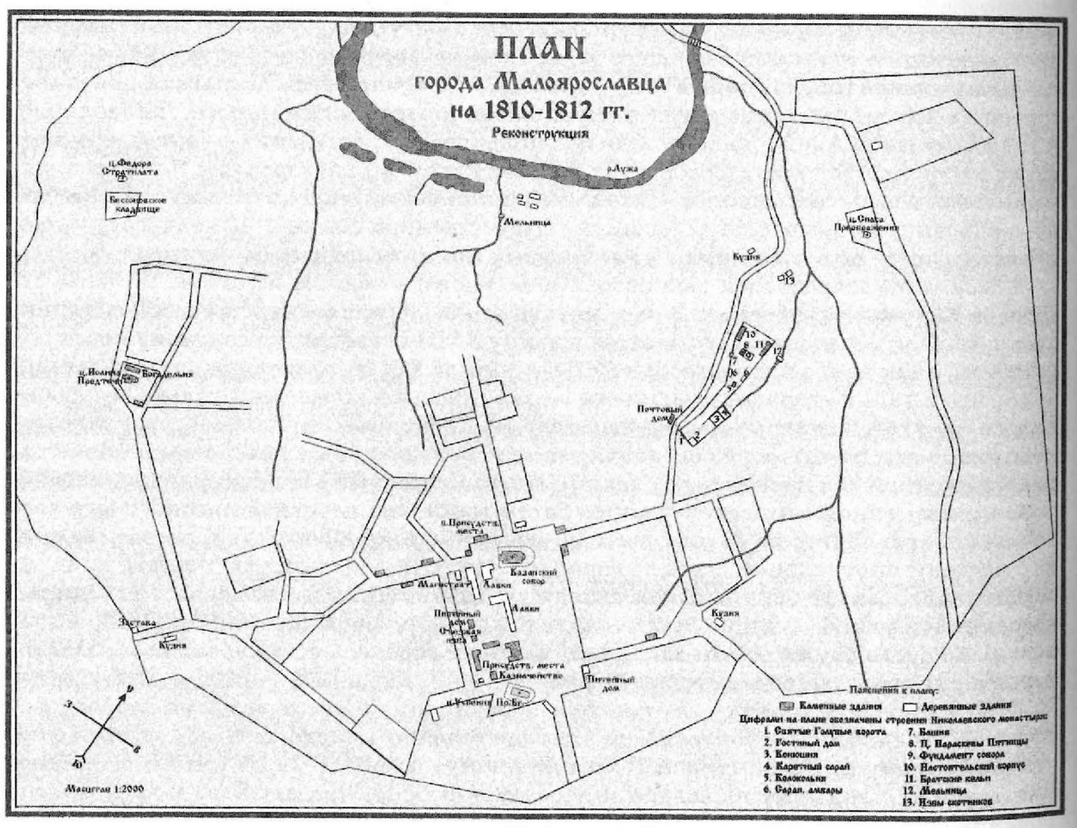
К 1812 г. Малоярославец был совсем небольшим — одним из самых маленьких городов Калужской губернии. В окружности его было всего 4 версты и 300 саженей (около 8640 м)[8]. Эти данные относятся к концу XVIII столетия, но сохранившиеся документы, а также все планы города XVIII — начала XIX вв. позволяют сделать вывод о том, что к 1812 г. «городская межа» не меняла своего положения и только возобновлялась «по утвержденному Высочайше плану»[9]. Представляла она собой, скорее всего, небольшой вал, за которым был вырыт тоже небольшой ров. С северо-восточной стороны городской вал начинался от реки Лужи, за Спасскими садами (приблизительно район современной I-й Лесной улицы). Затем межа шла неровной линией в юго-восточном направлении, не доходя до современной улицы Московской, сворачивала к юго-востоку, полукольцом огибала город по относительно высоким местам, причем самая удаленная от реки и самая южная точка находилась примерно у середины современной улицы Ленина. Заканчивался вал у истоков речки Филатки (или Филатовки). Ее русло служило юго-западной границей города. С северо-запада городская территория ограничивалась рекой Лужей.

К 1812 году, через десять лет после восстановления в числе уездных городов Калужской губернии[10], Малоярославец стал постепенно менять свой облик, согласно утвержденному еще Екатериной II «регулярному» плану (1779 г.): вместо стихийно повторявших ландшафт площадей и переулков и сформировавшихся в ходе фиксирования дворовладений городских кварталов со временем должны были возникнуть

ровные и прямые улицы, образованные домами, четко расположенными по «красным линиям». При этом, план все же учитывал исторически сложившуюся структуру городских кварталов и интересы дворовладельцев, и общее направление улиц и расположение площадей примерно соответствовало существовавшему на протяжении всего XVIII столетия. Всего должно было быть в городе 10 улиц и переулков и 4 площади, что примерно соответствовало существовавшей к тому времени планировке[11]. При этом главная, центральная площадь, формировалась путем расширения улочки между двумя близко стоявшими храмами — Успения Богородицы и Казанской иконы Божией матери. Ее образовывали, с одной стороны, Присутственные места и общественные торговые лавки, с другой — частные строения и приусадебные участки. Проектный план Торговой площади 1808 г., с указанием всех имевшихся и проектируемых построек, сохранился в фондах Калужского краеведческого музея[12]. К 1812 г. было завершено строительство здания Присутственных мест с двумя флигелями (1810 г.), сохранившееся в несколько перестроенном виде до наших дней[13]. Таким образом, в значительной степени проект 1808 г. был реализован.

От Торговой площади отходило несколько прямых и довольно широких улиц, по сторонам которых (как и по периметрам площадей) для стока воды рыли канавы, но это мало помогало во время весенних и летних дождей и зимних оттепелей. Тогда по многим улицам нельзя было ни пройти, ни проехать. Ближе к окраинам эти улицы становились все более узкими и кривыми: на окраинах городка проект реконструкции города по плану, утвержденному Екатериной Великой, был далек реализации.

На основании сохранившихся планов Малоярославца и комплексного анализа отрывочных сведений о состоянии городского хозяйства, излагаемых ниже, в 2001 г. нами была предложена реконструкция плана города на 1810—1812 гг.[14] При работе были учтены особенности и целевое назначение каждого из использованных при этом планов.



1. План города Малого Ярославца 1766—1769 гг.[15] (датировано нами), составленный межевщиком уезда Иваном Тихменевым с целью определить границы города и дворовладений, показать реальное расположение имеющихся и восстановленных в ходе работ межей. Благодаря тщательным обмерам И. Тихменева можно без труда восстановить ширину и направления городских улиц, в том числе и на самых окраинах города. Кроме того, на плане четко показано место расположения городской мельницы на реке Луже, находившейся выше города и имевшей мостовую плотину, по которой, как и по мосту у Городища, в Малоярославец можно было въезжать со стороны Боровской дороги[16].
2. Проектированный план, утвержденный Екатериной Великой в 1779 г.[17] не просто декларирует намерение «исправить геометрией природу», но фиксирует примерное расположение важных объектов городского хозяйства: скотобойни, мельницы на ручье, городских кузниц и колодцев.
3. План города, составленный несколько позднее (но до 1781 г.) и опубликованный в Атласе Калужской губернии, имел целью, очевидно, лишь общую фиксацию городской структуры и не обозначал точных границ дворовладений. Что позволяет, при сравнении с планом Тихменева, отличить городские улицы от проулков между дворами[18].
4. Планы Малоярославца (точнее, один план, исполненный в нескольких вариантах), сохранившийся в РГВИА и созданный, по всей видимости, незадолго или даже во время Отечественной войны 1812 года на основе предыдущих планов конца XVIII в., имел целью точно передать городской ландшафт. Улицы и переулки показаны на нем довольно схематично, что согласуется с явно военным его назначением[19].
5. Проектированный план Торговой площади 1808 г., почти полностью реализованный к 1812 г., стал неоценимым источником, позволившим подробно реконструировать расположение строений в центральной части города[20].

Составленная на основе указанных планов города Малоярославца реконструкция, на наш взгляд, позволяет, хотя и схематично, но достаточно подробно представить себе поле битвы, разыгравшейся здесь 12 (24) октября 1812 года.

Не меньшее значение для понимания размеров катастрофы, почти полностью уничтожившей в тот день городок, имеет восстановление данных о хозяйстве и населении Малоярославца накануне сражения.

Городское хозяйство того времени было незначительным, и город был похож скорее на большое село. Основную часть доходов городское общество получало, сдавая в аренду свое недвижимое имущество: заливные луга, помещения в городских домах и др. Небольшой, но стабильный доход городу приносила общественная «торговая» баня[21]. В аренду сдавалась и городская мельница на р. Луже. Еще одна «казенная мучная мельница» располагалась на ручье, впадающем в р. Лужу.

Возле Калужской заставы находилась общественная кузня, доходы с которой также шли в городской бюджет[22]. (Еще одна кузня, принадлежавшая монастырю, находилась у ведущей в город со стороны Боровска дороги, под самым холмом городища.)

Свободные участки городской земли, с согласия всего общества, отдавались в бессрочное пользование горожанам для постройки домов и разведения садов. Благодаря этому, садоводство стало одним из основных занятий горожан. В садах тогда росли все больше яблони и груши-бергамот. Причем славились Малоярославецкие яблоки по всей округе из-за своей небывалой величины. Затем стали разводить и вишни, благодаря чему в середине XIX столетия Малоярославец стал известен как «вишневый город»[23].

Основными расходными статьями городского бюджета в конце XVIII — начале XIX в. были: содержание городских чиновников и полицейских служителей, ремонт дорог и мостов в черте города, а также — содержание тюрьмы. Хотя всего «колодников» бывало в ней не более 30 человек одновременно24, но для небольшого городка и они были тяжкой обузой: надо платить стражникам, смотреть за состоянием стен и заборов и т.д. Дороги же, ведущие в город, и мосты требовали ремонта каждой весной и осенью[25].

Надо сказать, что проходившие через Малоярославец в начале XIX в. дороги из Калуги на Медынь и Боровск по существовавшей тогда классификации были «малыми». Почтовая дорога через Малоярославец и Боровск на Калугу была учреждена в 1800 году и корреспонденция в эти города отправлялась в особых сумках вместе с «генеральными почтами» в те же дни и часы, как и на московскую почту[26]. Почтовая станция (вероятно, каменное двухэтажное здание), по некоторым сведениям, находилась напротив Черноостровского монастыря, по другую сторону Боровской дороги[27].

Как и во многих уездных городах, в Малоярославце в начале XIX в. была расквартирована инвалидная команда, состоявшая из офицера, 29 рядовых и одного барабанщика[28]. В 1812 году во главе малоярославецкой инвалидной команды стоял прапорщик Федосей Егорович Ахмаметьев[29].

Население города составляло в то время около 1600 человек обоего пола[30]. Жилых домов, вероятно, было около двухсот, из них каменными могло быть шесть-семь[31]. Каменными были также казенный соляной склад, винный погреб и общественный амбар. Торговых лавок, где продавали мануфактурный (красный) и бакалейный товар, насчитывалось только 9. Большинство из них располагалось на центральной площади и ближайших улицах. Все они были деревянными. К числу торговых заведений относили и 5 «питейных домов», принадлежавших откупщикам[32]. Известно место расположения только одного из них, оно показано на плане 1808 г. Другой, судя по документам конца XVIII в., располагался на торговой площади[33]. Солод для варки пива на Малоярославецком «кружечном дворе» производился на солодовенном заводе, стоявшем на берегу реки Лужи[34]. Приведенные выше сведения относятся также к концу XVIII в. Предположительно, к 1812 году ничего не изменилось: документов о закрытии торговых заведений или солодовенного завода, также как об открытии новых, в архивах не выявлено.

Для удовлетворения нужд горожан в предметах первой необходимости и домашнего обихода, по вторникам и пятницам проводились еженедельные торги, а 4 раза в год бывали ярмарки. На них приезжали торговцы из ближайших городов: Боровска, Вереи, Серпухова, а также из Москвы и привозили предметы фабричного и кустарного производства, шелковые и бумажные платки, москательные (хозяйственные) товары и др. На ярмарках же шел торг скотом, лошадьми, хлебом, воском, маслом и пенькой[35].

В 1812 году в Малоярославце было три каменных церкви: Казанский собор (с приделами Георгия Победоносца и Иоанна Воина), храм Успения Пресвятой Богородицы (с приделом Иоанна Воина) и церковь Рождества Иоанна Предтечи (с приделом Иоанна Рыльского). Рядом с этой церковью стояло каменное одноэтажное здание богадельни для 10—12 старых и одиноких людей, выстроенное (как и Ивановский храм) на средства купца Т.Е.Целибеева. В предместье, в Спасской слободе, отделенном от центральной части города речкой Ярославкой, на высокой горе стояла маленькая деревянная церковь во имя Спаса Преображения.

На городском кладбище, расположившемся на Бессоновой горе (Бессоновское кладбище), стоял небольшой деревянный храм во имя Федора Стратилата[36].

В начале столетия в Николаевском монастыре полным ходом шел ремонт настоятельских и братских келий и хозяйственных построек.

Площадь обители была в то время значительно меньше, чем теперь. Она занимала центральную площадку монастыря, на которой стоит сейчас Николаевский собор, и узкое вытянутое пространство вплоть до главных входных Голубых ворот. Юго-западная и юго-восточная (со святыми Голубыми воротами) стены обители были каменными, северо-восточная и северо-западная — деревянными. После Отечественной войны 1812 года границы монастыря значительно расширились и прежняя внешняя юго-западная стена оказалась теперь внутренней стеной обители[37]. Дорога из Боровска в начале XIX столетия проходила прямо под ней, по дну глубокого оврага, засыпанного позже и ставшего теперь частью монастырской территории (между внутренней и внешней юго-западными стенами).

С весны 1812 г. в обители шла подготовка к строительству нового собора — во имя Николая Чудотворца. Тесный монастырский двор был загроможден строительными материалами, шли работы по выравниванию площадок, засыпали землей рвы внутри монастырской территории. К лету 1812 года успели положить бут и вывести фундамент собора. Он был не очень больших размеров: в то время планировалось строительство только двухэтажного храма.

В начале XIX в. в монастыре располагались следующие строения:

1. Небольшой каменный придельный храм Параскевы Пятницы. Церковь, к которой был пристроен придел — Владимирской иконы Божией Матери, разобрали, освобождая место для строительства задуманного в то время Николаевского собора. Вероятно, она была совсем небольшой, одноглавой (монастырская братия состояла тогда всего из 9 монахов).
2. Настоятельский двухэтажный корпус и двухэтажные каменные братские кельи напротив него располагались на месте нынешнего настоятельского корпуса и трапезной.
3. Деревянное небольшое здание монастырской трапезной.
4. Двухъярусная каменная колокольня — на месте восстановленной ныне.
5. Деревянные летний и зимний амбары, каменный погреб.
6. Гостиный дом деревянный на каменном фундаменте, при нем — конюшня и каретный сарай (вероятно, находились недалеко от ворот).
7. Под монастырской горой — скотный двор, при нем две избы для скотников.

Церковь, колокольня, настоятельский корпус и братские кельи были крыты железом, остальные строения — тесом.

На ручье Ярославке под монастырем стояла небольшая мельница-колотовка[38].

Несколько слов нужно сказать о городском административном управлении Малоярославца в начале XIX в.

После «возобновления» Малоярославца в качестве уездного города в 1802 г. в нем были восстановлены все уездные и городские местные учреждения[39].

В начале XIX в. в органах местного управления особенно велика была роль местного дворянства. На своих собраниях, раз в три года, дворяне избирали не только своего предводителя, но и главу полиции — исправника, и главу суда — уездного судью. В 1812 г. предводителем Малоярославецкого дворянства был майор Александр Степанович Белкин[40]. Александр Степанович накануне сражения за город отличился тем, что в середине сентября месяца вдруг исчез из города. Его искали несколько дней. Где он был — неизвестно, но 12 октября вместе с исправником и городничим его видели на дороге из города в Калугу[41].

Полицейским органом в уезде был нижний земский суд — орган, состоящий из избираемых дворянством уезда земского исправника и 2-х заседателей. Нижний земский суд выполнял распоряжения вышестоящих властей, проводил предварительное следствие по уголовным делам. Он должен был сохранять в уезде «благочиние, добронравие и порядок». Особой заботой уездной полиции было то, чтобы «никто беглых людей не принимал, не держал и не укрывал». В ведении исправников и нижних земских судов находились и иные полицейские задачи: побуждение «тяглового» населения к исправной выплате налогов, наблюдение за порядком во время торговли, продовольственными делами и состоянием дорог, соблюдение противопожарных и противоэпидемических мер и т.п. Делопроизводство суда лежало на секретаре, игравшем немаловажную роль при подготовке документов по различным делам. В 1812 г. земским исправником в Малоярославце был штабс-капитан Василий Александрович Радищев, заседателями — штабс-капитан Захар Алексеевич Перепелкин, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени и капитан Петр Яковлевич Бахметьев; секретарем — городовой секретарь Федор Иванович Ремезов[42].

В.А.Радищев известен тем, что проявлял примерную бдительность при охране границ уезда от «праздношатающихся» по дорогам мимо города «подозрительных личностях». В августе 1812 г. он, например, задержал действительного экстраординарного профессора медицины Б.К.Мильгаузена, имевшего неосторожность пешком пробираться из Калуги в Москву[43]. Василий Александрович занимался также «истреблением» в уезде крепких напитков после объявления губернии на военном положении[44]. Кроме того, именно земским исправником были обнаружены спрятанные ма-

лоярславецким помещиком Д.А.Кудрявцевым в своем саду артиллерийские орудия. Позже выяснилось, однако, что пушки были всего лишь потешными, предназначавшимися для фейерверков[45].

Финансовым органом в уезде являлось Уездное Казначейство — касса, ведавшая приемом, хранением денежных сборов и доходов и выдачей чиновникам денежных сумм. Штат этого учреждения состоял из Уездного казначея (в 1812 году им был губернский секретарь Андрей Федорович Талачанов), уездного стряпчего (коллежский секретарь Петр Иванович Петров), уездного землемера (губернский секретарь Петр Яковлевич Карпов), соляного пристава (губернский секретарь Алексей Афанасьевич Попов) и винного пристава (коллежский асессор Василий Иванович Лихарев)[46]. Последние двое следили за правильностью торговли солью и винными напитками.

Охрана «тишины и спокойствия» в уездном городе возлагалось на городничего. Городничего назначала губернская администрация из местных дворян. В 1812 г. эту должность в Малоярославце занимал титулярный советник Петр Иванович Быков[47]. По его приказу, как известно, был разрушен мост через Лужу накануне Малоярославецкого сражения. Сам городничий вместе другими должностными лицами город покинул и был встречен дворянским заседателем Михайловым на дороге в Калугу утром 12 октября[48].

Во главе полиции города Малоярославца стоял частный пристав, при котором исполнительным органом являлась канцелярия, или «съезжая изба» (располагалась у Торговой площади, позади Присутственных мест). Полиция следила за соблюдением «тишины и спокойствия», боролась с пожарами (при ней позже были созданы пожарные команды во главе с брандмейстерами), осматривала мертвых, пристраивала подкидышей, наблюдала за трактирами и гостиницами. При частном приставе находился избираемый горожанами словесный суд по мелким гражданским тяжбам с устным, упрощенным судопроизводством. Город территориально делился на кварталы по 50 дворов. Полицейский надзор в каждом квартале должен был осуществлять квартальный надзиратель — пятидесятский (пятидесятник). Реально же «по числу домов три пятидесятника, из числа добрых и благонадежных граждан, которыя по-надлежащему приведены к присяге...» были избраны в Малоярославце городской думой только в августе 1812 г.[49] Имена частного пристава, заседателей словесного суда и пятидесятников в Малоярославце на 1812 г. неизвестны.

Все население города («градское общество») имело права юридического лица, оно могло заводить собственность, иметь доходы с имущества, собирать с городского населения особые сборы и т.п. Городское собрание (собрание всех жителей) избирало городского голову; магистрат (состоявший из бурмистров и ратманов), старост и судей словесных судов. В компетенции этих органов городского самоуправления находились вопросы благоустройства, продовольственное дело, развитие торговли и промышленности, надзор за порядками на торгах и базарах.

Состоятельное купечество крайне неохотно занимало выборные должности, налагавшие большую ответственность и не приносившие прибыли. Но принимать их на себя, тем не менее, приходилось. От выборов уклониться удавалось только тем, кто вел торговлю в других городах и подолгу не показывался в Малоярославце[50]. В начале XIX в. выборные должности в органах городского самоуправления занимали представители самых известных и богатых купеческих фамилий Малоярославца — Холины, Целибеевы, Болдыревы, Аристовы и др.

Итак, мы попытались с доступной на сегодняшний день точностью описать сам город Малоярославец и его административное управление, какими они были в 1812 г. Дальнейшее изучение темы, таким образом, возможно в направлении детального исследования фондов уездных учреждений указанного периода (в плане более точных подсчетов количества домов, торговых заведений и т.п.). С большей точностью можно установить количество населения города и его состав по сословиям, основываясь на метрических книгах и исповедных росписях городских храмов. По этим же источникам возможно детально установить убыль городского населения после сражения 12 октября 1812 г. и его постепенный рост в последующие годы. Наиболее перспективным, с точки зрения обеспеченности источниковой базой, представляется изучение Малоярославецкого уезда в 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Описание города и уезда 1775 г. // Малоярославец. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1884. С. 34—36.

[2] Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785. С. 34—37.

[4] Ассонов В.И. Малоярославец и малоярославецкие юбилейные торжества 1912 года. Калуга, 1914. С. 11—13; Ассонов В.И. Обзор событий 1812 года в пределах Калужской губернии // В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году: обзор событий и Сборник документов. М., Калуга, 1912. С. 42—43.

[5] И[еромонах] Л[еонид Кавелин]. Историческое описание малоярославецкого Николаевского общежительного монастыря. М., 1903. С. 53—55.

[6] Беспалов В., Дмитриев А. Малоярославец. Калуга, 1962. С. 75—84.

[7] Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года // Малоярославец. Очерки по истории города. Малоярославец. 1992. С. 27.

[8] Топографическое описание... С. 34.

[9] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 160. Оп. 4. Д.7.

[10] Указом Павла I от 31 декабря 1796 г. город был переведен в «заштат». Восстановлен в числе уездных указом Александра I от 1 января 1802 г. и Сенатским указом от 24 апреля 1802г. См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Изд. 1-е. СПб., 1839. Т. 24. С. 269; Там же. Т. 27. С. 1, 124.

[11] Малоярославец. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1884. С. 35 В описании того же 1775 года, составленном в воеводской канцелярии месяцем раньше, говорится о 8 улицах (С. 34.)

[12] Калужский государственный объединенный краеведческий музей (КГОКМ). Инв. № КЛ 437.

[13] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 437. Л. 2.

[14] Опубликовано: Малоярославец. История и современность. Калуга, 2001. С. 48-49.

[15] РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 14, 14а. (См. об этом: Митрошенкова Л.В. Малоярославец в XIV—XVIII вв.: Историко-географическое исследование. М., 2004. С. 202).

[16] В источниках того времени встречается указание только на одну городскую мельницу на Луже. Ее месторасположение также хорошо видно на плане Малоярославецкого сражения, составленном Н.Миловидовым (См.: Ассонов В.И. Обзор событий... С. 45). Сведений о мельнице на реке, находившейся непосредственно в черте города, нами не обнаружено.

[17] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XX. № 14840

[18] План города Малоярославца // Атлас Калужского наместничества, состоящего из 12-ти городов и уездов. СПб., 1782.

[19] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3729. Л. 3, 7, 8, 14, 40.

[20] План стал доступен благодаря любезной помощи работавшего в то время в Калужском краеведческом музее Виталия Анатольевича Бессонова. Пользуясь случаем, автор приносит свою искреннюю благодарность к. и. н. В.А.Бессонову за ряд ценных консультаций, помощь и поддержку при создании и подготовке к публикации данной работы. Мы также благодарны за содействие Администрации Калужского объединенного краеведческого музея и лично его директору к. биол. н. Ирине Владимировне Шмытовой, Т.Ф.Бессоновой и всем сотрудникам, неизменно и доброжелательно помогавшим в поисках любой информации по истории Малоярославца.

[21] ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1022; Ассонов В.И. Малоярославец и малоярославецкие... С. 11.

[22] Малоярославец. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1884. С. 35.

[23] Ассонов В.И. Малоярославец и малоярославецкие... С. 11.

[24] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 381. Л. 8. Там же. Д. 387. Л. 13.

[25] Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 520. Л. 6—7.

[26] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 11. Л. 2—4.

[27] Именно на этом месте он изображен художником П. Гессом на картине «Сражение при Малоярославце» (в 1840-х годах). Информацию о расположении почтового дома художник мог получить от местных жителей, во время своего пребывания в городе.

[28] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1051. Л. 6—26, 30.

[29] Ассонов В.И. Сборник документов // В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году: Обзор событий и Сборник документов. М., Калуга, 1912. С. 18. Имя и отчество прапорщика установлены С.В.Львовым по послужному списку: РГВИА. Ф. 489. П.1. Д. 5436. Л. 14 об. — 15.

[30] Расчет основан на данных Топографического описания 1785 г., а также на косвенных сведениях о сокращении населения во время «упразднения» города и некотором росте после восстановления в числе уездных. Следовательно, общее количество населения могло приблизительно быть равным данным 1785 г. (1622 человека).

[31] Расчет также предположительный:

1) в 1785г. в городе было 232 жилых дома, количество каменных не указано;
2) в настоящее время выявлено 3 прошения купцов, относящихся к 1787г. (с положительными резолюциями городского магистрата) о разрешении им строить каменные дома на Большой Калужской улице (ГАКО. Ф. 160. Оп. 4. Д. 9. Л. 7, 8, 9);
3) по плану 1808 г. известно, что на Торговой площади было 2 каменных жилых дома (один из них — на углу Большой и Боровской ул.);
4) есть упоминание о каменных домах, построенных для священника и дьячка Ивановской церкви (См. напр.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1350);
5) упоминается каменный двухэтажный дом, переданный до 1812 года городу купцом Целибеевым (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Калужская губерния. Часть II / Составил Попроцкий М. СПб., 1864 г. С. 428).

[32] Малоярославец. Материалы... С. 35.

[33] См. напр.: ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 962.

[34] Малоярославец. Материалы... С. 35. Месторасположения завода предполагается по указанию места «для пивоварен» проектном плане города, утвержденном Екатериной II в 1779 г.

[35] Малоярославец. Материалы... С. 35.

[36] В документах дата строительства храма не упоминается, но известно, что антиминс был выдан в 1771 г.: ГАКО. Ф. 273. Оп. 3. Д. 1. Л. 7. Кроме того, церковь Федора Стратилата фигурирует в отчете благочинного уезда о. Леонтия о разорении малоярославецких храмов в 1812 году: Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году: по материалам архива А.И.Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Мат. науч. конф. Малоярославец. 1994. С. 71.

[37] Предположительно, это могло произойти после перевода монастыря из заштатных в 3-й класс в 1817 году, когда ему были пожалованы также дополнительные земли вне города. (См.: И[еромонах] Л[еонид Кавелин]. Историческое описание Малоярославецкого Николаевского общежительного монастыря. М., 1903. С. 137.)

[38] И[еромонах] Л[еонид Кавелин]. Указ. Соч. М., 1903. С. 51—52.

[39] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 658. Л. 1, 3, 6; Там же. Д. 721. Л. 1—1об, 3; Там же. Д. 734. Л. 1—6, 36, 37.

[40] Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. Ч. 1. СПб., [1812]. С. 131.

[41] Ассонов В.И. Сборник документов... С. 15—16.

[42] Месяцеслов... 1812. Ч. 1. С. 131.

[43] Ассонов В.И. Сборник документов... С. 125.

[44] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1051. Л. 1—30.

[45] Ассонов В.И. Сборник документов... С. 133—135.

[46] Месяцеслов... С. 131.

[47] Там же. С. 130. Послужной список Быкова см.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1 Д. 438. Л. 6 об. — 7.

[48] Ассонов В.И. Сборник документов... С. 16.

[49] Там же. С. 13—14.

[50] Как это было, например с избранными словесными судьями в 1802 г. Яковом Никитиным и Романом Малютиным. (ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 658. Л. 1, 6.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПЕРЕХОД ОТ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ (1918—1926 ГГ.)

И.В.Удовиченко, *асп.,*

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, учитель, МОУ «Гимназия г. Малоярославца».

Изучение истории государственной статистики в нашей стране традиционно связано с исследованием статистики в целом. Довольно незначительное внимание уделялось изучению истории государственной статистики в регионах. До настоящего времени по сути дела полностью не изученной остается история государственной советской статистики в Калужской губернии в 1920-е годы. Не существует ни одного серьезного глубокого исследования деятельности Калужского Губстатбюро, истории его создания, организационной структуры и кадрового состава. Правда, следует отметить, что еще в 1923 году самими сотрудниками Калужского Губстатбюро была предпринята попытка в пятую годовщину своей организации не только подвести предварительные итоги профессиональной деятельности, но и познакомить граждан губернии с историей создания Губстатбюро, его организационной структурой, главными задачами и основными направлениями деятельности. Так в 1923 году был опубликован Сборник материалов к юбилею существования Калужского Губстатбюро, подготовленный к печати и отредактированный заведующим Губстатбюро В.И.Сосницким. Следующая работа, посвященная данной научной проблеме, появилась спустя 74 года. В 1997 году был опубликован «Краткий очерк истории государственной статистики России и ее территориального органа в Калуге». Автор очерка В.И.Игнатченко в очень сжатой форме знакомит читателей с историей государственной статистики в целом и, в частности, уделяет определенное внимание истории Калужского Губстатбюро. Представленное мною сообщение является отправной точкой для моего дальнейшего серьезного исследования истории Калужского Губстатбюро, его деятельности и организационной структуры.

Говорить о существовании Государственной Статистики до 1918 года не корректно, поскольку в Российской империи Государственная Статистика как единая, строго структурированная организация просто отсутствовала. На местах, в губерниях и уездах, статистика находилась в ведении земств. В Калужской губернии земская статистика проделала значительную работу и оставила после себя много ценных сведений в области сельского хозяйства, промышленности, народонаселения. В 1917 году в земских оценочных бюро и статистических отделениях Калужской губернии трудилось свыше 1200 человек в качестве заведующих и сотрудников. А с учетом вспомогательного персонала (счетчиков, делопроизводителей) количество штатного персонала достигало 3000 человек. Число добровольных земских корреспондентов составляло 75000 человек[1].

Формально земства просуществовали до весны 1918 года. Сентябрь 1918 года стал последним месяцем работы существовавших до организации Губстатбюро местных статистических учреждений — статистических отделений бывшей Губернской Земской Управы и Губернского Статистического Комитета. Именно эти два статистических учреждения на протяжении целого ряда десятилетий вели статистическую работу по хорошо продуманным и заранее разработанным программам. Но осенью 1918 года эти статистические учреждения прекратили свое существование. Вместо них в Калужской губернии был организован самостоятельный орган Государственной Статистики — Губернское Статистическое Бюро[2].

Еще 25 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил «Положение о государственной статистике», опубликованное в № 160 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 30 июля 1918г. и в № 55

Собрания Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства от 31 июля 1918 г.[3] В соответствии с этим положением прекращали свое существование Статистический Комитет при НКВД и отдел переписи ВСНХ. Ведение всей статистики отныне возлагалось на Центральное статистическое управление РСФСР и его местные органы. Были организованы 33 отдела ЦСУ, Совет по делам статистики и коллегия, состав которой утверждался СНК. 15 сентября 1918 года СНК РСФСР издал «Положение о местных статистических учреждениях», на основании которого ведение статистики в губерниях и городах возлагалось на вновь создаваемые статбюро и их органы[4].

Сразу же после ознакомления с опубликованным Положением началась работа по организации местных статистических учреждений и в первую очередь, конечно, Губернских Статистических Бюро. В Калужской губернии в этой организационной работе приняли самое активное участие как представители губернской советской власти — П.Я.Витолин, М.П.Артемьев, Комаров, так и местные деятели земской и административной статистики — М.Н.Григорьев, С.Ф.Копейкин, Ф.В.Богуцкий, В.А.Попов и Ф.Ф.Кадобнов[5].

24 сентября 1918 года Губернским Исполнительным Комитетом было созвано расширенное заседание президиума ГИК с представителями ведомственных статистических организаций Калужской губернии. На этом организационном совещании присутствовали: председатель Губисполкома П.Я.Витолин, М.П.Артемьев, Комаров и представители ведомственной статистики: заведующий Статистическим отделом Губернского Земельного отдела М.Н.Григорьев, заведующий Статистическим подотделом Губернского Исполнительного Комитета Ф.Ф.Кадобнов, заведующий Санитарной статистикой бывшего Губернского Земства доктор Востров, заведующий Статистикой Губернского Продовольственного Комитета Ф.В.Богуцкий и статистик бывшей Губернской Земской Управы С.Ф.Копейкин[6].

Губернский Исполнительный Комитет постановил немедленно приступить к усиленной организационной работе по созданию Губернского Статистического аппарата с тем расчетом, чтобы в ближайшее время он мог бы начать свою работу хотя бы по тем секциям, которые могли быть немедленно сформированы. На этом же Совещании был утвержден Губисполкомом в должности заведующего Губернским Статистическим Бюро М.Н. Григорьев, как бывший заведующий оценочно-статистическим отделением бывшей Губернской Земской Управы. Однако в должности М.Н.Григорьев находился менее двух лет и за эти неполные два года он дважды временно отстранялся от должности. В 1920 году его сменил заведующего Губстатбюро В.И.Сосницкий[7].

В первые годы существования Губстатбюро форма управления была коллегиальная, хотя по положению об организации местных статистических учреждений на основании параграфа 11 Заведующему Губстатбюро и принадлежало право почти самостоятельно разрешать все текущие дела Бюро, приглашать, перемещать и увольнять служащих Бюро. В действительности почти все дела по Бюро докладывались Коллегии Заведующим Губстатбюро и Коллегия решала их на совместном заседании.

Первоначальный состав Коллегии Губстатбюро был следующим: председатель Коллегии — заведующий Губстатбюро М.Н.Григорьев, члены Коллегии — Кадобнов Ф.Ф., Попов В.А., Богуцкий Ф.В. Состав Коллегии был утвержден Президиумом Губисполкома в конце сентября 1918 года[8].

Уже в первые месяцы работы Калужского Губстатбюро сформировалась и его организационная структура. В структуре Бюро были организованы следующие секции:

- Секция Демографической Статистики. Организована 1 октября 1918 года.
- Секция Статистики Земледельческого Хозяйства (ранее именовалась Секцией Земельной Статистики). Организована 1 октября 1918 года.
- Секция текущей сельскохозяйственной статистики. Организована в октябре 1918 года.
- Секция Промышленной Статистики. Организована 1 января 1919 года.
- Секция Статистики Труда. Организована 18 июня 1919 года.
- Секция Моральной Статистики. Организована 2 октября 1919 года.
- Секция Военной Статистики. Организована 23 декабря 1919 года.
- Секция Земельной Статистики. Организована 1 сентября 1922 года.

Также были образованы: Канцелярия Губстатбюро (в конце сентября 1918 года), бухгалтерия Губстатбюро (в октябре 1918 года), библиотека Губстатбюро (в октябре 1918 года)[9].

По положению о Государственной статистике в качестве самостоятельных отделов при уездных советах депутатов учреждались Уездные Статистические Отделения (УСО). Работа по организации уездного статистического аппарата шла несколько медленнее, чем организация Секций Губстатбюро. Очень тормозил эту организационную работу недостаток опытных квалифицированных работников-статистиков. В виду недостатка специалистов-профессионалов, Губстатбюро приходилось назначать в заведующие УСО лиц малознакомых, а иногда и совсем незнакомых со статистической работой, что, конечно, не могло не отразиться на работе уездных статаппаратов[10]. Сами же Уездные Статистические Отделения создавались в следующей последовательности:

- Козельское УСО. Образовано 18 января 1919года.
- Тарусское УСО. Образовано 1 февраля 1919 года.
- Мещовское УСО.Образовано 10 февраля 10 февраля 1919 года.
- Медынское УСО. Образовано 15 февраля 1919 года.
- Боровское УСО Образовано в феврале 1919 года.
- Калужское УСО. Образовано 20 февраля 1919 года.
- Жиздринское УСО. Образовано 10 марта 1919 года. В январе 1920 года переведено в ведение Губстатбюро вновь образованной Брянской губернии.
- Перемышльское УСО. Образовано 30 июня 1919 года.
- Лихвинское УСО. Образовано 12 августа 1919 года.
- Мосальское УСО. Образовано 16 октября 1919 года.
- Спас-Деменское УСО. Образовано в августе 1921 года.
- Малоярославецкое УСО. Образовано в августе 1921 года.
- Юхновское УСО. Первоначально находилось в ведении Смоленского Губстатбюро, но в августе 1922 года переведено в ведение Калужского Губстатбюро в связи с присоединением Юхновского уезда к Калужской губернии[11].

Помимо Губстатбюро, для всесторонней разработки вопросов и координирования деятельности ведомств в области статистического изучения губернии в июле 1919 года согласно параграфу 16 Положения о Государственной Статистике был организован Губернский Совет по делам статистики. Но деятельность его была незначительной. За пять лет, в период с 1918 по 1923 гг. Совет провел всего лишь два заседания и в дальнейшем полностью прекратил свою деятельность. Один из ведущих сотрудников Калужского Губстатбюро Ф.Ф.Кадобнов полагал, что главными причинами неэффективности работы Губернского Совета по делам статистики стали недостаток средств и отсутствие материалов для рассмотрения в Совете. Все статистические материалы поступали непосредственно в Губстатбюро и в результате необходимость в деятельности Губернского Совета по делам статистики фактически отпадала. Все необходимые решения по организационным вопросам Губстатбюро также принимало самостоятельно, не обращаясь за соответствующими санкциями в Совет[12]. По сути дела, Губернский Совет по делам статистики и Калужское Губстатбюро фактически дублировали друг друга, что в конечном итоге и делало деятельность Совета неэффективной, а само его существование просто бесполезным.

Калужское Губстатбюро продолжало свою деятельность до середины 1920-х годов. За восемь лет, с 1918 по 1926 годы, была проделана большая работа. Уже вскоре после своего создания, осенью 1918 года Калужское Губстатбюро приняло активное участие в подготовке и проведении Всероссийской промышленной переписи. Начиная с 1919 года, Губстатбюро ежегодно проводило выборочные сельскохозяйственные обследования для установления посевных площадей, сельскохозяйственного инвентаря, количества домашнего скота и результатов сбора урожая. В 1920 году Калужское Губстатбюро провело сплошную демографическую перепись населения в Калужской губернии, сплошную сельскохозяйственную перепись, промышленную перепись, а также основное обследование народного образования в городах и сельской местности губернии. В марте 1923 года в городах и поселках городского типа была проведена комбинированная перепись населения, промышленных предприятий и торговых

заведений[13]. Полученные ценные сведения способствовали хозяйственному и культурному строительству в Калужской губернии. Губстатбюро подготовило к изданию статистические сборники, не потерявшие своей ценности и в наши дни, такие как «Предварительные итоги Всероссийской переписи населения»[14], «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи»[15], «Поуездные итоги выборочного обследования крестьянских хозяйств»[16], «Численность городского и сельского населения Калужской губернии»[17]. В 1926 году была проведена первая перепись населения в СССР. Активное участие в ее проведении принимало и Калужское Губстатбюро.

Калужское Губстатбюро прекратило свою деятельность в 1926 году, когда началась реорганизация всей организационной структуры Государственной Статистики в СССР. В 1927 году СНК СССР учредил Центральное Статистическое Управление (ЦСУ) СССР на правах народного комиссариата. Тогда же была проведена реорганизация и местных органов статистики. Так, в 1929 году учреждаются окружные статотделы в Калужской губернии, которые просуществовали до марта 1930 года. В том же 1929 году была упразднена и Калужская губерния. И только в октябре 1944 года после образования Калужской области было организовано Статистическое управление Калужской области[18].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Игнатченко В.И. Краткий очерк истории государственной статистики России и ее территориального органа в Калуге. Калуга, 1997, с. 6.

[2] Ф.Кадобнов. Организация Калужского Губстатбюро // Пять лет (с 1 октября 1918 по 14 октября 1923 г.). Сборник материалов к юбилею существования Калужского Губстатбюро. Под ред. Заведующего Губстатбюро В.И.Сосницкого. Калуга, 1923, с. 38.

[3] История советской государственной статистики. Под ред. Ежова А.И. М., 1969, с. 24.

[4] Там же, с. 25

[5] Игнатченко В.И. Краткий очерк истории государственной статистики России и ее территориального органа в Калуге. Калуга, 1997, с. 8.

[6] Ф.Ф.Кадобнов. Организация Калужского Губстатбюро // Пять лет (с 1 октября 1918 по 14 октября 1923г.). Сборник материалов к юбилею существования Калужского Губстатбюро. Под ред. Заведующего Губстатбюро В.И.Сосницкого. Калуга, 1923, с. 39

[7] Там же, с. 42.

[8] Там же, с. 40.

[9] Там же, с. 41.

[10] История советской государственной статистики. Под ред. Ежова А.И. М., 1969, с. 26.

[11] Ф.Ф.Кадобнов. Организация Калужского Губстатбюро // Пять лет (с 1 октября 1918 по 14 октября 1923 г.). Сборник материалов к юбилею существования Калужского Губстатбюро. Под ред. заведующего Губстатбюро В.И.Сосницкого. Калуга, 1923г., с. 43—48.

[12] Там же, с. 31.

[13] В.И.Сосницкий. Наши итоги // Пять лет (с 1 октября 1918 по 14 октября 1923г.). Сборник материалов к юбилею существования Калужского Губстатбюро. Под ред. Заведующего Губстатбюро В.И.Сосницкого. Калуга, 1923, с. 53.

[14] Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 1920 г. на Калужской губернии — Калуга, 1921.

[15] Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920г. Калужской губернии. Население, скотоводство, посевная площадь, птицеводство, пчеловодство и инвентарь. Калуга, 1922.

[16] Поуездные итоги весеннего выборочного обследования крестьянских хозяйств Калужской губернии в 1921 г. Калуга, 1922.

[17] Численность городского и сельского населения Калужской губернии по данным Всероссийской народной переписи 1920 года. Калуга, 1922.

[18] Игнатченко В.И. Краткий очерк истории государственной статистики России и ее территориального органа в Калуге. Калуга, 1997, с. 9

СИЛОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРАЖДАН ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: МЕДЫНСКИЙ УЕЗД, ГОД 1918

Е.А.Ефремов,
ОАО Полотняно-Заводская бумажная фабрика».

Хочу подчеркнуть, что речь ниже пойдет только об одном из эпизодов обширного вооруженного сопротивления граждан, а не военных, начало которого можно отнести к маю 1918 года, когда в Москве был образован политиками «Национальный центр» — самая действенная антибольшевистская подпольная организация. Лето принесло крестьянские восстания против комиссародержавия. Даже в Петрограде правление большевиков под руководством Зиновьева рождало ненависть среди рабочих. Самое известное восстание из пролетарской среды, получившее название Ижевско-Воткинского, началось 8 августа и продолжилось до второй декады ноября.

Возвратимся к ситуации в деревне. Необходимо подчеркнуть, что Ленин боялся, что «пролетарская» революция потонет в море крестьянской реакции, как это случилось во Франции 1871 года во время подавления городского радикализма. Как только позволит ситуация, общины необходимо было лишить собственности и превратить в хозяйства, управляемые государством. А пока на повестке дня стояло установление контроля над поставками продовольствия в города и создание коммунистических ячеек в крестьянской среде. Чтобы достичь этих целей, требовалось не много ни мало, как развязать гражданскую войну в деревне. Об этой политике возвестил Я.Свердлов (выступление 20 мая 1918 г.): *«Если мы в городах можем сказать, что революционная советская власть в достаточной мере сильна, чтобы противостоять всем нападкам буржуазии, то относительно деревни этого сказать ни в коем случае нельзя. Поэтому мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о расслоении в деревне, вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах <...> только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов»*[2]. Неслучайно, что образование продотрядов в конце весны 1918 года совпало с декретом о всеобщей воинской повинности, объявленном 29 мая. Из резолюции ЦК партии от 27 мая, написанной рукой вождя:

«1) Военный Комиссариат превратить в Военно-продовольственный Комиссариат — т.е. сосредоточить 9/10 работы Военного Комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны — на 3 месяца: VI—VIII.

2) Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3) Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива...»[3].

Вот так снаружи деревню атаковали части регулярной Красной армии, забирая у нее хлеб. Внутренний фронт войны против деревни был создан «пятой колонной»: комитетами бедноты. О положении дел в волости, которая станет через два месяца одним из центров восстания, свидетельствует протокол второго Уездного Съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 27 августа 1918 года: *«Адуевская вол. /КУЧЕНКОВ/ Норма хлебной разверстки определена волостным Советом в 30 фунт. ниже 7 лет и 1 пуд для возрастов выше 7-ми лет. Члены Исполнительного Комитета были арестованы; этот факт недопустим, ибо есть не что иное, как власть диктаторов. Надо установить закон для всего населения уезда. В волости соглашаются организовать комитеты бедноты при условии избрания в них действительно беднейших*

крестьян, а не лежебоков. Необходимы твердые цены на товары. Председательствующий [Голенев] лишает слова товарища Кученкова, так как тот выразил неудовольствие по поводу избрания Председателя Съезда»[4]. *Обстановка стала еще напряженнее после объявления 2 сентября большевиками красного террора. Из протокола заседания президиума Медынского уездного исполнительного комитета Советов, совместном с председателем местной ЧК Логачевым, от 2 ноября 1918 года:*

«Присутствовали: Петров, Перфилов, Логачев.

Слушали... Об арестованных Рождественском и Фуникове. Постановили... В виду имеющегося материала ясно указывающего на то, что означенные лица агитировали среди призванных [в армию] унтер-офицеров, которых призывали к избиению Представителей Советской власти, наущали призванных требовать выдать оружия и агитировали, чтобы они без оружия не отправлялись из города Медыни, ввиду чего Медынь и поселок Мятлево были объявлены на военном положении. В связи с этим сегодня уехавшими из Калуги унтер-офицерами был избит в Межинической волости Военный комиссар, принимая во внимание все это Президиум и Председатель Чрезвычайной комиссии

ПОСТАНОВИЛИ: согласно... обязательного постановления Президиума Исполкома от сентября месяца с/г. означенных лиц расстрелять, что просили Губчрезком социанировать [т.е. санкционировать] наши постановления»[5].

В накаленной донельзя обстановке происходила еще и мобилизация в Красную армию. Мужик не хотел воевать за такую власть на фронте, он также не хотел вступать в ее армию, которая разоряет деревни. Началось восстание. 10 ноября, цитируем советскую газету, восставшими *«...был разграблен и разогнан в селе Глухове ...волостной совет»*[6], также в Адуевской, Топоринской и Кременской волостях[7].

«В Адуевской волости, убит военный комиссар Буровиков, зверски разрубленный в бесформенную массу. В Адуевской, Глуховской волости, все оружие выданное для всеобщего обучения, было разобрано, населению от 18 до 50 лет объявлена мобилизация.

И в довершение передовые части белогвардейцев пытались повести наступление на казармы расположенные на окраине гор. Медыни, но будучи встречены пулеметным огнем, укрылись вновь в лесу»[8].

Так на восставших тут же был навешен ярлык «белогвардейцев». В дальнейшем, чтобы потрафить начальству из Москвы, местные губернские власти представляли в своих отчетах стихийное восстание как спланированную белогвардейскую вылазку: фанатикам из Кремля невозможно было согласиться с тем, что их политика была антинародна. Дальше — больше: чекисты в 1920 году начали заниматься сочинением отчетов об единых центрах обширных антисоветских заговоров[9]. Этим они добивались наград и новых полномочий, значение и необходимость ЧК непомерно росла. В случае с данным восстанием это выразилось тем, что оно в советское время оказалось объединенным вместе с Гжатским. Архивные материалы 1918 года — военного отчета перед губисполкомом[10] и сводок ВЧК большевистской верхушке[11] — говорят о том, что в Медынском, Боровском, Малоярославецком, а также Гжатском уезде Смоленской губернии произошли стихийные выступления. О восстании в нашем краю стиль сообщения газеты «Коммуна» выдает военную руку, это доклад одного из руководителей советских частей: в тот же день 10 ноября *«...в Медыни был образован Чрезвычайный революционный штаб в состав которого вошли коммунисты тов. Сахаров, Логачев, председатель уездчрезком и тов. Шалашев, впоследствии замененный тов. Резцовым.*

...тов. Сахаровым даны телеграммы в Губернский Исполнительный Комитет, Губернскую Чрезвычайную Комиссию и Губернский Военный Комиссариат, о подкреплении и принятию дальнейших мер к подавлению восстания...

11 ноября

11 ноября из Калуги по постановлению Губернского Исполнительного Комитета и распоряжению Губернского Военного Комиссариата, тов. Евстафьева, отправился отряд при тов. Ассен-Аймере (председатель губчрезком) и тов. Варганове (губвоенком).

Состав отряда. 1-го Калужского отдельного батальона войск Всечрезком...215.

Инструкторские курсы Губернского Военного Комиссариата...106.

7 зенитная батарея при 2 орудиях.

Всего 285 штыков, 4 пулемета и 2 орудия.

Ф.В. Ассен-Аймер (в верхнем ряду в центре). Около 1925 г.

В то же время, город Медынь, окруженный лесами, обкладывался Топоринской, Адуевской, Кременской, Глуховской, Гиреевской и Маковской волостями».[12] А *«в Кондрово повстанцы, руководимые штабс-капитаном Н. Морозовым (инструктор всевобуча Троицкой волости), Е. Коноваловым и Н. Усачевым (крестьяне д. Маслово), Трибовым и Шематовым (рабочие Кондровской фабрики), разгромили помещения Троицкого волисполкома, дома и квартиры местных большевиков, остановили бумажную фабрику. Восставшие заняли станцию Говардово, прервав сообщение с Калугой»*[13]. *«В 23 часа 15 мин. суток 11 того же ноября, в город Медынь прибыл авангард Калужского отряда и 11 часов 45 мин. суток 12 ноября остальная часть отряда при тов. Варганове.*

12 ноября

В 7 часов 10 мин., 12 ноября, начаты оперативные действия обстрелов артиллерией дер. Адуево, по штабу белогвардейцев, в 11 часов суток обстреляна северо-восточная опушка леса вокруг Медыни, где скопились белогвардейские полчища»[14].

Об эффективности в отношении мужика угрозы потери дома и хозяйства командование красных войск поймет тут же и на следующий день выпустит приказ под номером один *«о сметении с лица земли артиллерийским огнем белогвардейских деревень»*[15].

«В 13 час. суток поведено наступление в направлении Медынь — Мало-Ярославец к Адуевской волости.

В 13 час. 45 мин. суток вновь обстреляна северо-восточная опушка Медынского леса и Кременской большак.

В 14 час. 25 мин. суток артиллерийским огнем, выбиты белогвардейцы из села Пушкино (Покровское) и вслед было занято Адуево, белогвардейцы отступили на дер. Уланово, Клинцы»[16]. 16 белогвардейцев расстреляны[17].

«В то же время, разведчиками установлено, что белогвардейцы занимают Гиреево, Топорино, Кременское, Глухово, что в Романовской волости, произведен ими погром Ивановской Земледельчекой Советской школы, что в Дороховской волости ими занята ст. Износки.

О положении дела было сообщено тов. Евстафьеву в гор. Калугу. Одновременно т. Евстафьевым и Губ. Исп. Комитетом получено сообщение о начинающемся возстании в Малоярославецком и Боровском уездах...»[18]. Был послан отряд и туда. Поднялось и население далекой от Медыни Карамышевской волости: арестован исполком и образован свой штаб (при этом даже обошлось без материального ущерба, при подавлении же восстания были убиты два его участника)[18а].

«Товарищем Евстафьевым тотчас же были приняты следующие меры:

1. По прямому проводу донесено тов. Муралову с просьбою выслать силы на Мало-Ярославец.

2. Со станции Калуга двинулся отряд железнодорожных мастерских рабочих при тов. Кудрявцеве в 200 штыков...

К этому моменту в Медын. уез. восстание объяло 17 волостей (Адуевская, Гиреевская, Глуховская, Кременская, Кузовская, Межечинская, Ареховская, Топоринская, Карамышевская, Маковская, Матовская, Полотняно-Заводская, Троицкая, Галкинская, Дороховская, Незамаевская, Александровская). Из 22 волостей только 5 ...не примкнули к мятежникам. Двинувшийся отряд рабочих железнодорожных мастерских товарища Кудрявцева в 22 часа суток того же дня освободил ст. Износки, возстановил разрушенный путь и отогнал белогвардейцев от района железной дороги.

Был послан взвод в разведку [на малоярославецком направлении], ...за Пушкиным разведчики попали под сильный обстрел.

Отряд товарища Федорова, следуя в Полотняный Завод ... и установив, что в Говардово, Троицкой волости, рабочие фабрики Говарда, вступят на работу, объединил отряд [с силами Кудряшова,] причем часть отряда товарища Кудряшова оставлена на ст. Полотняный Завод, главныя его силы на станции Говардово...

13 ноября

В 9 час., суток 13 ноября отряд тов. Ассен-Аймера и Варганова, повел наступление на белогвардейцев, занимающих Уланово, имея свои разъезды в Архангельском и Михееве....

Товарищ Федоров... на автомобиле прибыл в Медынь и доставил патроны, бензин. В это время к 12 час.суток, белые были выбиты из Уланово и стали отступать на Архангельское и Михеево, по которым с нашей стороны был открыт артиллерийский огонь.

К 14 час. суток телефонное и телеграфное сообщение с Мятлевым по шоссе Медынь было прервано и белые накапливались в лесу северо-западнее Медыни в сторону Дешино. В Дешино, в 18 час. суток повели наступление на Медынь в двух направлениях, на тюрьму северо-восточнее, с целью освободить заложников буржуазии... и на кладбище (северо-западнее) за которым находилась батарея с целью захватить орудия»[19]. В их числе были 3 тыс. мобилизованных крестьян вместе с рабочими писчебумажных Кондровской, Троицкой и Полотняно-Заводской фабрик[20].

«Высланные цепи инструкторов и отряды местных коммунистов и открытый с батареи артиллерийский огонь ...принудили белогвардейцев отойти назад в лес...Отряд же на станции Мятлево едва только установил отсутствие связи с Медынью, двинулся на Медынь, имея в голове ... тов. Прокопчика и главными силами 3 Курземский Латышский Стрелковый полк (т. Эльсис). В 7 верстах от Мятлева конская команда вступила в перестрелку с заставой белогвардейцев у горевшего моста близ д. Глухово...

14 ноября

14 ноября, в 9 час. суток...установлено, что штаб белогвардейцев из село Дешино после неудачного наступления на Медынь скрылся с вооруженными своими полчищами»[21]. Отрядом коммунистов Полотняного Завода и войск ВЧК были заняты Обухово, Михеево, Адамовское, Троицкое и Полотняный Завод. *«В тот же день, в штаб войск на отданный 13 ноября приказ № 1 о сметении с лица земли артиллерийским огнем белогвардейских деревень, стали поступать приговоры обществ, как то: Адуевского сельского общества, деревни Синявино, Адуевской в., д. Романово, Романовской волости, комитета бедноты дер. Косова, Богдановской волости, др. Уланово и Клинцы»*[22]. Становится понятно, что восставшие разошлись из-за угрозы разрушения их домов и хозяйства. В восстании участвовало 7-8 тыс. человек[23]. Войска, тех же латышей, большевики перебросили на другой внутренний фронт борьбы с восставшими, теперь в Гжатском уезде. Там мятеж был подавлен 19 ноября [24].

Посчитав свои потери, большевики через ту же газету сообщили: *«С нашей стороны потери: убито 8, ранено 9, в плену 16...»*[25]. Из них батальон ВЧК *«потерял в боях одним убитым и тремя ранеными»*[26].

20 ноября было снято военное положение. Чтобы покарать восставших и запугать население власти расстреляли 199 человек, из них заложников было казнено 17. Эти горькие списки власти по возможности поименно напечатали в своей газете «Коммуна». Причем казнены оказались и перешедшие на сторону восставших два бойца-коммуниста из латышского полка [26а]. В том же номере она сообщает: *«Расход по штабу войск выразился в сумме 1345 рублей. Каковой возмещен на суммы расстрелянных мятежников (4237 р. 52 к.) остаток же... сдан в Народный Банк в доход Советской Республики... Сверх этого, отобранные советские деньги у белогвардейцев в Галкинской волости 9150 рублей сданы на текущий счет Губернского Исполнительного Комитета и 1266 рублей 50 коп на текущий счет Губчрезкома»*[27].

Силовое сопротивление власти, действия которой характерны не для национальной, а для оккупационной, продолжалось и в 20-х, и 30-х, и 40-х, и 50-х годах прошлого века. Не окончилось оно и по смерти Сталина. Силовое сопротивление почти совсем утихло только со смертью тех, кто застал ту, старую Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Неполные списки этих восстаний с хроникой событий выложены здесь:
http://aillarionov.livejournal.com/2012/05/14/
http://kaminec.livejournal.com/6258.html?thread=346994#t346994
http://kaminec.livejournal.com/13939.html

[1] Цит. по: Суханов Н. // Новая жизнь. 1918. № 113(328). 11 июня. С. 1.

[2] Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920. С. 294.

[3] Ленинский сборник. Т. 18. С. 93—94.

[4] ГАКО. Р-266. Оп.3. Д. 3. Л. 82 об.

[5] Там же. Л. 164.

[6] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[7] Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. «Стрелец». 2001. С.273.

[8] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[9] Пайпс Р. Московские центры. Политический фронт в гражданской войне в России // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 65.

[10] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[11] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Т. 1. 1918—1922. М.: РОССПЭН. 2000. С. 96, 98.

[12] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[13] Артизов А.Н. Кондрово. 1993. С. 56; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне.

[14] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Т. 1. 1918—1922. С. 97.

[18] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[18а] ГАКО. Р-1558. Оп. 1. Д. 117. Л. 660.

[19] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[20] Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 273.

[21] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[22] Там же.

[23] Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 273.

[24] Газета «Коммуна». 4.12.1918 г.

[25] Газета «Коммуна». 12.12.1918 г.

[26] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Т. 1. 1918—1922. С. 105.

[26а] Газета «Коммуна». 11.12.1918 г.

[27] Газета «Коммуна». 12.12.1918 г.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ В 1930 Г. (по материалам ГАДНИКО)

М.В.Антонова, *магистрант,*
Н.Н.Никитина, *к.и.н., доц.,*
И.П.Петрова, *магистрант;*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Вопросы истории крестьянства и аграрной политики 1920—30-х гг. достаточно активно освещались в отечественной и зарубежной историографии конца XX начала — XXI вв. Процесс коллективизации крестьянских хозяйств исследовался в работах А. Гончарова, А. Ильина, И. Трифонова, И.Зеленина и других. Серьезную работу по изучению советской деревни в 20—30-е гг. XX века проделали В.П.Данилов[1] и Н.А.Ивницкий.[2] Среди западных историков следует отметить американского историка профессора Р.Маннинга, канадского ученого Л.Виолу[3], французских авторов С.Куртуа, Ж.-Л.Пане и др., в работах которых достаточно широко освещены вопросы коллективизации сельского хозяйства в СССР.

Для правильного понимания сущности проблематики необходима грамотная работа по выявлению, обработке и последующей научной критике исторических источников.

Массив источников по истории крестьянства и аграрной политики 20—30-х гг. XX века достаточно разнообразен: его составляют архивные материалы, документы партийного и государственного происхождения, статистические данные, воспоминания, мемуары и периодика, отразившие процесс разработки и реализации аграрной политики советского государства в 1920—1930-е гг. Начиная со второй половины 1990-х гг., стали активно издаваться документы, связанные с деятельностью органов госбезопасности. Особо следует отметить вышедшее в 2000-х гг. сборники документов и материалов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД»[4] и «Трагедия советской деревни»[5], в которых наиболее полно отражены документы, касающиеся происходивших в 1920—1930-е гг. событий в деревне. При составлении указанных сборников историками была проведена огромная работа по выявлению и изучению уникального документального материала, обнаруженного в открывающихся советских архивах и относившихся ранее к разряду самых секретных. Речь идет об информационных сводках и обзорах, тематических справках и аналитических докладах, предоставляемых спецслужбами узкому кругу лиц высшего государственного и партийного руководства и содержащих сведения о положении и настроениях населения, о политических событиях и движениях в городе и деревне, в системе управления, в кооперации, церкви и т.п., — сведения, постоянно собираемые в масштабе огромной страны.

Объективному освещению раскулачивания и коллективизации способствует и изучение материалов из фондов областных и районных архивов. Подробную и важную информацию об этих процессах в Западной области содержат материалы из фондов Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Они позволяют изучить ход раскулачивания по области в целом и в отдельных районах.

К моменту перехода к сплошной коллективизации на территории будущей Западной области было 188 совхозов и 100 колхозов, среди них — 132 коммуны, 535 сельхозартелей, 335 товариществ по обработке земли. Удельный вес совхозов и валовой продукции сельского хозяйства области составил 0,7%, колхозов — 0,6%.[6]

В середине ноября 1929 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), призвавший продолжить и усилить «борьбу против капиталистических элементов деревни, развивая решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы» .

В декабре 1929 г. на конференции аграрников-марксистов Сталин объявляет о переходе «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества ... к политике ликвидации кулачества как класса». 5 января 1930 г. принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое стало началом реализации курса на проведение сплошной коллективизации и раскулачивания.

В январе 1930 г. в закрытом письме Брянского окружкома ВКП(б) Западной области всем райкомам, ячейкам, фракциям сообщалось о необходимости «в два года полностью закончить переход на сплошную коллективизацию округа», а «кулаки, как класс, должны быть ликвидированы, уничтожены». [7]

К этому времени на места из центра были отправлены установки по разработке форм и методов раскулачивания. Для проведения операций по раскулачиванию должны были создаваться специальные комиссии, в обязанности которых входило установление категорий кулацких хозяйств, составление списков крестьян, подлежащих раскулачиванию, а также учет и передача имущества и средств производства раскулаченных колхозам. Но на практике в районах эти вопросы решали «тройки» в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника местного органа ОГПУ; непосредственно в селах, деревнях раскулачивание проводили уполномоченные, возглавлявшие актив бедноты. Так же рекомендовалось включать в комиссии женщин, т.к. именно они оказывали сопротивление и часто срывали работу властей. В феврале — марте 1930 г. подобые выступления имели место в деревнях Нехочи, Колодяссы, Меховая Хвастовичского района.

Кампания по раскулачиванию осуществлялась с опорой на боевые оперативные группы при сельсоветах, задача «коих ...в информировании Райтройки о массовых волнениях, о принятии предупредительных мер»[8]. Представители Районной тройки Хвастовичского района неоднократно обращались в Окружную тройку с просьбой снабдить район оружием и патронами в среднем на 30—50 человек.

10 марта 1930 г. Хвастовичский райком раппортовал Брянской Окружной тройке об учете 327 кулацких хозяйств, обложенных сельхозналогом. В сводке сообщалось, что «ликвидация кулака полностью по району не окончена, а ликвидация происходит по мере хода коллективизации сельских советов»[9]. Если в марте раскулачено было 181 хозяйство, то к июню 1930 г. — 219.

Согласно принятому 31 января 1930 г. постановлению «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» кулаки подразделялись на три категории. К первой относился контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний. Ко второй категории относились кулаки, которые менее активно оказывали сопротивление мероприятиям, связанным с проведением сплошной коллективизации. Третью группу представляли все остальные крестьяне, причисленные к кулакам.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек и прокуратуры. Члены семей кулаков первой категории и кулаки второй категории подлежали выселению в отдаленные местности СССР или отдаленные районы данной области на спецпоселение. Кулаки, отнесенные к третьей категории, расселялись в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях. В Хвастовичском районе это были села Бояновичи, Авдеевка и резервная территория с. Красное.

Под определение «кулак» при желании можно было подвести любого крестьянина. Ведь Советская власть относила к кулакам следующие категории сельского населения:

а) применявшие наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарном промысле и на предприятии;
б) имевшие мельницы, маслобойни, крупорушки, сыроварни, колбасни, кожевни и другие промышленные предприятия, а также механические двигатели или предприятия с прочими двигателями, дающие более 150 рублей дохода в год;
в) сдававшие внаем сельскохозяйственные машины с механическими двигателями или производившие работы в других хозяйствах, а также сдававшие внаем другие сельхозмашины (конная полусложная молотилка, сноповязалка, жатка и пр.), если доход от них превышает 150 руб.;
г) сдававшие внаем постройки, оборудованные под жилье или предприятие, доход от которых (построек) составлял в сельских местностях более 150 руб., а в городах — более 200 руб. в год;
д) арендовавшие земли с целью торгового и промышленного использования садов и огородов;
е) занимавшиеся торговлей, ростовщичеством, скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции и скота;
ж) содержавшие постоялые дворы с доходом свыше 200 руб. в год;
з) дававшие деньги, семена, продукты, корма, товары и т.п. в долг под отработку, независимо от количества отработанных дней;
и) применявшие наемный труд при занятии извозом или ямщиной.

Можно привести следующие примеры «кулаков» по Хвастовичскому району на основании материала Красненского сельсовета: «о раскулачивании Кобозева Давида Михайловича... имущественное положение маслобойка 1, хата 1, лошадь 1, корова 1» или «о раскулачивании Амелькина Сидора, семья 10 человек... бывший собственник земли, лошадь 1, корова 1, мелкий скот».[10] При этом совершенно не учитывалось, что семьи зачастую были большими, и наличие у них земли или каких-либо сельхозагрегатов необходимы были для собственных нужд.

С февраля 1930 г. новое постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» сделало политику ликвидации кулачества как класса государственным законом. Это постановление позволило местным властям конфисковывать средства производства, хозяйственные постройки, скот. Проанализировав протоколы заседаний оперативной тройки Хвастовичского райкома с 28 февраля по 16 марта 1930 года можно сделать вывод насколько активно осуществлялось раскулачивание в этот период. Интересно, что февральская формулировка «предложить раскулачить» в марте заменяется единственным словом «раскулачить». Уже в марте представители власти отчитывались: «кулацкое отобранное имущество передается колхозам по оценке и описи ... на сумму 137250 руб. 65 коп.»[11].

Раскулачивание сопровождалось действиями явно преступного характера (являются ночью, при составлении описи пропадают деньги, облигации займов; отобранный и описанный у крестьян скот сами же руководители раскулачиванием тайком продают и режут). Например, в информационной справке секретаря РК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г. сообщалось о случаях превышения полномочий представителями местных партийных ячеек, активистов-бедняков в селах Милеево, Берестна, Бояновичи.

2 марта 1930 г. в газете «Правда» опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались перегибы в проведении коллективизации и раскулачивания. И.В.Сталин указывал, что политика партии в аграрном вопросе «опирается на добровольность колхозного движения и учет разнообразия условий в различных районах СССР. Нельзя насаждать колхозы силой... Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства» . Однако вся ответственность за злоупотребления возлагалась на членов комиссии по раскулачиванию и организаторов колхозов.

14 марта 1930 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», которое отмечало, что в ряде районов «добровольность заменяется принуждением к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательного права и т.п. Ранее в феврале всем Райкомам ВКП(б) Западного Обкома были разосланы секретные письма о фактах искривления линии партии при проведении раскулачивания. Считалось недопустимым включать в число «раскулаченных» середняков и даже бедняков, категорически воспрещалось присваивать административные функции агробригадам и посевкампаниям. Среди фактов перегибов, не связанных с раскулачиванием, можно назвать антирелигиозную политику местных властей. Имели место случаи закрытия церквей, оскорбление чувств верующих, подводимых под политику коллективизации и раскулачивания. В секретном письме от 9 апреля 1930 г. Брянского Окружного Комитета секретарю Хвастовичского Райкома сообщалось: «...в селах районов наблюдается движение за открытие закрытых церквей». Рекомендовалось не препятствовать открытию церквей, т. к. считалось, что эти мероприятия «будут использованы поповскими и кулацкими элементами ... для срыва колхозного движения и дезорганизации сева».[12] Часто виновниками неудач в ходе коллективизации объявлялись все, кто сочуственно относился к Русской православной церкви. Эти люди если и не назывались кулаками, то попадали в подкулачники, что также являлось основанием для применения соответствующих санкций к ним. Так раскулачивали церковных старост, псаломшиков. В отношении священнослужителей Хвастовичского района не было составлено ни одного протокола о раскулачивавнии в феврале-марте 1930 г., однако странными являются заявления священников с просьбой о возврате изътого имущества или части вещей при раскулачивании. Так, например, в протоколе № 2 от 5 апреля 1930 г. встречаются два заявления от священников Подбужского и Красненского сельсоветов о возврате изъятых вещей и имущества при раскулачивании.[13]

Политика ликвидации кулачества как класса нередко на практике проводилась в целях дележки имущества, а не в связи с действительными успехами коллективизации подавляющей массы крестьянских хозяйств.

Однако, конфискованное имущество передавалось не только колхозам, но и совхозам и другим организациям, а также оставалось в распоряжении райисполкомов и сельсоветов или продавалось с торгов.

В связи с началом весенне-полевых работ, раскулачивание временно было приостановлено. Под грифом строго секретно секретарю Хвастовичского райкома от секретаря Окркома была направлена телеграмма, в которой указывалось на необходимость «совершенно прекратить переселение кулаков всех категорий на другие участки». Причиной была неподготовленность участков в связи с посевной «при слабом проценте коллективизации»[14]. Но после их окончания ликвидация кулачества как класса возобновилась.

1930 г. явился решающим этапом в ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Имущество зажиточных крестьян было экспроприировано, а многие крестьяне, определенные как кулаки, подверглись выселению из своих родных деревень в необжитые районы страны. Характерной особенностью раскулачивания являлось то, что зачастую в кулаки записывались не только зажиточные крестьяне, но и средние и бедные. Весенний посев, а также нарастающее недовольство аграрной политикой государства среди крестьян вынудили правительство страны признать перегибы в проведении сплошной коллективизации и раскулачивания, однако вина за неправильную политику была возложена на местные органы власти. В этот период раскулачивание практически прекратилось, но лишь для того, чтобы вскоре начаться с новой силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данилов В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества: материалы научной конференции 9—12 июня 1969г. М., 1971;

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землеподьзование, хозяйство. М., Наука, 1977; Данилов В.П. Коллективизация... // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. Сост. В.А.Иванов. М., Политиздат, 1989; и др. работы.

[2] Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., Наука, 1972;

Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? // Сб. статей. М., РГГУ, 1995;

Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., Собрание, 2004 и другие работы.

[3] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5-ти томах / Под. ред. В.Данилова, Р. Маннинг, Л. Виол. М., 1999-2001.

[4] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х томах. Под. ред. А.Береловича, В.Данилова. М.: РОСПЭН, 2000-2003.

[5] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти томах / Под. ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л. Виол. М., 1999—2001.

[6] Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927-1937гг.). Документы и материалы. Смоленск, 1968. С. 7.

[7] Гос. архив документов новейшей истории Калужской области. Фонд 41. Опись 1. Дело № 8. Л. 50.

[8] Гос. архив документов новейшей истории Калужской области. Фонд 41. Опись 1. Дело № 8. Л. 110.

[9] Там же, Л. 51.

[10] Гос. архив документов новейшей истории Калужской области. Фонд 41. Опись 1. Дело № 8. Л. 138.

[11] Там же. Л. 131.

[12] Гос. архив документов новейшей истории Калужской области. Фонд 41. Опись 1. Дело № 8. Л 107.

[13] Там же. Л. 98.

[14] Там же. Л. 96.

АНАЛИЗ ВЫБОРА ТЕМ ПУБЛИКАЦИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ» И ФОРМЫ ИЗДАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2000—2012)

Н.В.Зиновкина, *гл. архивист,*
Государственный архив Калужской области.

Публикация архивных документов — это комплекс работ, направленных на подготовку архивных документов к изданию.

Публикация документов как направление использования архивных документов обеспечивает удовлетворение информационных потребностей общества и осуществляется в целях научных и культурно-просветительских, отчасти политических. Так пишут в современных учебниках[1], это не отрицалось даже в советских «Правилах издания исторических документов в СССР», в которых та же мысль сформулирована с присущей советской эпохе партийностью: *«Издание исторических документов имеет важное научное и политическое значение... Интерес к прошлому нашего Отечества стал реальным фактором общественного сознания, что вызвало необходимость дальнейшего развития публикации документов Государственного архивного фонда СССР в целях введения в научный оборот новых комплексов исторических источников и расширения пропаганды исторических знаний»*[2]. При этом архивисты отлично знают, что введение в научный оборот комплексов исторических источников путем их публикации способствует обеспечению сохранности архивных документов, ибо опубликованный источник предполагает использование в работе именно его, при этом подлинник архивного документа надежно хранится в архиве. Публикация архивных документов позволяет некоторым образом снять проблему отсутствия подготовки у большого числа пользователей, занимающихся в читальных залах, которое (отсутствие подготовки) отнюдь не способствует обеспечению сохранности документов. Конечно, призывы пользоваться опубликованными источниками некоторыми пользователями рассматриваются как необоснованное ограничение доступа к архивным фондам, но это решаемая проблема.

Публикация архивных документов — это форма использования документов, и в этом качестве публикации делятся на различные типы (научные, научно-популярные, учебные), виды (пофондовые, видовые, тематические, публикации документов одного лица) и формы (печатные, на пленочных носителях, электронные). Типы и виды публикаций определяются прежде всего их целевым назначением.

Если говорить о публикациях, подготовленных сотрудниками Государственного архива Калужской области (далее — ГКУ «ГАКО»), то при выборе типа и вида публикации главную роль играют реальные возможности сотрудников архива в рамках бюджета рабочего времени. Определяя тип публикации, мы прежде всего исходим из того, что ГКУ «ГАКО» не имеет специализированного отдела публикаций. Публикаций научного типа ГКУ «ГАКО» не готовит: архив не может позволить себе заниматься только публикаторской работой, а подготовка научной публикации требует полного погружения в работу. Насколько сотрудники архива владеют информацией, никто из пользователей ГКУ «ГАКО» не занимается подготовкой публикаций научного типа в силу отсутствия в области специалистов-археографов.

Публикации архивных документов ГКУ «ГАКО» в учебных целях в Калужской области не производятся ни архивистами, ни кем-либо другим (насколько нам известно). Это связано и с отсутствием специалистов, и, главное, с тем, что современный учебный процесс (по крайней мере в учебных заведениях нашей отдельно взятой области) не чувствует потребности в освоении учебных программ по хрестоматиям или тематическим подборкам.

Таким образом, в Калужской области в начале XXI в. архивные документы публикуются только в изданиях научно-популярного типа. Следует оговориться, что анализу будут подвергнуты только публикации, полностью подготовленные ГКУ «ГАКО», либо такие, в которых архивисты принимали деятельное участие. Публикации архивных документов ГКУ «ГАКО», подготовленные не сотрудниками архива, не рассматриваются. Не будут рассматриваться и публикации документов — приложения к исследовательским статья сотрудников архива.

Виды публикаций ГКУ «ГАКО» разнообразием не отличаются. Это только тематические публикации. Форма публикаций тоже только одна — печатная. В современных условиях это уже недопустимо, но кадровые, технические и финансовые условия ГКУ «ГАКО» не позволяют готовить электронные публикации. Своего сайта до сих пор нет ни у одного государственного архива в области, как нет его и у Управления по делам архивов Калужской области. Возможно, проблема здесь глубже и уходит корнями в недостатки менеджмента, но рядовые сотрудники, которые и занимаются подготовкой публикаций, эту проблему решить не в силах.

Документальные публикации в ГКУ «ГАКО» готовятся, как правило, к юбилейным датам либо к каким-либо значимым событиям. Среди тем документальных публикаций, подготовленных сотрудниками ГКУ «ГАКО», бесспорно, лидирует история Великой Отечественной войны. Калужская область была образована во время войны, 5 июля 1944 г., причем боевые действия Великой Отечественной войны разворачивались во всех районах будущей области, все районы области разное время находились в оккупации, из всех районов гражданское население угонялось в Германию, поэтому тема эта для жителей нашей области еще долгое время (хочется верить) останется актуальной.

Самая интересная документальная публикация, подготовленная сотрудниками архива по истории Великой Отечественной войны в XXI в. в рассматриваемый период, — это сборник воспоминаний бывших узников фашистских концлагерей «Седые дети войны»[3]. Собственно говоря, это не совсем документальная публикация: воспоминания были переданы в ГКУ «ГАКО» после окончания работы над ними. Когда в марте 2000 г. в архив обратились руководитель калужского издательства «Фридгельм» В.Н.Фридгельм и председатель Калужского областного Совета бывших малолетних узников фашистских концлагерей Л.И.Ермолюк[4] с просьбой помочь в подготовке текстов собранных Калужским областным Советом воспоминаний, мы пытались отказаться от этой работы: ее не было в плане, документы никакого отношения к архиву не имели. Тогда Л.И.Ермолюк обещала передать воспоминания в архив и в конечном счете уговорила приняться за работу. Ознакомившись с текстами подлинных воспоминаний, написанных в 1990-е годы (собирались воспоминания долго, многие люди не очень хотели вновь переживать те страшные события, фиксируя их на бумаге) и перепечатанных на машинке Л.И.Ермолюк, мы обнаружили, что тексты подвергались редакторской правке. Мы настаивали на недопустимости стилистической правки. В результате тексты переданы с максимальным сохранением авторского стиля, мы только исправили орфографию и пунктуацию. Комментариев книга не предполагала. Сотрудниками архива были составлены «Список районов, составивших Калужскую область, с указанием времени немецко-фашистской оккупации» и «Список сожженных деревень». В результате получилась книга о страшных событиях, рассказанных очевидцами и участниками, к настоящему времени являющаяся библиографической редкостью (суммарный тираж двух изданий 2 тыс. экземпляров). Подлинные воспоминания и рабочие материалы к изданию поступили в ГКУ «ГАКО» и вошли в Коллекцию документов о Великой Отечественной войне (Ф.Р-3466), в опись документов личного происхождения. Так в ходе подготовки документальной публикации была решена задача комплектования архива документами личного происхождения.

Готовя публикации документов, архивист стремится вводить в научный оборот новые документы и новые виды документов. К примеру, информативно насыщенным и одновременно очень эмоциональным источником по истории оккупации на-

селенных мест немецко-фашистскими войсками являются акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории. ГКУ «ГАКО» дважды в исследуемый период обращался к публикации этого вида документов. Пожалуй, здесь можно говорить о видовой публикации, хотя в основе своей публикация актов об ущербе как вида документов все равно является тематической, так как главная задача публикации — изучение мало известных страниц истории Великой Отечественной войны на калужской земле.

В первый раз публикация была приурочена к 60-летию начала Московской битвы. Подборка 16 актов об ущербе, составленных комиссией при Боровском горисполкоме в 1943 г., была опубликована в третьем выпуске сборника «Боровск: страницы истории»[5]. Публикация, рассчитанная прежде всего на школьных учителей и учащихся, была осуществлена с соблюдением правил издания, снабжена предисловием и комментариями, документы в настоящее время используются в школах г. Боровска на уроках истории и краеведения.

Второй раз к публикации актов об ущербе архивисты обратились в 2011 г., к 70-летию освобождения г. Калуги от немецко-фашистской оккупации. Совет ветеранов Московского округа г. Калуги готовил сборник воспоминаний ветеранов об оккупации и освобождении Калуги[6]. Помогал в подготовке издания краевед, большой друг ГКУ «ГАКО», заместитель директора МУП «Управление Калужского троллейбуса» С.Д.Коробцов. Он буквально заставил сотрудников принять участие в сборнике, где были опубликованы две статьи сотрудников ГКУ «ГАКО»[7] и подборка документов, характеризующих Калугу накануне войны[8]. Эта публикация уже не может считаться видовой, так как кроме актов об ущербе был опубликован список учреждений г. Калуги на 1940 г. с их адресами, извлеченный из объединенного архивного фонда «Архивы Калужской губернии (области)». Интерес эта публикация документов представляет потому, что опубликованы извлечения из актов об ущербе, касающиеся довоенного состояния учреждений и предприятий разных отраслей народного хозяйства, и, таким образом, освещающие не столько историю Великой Отечественной войны, сколько довоенную историю Калуги, то есть известный источник использован в новом качестве. Задача рассказать о довоенной Калуге была поставлена составителями сборника. Подлинных документов 1930—1941 гг. о Калуге практически не сохранилось, поэтому пришлось привлекать статьи газеты «Коммуна», органа калужских райкома и райисполкома (статья Т.В. Егоровой) и акты об ущербе в части описания довоенного состояния объектов. Комментарии к документам не предполагались, за исключением списка переименованных улиц Калуги, названия документам даны достаточно небрежно, табличная форма списка учреждений Калуги с адресами преобразована составителями сборника в текстовую. Тем не менее, по нашему мнению (хотя сборник был принят неоднозначно), взгляд на события Великой Отечественной войны на территории отдельно взятого города (воспоминания, статьи) через призму довоенных событий (публикация документов, статья) позволяет рассматривать войну в сравнительно-историческом аспекте (если говорить о сборнике как об историческом источнике).

В 2010 г. (65-летие Победы в Великой Отечественной войне) у руководства Управления по делам архивов Калужской области возникла идея опубликовать письма военных лет, хранящиеся в ГКУ «ГАКО» и ГКУ «Государственный архив документов новейшей истории Калужской области». Собственно, мысль эта зародилась давно, еще к одной из годовщин освобождения области от немецко-фашистских захватчиков, документы были подготовлены к изданию, но тогда реализация издания не удалась из-за финансовых проблем. Теперь же удалось заинтересовать проектом директора издательства «Фридгельм» В.Н.Фридгельм. Возникла даже мысль о создании серии документальных публикаций «Хранить вечно». Сборник документов «Фронтовые письма из калужских архивах» стал первой книгой новой серии[9] и продолжил видовые публикации, на этот раз вводя в научный оборот письма. Письма, опубликованные в сборнике, хранятся в фондах личного происхождения и коллекциях двух калужских архивов. В сборнике представлены письма калужан-фронтовиков, адресованные родным и близким, переписка с партийными органами по вопросам помощи семьям красноармейцев и семьям, пострадавшим от немецко-фашистской оккупации.

С точки зрения правил подготовки документальных публикаций, «Фронтовые письма» представляют собой даже не научно-популярную, а популярную публикацию: нет предисловия, содержащего историческую и археографическую части, примечаний по тексту и содержанию документов. Из научно-справочного аппарата имеется только именной указатель авторов и адресатов писем. Книга содержит также биографические справки об авторах и адресатах писем. Отсутствие научно-справочного аппарата оставляет читателя наедине с очень личными свидетелями прошлого, позволяет погрузиться в атмосферу военных лет и самостоятельно осмыслить письма и с источниковой и с исторической точек зрения, что, бесспорно, является достоинством сборника. Это первый опыт серийной публикации, но широкого общественного резонанса он не получил, возможно, по причине отсутствия действий по продвижению продукта к потенциальному потребителю. Тем не менее, составители сборника были отмечены дипломами проводимого Федеральным архивным агентством Конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии, выполненных в 2009—2010 гг.

Главная юбилейная дата 2012 г. — 200-летие победы в Отечественной войне 1812 г. Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 г. с 2005 г. велась подготовка сборника «Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 года. Документы. Воспоминания. Дневники. Письма»[10]. В сборнике опубликованы документы, хранящиеся в РГВИА, РГАДА, Государственном архиве Смоленской области, ГКУ «ГАКО». В подготовке сборника принимали участие архивисты и специалисты по истории войны 1812 г. из разных городов России. Сотрудниками ГКУ «ГАКО» проводилось выявление документов, археографическая обработка, написание предисловия к первой части сборника, документальной (вторая часть содержит мемуарные источники). Калужские документы касаются, в основном, действий калужских и малоярославецких чиновников до, во время и после сражения. Всего из фондов ГКУ «ГАКО» опубликовано 35 документов как публиковавшихся ранее, так и впервые вводимых в научный оборот. Все ранее опубликованные документы были проверены по подлинникам, ошибки и неточности исправлены. Эта работа была необходима не только калужским краеведам, но и всем специалистам по истории войны 1812 г., ее ждали, чтобы получить ответы на многие вопросы. Тем не менее, рассчитана она на всех, кто интересуется военной историей России, а значит, остается научно-популярной. Следует отметить, что научно-популярный характер сборника ни в коей мере не умаляет его достоинств. На сегодняшний день это исчерпывающий сборник документов по истории Малоярославецкого сражения, выполненный на высоком научном уровне.

Публикаций, относящихся к мирной жизни, до обидного мало. Прежде всего это вторая книга серии «Хранить вечно», посвященная 50-летию первого полета человека в космос[11]. По инициативе начальника по делам архивов Калужской области силами ГКУ «ГАКО и ГКУ «Государственный архив документов новейшей истории Калужской области при активном участии В.Н.Фридгельм был подготовлен сборник документов, состоящий из двух частей: «К.Э.Циолковский. Мечта» и «Ю.А.Гагарин. Воплощение». В первой части опубликованы документы о К.Э.Циолковском в Калуге: воспоминания его друзей и знакомых, официальные материалы о болезни, смерти и похоронах ученого (в основном из газеты «Коммуна»), документы об увековечивании памяти К.Э.Циолковского в Калуге. Вторая часть посвящена откликам на известие о полете в космос человека и посещению Калуги Ю.А.Гагариным Калуги в 1961 г.: опубликованы письма из фондов личного происхождения, репортажи о встрече Ю.А.Гагарина, воспоминания, документы об увековечении памяти о полете Ю.А.Гагарина. Сжатые сроки подготовки сборника не позволили написать предисловие и составить комментарии к документам, поэтому сборник снабжен только именным указателем, списком использованных источников и списком сокращений. Более грамотная, чем при издании первого сборника серии, PR-кампания позволила сборнику найти своего читателя, он был тепло встречен калужанами и пользуется популярностью.

Последняя документальная публикация, осуществленная сотрудниками ГКУ «ГАКО» в исследуемый период (не по времени, а по порядку перечисления), относится к разряду заказных (и внеплановых). Это публикация указа Калужской духовной консистории о «Мерах к ослаблению раскола и сектантства в Калужской епархии»[12].

Публикация была заказана редакционной коллегией периодического издания «Старообрядчество: история, культура, современность». Специально было оговорено, что документ будет опубликован без комментариев, публикация снабжена только краткой вступительной статьей, текст передан по современным нормам орфографии и пунктуации.

В настоящее время в рамках празднования 400-летия Дома Романовых сотрудники ГКУ «ГАКО» готовят сборник документов о связи императора Александра I с калужским краем (название сборника еще не определено). Налицо та же тенденция: готовить сборники документов «по поводу», но этот проект родился непосредственно в архиве и реализация его предполагает не только увековечение памяти о представителях династии Романовых, но и привлечение внимания к архиву и его документным богатствам. Тем более, что 2013 г . — год 95-летия архивной службы России, а в следующем году исполнится 95 лет ГКУ «ГАКО».

Как видно, за первое десятилетие XXI в. документальных публикаций ГКУ «ГАКО» в абсолютных цифрах было немного. С другой стороны, подготовка за 11 лет 7 документальных публикаций (при условии, что архив не занимается планомерной публикаторской деятельностью и в 2005—2006 гг. был закрыт в связи с аварийной ситуацией) — это показатель большой проделанной работы, высокого уровня квалификации сотрудников ГКУ «ГАКО» и, безусловно, больших информационных возможностей архива. Даже несмотря на то, что темы публикаций в большой степени определяются значимыми общественными событиями, события эти очень разные. При этом любое значимое событие в истории Калужской области и страны в целом так или иначе нашло отражение в документах, хранящихся в ГКУ «ГАКО». К сожалению, архив работает в условиях финансового и кадрового голода, поэтому просто не в состоянии готовить документальные публикации в точном соответствии с правилами издания. Приходится чем-то поступаться, чтобы иметь возможность донести до читателя хотя бы часть огромного документного богатства Калужской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Алексеева Е.В. и др. Архивоведение: Учебник для нач. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2007. С. 188.

[2] Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 3.

[3] Седые дети войны: Воспоминания бывших узников фашистских концлагерей. Калуга, 2000. Второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 2003 г.

[4] О работе над сборником рассказано в: Зиновкина Н.В. Сотрудничество Государственного архива Калужской области и общественной организации в издании сборника воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей // Архивный вестник: Сб. статей и материалов научно-методического совета архивных учреждений Центрального федерального округа России. Вып. 1(7). М.: Изд-во Главархива Москвы, 2003. С. 63—64.

[5] «Без сентиментальностей!» / под. Н.В. Зиновкина // Боровск: страницы истории. Вып.3. Боровск, 2001. С. 33—44.

[6] Мой город родной Калуга: Воспоминания ветеранов об оккупации и освобождении Калуги, история города, его современность и будущее в видении депутатов, ученых и простых калужан. Калуга, 2011.

[7] Егорова Т.В. В августе 1935-го... // Мой город родной Калуга. С. 79—86; Бацанова Л.А. Госархив Калужской области в годы войны // Мой город родной Калуга. С. 205—218.

[8] Калуга довоенная, 1940 г. / Под. Н.В. Зиновкина // Мой город родной Калуга. С. 87—98.

[9] Фронтовые письма из калужских архивов. Калуга, 2010.

[10] Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 г.: Документы. Воспоминания. Дневники. Письма. Калуга, 2012.

[11] .Воплощение мечты: Сборник документов, посвященный 50-летию первого полета человека в космос. По материалам калужских архивов. Калуга, 2011.

[12] Указ Калужской духовной консистории о «Мерах к ослаблению раскола и сектантства в Калужской епархии» / Под. Н.В.Зиновкина // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000. С. 39—52.

КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

ИКОНА ИЗ ПОКРОВСКОГО ДОБРОГО МОНАСТЫРЯ

В.Г.Пуцко, *засл. работник культуры РФ, с.н.с.,*
Калужский областной художественный музей.

Исследователь, изучавший во второй половине XIX в. древности Покровского Доброго монастыря, расположенного недалеко от города Лихвина Калужской губернии (ныне — Тульская область), обратил внимание лишь на одну достопримечательность монастырского соборного иконостаса — подписную работу С.Григорьева, датированную 1702 г.[1] Стоявшая в местном ряду иконостаса икона Спаса Смоленского при этом осталась незамеченной, поскольку была покрыта поздними записями. Только в 1951 г. произведение освободили от наслоений, когда оно уже хранилось в Калужском областном художественном музее, и после этого высказали предположение о принадлежности к школе Ушакова. Иконы кисти этого прославленного мастера обычно имеют дату и его авторскую подпись. Но если она даже здесь прежде была, то утрачена вместе с левкасом и красочным слоем, сбитыми в нижней части иконной доски. Но и в таком виде, с обширными утратами (в том числе и на лике Спаса), икона заслуживает изучения, как одна неожиданно уцелевшая из исторически связанных с Покровским Добрым монастырем.

Появление наименования определенного иконографического извода иконописного изображения Спасом Смоленским, как известно, связано с иконой, которая по велению великого князя Василия III (1505—1533) поставлена на Спасских воротах московского Кремля, в память о вступлении московских войск в Смоленск 1 августа 1514 г. Вскоре, в 1521 г., икону заменили фреской, изображавшей припадающих к ногам Христа преподобных Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского. Эта основа иконографической схемы сохранена и в иконе из Доброго монастыря, но коленопреклоненными у ног Христа изображены иные святые — Иоасаф царевич Индийский и преподобный Авраамий Ростовский. Судя по известным иконам XVI—XVII вв., молящимися Спасу представляли различных святых, преимущественно русских, в зависимости от условий заказа, в свою очередь соответствовавших назначению той или иной иконы или желанию заказчиков видеть изображенными своих небесных покровителей.

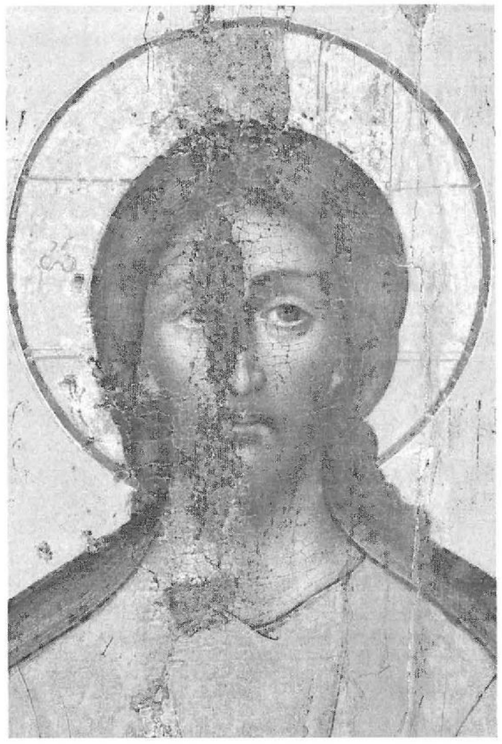
Иконная доска описываемого произведения состоит из пяти частей, соединенных с тыльной стороны двумя врезными встречными шпонками; «ковчег» на лицевой стороне отсутствует. В центре крупным планом в рост изображен Христос, одетый в красный, орнаментированный легким золотым узором, хитон и темно-зеленый гиматий. Отведенной в сторону правой рукой Христос благословляет, держа в левой раскрытую книгу с тщательно писанным красивым уставным письмом евангельским текстом. Под ногами круглая светло-красного цвета подушка, точнее — омфалий, с серебряным узором. На уровне головы Спаса фигуры парящих в воздухе коленопреклоненных архангелов Михаила и Гавриила, с орудиями страстей в руках. На фоне видны

полустертые сопроводительные надписи: обычные монограммы Христа и «Господь Вседержитель», выполненные четкой красивой вязью. У ног представлены царевич Иоасаф в золотой короне и игумен Авраамий Ростовский — в обычных монашеских одеждах. Довольно большие размеры (146,0 х 105,0 см) указывают на предназначение иконы для местного ряда иконостаса. Покровский собор Доброго монастыря построен в 1667 г., «промыслом и радением окольничева Михаила Алексеевича Ртищева со вкладчиками, а строил ту церковь с Москвы кадашевец Максим Семенов Апочен, при игумене того монастыря Иове», — сказано в окладной книге.

Изображение Христа с коленопреклоненными либо припадающими к ногам донаторами появляется в византийском искусстве[2], а в русской иконописи в таких позах поклонения, «проскинесиса» обычно представлены святые3. Схема иконы Спаса Смоленского наиболее отвечала этому. В одних случаях изображены Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский, Никола и Кирилл Белозерский, Григорий Декаполит и его ученик Иоанн; в других — Зосима и Савватий Соловецкие, Михаил Малеин. Введение некоторых фигур обусловлено их патрональным характером, и в этом плане, следовательно, икона из Доброго монастыря не является исключением. Иоасаф Индийский изображен, однако, в необычном сочетании: не с Варлаамом, своим учителем, а с преподобным Авраамием, основателем Богоявленского монастыря в Ростове. Какие для этого могли быть причины? Не оказался ли один из представленных святых соименным заказчику данной иконы? В перечне настоятелей Покровского Доброго монастыря второй половины XVII в. находим лишь одного архимандрита с именем Иоасафа (1693—1699).

Характер живописи и художественный уровень произведения весьма определенно указывают на его московское происхождение, позволяя считать ориентированным на подражание работам Симона Ушакова. При возведении монастырского соборного храма, насколько известно «споспешествовал» при дворе царя Алексея Михайловича сын М.А.Ртищева — Федор Михайлович, который мог в данном случае выступить посредником и при заказе икон для иконостаса. Наконец, не исключено, что не остался в стороне и возведенный в 1667 г. на патриарший трон Иоасаф (1667—1672), избранный на место низложенного собором Никона, из архимандритов Троице-Сергиева монастаря. На таком историческом фоне проходило строительство и украшение иконами монастырского храма.

Обширный сравнительный материал, которым располагает современный исследователь русской иконописи второй половины XVII в., все же не позволяет совершенно безошибочно распознавать произведения кисти отдельных мастеров. Сам Симон Ушаков (1626—1686) часто выполнял иконы вместе в учениками и помощниками, которым предоставлял писать все «доличное». Композиция иконы Спаса Смоленского отличается четкостью и ясностью, рисунок почти безупречный. Фигуры Христа и парящих архангелов четко выделяются на нейтральном зеленовато-сером фоне, тогда как коричнево-зеленые одежды коленопреклоненных святых почти сливаются с высоким поземом. В трактовке одежд с позолоченными линиями складок преобладает плоскостно-декоративное начало, тогда как лица трактованы объемно, с применением светотеневой моделировки. Соединение иконописной манеры с новыми живописными приемами составляют одну из основных особенностей произведений С. Ушакова и его последователей, среди которых, в частности, видим Г.Зиновьева, И.Максимова, Т.Филатьева, К.Уланова, Ф.Зубова[4]. Однако их работы все же явно отличимы от ушаковских. Лик Спаса на иконе из Доброго монастыря, написанный в теплых охристых тонах, имеет почти живописную лепку, с применением таких характерных для С. Ушакова приемов, как освещенное пятно на лбу, два пятна над бровями, два — под глазами, одно на носу, и четыре пятнышка вокруг рта: твердо соблюдаемую схему цветовых пятен, точно определенную численно и по месту их расположения[5]. Гладкие волосы причесаны, отдельные их пряди тщательно выписаны по общему оливково-коричневому тону. В живописной манере выполнены и скорбные глаза, с показанной толщиной век и розоватыми слезниками, голубоватыми белками и оливково-коричневой радужной оболочкой. Губы написаны киноварью довольно яркого тона. При всей живописности в передаче лица, все же все же трудно не ощутить влияния гравюры, выдающего себя в трактовке отдельных элементов. Охрение ликов



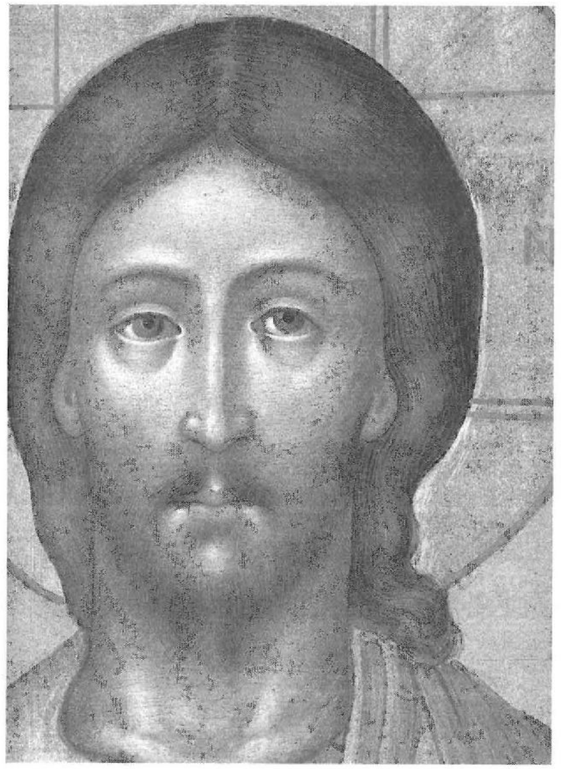
Спиридон Григорьев (?). Спас Смоленский. Около 1693—1703 гг. Икона из Покровского Доброго монастыря. Калуга, Областной художественный музей. Спас Смоленский. Фрагмент: голова Спаса.

выполнено безукоризненно, но без той явной старательности, которая отличает манеру письма ушаковских учеников. Детальное сравнение лика Спаса на описываемой иконе с датированными и подписными произведениями Симона Ушакова позволяют выявить в ней те же технические и художественные приемы, которые наиболее отчетливо могут быть распознаны при передаче носа и глаз. Однако здесь иная индивидуальная манера. Очень приходится сожалеть о частичном повреждении живописи лика Спаса, с довольно значительным выпадом левкаса и красочного слоя, приходящегося на среднюю часть лба, переносицу, верхнюю часть носа, часть правого глаза.

Судя по следам от гвоздей, икону украшал металлический оклад, и, следовательно, она имела совершенно иной, более нарядный вид, соответствовавший эстетическим нормам второй половины XVII в. Сегодня трудно его представить в деталях.

И все же в какой мере здесь проявляется ушаковская традиция? По общему характеру исполнения икону из Доброго монастыря можно соотнести с подписным изображением Господа Вседержителя, 1682 г., в иконостасе собора Новодевичьего монастыря6. Одежды Спаса здесь трактованы сходным образом: покрытый золотым орнаментом хитон и украшенный золотыми просветами на складках гиматий. Страницы раскрытого Евангелия также заполнены уставным письмом. Вместе с тем обнаруживаются и существенные различия по отношению к таким характерным произведениям Симона Ушакова, как написанные им иконы Спаса Нерукотворгого, особенно 1660-х гг.[7] Изображения ангелов и Авраамия Ростовского типологически сопоставимы с известными произведениями мастера, правда, отличаясь в деталях[8].

Общеизвестно, что слава Симона Ушакова была основана на его необыкновенном искусстве в писании ликов. Он являлся высокоиндивидуальным для своего времени мастером, именно поэтому его работы можно разграничить даже с такими высокими образцами современного ему московского иконописания, как выполненный между



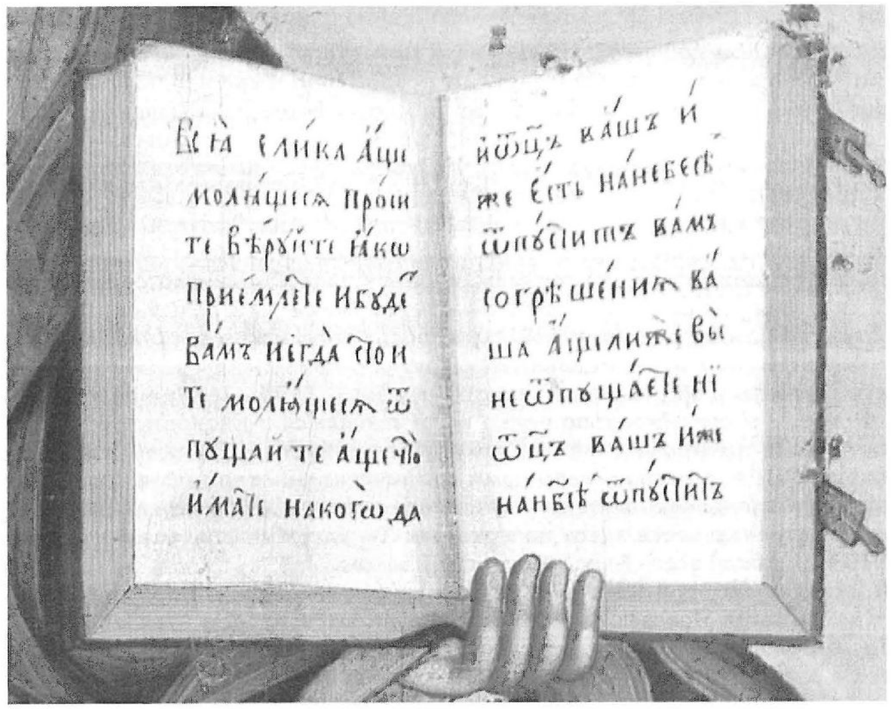
Федор Зубов. Господь Вседержитель. 1685 г. Икона иконостаса Софийского придела Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Фрагмент: головаа Христа.

Приемы изображения глаз и носа в изображениях Христа на иконах, выполненных Симоном Ушаковым (вверху и внизу), и на иконе из Покровского Доброго монастыря (в середине).

1672—1687 гг. Деисус, вложенный гетманом И.Самойловичем в Киево-Печерскую лавру[9]. Умеренный европеизм в произведениях С. Ушакова позволял одним исследователям видеть в художнике представителя совершенно новой эпохи русского искусства, а другим порицать его нововведения, усматривая в них начало гибели наиболее существенных особенностей традиционного русского иконописания[10]. Когда же пришла пора объективных оценок, характеристика творчества мастера так и осталась не свободной от личных привязанностей и страстей. Нельзя лишь отрицать, что именно с его именем оказалась связана ломка вековых традиций на пути приближения к западному художественному идеалу, представленнному в немецко-нидерландской религиозной живописи XV-XVI вв.[11]

Согласившись с тем, что описываемая икона из Покровского Доброго монастыря лишь инспирирована творчеством С. Ушакова, но лично ему не принадлежит, оказываемся перед необходимостью направить поиски возможного автора в сторону именно мастеров школы Оружейной палаты, царских иконописцев второй половины XVII в.[12] Казалось бы, в причастности к выполнению композиции можно заподозрить Федора Евтихиева Зубова, бывшего после смерти С. Ушакова руководителем иконописной мастерской Оружейной палаты. Однако этот мастер (ок. 1615—1689), обладавший даром создания образов утонченной характеристики, создает иконы более декоративные и в то же время более близкие к греческим образцам поствизантийского периода[13]. Стоит хотя бы обратить внимание на голову Христа иконы из иконостаса

Спас Смоленский. Фрагменты: головы архангелов.



Спас Смоленский. Фрагмент: евангельский текст.

Спас Смоленский.
Фрагмент: преподобный Иоасаф Царевич и преподобный Авраамий Ростовский.

Софийского придела собора Новодевичьего монастыря, 1685 г., чтобы наглядно уяснить признаки сходства и различия. Если правомерно наше наблюдение (учитывая руинированное состояние живописи), то на иконе, ныне находящейся в Калуге, не столь глубокие тени и менее тщательный рисунок; более ярко выраженный декор одежды, свойственный произведениям Ф. Зубова, здесь не находит близких параллелей. Определенное сходство можно отметить и в иконах жалованного иконописца Тихона Филатьева (уп. 1675—1731), очень продуктивного мастера[14]. Причем, может быть, даже большее, чем с произведениями предыдущих мастеров. Одним словом, пока можно ограничиться отнесением иконы Спаса Смоленского из Покровского Доброго монастыря к работам царских мастеров конца XVII в., оставляя на будущее отождествление индивидуальной манеры, после того, как будут опубликованы произведения различных иконописцев этого круга.

Следует сказать и об евангельском тексте (Марк. 11:24—26), приведенном на описываемой иконе и сравнительно редко встречающемся в иконописи этого времени. Текстологически цитированный отрывок соответствует московским изданиям Евангелия конца XVII в., с незначительными графическими отличиями, указывающими на вероятное использование текста киевского издания. Для украинской печати характерно и встречающееся здесь начертание «Т», удерживающееся и в изданиях начала XVIII в., прежде всего Киево-Печерской лавры.

Если икона, о которой идет речь, заказана именно архимандритом Покровского Доброго монастыря Иоасафом, то он определен настоятелем этой обители 7 января 1693 г., а 2 февраля 1699 г. переведен настоятелем Высокопетровского монастыря в Москве, а затем настоятельствовал с 22 сентября 1708 г. до своей смерти 17 ноября 1710 г. в Троице-Сергиевом монастыре[15]. Одним из преемников упомянутого настоятеля Доброго монастыря был архимандрит Авраамий (1701—1703)16. Предполагая

в изображениях на иконе коленопреклоненных святых небесных покровителей двух упомянутых архимандритов, надо выполнение интересующего нас произведения ограничить 1693—1703 гг., допуская, что к сооружению данного образа имели отношение оба архимандриты. Соответственно приходится соотнести это со сведениями о выполнении одной из икон иконостаса в 1702 г., подписанной С. Григорьевым. Спиридон Григорьев (уп. 1671—1702) — жалованный иконописец, творческая биография которого хорошо известна, а из его произведений сохранились иконы пророков, написанные им для Преображенской церкви в с. Большие Вяземы16. Но лишь одна из них подвергнута реставрационному раскрытию. Поэтому высказанные здесь наблюдения и предположения пока нельзя ни принять, ни отвергнуть, превратив в твердо установленный факт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архим. Леонид (Кавелин). Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // Чтения в Имп. Обществе истории и Древностей российских. М., 1875. Кн. IV. Отд. V. С. 135.

[2] См.: Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936; Spatharakis I. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscript (Byzantine Neerlandica. Fasc. 6), Leiden, 1976.

[3] Putzko V. Das Proskynese-Motiv in der russischen Ikonographie // Festschrift Konrad Onasch (Stiume der Orthodoxie. № 3). Berlin, 1996. S. 30—32.

[4] Подробнее см.: Пуцко В.Г. Русская иконопись и персонифицированное творчество последней трети XVII в. // Патриарх Иоаким и его время: Материалы XI Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. Вып. XI. Можайск, 2004. С. 151—161.

[5] Нечаев В.Н. Симон Ушаков // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 118—119.

[6] Тренев Д. К. Иконы царского изографа Симона Ушакова в Московском Новодевичьем монастыре. М., 1901. С. 10-12. Табл. 1.

[7] Гурьянов В.П. Икона Спасителя письма Симона Ушакова. М., 1907; Сычев Н. П. Икона Симона Ушакова в Новгородском епархиальном Древлехранилище // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского Археологического общества. Т. X. СПб., 1915. С. 91—104; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Т. II. М., 1963. № 919, 921.

[8] Сычев Н.П. Новое произведение Симона Ушакова в Государственном Русском музее // Материалы по русскому искусству. Т. I. Л., 1928. С. 78—111. Табл. III.

[9] Грабарь И. История русского искусства. Т. VI. М., 1915. С. 466. Ил. на с. 469.

[10] Ср.: Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989. С. 279—302.

[11] Характерные образцы см.: Gotie and Renaissance Art in Nuremberg. 1300—1550. New York — Munich, 1986; Никулин Н.Н. Золотой век нидерландской живописи. XV век. М., 1981.

[12] Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. С. 16—59.

[13] Подробнее см.: Брюсова В.Г. Федор Зубов. М., 1985.

[14] 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. М., 1988. С. 149, 363. № 182.

[15] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Россиския Церкви. СПб., 1877. Стб. 573, 173, 140.

[16] Словарь русских иконописцев XI—XVII веков. Сост. Кочетков И.А. М., 2003. С. 166—168.

ВКЛАДЫ И ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ КАФЕДРАЛЬНОГО ТРОИЦКОГО СОБОРА КАЛУГИ

Т.М.Хохлова, *зам. дир.,*
Калужский областной краеведческий музей.

Впервые Троицкий собор или церковь упоминается в Новом летописце под 1610 г. в связи с убийством и захоронением Лжедмитрия II в Калуге: *«Ево ж Вора взяша и погребоша честно в соборной церкви у Троицы»*[1]. В.В.Ханыков в «Летописи калужской» описывает это событие более пространно: *«Казаки и граждане обезглавленный труп Лжедмитриев с честию предали земле в Троицком соборе, который гетманом Сагайдачным вместе с прочими церквами сожжен в 1619 году»*[2].

Подробное описание собора читаем в писцовой книге В.Г.Плещеева и подъячего И.Матвеева 1625—1626 г.: *«В городе Колуге соборная церковь Живоначальная Троица — древяна, клетцки и о 2 шатрах, в приделе апостола Иванна Богослова, а в церкви строение все сполна: деисус с праздники и пророки, месной образ Живоначальной Троицы, обложен серебром, а в приделе апостола Иванна Богослова деисус, да у Троицы свеча поставная большая, да у Троицы ж 6 колокол: 4 колокола Троицкие, а 2 колокола поставил на время гость Смирной Судовщиков. Да у Троицы ж церковных книг: евангилье запрестольное печатное, да евангилье толковое, полууставье письменное, да 2 охтоя печатных, да минея печатная, да апостол печатной, да 2 трефолоя письменные, да 2 прелога во весь год, да псалтырь да чесовник, да 2 треоди цветных да посная печатные, да служебник печатной; да ризы отласные, стихарь да патрахель, кадило, сосуды церковные»*[3].

В описи 1685 г., составленной писцом Иваном Леонтьевичем Полуектовым, так же упоминается собор[5].

У Щепетова-Самгина в статье «Исторические сведения о Калуге» 1863 г.: *«Троицкий собор, построенный в 1686 г. на месте прежнего собора, в котором похоронен был второй самозванец, находился внутри крепости, на том же месте, где теперь новый собор»*[6]. У Зельницкого в статье «Описание города Калуги» 1804 г.: *«Соборная во имя Св. Троицы, выстроенная иждивением г-жи Хитрово в 1686 г.; во ветхости остается без службы»*[7]. У Ханыкова в «Летописи Калужской» 1841 г.: *«Троицы Живоначальной соборная церковь построена в поминовение царя Федора Алексеевича вдовой Анной Петровной Хитрово в 1687 г., за ветхостью разобрана и построена вновь горожанами, освящена в 1819 году»*[8]. Анна Петровна Хитрово, назначенная мамкой, т.е. воспитательницей, царя Федора Алексеевича в 1661 г., вложила Евангелие в поминовение царя Федора Алексеевича в 1698 г.

«В крепости соборная церковь Живоначальной Троицы, каменная»[9].

В 1786 г. был заложен новый собор, оконченный в 1819 г.[10]

В «Выписке Калужской городской думы о построении в городе Калуге кафедрального Троицкого собора» дан отчет о строительстве: иконостас проектировал Казаков, резал иконостас в 1811—1812 гг. московский купец Григорий Дмитриев, иконы писал и золотил иконостас московский цеховой мастер иконного письма Башкаров. Стоило строительство собора на 1819 г. 190365 руб. К освящению собора калужское *«купечество принесло в дар серебряные вызолоченные с финифтью и каменьями напрестольный крест, потир со всеми к нему принадлежностями и ковчег серебряный, с фигурами, вызолоченный»*[11].

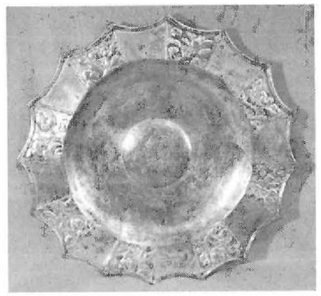
Из богатейших вкладных даров и церковной утвари до наших дней дошло малое количество. В собрании КОКМ находится лишь 8 предметов из кафедрального собора. Два из них, потир и блюдо XVII в. опубликованы ранее В.Г.Пуцко.

1. **Потир** на высоком стояне с широким в основании поддоном, украшенным чеканным растительным орнаментом. Средняя часть стояна грушевидной формы, украшена растительным орнаментом. Нижняя часть чаши вставлена в чеканный кожух. Чаша гладкая, украшена поясным 3-фигурным Деисусом и Голгофским крестом. По венчику — вкладная надпись в две строки: *«Сей сосуд преподобного Пафнутия Боровского чудотворца приложил Мирон Иванова сына собольного ряда торговый человек»*. Россия. XVII в.; кожух — XVIII в. Серебро; чеканка, гравировка. Размеры: высота: 23; диаметр чаши: 9,5; диаметр поддона: 13. Поступил в 1922 г. из Калужского собора по акту № 17. Кл 2719. */Ил. 1/*

2. **Блюдо** антидорное со звездчатом бортом, украшенным чередующимися гладкими резервами и резервами с изображением цветов. На дне — круговая вкладная надпись: *«Сіе блюдо антидорное сооружіся іждивеніем обители СтоБгоявленской Братской Киев тщаніем Іеромонаха Феодосія Гугуревича вто время Ігумена и Ректора вышепомянутого монастира Льта Гдня ахns»*. На внешней поверхности борта надписи: *«фун злот. 7»* и *«Б К М № 3 С Б»*. Киев, 1686 г. Серебро; чеканка. Диаметр — 40,5. Поступило из Калужского кафедрального собора по акту от 29.02.1928 г. Кл 2742. */Ил. 2/*

3. **Евангелие** рукописное в серебряном окладе. На верхнюю доску наложена фигурная гладкая пластина, обрамленная ложновитым и ложнозерненым пояском. В центре — фигурная накладная дробница с рельефным изображением Христа Вседержителя на троне, с Евангелием, поставленным на колено. По сторонам нимба — два Херувима. По углам доски — накладные наугольники с рельефными изображениями евангелистов и их символов. Слева вверху — Матфей, держащий раскрытую на столе книгу с надписью: *«КНИГАРО/ ДСТВАІИСЪ/ ХРТА СНА/ ДАВИДОВА»*. Его обнимает Ангел. Слева — гравированная надпись *«МАТѲЕ»*. Справа вверху изображен Марк, пишущий Евангелие. Слева вверху — гравированная надпись: *«МАРКО»*, справа — крылатый лев с нимбом. Справа внизу изображен Лука, пишущий Евангелие. Над его головой в прямоугольном резерве — крылатый бык; ниже — гравированная надпись *«ЛУКА»*. Внизу слева изображен Иоанн с раскрытой книгой и пером в руке. Над его головой — гравированная надпись *«ІОАННЪ»*, выше — голубь. По периметру доска обрамлена рамкой, на торцовых сторонах которой сделана вкладная надпись: *«ЛЪТА 7196 ИЮНЯ ВЪ 26 ДЕ ПОСТРОЕНО СІЕ СТОЕ ЕВАНЬГЕЛІЕ В СОБОРНУЮ ЦРКОВЬ ЖИВОНАЧАЛНЫЕ ТРОИЦЫ/ ЧТО ВО ГРАДЕ КАЛУГЕ ДЛЯ ПОМИНОВЕНІЯ БЛЖЕННЫЕ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ГДРЯ ЦРЯ И ВЕЛИКОГО КНЗЯ ФЕОДОРА АЛЕКСЪЕВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ И МАЛЫЯ/ И БЪЛЫЯ РОСІИ САМОДЕРЖЦА ТЩАНІЕМЪ І ИЖДИВЕНІЕМЪ БОЯРОНИ АННЫ ПЕТРОВНЫ ХИТРОВО»*. В центре задней доски — фигурная дробница с розеткой в центре. На правом верхнем луче дробницы — клеймо: буквы «СГ» в круге; на правом нижнем — буквы «СВ» в круге. 1693—1695 гг.; вклад 1698 г. Серебро, бумага, ткань; чеканка, гравировка, канфарение. Россия, Москва. Вклад А.П.Хитрово в Троицкий собор г. Калуги. Размеры: 45,3 х 31 х 9,2. Поступило в 1922 г. из кафедрального Троицкого собора г. Калуги. Кл 2832. */Ил. 3/*

1. Потир. Россия. XVII в.; кожух — XVIII в.



2. Блюдо антидорное. Киев, 1686 г.

3. Евангелие рукописное в серебряном окладе. Россия, Москва. Вклад А.П.Хитрово в Троицкий собор г. Калуги.

4. 5. Дискос. Россия, г. Калуга, мастер М.К.Золотарев, пробирный мастер А.К.Красильников. 1778 г.

6. Звездица. Россия, г. Калуга, мастер М.К.Золотарев, пробирный мастер А.К.Красильников. 1778 г.

7. Блюдо. Россия, Москва, неизвестный мастер СЛ, пробирный мастер Андрей Титов. 1797 г.

4. **Дискос:** на тарели в центре изображен Богомладенец, лежащий на покрове на облаке, с коленоприклоненными Ангелами по сторонам. Вверху в облаках изображен Бог-отец с Херувимами и Святой дух в виде голубя. По борту — надпись среди растительного орнамента: «*СЕ АГНЕЦЪ БЖІИ ВЗЕМЛЯИ ГРЕХИ МИРА*». Клейма по борту: герб Калуги, пробирный мастер АК, мастер МКЗ в сердцевидном резерве. На ножке поддона — в виде гирлянд, обвитых лентами, на основании — чеканный растительный орнамент. Россия, г. Калуга, мастер М.К.Золотарев, пробирный мастер А.К.Красильников. 1778 г. Серебро; чеканка, гравировка, золочение. Размеры: высота: 8; диаметр тарели: 25,1. Поступил в 1922 г. из Троицкого собора по акту № 17. Кл 2751. */Ил. 4, 5/*

5. **Звездица** с фигурно вырезанными дугами, с гравированными изображениями в рокайльных резервах св. Николая Чудотворца, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Василия Великого. В центре на эмалевой дробнице — образ Господа Саваофа со Св. Духом в виде голубя. Клейма в нижней части одной дуги: городское Калуги, пробирный мастер АК, мастер МКЗ в сердцевидном резерве. 1778 г. Серебро, эмаль; чеканка, гравировка, роспись по эмали. Россия, г. Калуга, мастер М.К.Золотарев, пробирный мастер А.К.Красильников. Высота — 12 см. Поступила в 1922 г. из Калужского Троицкого собора по акту № 17. Кл 2690. */Ил. 6/.*

В комплекте был потир, переданный в ГФО в 1920-е гг.

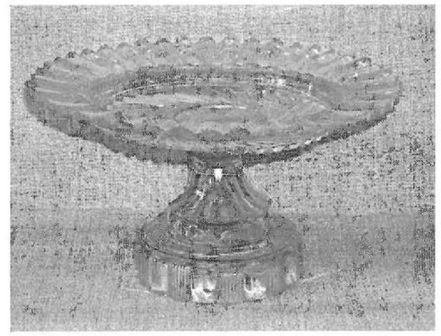
6. **Блюдо овальное.** На зеркале, под балдахином, изображен жертвенник с горящим на нем костром. По сторонам стоят архиерей с кадилом и Архангел, указывающий на розу. Роза и лиственная ветка, связанные лентой с бантом, обрамляют изображение. По плоскому борту изображены чередующиеся фигурные резервы и круглые медальоны. Изображения в резервах, вверху: курильница в обрамлении роз; справа и слева: крест, потир, митра, жезл, подсвечник с 3 свечами, кисть для помазания, Евангелие с закладкой, кадило; внизу: роза в вазоне в обрамлении роз. В медальонах — розетки. Край борта украшен травами с ложной зернью. Рельефы черненые. В нижней части борта — клейма: герб Москвы, клеймо мастера: буквы «С•Л» в прямоугольнике, клеймо пробирного мастера: «*1797/ А•Т*». Россия, Москва, неизвестный мастер СЛ, пробирный мастер Андрей Титов. 1797 г. Серебро; чеканка, чернение. Размеры: 61 х 84 см. Поступило в 1922 г. из кафедрального Троицкого собора г. Калуги. Кл 2769. */Ил. 7/*

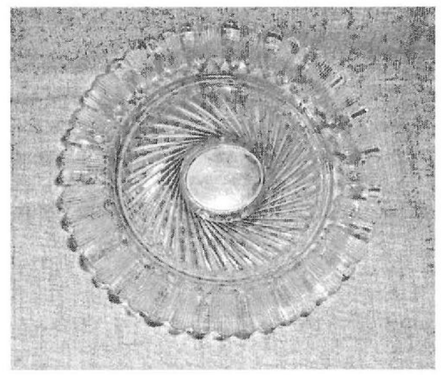
7. **Ковчег** с гробницей прямоугольный в виде постамента, абак и основание украшены рокайльным орнаментом, на основании прорезным. Углы постамента отделаны под кладку. На лицевой стороне — ящик с накладной пластиной со сценой Распятия: трое казненных на крестах; солдат уязвляет Христа копьем. Над ящиком — надпись: «*во благодареніе тріипостасному божеству Н.Е.И.*». На боковых панелях изображены сцены «Бичевание Христа» и «Глумление у Иаффы»»; на четвертой панели — «Тайная вечеря». На постаменте — скульптурная композиция открытия гробницы Ангелом в присутствии Марии и Анны. В углублении — гроб с изображением Иисуса Христа. С боков к основанию прикреплены 4 пластины без орнамента для крепления стеклянного футляра (утрачен). Снаружи позолочен. Клейма: внутри гробницы: пробирного мастера «*НД*» с датой, проба «*84*»; на крышке: мастера «*ВП*», проба «*84*»; на ковчеге в углублении, панелях и на всех изображениях: герб Москвы, пробирного мастера «*НД*» с датой, проба «*84*», мастера «СЖ». Россия, г. Москва, ковчег: неизвестный мастер СЖ, пробирный мастер Н.Л.Дубровин; гробница: мастер В.И.Попов, пробирный мастер Н.Л.Дубровин. 1829 г. Серебро; чеканка, литье, канфарение, гравировка, частичное золочение. Размеры: 56,5 х 42,2 х 37. Поступил из Троицкого кафедрального собора г. Калуги в 1922 г. */Ил. 8/*

*8. Ковчег. Россия, г. Москва, **ковчег:** неизвестный мастер СЖ, пробирный мастер Н.Л.Дубровин; **гробница:** мастер В.И.Попов, пробирный мастер Н.Л.Дубровин. 1829 г.*

8. **Дискос:** тарель с фестончатым краем борта. Борт украшен гладкими и резными фестонами. На зеркале — овальный золоченый медальон с рельефным контуром. На медальоне черневой прорезью изображена сцена Вознесения Христова. На внешней поверхности дна — бегущие прямые лучи. Ножка низкая граненая. Основание высокое, по внешней грани украшено гладкими и резными фестонами. Россия. 1860 — 1870-е гг. Стекло прозрачное, медный сплав; шлифовка, черневая прорезь, золочение. Размеры: высота: 7,1; диаметр тарели: 20,5. Поступил из Троицкого кафедрального собора г. Калуги в 1922 г. Кл 3248. */Ил. 9, 10/.*

Как мы видим из приведенного выше перечня, даже то небольшое количество сохранившихся предметов из Троицкого собора дает представление о богатой утвари, хранившейся в его сокровищнице, выполненной замечательными русскими мастерами.





9, 10. Дискос. Россия. 1860—1870-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб. 1910, с. 105.

[2] Ханыков В.В. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878, с. 51. КП 11888/1, Дк-8120.

[3] Трейтер П.А. О церквах калужских по данным писцовой книги В.Г.Плещеева да подъячего И.Матвеева (1625—1626). /Известия Калужской ученой архивной комиссии 1899 г. Калуга, 1900, вып. III, с. 15; Щепетов-Самгин П. Исторические сведения о Калуге. / Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 гг. Калуга. 1863, с. 84.

[4] Ханыков В.В. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878, с. 62.

[5] Щепетов-Самгин П. Исторические сведения о Калуге. /Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 гг. Калуга. 1863, с. 88.

[6] Щепетов-Самгин П. Исторические сведения о Калуге. /Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 гг. Калуга. 1863, с. 80.

[7] Зельницкий Г. Описание города Калуги. /Калуга, «Урания», 1804, с. 24.

[8] Ханыков В.В. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878, с. 107.

[9] Описание и алфавиты к атласу Калужского наместничества. СПб. 1782. КП 10595/2.

[10] Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 гг. Калуга. 1863, с. 92.

[11] Выписка Калужской городской думы о построении в городе Калуге кафедрального Троицкого собора. После 1819 г. Кл 9872, Дк-1337.

МЕДНАЯ КУЛЬТОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЛАСТИКА XVII—XIX вв. В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

С.И.Личенко, *к. искусствоведения, засл. работник культуры РФ, зав. отд.,*
Калужский областной художественный музей

Русское медное литье имеет глубокие национальные корни, отражает 1000-летнюю историю народа. Его первые дошедшие до нас образцы восходят к XI веку. Но серьезное и последовательное изучение меднолитой культовой пластики началось сравнительно недавно. В XIX веке атрибуция изделий русского медного литья оставалась на уровне знаточества, опиравшегося на личный опыт собирателя или археолога. Большая заслуга известных ученых и коллекционеров XIX — начала XX вв. Б.И. и В.Н. Ханенко, Н.В.Покровского, А.С.Уварова и др.[1] заключалась в выявлении и публикации нескольких тысяч изделий мелкой пластики, составивших источниковедческую базу. В первой половине XX в. изучение продолжили крупные знатоки медного литья Н.Ф.Романченко, В.Г.Дружинин, Ф.А.Каликин[2]. В 1980-е годы появляется ряд работ Э.П.Винокуровой, посвященных типологическим аспектам исследования поморского литья[3].

Однако, до настоящего времени не унифицирована единая методика атрибуции памятников медного литья, не введены в научный оборот локальные и региональные коллекции меднолитой пластики. Таким образом, мощный пласт национального наследия как бы «оторван» от контекста всей русской художественной культуры.

Наиболее многочисленный комплекс литья представлен произведениями старообрядческих меднолитейных мастерских XVIII — начала XX вв. Оно составляет главную часть музейных и частных коллекций, выставляется на зарубежных аукционах. Это уникальный по своей ценности и художественной структуре явление, как бы русский вариант «art sacro», но в отличие от европейского полноценное по своим эстетическим свойствам и глубоко национальное по существу. При этом отсутствие до настоящего времени комплексных исследований и сводных каталогов медной мелкой пластики XVIII — начала XX вв. тормозит изучение этого вида искусства. Первая в России выставка медного художественного литья, представляющая около 800 памятников из собраний Государственного русского музея, Третьяковской галереи, Музеев Московского Кремля и лучших частных коллекций Москвы и Петербурга, состоялась в Музее им. Андрея Рублева в 1972 г. Изучению, хранению и реставрации памятников медной мелкой пластики были посвящены научные семинары в Музее им. Андрея Рублева (1989) и в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее (1991). Соответственно, по итогам семинаров были изданы сборники[4]. Существующий в настоящее время корпус научных исследований позиционирует следующие направления исследований обозначенной проблемы: 1) подготовка общероссийского свода предметов меднолитой мелкой пластики, хранящихся в запасниках музеев[5]; 2) разработка унифицированной методики атрибуций художественно-предметного комплекса[6]; 3) комплексная научная интерпретация культового медного литья[7].

В свете обозначенной научной проблемы изучение местных локальных коллекций меднолитой пластики приобретает особую актуальность. В данной работе автор ставит задачу общей систематизации и структурирования коллекции Калужского областного художественного музея. Источники формирования музейной коллекции литья — это закупки у частных лиц, предметы, переданные по актам от калужского МВД, поступления из Калужского областного краеведческого музея.

Художественно-предметный комплекс сакрального медного литья из музейного собрания включает немногим более пятидесяти произведений. Большая часть предметов — это отливки XVIII—XIX вв. По своей типологии это складни с деисусным чином и праздниками, образки-иконки с изображением Христа, Богоматери, Троицы, Св. Николы и Георгия, кресты с изображением распятия. В отдельных случаях, изделия расцвечивались эмалью трех-четырех цветов. Это придавало изделию особый декоративный эффект и значительно повышало его стоимость. В качестве характерных примеров и для общего представление о качественном уровне коллекции обратимся к анализу отдельных памятников.

Илл.1. Складень трехстворчатый. Первая половина XIXв. Медь, литье, эмаль.

Складни трехстворчатые в музейной коллекции литья — это в основном т.н. малый Деисус с изображением на центральной створке Христа, на боковых — Богоматери и Иоанна Крестителя. Трехстворчатые складни имеют в сложенном виде квадратную форму с изображением на крышке Голгофского креста[8] *(Илл. 1)*. Следующий складень[9] *(Илл. 2)* также состоит из трех створ. На центральной изображен Христос в иконографическом типе Спас Вседержитель. Спас держит в левой руке Евангелие, правая приподнята в жесте благословения. На левой створке — изображение Богоматери со свитком-молитвенным обращением к Христу. На правой — Иоанна Предтечи

Илл. 2. Складень трехстворчатый. XIX в. Медь, литье, эмаль.

в иконографическом типе Ангела Пустыни. Иоанн держит в руках жертвенную чашу, в которой изображен младенец-Христос как символ агнца — новозаветной жертвы. Таким образом иконографический тип Иоанна Предтечи — Ангела Пустыни расширяет каноническую символику сюжета евхаристической идеей жертвенности.

Изображение Иоанна Предтечи в иконографическом типе Ангела Пустыни распространилось в поздневизантийский период и восходит к определению Иоанна как предшественника Христа *(Евангелие от Матфея 11, 10; от Марка 1, 2; от Луки 7, 27)*. Текст

на свитке цитирует проповедь в пустыне, когда Иоанн крестил иудейский народ и указал на грядущее царствие небесное и необходимость покаяния в ожидании Страшного суда. Так прообраз евхаристической жертвы дополняется эсхатологической идеей Страшного суда. Изображение Иоанна Предтечи в иконографическом типе Ангела Пустыни было распространено в древнерусских иконах. Самый ранний образец в русской иконописи — икона «Иоанн Предтеча — Ангел Пустыни с житием», конец XIV — начало XVвв.) находится в собрании Государственной Третьяковской галереи[10]. Полуфигурные изображения на триптихе дополнены растительным орнаментом и снабжены соответствующими надписями. Складень декорирован эмалью.

В составе коллекции представлены также складни-тетраптихи[11]. В русском художественном медном литье XIX в. модель четырехстворчатого складня-путевой иконы с праздничными композициями и сценами поклонения наиболее чтимым в России иконам Богоматери получила большую популярность. По мнению исследователей[12], воспроизведенная в меднолитом рельефе иконография праздников ориентирована на русские иконописные образцы XVI—XVII вв., наиболее популярные в старообрядческой среде. Композиции поклонения иконам Богоматери интересны по составу предстоящих русских святых, отражающих их региональный культ, в основном в границах Северо-Восточной Руси.

Илл.3. Складень-тетраптих. Праздники. Вторая половина XIXв. Медь, литье, эмаль.

В складне-тетраптихе из музейного собрания *(Илл. 3)* первая створка представляет Праздники: «Благовещение», «Рождество Христово», «Рождество Богоматери», «Введение во Храм». Вторая: «Сретение Господне», «Богоявление», «Преображение Господне», «Вход в Иерусалим». Третья створка: «»Воскресение Христово (Сошествие во ад), «Вознесение Господне», «Сошествие Святого Духа на апостолов», «Успение Богоматери». Четвертая заполнена изображением поклонения иконам Богоматери Тихвинской, Владимирской, Смоленской и Знамение. В навершие створ представлены композиции: «Распятие Господне», «Троица Новозаветная», «Воздвижение Креста Господня», «Похвала Богоматери». Изображения довольно обобщенные, но при этом далеки от схематизма, с четко различимыми деталями. В сущности, трудные художественные задачи в данном случае решены на высоком качественном уровне. На оборотной стороне второй створки изображен Голгофский крест в орнаментированной рамке-заставке, повторяющей мотивы, типичные для декора рукописной книги[13].

Иконы из музейной коллекции культового медного литья достаточно разнообразны по иконографии. Наиболее часто встречаются иконки с изображением Св. Николы и Св. Георгия. Одна из икон [14] *(Илл. 4)* с изображением Св. Николы Можайского. Вверху — изображен Христос и Богоматерь, далее — Спас Нерукотворный с Архангелами, возле головы Николы — Херувимы. Св. Никола изображен с соответствующими для данного иконографического типа атрибутами — моделью храма и мечом. Источник сюжета заимствован из иконописи и деревянной скульптуры.

Часть иконного комплекса представляет изображение Св. Георгия в иконографическом типе конного воина, убивающего дракона. На одной из них изображен Святой Георгий-Змееборец. Икона датируется XVIII веком, но выполнена по модели XVI в. *(Илл. 5)*[15]. На второй *(Илл. 6)* в среднике изображен Св. Георгий Победоносец с клеймами-медальонами. Вверху — Деисус, в медальонах — архангелы, избранные святые , в том числе Петр и Павел, мученики. Икона декорирована эмалью[16], датируется XIX веком, но выполнена по более ранней модели, адаптированной к данной иконографии. Характерными для музейной коллекции являются также иконы с изображением сюжета Воскресение Христово. *(Илл. 7)*[17]. Иконографический тип подобных меднолитых изделий ориентирован на иконные образцы Воскресения.

Илл.4. Икона Св. Никола Можайский. XVIIIв. Медь, литье.

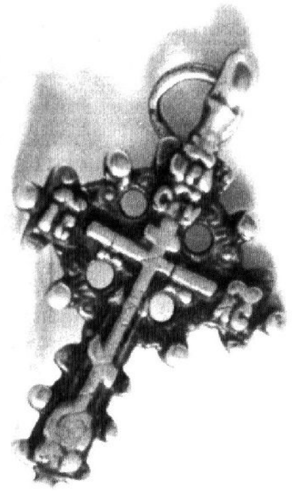
В предметном музейном комплексе меднолитых икон представлены также изделия с изображениями Христа Вседержителя, Николая Чудотворца, Богоматери, Деисуса. Можно отметить и иконы с достаточно редким по иконографии сюжетом изображения святителей, святых жен, Кирка и Иулиты. Оборотную сторону икон украшают, как правило, орнаментальные композиции.

В комплексе крестов преобладают восьмиконечные медные кресты в форме распятия с предстоящими, херувимами, и праздниками, отлитые из медных сплавов. Единственный крест — серебряный *(Илл. 8)*[18]. Это — крест наперсный (нагрудный), отливка выполнена из серебра в XVIII в. в каменной односторонней форме. Изделие имеет абрис сложной формы, которая может быть определена как усложненный тип византийского четырехконечного креста с расширяющимися концами, совмещенный с обрамляющим перекрестье круглым «сиянием». В центре — рельефное изображение тонкого восьмиконечного креста с рельефной надписью над ним, внизу — схематизированное изображение «головы Адама» — череп. На оборотной гладкой стороне — пробирное клеймо и именник мастера *«Г.Л.»*

Илл.5. Икона Святой Георгий-Змееборец. XVIIIв. (Модель XVI века). Медь, литье.

Илл. 6. Святой Георгий Победоносец . XIX в. Медь, литье, эмаль.

Илл. 7. Икона. Воскресение Христово. XIX в. Медь, литье, эмаль.



Илл. 8. Крест нагрудный. XVIIIв. Серебро, литье.

Илл. 9. Крест восьмиконечный. Первая половина XIX в. Медь, литье.

Илл. 10. Крест с Распятием. XVII век. Медь, литье.

Достаточно распространенной формой изделий в музейной коллекции являются восьмиконечные кресты в виде Распятий с предстоящими *(Илл. 9)*[19]. В верхней части креста изображен Саваоф, св. Дух и скорбящие ангелы. В группе предстоящих — Богоматерь с женой-мироносицей, Лонгин и Иоанн Богослов. В ногах распятого Христа — традиционное схематизированное изображение «головы Адама» — черепа. В общую композиции креста включены также избранные Праздники: Воскресение Христово, Вход в Иерусалим, Сретение, Ветхозаветная Троица, Ведение во храм. Один из крестов датируется XVII веком: крест в форме Распятия *(Илл. 10)*[20]. Вверху — изображение Спаса, далее — скорбящие ангелы. В ногах распятого Христа — череп, т.н. «голова Адама».

Таким образом, начальное изучение коллекции позволило систематизировать и структурировать коллекцию, выделить основные виды изделий (складни, иконы, кресты-распятия) обозначить наиболее распространенную иконографическую типологию. Предварительное изучение иконографических и стилистических особенностей медной литой художественной пластики в составе собрания Калужского областного художественного музея указывает на поморские образцы и продукцию московских старообрядческих мастерских XIX в. Относительно поморских образцов нельзя с достаточной уверенностью сказать, это привозные изделия или предметы, которые отливались в местных мастерских по образцам поморского литья.

В целом, меднолитая пластика XVII — начала XX вв., — крупный пласт русского культурного наследия, — требует дальнейшего всестороннего исследования. В рамках обозначенной научной проблемы представляется необходимым и актуальным дальнейшее изучение калужского медного литья. Следует продолжить поиски источников сложной иконографии произведений, вышедших из московских и поморских мастерских. Необходимы конкретные сопоставления не только с иконами, но также с книжной миниатюрой и графикой. Все это даст возможность определить место калужского художественного медного литья, как вида сакрального искусства, в художественной культуре нового и новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Древности русские // Кресты и образки. Вып. I—II. 1899—1900. Киев; Покровский Н.В. Церковно-археологический музей. Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1909; Уваров А.С. Каталог собраний древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908.

[2] Н.Ф.Романченко, В.Г.Дружинин, Ф.А.Каликин .См.: Романченко Н.Ф. Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Л., 1928, т. 1, с. 37–42. Дружинин В.Г. К истории крестьянского искусства XVIII–XIX вв. в Олонецкой губернии: Художественное наследие Выгорецкой поморской обители // Известия АН СССР. Т. 26. Подробнее о судьбе коллекции северного старообрядческого литья В.Г.Дружинина см.: Берестецкая Т.В. «Мое исследование было первым опытом». Памяти В.Г.Дружинина // Русское медное литье. Сборник статей. Выпуск 1. М. 1993. С. 56–64. О коллекции медного литья Ф.А.Каликина см.: Принцева М.Н. Коллекция медного литья Ф.А.Каликина в собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа // Памятники истории. Новые открытия . 1984. Л., 1986. С. 396–408.

[3] Винокурова Э.П. Поморские датированные складни // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1988 г. М. 1989. С. 338–345; ее же. Русская медная литая пластика конца XVII — начала XIX вв. Рукопись; ее же. Модель медного складня «Двунадесятые праздники» конца 17 — начала 18 вв.// Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Сборник статей. М., 1991. С. 125–178; ее же. О типологии медной литой пластики конца XVII–XIX века. Принципы формирования научного каталога // Русское медное литье... М., 1993. С. 34–47; ее же. Литая медная пластика конца 17 — начала 20 вв. Введение в типологию. М., 1991.

[4] Русское медное литье. Сборник статей. Вып. I, II / Составитель и научный редактор С.В.Гнутова. М., 1993.

[5] Винокурова Э.П. О типологии медной литой пластики конца XVII-XIX века. Принципы формирования научного каталога // Русское медное литье... М., 1993. С. 34–47; Винокурова Э.П. Литая медная пластика конца 17- начала 20 вв. Введение в типологию. М.1991.

[6] Самойлов Л.Ю. Проблемы нормативного описания медного литья (мелкой пластики) // Русское медное литье... М., 1993. С. 43–47.

[7] Пуцко В.Г. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье... М., 1993. С. 21–33.

[8] Собрание КОХМ. П-439. Складень трехстворчатый. Первая половина XIX в. Медь, литье, эмаль.

[9] Собрание КОХМ. П-446. Складень трехстворчатый. XIX в. Медь, литье, эмаль.

[10] Собрание ГТГ. Древнерусская живопись. Инв. № 19749.

[11] Собрание КОХМ. П-544. Складень четырехстворчатый (тетраптих). Праздники. Вторая половина XIX в. Медь, литье, эмаль.

[12] Пуцко В.Г. Древнерусское искусство в Калужском областном художественном музее. Калуга. 2012; Пуцко В.Г. О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье. Сборник статей. Вып.I./Составитель и научный редактор С.В.Гнутова. М., 1993. М., 1993. С. 21–33.

[13] Винокурова Э.П. Модель медного складня «Двунадесятые праздники» конца 17 — начала 18 вв. // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Сборник статей. М., 1991. С. 125–178.

[14] Собрание КОХМ. П-904. Икона Св. Никола Можайский. XVIII в. Медь, литье.

[15] Собрание КОХМ. П-906. Икона Святой Георгий-Змееборец. XVIIIв. Медь, литье. Модель XVIв.

[16] Собрание КОХМ. П-905. Святой Георгий Победоносец . XIX в. Медь, литье, эмаль.

[17] Собрание КОХМ. П-913. Икона. Воскресение Христово. XIX в. Крест восьмиконечный в форме распятия, эмаль.

[18] Собрание КОХМ. П-276. Крест нагрудный (наперсный). XVIII в. Серебро, литье.

[19] Собрание КОХМ. П- 540. Крест восьмиконечный. Первая половина XIX в. Медь, литье, эмаль.

[20] Собрание КОХМ. П- 904. Крест с Распятием. XVII век. Медь, литье.

КОЛЛЕКЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГРАВЮРЫ В КАЛУЖСКОМ ОБЛАСТНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ. ОПЫТ ОПИСАНИЯ И АТРИБУЦИИ

М.В.Зверева, *канд. культурологии, зав. отд.;*
Калужский областной художественный музей.

Французская гравюра представлена в Калужском областном художественном музее наибольшим числом листов, что дает возможность не только изучить основные этапы развития европейской гравюры, но и оценить вкус первоначальных владельцев произведений — собирателей второй половины XIX — начала XX века[1]. Коллекция включает образцы гравированного портрета, мифологические и библейские сцены, пейзажи, галантные сцены, декоративные композиции.

Рис. 1. Жак Калло (1592—1635). Кавалер со сложенными руками. Серия «Лотарингское дворянство». 1624. Бумага, офорт. 14,4 x 9,2 см. Калужский областной художественный музей.

В ряду наиболее интересных авторов прежде всего следует выделить Жака Белланжа (около 1575—1616) — одного из самых блестящих графиков всех времен. Сведений об этом удивительном мастере рубежа XVI и XVII веков очень мало. Будучи придворным художником герцогов Лотарингии Карла III и Генриха II, Белланж писал портреты, религиозные и мифологические сцены, создавал декорации и костюмы для театра. В 1606 году он написал 20 охотничьих сцен для Оленьей галереи дворца герцогов. Почти все живописные произведения Белланжа были утрачены, а росписи дворца погибли в 1871 году. В настоящее время его кисти приписывается лишь одна картина — «Оплакивание Христа» (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). Рисунки и гравюры этого мастера ценятся чрезвычайно высоко, но ни один музей мира не обладает полным собранием офортов Жака Белланжа[2]. В собрании нашего музея хранятся три листа из так называемой «апостольской» серии («Jesus et les apôtres»), включающей 12 офортов[3]: «Апостол Иаков Старший» *(инв. Г-626)*, «Апостол Симон Зилот» *(инв. Г-627)*, «Апостол Иаков Меньший» *(инв. Г-628)*. Наиболее полно наследие Белланжа было представлено на выставке, организованной в Музее изобразительных искусств г. Ренна (Франция) в 2001 году. Там же экспонировались офорты из «апостольской» серии, поступившие на выставку из различных государственных и частных собраний.

В фонде нашего музея имеется произведение *(инв. № Г-955) (рис. 1)* крупнейшего мастера оригинальной гравюры Жака Калло (1592—1635). Им создано множество разнообразных композиций, ставших впоследствии источником вдохновения не только для художников, но и для писателей, как, например, для Т.А.Гофмана, создавшего свои «Фантазии в манере Калло». Мастерство гравюры Жак Калло постигал в Нанси у ювелира Деманжа Крока и живописца на стекле Клода Анриэ. Легенда гласит, что мальчиком Калло, присоединившись к цыганам, бежал в Италию и во Флоренции поступил к Ремиджо Кантагаллине. Известно, что в Риме он был учеником Джулио Париджи и Филиппа Томассена. Калло разработал особую технику офорта, позволявшую выполнять очень мелкие фигуры и прорисовывать детали. Для того, чтобы проводить иглой ровные борозды требуемой толщины, он использовал в офорте твердый

(«флорентийский») лак. Им создано более 1400 эстампов, большей частью в технике офорта. По словам Александра Бенуа, «Всякий, кто полюбопытствует зайти за волшебный круг искусства Калло, взглянуть в его магическое зеркало, увидит с небывалой отчетливостью всю жизнь того времени, поразится искренностью, с которой она передана, и поразится еще тем, какими средствами достигнуто это впечатление... Переходя через перо и резец Калло, формы жизни приобретали совершенно новый облик, получался какой-то «маскарад жизни», под личинами которого, однако, продолжали жить не куклы, а подлинные человеческие души. Миллионы лилипутов населяют листы Калло, но все это не «муравьи», не «тля», а одаренные мыслью и страстями существа, из которых каждое, хотя и передано двумя-тремя нервными штрихами, говорит о своей личной жизни»[4].

Чтобы определить сюжет упомянутого офорта из собрания музея, нами были изучены листы Жака Калло из серии «Лотарингское дворянство». Следует отметить, что художник изобразил огромное количество так называемых «социальных» типов: дворян, солдат, бродяг, цыган, горбунов, и т.д. Серия «Лотарингское дворянство», исполненная в 1624 г., включает 12 произведений одного размера (14,5x9 см). Музейный лист соответствует офорту под условным названием «Кавалер со сложенными руками»[5].

Наибольшие трудности при изучении коллекции вызывают листы, обрезанные до изображения, без надписей и монограмм. В музейной документации они значатся как произведения неизвестных авторов. Тем не менее, именно эти работы могут представлять значительную ценность, как и упомянутые ранее листы из апостольской серии Белланжа.

Рис. 2. Французский мастер XVII в.
Игра в Брелан. 1628—1680.
По гравюре Жака Калло (1592—1635).
Зеркальная копия.
Бумага, офорт. 20x26 см.
Калужский областной художественный музей.

Рис. 3. Жак Калло (1592—1635).
Игра в Брелан. 1628—1629.
Бумага, офорт. 21,5x28 см.
Британский музей.

К настоящему времени нам удалось атрибуировать несколько безымянных графических произведений. Так, интереснейшая гравюра (*Инв. Г-2251*; 26x20 см) с изображением карточной игры *(рис. 2)*, оказалась старинной (возможно, прижизненной) копией офорта Жака Калло под названием «Игра в Брелан»[6] *(рис. 3)*. «Игра в Брелан»[7] является одной из двух ночных сцен с искусственным освещением, созданных Жаком Калло в 1629 или 1630 г. после поездки по Фландрии. В данном случае Калло решает чрезвычайно сложную задачу передачи света и тени в ночной сцене, где пространство освещено лишь локально. По своему стилю эта работа близка произведениям утрехтского караваджиста Геррита ван Хонтхорста, который за изображения ночных сцен получил у итальянцев прозвище «Ночной Герардо». На офорте Калло изображены шулеры, играющие в карты с молодым человеком, который персонифицирует собой так называемого «блудного сына». По периметру эллипса вокруг изображения выгравирован текст на латинском языке, относящийся к теме «блудного сына»[8]. Существует версия, что в образе «блудного сына» художник изобразил себя, а в образе куртизанки — свою жену. Копия офорта Калло исполнена между 1628 и 1680 гг. в парижской граверной мастерской Пьера Мариетта Старшего (1603—1657). Известно несколько зеркальных копий данного произведения, хранящихся в крупнейших музейных собраниях, в том числе в Британском музее.

Рис. 4. Абрахам Босс (1604—1676).
Новобрачная, раздевающаяся вечером в день своей свадьбы. Серия «Свадьба в городе». 1633.
Бумага, офорт. 17x30 см. Калужский областной художественный музей.

В собрании музея имеется еще одна гравюра с изображением ночной сцены *(Инв. Г-2250*; 17x30 см) *(рис. 4)*. В инвентарной книге она также обозначена как работа неизвестного мастера (сюжет неизвестен). Поля обрезаны, на обороте надпись карандашом: Rembrandt. В процессе изучения данного произведения стало ясно, что к творчеству Рембрандта этот лист не имеет никакого отношения: хотя работа и исполнена в излюбленной технике великого голландца — офорте, характер линий здесь совершенно иной. Композиция включает несколько мужских и женских фигур в интерьере парадной спальни. В правой части выделяется фигура мужчины, стоящего в дверном проеме. Все внимание персонажей приковано к молодой женщине (новобрачной), лицо которой обращено к молодому супругу.

Нами было выявлено, что в Берлинском гравюрном кабинете хранится небольшая акварель (10,4x15 см), на которой изображены те же персонажи, что и на рассматриваемой гравюре *(рис. 5)*. Это произведение, датируемое 1635 г., носит название Бал. В центре композиции — мужская и женская фигуры, одетые и причесанные в точности так же, как и на упомянутом офорте. Автором акварели является Абрахам Босс (1604—1676) — хроникер парижской жизни, который, по выражению А.Бенуа, был щедр на «костюмные документы». Босс по праву считается одним из лучших французских граверов XVII в. Свои первые работы, датируемые 1622 г., он выполнил под влиянием Белланжа. В 1630 г. Босс познакомился

Рис. 5. Абрахам Босс (1604—1676). Бал. 1635. Пергамент, акварель. 10,4x15 см. Берлинский гравюрный кабинет.

с Жаком Калло, у которого перенял технику офорта твердым лаком, применяя ее для имитации в офорте резцовой гравюры. Он, по его собственному признанию, будучи «более всего обязан Калло, менее всего на него похож». Босс много работал над технической стороной гравюры, а в 1645 опубликовал трактат по технике гравирования — «Traicté des Manières de Graver en Taille Douce sur l'Airin», — переиздававшийся вплоть до 1937. Он иллюстрировал научные труды, например, «Трактат об опыте занятий геометрией и перспективой» («Traité des pratiques géométrales et de perspective», 1665), руководство по химии и таблицы к ботаническому атласу. Был избран почетным членом Парижской Академии. Мастер создал около 1500 офортов, в основном по собственным композициям. В музее имеются 2 листа Абрахама Босса: «Школьная учительница» *(Инв. Г-562)* и «Мудрые девы» из серии «Безумные и мудрые девы» *(Инв. Г-208)*.

В результате проведенного исследования нами было установлено, что рассматриваемый офорт из собрания калужского музея входит в состав одной из самых значительный серий бытовых композиций этого замечательного мастера: «Свадьба в городе». Лист под условным названием «Новобрачная, раздевающаяся вечером в день своей свадьбы» был выпущен в 1633 г. в парижской мастерской Жана Леблона Старшего (1590/1594—1666). К сожалению, поля офорта с надписями и гравированной рамкой вокруг изображения оказались обрезанными, что обусловило трудности при установлении имени гравера. Таким образом, можно уточнить сюжет графического произведения из Берлинского гравюрного кабинета: на акварели изображена праздничная церемония в честь новобрачных.

Рис. 6. Гаспар Дюшанж (1662—1757).
Sic Victoria Victis. Около 1700.
По картине Рубенса (1577—1640) «Битва Амазонок».
Бумага, офорт. 36,6x46,5 см.
Калужский областной художественный музей.

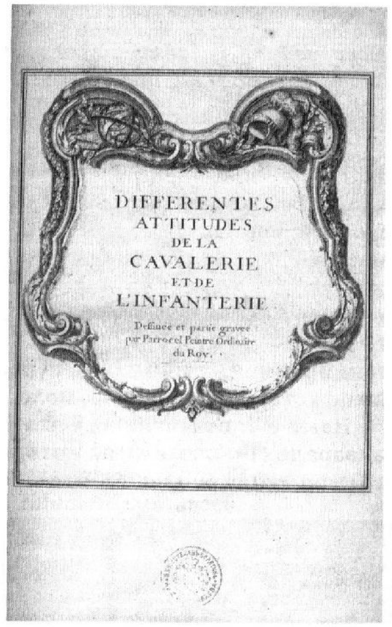


Рис. 7. Шарль Парросель (1688—1752). Заставка. Серия «Кавалерия и инфантерия». Не позже 1736. Бумага, офорт. 38x24 см. Калужский областной художественный музей.

Далеко не все гравюры с полями несут в себе имя автора произведения. Имеются и так называемые оттиски «до подписи». В случае, когда на репродукционной гравюре есть имя автора оригинала, установить личность гравера иногда можно с помощью соответствующих каталогов. Так, лист «Sic Victoria Victis» по картине Рубенса «Битва амазонок» *(Инв. Г-602) (рис. 6)* снабжен пространным текстом на французском языке, поясняющим сюжет этой работы.

Картина Питера Пауля Рубенса, являющаяся одним из самых ярких полотен эпохи барокко, в настоящее время хранится в Старой Пинакотеке г. Мюнхена («Битва Амазонок», 1618. Дерево, масло, 121x166. Старая Пинакотека, Мюнхен). Найти имя гравера удалось по каталогам эстампов, гравированных по П.П.Рубенсу: P.F.Basan. «Catalogue des Estampes gravées après P.P.Rubens». Paris. 1767; Schneevoogt, C G Voorhelm. «Catalogue des estampes gravées d'après P.P.Rubens», Haarlem, 1873. С большой степенью достоверности можно утверждать, что лист «Sic Victoria Victis» исполнен около 1700 г. Гаспаром Дюшанжем (1662—1757), который известен в основном репродуцированием произведений Рубенса для увража «Люксембургская галерея» (1710). Особенно искусно Дюшанж воспроизводил обнаженное тело человека. Он гравировал также по композициям Жувене, Корреджо, Куапеля, Риго.

Рис. 8. Шарль Парросель (1688—1752). Кавалерист. Лист из серии «Кавалерия и инфантерия». Не позже 1736. Бумага, офорт. 38x 4 см. Калужский областной художественный музей.

Рис. 9. Александр Венсан Сиксденье (1795—1846). Портрет Екатерины II. По картине И.-Б.Лампи Старшего (1751—1830). 1810. Бумага, меццо-тинто. 78x59 см. Калужский областной художественный музей.

Особого внимания заслуживают альбомы из книжного фонда музея. Нами было установлено, что один из них *(инв. К-47) (рис. 7)* включает в себя 164 гравюры, исполненные по рисункам известного художника-баталиста Шарля Парроселя (1688—1752). Шарль Парросель — сын знаменитого художника Жозефа Парроселя, учился у своего отца и у Шарля де Лафосса. Семнадцати лет поступил в кавалерию, в которой прослужил два года, но затем вышел в отставку, после чего отправился в Италию в качестве пенсионера короля. По возвращении на родину художник в 1721 г. получил от герцога д›Антэна заказ написать для короля две большие картины, по которым были вытканы гобелены (оригиналы находятся в Версале); в том же году он получил звание академика за картину «Сражение инфантерии и кавалерии». В походе 1744—1745 гг. в качестве придворного художника сопровождал короля и присутствовал на поле сражения при Фонтенуа. Из каталогов «Салона» видно, что Парросель писал исключи-

тельно батальные и охотничьи сюжеты. Картины мастера хранятся в Лувре, в Версале, в музее Амьена. Четыре произведения Парросель исполнил для датского короля. Часть эстампов из калужского альбома выполнена самим художником в технике офорта. Гравюры созданы для книги Франсуа де Ла Гериньера «Школа кавалерии» («Ecole de cavallerie», Paris, 1736) *(рис. 8)*. Таким образом, было установлено авторство данных произведений и дата создания альбома, бывшего до сих пор в ряду неизвестных.

Гравюры XIX в. иногда оказываются менее изученными, чем более ранние листы. Найти какие-либо сведения об авторе гравированного портрета Екатерины Второй *(Инв. Г-388) (рис. 9)* оказалось не легче, чем выявить гравера XVIII или XVII века. Удалось установить, что автором данного произведения явился Александр Венсан Сиксденье (1795—1846), ученик Антуана Клода Франсуа Вильре (1754—1828). Сиксденье работал в разных техниках, гравировал портреты, исторические сцены, жанровые зарисовки, иллюстрировал книги. Выполнил большое количество листов по оригиналам Жироде, Делароша, Греза, Прюдона, Шеффера, О. Верне. С 1822 по 1846 гг. он регулярно выставлялся на парижском Салоне. Гравюра из собрания нашего музея исполнена им в технике меццо-тинто по картине известного австрийского художника Иоганна Баптиста Лампи Старшего (1751—1830).

Заметное место в коллекции французской гравюры занимают произведения выдающихся мастеров XVI—XIX вв., таких как Жерар Одран (1640—1703), Пьер Эмбер Древе (1697—1739), Никола-Анри Тардье (1674—1749), Луи Деплас (1682—1739), Никола Дюпюи (1696—1776), Жак Филипп Леба (1707—1783), Пьер Авелин (1702—1760), Грегуар Юре (Гюре) (1606—1670), Жан Муаро (1691—1762), Поль Гаварни (1804—1866), Огюст Аллонже (1833—1898).

Таким образом, можно сделать вывод, что значительная часть работ из коллекции французской гравюры исполнена мастерами высочайшего класса, в совершенстве владевшими техникой резцовой гравюры и офорта[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Практически вся коллекция французской гравюры поступила в музей в 1919 г. из имения Барятино Калужской губернии в составе частного художественного собрания князей Горчаковых. Ядром коллекции послужили произведения, собранные кн. Д.С.Горчаковым (1828—1907).

[2] Белланж создал всего 48 офортов, преимущественно на религиозные темы.

[3] См.: Thuillier J. Jacques de Bellange. Rennes, Musée des Beaux-Arts. 2001. P. 166.

[4] См.: Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. СПб., 1912—1917. Т. 4.

[5] См.: La Noblesse / Jacques Callot et les peintres et graveurs lorrains du dix-septième siècle. Guide et Catalogue de l'Exposition du IIIe Centenaire de la mort de Callot. Nancy, 1935. P. 13

[6] Брелан — азартная карточная игра. Запрещенная при Людовике XIV, игра эта возродилась при Людовике XV и удержалась до времен Французской Революции.

[7] См.: Le Brelan. Ellipse: Eau-forte. L.279; H.214. L'enfan prodigue trompé par des filous / Catalogue des estampes de Jacques Callot exposée au Musée historique lorrain / Jacques Callot et les peintres et graveurs lorrains du dix-septième siècle. Guide et Catalogue de l'Exposition du IIIe Centenaire de la mort de Callot. Nancy, 1935. P. 92. No. 89.

[8] По периметру эллипса: FRAVDI NATA COHORS IVVENEM CIRCVMVENIT ASTV PELLICIS, HINC MODVLIS, LVDITVR, INDE DOLIS, PERDIT OPES, LUXV, FAME NEC PARCIT AVITAE PRODIGVS, HINC SECVM NOMINA LARGA TRAHIT.

[9] Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 13-14-40001 а(р))

ПОРТРЕТЫ М.П. И П.А. ВАЛУЕВЫХ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

И.В.Гужова, *с.н.с.,*

Калужский областной художественный музей.

В 1978 году в музей от частного лица поступили портреты графа и графини Валуевых[1] неизвестного художника XIX века. Позднее портреты были отнесены к творчеству художника первой половины и середины XIX века Петра Васильевича Басина (1793—1877). П.В.Басин в русское искусство вошел прежде всего как художник-монументалист, хотя он писал портреты, исторические и жанровые картины, пейзажи. В литературе, посвященной его творчеству, среди известных его произведений портреты Валуевых не указаны[2]. В этом нет ничего необычного, так как они хранились в семье Валуевых, затем их потомков. При поступлении портретов в музей время их создания было определено как 1840-е годы, но туалеты изображенных лиц указывают на более раннее время написания портретов. Портреты входят в состав постоянной экспозиции музея, а о моделях мало что известно. Собранный материал позволяет уточнить дату создания портретов и рассказать об изображенных на них лицах.

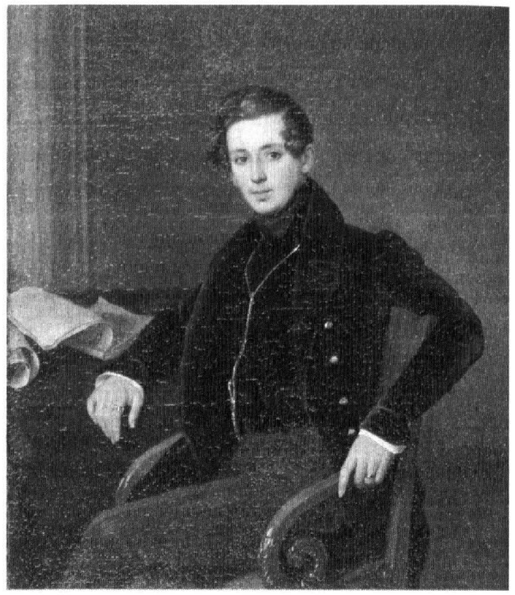
На портретах представлены Петр Александрович Валуев (22 сентября 1815—27 января 1890) — русский писатель, видный государственный деятель, и его первая жена Мария Петровна, урожденная княжна Вяземская (15.08.1814—25.02.1849), старшая дочь князя, поэта Петра Андреевича Вяземского (1792—1878)[3].

Парные поколенные, репрезентативные по композиции портреты благодаря их небольшим размерам смотрятся камерно. Модели изображены на фоне интерьера. М.П.Валуева представлена сидящей в кресле возле стола, покрытого красной скатертью, на фоне красной портьеры. На столе стоит фарфоровая ваза в виде кратера с цветами. Молодая женщина одета в платье из черного шелка со спускным плечом, длинным пышным рукавом из черного газа, который отделан оборкой. Рукава, собранные у плеча, обтягивают руку от локтя до кисти. Вырез декольте обрамляет белое кружево. Платье черного шелка эффектно смотрится на фоне предметов обстановки красного цвета — стола и портьеры. Платья из тканей «меланхолических» тонов — черных, серых, лиловых — в 1830-е годы были в моде4. Розовый эшарп или шарф из прозрачной ткани, которые были тогда популярны, вносит яркий акцент в ее туалет5 и гармонирует с красным цветом скатерти на столе и портьеры. У Марии Петровны модная в те годы прическа «севинье» с длинными локонами, обрамляющими лицо, и с пучком сзади. Вместо полагавшейся к этой прическе нитки жемчуга у нее на шее черная лента, скрепленная овальной золотой брошью «Севинье»[6].

П.А.Валуев изображен сидящим в кресле у стола, покрытого темно-зеленой скатертью. На столе тетрадь и скатанный в рулон лист бумаги. Молодой человек одет в темный сюртук с полами до колен, рукава с буфом у плеча, которые заканчиваются у кисти разрезным раструбом, из-под него видны манжеты рубашки. Сюртуки и фраки такого покроя были в моде в первой половине 1830-х годов. На шее золотая цепочка, на которой висит лорнет. Волосы у него уложены на косой пробор и слегка взбиты сбоку, с висков зачесаны вперед. Такой тип мужской прически из коротких волос был модным в 1830-е годы[7].

Характерной особенностью платья и сюртука у изображенных на портретах лиц является рукав с буфом у плеча, который с конца 1820-х годов до 1836 года был в моде[8]. В женских платьях бытовало довольно много вариантов рукавов с буфом у плеча. Эта модная тенденция коснулась и мужского костюма: в сюртуках и фраках также рукав присборивался у плеча в небольшой буф. Эта важная деталь костюмов изображенных лиц указывает на время создания портретов — первую половину 1830-х годов, до конца 1836 года. В конце 1836 — начале 1837 года резко изменился фасон рукавов: в женских платьях рукав у плеча становится узким, а буф уменьшается в размерах и перемещается на уровень локтя[9]. В мужских костюмах буф исчезает. Следовательно, портреты могли быть написаны не позднее 1836 года, и если учесть, что в обоих портретах у моделей детально прописаны руки, все кольца и перстни, надетые на них, в том числе и обручальные, то это указывает, что они были написаны вскоре после заключения брака.

П.В.Басин. Портрет П.А.Валуева. 1836. Калужский областной художественный музей (КОХМ).



П.В.Басин. Портрет М.П.Валуевей. 1836. Калужский областной художественный музей (КОХМ).

Известно, что М.П. и П.А. Валуевы поженились 22 мая 1836 года[10], а затем поехали в свадебное путешествие, но, как следует из письма двоюродного брата Александра Николаевича Карамзина к брату[11], к концу сентября этого же года они вернулись в Петербург. Следовательно, портреты были написаны в октябре — декабре 1836 года.

Изображенная на портрете Мария Петровна Валуева благодаря своим родителям, князю и княгине П.А. и В.Ф. Вяземским, с детства входила в круг ближнего окружения А.С. Пушкина, он знал ее с детства. В своем письме к своей жене от 22 апреля 1834 года из Петербурга А.С.Пушкин, описывая новые назначения при императорском дворе в связи с празднованием совершеннолетия наследника, сожалеет, что она не попала в число фрейлин: *«...множество милостей; шесть фрейлин, между прочим, твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нет. Жаль и досадно»*[12]. Для А.С.Пушкина она была «нашей Машенькой Вяземской», он радовался ее успехам в свете: *«Marie похорошела и в бедной и загнанной Москве произвела большое действие»*[13].

Ни Александр Сергеевич, ни Наталья Николаевна не были на свадьбе Валуевых: Пушкин в это время был в дороге, возвращался из Москвы, а у Натальи Николаевны 23 мая 1836 года родилась младшая дочь Наталья. Но они знали о предстоящей свадьбе, и в своем письме к жене от 4 мая 1836 года А.С. Пушкин, бывший тогда в Москве, писал: *«Здесь говорят уже о свадьбе Marie Wiazemsky — я секретничаю покамест»*[14].

Женившись на Марии Петровне, П.А.Валуев вошел в семью Вяземских, и благодаря этому родству они с женой поддерживали самые дружеские отношения с А.С. и Н.Н. Пушкиными. Жили они в том же доме, что и Вяземские, только этажом выше[15]. Вот как описывает один из домашних вечеров в доме молодых Валуевых в октябре 1836 года Софья Николаевна Карамзина, старшая дочь историографа Н.М.Карамзина: *«Вечером Мари устроила у себя чай, были неизбежные Пушкины и Гончаровы, Соллогуб и мои братья* [Карамзины]»[16]. Выражение «неизбежные Пушкины» говорит о почти родственных отношениях семьи Вяземских и теперь Валуевых с А.С. и Н.Н. Пушкиными.

Мария Петровна была в дружеских отношениях с Натальей Николаевной. Именно ей Наталья Николаевна одной из первых сообщила о случившемся несчастье — смертельном ранении А.С.Пушкина на дуэли, но ее мать, княгиня Вера Федоровна, не пустила тогда беременную Марию Петровну к Пушкиным, а сама находилась у них в эти трагические дни[17]. Как видно из дневника Константина Карловича Данзаса, секунданта Пушкина, среди близких друзей, бывших у постели А.С.Пушкина в последние дни, упомянут и П.А.Валуев. *«Жуковский, князь Вяземский, граф М.Ю.Велгурский, князь П.И.Мещерский, П.А.Валуев, А.И.Тургенев, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская; все эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его дом и отлучались только на самое короткое время»*[18].

По воспоминаниям князя В.А.Мещерского, близкого к семье Вяземских, Мария Петровна *«...была замечательно миловидна, свежа, стройна и умственно развита, ее портил только курносый носик, полученный ею по наследству от отца. Вследствие этого недостатка в свете, где она считалась в числе львиц, ее прозвали «la jolie laide», иначе миловидной дурнушкой... Сознаюсь, что я не менее других ее поклонников находился под влиянием ее оригинальной красоты и чарующих голубых глаз»*[19]. Ею был увлечен не только А.М.Мещерский, но и другие. Как следует из письма Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэта, к ней был неравнодушен Лев Сергеевич Пушкин: *«Леон* [домашнее имя Л.С.Пушкина] *ухаживает за княжной Марией Вяземской, которая похожа на отца, но красивее его, она очень дружна с Натали* [Н.Н.Пушкиной]»[20]. Но из всех своих поклонников Мария Петровна предпочла П.А.Валуева.

Петр Александрович Валуев был знатного, но небогатого дворянского рода, начал свою службу в 1832 году в канцелярии московского военного генерал-губернатора семнадцатилетним юношей. Получив прекрасное образование, он выдержал испытание в комитете при Московском Императорском университете и был произведен в чин губернского регистратора. Во время пребывания императора в Москве, на балу в московском дворянском собрании, он, будучи ему представленным, произвел на государя своим разговором с ним впечатление настолько благоприятное, что царь сказал графу Блудову, *«...что ему нужны образованные молодые люди в Петербурге, и указал ему на двух: на Валуева и на В.Д.Скарятина»*[21]. После этого его перевели на службу в Петербург, назначили в I отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где он принимал участие в законодательных работах под руководством М.М.Сперанского. В 1834 году он был пожалован в камер-юнкеры. Вот какую характеристику дал А.П.Валуеву хорошо знавший его князь Александр Васильевич Мещерский: *«...покойный государь Николай Павлович назвал* [Валуева и Скарятина] *«les jeunes gens modeles». Это прозвище (примерных молодых людей), данное покойным Государем, осталось за ними надолго. Мне помнится хорошо, что они действительно заслуживали, по справедливости, это лестное название, так и по строго-правильной жизни, мало свойственной молодым людям петербургского общества того времени»*[22].

Здесь, в Петербурге, П.А.Валуев познакомился с княжной Марией Петровной Вяземской. Их чувства были взаимными. И Петр Александрович получил согласие ее отца П.А.Вяземского на брак с его дочерью. Вот как описывает это событие своей семейной жизни сам П.А.Вяземский в письме от 8 мая 1836 года к своему другу Александру Ивановичу Тургеневу: *«Ты, наверное, знаешь Валуева. Во всех нравственных отношениях, кроме отлично хорошего, сказать о нем нечего. В одном житейском отношении худо, что состояние его ограничено, а нам Машеньке дать много нельзя. Я им все это представлял при свете прозаической истины. Но они готовы покориться необходимости и лишениям средней и умеренной жизни, отказываясь от выгод светской, которой им уже стало довольно. Свадьба, если Бог даст, совершится еще в нынешнем месяце, и в тот же день отправляются они на четыре месяца в Остафьево»*[23].

Молодой, по-своему талантливый Петр Валуев в последующем сделал блестящую карьеру. В 1861 году стал сенатором и членом Государственного Совета, с 1861 по 1868 год он занимал пост министра внутренних дел в правительстве Александра II, с 1872 по 1879 год — председатель Комитета министров. 19 февраля 1880 года П.А.Валуев, бывший тогда членом Государственного Совета, действительным тайным советником, указом императора Александра II возведен, с нисходящим потомством, в графское Российской империи достоинство[24]. П.А.Валуев занимался литературным творчеством и написал несколько повестей и романов из великосветской жизни: «Лорин», «Черный бор». Наибольшее значение имеет его «Дневник», где он описал историю внутренней политики России второй половины XIX века, активным деятелем которой был сам.

А тогда, в 1836 году, в год написания портрета, П.А.Валуев имел чин коллежского регистратора, служил младшим чиновником в 1-м отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, имел придворный чин камер-юнкера[25]. Учитывая скромное финансовое положение молодых супругов Валуевых, понятно, почему они заказали свои парные портреты столь небольших размеров. Как писала в июне 1836 года Екатерина Андреевна Карамзина, вдова историографа Н.М.Карамзина, приходившаяся родной теткой по отцу М.П.Валуевой, *«... все видевшие их говорят о них как о красивой и счастливой паре»*[26]. Такими их запечатлел на своих портретах П.В.Басин осенью 1836 года.

По воспоминаниям А.В. Мещерского, в семейной жизни они были весьма счастливы, несмотря на некоторые финансовые трудности[27]. У Валуевых было трое детей: Елизавета, которая родилась в апреле 1837 года, в последующем княгиня Голицына; Александр (1839—1864), Петр (1841—1886)28. Умерла Мария Петровна от холеры в Петербурге 25 февраля 1849 года. П.А.Валуев позднее женился вторично.

Из всех лиц, представленных на портретах из собрания музея, Мария Петровна и Петр Александрович Валуевы имели самое близкое отношение к А.С.Пушкину, что придает их образам особую значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Калужского областного художественного музея. Оп. 2. Д. 47. Л. 18.

[2] Петинова Е.Ф. Петр Василевич Басин (1793—1877). Л., «Художник РСФСР», 1984. С. 233—267.

[3] Портрет П.А.Валуева (Ж-757. Холст, масло. 43 х 35); портрет М.П.Валуевой (Ж-578. Холст, масло, 42,8 х 35).

[4] Коршунова Т.Т. Костюм в России XVIII — начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 20.

[5] Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовский платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 279.

[6] Кирсанова Р.М. Указ. соч. С. 209.

[7] Сыромятникова И.С. История прически. М., 2002. С. 157.

[8] Коршунова Т.Т. Костюм в России... С.20.

[9] Козлинский В.И., Берман Е.М., Курбатова Е.Д. Русский костюм. 1750 — 1917 (в пяти выпусках). Выпуск 2. 1830—1850. С. 30, 31.

[10] Т.М.Рожнова, В.Ф.Рожнов. Жизнь после Пушкина. Наталья Николаевна и ее потомки. Документально-художественное исследование. Изд. 2, исправленное и дополненное. М., Изд . «Минувшее», 2010. Сноска на с. 13.

[11] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.-Л., 1960. С. 58. Письмо А.Н.Карамзина к А.Н.Карамзину от 20.09.(01.10) 1836 г.

[12] Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л. Изд. «Наука», 1969. С 37. Письмо к Н.Н.Пушкиной от 22 апреля 1834 г.

[13] Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1831—1837 гг. М., 1978. С. 162. Письмо к Н.Н. Пушкиной от 03 августа 1834 г.

[14] Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1831—1837 гг. М., 1978. С. 388. Письмо к Н.Н.Пушкиной от 04 мая 1836 г.

[15] Мещерский А.В. Воспоминания князя А.В. Мещерского. М., 1901. С. 125.

[16] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.-Л., 1960. С. 119. Письмо С.Н.Карамзиной к Е.А.Карамзиной от 20 октября 1836 г.

[17] Т.М.Рожнова, В.Ф.Рожнов. Указ. соч. С.20, 21.

[18] Т.М.Рожнова, В.Ф.Рожнов. Указ. соч. С. 22.

[19] Мещерский А.В. Воспоминания князя А.В.Мещерского. М., 1901. С. 128, 129.

[20] Т.М.Рожнова, В.Ф.Рожнов. Указ. соч. С. 12 (сноска)

[21] Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 68.

[22] Мещерский А.В. Воспоминания князя А.В.Мещерского. М., 1901. С. 128.

[23] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1824—1836. Изд. графа С.Д.Шереметьева. СПб., 1899. С. 316—317.

[24] Петров П.Н. История родов русского дворянства. Том II. М., 1991. С. 65.

[25] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И.Тургеневым. 1824—1836. Изд. графа С.Д.Шереметьева. СПб., 1899. С. 503.

[26] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.-Л., 1960. С. 58. Письмо Е.А.Карамзиной от 5(17) июня 1836 г.

[27] Мещерский А.В. Воспоминания князя А.В.Мещерского. М., 1901. С. 129.

[28] Андреевский С.С. Валуевы (Родословная). Орел, 1913.

ВИДЫ И СЮЖЕТЫ УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ ПОЛОТНЯНОГО ЗАВОДА В РИСУНКАХ Н.С.ГОНЧАРОВОЙ

Н.В.Марченко, *дир.,*
Калужский областной художественный музей.

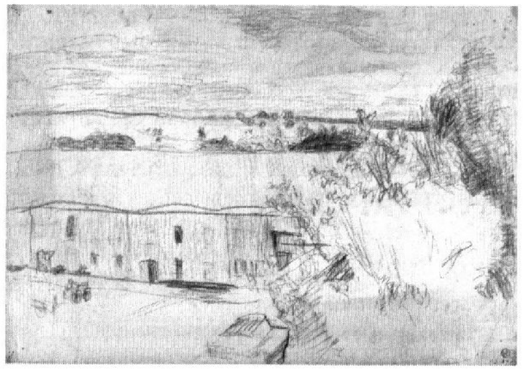
Среди обширного круга источников о Полотняном Заводе следует выделить изобразительные источники, дающие зримые образы прошлого усадьбы. Изобразительные источники обладают большой информативностью, способны характеризовать детали, существенно дополняют документальный материал.

Изобразительный материал, характеризующий Полотняный Завод, в настоящее время рассредоточен по разным хранилищам и находится в частных собраниях. Перед исследователями стоит задача по выявлению всего корпуса изобразительных источников, его классификации и атрибуции. В настоящей статье будут рассмотрены рисунки выдающейся русской художницы Н.С.Гончаровой, представительницы рода Гончаровых, в которых запечатлен Полотняный Завод в начале 20 века.[1] Сопоставив изображения с данными документальных источников, исследованных ранее[2], будет решена задача определения конкретных усадебных объектов, видов и сюжетов усадебной жизни.

Двадцать рисунков выполнены на бумаге сангиной. Все сюжеты можно условно разделить на три группы: первая — рисунки с изображением главного дома и его интерьеров, вторая — рисунки, запечатлевшие усадебные постройки и хозяйственные объекты, третья — рисунки с видами садов. К первой группе отнесем четыре рисунка. На одном из них, с воротами и церковью, художница изображает главные элементы восточного фасада здания: ризалит и балкон.[3] Но в композиции рисунка эти элементы играют второстепенную роль. Они обрамляют центральную часть, где изображены самые старые усадебные постройки: въездные ворота и церковь Преображения Господня. Гончарова рисует угол ризалита с окном, обращенный к балкону, отмечает характерную для классического здания архитектурную обработку фасада: угловую вертикальную лопатку и профилированный карниз между первым и вторым этажами. Балкон представлен частью перекрытия и крайней правой опорой. Несмотря на определенную схематичность изображения этих двух элементов зритель чувствует величину и мощь главного дома, из-под сени которого наш взгляд устремлен в перспективу.

На следующем рисунке[4] мы видим главный дом с западной стороны. Он стоит на возвышающемся берегу Суходрева. Прорисован северный ризалит здания с характерными классическими архитектурными деталями, южный — только намечен среди ветвей помещенного на переднем плане справа большого дерева, за которыми лишь угадывается крыша западного балкона. Другие деревья, расположенные на переднем плане, это старые ивы, плотно посаженные по берегам реки когда-то в 80-е годы 18 столетия.[5] За более чем вековой период ивы неоднократно подрезали, и на рисунке мы видим толстые покосившиеся опиленные стволы, из которых веером торчат высокие молодые побеги. За деревьями просматривается подпорная стена со спускающейся к воде лестницей со следами начинающегося разрушения. Все повествует о наступающем запустении, об ушедших в прошлое развлечениях и удовольствиях усадебной дворянской жизни.

На третьем рисунке интерьер комнаты.[6] Почти симметричная композиция изображает два высоких окна с простенком между ними. Художница тщательно вывела элементы архитектурного лепного декора на простенке и отразила колористическое решение стены. Эти детали отделки, а также овал зеркала в простенке и расположен-



Корпус ткацких палат.
Рис. Н.С.Гончаровой

Вид Заречного сада.
Рис. Н.С.Гончаровой

Вид Красного сада.
Рис. Н.С.Гончаровой

ная под ним тарелка английского столового сервиза с кобальтовым орнаментом 1-й половины XIX века, говорят о том, что перед нами интерьер парадной столовой. Изображенный простенок расположен против входа в биллиардную комнату[7]. Вполне узнаваема мебель: столик «бобик» и два стула в стиле английского мастера Томаса Чиппендейла. Дубовые стулья и кресла, обитые кожей, были изготовлены в мастерской Полотняного Завода в 1772 и в 1773 годах. Столики из красного дерева с наборными столешницами в большом количестве были сделаны местными мастерами Андреем Шатовым и Алексеем Хлебниковым в 1785—1786 годах для летнего домика, а в 1791—1792 гг. по рисункам архитектора Алексея Никитовича Бакарева для обновленного интерьера среднего этажа главного дома[8].

На четвертом рисунке бытовая сцена, портрет женщины за рукоделием[9]. Оставляя за рамками нашего повествования определение персоналии, обратим внимание на изображенные детали. Модель сидит за прямоугольным столом в кресле, на спинку которого наброшена шаль. Кресло является частью белого мебельного гарнитура, изготовленного, местными мастерами для голубой гостиной в 1791—1792 гг.[10]

Следующая условная группа рисунков характеризует другие усадебные постройки, в том числе производственного и хозяйственного назначения. На одном из них изображен корпус ткацких палат, обращенный своим фасадом к главному дому[11]. Это южное крыло П-образного здания, расположенное перпендикулярно к реке Суходрев. Гончарова рисовала его из южного окна второго этажа главного дома. Западное крыло ткацких палат, которое находилось на берегу вдоль Суходрева, скрыто на рисунке ветвями деревьев. Позади бывшей полотняной фабрики простирается Большой сад, где находились летняя кухня для мастеровых и каменная «чесальня»[12]. Главное в рисунке то, что происходит во дворе, внутри каре ткацких палат. Маленький трактор, тележка, открытые двери — все указывает на хозяйственную активность. Не смотря на то, что история с производством парусных полотен канула в лету, жизнь старого здания продолжается.

На другом рисунке мы видим торец и западный фасад западного крыла ткацких палат, которое стоит вдоль Суходрева[13]. Художница отразила характерную особенность здания, расположенного

на склоне. Со стороны реки дом в два этажа, а с противоположной стороны — одноэтажный. Поэтому работники, входившие со стороны двора внутрь, попадали сразу на второй этаж[14]. На переднем плане изображена спускающаяся к реке дорожка, которая должна привести к мостику, перекинутому через реку Суходрев, и далее в Заречный сад. Молодая поросль на склоне свидетельствует о том, что со стороны реки подходы к дому уже не используются, а река Суходрев как транспортная артерия полотняной фабрики ушла в прошлое вместе с самой фабрикой.

На двух рисунках изображены одноэтажные каменные домики с примыкающими к ним каменными изгородями. Это флигели, или один из флигелей, которые находились в Красном саду. Первый флигель был пристроен к летнему дому в 1814— 1815 году, когда летний дом перестроили в двухэтажный[15], второй — с крыльцом — построили в 1830 году.[16] Красный сад был огорожен деревянной изгородью, а с 1806—1807 гг. частично каменной стеной[17]. Наружную часть этой стены, с облупившейся штукатуркой, мы видим на одном из рисунков[18]. Дом помещен за изгородь, над которой изображена его верхняя часть и рядом высокое дерево. Вдалеке дымка из крон других деревьев, растущих на противоположном берегу П-образного пруда, внутри Красного сада. Еще одна интересная деталь: на переднем плане вдоль изгороди лежат огромные ошкуренные бревна и стоит кадка. Источником строевого леса в Полотняном Заводе всегда была роща в излучине реки Суходрев. Бревна и доски постоянно использовались в многопрофильном хозяйстве Гончаровых: на изгороди, сваи, мостки, ролы, мебель и т.д. и т.п.[19] Кадка тоже изделие местных бондарей. Из-под бревен торчит высокая трава. Все повествует нам о том, что жизнь в усадьбе идет своим чередом, но в садах уже нет былого порядка и роскоши.

На другом рисунке домик и каменную изгородь мы видим со стороны Красного сада, пройти в который снаружи можно было через калитку, изображенную справа[20]. Домик стоит на самом краю довольно крутого, но не высокого берега пруда и отражается в водной глади тенью в нижнем левом углу рисунка. В правый нижний угол рисунка от калитки идет пологий спуск. Эта картинка очень важна для нашего понимания того, как был устроен Красный сад, где находились постройки, так как от этого объекта до наших дней кроме П-образного пруда ничего не сохранилось, а сама территория сильно перестроена.

На одном из рисунков Н.Гончарова изобразила деревянную изгородь Красного сада со столбами, сложенными из карнизного кирпича.[21] За изгородью и ветвями деревьев просматривается дом более внушительных размеров, чем домики у каменных изгородей. На фасаде дома прорисован верх арочного окна, который торчит над острыми краями досок изгороди. Рядом с окном к дому приставлена лестница, опирающаяся на край крыши. Из других источников мы знаем, что в Красном доме были арочные окна.[22] Все это свидетельствует о том, что перед нами изображение Красного дома.

В Полотняном Заводе было пять садов, созданных Афанасием Абрамовичем Гончаровым и его внуком Афанасием Николаевичем. К моменту пребывания Н.С.Гончаровой в усадьбе все сады сохранились, и виды некоторые из них остались запечатленными в рисунках художницы.

На одном из рисунков среди буйной растительности еле различим архитектурный объект[23]. Это грунтовый сарай или кирпичный погреб, построенный в 1779 году на территории Большого сада для хранения выращенного урожая. Большой сад был действительно большим. На его территории располагались пруды с рыбой, несколько оранжерей, огороды, где выращивали различные овощи, ягоды, рассаду.[24]

В Большом саду росли и плодовые деревья. Череда плодовых посадок располагалась и стройными рядами, и небольшими колониями между строениями. Особенно много было яблонь. Например, в 1792 году в саду было посажено 660 яблоневых деревьев.[25] Старые деревья постоянно заменяли новыми. Слева от грунтового сарая на рассматриваемом рисунке изображено несколько молодых дерев, привязанных к опорам.

Эту же картину мы видим на другом рисунке. В центре композиции уходящий в перспективу ряд молодых посадок.[26] На переднем плане слева и справа две старые липы из обрамления аллеи Большого сада. Художница рисовала этот вид, находясь

в тени одной из них, запечатлев ее мощный ствол и большую свисающую ветку, из-под которой наш взгляд устремляется на освещенный солнцем, простирающийся вдаль сад.

Южнее за Большим садом находился бывший Английский парк. Один из видов Английского сада пред нами на рисунке с длинной невысокой изгородью с перилами, которая уходит в густые заросли на речном берегу.[27] По верх крон растительности угадывается другой берег Суходрева. Как известно, в излучине река имеет и высокие крутые, и низкие пологие берега. На рисунке один из крутых спусков, оснащенный изгородью-перилами. Жизнь английского сада, созданного в 90-е годы 18 века, оказалась недолгой. В начале 20 в. в бывшем Английском парке царило запустение[28], но не исключено, что могло что-то сохраниться из бывших затей и сооружений и не все дорожки заросли.

Несколько видов с водой передают уютную атмосферу двух живописных парков Полотняного Завода, Красного и Заречного садов. На одном из рисунков водная гладь П-образного пруда отражает растительность Красного сада.[29] На двух других — Заречный сад, в разное время называвшийся «Нижний» или «Дальний».[30] Он простирался на островке, окруженном каналом. Это был вишневый сад, который рос по обеим сторонам Суходрева, с небольшим количеством гряд. На рисунке Н.Гончаровой в центре композиции несколько вишневых деревьев, отражающихся в Суходреве. У берега лодочка, а вдалеке перекинутый через канал мостик и еще ода гряда вишневых деревьев.[31]

В саду находилась обнесенная изгородью рабочая территория с ледяным амбаром, толчеей, пильней и прочим.[32] Эту часть сада художница изобразила на другом рисунке.[33] Мы видим невысокую изгородь, которая отделяет хозяйственные постройки, расположенные на втором плане у горизонта, от декоративной части сада. На переднем плане спокойная гладь воды. На территории сада было несколько прудов с рыбой и прорытый в 1795 году от большого пруда канал для спуска воды.[34]

Рассмотренная группа изобразительных источников о Полотняном Заводе, небольшая в количественном отношении, обладает большой ценностью. Рисунки Н.С.Гончаровой, запечатлевшие разные уголки усадьбы и ее состояние в конкретный исторический период, дает нам зримые образы и уникальную информацию. Положительное значение последней отразится в дальнейшем процессе атрибуции музейных предметов, послужит импульсом к новым исследованиям и будет использовано в практических целях продолжающейся реставрации и музеефикации усадьбы Полотняный Завод.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рисунки находятся в собрании Государственной Третьяковской галереи.

[2] Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2003. Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2008. Марченко Н.В. Восковые фигурки из Полотняного Завода. К истории создания. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2008. Марченко Н.В. Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2009. Марченко Н.В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2012.

[3] ГТГ, П 62933. Рисунок опубликован на внутренней стороне обложки книги В.А.Бессонова, В.И.Новикова «Три века усадьбы Полотняный Завод» (Смоленск, 2012).

[4] ГТГ, П 61650.

[5] Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. С. 287.

[6] ГТГ, П 61649. Рисунок опубликован на стр.66 книги В.А.Бессонова, В.И.Новикова «Три века усадьбы Полотняный Завод».

[7] Марченко Н.В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С. 287.

[8] Марченко Н.В. Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. С. 198—199.

[9] ГТГ, П 61657.

[10] Марченко Н.В. Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. С.199.

[11] ГТГ, П 61656.

[12] Марченко Н.В.Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С.287.

[13] ГТГ, П 62934.

[14] РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 287.

[15] Марченко Н.В.Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С. 285.

[16] Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. С. 284.

[17] Там же. С.285.

[18] ГТГ, П 61661.

[19] Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. Сноска 96. Марченко Н.В. Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. С.199.

[20] ГТГ, П 62919.

[21] ГТГ, П 61652. Марченко Н.В. К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод. С. 467.

[22] РГАДА, ф. 1265, оп. 1, д. 287, оп. 5, д. 49. КОКМ, н/в 6833/293.

[23] ГТГ, П 62936.

[24] Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. С. 286.

[25] Там же. С.284.

[26] ГТГ, П 61660.

[27] ГТГ, П 75638.

[28] Марченко Н.В. К истории парков Полотняного Завода. С. 287.

[29] ГТГ, П 62920.

[30] Марченко Н.В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С. 286.

[31] ГТГ, П 62935.

[32] Марченко Н.В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С. 286.

[33] ГТГ, П 61655.

[34] Марченко Н.В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX века. Опыт реконструкции. С. 286.

ЗАПИСКИ О ШАМОРДИНСКОМ МОНАСТЫРЕ... (по архивным материалам НИОР ГРБ)

Н.А.Семенова, *зав. Козельским краеведческим музеем.*

«**Записки о Шамординском монастыре, поездках в Оптину Введенскую пустынь и о встречах там с духовными лицами: Макарием, Амвросием и др.**» — это полное название рукописного документа, обнаруженного в научно-исследовательском отделе рукописей оптинского фонда Государственной Российской Библиотеки *(Ф. 213. К. 49. ед. хр. 3)*. Впервые он был представлен в 2011 г. на Оптинском форуме научным сотрудником ГИМа Г.П.Черкасовой, исследовательницей оптинского архива. Ее статья опубликована на официальном сайте монастыря Оптина пустынь.

Из сопровождающей записки следует, что найденные рукописи — это:

• автограф с пометами и подчеркиванием карандашом рукой неустановленного лица;

• он включает в себя записки о Шамординском монастыре, описание поездок автора в Оптину Введенскую пустынь, описание его встреч со старцами Макарием, Амвросием и др.

• датирована данная рукопись 1890-ми годами и включает в себя 66 листов рукописного текста.

Кроме того, названная единица хранения имеет два Приложения:

1. «Собрание изречений старца Амвросия», датированное 1892 годом с пометой карандашом неустановленного лица (31 лист).

2. Стихотворение, посвященное памяти старца Амвросия, под названием «Хибарка», датированное 23 февраля 1897 года, тоже автограф, подписанный инициалами Е.Ш. (2 листа).

«Рукопись — неполная, отсутствуют начало и конец текста. Дошедшие до нас листы собраны и сброшюрованы неверно, поэтому читать их надо не в том порядке как предложено, именно таким рукописный памятник дошел до нас через столетие», — указывает Г.П.Черкасова.

Данный документ — есть ценный первоисточник, свидетель жития старца, его трудов и деяний, прозорливости, написанный его духовными чадами, которые находились в непосредственной близости к нему, чему сами являлись соучастниками. Рукопись хранит дух времени, обстановку вокруг старца, множество лиц, обращавшихся к нему, описаны разные случаи. Судя по пометкам и подчеркиваниями карандашом рукой неустановленного лица, она являлась источником для составления его жизнеописания.

Основная часть рукописи (66 листов) — это воспоминания о старце Амвросии некой Ю.И.Г. Ее личные впечатления или записанные со слов других людей. На титульном листе напротив инициалов стоит знак вопроса (?). Личность автора представляет интерес. Из прочитанного видно, что она в течение многих лет — близкое духовное чадо Батюшки, проживала в Калуге, часто приезжала в Оптину пустынь, потом в Шамордино. Есть страницы, где она упоминает о себе: *«В ту зиму жили мы еще в Дворянском Собрании, имели казенную квартиру»*. Из повествования следует, что ее муж служащий, умер после болезни. Прослеживается судьба дочери и крестницы Марии — все трое по благословению старца Амвросия приняли постриг и стали насельницами Шамординнской обители.

Эта семья была тесно связана со старцем, они прибегали к его помощи. Автор детально описывает несколько случаев исцеления дочери болезни глаз, ушей, горла.

«Великий дар исцеления был у Батюшки, но он всегда почти его чем-либо прикрывал», — пишет Ю.И.Г. Мать и дочь приехали в очередной раз в Оптину пустынь ранней весной, разлилась река Жиздра, им пришлось задержаться недели на две. *«(<л. 5 об.>) ...от яркого ли солнца или весеннего ветра, веки ея глаз воспалились да и самыя белки глаз сделались красны, явились светобоязнь. Это у нея было в первый раз в жизни, потому-то я и испугалась. Средств с нами не было никаких, и обратиться к козельскому врачу за рекой не было возможности. Я побежала к Батюшке с вопросом, что делать? Батюшка сделал присерьезное личко и сказал «как жаль, что Пафнутьев колодец сейчас весь залит рекой. (Пафнутьев колодезь в Оптиной находится на берегу Жиздры и заливается всегда весной, когда Жиздра выходит из берегов. По преданию он вырыт Преподобным Пафнутием Боровским Чудотворцем). «Что теперь делать, — сказал Батюшка,- не знаю, ну, да поди, попроси чистую бутылку у моих келейников, почерпни воды из моего колодца, что подле скита и принеси мне». Я почерпнула и принесла, Батюшка перекрестил воду и сказал, мочи глаза, Мать, пройдут. Не только что прошли глаза от компрессов из этой воды, но никогда в последующую ея жизнь воспаления глаз не было у нея».*

«Меня лично Батюшка Амвросий исцелил 4 раза» (очно, заочно, по письму — случаи ею описаны л. 8—12). Но *«об этих исцелениях мне не приходилось тогда говорить, я таила их про себя»*.

«(<л. 9>) ...Но раз, приехав в Оптину, я заболела своей нервной головной болью. Надо сказать, что головными болями я страдала с детства, особенно, они усилились у меня в средних годах. Со страшной болью я пришла в скит и, не попав отдельно к Батюшке, взошла на общее благословение. Став на колени перед Батюшкой, я шепнула ему, что невыносимо болит висок, какой — не сказала. Старец поднял ручку и ударил меня сильно по виску, прямо, где была боль. Я встала совсем здоровой с колен и уехала домой. Прошел месяц, другой, мои головные боли не возвращались. Мне казалось, что я навсегда избавилась от них. На беду пришлось мне писать своей родственнице, шамординской монашенке, прося ее, от моего имени поблагодарить Батюшку за чудесное выздоровление». «(<л. 10>) Головные мои боли тотчас начались опять. Приехав к Батюшке сама, я ему все рассказала. «Зачем? — строго сказал мне старец, — проболталась. За это до самой смерти у тебя будет болеть голова. Не смей никогда отдавать то, что я тебе даю, иначе лишишься моей помощи и благодати». Вот отчего я всегда с тех пор молчала и даже о тех выдающихся случаях, которые Старец являл мне, конечно, не по достоинству моему, а по милости своей или потому, что раз он мне сам сказал: «Не знаю, но что-то я тебя сам люблю». Или от природы награждена я большой памятью и вниманием ко всему окружающему. Батюшка являл мне многое, чтобы после его смерти было открыто и написано».

Вполне возможно, составлять записки о старце она начала еще при жизни Батюшки, а датой окончания следует указать 1905 г. Это можно вычислить путем сопоставления указанных в тексте фактов.

Автором описаны эпизоды, которые условно можно назвать «калужские», т.к. их действие происходит в городе Калуге. В рукописи указано немало действующих лиц калужан, посещавших старца. Описанный эпизод с монашенкой Харитиной многое дает понять о старце.

«(<л. 50—52)> Уезжая раз из Шамордино, когда Старец гостил там, Батюшка, позвав меня к себе, сказал: «У меня есть просьба до тебя, возьми с собой в Калугу одну молоденькую монашенку Харитину, у нея с полгода как болят зубы, а она певчая. Болезнь принимает серьезный оборот, по-моему, ей надо удалить несколько зубов, да и отдохнуть недельки с три. В Калуге сейчас хороший зубной врач, мой духовный сын. Свози ее к нему, да когда привезешь, отзови его в другую комнату, да скажи ему от меня, что у Харитины будет сильный обморок, это у нея от сердца, чтобы он не испугался и не принял это за смерть.

Мы поехали с Харитиной в Калугу, дав ей отдохнуть с дороги, я повезла ее к доктору, который, осмотрев ея рот, нашел, что надо удалить 7 загнивших бабок, иначе у нея дойдет до восполения мозга, что он сейчас выдернит у нея только три,

а через дня три, или четыре еще остальныя. Тут я его отозвала в сторону и передала Батюшкины слова насчет обморока. Он удивленно на меня посмотрел и сказал: «Не знаю, но, кажется, этого бы не должно быть, она довольно бодра». Затем он приступил к операции выдергиванья больших корней бабок. В первый раз мне пришлось видеть такого искусного дантиста. Дергал он легко и, как видно, без малейшей боли, предварительно, должно быть, умертвил нерв. Больная чувствовала себя во все время довольно хорошо и все время оживленно говорила с доктором, когда он кончил, выдернув три зуба и остановив кровь чем-то, он нас отпустил, сказав, чтобы я ее привезла дня через три выдернуть остальныя, и пошел нас провожать. Когда мы, распростившись с ним, пошли. К счастию, он шел за больной, которая, пройдя до половины залы, упала со всего маху на паркет и, если бы он не подскочил, то треснулась бы прямо затылком.

Он ее схватил на руки и отнес к себе на диван. Обморок был так глубок, что никакие предпринимаемые им средства не помогали. Он с ней возился около двух часов и, если бы мы с ним не были предупреждены Старцем о обмороке, страшно бы испугались, так как не было ни малейших признаков жизни. Наконец, она вздохнула, и жизнь стала постепенно являться в ея помертвелых глазах и лице. Когда она немного оправилась, я ее увезла к себе, дорогой она качалась как пьяная, и я ее держала. Привезя домой, положила в постель, она крепко заснула и, проспав часов 5-ть к ряду, проснулась здоровой.

Подобные случаи прозорливости Батюшкиной были ежедневны, и каждый бы мог их испытать на себе, но мы, тогда как ученики при Спасителе, не понимали, не верили и большею частью относились, как к обыкновенным явлениям и только, когда прошло время, и Старца нет в живых, припоминаются эти факты...».

В литературе описана история основания Шамординской обители. Автор рукописи рассказывает об этом со слов монахини м. Марии (Соколовой), которая поведала в подробностях, как ей довелось осматривать имение г. Колыгиных по поручению Батюшки, перед покупкой его м. Амвросией (Ключаревой) для внучек Любы и Веры. Еще ничего не было, существовало только небольшое, небогатое имение под названием Шамордино, которое бывший владелец хотел продать. Старец уже предвидел своим прозорливым оком обитель для бедных, обездоленных, болящих женщин.

«<(л. 2—4)> *Еще у нас в монастыре была одна монашенка, теперь тоже умершая, м. Мария Соколова, или Сокол, как ее звал Батюшка о. Амвросий. Она тоже, столкнувшись со мной, рассказала мне про себя. Я, говорила она, стала давно ездить к Старцу и все его просила, чтобы он меня устроил в каком-нибудь монастыре. Но Батюшка все отмалчивался, да и денег у меня было мало для вклада, всего, кажется, она сказала рублей 1—50, а в монастыри безо вкладу не берут, а Батюшка все то промолчит, а то скажет, погоди, попадешь когда-нибудь. Это, конечно, были те времена, когда о Шамордине и разговору не было. Это именье было г. Колыгиныхъ. Вот раз я приезжаю к Старцу, не успела я еще с дороги отдохнуть, а о занятии со старцем еще и речи не было, только пришла на благословение, а Батюшка мне говорит: « Вот у меня до тебя просьба, я посылаю своего келейника о. Михаила за 12 верст отсюда осмотреть именье для г-жи Ключаревой. Она его покупает с дачами, и тебя прошу, съезди с ним, осмотри всю усадьбу, да главным образом лес по берегу Сирены, гору эту, да спустись к реке, осмотри берег, все обойди, да мне расскажи, что найдешь. Я пришла в ужас от этого поручения. о. Михаил ехал на несколько дней, я же думала, приехав, провести время в утешении, подле старца, заняться с ним. Стала отговариваться, что и понятия о земле, и ни в чем подобном, не имею, а Батюшка все на своем стоит, «поезжай, дурак, да поезжай, осмотри лес, гору и берег по реке и мне расскажи». Заплакала, а делать нечего, ехать надо смотреть для какой-то барыни именье.*

Когда мы приехали с о. Михаилом, и остановиться-то путем негде было, все одни развалюшки соломой крытые. Он поехал, куда-то по дачам, а я пошла, по приказанию Батюшки, осматривать берег. Господи! и забыть не могу, в какую я чащу залезла, тогда и лес был не вычищенный, я вся изодралась, сколько раз падала, плакала, злилась, роптала на Старца, куда, точно на смех послал. Долезла до реки, цепляясь за ветки: но и тут не легче; попала в болото, вся вымокла, еле ноги выволокла оттуда, думала, там останусь. Насилу дождалась о. Михаила и уехала с ним в Оптину. «Ну, что? Встретил меня Старец, осмотрела». «Спаси Господи! Батюшка, вырвалось у меня, уж угостили поездкой, чего там осматривать, лес нечищеный да болото непроходимое, еще развалюшки какие-то». А Батюшка в ответ: «Вот и дурак. Деревья мы с корнем повыдернем, гору всю разроем и будет у нас там все жилое; а по берегу-то капусту насадим, и будет она у нас там в обхвате», и Батюшка руками показал. Кто мог думать, что через несколько лет все исполнится, а когда Община утвердилась, то Старец меня и взял, одну из первых в нее со вкладом 1—50 рублей, что у меня были».

Автор вспоминает о шамординском священнике о. Иоанне.

«<(л. 66 об., 49—50)> *Первый священник в Шамордине был о. Иоанн. Он был вдовый уже не молодой, но бодрый и совсем цветущий здоровьем на вид. Он калужский, и потому я его хорошо знала, равно, и он меня. Гостя в Шамордине, когда Батюшка Амвросий переехал туда успенским постом, я встретила у Батюшки в корпусе о. Иоанна он только вышел от Старца, к которому приходил исповедываться. Увидав меня, он подошел и сел подле меня, лицо его было как-то смущенно. На мой вопрос, что с ним? Он ответил. «Вот тебе и раз! Никак не ожидал, я спросил себе у Старца совета, с некоторых пор у меня при употреблении пищи делается боль под ложечкой, чем ее уничтожить? А Старец мне говорит, «готовься к скорой смерти». Посмотрев на вполне здоровое лицо о.Иоанна, я рассмеялась и сказала, да Батюшка верно с вами пошутил. Но он серьезно мне ответил: «Нет, Старец не шутил». Прошло дня с три я слышу, о. Иоанн собирается ехать в Калугу на совет к докторам. Я пошла его проведать и нашла в нем перемену. Он был очень озабочен своей поездкой в Калугу. Мне же самой представился случай ехать на богомолье в Воронеж и Задонск. Может быть, я пробыла в отсутствии с месяц, а когда я вернулась в Шамордино, о. Иоанна не было уже более на свете. Вернувшись из Калуги, он лег в Оптинскую больницу, где вскоре скончался от рака в желудке. Тело его перевезено и положено въ Шамордине».*

Интересен рассказ из рукописи, записанный Автором со слов другой шамординской монахини м. Евмении. Случилось это вскоре после кончины старца Макария, многие его духовные чада перешли под руководство старца Амвросия. Как это произошло, свое душевное состояние после первой исповеди у нового духовника, впечатление о нем, его внешности, личности — об этом рассказ м. Евмении.

«(<л. 57—58>) *У нас в Шамордине не очень давно скончалась монахиня всеми уважаемая Матушка Евмения. Она была из дворян, не знаю, какой губернии. Начало полагала и жила, довольно долго, в Белевском монастыре, а когда устроилась обитель в Шамордине, то, по благословению Батюшки Амвросия, перешла сюда. Я ее часто видала в Оптиной у Старца и, зная, какая она преданная Старцу, беседовала с нею. Вот раз, она и говорит мне: «Знаете ли, как я попала к Батюшке Амвросию, ведь я была Старца Батюшки Макария духовная дочь. Бывши еще мирской, часто езжала в Оптин к нему, и он мне благословлял поступать в Белевский монастырь; но по семейным обстоятельствам, я не могла еще тогда это исполнить. Вдруг приходит известие о кончине Старца Макаия. Не могу выразить и теперь своей скорби. Это известие убило меня совсем. Батюшку уже схоронили, когда я прибыла в Оптину, чтобы на могиле его выплакать все свое горе. В Оптиной я никого больше не знала и ни к кому не обращалась кроме своего Старца. Батюшку О. Амвросия я вскользь видала, когда, бывало, он проходил из Скита в монастырь по поручению Батюшки Макария. Он мне казался совсем молодым, да еще красивой наружности иеромонахом. Тут же прослышу, что батюшка Амвросий заступил место по старчеству О. Макария и множество народа идет к нему. Полное негодование и какая-то ревность, ни то обида наполнила мое сердце. Вот нашли! К кому обращаться, говорила я себе, красивый, молодой иеромонах. Прошло несколько дней моего пребывания в Оптиной, потянуло меня пройтись по излюбленной дорожке в скит и к Святым воротам, из которых покойный Батюшка Макарий выходил к народу. (Старец Макарий не принимал к себе в кельи, он был крепче здоровьем и выходил к народу наружу, а затем ходил заниматься по гостиницам. Это уже по болезненному состоянию Батюшки Амвросия пристроена к хибарке изнутри скита приемная для мужчин и снаружи для женщин). Вот, продолжает говорить мать Евменія, иду я одна*

по скитской дорожке, полная скорбных дум и негодования на молодого красивого иеромонаха Амвросия, как встречаю целое шествие, во главе идет в мантии иеромонах, а за ним целая толпа народу. Я догадалась, кто это и нарочно отошла в сторону, чтобы не быть вынужденной подойти под благословение, думала, пройдут и меня не заметят. Поравнявшись со мной, вдруг Старец отделился от народа и, быстро подойдя и заглянув мне в лицо, большим крестом благословил меня. Я взглянула на него, оба глаза Батюшки были перекошены и так приведены к носу, что таких косых я еще не видывала, лице немолодое, скорее старое. Благословив меня, он пошел своей дорогой. Вероятно, Батюшка Амвросий был служащий и шел в монастырь к вечерне. Я долго стояла, как вкопанная. Затем на другой день решилась пойти в скит попроситься исповедоваться у Батюшки Амвросия, захотелось причаститься Святых Христовых Таин. Теперь уже я не боялась, что Батюшка молод и красив. Но, когда Батюшка меня взял на исповедь, я увидала, что ни косины, ни старости у Батюшки нет, а его удивительная прозорливость в моем устроении душевном привлекла меня к нему. Стоило только мне попасть к Батюшке Амвросию, как я отдалась ему также всей душой, как и старцу Макарию. Вскоре поступила в Белевский монастырь, а затем в Шамордино. Эта сестра несколько лет была молчальницей, так что думали, она онемела и только перед смертию опять стала говорить, вероятно, это по обету было. Она была схимница».

В воспоминаниях м. Евмении мы видим мудрого и любвеобильного пастыря, которому понятно душевное устроение каждого приходящего к нему, он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях.

Автор наблюдает и описывает приходящих к старцу людей, процесс взаимного общения, их разговоры. Одно из дарований старца исцеление бесноватых. Этих случаев описано много.

«(<л. 31—32>) *Разныя бывали посетители у Батюшки Амвросия, кого, кого и с чем только не являлись к нему, и всех, родной, принимал по-разному, каждому давал, что тот от него желал получить. Желавших духовного разума, Батюшка охотно подавал его, обильно ссылаясь на творения Свят. Отцев; но каждому советовал только то прочесть, что ему пригодно в таком или другом случае, судя по вопросу. Желавших с верою получить какой-нибудь совет по мирским делам, Батюшка давал его охотно, и хорошо бывало тем, кто исполнял совет. А спрашивающих и неисполняющих, Господь карал за непослушание Старцу.*

Принимал Святой Старец и тех, которые ехали к нему из любопытства, прослышав о нем. Так, у нас был один интеллигентный Господин, который наслышавшись о Старце, от своей дочери, которая, между прочим, была очень верующая девушка и желала привлечь своего отца; поехал с ней в Оптину и был у Батюшки. Батюшка его принял, усадил рядом и беседовал с ним довольно долго. На вопрос дочери, какое впечатление произвел Старец, Барин ответил: «О! это очень умный вполне светский Господин».

Вторая часть рукописи «Собрание изречений Святейшего Старца Батюшки нашего Амвросия» написана другим автором с большой любовью к старцу. Видимо, также находившемуся в его близком окружении, возможно, одна из его послушниц. Хорошо знает быт, детали, происходящие события. Это собрание маленьких шамординских зарисовок, случившихся в бытность старца Амвросия. Они, как притчи, имеют начало, конец и свою мораль.

Если рукописи Ю.И.Г. написан литературным языком с некоторыми стилистическими особенностями своего времени, то язык «Собрания изречений...» отличается. Он особенный, самобытный, колоритный, иногда, кажется, что слышится «живой звук его голоса». Из этих маленьких историй глубокие выводы делает автор изречений.

«(<л. 78>) *...Премудрость твоей деятельности и попечение, и охранение душ человеческих, кто может понять вполне! кажется, ни обрящется таковых?*

Но мы хоть от части начнем говорить по возможности сил и благодарности нашему Старцу и Руководителю; который не презирал ни грязных, ни смрадных и убогих душами и телесами, все у Его объятиях перебыли; А число только у Господа записано».

Эти слова можно назвать эпиграфом к последующим записям второй тетради. Его изречения, поучения, наставления, проповеди, письма — все это духовное богатство, завещанное нам преподобным Амвросием Оптинским.

«(<л. 75>) *И еще удивлению достойно, но можно сказать тысячи народу у батюшки перебывали, и никто ни похвалился, чтобы кто без страху к Батюшке приходил или без трепету радостнова от Батюшки уходил, все с разными своими безобразными делами и безобразными желаниями, все и ехали и шли для получения освобождения своих бед.*

Однажды у Батюшки было на благословении несколько особ духовных; и Батюшка соизволил сказать: Лучше предвидеть и молчать, чем говорить, а потом раскаиваться:

1-я степень для спасения, сказано у Св. Іоанна Златоуста: Первое, не грешить. 2-е согрешивши — каяться. 3-е Кто плохо кается, тому терпеть находящия скорби».

Немало еще душеполезного можно извлечь из найденных записок. Стихотворение «Хибарка», подписанное инициалами Е.Ш., небольшое, но емкое и глубокое.

«Пишу не вымысел и не стихи, а то, что было.
В бору сосновом, вековом, в Оптиной
Пустыни, отдаленной от суеты
И треволнений городских, близ Обители священной
(хранилища преданий вековых), в
Скиту уединенном — хибарка бедная стояла.
А в ней всегда народ: из дальних стран,
Из ближних мест, со всех концов России».

«Последним подвигом любви старца Амвросия» очень верно назвал протоиерей Сергей Четвериков основание Шамординской обители и постоянную заботу о ней любвеобильного старца.

Сделан краткий обзор исторического документа, но рукопись надо читать полностью и только тогда можно понять ее истинную значимость. Духовное наследие Оптиной пустыни неиссякаемо и введение в научный оборот нового документа процесс важный.

ИСТОЧНИКИ

ГРБ НИОР (Ф. 213, К. 49, ед. хр. 3).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ХРАМА ВО ИМЯ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В Г. КАЛУГЕ

Е.В.Метальникова, *краевед, член совета КРО РГО,*
член комиссии Калужской епархии по изучению истории церкви и канонизации.

В той части города Калуги, которая когда-то называлась Ямской слободой, вознеся к небу храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 2012 году храму исполнилось 250 лет. За эти годы произошло многое. Основные этапы истории этого любимого калужанами храма во многом сходны с тем, что пришлось пережить православным приходам России. Было время процветания, совместной заботы причта и православных мирян о приходском храме, участия прихожан в сборе пожертвований для благоукрашения храма внутри и снаружи. Но эти светлые страницы сменились жестокими событиями 1917 года, гражданской войны, гонениями богоборческой власти, разрушением создававшегося веками.

В дореволюционных и современных источниках история Успенского храма в основном представлена материалами об архитектурных особенностях, внутреннем убранстве его, святынях, которые почитались и издавна находились в этом Доме Божьем. Не было предпринято попыток показать в хронологической последовательности, когда и как внешне менялся общий вид здания, увеличивалась общая площадь храма, возводились различные пристройки.

Напомним, что в 1762 году был освящен новый каменный храм. До него существовал деревянный храм. Упоминание о храме Успения Пресвятой Богородицы в Ямской слободе встречается в «Калужской десятине», где содержатся сведения о церквях и пустовых церковных землях с 1669 по 1746 годы: *«Успение Пресвятой Богородицы в Ямской слободе дани пошлин руб. 18 алт.; 188 г. — руб. 5 алт.; 1746 г. — руб. 55 коп.*

1723 г. февр. 11 дана новоявленная память Ивану Герасимову сыну попову к ц-ви Успения Пр. Б. в другие дьячки, пошлин 6 алт. 4 д.

1728 г. февр. 14 дана осмая, в 1731 г. мая 31 девятая, в 1733 г. июня 1 десятая патрахельныя памяти ц-ви Успения Пр. Бог. Вдовому попу Герасиму Ануфріеву (в первом и последнем на 3 года, а во втором на 2 года), а что он поп служил без патрахельной в 727 г. и за тот год взяты вместо штрафу пошлины по 5 алт. на год». (1) Таким образом, первое упоминание в «Калужской десятине» об Успенском храме в Ямской слободе относится именно к 1680 году.

Помимо этого свидетельства о существовании храма Успения Пресвятой Богородицы в Ямской слободе, есть и другие данные, подтверждающие то, что деревянный храм служил долгие годы, а лишь позже был построен каменный. По церковной летописи г. Калуги по описи 1626 г. Успенская церковь не упоминается. По более поздней описи 1685 года в городской черте значатся 4 каменные церкви, остальные деревянные. В числе деревянных упоминается Успенская в Ямской слободе.

В «Сведениях о названиях, времени построения или возобновления следующих приходских городских и сельских церквей» указывается, что новая Успенская церковь в городе Калуге была построена в 1760 году. Эта дата может быть принята, так как все прочие источники указывают на освящение храма в 1762 голу. Подобная картина не единична и не исключение в истории храмов Калужской епархии: когда строительные работы по возведению здания заканчивались, но продолжалась внутренняя отделка и подготовка к освящению храма.

4 мая (по старому стилю) 1762 года был освящен новый каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы в Ямской слободе города Калуги. Эта дата указывается в клировых ведомостях этой церкви: *«Настоящая освящена в 1762 году мая 4 дня. Придельная о двух престолах. Перестроена в 1834 году. Правый придел освящен в 1836 году. Левый придел освящен в 1844 году. Здание каменное, с такой же папертью и колокольней. Настоящая холодная, придельные теплые»* (2)

Эту же дату приводит в своих работах известный калужский краевед Малинин, который имел возможность пользоваться большим количеством документов, так как в то время они были в наличии, но не дошли до наших дней, были утрачены. Д.И.Малинин пишет: *«С 1754 года начата строением каменная и, как видно из надписи на горнем месте главного престола, освящена 4 мая 1762 г. Приделы во имя Николая Чудотворца и пр. Аввакума перестроены — первый в 1836 г., а второй — в 1844 г. (по сообщению о. Беляева, оба в1834 г.). Колокольня в 3 яруса надстроена в 1799 г.»* (3).

У этого исследователя калужской старины можно найти подробное описание Успенского храма: *«Храм пятиглавый, 4 главы на углах церкви, на трех сторонах верхи выдались полукругом, наподобие закомар; в каждом полукружии изображена храмовая икона — (Успения, св. Николая и пр. Аввакума). Главы луковичнообразные; пятая глава более других и посажена на двойной трибуне, которая внизу имеет вид восьмигранника с ликом святого на каждой грани, а потом после покрытия круглым «обломом» становится круглым с желобками и перехватом перед главой. Колокольня скомпонована четырехугольной, с преобладанием угловатых и четырехугольных форм во всем корпусе, так что обработка ее кажется вычурной. На втором ярусе с каждой стороны поставлено по портику, сильно выдававшемуся вперед, а в образовавшихся от этого глубоких углах поставлено по тосканской колонне. В третьем ярусе четырехугольные колонны (пилястры), но уже без фронтонов; они искусно связаны вырезом кровли, украшенным зубчиками; на углах колонн не поставлено, но симметрия достигнута рядом продольных складок».*

Сведения об истории этого храма можно почерпнуть не только у известных калужских краеведов и в ГАКО, но и архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Изучение всех этих материалов позволяет раскрыть многие страницы истории Успенского храма, которые были преданы забвению. Правда, дать ответы на все вопросы не представляется возможным. К числу таких загадок можно отнести степень участия благотворителей в возведении каменного храма. Относительно того, были ли жертвователи при закладке и строительстве храма, существуют различные версии. В документах за разные годы можно найти следующие сведения: *«Построена церковь... чьим тщанием неизвестно»* (1884 г.) (4), *«Церковь устроена на средства прихожан, благотворителей»* (1909 г.) (5), *«Церковь устроена в 1762 году на средства прихожан-благотворителей»* (1907) (6)

От того, что нет точных данных об участии благочестивых жертвователей в возведении каменного Успенского храма г. Калуги в 1762 году, значимость самого факта освящения нового храма нельзя переоценить. В калужском благочинии появился еще один прекрасный храм, ставший святыней в первую очередь для клира и православных мирян этого прихода. Каменный храм был воздвигнут вместо уже упоминавшегося деревянного, ветхого и отслужившего свой срок. Красота каменного строения, отличавшегося своеобразием архитектуры, пришла на смену устаревшего во всех отношениях зданию.

Как уже отмечалось, к храму были пристроены теплые приделы. Один освящен в 1836 году, другой в 1844 году. Правый придел был освящен во имя Николая Чудотворца, левый — во имя Пророка Аввакума.

По поводу пристройки левого придела в ГАКО сохранилось «Дело об утверждении плана на придел при церкви Успения», начатое 1 декабря 1832 года и оконченное 25 августа 1835 года. В деле содержится переписка Калужской Духовной Консистории с Калужским Губернским Правлением, Калужским Губернским Землемером. Левый придел возводился по желанию причта и прихожан Успенского храма. На первых порах все шло хорошо, для сбора средств было принято решение «выдать им на 1 год для сбора добровольного подаяния книгу», куда вносились сведения о сумме пожертвований и вкладчиках. Начался сбор средств на устройство придела во имя пр. Аввакума.

Возник вопрос о том, «на своем ли месте по Генеральному г. Калуги плану стоит означенная Успенская церковь, и не предполагается ли перенести ее на другое место по отдаленности от нее прихода» (7). Объясняется это тем, что часть прихода храма

в честь Успения Божией Матери находилась в районе Загородного сада. Калужским Губернским Правлением было приказано: «Губернскому архитектору предписать дабы он учинил по генеральному на г. Калугу плану выправку, на своем ли месте находится церковь Успенская и нет назначения к переноске на другое какое-либо место, и что окажется правлению при сем донести» (8).

Губернский землемер Мартынов, основываясь на изучение плана г. Калуги, утвержденного генерал-губернатором, генерал-поручиком Михайлою Никитичем Кречетниковым, сообщил в Калужское Губернское Правление, что никаких нарушений не допущено. Но тем не менее была назначена еще одна проверка, *«чтобы противу настоящего требования Духовной Консистории немедленно сделать верную справку с планом и об оказавшемся донести Правлению»*. Новая подробная справка подтвердила, что никаких нарушений не допущено, и строительство левого придела Успенского храма может быть разрешено на вполне законном основании.

Целый год потребовался и на получение разрешения на возведение еще одной пристройки к Успенскому храму. В РГИА Санкт-Петербурга сохранилось «Дело по отношению Обер-Прокурора Св. Синода с проектом на пристройку к Успенской церкви каменного здания иждивением церковного старосты надворного советника Хаменкова для помещения кладовой, сторожки и места для продажи свечей в г. Калуге» (9). Дело рассматривалось в Департаменте Искусственных Дел Главного Управления Путей Сообщения и Публичных зданий. 17 листов этого дела, начатого 18 сентября 1853 г. и оконченного 22 сентября 1854 г., позволяют выяснить все сложности получения разрешения на строительство пристройки к Успенскому храму.

Препятствием для получения немедленного разрешения послужило сомнение чиновников в том, что пристройка может быть использована не для церковных нужд, а для сдачи в аренду. По этой причине разрешения пришлось ждать в течение года несмотря на то, что средства на возведение пристройки в сумме 4000 рублей серебром полностью предоставлялись церковным старостой надворным советником Хаменковым. После дополнительной переписки и выяснения того, что *«помянутая пристройка комнаты предполагается не для отдачи в наем под торговлю свечами, но только в виде кладовой для хранения свечей церкви принадлежащих, и для выдачи оных прихожанам по требованию их в незначительном количестве, иногда в ночное время по поводу христианских треб, в домах случающихся»* (10).

В итоге из Санкт-Петербурга в Калугу было направлено разрешение на пристройку. Адресовалось это послание Его Превосходительству П.А.Булгакову:

«Милостивый Государь Петр Алексеевич!

В последствие отношения Вашего Превосходительства от 10 сего сентября № 2877, имею честь уведомить, что назначенная по рассмотренному Департаментом Проектов и Смет и у сего возвращаемому проекту пристройка к Успенской церкви в г. Калуге, для помещения сторожки, предложена не для отдачи в наем под торговлю свечами, но только в виде кладовой для хранения свечей, церкви принадлежащих, и для выдачи оных прихожанам по требованию их в незначительном количестве, и что по сему пристройка эта должна быть допущена согласно утвержденному проекту...»... (11).

Так от бюрократических переговоров можно было перейти к строительным работам, которые были необходимы для реализации проекта.

В 1894 году к паперти Успенского храма было пристроено каменное помещение для церковно-приходской школы. Размер этой пристройки был 12 на 9,5 аршин. В местной православной периодической печати по этому поводу появилось сообщение: *«В отчетном году в Калужской губернии выстроено 3 здания для Успенской, Спасо-Заверхой г. Калуги и Каменской школ. Успенская школа помещается теперь в обширной пристройке к паперти церкви Успения Пресвятой Богородицы... Израсходовано на постройку школы около 700 рублей, из них 100 пожертвованы церковно-приходским Братством, 350 рублей пожертвованы бывшим Успенским старостой... Израсходовано на постройку школы около 700 рублей, из них 100 пожертвованы церковно-приходским Братством, 350 рублей пожертвовал бывший Успенский староста Н.С.Попов, остальные расходы покрыты из церковных сумм»* (12).

Не только условия обучения детей в церковно-приходской школе были постоянной заботой батюшек и старост Успенского храма. Традицией этой школы было высокое качество обучения. В отчетах о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты отмечалось: *«Лучшей в 1889—1890 уч. г. признаются по Калужскому уезду Крестовская, Успенская, Николо-Казинская...»* (13), *«Наиболее замечательной в учебно-воспитательном отношении должны быть признаны нижеследующие школы: Успенская, Рождественская и Крестовская в Калуге»* (14) и пр. Как видно из приведенных цитат, эта школа традиционно признавалась по успешности обучения детей одной из лучших. Такой же высокой оценки была удостоена школа Успенского храма в конце XIX века при проведении ревизии церковных школ г. Калуги (15).

Неоднократно в Успенской церкви проходили ремонты, поддерживающие ее красоту и благолепие. Помимо этого много внимания уделялось благоукрашению храма — в том числе устройству иконостасов и киотов. В 1876 году была *«объявлена благодарность Епархиального начальства калужскому мещанину Ивану Михайловичу Попову за вполне удовлетворительное исполнение работ по устройству иконостасов в Успенской г. Калуги церкви»* (16).

Было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства *«церковному старосте Успенской г. Калуги церкви Михаилу Лебедеву за пожертвование им в свою приходскую церковь 510 р. 80 к. на украшение иконы Святителя и Чудотворца Николая, с выдачей установленного свидетельства»* (17). В 1898 году было *«объявлено одобрение Епархиального начальства прихожанину калужской Успенской церкви церкви Николаю Попову за пожертвование им в свою приходскую церковь 100 рублей на устройство на Корсунскую икону Божьей Матери среброзлащеной ризы»* (18).

Над украшением Успенского храма трудился известный в Калуге серебряных дел мастер Иван Афанасьевич Яковлев, который неоднократно получал благодарность епархиального начальства *«за добросовестное и исправное проведение работ в церквах г. Калуги: Пятницкой, Успенской, Знаменской»* (19).

В 1888 году тщанием церковного старосты купца Ивана Попова в Успенском храме был установлен стеклянный щит во внутренней арке, *«с употреблением на это из собственных средств 300 рублей»* (20).

Так из года в год храм становился красивее, что показывало внимательное отношение причта и прихожан к своей святыне, постоянное их деятельное участие в том, чтобы храм был истинным Домом Божьим. Как известно, чудотворных икон в Успенском храме не было. Но прихожане почитали из икон, находившихся в Успенском храме, в первую очередь — икону «св. пр. Аввакума, на которой повешен привесок в виде сердца с надписью: *«Сие сердце принесено в дар за исцеление; к этой иконе прибегают многие из простого народа летом с младенцами и молятся об исцелении от «младенческой болезни»; икону Корсунской Божьей Матери»* (21). Об этом пишет и уже упоминавшийся калужский краевед Д.И.Малинин, делающий следующий вывод о внутреннем убранстве Успенского храма: *«Исторических достопримечательностей в храме нет; внутри он благолепен, расписан хорошей живописью и имеет богатые иконостасы»*(22).

В 1891 году в «Журнале обозрения Его Преосвященством, Преосвященнейшим Епископом Виталием церквей г. Калуги» Успенский храм был оценен следующим образом: *«Храм по приходу — обоего пола 1200 душ; утварью и ризнецею достаточен. Позолота на иконостасах новая; полы во всей церкви паркетные...»* (23). В 1899 году в рапорте Благочинного церквей г. Калуги священника Иоанна Протопопова о состоянии его благочиния в 1898 году отмечается Успенский храм в числе других, отличающихся особенным благолепием (24), благодаря заботе причта и прихожан.

При проведении ремонта и расширении площадей церковного здания количество приделов не изменялось. В «Памятной книге» за 1916 год (25) в разделе «Престольные праздники церквей г. Калуги» значатся следующие сведения об Успенском храме:

Обозначения престольных праздников	*Время празднования*
Успения Пресвятой Богородицы	15 августа
Святителя и Чудотворца Николая	9 мая и 6 декабря
Святого Пророка Аввакума	2 декабря

В разные годы приход Успенского храма менялся, но незначительно. Помимо территории непосредственно около храма, где было под церковным и причтовыми домами 2 десятины 21 квадратных саженей земли, Успенской церкви издавна принадлежал земельный участок в другом районе г. Калуги. Это уже упоминавшаяся часть прихода Успенского храма в районе Загородного сада. В документах 1907 года об этом есть следующая запись: «*...Вдали от церкви площадка городской земли (на городском плане квартал под № 124) под названием Успенского Погоста — считается собственностью Успенской церкви. Мерою 1,25 десятины; плана на оную землю нет. На этом участке 6 усадеб отдано в аренду частным лицам под постройку домов.., сроком на 12 лет*» (26).

В 1890 году указом Св. Синода от 24 аапреля 1890 г. за № 1604 было утверждено расписание приходов в г. Калуге. По этому расписанию были приписаны к названному храму следующие улицы (27):

№	*Название улиц*	*Число домов*	*Число людей*		
			Муж.	*Жен.*	*Обоего пола*
1	Мясницкая (на севере)	2	5	5	10
2	Дворянская (на северо-западе)	33	68	85	153
3	Серебряковская (на севере)	6	19	16	35
4	Зеленая (на севере)	12	19	28	47
5	Хроповская (на северо-западе)	17	43	47	90
6	Аптекарская (на северо-западе)	18	39	53	92
7	Сенная площадь (на северо-западе)	18	32	40	72
8	Дриселенская (на западе)	24	52	61	113
9	Острожек (на западе)	36	88	114	202
10	Чиличеевская (на западе)	38	77	91	168
11	Улица близ Загородного сада	38	93	79	172
12	Вепрынцовская	19	29	47	76
	Итого	**261**	**564**	**666**	**1230**

По принадлежности к разным сословиям в приходе Успенской церкви в начале XX века значилось (28):

	Домов	*Мужского пола*	*Женского пола*
Духовного ведомства	3	12	18
Военного ведомства		82	89
Гражданского ведомства		78	100
Купцов, мещан, цеховых и прочих городских обывателей		450	519
Крестьян		82	74
Проживали в	268		
Итого:	**271**	**704**	**800**

Кроме того:

Католиков		2	2
Раскольников	3	6	10
Всего:	**274**	**712**	**812**

Именно в приходе Успенского храма, на территории близ Загородного сада находился приют для глухонемых, открытый в 1902 году и празднично отметивший свое десятилетие в 1912 году. Торжество проходило «11 марта, в воскресенье, в 2 часа дня» (29). Приют для глухонемых находился под покровительством Калужского Отдела Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны. Законоучителями приюта были священники Успенского храма. Молебны в праздничные дни совершал течение 10 лет причт Успенского храма.

В начале 90-х годов XIX века в Успенском храме находилась библиотека Благочиния, но в 1892 году священник Иоанн Виноградов, который исполнял обязанности заведующего этой библиотекой, подал прошение об освобождении его от этой должности и переводе библиотеки в Благовещенский храм, что и было сделано (30). В 1894 году в Успенском храме существовало отделение для продажи книг религиозно-нравственного и православно-полемического характера. Для этой цели не пристраивались новые помещения, а использовались уже имеющиеся. (31).

Следует добавить, что в 1892 году предлагалось в каменной пристройке к колокольне разместить церковно — приходскую школу. Как указывалось в одном из журналов заседаний Калужской Духовной Консистории, эта пристройка «не имеет никакого назначения». (32), но открыть в ней школу не разрешили — «без сортира неблагоприлично». Поэтому в 1894 году церковно — приходская школа, как указывалось выше, была определена в новую, которая соответствовала всем требованиям. А помещения, которые не подходили для школы, использовались для нужд библиотеки Благочиния и книжной торговли. На основании приведенных документов можно сделать вывод, что со времени возведения последней пристройки в 1894 году до закрытия храма в 1937 году, площадь и внешний вид здания не менялись.

Как отмечалось, до 1917 года Успенский храм отличался благолепием даже на фоне ухоженных других храмов г. Калуги, но приход к власти атеистов и безбожников перевернул эти светлые страницы истории храма и прихода. Настали тяжелые времена, пришло время страшных испытаний, проверки силы веры и преданности Русской Православной Церкви. Если даты закрытия некоторых калужских храмов определить не удается или есть сомнения по поводу правильности имеющихся сведений, то с Божьей Помощью можно с уверенностью говорить о последних днях Успенской церкви перед запрещением проведения в ней церковных служб в 1937 году.

В ГАКО сохранилась «Книга записей прихода и расхода денежных сумм по Успенской церкви г. Калуги». Этот прошнурованный и пронумерованный журнал содержит учет приобретения для храмовых нужд церковного вина-кагора, свечей, лампадного масла, зубного порошка для чистки подсвечников и кадил; выплат причту, певчим, просфорне.

В этом же журнале последние записи по расходованию средств относятся к 4, 18, 24 июля 1937 года (33):

4 —	Уплачено Павловой за просфоры	—	10 рублей 80
	Гречанинову за 1-ю половину июля	—	30 рублей
			40 рублей 80 копеек
18 —	Уплачено Павловой за 45 просфор	—	5 рублей 40 копеек
	Уплачено за 0,5 бут. Кагору	—	7 рублей 30 копеек
	Прот. А. Рудомино за 1-ю полов. Июля	—	30 рублей
	Псаломщику с 10.07 по 17.07	—	14 рублей
			56 рублей 70 копеек
24 —	Уплачено Павловой за просф.	—	4 рубля 80 коп
	Прот. Гречанинову за 2-ю п. VII	—	30
			34 рубля 80 копеек

По последнему поступлению средств сделаны следующие последние по срокам записи (34):

21 ср. —	Свечных	11	50
	Тарелочных	1	11
	Просф.	4	50
23 пятн.	Свечных	1	
	Просфорн.		30
24 суб.	Кружечных	1	90
	Свечных 7 р. И общ. 5 к.	7	5 к.
	Просфорных	1	80 к.
	Тарелоч.		38

Таким образом, указаны точные сроки последних дней проведения церковных служб и движения средств в храме во имя Успения Божьей Матери. Эта мрачная и одновременно печальная для священнослужителей и православных мирян дата на долгие годы прекратила богоугодное процветание Успенского храма и его прихода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы для истории церквей Калужской епархии. Калужской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли. Выпуск второй. М., типография И.Я.Полякова, 1903. С. 22.
2. ГАКО, ф. 33, оп. 3, ед. хр. 1434, л. 127.
3. Д.И.Малинин. Опыт исторического путеводителя. Калуга, Золотая аллея, 1992. С. 115.
4. ГАКО, ф. 33, оп. 3, ед. хр. 1434, л. 127.
5. ГАКО, ф. 33, оп. 2, ед. хр. 1800, л. 331.
6. ГАКО, ф. 33, оп. 2, ед. хр. 1685, л. 323.
7. ГАКО, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 2825, л. 1.
8. Там же, л. 2.
9. РГИА СПб, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 594, л. 1.
10. Там же, л. 11.
11. Там же, л. 16 об.
12. КЕВ, 1894, № 4, ч. н., с. 137.
13. КЕВ, 1891, № 2, ч. о., с. 86.
14. П к ЕВ, 1893, № 9, с. 308.
15. КЕВ, 1899, № 9, ч. н., с. 238.
16. КЕВ, 1876, № 11, ч. о., с. 105.
17. КЕВ, 1896, № 4, ч. о., с. 54.
18. КЕВ, 1898, № 23, ч. о., с. 16.
19. КЕВ, 1878, № 23, ч. о., с. 250.
20. КЕВ, 1888, № 21, ч. о., с. 54.
21. Д.И.Малинин. Опыт исторического путеводителя. Калуга, Золотая аллея, 1992. С. 116.
22. Там же, стр. 116.
23. КЕВ, 1894, № 3, ч. о., с. 45.
24. КЕВ, 1899, № 16, ч. о., с. 216.
25. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии за 1916 г. Приложение, стр. XXVII.
26. ГАКО, ф. 33, оп. 2, ед. хр. 1685, л. 323.
27. КЕВ, 1890, № 11, ч. о., стр. 122.
28. ГАКО, ф. 33, оп. 2, ед. хр. 1685, л. 332 об.
29. КЦОВ, 1912, № 10–11, стр. 11.
30. ГАКО, ф. 33, 3, ед. хр. 1851, л. 2479 об.
31. КЕВ, 1894, № 23, ч. о., с. 411.
32. ГАКО, ф. 33, оп. 3, ед. хр. 1851, л. 2780.
33. ГАКО, ф. 277, оп. 1, ед. хр. 100, л. 39.
34. Там же, л. 31 об.

ЧАСЫ-КАРТИНА «ОБЕЗЬЯНИЙ ОРКЕСТР» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е.Н.Павлишак, *зав. отделом,*
Калужский областной краеведческий музей.

В коллекции Калужского областного краеведческого музея имеется уникальный экспонат. Это часы-картина «Обезьяний оркестр». Уже много лет он является некой визитной карточкой музея. К сожалению, какой-либо подробной информацией об этом предмете музей до последнего времени не располагал.

При первом взгляде на часы создается впечатление, что это картина в позолоченной раме, на переднем плане которой забавные обезьянки с музыкальными инструментами в интерьере жилого помещения. Циферблат помещен на заднем плане и занимает слишком мало места, поэтому он совсем не бросается в глаза. Эти часы с музыкальным механизмом. Когда его включаешь, музыканты оживают, они играют на своих инструментах и все это в музыкальном сопровождении *(рис. 1)*.

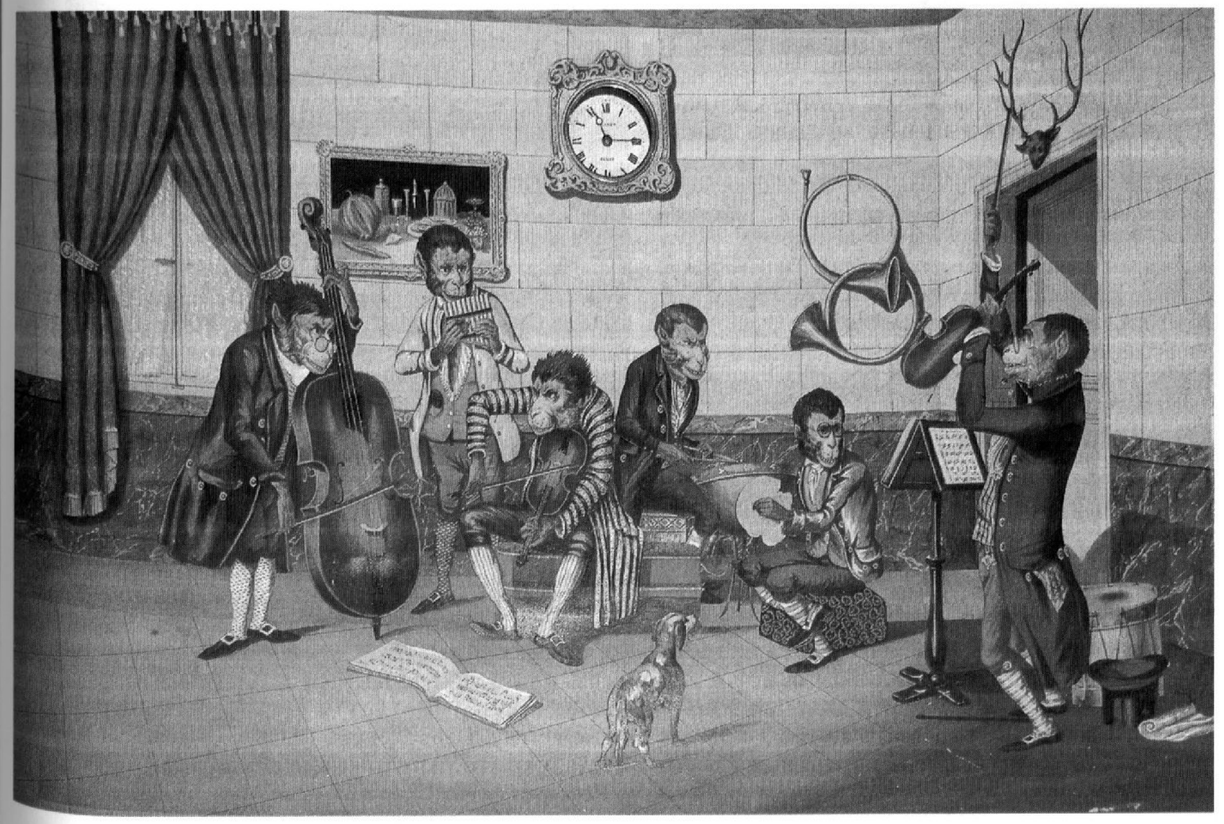


Рис. 1.

Известно, что часы изготовлены во Франции, в Париже, предположительно во второй половине XIX в. в мастерской Tharin *(рис. 2)*. На этом, долгое время сведения об этих часах обрывались.

В результате проведенного несколько лет назад ремонта часового механизма, появились новые данные об этих часах.

Во-первых, была обнаружена инструкция к музыкальному механизму из которой следовало, что часы могли быть с одной или двумя мелодиями *(рис. 3)*.

Во-вторых, были обнаружены некоторые надписи, скрытые до этого рамой. Это дало возможность приступить к более детальному исследованию этих часов. Удалось выяснить, что фирма Tharin была зарегистрирована в Париже на Храмовой улице, 63, как производители музыкальных автоматов (Tharin Edit. Rue du Temple, 63. Paris) *(рис. 4)*. Именно благодаря этим самым автоматам, фигурки обезьянок и приводятся в движение. Причем, удалось разыскать несколько подобных часов в различных музеях и частных коллекциях. К сожалению, почти все они находятся за границей.

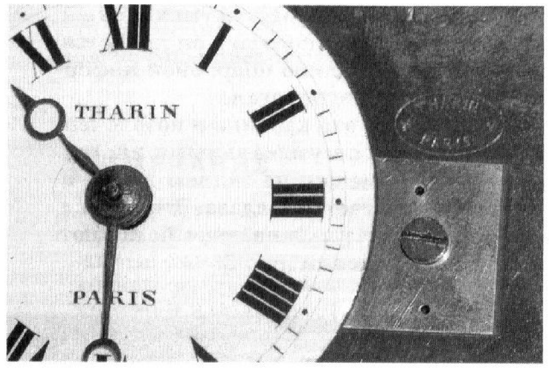


Рис. 2.

Рис. 4.

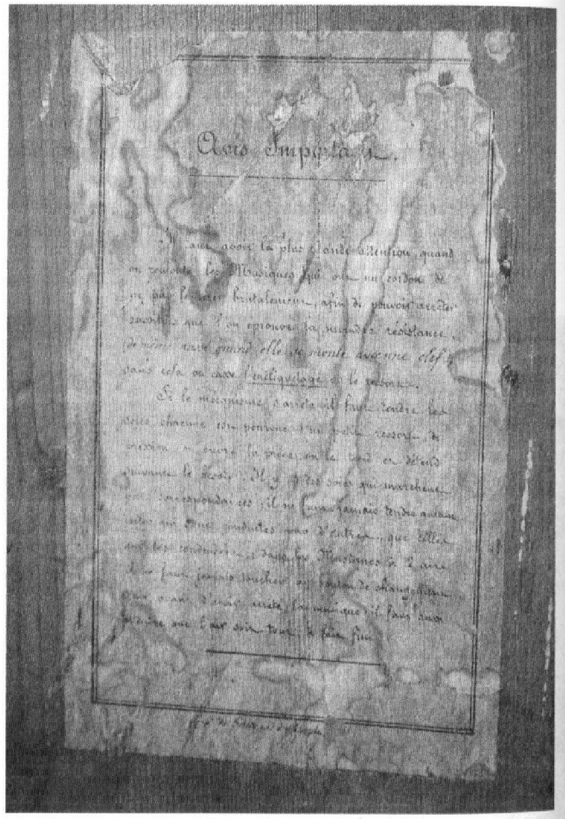


Рис. 3.

В-третьих, возник вполне закономерный вопрос, кто же нарисовал этих потрясающих обезьянок? Чтобы ответить на него надо, еще раз внимательно рассмотреть картину *(рис. 1)*. При детальном осмотре замечаешь надписи, сделанные авторами. Эти надписи и дали толчок к дальнейшему исследованию.

Обе надписи располагаются в правом нижнем углу. Первая чуть ближе к центру (рис. 5): Rasinet. Первая возникшая версия, была, что это пародия на известного итальянского композитора Джоаккино Антонио Рассини, ведь именно это произведение играет обезьяний оркестр, судя по раскрытым нотам: Le barbier de Séville *(рис. 6)*. Но эта версия оказалась ошибочной. Фамилия Россини пишется *Rossini*, а не *Rasinet*.

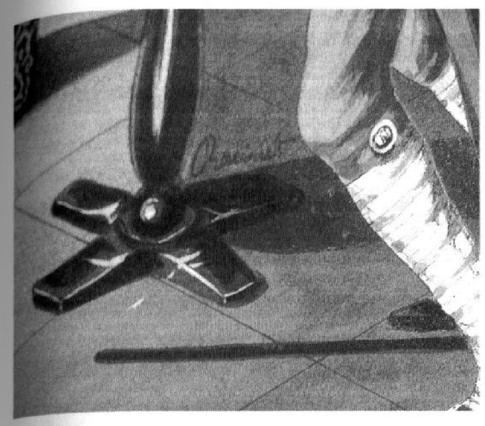


Рис. 5.

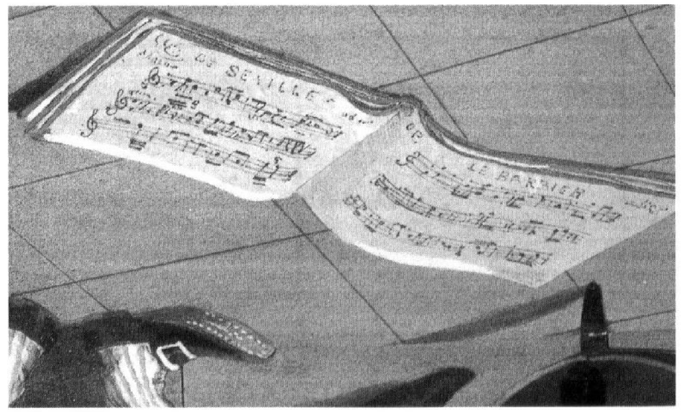


Рис. 6.

Удалось выяснить, что на часах упоминается Альберт Шарль Огюст Расине, известный в Европе исследователь истории костюма в конце XIX в. Его книга «Le costume historique» была издана по подписке двадцатью выпусками в 1876—1886 гг., а в 1888 г. была переиздана в шести томах, составивших 500 иллюстрированных страниц с обширными комментариями. Хотя исследование у Огюста Расине охватывает весь земной шар с древних времен, его внимание сосредоточено на европейской одежды от средневековья до 1880-х годов, и эта тема рассматривается с повышенной страстью и вниманием к деталям. Это было первое массовое издание, посвященное истории костюма, и кроме того, осуществленное с использованием хромолитографии, которая нашла коммерческое применение в 1860-х гг. и сделала печатание цветных иллюстраций более удобным.[1]

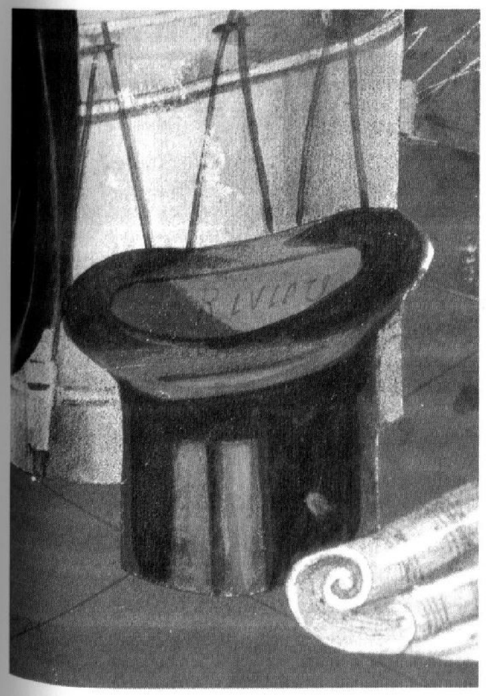


Рис. 7.

Таким образом, одним из художников, создавших «Обезьяний оркестр» является Огюст Расине. Именно благодаря ему обезьянки получили свою модную и стильную одежду.

Но Расине был не единственным художником, работающим над этой картиной. Фамилию второго художника можно так же найти на часах в правом нижнем углу *(рис. 7)*: *Ch. Riviere*. После длительных поисков, удалось выяснить, что Чарльз Ривьер жил во Франции в 1848—1920 гг. и был известным художником и гравером своего времени.

Таким образом, теперь нам известно, что авторами рисунка обезьяньего оркестра являлись два известных француза: Огюст Расине и Чарльз Ривьер. Причем расцвет их творчества приходится на 80-е гг. XIX в. Таким образом, можно сделать вывод, что Часы-картина были сделаны именно 80-е гг. XIX вв.

При этом есть большая вероятность, что художники были знакомы с Чарльзом Дарвиным и его «Теорией происхождения видов», вышедшей в свет в 1859 г. Именно на волне популярности этой теории и были созданы часы-картина «Обезьяний оркестр».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История костюма. Полная хрестоматия с рисунками из классических трудов Ф.Готтенрота и О.Расине. Москва: Арт-Родник, 2008. С. 6.

ВОССОЗДАНИЕ ПОКРОВСКОГО ДОБРОГО МОНАСТЫРЯ

И.Д.Белов, *краевед, г. Калуга.*

Разработка проектных решений по воссозданию Обители начата автором в 60-е годы со сбора фотографических и литературно-исторических материалов среди учителей Добринской школы и местных жителей. Большая помощь и поддержка постоянно оказывалась моим учителем Николаем Михайловичем Щепетьевым Он по своему образованию как математик и историк был еще и настоящим краеведом своего края. Последующие годы основные материалы изучались по Лихвинскому уезду Калужской губернии, которые в большом объеме сохранились в Госархиве Калужской области (ГАКО). В течение последующих лет был продолжен сбор архивных материалов по обители и проработаны объемно-планировочные и конструктивные решения по восстановлению храма Покрова Пресвятой Богородицы. Утерянные элементы древнего комплекса могут быть восстановлены на основании найденных авторских разработок губернского архитектора И.Ясныгина по колокольне, Вознесенскому храму, братскому корпусу.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН

Генеральный план Покровского Доброго монастыря разработан с целью определения возможностей по воссозданию обители и выявлению очередности этапов этой работы.

Территория монастыря к настоящему времени не закреплена за Белевским и Алексинским епархиальным управлением и по факту вместе с древним монастырским комплексом попала в частные руки.

Природоохранная береговая зона реки Оки, примыкающая к монастырю, из-за опасных природных явлений — оползней — требует разработки и выполнения защитных мероприятий. Необходима расчистка родниковых зон, их кооптаж и регулируемое водоотведение. Для разработки этих мероприятий необходимы инженерно-геологические изыскания.

Верхняя зона монастыря, на которой находились храмы и другие здания, в геологическом отношении безопасна.

Для выполнения генплана необходима съемка территории в М 1:500.

ТЕРРИТОРИЯ И ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРЯ

1782 год

Из Топографического описания Калужского наместничества, издание 1782 года: № 9. *«Штатной Покровской Доброй мужской монастырь.... На правой стороне Оки реки, монастырь состоит в 3-м классе, внутри оного церкви, первая соборная Покрова Пресвятой Богородицы с приделом святого Апостола Андрея Первозванного, вторая святых мученик Флора и Лавра, кельи вокруг монастыря, ограда и по углам 4 башни каменные, за монастырем — скотный двор деревянный, земля иловатая, покосы хорошие, роща березовая».* (*Рис. 1*).

Рис. 1. Топография территории монастыря. 1782 г.

Рис 2 . План территории обители. Предварительная реконструкция.

Рис. 3. 1890-е годы. Общий вид обители с запада.

1876 год

Из ответов на вопросы Метрики Императорской академии художеств в 1876 г. (8):

«Монастырь во имя Покрова Пр. Богородицы... основан в половине 14-го столетия. Обе церкви каменные. Основателем монастыря полагают первого удельного Одоевского князя Романа Одоевского. Монастырь основан на горе над р. Окою. Церковь Покровская устроена в виде квадратной палаты, и трапеза при ней также в виде квадратной палаты. Церковь одноэтажная. Алтарь церкви с тремя полукружиями. Высота церкви 13 сажен, длина 40 аршин, ширина настоящей церкви 15 аршин, трапезы 20 аршин. Церковь построена вся из кирпича. Внутри стен залит щебень известковым раствором. Кирпич тяжеловесный жженный. Стены не сохранились в своем первобытном виде, но в 1767 году по указу

Рис. 4. Общий вид Покровского храма с северной стороны. 1910 г.

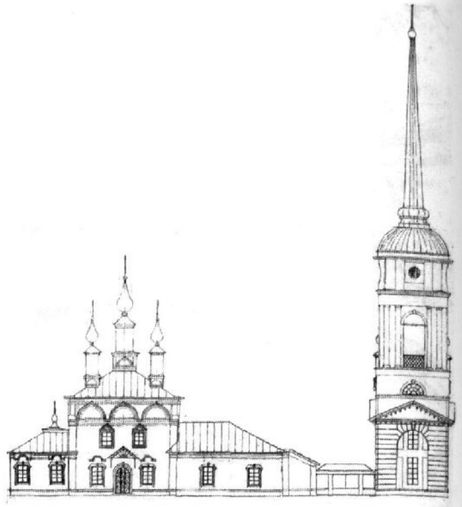


Рис. 5. Фасад Покровского храма с колокольней. Реконструкция автора.

Крутицкой Духовной консистории, разделкою окон, дверей и обсесчением карнизов изменены. Связи в них железные. Стены все гладкие. Под кровлею с трех сторон настоящей церкви — восточной, северной и южной — сделаны по три полукружия для образов. Между полукружиями алтаря выдаются наполовину столбы с двумя гранями. Кровля на всей церкви железная недавних времен; на настоящей — четырехскатная, на трапезе трехскатная. Вся выкрашена медянкою в недавнее время. На настоящей церкви пять глав сердцевидных на шеях. В самой средине большая глава, а по углам церкви — малые. Покрыты железом, окрашены медянкой. Кресты на главах железные цельные, осьмиконечные, без цепей. Окна продолговатые, помещены над цоколем. Их в алтаре 4, в предалтарии северном и южном столько же, с перемычками дугообразными с кокошниками. В них решетки железные, из круглых прямых прутьев удальных. Двери с запада одни, створчатые, деревянные. Петли железные гладкие. Паперть одна, с западной стороны».

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Май 1926 года.

Из письма зав. школой И.Г.Марочкина в адрес Калужского... губмузея...

«Покровский.. собор. Собор этот был Главмузеем объявлен как историческая древность. Не взирая на это, в 1923 году в нем был устроен ссыпной пункт зерна и разобран иконостас. Колокольня продана на слом, но от чьей то руки деревянные части колокольни загорелись, загорелся и собор. И все что могло сгореть згорело. Чугунные плиты увезены на чугунный завод. Колокола тоже отправлены и теперь от собора одни стены».

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Май 1926 г...

«Вознесенский собор. Полы проданы, иконостас уничтожен. Крыша над алтарем снята, над папертью тоже Покрыт только один купол, остались одни стены».

Такая же судьба и других строений. Только попытка спасения древней обители, предпринятая Главнаукой в 1927 году, давала такую надежду. Она связана с командировкой П.Д.Барановского и Н.НПомеранцева. За короткий срок своей командировки П.Д.Барановским организована передача объекта Губмузею и его охрана. Он разыскал Вкладную книгу (3) и передал ее музею. Но и здесь мы обнаруживаем талант великого сохранителя и реставратора. Он выполнил обмеры Покровского Храма с

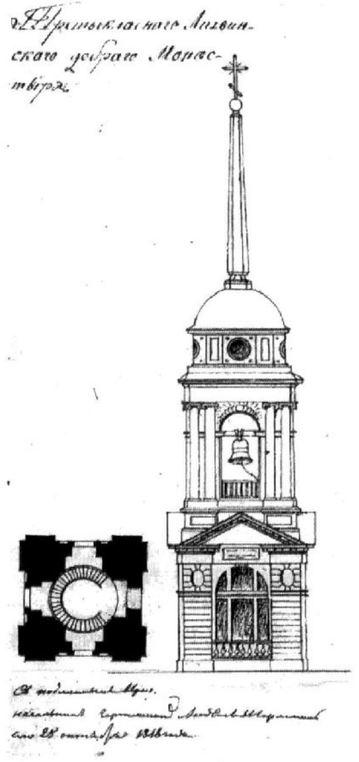


Рис. 6. И.Ясныгин. Проект колокольни. 1818 г.

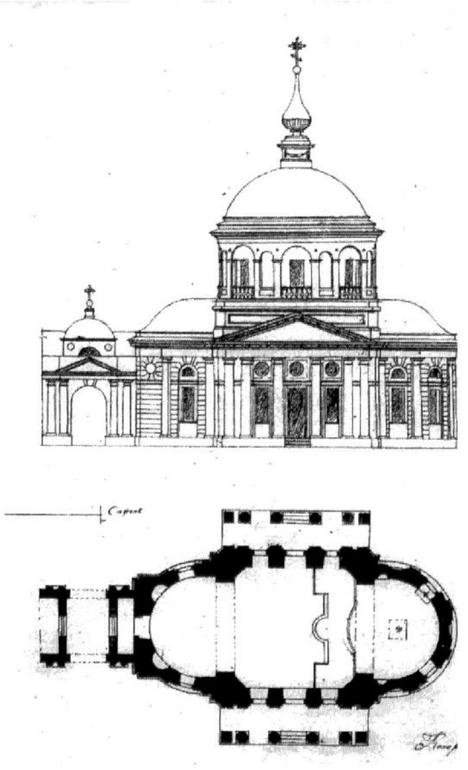


Рис. 7. И.Ясныгин. Проект Храма Вознесения. 1818 г.

трапезной и притвором (до их разрушения). В его фонде выявились также и фотографии Н.Н.Померанцева. Найденные материалы позволяют восстановить утраченное с полной достоверностью.

Найденные авторские чертежи (6, 7) Калужского губернского архитектора И.Ясныгина, сохранившиеся участки крепостной стены и одной угловой башни, позволяют проводить восстановление монастырской обители в первозданном виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лихвинский Покровский Добрый Монастырь. КЕВ. 1898.

2. Архимандрит ЛЕОНИД. Лихвинский Покровский Добрый монастырь (А,1). Описание. КГВ.

3 «Вкладная книга» Доброго монастыря. 1688 г. Фонды ГАКО.

4. «Древности» Московского императорского археологического общества. Т. 19. в. 1, 4, 14, 19; Т. 19. в. 2, 1901 г.; Т. 18. С. 276 (Подробный отчет Г.Гамбурцева об осмотре и описанию Доброго монастыря).

5. Страховые листы Покровского монастыря. РГИА.

6. «Офицерская опись подпоручика Фралова Лихвинского Покровского Доброго Монастыря». 1764. (РГАДА. Ф. 230. Оп. 3. Д. 415.

7. АКТ о передаче Музейному отделу Главнауки Нар. Ком. Просвещения территории монастыря от 2 марта 1927 года.

8. Метрика монастырская Академии художеств. 1887. ИИМК РАН. Ф.Р-!!!. д. 1884.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМА БИЛИБИНЫХ (СУХОТИНЫХ, ШАМИЛЯ) В XVIII—XIX ВЕКАХ

А.А.Зорин, *н.с.,*
Калужский областной краеведческий музей.

Дом, находящийся по адресу Пушкина, 4, сейчас принадлежит Калужскому краеведческому музею. Начало его строительства относится к третьей четверти XVIII века в то время он принадлежал одной из ветвей купцов Билибиных.

Дом отмечен на плане Калуги 1778 г.[1] При этом своим фасадом он выходит на Одигитриевскую улицу (сейчас ул. Баумана), не имеет флигелей, но отмечена деревянная пристройка с южной стороны. Здание выстроено из кирпича 29х14х7,5—8 см, такой кирпич использовался до 1779 г., когда по постановлению Калужского наместника был установлен единый размер кирпича 26х12,5х6,5 см[2]. В Записках о Шамиле А.Руновского[3] опубликованных в 1860 году, написано, что на первом этаже дома находился древний затейливый камин на изразце которого, среди синих фигур стояла цифра 1773 — время изготовления печи, вполне возможно, что она была похожа на печь находящуюся в экспозиции Краеведческого музея, но с датой 1769. Таким образом, дом Билибиных был построен к 1773 году. В Калуге сохранилось несколько домов того же времени, отмеченные на плане 1778 г. и выстроенные из кирпича того же размера, например дом на ул. Плеханова, 86. Существенным отличием нашего дома от остальных является то, что дом Билибиных трех этажный. Исходя из времени строительства, и сопоставив годы жизни Билибиных, можно сделать вывод, что строителем дома был Галактион Федорович Билибин (1719—1783)[4]. Далее можно предположить, почему дом был выстроен именно трехэтажным. Дело в том, его сын — Иван Галактионович (1757—1832)[5], довольно рано был женат, так как в 1775 г. у него родился сын Василий (1775—1840)[6]. В связи с этим дом строился на две семьи — Галактиона и Ивана, 1-й этаж был чисто хозяйственный, 2-й и 3-й жилые.

Первый этаж использовался, как торговый склад и магазин. Об этом свидетельствуют заложенные проемы большого размера (1,2х1,5 м) на торцевых фасадах здания, через которые завозился товар. Заделка их на южном торце здания выполнена таким же кирпичом, что и стены здания, на северном более мелким кирпичом — высотой 6,5 см. В комнатах первого этажа обнаружены заложенные в дальнейшем ниши для хозяйственных нужд. На западном (уличном) фасаде, сохранились кольца, вделанные в стену для фиксации ставен и подставы в оконном проеме для ставен, дверной проем заделанный кирпичом высотой 6,5 см. С этой стороны здания располагалось большое помещение, которое могло быть использовано под магазин, остальные 3 комнаты на другой стороне здания гораздо меньшие по размерам и отделены коридором. Потолки на всем первом этаже были сводчатые. На первом этаже остатки печей врезаны в стены, что говорит об их позднем устройстве в XIX веке. Единственная печь 1773 года, о которой известно по воспоминаниям, видимо, находилась в магазине и могла располагаться у восточной стены, закрывая поперечный коридор. Таким образом печь топили из коридора. Сохранилось крепление заслонки, вделанное в стену таким образом, что заслонка была поперек коридора. Пол коридора, в отличие от всех полов на первом этаже был каменный[7]. Выходная дверь в этом коридоре заделана тем же кирпичом, с образованием окна. На втором этаже южного торца здания были обнаружены два окна заделанные основным кирпичом.

Фасад здания был отделан двойными лопатками и подоконными ромбическими нишами, на втором этаже. Вход на второй и третий этажи предположительно осуществлялся через боковую деревянную лестницу с северного торца здания.

Галактион Билибин скончался в 1783 г. Еще при нем видимо были заделаны окна и проемы на южном торце здания, это было связано со строительством деревянной пристройки, отмеченной на плане 1778 г. Но кардинальное переустройство здания произошло после его смерти и связано со следующим владельцем — Иваном Галактионовичем Билибиным.

В Калуге в то время начались кардинальные перемены. Город стал центром наместничества, шла перепланировка города, возводились здания в новом вкусе. Разумеется, Иван Билибин решает переделать здание исходя из новых требований. Был переделан фасад и частично внутренняя планировка. Были срублены лопатки по углам здания, а в середине заштукатурены под пилястры. По второму этажу ромбические ниши заштукатурены, а над ними устроены круглые и прямоугольные ниши с горельефами. С двух сторон здания устроены балконы. Сооружена пристройка для лестницы с северной стороны. Заново были устроены печи с первого до третьего этажа. Видимо в это время был построен флигель с оградой вдоль Золотаревской улицы (сейчас ул. Пушкина) и здание оказалось внутри участка. Для строительных работ в это время использовался кирпич высотой 6,5 см. На всех фасадах здания были выполнены оригинальные горельефы. Часть из них полностью совпадает с горельефами на флигелях особняка Яновских, которые строил И.Д.Ясныгин. Это приводит к выводу, что он руководил перестройкой здания Билибиных. А облик этого здания вполне соответствует архитектурному почерку этого мастера.

Горельефы частично сохранились на трех сторонах здания (кроме северной, полностью перестроенной позднее). Утраченные фрагменты можно дополнить, сравнивая с горельефами усадьбы Яновских. По сюжету они изображают символы торговли и какие-то факты или легенды семейства Билибиных. На главном (западном) фасаде — изображены три сидящие мужские фигуры- с глобусом, сундуком, книгой, возможно, это сами Билибины. Здесь же сцены каких-то важных встреч.

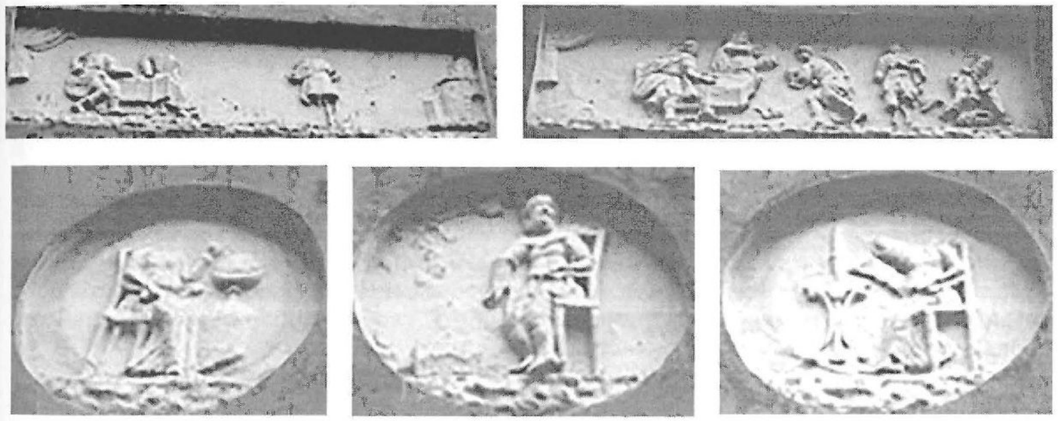


Рис.1 Фотографии горельефов на западном фасаде.

На дворовом (восточном) фасаде изображены символы торговли и удачи меркурий с колесом фортуны, богиня удачи, меркурий на дельфине — это символы сухопутной и морской торговли. И какие-то сцены частного порядка, тоже и на торцевой (южной) стороне.

В 1847 г. в связи с аукционной продажей дома была составлена его опись. «Дом каменный трехэтажный, крыт железом, ветхий, снаружи и внутри оштукатурен. Мерою в длину 7 сажень 2 аршина, в ширину 5 сажен 2 аршина. Внутри дома 2 каменные капитальные стены. В нижнем этаже 4 комнаты, 3 двери столярной работы на железных петлях с медными замками, 2 двери простые на железных петлях и крючьях. Пол дощатый окрашен, потолки со сводами в середине коридор в нем пол каменный. Две двери железные на железных петлях и крючьях, напротив два кладовых чулана с двумя железными дверями и двумя висячими замками, в средний и верхний этажи деревянная лестница, окрашенная краскою. В среднем и верхнем этаже девять комнат, полы дощатые окрашенные, потолки бревенчатые оштукатурены и раскрашены. Окон с двойными рамами и стеклами 64, дверей столярной работы 16 на железных петлях и крючьях, простых дверей тринадцать, в среднем этаже кладовой чулан с железной дверью и внутренним замком, пять голландских печей кафельных с медными отдушинами, железными дверками и вьюжками, два железных балкона с решетками»[8].

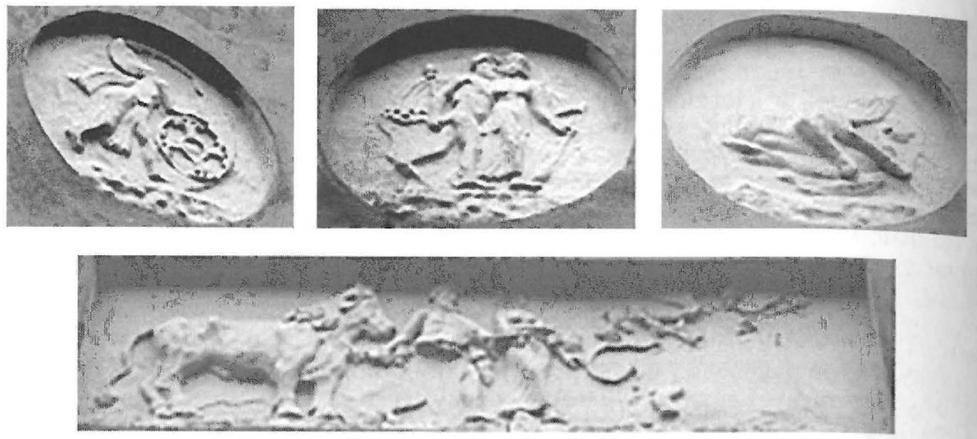


Рис 2. Фотографии горельефов на восточном фасаде.

Рис.3. Фотографии горельефов на южном фасаде.

Перестройка здания для придания ему нового модного архитектурного вида свидетельствовала о высоком культурном уровне и амбициях хозяина особняка — Ивана Галактионовича Билибина. Это подтверждает и описание имущества, среди которого орган под красное дерево, электрическая машина, глобус, солнечные часы, фонтан, более сотни различных гравюр, шестьдесят с лишним картин[9].

С 1859 по 186 год дом был арендован для проживания Шамиля. За это время в доме проводились только работы по ремонту дома — с заменой окон, полов, клейки обоев, заменой старых и установкой новых печей. В связи с невесткой Шамиля — Каримат связано первое изображение дома в Русском художественном листке за 1861 г.[10] По этому изображению можно судить как выглядел дом после перестройки XVIII века. Интересно, что это первое фотографическое изображение замужней мусульманки, известное в Калуге.

Более подробно дом изображен на фотографии начала 70-х годов XIX века (1873), уже после отъезда Шамиля, когда дом принадлежал Варваре Сухотиной[11].

Рис. 4. «Дом в Калуге, в котором живет Шамиль». Русский художественный листок. 1861. (приводится фрагмент).

Рис. 5. Фотография дома начала 70-х годов XIX.

Вторая перестройка здания была осуществлена в последней четверти 19 века, когда в здании разместилось реальное училище. В это время сделана пристройка к северному фасаду здания, на первом этаже в западной половине здания срублены сводчатые перекрытия и часть стены, устроена чугунная лестница, осуществлена перепланировка комнат, расширены все окна кроме одного в коридоре на первом этаже. Работы выполнялись кирпичом высотой 6,5 см и более высокого качества. Кирпичная кладка с двусторонней подрезкой, что характерно для зданий Калуги конца XIX века. Какой вид приобрел дом видно на фотографии начала XX века[12].

Рис. 6. Фотография дома начала XX века.

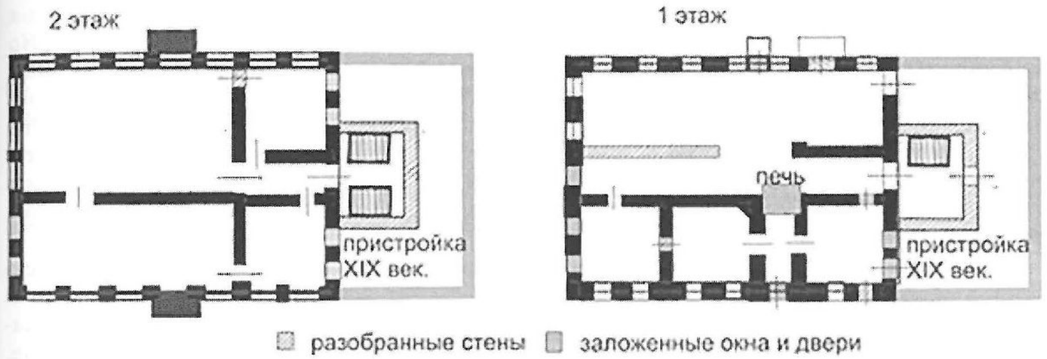


Рис. 7. План дома (1-й и 2-й этаж)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КОКМ. Кл450.

[2] ГАКО.Ф.132, Оп.1,Д.141, Л.155.

[3] Руновский А. Записки о Шамиле. СПб., 1860. С. 8.

[4]. Пионтковская Ю.Е. Билибины. Калуга, 2008. С. 168.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] ГАКО Ф. 62. Оп. 14. Д. 627. Л. 125.

[8] Там же.

[9] Там же

[10] Русский художественный листок. 1861.

[11] КОКМ. КЛ609/1.

[12] КОКМ. КЛ7824.

ШТЫКИ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В.М.Типикин, *н.с.,*
Калужский областной краеведческий музей

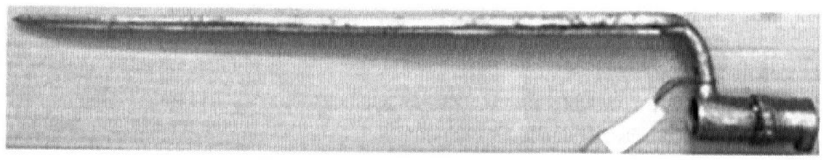
В музейной коллекции Калужского областного краеведческого музея насчитывается более 70 штыков разных стран и народов, это штыки XIX в. и первой половины XX в.

Штык — простое, и казалось, понятное слово, происходит от польского «sztych» или немецкого «stuk», что означает — оружие. В западноевропейских странах принято называть штык байонетом «bayonette» (фр.) или по-русски — «багинетом», что переводится, как «затычка» и это ближе к истине.

Штык — неотъемлемая часть огнестрельного оружия, родился на поле боя в середине XVII века во Франции, как последняя надежда стрелка (мушкетера) остаться живым и защита его от нападающего противника: подобранный на поле боя наконечник копья вместе с остатком сломанного древка вставлялся им в канал ствола ружья (мушкета) и служил ему совместно с ружьем уже как подобие древкового оружия. Но еще задолго до этого такой способ защиты применяли и охотники, спасаясь от разъяренного зверя на охоте на кабана или медведя. В начале XVIII века шведский король Карл XII приспособил к багинету трубку, которой штык надевался на дульную часть ствола ружья и это позволяло солдату, не снимая штыка, беспрепятственно вести огонь на поражение на поле боя. В России такой вид штыка стали применять в армии при Петре I с 1709 г. В таком или несколько измененном виде штык просуществовал до середины XX века.

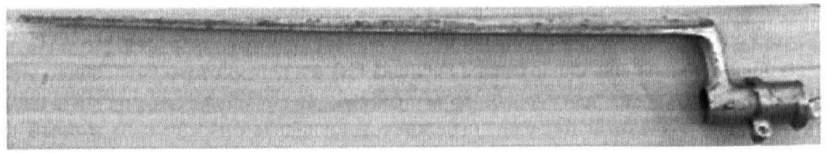
Основная часть коллекции — это русские штыки, их 9 типов, из них два — советских, а общее количество 25 единиц. Значение штыка для русской армии показал в своей книге «Наука побеждать» великий Александр Васильевич Суворов, провозгласив «Пуля дура, штык молодец» и этим он обозначил роль штыка в военном ремесле. А потому, как в те славные, далекие времена «штык решал дело на поле боя, то он есть представитель воли, нравственной энергии, на которой зиждится всев боевом деле». «Штык — символ движения вперед — он же символ «лечь костьми», этим всегда подчеркивалось значение «русского штыкового удара», значение штыка в бою теоретиками русской военной мысли — генералами Драгомировым, Сухотиным.

XIX век — время революционных перемен в стрелковом оружии в России и в Европе. За 100 лет оно прошло путь от кремневых ружей, которые до этого за 200 лет принципиально и конструктивно не менялись и заряжались по-старому со стороны дульного среза, до магазинных винтовок. За это время изменилась принципиальная конструкция оружия, конструкция запирания заряда и механизм производства выстрела, изменился вес, линейные размеры, диаметр канала ствола, ствол стал нарезным, порох стал бездымным. Изменения в стрелковом оружии отразились и на конструкции штыка. Все этапы исторического развития штыка в России в XIX веке нашли отражение в нашей музейной коллекции.



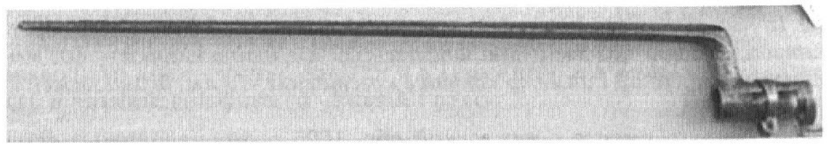
Кл 7330. *Штык укороченный к пехотному ружью обр. 1828 г. (длина — 472 мм, длина клинка — 392 мм, длина трубки — 67 мм, внутренний диаметр трубки — 22 мм).*

Штык, в основном, использовался с пехотным ружьем обр. 1808 г.



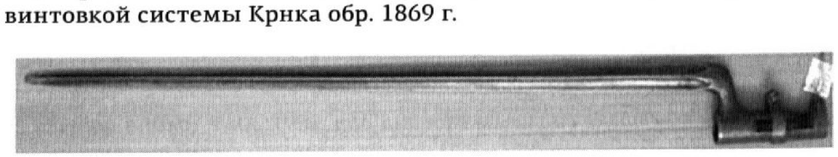
Кл 1388. *Штык трехгранный к пехотному и драгунскому нарезным ружьям обр. 1854 г. (длина — 533,5 мм, длина клинка — 464 мм, длина трубки — 65,6 мм, внутренний диаметр трубки — 22 мм).*

Штык отличается от предыдущих и последующих образцов наличием дополнительной мушки на верхней поверхности передней части трубки штыка, что связано с повышением прицельной дальности конкретного образца ружья за счет введения нарезов в его канале ствола.



Кл 1397. *Штык трехгранный к стрелковой винтовке обр. 1856 г. и к пехотной винтовке обр. 1858 г. (длина — 570 мм, длина клинка — 505 мм, длина трубки — 66,5 мм, внутренний диаметр трубки — 21,2 мм).*

Штык использовался также с переделочной винтовкой системы Терри — Нормана обр. 1866г., переделочной игольчатой винтовкой системы Карле обр. 1867 г., переделочной винтовкой системы Крнка обр. 1869 г.

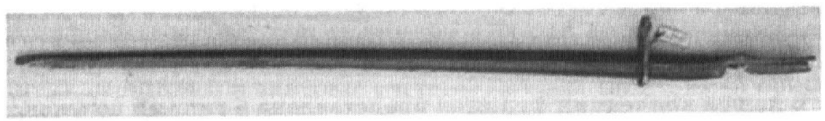


Кл 1389. *Штык к пехотной винтовке системы Бердана обр.1870 г. (длина — 580 мм, длина клинка — 510 мм, длина трубки -75,5 мм, внутренний диаметр трубки — 17,6 мм).*

Штык имел заточку острия в виде отвертки, что отличало русский штык от иностранных.

Кл 1392. *Штык к пехотной и драгунской винтовкам системы Мосина обр. 1891 г. (длина — 500 мм, длина клинка — 430 мм, длина трубки — 71,5 мм, внутренний диаметр трубки — 14,8 — 15,2 мм (трубка замята).*

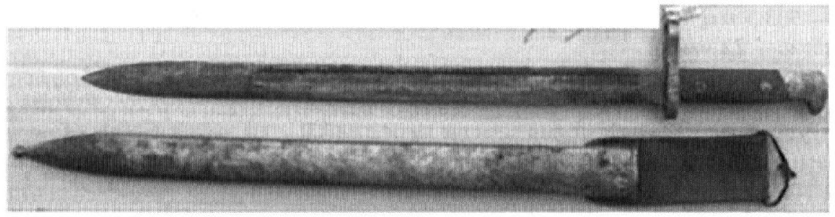
Штык состоял на вооружении русской и советской армий до 1930 г., когда был заменен штыком к винтовке обр. 1891/1930 г.



Кл 1396. *Эрзац-штык периода Первой мировой войны к винтовке системы Мосина обр. 1891 г. (длина — 575мм, длина клинка — 513 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 15 мм).*

Настоящий эрзац-штык (штык — замена, суррогат) переделан из штыка к винтовке системы Бердан обр. 1870 г. для винтовки системы Мосина обр. 1891 г.

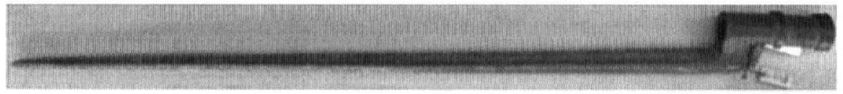
Во время Первой мировой войны (1914—1918 гг.) воюющим армиям не хватало штыков для винтовок, поэтому в каждом воюющем государстве штыки старых, снятых с вооружения, образцов переделывались в каждом случае под новый ствол (новый стандарт), с новым индивидуальным уникальным креплением.



Кл 1328. *Штык обр. 1915 г. (длинный) для винтовки системы Винчестер обр. 1895 г. под русский патрон калибра 7,62 мм(длина штыка -520 мм, длина клинка — 401 мм, ширина клинка -26 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине -16 мм, длина ножен — 430 мм).*

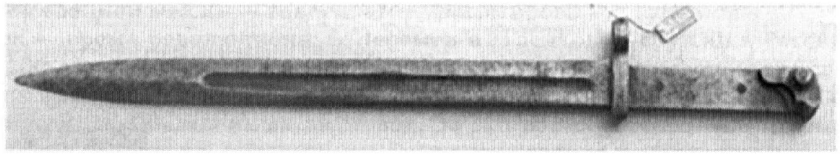
Штыки обр. 1915 г. вместе с винтовкой обр. 1895 г., производимые фирмой Винчестер (США), поставлялись в Россию в период Первой мировой войны. Всего было поставлено винтовок со штыками 293 815 штук, из них 15 тыс. с коротким штыком остальные с длинным

Штыки производимые в СССР для отечественных винтовок.



Кл 8318. *Штык к винтовке системы Мосина обр. 1891/30г.г. (длина штыка — 502 мм, длина клинка — 417 мм, длина трубки — 70 мм, внутренний диаметр трубки — 15 мм).*

Штык применялся в войнах середины XX века, в том числе в Великой Отечественной войне, Второй мировой войне.



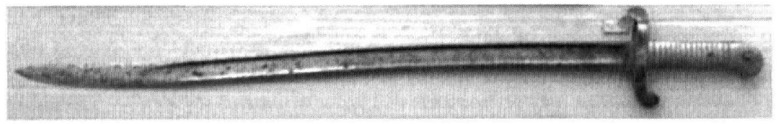
Кл 8125. *Штык советский к самозарядной винтовке системы Токарева обр. 1938 (СВТ — 38) (длина штыка — 473,5 мм, длина клинка — 352,5 мм, ширина клинка — 28 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине -14 мм). Утрачены деревянные щечки рукояти.*

Самозарядная винтовка со штыком обр. 1938 г. была на вооружении Красной армии в конце 30-х, начале 40-х годов XX века. Винтовка хорошо зарекомендовала себя в советско-финской войне 1939—1940 гг., а также в годы Великой Отечественной войны, в ее начальный период. Винтовка была принята на вооружение и вермахта как Selbstladegewehr 258(r).

В нашей коллекции Франция представлена 5 типами штыков.

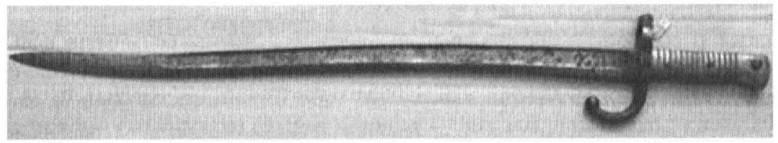
В середине XIX века Франция одна из молодых колониальных держав формирует новые армейские части из туземного населения — это зуавы, тюркосы, алжирские тиральеры, спахи. И как дань уважения традициям этих народов их армейский мундир

напоминает национальные одежды, а на ружье, винтовку навешивают штык-саблю с ятаганным клинком. Увлечение Востоком становится модным, штыки с клинками такого типа появляются во многих государствах Европы, Африки, Азии, Америки. Во Франции штыки такого типа характерны для ружей и винтовок переходного периода.



Кл 1311. *Штык — сабля французский обр. 1842 г. немецкого производства в ножнах (длина штыка — 695 мм, длина клинка — 575 мм, ширина клинка — 30 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 19,5 мм).*

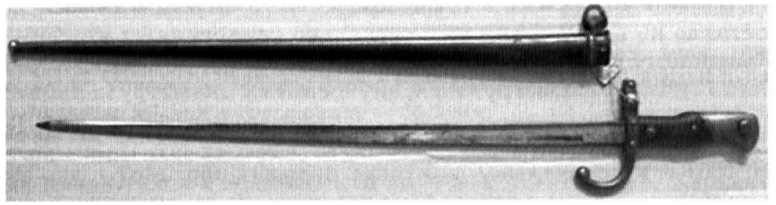
Штык-сабля французский обр. 1842 г. был популярен в середине XIX века, его применяли с французскими кавалерийскими, артиллерийскими карабинами обр. 1829 г., 1829 г., с карабинами обр. 1842 г., 1846 г., 1842 г., 1846 г., а также с крепостными ружьями. Производили аналогичные штыки и в Германии, и в Бельгии, а также производились они и английской фирмой «Ривс & Гревс«.



Кл 1300. *Штык — сабля французский обр. 1866 г. к винтовке системы Шасспо обр. 1866 г. (длина штыка — 695 мм, длина клинка — 575 мм, ширина клинка — 30 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 18 мм).*

Французский штык-сабля обр. 1866 г. к винтовке системы Шасспо обр. 1866 г. имел применение в войнах конца XIX века. Штык использовался с винтовками Гра обр. 1874 г. Французский штык обр. 1866 г. серии Z производился в Германии на фирме Алекса Коппеля в Золингене.

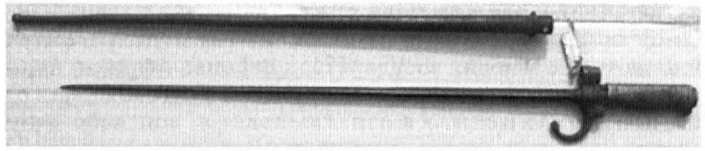
И далее Франция продолжает идти своим путем, на новых винтовках со скользящим затвором появляется так называемый штык-шпага с Т-образным клинком. На обухе клинков перечисленных винтовок гравирована надпись фирмы изготовителя, дата изготовления.



Кл 1264. *Штык французский обр. 1874 г. к винтовке системы Гра обр. 1874 г. в ножнах (длина штыка — 646 мм, длина клинка — 524 мм, ширина клинка — 21 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 17,5 мм, длина ножен — 535 мм).*

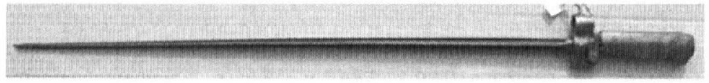
Оружейная мануфактура в Ville Avut(?), Франция. Винтовки системы Гра и штыки к ним производились и в Австрии на заводе в Штейере. Штык использовался с переделочными винтовками Кропачека обр. 1874/80 гг., 1884 г., 1874/85 гг., 1885 г. Французский штык обр. 1874 г. к винтовке системы Гра обр. 1874 г. имел применение в войнах конца XIX, начала XX веков.

Во Франции переход на бездымные пороха и магазинные винтовки ознаменован появлением нового штыка с клинком игольчатого типа.



НВ 2264. *Штык французский обр. 1886 г. к винтовке системы Лебеля обр. 1886/93 гг. в ножнах (длина штыка — 635 мм, длина клинка — 515 мм, ширина клинка — 21 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 15,5 мм, длина ножен — 535 мм).*

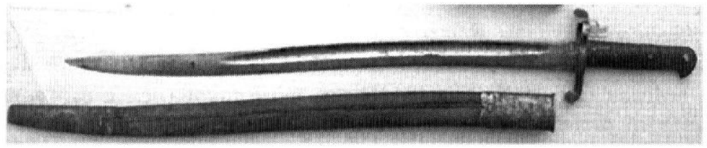
Французский штык обр. 1886/93 гг. к винтовке системы Лебеля обр. 1886/93 гг. имел применение в войнах конца XIX, начала XX веков. Штык использовался с винтовками Бертье обр. 1907/15 М16.



Кл 7329. *Штык французский обр. 1886/93/16 гг. к винтовке системы Лебеля. (Длина штыка — 628 мм, длина клинка — 515 мм, ширина клинка — 14 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 15,5 мм)*

Французский штык обр. 1886/93/16 гг. к винтовке системы Лебеля обр. 1886/93 гг. имел применение в войнах конца XIX, начала XX веков. Штык использовался с винтовками Бертье обр. 1907/15 М16.

Великобритания в коллекции представлена одним штыком переходного периода середины XIX века.

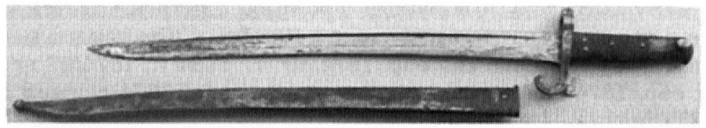


Кл 1307. *Штык английский обр. 1858 г. к короткой винтовке обр.1858 г. (штык, волонтерский) (длина штыка — 715 мм, длина клинка — 578 мм, ширина клинка — 32 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 21 мм, длина ножен — 612мм).*

Настоящий штык скопирован с французского штыка образца 1842 г. и принят на вооружение в английской армии в 1858г. Кроме этого штыка в английской армии в это время состояло на вооружении еще несколько аналогичных ятаганных штыков похожих по внешнему виду и несколько различающихся линейными размерами, в том числе длиной паза в головке рукояти, внутреннему диаметру кольца крестовины.

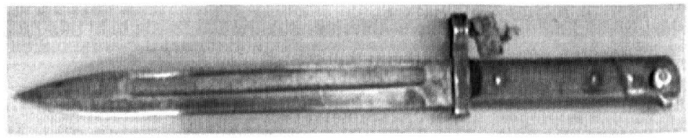
В коллекции Австро-Венгрия представлена 5 типами штыков.

Штык обр. 1867 г. к переделочой винтовке Верндля обр. 1867 г. это австрийский вариант французского штыка с ятаганным клинком, но он просуществовал недолго до введения бездымных порохов. Пехотная винтовка системы Верндля обр. 1867 г. с ятаганным штыком обр. 1867 г. состояла на вооружении австро-венгерской армии во второй половине XIX века.



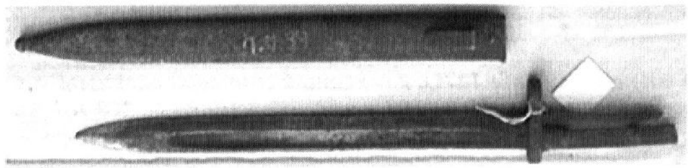
Кл 1324. *Штык обр. 1867 г. для рядового состава, укороченный, к винтовке Верндля обр. 1867г. (длина штыка — 605 мм, длина клинка — 473,5 мм, ширина клинка — 31,5 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 18,5 мм, длина ножен — 503 мм).*

В конце XIX столетия рынок в старой империи освоили современные магазинные винтовки и карабины системы Манлихера со штыком тесачного типа.



Кл 4788. *Штык обр. 1890 г. к винтовке системы Манлихера обр. 1890 г. (длина штыка — 376 мм, длина клинка — 246 мм, ширина клинка — 27 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 16,5 мм)*

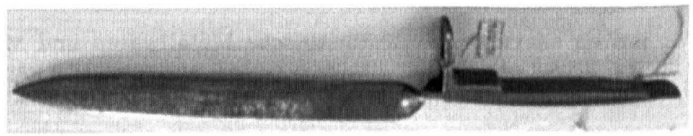
Штык изготовлен на государственной оружейной фабрике OE/W G. Osterreichische Waffensfabriks Gesellschaft (Австро-Венгрия). Штык австрийский обр. 1890 г. для винтовки системы Манлихера обр. 1890 г. имел применение в войнах XIX начала XX веков.



НВ 4127.6. *Штык австрийский обр. 1895 г. для карабина системы Манлихера обр. 1895 г. (более поздних выпусков) (длина штыка — 394 мм, длина клинка — 292 мм, ширина клинка — 23 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 15 мм, длина ножен — 313 мм). Штык утратил рукоять с навершием.*

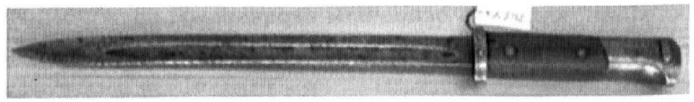
Манлихера обр. 1895 г. имел применение в войнах конца XIX, первой половины XX веков. Оба штыка этого типа были на вооружении австровенгерской армии до конца Первой мировой войны, и не только австровенгерской. Аналогичные штыки имели на своих винтовках (карабинах) в первой половине XX века Венгрия и Чехословакия.

Во время Первой мировой войны в связи большим дефицитом оружия, в том числе и штыков, в империи было налажено производство эрзац-штыков.



Кл 1398. *Эрзац-штык к винтовке системы Манлихера обр. 1888, 1880/1890, 1890, 1890/1895 гг. (длина штыка — 385 мм, длина клинка — 220 мм, ширина клинка — 23,5 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 16,5 мм)*

Эрзац-штык к винтовке системы Манлихера имел применение в Первой мировой войне. Штык применялся к итальянской винтовке Манлихер — Каркано обр.1891 г., к винтовкам системы Маузера.



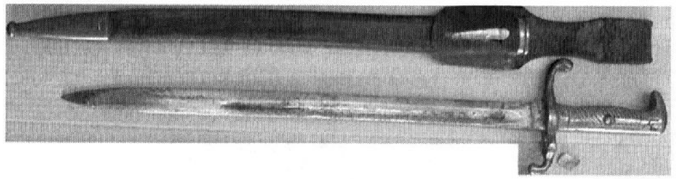
Кл 8912. *Штык чехословацкий экспортный обр. 1923 г. (длинный) к винтовкам и карабинам системы Маузера (доработан в период оккупации) (VZ23) (длина штыка — 430 мм, длина клинка — 298 мм, ширина клинка — 23 мм).*

Штык изготовлен на государственной оружейной фабрике Ceskoslovenska Statni Zavody (Zbrojovka) Чехословакия. Штык имел применение во Второй мировой войне 1939–1945 гг. и локальных, колониальных войнах первой половины XX века. Штык

чехословацкий экспортный обр. 1923 г. к винтовкам и карабинам системы Маузера поставлялся в различные страны Европы, Азии и Латинской Америки. В период оккупации Чехословакии эти штыки производились без кольца в крестовине, а у имеющихся в наличие срезалось существующее кольцо (для идентичности).

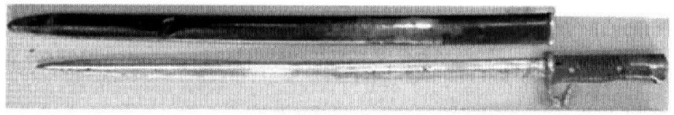
4 штыка Германии в коллекции.

В штыках Германии — лицо государства, в нем молодой дух нации агрессора — прямой, бескомпромиссный, безжалостный. В рукояти штыка обр. 1871 г. отражен хищный профиль гербового орла новой империи, а с тремя другими образцами штыков солдаты Германии прошли дорогами двух мировых войн в XX столетии неся смерть и разорение государствам Европы.



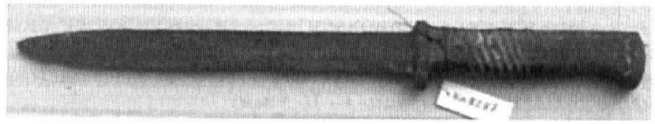
Кл 1258. *Штык немецкий обр.1871г. к пехотной винтовке системы Маузера обр. 1871 г. (прусский) в ножнах(длина штыка — 597 мм, длина клинка — 467 мм, ширина клинка — 28 мм, внутренний диаметр кольца в крестовине — 17 мм, длина ножен — 496 мм).*

Штык изготовлен на частной фирме GEBR.SIMSON, SUHL Пехотная винтовка системы Маузера обр. 1871г. со штыком обр. 1871г. состояла на вооружении армии Германской империи во второй половине XIX века. Использовался в годы Первой мировой войны в ландштурме и запасных учебных частях.



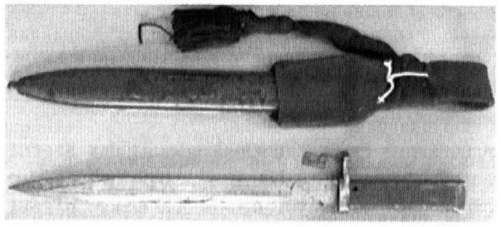
Кл 1473. *Штык немецкий обр.1898 г. старого типа к винтовкам и карабинам системы Маузер обр. 1898 г. в ножнах (длина штыка — 656 мм, длина клинка — 522,5 мм, ширина клинка — 20 мм, длина ножен — 551,5 мм).*

Штык изготовлен на частной фирме Rheinische Metallwaren und Maschinenfabrik Земмерда, Германия. Штык обр. 1898 г. старого типа к винтовкам и карабинам системы Маузер обр. 1898 г. имел применение в войнах конца XIX, начала XX веков.



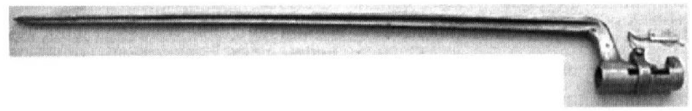
Кл 8287. *Штык немецкий обр. 1884/98 гг. нового типа к винтовке и карабину системы Маузер обр. 1898г. периода 1933–1945 гг. (длина штыка — 368 мм, длина клинка — 234 мм, ширина клинка — 26,5 мм). Штык значительно корродирован и загрязнен.*

Винтовка и карабин, являлись основным стрелковым оружием вермахта, имели массовое применение во Второй мировой войне 1939—1945 гг.



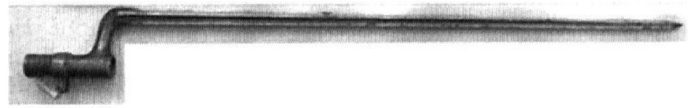
Кл 1366. *Эрзац-штык немецкий к винтовке системы Маузера обр. 1898 г. периода Первой мировой войны в ножнах с портупейным ремнем и темляком полкового штаба Германской армии (длина штыка — 438 мм, длина клинка — 316 мм, ширина клинка — 25,5 мм, внутренний диаметр незамкнутого кольца в крестовине — 17 мм, длина ножен — 330 мм).*

Эрзац-штык к винтовке и карабину системы Маузера обр. 1898 г. состоял на вооружении Германской армии в период Первой мировой войны.



Кл 1393. *Штык четырехгранный, швейцарский обр. 1863 г. к винтовке системы Веттерли обр.1869г. (длина штыка — 553 мм, длина клинка — 485 мм, длина трубки — 68 мм, внутренний диаметр трубки — 18,5 мм).*

Штык по внешним данным напоминает русский штык к русской драгунской винтовке системы Бердана обр. 1870 г., однако по линейным параметрам соответствует швейцарскому штыку обр.1863 г. к винтовке системы Веттерли обр. 1869 г. Заточка штыка иглообразная, западноевропейская.



Кл 1400. *Штык четырехгранный к пехотной винтовке вторая половина XIXв. (длина штыка — 592 мм, длина клинка — 512 мм, длина трубки — 78,3 мм, внутренний диаметр трубки — 17,5—18 мм).*

Штык по внешним данным также напоминает русский штык к русской пехотной винтовке системы Бердана обр. 1870 г., однако линейные параметры отличают его от регламентированного. Общая длина штыка, длина клинка, длина трубки штыка больше, чем у регламентированного, прорезь в трубке — зеркальная, т.е. целик на стволе винтовки расположен с противоположной стороны. Заточка штыка иглообразная, западноевропейская.

В музейной коллекции штыков нашли отражение все этапы развития огнестрельного оружия в Европе и в России в XIX веке и первой половине XX века и это дает объемную историческую картину развития оружия указанного периода времени, что важно для исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2005.

Кулинский А.Н. Штыки мира. Т. I,II. СПб.: Атлант, 2002.

Федоров В.Ф. Эволюция стрелкового оружия. Издательский дом «Техника — молодежи». М., 2003.

Федоров В.Ф. Вооружение Русской армии за XIX столетие. 1911.

Воронов В.В., Воронов Д.В. Штыки. ЛЕТО Индастриз, 2010.

Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1987.

Vuillemin Henri. Du silex au piston. La grande aventure des fusil reglementairres francais 1717—1865.

Vuillemin Henri. La grande aventure des fusils reglementaires francais 1866—1936.

Кулинский А.Н. Немецкое холодное оружие. Т. I, II. СПб.: Атлант, 2007.

Трубников Б.Г. Оружейные клейма. СПб.: ООО «НРК», 2003.

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

И.К.Ермилина, *с.н.с.,*
Калужский областной краеведческий музей.

В фондах Калужского областного краеведческого музея (КОКМ) находится довольно значительная коллекция женских крестьянских головных уборов: 55 головных уборов и 39 съемных частей. Из них 29 головных уборов и 14 съемных частей неизвестного происхождения. Эти «неизвестные « головные уборы поступили из Губернского исторического музея, располагавшегося в доме Коробовых, и расформированного 1920-х гг. Давно назрела необходимость атрибутировать эти головные уборы, чтобы хотя бы приблизительно определить, из каких районов России они происходят. Как реставратору, происхождение головных уборов мне необходимо для понимания, как частично разрушенные и местами утраченные, головные уборы выглядели, чтобы правильно восстановить их форму или остановить процесс их дальнейшего разрушения.

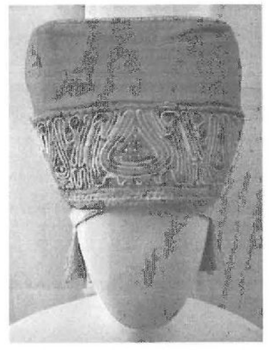
Работа эта началась два года назад в связи с подготовкой выставки «КОКМ в гостях у Пушкинского музея на Пречистенке», в Москве. Встал вопрос — как лучше показать калужский крестьянский костюм. Для экспонирования были выбраны два женских костюма с головными уборами, характерными один для района «Гамаюнщины», другой для района «Монастырщины» *(илл. 1)*. Расположение этих районов локализовано в работах М.Е.Шереметевой. *«В район Гамаюнщины входят 17 селений б. Калужского и б. Перемышльского уездов, расположенных на правом берегу реки Оки в расстоянии от 2-х до 12 в. от г. Калуги. Владения князей Ромодановских в XVII в.»*[1]

Гамаюнщина *Монастырщина*

Илл. 1.

«В б. Перемышльском у. лежит район, называемый крестьянами соседних деревень «Монастырщиной» и охватывающей те селения, которые до 1764 г. принадлежали монастырям: Лютикову, Гремячеву, Шаровкину, Перемышльскому Резванскому и Премышльскому Рождественскому Девичьему монастырю»[2].

В коллекции тканей КОКМ были выявлены соответствующие костюмам головные уборы и их части, привезенные М.Е.Шереметевой из экспедиций по Калужскому краю в 1925 и 1929 году. Выяснилось, что мы не очень хорошо представляем, из каких составных частей состоит тот или иной головной убор, и как все это можно надеть. Используя описания, данные в ее книгах[3, 4], и консультацию в Калужском методическом центре народного творчества, оба головных убора были надеты на манекены головы. При этом были по возможности реконструированы и типы причесок, как формообразующие основы.



Кичка лопатообразная. *Позатылень.* *Сорока. Вид спереди.* *Сорока. Вид сбоку.*

Илл. 2. Составные части головного убора из Гамаюнщины.

Женский головной убор «Сорока» *(илл. 2)* района Гамаюнщины состоял из: лопатообразной кички из промасленного холста, позатыльня с узкой бисерной поднизью, узкой налобной бисерной поднизи (отсутствует в коллекции), собственно кумачовой сороки с золотным очельем[5]. Н.И.Лебедева указывает, что очелье еще перевязывалось полотенцем, которое складывалось жгутом, концы закладывались сзади[6]. Процесс надевания представлен.

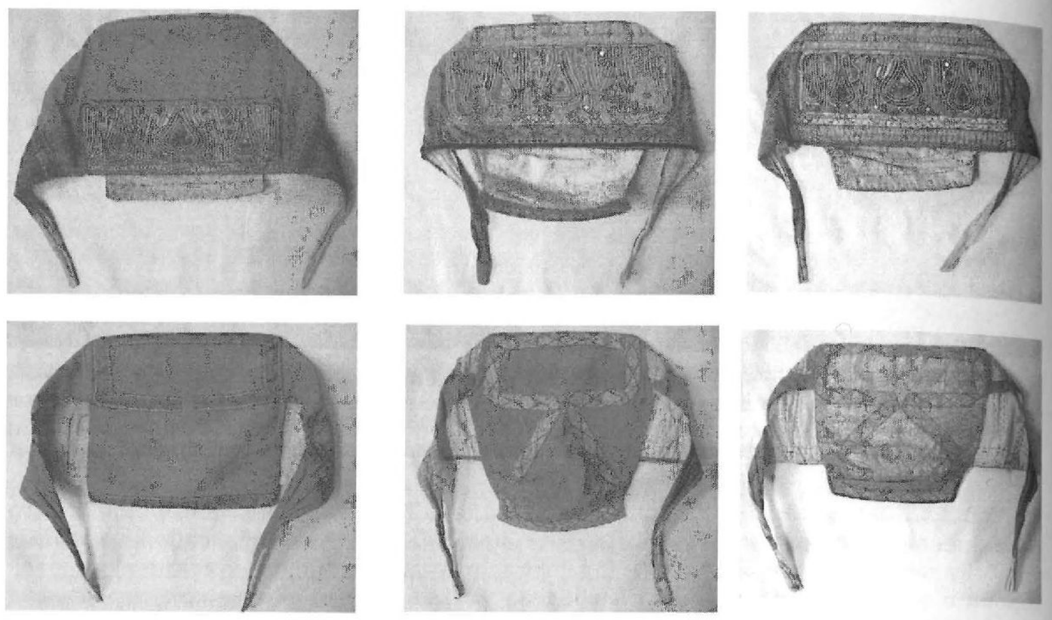
Сорока и позатылень. *«Сторонки» с перьями селезня.* *Повязаны «махры».* *Повязаны «банты». Вид спереди.*

Илл. 3. Сорока из Монастырщины.

Женский головной убор «Сорока» *(илл. 3)* района Монастырщины был богаче Гамаюнского по тканям и отделке, так же как и весь костюм *(илл. 1)*. Головной убор состоял из: простого холщового повойника, рогатой кички из холста (эти части отсутствуют в коллекции КОКМ), позатыльня — «увязки» с длинными шнурами и бисерной поднизью, колодочками с перьями селезня на висках. Сверху все покрывалось собственно сорокой с золотным очельем, с бархатной вышитой макушкой. Поверх золотного очелья повязывались «махры» и «банты»[7]. Все завязки на затылке перевязывались широкой шелковой лентой, концы которой распускалась по спине. Чертеж кроя холщового повойника приведен в книге М.Е.Шереметевой[8].

Повязаны «банты». Вид сбоку.

Работа по комплектованию головных уборов позволила сделать некоторые обобщения по поводу головных уборов неизвестного происхождения, находящихся в фондах музея. В частности, выделились четыре головных убора (2, 3, 6, 7), возможно относящиеся по происхождению к районам Гамаюнщины и Монастырщины.



Кл 4695 (2). Кл 2369 (2).

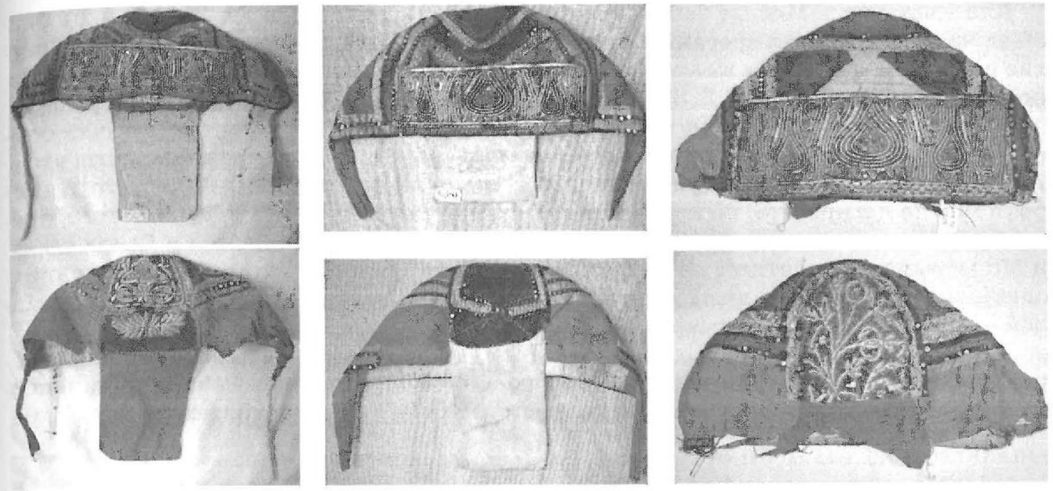
Илл. 4. Сравнение сорок из Гамаюнщины.

При сравнении сороки (1) из д. Верховой района Гамаюнщины, и сорок (2) и (3), поступивших из дома Коробовых видно, что они имеют много общего *(илл. 4)*. Это прямоугольная форма очелья и макушки, предполагающие ношение лопатообразной кички, и узкие лопасти — завязки. Аналогично и декоративное оформление: рисунок золотной вышивки, размещение позумента и тесьмы на макушке. Имеются и отличия. У Коробовских сорок (2, 3) более низкая передняя часть, чем у сороки (1), и вся заполнена отделкой. Позатылень у сорок 2 и 3 — с вытачками, а у сороки 1 — гладкий. Тесьма на макушке сороки 1 не имеет «хвостов». Сороки из д. Коробовых (2, 3), по конструкции позатыльня с вытачками, использованию и расположению золотной тесьмы на макушке, перламутра на очелье, могут происходить из одного селения. При этом применение парчи для макушки на одном из них, возможно, говорит о том, что это сорока «праздничная», надеваемая по престольным праздникам.

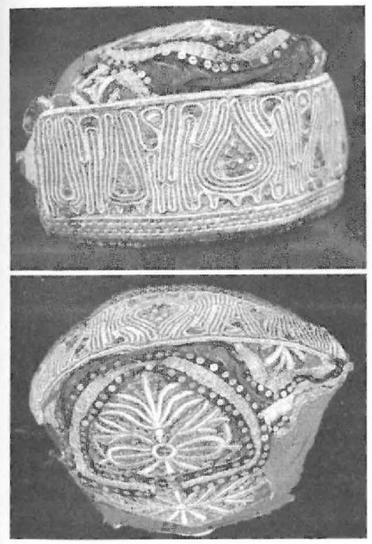
«Простую» сороку из д. Верховой (1) роднит с праздничной Коробовской сорокой (3) не только лопатообразная конструкция, но и золотный рисунок очелья, по размеру и прорисовке линий будто вышедшие из-под одной руки. Другая Коробовская сорока (2) имеет очелье чуть выше и длиннее, чем «праздничная», с рисунком золотного очелья более вытянутым в высоту, с добавлением волнистого узора верхнего края и по бокам, при этом общие размеры по длине и высоте меньше, чем у «праздничной». Сорока (1) из д. Верховой самая простая из трех, в ней нет золотных позумента и тесьмы, а также перламутра. Возможно, что эта сорока принадлежала более бедной крестьянке или является более поздним головным убором.

В целом можно предположить, что сороки 2 и 3 из д. Коробовых могут происходить из района Гамаюнщины, в них больше сходства, чем различий.

Рассмотрим сороку (4), бытовавшую в районе Монастырщины, д. Горки Перемышльского у., кон. XIX в. *(илл. 5)*. При сходстве с сорокой Гамаюнской по оформлению золотного очелья, отличается формой и отделкой макушки и боковых частей. Тулья закладывается складкой под золотное очелье с образованием «рожек». Макушка закругленная, расшитая золотными нитками, боковые части — кумачовые «крылья», в виде удлиненных прямоугольников, пришиты вертикально к передней части убора. Под такую сороку одевается рогатая кичка. Эта сорока для «годовых праздников» (Благовещенье, Вознесение и проч.), особенно нарядная, «расшивная»[9].



Кл 2478 (4), д. Горки, Перемышльский р-н. Кл 2468 (6). Кл 2478 (4), д. Ладыгино, Перемышльский р-н.



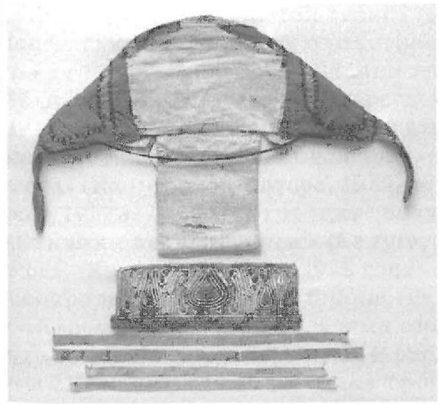
Нв 6631/4.

Илл. 5. Сравнение сорок из Монастырщины.

Сорока (5), с точным местом происхождения — д. Ладыгино, Перемышльского у., т. е. из «Монастырщины», практически полностью повторяет конструкцию и оформление сороки (4), но в худшей сохранности, и имеет другой золотный орнамент макушки.

Сорока (6) из дома Коробовых с такой же конструкцией, как и (4), но более «простая», т.е. бархатная макушка не вышита, позатылень не кумачовый, как у (4), а холщовый. Вся остальная отделка такая же, поэтому вполне можно предположить, что этот головной убор происходит из района «Монастырщины».

Еще одна сорока (7), неизвестного происхождения, имеет утраты боковой части и позатыльня, следы перешивания, деформирована. Однако ее конструкция однозначно показывает, что она бытовала тоже в «Монастырщине» и была самой нарядной, «расшивной».



Илл. 6. Реставрация сороки Кл 2468.

Для выставки в Москве была отреставрирована одна сорока Кл 2468 *(илл. 6)*. Она была частично демонтирована, очищена от загрязнений, укреплены блестки и ветхие шелковые ленты. На желтой ленте обнаружилась дата ее изготовления: 1847. По поводу датировки сорок М.Е. Шереметева пишет: *«На памяти теперешних старух новых сорок уже не справляли, а потому они не могли мне сказать ничего достоверного о происхождении золотного шитья. Оно, вероятно, монастырской работы»*[10]. Если предположить, что в 1929 г. (время сбора этнографического материала) им было 50—60—70 лет, то эти сороки можно датировать, по крайней мере, второй половиной XIX в. Кроме этого, просто бросается в глаза аналогичность рисунков и качество исполнения и Гамаюнских и Монастырских золотных очельев, что позволяет предположить их изготовление в одной мастерской. Наталия Ивановна Лебедева называет очелье с золотной вышивкой — «позумент монастырской работы», «парча монастырской работы».[11]

В результате проведенного анализа, хотя бы о бытовании четырех головных уборах неизвестного бытования можно сказать более определенно. Работа по дальнейшей атрибуции головных уборов из коллекции КОКМ будет продолжена.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М.Е.Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925. С. 7.

[2] М.Е.Шереметева. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга. 1929. С. 3.

[3] М.Е Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. С. 12–14

[4] М.Е.Шереметева. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. С. 28—31.

[5] М.Е.Шереметева Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925. С. 3, рис № 1.

[6] Н.И.Лебедева Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Ч. 1. М., 1927. С. 95.

[7] М.Е.Шереметева. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. С. 33, рис. 18.

[8] Там же, с. 35, рис. 19.

[9] Там же, с. 30.

[10] Там же, с. 30.

[11] Н.И.Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Ч. 1. М., 1927. С. 79, 95.

СПИСОК ГОЛОВНЫХ УБОРОВ.

1. Кл 4693 Сорока. д. Верховая, Калужский р-он.
2. Кл 4695. Сорока. Из дома Коробовых.
3. Кл 2369. Сорока. Из дома Коробовых.
4. Кл 2478. Сорока. д. Горки, Перемышльского у.
5. КП 13964 Сорока. д. Ладыгино, Перемышльского у.
6. Кл 2468 Сорока. Из дома Коробовых.
7. Нв 6631/4 Сорока. Из ранее не записанных.

«БИБЛИОТЕКЕ ОТ АВТОРА...» (из истории распространения трудов К.Э.Циолковского)

Л.П.Майорова, *зав. сектором,*

Государственный музей истории космонавтики им. К.Э.Циолковского.

Проблема распространения трудов К.Э.Циолковского и его связей с различными организациями до настоящего времени остается недостаточно разработанной и заслуживает углубленного подхода с привлечением неизвестного ранее круга источников и, прежде, всего, архивных. Целью работы стало воссоздание максимально полной картины контактов ученого с библиотеками. В соответствии с целями были определены задачи: определить круг библиотек, с которыми контактировал ученый; установить, по возможности, время, количество и тематику отправленных автором трудов; выявить из их числа издания с наличием дарственных надписей и автографов автора; раскрыть мотивы контактов и ответную реакцию получателей трудов. Были использованы различные виды источников, позволяющих раскрыть специфику исследования: записные книжки ученого, материалы его переписки, воспоминания, публикации в периодических изданиях. Практическая значимость работы состоит в возможности дальнейшего использования материалов, положений и выводов для выявления в указанных библиотеках разных населенных пунктов прижизненных изданий ученого с целью их изучения и дальнейшего сохранения.

Изданные труды К.Э.Циолковского, как правило, поступали не в продажу, а в его дом, где «помещался склад его трудов, которые он щедро раздаривал гостям и корреспондентам» [1, л. 86].

Автор, распространяя свои труды, стремился *«приобрести читателей и помощников делу из всех слоев общества и со всяким образованием»* [2, с. 4], поэтому и уделял особое внимание библиотекам, принимая во внимание их возможности по расширению круга читателей и почитателей его идей. Труды посылались как в ответ на поступающие просьбы, которые никогда не оставались без ответа, так и по инициативе Циолковского. В Москве получателями его трудов был целый ряд библиотек. Библиотека Московского авиационного института получила не р. 16 сентября 1931 г. брошюры «Дирижабли» (Калуга, изд. автора, 1931), «Сжиматель газов и его расчет» (Калуга, изд. автора, 1931), «Изданные труды К.Э.Циолковского» (Калуга, изд. автора, 1927), «Атлас дирижабля из волнистой стали» (Калуга, изд. автора, 1931) [3, л.10 об.]. «Все вышедшие... труды по вопросу о ракетных двигателях» были посланы автором не р. 28 сентября 1934 г. библиотеке Военно-химического научно-исследовательского института [4, л. 44]. Библиотеке Государственного института журналистики в период 12 мая 1927 г. — 20 апреля 1928 г. были отправлены «Образование солнечных систем [извлечение из большой рукописи 1924—1925 гг. Ноябрь 1925 года] и споры о причине космоса» (Калуга, изд. автора, 1925); «Горе и гений» (Калуга, изд. автора, 1916) [5, л. 3]; 25 мая 1927 г. — «Сопротивление воздуха и скорый поезд» (Калуга, изд. автора, 1927); — «Отклики литературные» (Калуга, изд. автора, 1928) [6, л. 11 об. — 12]; «Причина космоса. (Конспект. Август 1925 года)» (Калуга, изд. автора, 1925) [6, л. 4 об.]. Московская центральная областная библиотека обратилась 5 февраля 1934 г. к ученому с просьбой «выслать по одному экземпляру всех Ваших сочинений», и можно предположить, что это было сделано [4, л.41]. В библиотеку Академии Воздушного Флота были посланы 21 сентября 1927 г. — 6 экз. брошюры «Космическая ракета. Опытная подготовка»

(Калуга, изд. Автора, 1927); 15 декабря 1927г. — «Изданные труды К.Э.Циолковского» (Калуга, изд. автора, 1927), «Общечеловеческая азбука, правописание и язык» (Калуга, изд. автора, 1927); 19-20 января 1929г. 4 экз. брошюры «Дирижабль из волнистой стали» (Калуга, изд. автора, 1928) [13, л. 4 об., 6 об.; 12, л. 6 об.]. В ответ на просьбу Коммунистической академии Циолковский отправил 28 января 1930г. брошюры «Изданные труды К.Э.Циолковского» (Калуга, изд. автора, 1927), «Горе и гений» (Калуга, изд. автора, 1916), «Общественная организация человечества» (Калуга, изд. автора, 1928) [4, л.16-16об.]. В библиотеку МГУ 6 января 1928г. ученым было отправлено по 2 экз. брошюр «Монизм Вселенной. Конспект. Март 1925 г.)» (Калуга, изд. автора, 1925) и «Причина космоса. (Конспект. Август 1925 года)» (Калуга, изд. автора, 1925), а также брошюра «Изданные труды К.Э.Циолковского» (Калуга, изд. автора, 1927) [7, л. 2]. В письме от 15 ноября 1930 г. библиотека 1-го МГУ просила автора «принять ее глубокую благодарность» за издания, полученные в этот день — «Проект металлического дирижабля на 40 человек» (Калуга, изд. автора, 1930), «Дирижабль из волнистой стали» (Калуга, изд. автора, 1928) [4, л. 24 об.]. В фонде Научной библиотеки МГУ хранится брошюра Циолковского «Аэроплан, или птицеподобная [авиационная] летательная машина» (М., Университетская типография, 1895), на первой странице которой, над текстом, сделана надпись рукой автора: «*Москва. Университет. В библиотеку от автора. 1895 г. 5 апреля. К.Циолковский*», а внизу этой же страницы под текстом еще один автограф автора: «*Из Калуги, от К.Э.Циолковского*» [8]. Экземпляр отдельного оттиска «Аэроплан, или птицеподобная [авиационная] летательная машина» (М., «Наука и жизнь», 1894, № 43—46, 6 рис.), с автографом был послан автором в университетскую библиотеку Казани: «*Из Калуги, Казанскому университету от автора. Циолковский. 1895 г. февр[аль]*» [9]. В библиотеке С.-Петербургского университета хранится брошюра «Аэроплан, или птицеподобная [авиационная] летательная машина» (М., Университетская типография, 1895) с дарственной надписью автора на обложке: «В Петербург. Университет», а на первой странице — автограф автора: «*В С.-Петербург, Университет. В библиотеку. От автора. 1895 г., 5 апреля. К.Циолковский. Из Калуги, от Циолковского. Исправления стр. 75*» [10]. 17 ноября 1933 г. ученый секретарь библиотеки ЛГУ, сообщал: «Извещая о получении Ваших трудов, тороплюсь изъявить Вам от имени библиотеки глубочайшую благодарность за быстрый отклик на нашу просьбу» [4, л. 40]. В фондах Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина хранятся две работы, полученные от автора с дарственными надписями: «Вне Земли. (Повесть.)» (Калуга, изд. Калужского общества изучения природы и местного края, 1920) и «Монизм Вселенной» (Калуга, изд. автора, 1931). На первой из них — надпись: «*К.Циолковский Государственной Публичной библиотеке 1933 г. 22 сент[ября]*», на второй — «*К.Циолковский 1933 г. 22 сент[ября]*» [11]. В течение многих лет Константин Эдуардович поддерживал связь в С.-Петербурге с институтом инженеров путей сообщения, где работал Н.А.Рынин, единомышленник и большой друг. В библиотеку вуза в период 5 июля 1928 г. — 23 мая 1932 г. ученым были посланы 21 брошюра 12 наименований [4, л. 10, 37; 12, л. 4, 5об., 7 об., 9 об., 11, 12 об.; 13, л. 4]. Главный библиотекарь Ленинградского технологического института в письме от 18 июля 1930г. «с глубокой благодарностью» подтверждал получение брошюры «Научная этика» (Калуга, изд. автора, 1930) [4, л.22]. Принимая во внимание «большой интерес к проблеме межпланетных полетов, идя навстречу выраженным пожеланиям» и «ввиду того, что в Ленинграде достать Ваши труды почти невозможно», библиотека Военно-Технической Академии РККА им. Ф.Э.Дзержинского (г. Ленинград) в письме от 30 ноября 1929г. обратилась с просьбой к ученому прислать труды, кроме ранее полученных, «Ракета в космическое пространство» (Калуга, изд. автора, 1924), «Монизм Вселенной. Конспект. Март 1925 г.)» (Калуга, изд. автора, 1925) «Исследование мировых пространств реактивными приборами (переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями)» (Калуга, изд. автора, 1926), «Космическая ракета. Опытная подготовка» (Калуга, изд. автора, 1927) [4, 13—13 об.]. В письме от 9 января 1930г. библиотека с благодарностью подтвердила получение 19 брошюр разных наименований [4, л. 14—14 об.]. Позднее библиотеке были высланы брошюры «Горе и гений» (Калуга, изд. автора, 1916), «Воздушный транспорт» (Калуга, изд. автора, 1918), «Цели звездоплавания» (Калуга, изд. автора, 1929) [4, л. 14 об. — 15]. Получателем

одной из самых больших коллекций трудов ученого на берегах Невы стала библиотека Василеостровского Дома культуры, в ответ на ее просьбу «выслать Ваши труды, которые крайне необходимы библиотеке» для того, «чтобы она могла показать трудящимся, как и над чем, работают наши крупнейшие ученые» [4, л. 36]. На конверте от письма ученый размашисто и красноречиво оставил помету: «*Послано 1300 гр. Все*» [4, л. 37]. В Киеве библиотекой Всеукраинской Академии Наук в период 15 октября 1925 г. — 29 ноября 1926 г. были получены 10 брошюр разных наименований [14, л. 10, 12, 16, 23]. Заведующий Фундаментальной библиотекой Киевского института народного хозяйства в письме от 13 декабря 1927 г. с благодарностью уведомил Циолковского о получении брошюр «Нирвана (Калуга, изд. автора, 1914), «Причина космоса. (Конспект. Август 1925 года)» (Калуга, изд. автора, 1925) и «Монизм Вселенной. (Конспект. Март 1925 г.)» (Калуга, изд. автора, 1925) [5, л. 3; 6, л. 15]. Фундаментальная библиотека Харьковского технологического института письмом от 24 августа 1928 г. известила ученого о получении брошюр неустановленных наименований [5, л. 11]. На просьбу заведующей Тюменской окружной центральной библиотекой ученый 17 сентября 1927 г. послал брошюры «Монизм Вселенной. (Конспект.Март 1925 г.)» (Калуга, изд. автора, 1925), «Причина космоса.(Конспект.Август 1925 года)» (Калуга, изд. автора, 1925), «Нирвана (Калуга, изд. автора, 1914), [5, л. 27—27 об.]. О получении от автора Ташкентской астрономической обсерваторией брошюр из Калуги сообщал в своих письмах, датированных 6 сентября 1927 г., 11 февраля 1929 г., 1 апреля 1933 г., директор М.Ф.Субботин [5, л. 28; 4, л. 8; 12, л. 7]. Всего было получено «в дар от автора» 13 прижизненных изданий, среди них — «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926) с дарственной надписью автора: «*От благодарного автора. К.Циолковский. 10 апреля 1928 г.*» [15]. В знак «*искренней благодарности за пополнение библиотеки*» директор сообщил, что «*посылает Вам свои труды вып[уски] I—IV*» [4, л. 8]. В библиотеке Константина Эдуардовича сохранилось три выпуска полученных трудов [16—18]. Ученый всегда ценил и был благодарен тем, кто поддерживал его в научных изысканиях. 5 февраля 1926г. он писал Нижегородскому Кружку любителей физики и астрономии: «*...в свое время Кружок помог мне издать несколько моих работ. Я ему обязан и позволю себе пожелать Кружку продолжать свою полезную деятельность в духе его учредителей... Посылаю для библиотеки, что могу*» [19, л. 1]. Библиотека Кружка получила от автора не п.6 марта 1926 г. 16 брошюр 10 наименований [14, л. 21]; не р. 31 августа 1930 г. — 2 экз. брошюры «Звездоплавателям» (Калуга, изд. автора, 1930), «Современное состояние Земли» (Калуга, изд. автора, 1929) и «Цели звездоплавания» (Калуга, изд. автора, 1929), «Давление на плоскость при ее нормальном движении в воздухе» (Калуга, изд. автора, 1930) [4, л. 23]. Особо ценной можно считать полученную Кружком от ученого книгу «Грезы о Земле и Небе и эффекты всемирного тяготения» (М.: Изд. А.Н.Гончарова, 1895) с дарственной надписью автора: «*В Нижний Новгород Кружку Любителей Физики и Астрономии, от смиренного автора. Калуга. 1895г., 8 март[а] К.Циолковский Эта книжка написана летом 1893 года в Сокольниках Калужской губернии*» [20].

О географической широте контактов ученого с библиотеками можно судить и по составленным спискам библиотек: в 58 городских, районных центров разных регионов отправлена «3 нояб[ря] 1925 г. в общественные библиотеки (50) все брошюра «Монизм Вселенной. Конспект. Март 1925 г.)» (Калуга, изд. автора, 1925) [12, л.1—1об.]. Запись ученого: «В губ[ернские] гор[ода] (1) в гор[одские] библ[иотеки] 06. СС 17 февр[аля] 1926 г.» свидетельствует о массовой отправке автором брошюры «Образование солнечных систем [извлечение из большой рукописи 1924—1925 гг. Ноябрь 1925 года] и споры о причине космоса» (Калуга, изд. автора, 1925) по приведенному ранее списку [12, л.2об.]. На другом списке из 68 населенных пунктов ученый отметил точками 45 из них, куда «посл[ано] 23 дек[абря] 26 г.» «Исследование мировых пространств реактивными приборами (переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями)» (Калуга, изд. автора, 1926) [12, л. 2—3 об.]. К.Э.Циолковский массово посылал свои труды и в библиотеки вузов, о чем свидетельствуют его записи: «1928 г. 13 авг[уста]. Отправлено: Богатства, Ракета 1903г., Отклики и маш[ина] (4 кн[иги] в 10 мест (40 экз.). Вузы Харьков, Киев, Одесса, Москва, Ниж[ний], Ив[аново]-Возн[есенск], Новочеркасск, Томск, Владикавказ» [12, л. 5]. 25 мая 1927г. были посланы

18 экз. брошюры «Сопротивление воздуха и скорый поезд» (Калуга, изд. автора, 1927, 51 с., 3 рис.) «Унив[ерситеты] и Техникумы: Киев, Томск, Казань, Харьков, Новорос[ийск], Одесса, Саратов, Ростов на Дону техникум, (1). Ленинград: Политехни[ческий] инст[итут] гр[аждански х] инж[енеров], Электотех[нический] инс[титут] [13, л. 4]. Брошюры «Космические ракетные поезда [С биографией К.Э.Циолковского, написанной С.В.Бессоновым]. Реактивный двигатель» (Калуга, изд. коллектива Секции научных работников, 1929) и «Современное состояние Земли» (Калуга, изд. автор, 1929) 3 июля 1930г. были посланы «всем вузам (кроме муз[ыкальных] и худ[ожественных] [13, л. 12 об.]. «Глубокую благодарность за присланные труды» ученому выразила в письме, датированном 18 ноября 1927 г., библиотека Саратовского ветеринарного института [5, л.33]. Библиотека Горского сельскохозяйственного института (г. Владикавказ) своим письмом от 14 февраля 1932 г. подтвердила получение брошюр «Проект металлического дирижабля на 40 человек» (Калуга, изд. автора, 1930), «Дирижабли» (Калуга, изд. автора, 1931), «Сжиматель газов и его расчет» (Калуга, изд. автора, 1931) [4, л. 31 об.]. С просьбой выслать работы по ракетной тематике 13 октября 1931 г. обратилась лаборатория прикладной механики нижегородского механико-машиностроительного института [4, л. 30 об.]. В ответ были посланы «труды 1927—31 г.» [4, л. 30].

В заключение необходимо подчеркнуть, что в течение ряда лет ученый, не жалея ни времени, ни сил, старался донести свое печатное слово до читателей, рассылая по почте (преимущественно бесплатно), в библиотеки разных регионов свои труды по вопросам изучения аэродинамики и авиации, теории ракетного движения и межпланетных полетов, проблем биологии, философии, языкознания и общественного устройства. Приведенные цифры и факты позволили проиллюстрировать географическую широту и масштабность распространения К.Э.Циолковским своих опубликованных трудов по библиотекам; показать ответную реакцию корреспондентов ученого, наглядно подтвердить правильность избранной ученым коммуникативной стратегии, способствовавшей популяризации его научных идей. Введение в научный оборот малоизвестных и неизвестных источников позволяет значительно расширить познавательные возможности исследователей, обращающихся к изучению жизни и творчества основоположника теоретической космонавтики. Полученные от самого автора издания обладают особой научной ценностью и становятся по праву уникальными, поэтому необходимо активизировать работу по выявлению и сохранению таких изданий в фондах библиотек упомянутых регионов.

ИСТОЧНИКИ

1. Бобров Н.Н. «Богатырь науки» и др. очерки. М/п. с правкой автора //РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1—140.
2. Циолковский К.Э. Простое учение о воздушном корабле и его построении. Калуга, 1898. // «Общедоступный техник», 1898, № 9, с. 1—19.
3. Циолковский К.Э. Адреса посетителей К.Э.Циолковского. Тетрадь. Автограф и записи, сделанные посетителями К.Э.Циолковского. 23 сентября 1930г. — 17 сентября 1932 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1—18.
4. Письма учреждений и отдельных лиц с просьбой о высылке книг и с выражением благодарности за полученные книги. Автограф. 19 февраля 1928 г. — 26 июня1935 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 1—47.
5. Письма учреждений и отдельных лиц с просьбой о высылке книг и с выражением благодарности за полученные книги. Автограф. 21 января 1927 г. — 18 декабря 1927 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 3. Ед. хр. 198. Л. 1—39.
6. Циолковский К.Э. Адреса отдельных лиц и учреждений и выписки из писем, записи отдельных писем. Тетрадь. Автограф. 21 апреля 1927 г. — 3 августа 1928 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1—22.
7. Письмо Н.К.Александрович — К.Э.Циолковскому, 3 января 1928г. Автограф. //АРАН. Ф. 555. Оп. 4. Ед. хр. 46. Л. 1—2.
8. Копия письма зав. Отд. Редких книг и рукописей НБ МГУ Н.В.Масловой — А.В.Костину, 17 декабря 1985 г. // Архив автора статьи.
9. Дьяченко А. Неизвестные работы К.Э.Циолковского / Газ. «Знамя» (Калуга), 1969, 9 декабря, с. 4.
10. Письмо библиографа СБО НБ им. Горького СПбГУ И.Ю.Добрецовой — Л.П.Майоровой, 7 декабря 1994 г. // Архив автора статьи.
11. Письмо и.о. зав. ИБО ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина Е.Д.Жабко — Л.П.Майоровой, 24 января 1995 г. // Архив автора статьи.
12. Циолковский К.Э. Запись отправок. (Сведения об отосланных работах, адреса посетителей и корреспондентов). Тетрадь. Автограф. 3 ноября 1925 г. — 24 марта 1934 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 45. Л. 1—19.
13. Циолковский К.Э. Черновики писем издательству Ольденбурга и А.Б.Шершевскому, наметки опытов по ракете и адреса отдельных лиц и учреждений. Тетрадь. Автограф. 1 марта 1927 г. — 18 июля 1930 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 1—16.
14. Письма учреждений и отдельных лиц К.Э.Циолковскому с правкой о высылке книг и выражением благодарности за полученные книги. 17 февраля 1919 г. — 29 декабря 1926 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 3. Ед. хр. 197. Л. 1—27.
15. Редкие книги. /Газ. «Комсомолец Узбекистана» (г. Ташкент), 1968, 5 декабря, с.4.
16. Труды Ташкентской астрономической обсерватории». Том I. Ташкент. 1928 // ГМИК. КП-I-126; К-I-149.
17. Труды Ташкентской астрономической обсерватории». Том II. Ташкент. 1929 // АРАН. Ф. 555. Оп. 6. Ед. хр. 129.
18. Труды Ташкентской астрономической обсерватории». Том III. Ташкент. 1930. С.114. // АРАН. Ф. 555. Оп. 6. Ед. хр. 130.
19. Письмо К.Э.Циолковского — Нижегородскому Кружку Любителей Физики и Астрономии, 25 февраля 1926 г. Автограф // АРАН. Ф. 555. Оп. 4. Ед. хр. 31-а. Л. 1.
20. Ж. «Земля и Вселенная», 1970, № 3, с. 70.

ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.ФЕТА И Р.ВАГНЕРА КАК РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ А.ШОПЕНГАУЭРА

А.А.Большаков, *ст.,*

Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Известно, что знаменитый русский поэт А.А.Фет был настолько очарован очерком «Хорь и Калиныч», что решил специально посетить описанные Тургеневым калужские места в 1860 году[1, 63]. И сезон охоты того года он прожил у одного из героев «Записок охотника». С памятью о калужском крае он переселился вверх по Оке в Орловскую губернию. Проживание в имении Степановка подготавливало и его творческий подъем. Так продвижение вверх по Оке стало символическим возвышением А.А. Фета на поэтическом пьедестале среди своих братьев по перу. Увлекшись в своем имении философией Шопенгауэра, Фет задумал перевод его трудов, что и осуществил в период с конца 1870-х по 80-е гг. В нашей работе нас будет интересовать то, как мотивы философии немецкого мыслителя отразились в лирике поэта. И прослеживать это мы будем на примере стихотворения «Никогда» (1879) из цикла «Элегии и думы» (первый поэтический сборник «Вечерние огни»).

Первоначальное прочтение стихотворения не вызывает никаких затруднений, однако идея произведения затуманена и текст требует повторного вдумчивого прочтения. Не сразу понятным становится и выбор названия — «Никогда». Подразумевается ли темпоральная категория: «никогда — что-то никогда не произойдет?». Или поэт указывает на метафизическую семантику: «никогда» может означать конец времен и проч.? Попробуем понять авторский замысел.

При всей бодрости ямбического метра стихотворения, активного развития действия, «first person shooter» (игры «от первого лица»: читатель видит всю картину постапокалиптического мира глазами действующего персонажа), наличия саспенса в первых строфах — по прочтении мы остаемся в прострации размышлений, тоски от мысли о вялотекущем апокалипсисе: «земля еси и въ землю отъидеши» (Быт. 3, 19). Человек, вновь взятый из земли, человек воскресший обрекается у Фета на новое экзистенциональное одиночество и желание смерти-небытия (*«Вернись же, смерть, поторопись принять / Последней жизни роковое бремя»*, или, как в первоначальном варианте: *«Приди же смерть...»*. В зимней переписке 1879 года с Л.Н.Толстым А.А.Фет вынужден отстаивать «концепцию всего стихотворения», в то время как Л.Н.Толстой не согласится с философским содержанием стихотворения: «...я бы не захотел опять в могилу. Для меня и с уничтожением всякой жизни все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношения к Богу, то есть отношения к Той силе, Которая меня произвела, меня тянула к себе и меня уничтожит или видоизменит» [2, 657].

Выбор названия стихотворения не случаен. Произведений в цикле «Элегии и думы» с однословным названием только три: «Смерть», «Ничтожество» и «Никогда». Из сопоставления контекстов следует, что все три именования обозначают одну категорию состояния — небытие, но небытие как диалектическое единство жизни и смерти, где смерть — «храм бессмертия» («Смерть» 1878), в котором «резкий крик» смерти равен крику рождения («Ничтожество» 1880), а воскресший последний обитатель Земли оказывается одиноким «трупом» на остывшей планете — новом космическом гробе.

Не знаю, насколько вольным будет предположение о связи этого стихотворения с мотивами оперы Р.Вагнера «Тристан и Изольда» (1865 — год премьеры оперы), но при прочтении сами собой навеваются звуки симфонического сочинения «Präludium und Liebestod» — «Вступление и Смерть Изольды», в котором композитор объединил увертюру и финал оперы, где катарсической мощью последней сцены дается монолог Изольды над телом возлюбленного (в авторской версии заключительная ария оперы называется «Isolde's Verklärung» — «Преображение Изольды»), с которым она наконец-то может соединиться навеки; Любовь и Смерть нераздельны для Вагнера, как Жизнь, Любовь и Смерть для лирического героя цикла «Элегии и думы»: *«Куда идти, где некого обнять, / Там, где в пространстве затерялось время? / Вернись же, смерть, поторопись принять / Последней жизни роковое бремя. / А ты, застывший труп земли, лети, / Неся мой труп по вечному пути!»*

Р.Роллан характеризовал настроение «Präludium und Liebestod» как «вечное желание, которое жалобно стонет, набегает и разбивается без конца, подобно морским волнам» [3], та же сила ощущается в стихотворении «Никогда». Они правда похожи! От «Вступления и Смерти Изольды» в стихотворении содержится мотив томления, долгие мучительные паузы, достигающиеся через фрагментарность визуальной картинки и элегические размышления, которые творят эту паузу, в которой действие остановилось и «зависло». Однако дальше оно имеет продолжение, т.к. живое/мертвое тело героя движется/вертится в космическом пространстве движущейся планеты. Нарастающая и затихающая звучность музыкального произведения воплощается синтаксически и ритмически через парцелляцию в 1, 2, 3 строфах и распространенные развернутые описательные предложения в 3, 4 и 5 строфах, инверсию и риторические вопросы. «Мотивы сплетаются в насыщенном звучании тутти фортиссимо — и вдруг все рушится» [3]. «Все напрасно! Бессильно падает сердце, чтобы раствориться в томлении», — пояснял Вагнер смысл возвращения к началу во «Вступлении». В «Никогда» звучит и общий мотив цикла — «вечно повторяющийся вопрос, остающийся без ответа» [3], конкретно выраженный в «Ничтожестве»: *«Пора узнать, что в мирозданье, / Куда ни обратись, — вопрос, а не ответ...»*.

Сходство настроений двух произведений разных видов искусства объясняется общим пессимизмом эпохи и интересом обоих художников — слова и музыки — к творчеству Шопенгауэра, а также вольной интерпретацией обоих его философии. В статье «Исторический смысл мировоззрения Рихарда Вагнера» А.Ф.Лосев пишет слова, которые с равной силой могут быть приложены к поэтике Фета: «Общим с эстетикой Шопенгауэра, несомненно, является здесь ощущение мировой основы как чего-то неблагополучного и даже бессмысленного. Общим является здесь также и необходимость отречения от этого вечного и бессмысленного волевого процесса и потому отказ и полное отречение от этой мировой воли и жизни... Эстетика Шопенгауэра, очень близкая ему, сердцем оценивалась им все-таки как философия пассивизма и безвыходного сидения на месте. Тем не менее, Вагнер еще продолжает усиленно выдвигать понятие любви, которое сначала он был не в состоянии раскрыть, но которое все же является венцом его эстетической теории и в «Кольце» и в «Тристане»» [4]. Людей объединяло витающее в воздухе предчувствие передела мира, нарождающийся экзистенциализм, трансформация романтизма и проникновение порожденных им архетипов в массовое искусство (Двойничество, романтизированный Вампир как символ доминанты поведения и тоталитаризма, Франкенштейн — вариант гомункулуса фаустовского Вагнера), идеи З.Фрейда, Ф.Ницше, музыка Р.Вагнера и его мечта о «восстановлении Дня Германии» — вот компоненты колбы, в которой рождается новый человек. Конечно, биография Фета-Шеншина не могла не сказаться на содержании стихотворения и цикла в целом: его «безотцовщина», отчуждение родного дома-страны, «незаконность» рождения, непризнание, трагическая гибель Марии Лазич — переносится Фетом с уровня обыденного в метафизическое: быт наслаивается на бытие.

Лирический герой стихотворения «Никогда» и в целом цикла «Элегии и думы» утверждает главную идею — невозможность бытия одиночества, даже *после смерти* и восстания он видит жизнь не бытием в Боге, а сосуществованием двух природных начал — мужского и женского, — погруженных в свет женского начала, но герой видит заключение земной жизни в объятия смерти, и на этом фоне говорит об умале-

нии человеческой жизни на Земле. Через весь цикл «Элегий» проходят образы креста, земли, гроба, звезд, численной антитезы множественности и единичности, противопоставления мрака и света, суеты и покоя, человека, несущего в себе огненный свет, — как память иного бытия, подобного платоновскому воспоминанию «о том, как душа пела в хоре богов» — сгорающего в пространности космоса. Из цикла (а тем более из одного стихотворения) сложно вывести систематизированную концепцию мира и человека, такую же четкую, как в догматике богословия, но, безусловно, Фет оставляет глубокий отпечаток по прочтении.

А.А.Фет — сын эпохи бездомности, предчувствовавшей бездомность материальную, на судьбе самого поэта она сказалась буквально, позволив Фету лично предвосхитить настроения грядущих перемен в культуре, искусстве и выразить их в письме Полонскому: «Философия целый век бьется, напрасно отыскивая смысл в жизни, но его — тю-тю: а поэзия есть воспроизведение жизни, и потому художественное произведение, в котором есть смысл, для меня не существует» [5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В «Заметках о вольнонаемном труде», опубликованных в журнале «Русский вестник» за 1862 г., Фет писал: «В...сезон тетеревиной охоты ...повелось побывать у одного из героев тургеневского рассказа... Я ночевал у самого Хоря...» См. Ксенофонтов И.В. Литературное краеведение. Калуга: КГИМО, 2012. С. 63.
2. Благой Д.Д. Примечания. Никогда // А.А.Фет. Вечерние огни. М.: Наука, 1981. С. 657.
3. Кенигсберг А. Вагнер. «Вступление и Смерть Изольды» [Электронный ресурс] / Проект Ивана Федорова — Электрон. дан. — «Belcanto.ru». Классическая музыка, опера и балет, 2002. — Режим доступа — http://www.belcanto.ru/sm_wagner_isolda.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
4. Лосев А.Ф. Исторический смысл мировоззрения Рихарда Вагнера [Электронный ресурс] Юлия Полежаева — Электрон. дан. — Рихард Вагнер, 2009. — Режим доступа — http://wagner.su/node/114, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
5. Фет А.А. Письма — Я.П.Полонскому — 23 января 1888 [Электронный ресурс] Крупнейшее собрание электронных учебников — Электрон. дан. — Gumfak.ru Электронная библиотека, 2002. — Режим доступа — http://gumfak.ru/otech_html/afet/fet-proza/514—77.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

ИНДУСТРИЯ СПИЧЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.И.Роянова, *с.н.с., заслуженный работник культуры РФ, Калужский областной краеведческий музей.*

Калужская губерния, позже Калужская область на протяжении второй половины XIX—XX веков входила в состав центральных областей, снабжавших многочисленное население страны спичками. Широко известны спички Медынской группы производителей купеческого сословия конца XIX — начала XX вв. Так на фабрике купчихи Екатерины Лапшиной работало 114 рабочих. В 1862 году была открыта спичечная фабрика купца Я.Г.Волкова, а в 1871 году в Медыни появилась фабрика М.И.Ведерниковой. Спички С.И.Лащагина из с. Передел Медынского уезда на выставках в Неаполе и Марселе были отмечены медалями, изображение которых отпечатывалось на спичечных этикетках. В 1923 году фабрики Медынской группы производили 43172 ящиков спичек. (1) В период новой экономической политики спички вместе с мукой, сахаром, табаком выдавались как натуральное премирование рабочим Калужских текстильных фабрик. (2)

В конце 20-х годов XX столетия спичечное производство переместилось из Медынского уезда в Калугу. В Калуге в 1931 году начала работать спичечная фабрика «Гигант» им. Ворошилова. Она была одной из крупных спичечных фабрик первой пятилетки. В 1931 году на фабрике было изготовлено 24 тысячи ящиков спичек, в 1933 — 340 тысяч, в 1934 — 740 тысяч. (3)

К началу Великой Отечественной войны в стране выпускались сигнальные, штормовые, спички горящие вод водой, спички для высокогорья, ветровые спички. В связи с началом Великой Отечественной войны 15 спичечных предприятий, находившие на западных рубежах страны были оккупированы. Фабрикам центральной части пришлось взять на себя ответственность за увеличение количества коробков для нужд и заказам армии. Сюжеты спичечных этикеток были выдержаны в духе военного времени, они стали патриотическими плакатами: предупреждали, призывали, воспитывали ненависть к врагу, давали надежду на победу. Например: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» или «Женщины колхозницы, изучайте трактор, заменяйте трактористов, ушедших на фронт». (4)

В связи с нависшей над г. Калугой оккупацией станки спичечной фабрики «Гигант» были эвакуированы на восток. Как и на других фабриках, на «Гиганте» был освоен выпуск рассыпной спички в бумажных пакетах, по 200 спичек в каждой. В первые годы войны существовала норма выдачи спичек- три коробки или 150 штук на карточку в месяц. (5)

В географии размещения спичечного производства в СССР одно из первых мест занимал центральный экономический район, куда входили Ярославская и Калужская области. Фабрики этих областей долгое время снабжали центральную часть страны спичками, которые всегда были предметом первой необходимости. В Москве располагалась центральная научно- исследовательская лаборатория спичечной промышленности. 1950 год был ознаменован началом истории спичечного производства в поселке Балабаново Калужской области. Именно здесь, в соответствии с Приказом по главному управлению спичечной промышленности Минлесбумпрома СССР, началось строительство экспериментальной фабрики. Сюда был перемещен и научно- исследовательский институт. Вот, что пишут в своих воспоминаниях участники этого процесса:

«Разместить предприятие было решено в недостроенном, кроме того полуразрушенном войной, кирпичном здании, принадлежавшем тресту «Ростопмаш» Министерства лесной и топливной промышленности. В 1951 году были проведены строительные и восстановительные работы, в 1952 году было смонтировано оборудование первой очереди — цех литографии, задачей которого являлось обеспечение всей спичечной промышленности СССР спичечными этикетками» (6). В 1954 году экспериментальная фабрика выпустила первые ящики спичек. Через год был выпущен первый сувенирный набор и кабинетные спички.

В Калужском областном краеведческом музее в фонде «Филумении» хранится один из первых сувенирных наборов. Он посвящен Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (7). Набор датируется 1957 годом и поступил он в музей от А.С.Днепровского. На цветных этикетках спичечных коробков изображены основные павильоны выставки. Из наборов 60-х годов в музее хранятся спичечные коробки из древесного шпона с этикетками, посвященными Государственному ансамблю народного танца Союза ССР им. Моисеева и 50-летию Октября (8, 9)

Спички Медыни

Спички Медыни

Спички калужской фабрики «Гигант»

Хорошая полиграфическая база фабрики позволяла поставить на высокий художественный уровень изготовление этикеток, как произведений декоративно-прикладного искусства промышленной графики. Именно они и сегодня являются предметами коллекционирования. К работе по созданию эскизов (макетов) спичечных этикеток были привлечены художники Калужской области. Среди них Нина Антоновна Собинкова. Она родилась в 1938 году. В 1962 году окончила художественное училище им. Крамского в г. Ленинграде. Затем поступила в институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. С 1976 года она член республиканской секции графики Союза художников СССР. С середины 60-х годов прошлого столетия занималась декоративно прикладной промышленной графикой, разрабатывала эскизы спичечных этикеток для спичечных фабрик «Гигант» г. Калуга и Балабановской экспериментальной фабрики. Полиграфическая база данных предприятий позволяла делать этикетки высокого качества по образцам (макетам) калужских художников, которые отправлялись на спичечные фабрики СССР. Н.А.Собинковой делались макеты будущих спичечных этикеток под гравюру или акварель. В Калужском областном краеведческом музее хранятся сувенирные наборы, спичечные коробки и этикетки разработанные художницей. По заказу музея Ленина в Финляндии (Таммерфорса) были

сделаны два набора «Ленинские места»: один для России, другой для Финляндии. В Калужском музее хранится коробка с двойной этикеткой (10) Этикетки для Пинской и Чудовской фабрик были сделаны в два цвета: серый и коричневый. В 1970 году Н.А. Собинковой была разработана серия в акварельном варианте многоцветных этикеток к набору «Земля Калужская». Сувенирный набор «Сказки» Балабановской экспериментальной фабрики хранится в Калужском краеведческом музее. (11) Серия миниатюр «Памятные места Циолковского в Калуге», «Масленница» хранятся в картинной галерее «Образ». Там же хранятся этикетки для наборов «С Новым годом» и «50 лет СССР».

К 60-м годам относится и начало работы над промышленной графикой Александра Ивановича Соломатина(1927—2007 гг.). Имя А.И.Соломатина члена Союза художников СССР, хорошо знакомо калужанам. А.И.Соломатин создал эскизы к сериям, посвященным выдающимся людям и событиям страны. Им разработаны серии этикеток «Ленинград». Наиболее интересные: «Московский зоопарк», «Дымковская игрушка». (12, 13, 14)

«С Новым годом!» Балабаново

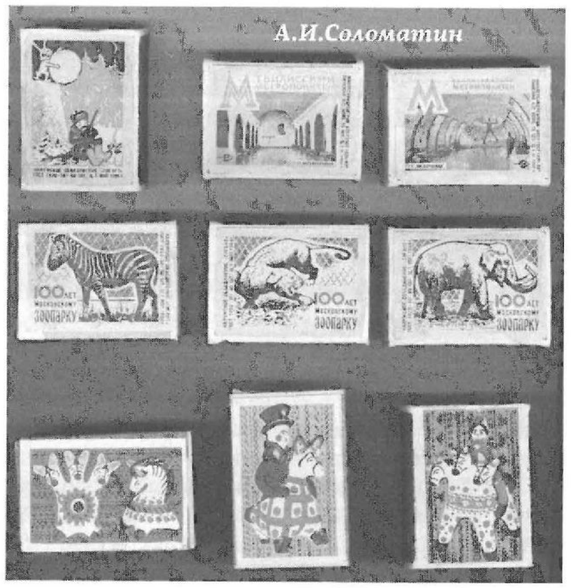
Н.А.Собинкова. «Сказки»

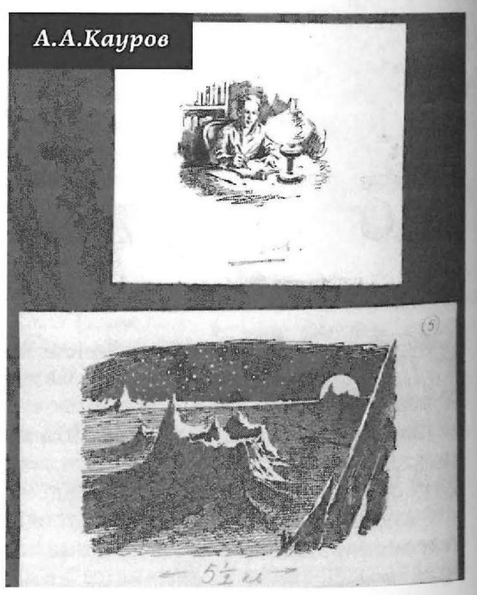
Сувенирный набор Балабановской экспериментальной фабрики «К.Э.Циолковский» был создан по эскизам А.А.Каурова, участника Великой Отечественной войны, художника газеты

«Знамя». Родился 16 ноября 1916 года в семье сельского учителя селе Шагири, Кусинского района Пермской области. По окончанию школы 1 ступени стал учиться в художественных учебных заведениях. В 1932 году окончил Армавирскую художественную профтехшколу. Продолжал учебу в Московском промышленно-художественном училище им. М.И.Калинина и на вечерних курсах карикатуристов при центральном Доме печати.

Н.А.Собинкова. «Ленинские места»

Н.А.Собинкова. «Сергей Есенин»





А.А.Кауров за работой.

С 1935 году началась его трудовая деятельность, сначала художником в заводском клубе, затем в художественных мастерских. В начале 1940 он начал работать в Краснодарской краевой газете «Большевик», В Красной армии служил рядовым бойцом, а затем на офицерской должности художника и зав. отделом иллюстрации красноармейской газеты «Боец РККА» Закавказского фронта. Демобилизовавшись в июне 1946 года продолжал работать художником и зав. отделом иллюстрации в редакциях областных газет и издательствах г. Грозного, г. Калуги, отделения худ. фонда РСФСР. Проиллюстрировал и оформил рисунками несколько детских книг и сборников разного характера в Краснодарском, Грознинском, Калужском, Тульском и Приокском издательстве. Награжден тремя медалями и орденом «Знак Почета». Член Союза Журналистов СССР. (Автобиография КП 11533/48). Награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» 6 ноября 1945 г. (отв. редактор газеты «Ленинское знамя»)., медалью «За оборону Кавказа» 6 окт. 1944 г. (отв. редактор газ. «Боец РККА». 30 лет Кауров прожил в Калуге, работая в газетах «Знамя» и «Молодой ленинец». Он считал себя графиком и являлся автором набора спичечных этикеток «Памятные места Калужской области» (15). «Народная артистка СССР А.Яблочкина», «К.Э.Циолковский» (16, 17).

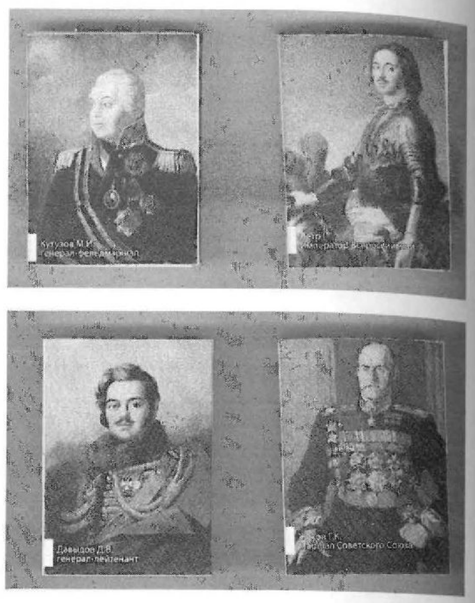
Художники утверждали свои эскизы в Москве на художественном совете в Министерстве. И только после этого тысячными тиражами спичечные коробки с их произведениями расходились по всей стране.

В конце 60-х годов на Балабановской экспериментальной фабрике был смонтирован и пущен в работу автомат по производству спичечных коробков-книжек из картона. Коробки-книжки для спичек широко популярны в США и странах Европы. В массовом потреблении нашей страны они не нашли спроса в те годы. Цех литографии, учитывая спрос на коллекционирование спичечных этикеток, как среди взрослых, так и подрастающего поколения, начал выпуск наборов для коллекционеров. Их выпуск шел параллельно с выпуском сувенирных наборов.

Один из последних наборов приобретенных Калужским областным краеведческим музеем у коллекционеров «1945—1965 День Победы», посвящен событиям Великой Отечественной войны(18). Коробки (внешняя и внутренняя) сделаны из древесного шпона. Этикетки цветные с рисованных эскизов. На этикетках изображены события Великой Отечественной войны, начиная с обороны Москвы до взятия Берлина. Автор иллюстраций неизвестен. К сожалению, в наборе нет двух коробков с иллюстрациями оборона Ленинграда и Курской битвы. В те далекие годы набор стоил 50 копеек. Сегодня — он дополнил музейную коллекцию филумении.

Семидесятые, восьмидесятые годы XX века можно считать периодом расцвета промышленного производства спичек и промышленной полиграфии на Балабановской фабрике. В 1970-м году в связи с нехваткой спичек в стране было начато строительство крупного спичечного цеха. В этом цехе было смонтировано оборудование шведской фирмы «Аренко», рассчитанный на выпуск 1 млн. усл. ящиков спичек в год (1 усл. ящик — 500 тысяч спичек). В 1973 году цех дал первую продукцию. Судя по коллекции музея, 80% в ней составляют сувенирные наборы, выпущенные в 70-х и 80-х годах прошлого века. Экспериментальная фабрика в 70-х годах перешла на производство спичечных коробков из картона. Картон быстро вытеснил шпон, поскольку производство первого значительно дешевле. Этикетка как и прежде приклеивалась на внешний коробок. Поражает разнообразие тематики наборов. От событийных «300 лет городу Иркутску», «400 лет Архангельску» (1980 г.), «По Белоруссии. 60 лет БССР», «60 лет СССР» до иллюстраций декоративно-прикладного искусства: «Советский фар-

«1945—1965 День Победы».
Автор неизвестен.



Сувенирный набор
«Войска правопорядка».

фор. Гжель» (1978 г.) худ. А.Смирнов, В.Назаров, «Народное творчество Закавказья» (1978 г.), «Народное творчество России» (1977 г.). Флора и фауна России представлена в наборах «Занесены в Красную книгу» худ. А.Смирнов., З.Санкова (1980 г.), «Аквариумные рыбы» (1978 г.), «Речные и озерные рыбы» (1980 г.) худ. А.Смирнов., З.Санкова., «Главный ботанический сад» (1975 г.), «Бабочки» (1978 г.) научный консультант Г.Н.Горностаев, худ. А.А.Данилин. Невозможно назвать все, так как коллекция музея производства Балабановской фабрики составляет сотни коробков.

Отдельно взятая этикетка еще долго применялась в спичечном производстве.

В начале 90-х годов XX века ее сменила этикетка, отпечатанная на коробках. Сегодня для нанесения рисунков на внешний коробок используется метод начального сканирования фотографий, музейных предметов и перенесение картинки на коробок с помощью полно-цветной печати. Заказные наборы конца XX — начала XXI столетий отражают интерес и потребности заказчика. Художественное оформление, цветовое решение создает промышленный потенциал производителя. Для заказных наборов использовался мелованный картон. Примером может служить один из последних наборов, поступивших с ООО «Плитспичпром» г. Балабаново Калужской области, с названием «Войска правопорядка» 2010 год (19).

В терминологии современного описания спичечных коробков (каркор — картонный коробок) появились слова — рекламный, презентационный. Современные заказчики, учитывая спрос на спичечную продукцию населения страны, помещали на коробках рекламу своей фирмы с адресной информацией. Например, в музее хранится коробок с текстом «Всегда в наличии и на заказ Пиломатериал то производителя». Заказчик одна из фирм г. Обнинска(20) Частное предприятие «Орхан»,занимавшаяся оптовой продажей спичек, на коробке из серого картона заказало цветное изображение героя мультфильма(21) Коробки для основного пользователя выпускались с использованием серого картона с изображением на лицевой стороне внешнего коробка горящей спички. Балабановская экспериментальная фабрика уже в 1985 году имела название Производственное объединение «Плитспичпром». Изменение в экономики страны привели к изменениям в наименовании производителя спичек. Акционерное общество

«Плитспичпром» сегодня имеет статус ЗАО «Плитспичпром». На коробке изображен герб г. Балабаново. 4 июля 2012 года периодическая печать города Балабанова своим читателям сообщила, что: «Одно из основных предприятий города Балабанова, на протяжении многих лет считавшееся градообразующим, постепенно меняет направление своей работы.

ЗАО «Плитспичпром», десятилетиями, обеспечивавшая спичками многие страны дальнего зарубежья и бывшие республики Советского Союза, завершает демонтаж линий по производству данного вида продукции». Следующая информация завершила многолетнюю историю Калужской спички. «В настоящее время спичечная индустрия переживает не лучшие свои времена. Объемы производства постоянно сокращаются, в настоящее время на «Плитспичпроме» почти половина линий остановлена, демонтирована, продана и вывезена». Это не значит, что основной потребитель остался без спичек. В Калужских магазинах появились спички в коробках ООО «Феникс» г. Киров (областной, бывшая Вятка). ЗАО «Плитспичпром»продолжает выпуск только сувенирных заказных наборов.

Коллекция«Филумении» Калужского областного краеведческого музея имеет большую культурно-историческую ценность. В 2010 году часть коллекции филумении, демонстрировалась в г. Москве в Государственном музее А.С.Пушкина. От уникальных наборов 50—60-х годов, например: «50 лет ЗИЛ» до набора XXI столетия «Казанская Свято-Амвросиевская женская пустынь при Шамордино», созданная с фотографий С.Икрянникова, были представлены в экспозиции столичного музея. В 2012 году коллекция филумении, посвященная событиям 1812 года, была представлена в Калужском областном краеведческом музее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Роянова Г.И. К вопросу о переходе промышленности Калужской губернии на рельсы Новой экономической политики 1921—1923г. // Сб. докладов Всероссийской научно-практической конференции. Калуга.2006г.с.470.

2. Там же, с. 468.

3. Ровестник первой пятилетки. Рекламно-информационный проспект. Калуга 1981г.

4. Бармаков В.Г. Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР с 1919 по 1945 г. М., 2000. С. 31—32.

5. Бармаков В.Г. Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР с 1919 по 1945г. М., 2000. С. 3, 33—34.

6. Спички. Буклет Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности. М., 1977 г.

7. КОКМ КП 11859/65.ФИЛ.3727—3744.

8, 9 КОКМ КП 11859/3. ФИЛ.2285-2301 и КП 11859/66. ФИЛ.3745—3764.

10. КОКМ КП 13112 ФИЛ.9759.

11. КОКМ (КП 11859/50.ФИЛ.3328-3355).

12, 13, 14. КОКМ КП 11859/5 ФИЛ.2319-2335.КП 11859/30 ФИЛ.2773—2800,

КП 11861/5 ФИЛ.3862—3879.

15. КОКМ КП 11533/1 ФИЛ.4136—4153.

16, 17. КОКМ КП 11533/50 ФИЛ.4154—4171; КП 11533/51 ФИЛ.4172—4179.

18. КОКМ НВ 7413

19. КОКМ. КП 13761/1-25. ФИЛ.10420.

20. КОКМ НВ7262/19.

21. КОКМ НВ7262/14.

МУЗЕЙНЫЙ МАГАЗИН: ОТ КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ К ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)

Ю.С.Заложных, *зав. сект.,*
Калужский областной художественный музей.

На современном этапе своего исторического развития музеи, являющиеся важнейшим элементом культуры любого государства, претерпевают значительные изменения и трансформацию. В нашей стране это, прежде всего, связанно с уже двадцатилетней попыткой перехода к капиталистической формации в ультралиберальном варианте [См.: 1]. Насколько этот переход необходим и осуществлен покажет время, но реалии сегодняшнего дня предполагают обязательное встраивание музеев в рыночную коньюктуру с в выполнением задачи по самостоятельному зарабатыванию денежных средств.

Характерной единицей любой рыночной экономики являются розничные магазины, доставляющие товар или услугу до конечного потребителя и приносящие (при правильной организации) стабильный доход владельцу. Именно поэтому все большее число музеев во всем мире, открывают на своей территории музейные магазины. Но все же финансовая сторона вопроса при создании магазина не является приоритетной для музея как для некоммерческого учреждения.

«Сегодня музейный магазин во всем мире является составной частью работы с общественностью, формирования имиджа музея, значимым элементом его успеха...»[2]. Так же он выполняет функцию музейной коммуникации, является органичным продолжением музейной экспозиции, выполняет функцию мемориальную, возвращая и сохраняя в нашей памяти основные сюжеты и произведения музейной коллекции.

Важной особенностью любого музейного магазина, отличающего его от любого другого розничного магазина, является, конечно же, ассортимент представленной сувенирной продукции, которая в большинстве случаев создана на базе уникальных произведений искусства, хранящихся в данном музее. Музейный магазин в свою очередь, как зеркало, отражает приоритетные идеи, стремления и планы музея в не только и не столько в рыночной среде, но и в социальной. Ведь цивилизованно, грамотно созданный и функционирующий музейный магазин приносит пользу как самому музею, так и обществу в целом, с приоритетом на ту часть людей, которая посещает музеи.

Планирование и анализ работы музейного магазина позволяет сотрудникам направлять цели и задачи музея через музейный магазин в окружающую среду, получать информацию об их востребованости и необходимости, формируя, таким образом, обратную связь с социумом и получая возможность прогнозирования своего дальнейшего адекватного функционирования.

Основным, самым массовым товаром и самым продаваемым товаром, представленным в музейных магазинах всего мира, безусловно, является различная по качеству и составу сувенирная продукция. Безусловно, это не случайно.

Сувенир (франц. ***souvenir*** — букв. — *воспоминание, память*) — это художественное изделие, какой-либо предмет как память о посещении страны, города, места и т.д.[3, С. 715].

История возникновения сувенира как подарка на память уходит своими корнями в древний обычай оставлять какую-нибудь вещь, способную вызывать и пробуждать воспоминания.

В процессе развития массового туризма всё больше и больше людей, отправлявшихся в путешествие в другие страны, приобретало понравившиеся им вещицы не только для того, чтобы подарить близким, но и себе на память о посещённых местах, интересных событиях, участниками которых они стали. Постепенно привозить с собой сувениры из путешествий и поездок стало традицией и даже модой.

Традиционно под сувениром понимается художественное или художественно оформленное изделие, как правило, небольших размеров, отображающее особенности местности, ее достопримечательности, важнейшие события и достижения, которое приобретается туристом на память о путешествии или для подарка другому лицу.

Таким образом, понятие сувенира со временем трансформируется — и сегодня это не просто и не только подарок на долгую память, а уже овеществленные эмоции, впечатления и воспоминания об чужой стране, культуре, истории.

Именно по этому, если музей хочет чтобы в него не просто приходили люди, а возвращались обратно снова и снова, вспоминали о музее спустя какое-то время, а также, рассказывали своим друзьям и близким, то разработка и продвижение линейки музейных сувениров должна стать обязательным направлением музейного маркетинга любого музея.

Музейный сувенир в процессе своего бытования выполняет несколько функции. Для музея с экономической стороны — это товар, продукция, которая может приносить материальную выгоду, хотя понятно, что данная функция никогда не была и не будет приоритетной и главенствующей. Более важным сувенирной политике музея является то, что сувенир репрезентирует музей окружающим, является своеобразной визитной карточкой, отображающей особенности данного учреждения, создавая ему благоприятный имидж. Также сувениры выполняют познавательную функцию — знакомя людей с географическими, историческими, культурными и другими особенностями местности, которую они представляют, способствуя в свою очередь духовному обогащению людей [См. 4, С. 6].

Безусловно, что коллекция каждого музея по-своему уникальна и неповторима, у каждого посетителя она находит свой эмоциональный отклик, вызывает свои впечатления и чувства, и в этом случае именно сувенирная продукция *«позволяет продлить это впечатление, в буквальном смысле "забрать его с собой"»* [4, С.10]. Таким образом, человек, посетивший музей и получивший положительные эмоции от этого посещения, закрепляет их покупкой музейного сувенира, который с одной стороны будет периодически напоминать о месте, где ему понравилось, побуждая туда вернуть еще раз, а с другой стороны, демонстрируя и даря привезённые сувениры окружающим, сам посетитель становиться участником распространения информации и рекламы музея. Что в свою очередь способствует привлечению новых посетителей в музей.

Отсюда раскрывается еще один аспект политики изготовления и продажи сувениров как нестандартного способа продвижения музейных коллекций, привлечения к ним широкого публичного интереса, а также поиска новых идей и концепций взаимодействия музея и посетителя. Причем, удобство этой формы работы напрямую связанно с быстротой получения необходимой музею информации, на ее основе легкости корректировки своих тактических и стратегических задач т.е. эффективной обратной связи с окружающей действительностью.

Все это наглядно демонстрирует огромную актуальность и важность разработки и продвижения сувенирной продукции для любого музея.

Все музейные сувениры можно разделить на несколько групп товаров:

- **Сувениры с символикой музея** (значки, блокноты, ручки, кружки, майки и т.д.), изображающие фасад музея, логотип, какой-либо из известных экспонатов, портрет человека, имя которого носит музей. Такие сувениры также часто выполняют функцию корпоративной продукции при общении с партнерами музея.
- **Сувениры-реплики** — точные или уменьшенные копии музейных предметов, хранящихся в коллекциях музея, выполненные на достаточно высоком художественном уровне.

• **Сувениры с символикой страны, региона или города**, где находится данный музей.

• **Сувениры, связанные с основной тематикой музея**, временными выставками, различными мероприятиями и акциями.

• К сувенирной продукции близко примыкает и часто сливается с ней **полиграфическая и мультимедийная информационная продукция** — путеводители, каталоги, альбомы, монографии, диски, художественные репродукции, открытки и т.д. [См. 4, С. 7]

• Несколько обособленно, но занимающая при этом значительную нишу в доле сувенирной продукции является группа изделий народных промыслов и предметов быта, характерных для данного региона исторически.

При разработке собственной линейки музейных сувениров и создании музейного магазина, каждый музей должен определиться на какую группу сувениров он будет опираться в своей работе, будет ли у него представлено несколько групп, какой ценовой категории они будут.

Можно ограничиться линейкой недорогой стандартной продукции с музейным логотипом (магниты, блокноты, брелоки, значки и т.д.), которая более всего востребована у широкого круга покупателей. Можно в дополнение к ней разработать более дорогие, эксклюзивные реплики музейных предметов для более взыскательных посетителей. Но главной чертой любого музейного сувенира любой ценовой категории должна стать такая найденная особенность этого сувенира, которая бы отличала его от сувениров из других мест и сохраняла бы в нем уникальность музея и его коллекции.

Калужский областной художественный музей, как и большинство музеев России долгое время хотел создать свой музейный магазин. И, наконец, в 2011 г. был разработан проект выставки — продажи «Калужский художественный сувенир», которая открылась для посетителей 6 марта 2011 г. в северном флигеле музея. До этого момента в этом помещении проводились временные выставки, а вместо магазина существовала только небольшая витрина возле кассы с книжной продукцией. Помещение северного флигеля небольшое, поэтому проводить что-то масштабное там было не возможно, что в свою очередь снижало посещаемость этих выставок. Для магазина размера этого помещения было достаточно, а так же большим плюсом является то, что фасад и вход в северный флигель выходят не во двор музея, а прямо на ул. Ленина. Это позволяет привлекать в магазин не только посетителей музея, но и обычных горожан, которые, проходя по улице мимо по своим делам, могут зайти в него, минуя музей. Все это расширяет целевую аудиторию посетителей магазина.

Основная концепция данного магазина заключается в том, что это не просто магазин, как набор определенных товаров, выставка-продажа, подразумевающая определенный уровень художественной организации пространства.

Главной ее особенностью является то, что представленные на ней экспонаты (которые одновременно являются и продаваемым товаром) должны быть выполнены на высоком художественном уровне художниками и мастерами народных промыслов г. Калуги и Калужской области.

На сегодняшний момент в экспозиции данной выставки-продажи представлены:

• Живопись художников — З.Тимофеевой, М.Мантулина, А.Жлобовича, В.Кузина, Л. Ведяевой, Б.Дмитриева, В.Бунеева, И.Инюшкина, М.Андреевой, И.Мамоченко, В.Вдовина, Ю.Карпикова, С.Горушкина и др.

• Графика — Д.Иванова, В.Страхова, В.Манаенкова.

• Художественные произведения в технике эмали по металлу — Л. Зайченковой, А. Мантулиной.

• Керамические изделия: художественный фарфор производственно-коммерческой фирмы "Фарфор» (г. Киров, Калужской области); авторские работы И.Хмельниченко; хлудневская игрушка потомственного мастера А.Бубнева; хлудневская, дымковская и авторская игрушка народного мастера, члена союза художников России А.Лондарева; декоративные тарелки и пластика П.Аликперова.

• Изделия из бересты калужских мастеров С. и Н. Орловых. Основная тематика — виды и церкви г. Калужского края и лубковые картинки.

• Лаковая миниатюра (разнообразные шкатулки и подарочные наборы), выполненная мастерами ООО "Лаковая миниатюра" (г. Калуга).

В дополнение к этому в магазине представлена линейка сувенирной продукции с символикой музея, которая включает в себя — 14 видов сувенирных магнитов, с изображениями художественных произведений из фондов музея; большие магниты с изображением голубой гостиной музея, а также сувенирные кружки и закладки для книг.

Отдельный стенд в магазине посвящен печатной продукции музея: книгам по искусству, каталогам выставок, музейным изданиям, буклетам, открыткам и т.д.

На сегодняшний день музейный магазин работает уже 2 года, и за это время он показал свою востребованность у посетителей и рентабельность для музея. Появился как круг постоянных художников и мастеров, с которыми идет сотрудничество, так и круг постоянных посетителей, которые регулярно приходят в магазин и совершают покупки.

Безусловно, предполагается дальнейшее развитие и усовершенствование данного музейного магазина, в рамках чего планируется расширить линейку сувенирной продукции с тематикой музея (часы, тарелки, шейные платки), привлечь к сотрудничеству мастеров, изготавливающих декоративных кукол, создающих изделия из металла и кожи, а также представить в экспозиции изделия из стекла для расширения ассортимента предлагаемого товара.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что данный проект «Калужский художественный сувенир», направленный на развитие сферы российского музейного сувенира в регионах нашей страны, успешно реализован на практике, показывая своим примером возможность и необходимость для регионального музея создания собственного магазина, как важной составляющей его структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запесоцкий А.С. Какой капитализм построен в России // Национальные интересы. 2012. № 1(77). [Электронный ресурс]. URL: http://ni-journal.ru/archive/7a9445dd/n1-2012/a13e47d5/c58b5450/ (дата обращения: 30.03.2013).

2. Медведева Е. О музейном сувенире и не только // Музей. 2011. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.panor.ru/journals/museum/archive/index.php?ELEMENT_ID=33302 (дата обращения: 14.03.2013).

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю.Шведовой. М.: «Русский язык», 1975.

4. Зеленцова Е., Мельвиль Е. Аналитический доклад «Музейный сувенир и музейный магазин в России». М.: Агенство «Творческие индустрии», 2011.

5. Лысикова О.В. Музеи мира. М.: Флинта: Наука, 2002.

6. Корпусенко О. Музейный магазин // Кижи. 2011. № 9(92). [Электронный ресурс]. URL: http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/90/2302.html (дата обращения: 20.03.2013).

7. Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2008.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «ИОНИЗАЦИЯ. ОТКРЫТИЕ ПРОФ. А.Л.ЧИЖЕВСКОГО» И ЕГО ЗАКАДРОВОЕ ОЗВУЧИВАНИЕ

О.В.Семочкина, *к.п.н., зав. музеем А.Л.Чижевского,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского;

В.П.Тихонов,
г. Москва.

По телевидению в передачах о А.Л.Чижевском не раз показывались фрагменты фильма, где снимался ученый [6], однако о самом фильме не было известно, ничего кроме этих небольших фрагментов. Сам ученый лишь вскользь упоминает об истории создания фильма в своих воспоминаниях [1]. Но полная версия фильма оставалась неизвестной.

В ходе разработки темы мы стали искать сопутствующие документы.

В своих воспоминаниях «На берегу Вселенной...» ученый лишь немного касается этого фильма:

«Стояла прекрасная осень. Солнце еще грело по-летнему. Небо было темно-голубое, но листва уже пожелтела и весело золотилась. Кинооператор Звенигородский снимал первый в мире фильм об ионификации... Самозваная... комиссия явилась в "Арженку", и по всей округе разнеслась весть, точь-в-точь как у Гоголя:

— К нам едет ревизор!..

Это были ... воронежские врачи... Они любезно отрекомендовались мне и заявили, что якобы мое открытие развертывает такие колоссальные перспективы в медицине, что...

Тут один врач поперхнулся и не договорил. Другой — кисло улыбнулся, но все присутствующие поняли, что приехавших интересует, как "устроена" аппаратура и нельзя ли ею поскорее воспользоваться.

— Пожалуйста, — сказал я, — доступ на нашу станцию открыт всем, и мы рады вас ознакомить со всеми нашими приборами и со всеми работами. Прошу!

Камни за пазухой были спрятаны у приезжих так хорошо, что не были замечены даже проницательными взглядами некоторых сотрудников, иначе от одного доброго посвиста эта "комиссия" растаяла бы, как тает воск. Но теперь, когда длительная история аэроионификации лежит перед нами со всей своей точнейшей хронологией, с сотней страшнейших событий, жаль, что такого посвиста тогда не последовало и мы сами же позволили нескольким молодчикам безнаказанно портить сокровищницу отечественной науки...

Приехавшим "комиссионерам" любезно было показано все в своей простоте и общедоступности. Врач С.В.Кауфман зарисовал в блокноте схему электрической установки и форму люстр, доцент В.А.Равич-Щерба интересовался результатами наблюдений над туберкулезной птицей и допрашивал ветеринарного врача станции В.А.Бачманова. Кинооператор Звенигородский решил запечатлеть это событие на пленке. Возможно, что в государственной фильмотеке она хранится до сих пор, и упомянутые Хлестаковы могут возникнуть на экране кинотеатра как по мановению волшебного жезла...

Но на другой день, вернувшись в Воронеж, врачи настрочили пасквиль, полностью очернявший всю нашу работу. В стороне от этого грязного дела остались В.В.Томский и Б.А.Дьяков» [1, с. 641—642].

Таким образом, мы поняли, что полное содержание фильма и его судьба оставались неизвестными А.Л.Чижевскому. Это подтверждается еще и тем, что во всех библиографиях об ученом этот фильм не упоминается.

С сайта Российского государственного архива кинофотодокументов мы узнали точное название фильма: «Ионизация. Открытие проф. А.Л.Чижевского» и следующую информацию о нем:

«Дата выпуска: 1931

Аннотация:

***1 часть** — Строительство птицеводческих комбинатов. Закладка яиц в инкубатор. Появление цыплят («Украинский гигант» г. Ромны). Цыплята на лугу вместе с курами. Профессор А.Л.Чижевский в лаборатории проводит опыты по воздействию воздушных и газовых пузырьков на живые организмы. Проведение опытов на птицеферме над курами и цыплятами (совхоз "Арженка" Центральная Черноземная область). Замена солнца и зеленого луга для птиц ионизацией. Вентилятор гонит воздух на цыплят. Птичница кормит цыплят, взвешивает. Цыплята, прибавившие вес, гуляют по лугу.*

***2 часть** — Представители общественности и печати на территории птицеводческой станции. Различные планы исследования влияния ионизированного воздуха на яйценоскость. Опыты влияния ионизации воздуха на болезни птиц. Кормление, взвешивание подопытных цыплят.*

Ключевые слова: Сельскохозяйственные науки. Птицеводство. Биология. Физика.
Киностудия :Союзкинохроника
Режиссер: нет данных
Оператор(ы): Г.Звенигородский
Другие создатели: В.А.Кимряков
Звук: немой
Цвет: черно-белый.
Количество частей: 2
Метраж: 567,4» (≈ 20 мин) [2].

Из архива нами была получена копия фильма [6], которая была впоследствии оцифрована. Фильм оказался не из 2х частей, а одной серией, время его показа составляет 19 мин 52 с., а содержание фильма составили титры.

Друг ученого, журналист Б.А.Дьяков, вопреки словам ученого, не остался в стороне, так как из сборника «А.Л.Чижевский...» [3, с. 93] мы узнали о его книге с похожим названием: «Революция в птицеводстве: Опыты по ионификации в совхозе Арженка...» (где вместо предисловия письмо проф. Чижевского к автору брошюры и «Постановление Совнаркома о работе проф. Чижевского») [4].

Воспоминания Б.А.Дьякова ничего не прояснили по этому поводу, так как в них автор лишь касался своей книги:

«Я робко вытащил из портфеля сигнальный экземпляр тоненькой книжки (первая моя изданная работа) — очерк о научных поисках Чижевского. На цветной обложке художник нарисовал двух подопытных цыплят на весах. Видно было, что одна чаша явно перетягивает. Варейкис принялся рассматривать книжку. Мое волнение росло с каждой секундой.

— "Революция в птицеводстве"... Гм! Громкое название... Возможно, и правильное... А этого цыпленка, что перевешивает, ионами, видать, кормили?

— Совершенно верно!.. Хотя опыты далеко не закончены, — сказал Чижевский, — и ряд сложных вопросов остается еще открытым, все же считаю такое издание полезным и, в значительной мере, обоснованным. Мои шефы действуют!» [5, с. 117]

Однако, содержание книги оставалось неясным: то ли эта книга написана по фильму, то ли является его продолжением.

С целью изучения содержания книги с помощью межбиблиотечного абонемента Калужской областной библиотеки им. Белинского мы обратились в областную библиотеку г. Воронежа. Однако, ее там не оказалось, и наш запрос переслали в Российскую государственную библиотеку (быв. им. Ленина) (Москва), но ее и там не оказалось. Поэтому наш запрос был перенаправлен в Российскую национальную библиотеку

(Санкт-Петербург), где и нашелся единственный сигнальный экземпляр этой книги и откуда нам была прислана его ксерокопия.

Книга Б.А.Дьякова [5] не находилась ранее в научно-исследовательском обороте и в данной работе мы ее рассматриваем впервые.

После внимательного изучения книги стало понятно, что, к сожалению, экземпляры так и остались сигнальными, в массовый тираж книга так и не вышла, так как книга находится только в единственном экземпляре, и в книге встречаются мелкие грамматические ошибки, которые указывают на то, что этим выпуском дело и закончилось, окончательной выверки не было, и, значит, книга так и не вышла в массовый тираж. Возможно, это было связано с непрекращающимися скандалами вокруг станции, что было отражено в 1931 г. в газетах: Рассказовской районной «Вперед» и областной «Коммуна», и в переводе станции на хутор Нарчук под Воронеж (в то время, как события, описываемые в книге, относились к Арженке).

Мы сопоставили книгу и фильм. Выяснилось, что сюжет фильма положен в основу книги, и кроме того, в самой книге все иллюстрации (стр. 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 31) являются кадрами фильма. Фразы из книги составили текст закадрового озвучивания. При его составлении текста мы ориентировались на иллюстрации и подписи к ним.

В заключение хотим сделать следующие выводы.

В результате анализа архивных документов и публикаций нам удалось:

- Найти полную версию фильма «Ионизация. Открытие проф. А.Л.Чижевского» [6].
- Найти написанную по фильму книгу Б.А.Дьякова «Революция в птицеводстве. Опыты по ионизации в совхозе Арженка (по материалам станции)» [5].
- На основе книги составить закадровый текст озвучивания фильма.
- Заинтересовать озвученным фильмом Российский государственный архив кинофотодокументов полной версией фильма с целью передачи его в архив.

ИСТОЧНИКИ

Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. М.: Мысль, 1995.

Сайт Российского государственного архива кинофотодокументов. http://rgakfd.ru/catalog/films.

А.Л.Чижевский. Неизданное, библиография, размышления, развитие идей / Сост. О.Л.Кузнецов, В.Ж.Аренс, Л.В.Голованов, Г.Н.Матюшин, А.Н.Никитин, Ю.А.Рахманин, Ю.В.Яковец, А.Л.Яншин. М.: РАЕН, 1998.

Дьяков Б.А. Революция в птицеводстве. Опыты по ионизации в совхозе Арженка (по материалам станции). Воронеж: Коммуна, 1932.

Дьяков Б.А. Мужество любви. М.: Современник, 1982.

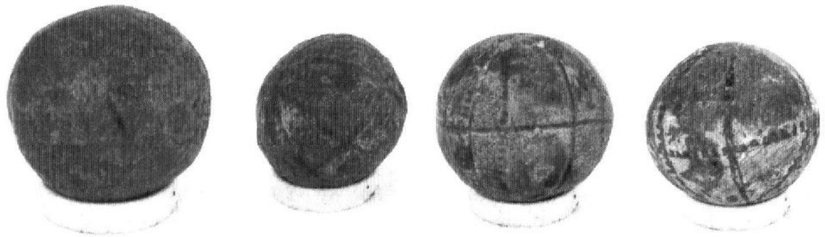
Ионизация. Открытие проф. А.Л.Чижевского / Док. фильм. Созд. А.Л.Чижевский, В.А.Кимряков. Опер. Г.Звенигородский. М.: Союзкинохроника, 1931.

КАЛУЖСКАЯ ШУМЯЩАЯ ИГРУШКА XVI—XX ВЕКОВ И ЕЕ РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

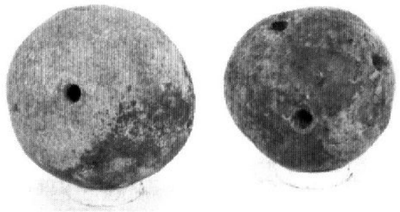
Л.И.Федорова, *засл. работник культуры РФ, дир.,.*
В.А.Ткаченко, *зам. дир.,*
Музей ремесла, архитектуры и быта.
В.В.Федоров,
Калужский областной центр народного творчества.

Города Средневековой Руси, являющиеся центрами административной и духовной власти, сосредотачивали в себе специализированные производства. В Калуге, ее ближних и дальних окрестностях традиционно использовался один из самых доступных природных материалов — глина. Ее удивительное свойство, превращаться под действием огня в прочное водостойкое и долговечное рукотворное произведение человеческих рук, позволили возникнуть в Калужском крае гончарному, кирпичному, изразцовому производствам. В Калуге известна территория Гончарного Посада, где трудились калужские мастера. Многочисленные находки разнообразных обожженных гончарных изделий, разного временного порядка, позволяет судить о масштабах данного ремесла и его распространенности в нашем городе[1]. Историческая часть Калуги с ее деревянными и уютными домами быстро уходит в небытие, уступая место многоэтажным новостройкам. Трудно представить, сколько остатков глиняных игрушек безвозвратно утрачено за годы интенсивного строительства и реконструкции города. Большое количество сохранившихся игрушек, найденных при сносе домов и земляных работах, позволяет изучать это явление, имеющее за собой несомненную глубокую древность. Наиболее массовые находки игрушек локализуются в исторических центрах гончарного ремесла и мастерских калужского изразца. Отдельные игрушки выполнены из кирпичной глины красного цвета, что косвенно может указывать на изготовление их на кирпичных производствах. В массе своей игрушки изготовлены из глин местного происхождения —светложгущихся глин. Обжиг качественный, однако, встречаются кусочки игрушек, имеющие в своем изломе недожженные прослойки. Это одна из причин, которая повлияла на сопротивляемость климатическим и временным воздействиям, способствовала исчезновению значительного количества продукции игрушечных мастеров. Мы изучаем сохранившиеся изделия в частных коллекциях калужан. В огромных количествах находят шары различных размеров, от горошины до 5 см диаметров[2]. Среди шаров есть полые с глиняными шариками внутри — погремушки и громовики, размером от 3-х до 5-и см. Рассмотренная группа шумящих игрушек относится к самозвучащим ударным керамическим музыкальным инструментам с нефиксированным звуком, т.е. звуком неопределенной высоты. Можно предположить, что своим возникновением и существованием шумящие игрушки прошлого и настоящего времени обязаны музыкально — бытовой обрядовой традиции шумящих погремушек. Поэтому высказанное И.Богуславской определение: *«игрушка — особый вид народного искусства: непосредственная функция далеко не всегда играла в нем существенную роль»*[3], очень точное и функциональное. Видный исследователь русского народного искусства В.С.Воронов полагал, что сами создатели игрушек часто чувствовали в них гораздо большее содержание, *«чем минутная утеха детства. Народные мастера выражали в своих изделиях представления о мире, природе, людях»*[4]. Г.Дайн считает, что многие глиняные игрушки *«обладали определенной магической силой, были необходимы при свершении соответствующих обрядов»*[5], служили охранительницами рода, «оберегами» ребенка. В.С. Шацков, описывая игрушки разных народов античности, заключает, что шумом и звоном они отгоняют злых духов от детей[6]. В нашем регионе разные по форме глиняные погремушки известны с эпохи раннего железа[7].

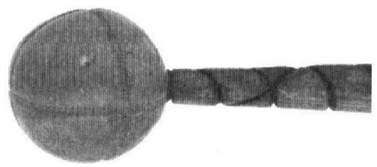
Не вызывает сомнения, что более ранние круглые погремушки изготавливали в Москве (XV—XVI вв.)[8], к XVI веку относятся круглые погремушки из Суздаля[9], Нижнего Новгорода[10], Липецка[11]. Изделия XVII—XVIII вв. бытовали в Коломне[12], погремушки второй половины XVIII — начала XIX веков найдены в Твери[13], Владимире. Несомненно, подобные изделия имеют более широкий ареал изготовления и распространения. Круглые погремушки, бытовавшие в Калуге, имеют длительный временной диапазон распространения, предположительно, XVII—XIX вв. Характерной чертой всех изученных калужских круглых погремушек является наличие внутри одного глиняного камушка — ударника для извлечения звука. Более ранние изделия, их шесть штук ручной лепки, диаметром от 30,5x33,5 до 53x55 мм, выполнены из светложгущихся глин. Пять из них покрыты поливой: две желто —коричневой, одна прозрачной зеленоватой и две зеленой поливами, одна — без поливы[14]. Отличительной особенностью четырех изделий является отсутствие видимого отверстия, наличие орнамента, в виде зубчатых полосок. *(ил. 1)* Звук возникает в них при легком встряхивании, при этом в руке возникает трудно передаваемая словами вибрация, которая воздействует на весь организм. Самая крупная круглая погремушка без орнамента, имеет 4 отверстия, проколотые крестообразно для подвешивания над колыбелью. Она была найдена при сносе домов на Красной Горе. Большая поливная погремушка имеет 6 отверстий и предназначена для подвешивания[15]. По логике, они должны были нести внутри несколько мелких глиняных шариков, но мы имеем лишь один шарик — ударник. *(ил. 2)*



Ил. 1. Круглые глиняные погремушки ручной лепки, без видимого отверстия, Калуга, XVII в.



Ил. 2. Круглые глиняные погремушки ручной лепки, для подвешивания над колыбелью. Калуга, XVII—XVIII в.в.

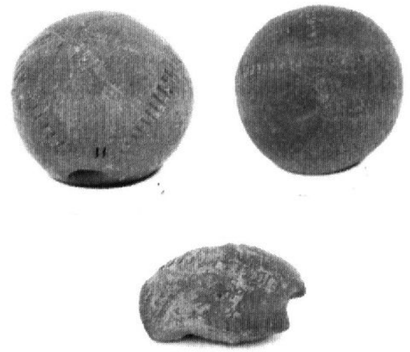


Ил. 3. Круглая глиняная погремушка с деревянной резной ручкой. Калуга, XVIII—XIX в.в.

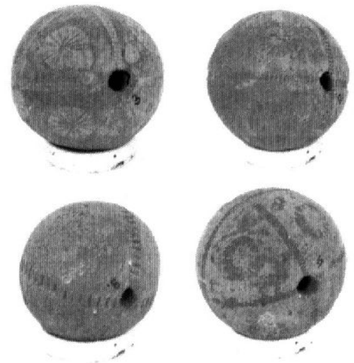
Все изученные круглые погремушки, датируемые XVIII — началом XIX веков, изготовлены из красножгущихся глин, имеют одно отверстие, большинство лощеные и покрыты красным ангобом. Благодаря фрагментам круглых красноглиняных погремушек удалось определить, что формирование изделий, вероятно, происходило в разъемных цилиндрических формах с дном в виде полусферы, обеспечивающей стабильность наружных диаметров погремушек одного мастера или мастерской. Отсутствие следов внутренних технологических швов, складки глины и следы пальцев подсказывают, что прием закрытия устья происходил постепенным сжатием его пальцами обеих рук, после закладки вовнутрь глиняного шарика-ударника. На месте закрытия устья прокалывалось отверстие для установки деревянной ручки детской погремушки. Погремушка с остатками резной деревянной ручки была найдена в 1992 году при сносе дома по улице Тульской. *(ил. 3)* Этот технологический прием отличает погремушки из Калуги от подобных круглых погремушек московского типа.

В Москве корпус игрушки вдавливался в формочки в виде двух полушарий, которые затем соединялись технологическим швом.

Круговые орнаменты на поверхности изделий выполнены вручную, как зубчатыми рейками, так и зубчатыми колесиками. Эта категория глиняных погремушек из Калуги состоит из нескольких разновидностей. Два целых изделия и фрагмент, диаметром 33,5 — 40 мм украшены лишь линейно —зубчатым орнаментом. *(ил. 4)* Другая группа из пяти целых изделий и двух фрагментов имеет в каждом сегменте солнечную розетку, нанесенную торцовым штампом диаметром 11,5 мм. Розетки на 5-ти погремушках состоят из 16 рельефных лучей, одно изделие проштамповано

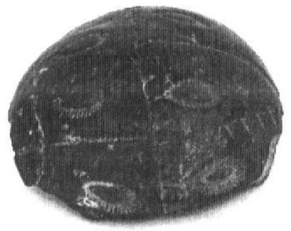


Ил. 4. Круглые глиняные погремушки с линейно-зубчатым орнаментом. Калуга, XVIII—XIX в.в.



Ил. 5. Круглые глиняные погремушки с розеткой, нанесенной торцевым штампом. Калуга, XVIII—XIX в.в.

двумя разными торцовыми штампами с 15 и 17 рельефными лучами, одно — с 14 лучами. Выпуклые точки между лучами по краю, имеются на пяти погремушках. *(ил. 5)* Подобные торцовые штампы использовались для клеймения головок красноглиняных курительных трубок. На фрагменте круглой красноглиняной погремушки диаметром 43 мм, толщиной стенки от 5 до 9 мм, в 16 сегментах оттиск торцовым штампом «каури», с бугорком 7x3 мм в центре — элементом орнамента головки глиняной курительной трубки. *(ил. 6)*



Ил. 6. Фрагмент круглой глиняной погремушки с орнаментом «Каури». Калуга, XVIII—XIX в.в.

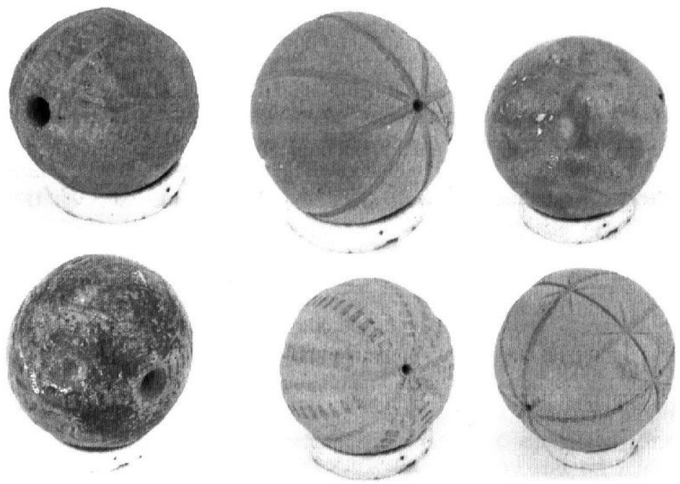
Присутствие на поздних экземплярах круглых погремушек элементов орнамента, как и на красноглиняных трубках, бытовавших в Калуге, позволило нам высказать предположение о том, что глиняные курительные трубки могли изготавливать в мастерских по изготовлению круглых погремушек.

Редко встречающиеся не покрытые ангобом круглые погремушки представлены двумя экземплярами. Одна из них, диаметром 31 мм, не имеет лощения. Другая погремушка, диаметром 41 мм, лощеная, имеет на поверхности следы черной и красной красок[16]. Они тяготеют к погремушкам более раннего времени бытования в Калуге. *(ил. 7)*

В мастерской — лаборатории музея ремесла, архитектуры и быта раскрыты и опробованы технологические приемы и особенности изготовления круглых глиняных погремушек Народным мастером России В.А.Ткаченко. *(ил. 8)*

Данная технологическая и художественная традиция широко используется современными мастерами народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги, и локализована в памятнике архитектуры в стиле русского классицизма «Дом Цыплакова» по ул. Кирова, 45/16.

Приоткрыта еще одна страница Потешной летописи, наша задача научиться ее читать, беречь и извлечь сокрытую в ней мудрость.



Ил. 7, 8. Круглые глиняные погремушки ручной лепки. Калуга, XX в. Народный художественный промысел глиняной игрушки города Калуги. Выполнены Народным мастером России В.А.Ткаченко

ЛИТЕРАТУРА

[1] Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко. Калужские глиняные игрушки XVI —XIX вв. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 1. Киров, 1993, с. 41-424.

[2] В.В. Федоров. Калужская поливная керамика 18-19 вв. // Калуга в шести веках. Материалы III городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 116; В.В.Федоров. Глиняные игровые шары XVII—XX вв. из Калуги.//1-я научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга. 1995. С. 25—26.

[3] И.Я. Богуславская. Русская глиняная игрушка. Л. 1975. С. 7.

[4] В.С. Воронов. Крестьянское искусство. М. 1924.

[5] Г.Л. Дайн. Русская игрушка. М. 1987. С. 7.

[6] В.С. Шацков. Очерки по истории мировой игрушки. М. 1990. С. 155.

[7] Н.А.Кренке. Культура населения бассейна Москвы — реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М. 2011 С. 452.

[8] Р.Л.Розенфельдт. Московское керамическое производство XV —XVIII вв. М. 1968. С. 21; А.М.Колызин. Керамические игрушки XII — XVII вв. из раскопок в Московском Кремле. //Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. 2001. Выпуск 4. С.180

[9] Т.Ф.Мухина. Глиняные игрушки X1V —XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях. //Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец. 1992. С. 67.

[10] Иванова Н.Е. Нижегородская игрушка. //Ежегодник нижегородских исследований по краеведению и археологии. Н.Новгород. 2000. С. 91—92.

[11] Чалых Н.Е. Глиняная игрушка XVII —XVIII вв. из фондов ЛОКМ. // Верхнедонский археологический сборник. Липецк. 2001. Вып. 2. С. 256 —257.

[12] В.В.Черкасов. Коломенская глиняная игрушка XV —XVIII веков в игровой культуре Средневековой Руси. // Археология Помосковья: Материалы научного семинара. М. ИА РАН. 2004. С. 317, 318.

[13] Сиволапова А.Б., Хухарев В.В. Детская игрушка из Твери. По материалам археологических исследований 1988 —2002 годов.

[14] В.А. Ткаченко, Л.И. Федорова. Искусство глиняной игрушки в городе Калуге XVI—XX вв. // Калуга в шести веках. Материалы 3 городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С. 105, 107.

[15] В.А.Ткаченко, Л.И. Федорова. Звуковые и безмолвные игрушки города Калуги.// 1-я научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга. 1995. С. 21.

[16]. Л.И. Федорова, В.А. Ткаченко. Калуга — один из центров традиционной игрушки края // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. Киров, 1995, С. 53.

РОЛЬ ТРЯПИЧНИКОВ В ПОДДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОМЫСЛОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ГЛИНЯНЫХ СВИСТУЛЕК НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И КАЛУЖСКОГО КРАЯ

Л.И.Федорова, *засл. работник культуры РФ, дир.,.*

В.А.Ткаченко, *зам. дир.,*

Музей ремесла, архитектуры и быта.

В.В.Федоров,

Калужский областной центр народного творчества.

В 2003 году сотрудники Музея выехали в экспедицию в город Кондрово Калужской области для сбора материала о работе местных фабрик по производству бумаги. Необходимо было найти ответы на следующий вопрос: сходство и различие в производстве бумажной продукции в России (на примере Кондровской бумажной фабрики) и в Англии. В ходе сбора материала, выявилась особенность, характерная для России, подробности о сборе тряпья, которое использовалось в производстве бумаги в конце XIX — начале XX веков. Оказалось, что для бесперебойной работы бумажных фабрик, необходимо каждый год собирать по всей России огромное количество тряпок. Например, в 1914 году на территории бывшей Российской империи было собрано 110 тысяч тонн тряпья. Экспорт его в Англию и Германию составлял около 16 тысяч тонн, остальное количество распределялось между российскими бумажными фабриками. До 1917 года организацией сборки тряпья занималось несколько фирм. Одна из них снабжала сырьем Кондровскую бумажную фабрику и имела в Москве главную контору, ведающую всеми делами по сборке и продаже тряпья.

В Петербурге, Москве, Вятке, Нижнем Новгороде, Курске, Кременчуке, Гомеле фирма имела сортировочные склады. В уездных городах и больших селениях находились завозные склады, во главе которых стояли агенты фирмы. Они весной подряжали сборщиков тряпья, выдавая им авансы. Сборщики на лошадях объезжали селения и города, покупая, выменивая у населения тряпье, сдавая затем агенту на завозные склады. После революции и национализации, до 1927 года, тряпичным делом занимался Центрсоюз. Позже оно перешло в ведение Госторгов. Контора «Утильсырье» Госторга РСФСР имела тряпичные базы при фабриках, их перерабатывающих, но функции сборщиков остаются за тряпичниками. Сбор тряпья был более выгоден, если сырье выменивалось на галантерею, в которой нуждалось население, закупленную оптом. В Каргополе игрушечница Ульяна Бабкина до 1930 года сдавала в кооперацию по несколько сотен свистулек-утушек сразу, тем и кормилась. Маленькие свистульки во множестве лепили мастера глиняной игрушки разных гончарных промыслов для баз утильсырья. В селе Унуевский Майдан Мордовской АССР до войны был крупный гончарный центр, в котором мастера-игрушечники лепили для тряпичников большими партиями маленькие свистульки. После войны работала игрушку в селе только М.И.Потанина. В ее доме на чердаке коллекционер глиняных игрушек Колмыков В.И. нашел корзину с маленькими свистульками. Жаворонки, петушки, щеглы покрашены одной зеленой краской. В селе Александра — Прасковьинка Сапожковского района Рязанской области женщины лепили для баз утильсырья маленькие свистульки «улютки», позднее 1950 года гончарное производство пошло на убыль.[1] Лепили по заказу тряпичников филимоновские мастерицы «товарняк» — небольшие, высотой 5—7 см, свистульки, похожие одна на другую. Только у коровушки расставленные кривые рога, у барашка — рога-улитки, у лошадки короткие острые ушки, у собаки — большие свисающие уши. Эти свистульки тысячами скупали тряпичники (товарники, шумовики), которые затем меняли глиняные свистульки на утиль. В селе Кожля Курской области раньше почти все делали дробненькие игрушечки, маленькие значит. Большая часть свистулек сдавалась скупщику.[2]

До 1937 года в Перемышле, по словам очевидцев, изготавливалось большое количество свистулек и сдавалось в кооперацию. Шелеляев Василий Афанасьевич (1894—1968) жил в Перемышле Калужской области и работал гончаром, но умел лепить свистульки. Поэтому до 1934 года под заказ конторы «Утильсырье» Госторга изготавливал свистульки в больших количествах. В 1934 году Василий Афанасьевич был арестован, отсидел 19 лет, а в 1989 году был реабилитирован, но свистульки после 1934 года больше не лепил. А те, что не успел сдать в кооперацию, так и остались лежать на чердаке в ящиках. Его сын в 1993 году, уже после реабилитации отца, снял два ящика со свистульками с чердака отцовского дома, отвез один ящик на рынок города Калуги и продал. Судьба другого ящика с игрушками неизвестна. Так свистульки попали в коллекцию калужского краеведа. Это маленькие свистульки, силуэт которых вписывается в равнобедренный прямоугольный треугольник, поставленный на один из его катетов. При этом тулово любой свистульки не отличается от другой. Различные животные и птицы разнятся друг от друга только моделированием головы. Свистулька не копирует животное, а дает сказочное решение образа, при этом животное как бы живет своей жизнью в каждой игрушке. После обжига свистульку расписывали эмалевыми красками, покрывая тулово сплошь одним цветом. Затем губчатым штампиком, наносили на поверхность свистульки точечный орнамент краской другого цвета. В городе Ульяново Калужской области, при сносе здания, в котором в 1937 году находилась заготконтора, были найдены свистульки, изготовленные в Перемышле Калужской области. Часть их попала в коллекцию калужского собирателя. Свистульки, изготовленные в Аненках, в большом количестве были найдены в 80-х годах в старом доме в Людинове Калужской области, где раньше, по рассказам старожилов, была контора «Утильсырье». Эти небольшие свистульки на ножке-подставке, покрыты эмалевыми красками. В рукописи калужского краеведа Николая Михайловича Маслова (1890—1967), хранящейся в архиве Калужского областного художественного музея и подготовленного к печати В.Г.Пуцко, записано: *«...на базарах Калуги... вместе с горшками продавались глиняные свистульки. Под Калугой их выделывали гончары в деревне Аненки (теперь один из районов города Калуги), что в 5-и верстах от Калуги».* При сносе старых домов в Аненках были найдены свистульки-птички. Там же найдены свистульки на ножке с подставкой, изготовленные в разъемных формах. Половина разъемной формы из свинца большой птицы, найденная при земляных работах в Аненках, позволяет понять, как в таких формах можно изготавливать свистульки и фигурки — безмолвные игрушки.

В городе Жиздре Калужской области, при сносе старых домов были найдены свистульки-кролики из красной глины без росписи, изготовленные при помощи разъемных форм. Такие же свистульки — кролики, изготовленные при помощи разъемных форм были найдены в большом количестве в Саратове, в городской усадьбе, где складировался товар, привезенный из провинции. Свистульки были расписаны коричневой эмалью, нарисованы глаза. По словам местного жителя Саратова А.Горовинца, эти свистульки привозили из Покровского уезда Саратовской области в 1920 году. Там же были найдены глиняные головки кукол 20—30-х годов, которые пришивались к матерчатому туловищу.

По словам старожилов деревни Перерушево Ферзиковского района Калужской области, еще в пятидесятые годы у них крутили горшки, поэтому мелкие свистульки, из красной глины, бытовавшие в Ферзиковском районе, также можно отнести к категории, изготовленной по заказам тряпичников.

В Одоеве Калужской области в 1930 году, позднее вошел в Тульскую область, при сносе частного дома была найдена свистулька баран, которая по своим размерам и пластике форм подходит под стандарт свистулек, приобретаемых тряпичниками.

Были найдены в Калуге, при сносе старой частной застройки, маленькие свистульки-всадники. Их можно отнести к рязанским свистулькам, которые изготавливали по заказам тряпичников.

В 2001 году была проведена комплексная экспедиция в деревню Хлуднево Думинического района для сбора материалов по истории вышеупомянутой деревни, в том числе, об истории игрушечного промысла деревни Хлуднево. По рассказу коренного жителя деревни Селиванова Владимира Семеновича (1908—2003), тряпичники заказывали женщинам, мастерицам-игрушечникам, довольно большие партии свистулек из глины, расплачиваясь деньгами и товарами, необходимыми в хозяйстве. Выяснилось, что до 1941 года и после 1945 года, около двадцати женщин занимались этим ремеслом. Мария Ивановна Алхимова, дочь знаменитой игрушечницы Манушичевой Е.Д. (урожденной Устиновой), помнит, что ее мать после войны сдавала оптом свистульки тряпичнику Николаю по 3—4 копейки за штуку. Поэтому немудрено, что Г.Блинов в своей книге «Чудо-кони, чудо-птицы»[3] пишет о хлудневских игрушечниках: *«Многие из мастериц умеют лепить только «товорняк» — небольшие игрушки-свистульки длиной около 7—8 см, имеющие весьма устойчивую форму — коленообразно изогнутое тулово, собственно свисток, в одном конце которого сделано отверстие для свиста, на другом же одна, реже несколько украшающих фигурок, обычно птичка «соловей».*

Таким образом, наличие крупных бумажных фабрик в Калужском крае, в том числе и в Кондрово, позволило поддерживать отдельные известные нам промыслы по изготовлению глиняных свистулек. Главными распространителями мелочного товара, дешевых глиняных и других свистулек, были «тряпичники». Повсеместно, к югу, юго-западу от Калуги, их называли «ферябники» или «феребники». Возможно, это название происходит от слов «ферязь», «ферезь» — название женской и мужской верхней одежды.[4] Глиняные свистульки закупались в больших количествах в местах их изготовления в названных ранее местах, чтобы в обмен на тряпки порадовать ребенка незатейливой свистулькой. Василий Николаевич Балашов (1920 г.р.), житель Калуги, помнит, что в деревне Жердево, Сухиничского района на тряпки можно было выменять глиняные свистульки. Тряпичники, собирая тряпье по заказам калужских бумажных заводов, не давали заглохнуть отдельным промыслам глиняных свистулек. Это позволяло распространять простейшие музыкальные инструменты — глиняные свистульки среди населения, поддерживая народную музыкальную культуру среди детей Калужского края. Это было очень важно для центров, где лепили глиняные свистульки. В конце XIX — начале XX веков фабричная продукция детских игрушек, как более дешевая и совершенная, начинает теснить кустарные изделия. Многие промыслы по изготовлению народной глиняной игрушки переживают кризисы, часть их исчезает вообще. В других местах жизнь промыслов лишь теплится. В Дымкове, в 1856 году игрушку делали 59 семейств, а к 1917 году осталась одна мастерица, лепившая игрушку А.А.Мезрина.[5]

В настоящее время трудно сказать, сколько таких центров по изготовлению детских забав было по стране. Возможно, где использовалась глина и обжигались глиняные изделия, там же изготавливались свистульки, фигурки для детей. Такой тенденции способствует тот факт, что средневековая глиняная игрушка отличается пластическим и сюжетным однообразием на больших территориях России, являясь подтверждением интенсивного материального и духовного общения проживающего на этой территории населения. К сожалению, изготовление глиняных свистулек и фигурок считалось настолько несущественной статьей дохода в жизни промыслов, что статистические материалы не упоминают ни численности мастеров, ни количества изготовленного ими товара, ни дохода от их продажи. Конечно, можно предположить, что этот товар не облагался налогом, как чисто детский — все свистульки были достоянием детворы, которая владела им безраздельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буклет «Народная игрушка» к выставке ленинградских коллекционеров Н.Б. и А.А. Борзовых. Пермь, 1988
2. Г.Блинов. Чудо-кони, чудо-птицы. М., 1977. С. 99—101, 122.
3. Г.Блинов. Чудо-кони, чудо-птицы. М., 1977. С. 116
4. В.Н.Даль. Толковый словарь русского языка
5. И.Богуславская. Русская глиняная игрушка. Л., 1975. С. 17.

БОРОВСКИЕ «ФАБРИЧНЫЕ БОЛОТА» — УНИКАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

М.И.Попченко, *к.б.н., ст. преп.,*
Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А.Тимирязева, н. с. Приокско-Террасного государственного природного биосферного заповедника

М.Р.Попченко, *к.х.н., с.н.с.*
Федеральный медицинский биофизический центр имени А.И.Бурназяна.

Для регионов, расположенных в южной половине лесной зоны европейской части России, представляется актуальной проблема сохранения фиторазнообразия болотных экосистем. В силу физико-географических условий болота, особенно верхового типа, имеют здесь ограниченное распространение. На этой территории давно ведется интенсивная хозяйственная деятельность, и в охране нуждаются практически все оставшиеся в естественном или малонарушенном состоянии болотные массивы или их участки. С полной уверенностью к таким объектам можно отнести «Фабричные болота» в Боровском р-не.

Болотный массив «Фабричные болота» к югу от г. Боровска расположен на системе надпойменных террас правого берега реки Протвы, образовавшихся на месте погребенного во времена Московского оледенения древнего русла реки. Болотный массив в прошлом был сильно нарушен торфоразработками: в конце XIX — начале XX века торф, добывавшийся там, использовался в качестве топлива на фабриках г. Боровска, отсюда и народное название — «Фабричные болота». В настоящее время болотный массив включает участки верховых и переходных болот различных типов, обводненные зарастающие торфяные карьеры, и прилегающие к нему луга, образовавшиеся в результате частичного осушения массива, наиболее сильно затронувшего его перефирию.

Исследования на территории «Фабричных болот» нами проводятся с 2010 г.

Территории болотного массива нами предлагается придать статус особо охраняемой природной территории (ООПТ) регионального значения в ранге памятника природы. Примерная площадь предлагаемого ООПТ — 135 га. Сохранившиеся верховые и переходные участки болотного массива характеризуются уникальным растительным покровом *(рис. 1)*.

Растительность верховых и переходных участков болотного массива представлена рядами сообществ, составляющих ряды по двум основным факторам: степени увлажнения и богатству питательными веществами.

Берега затопленных торфяных карьеров заняты на наиболее богатых питательными веществами участках монодоминантными зарослями Тростника южного (*Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.) или зарослями Рогоза широколистного (*Typha latifolia* L.) с примесью разнотравья из различных гигрофильных видов (Вех ядовитый — *Cicuta virosa* L., Телиптерис болотный — *Thelypteris palustris* Schott и др.). На более бедных участках доминирует гигрофильное разнотравье, основу которого составляют Сабельник болотный (*Comarum palustre* L.), Вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata* L.), Белокрыльник болотный (*Calla palustris* L.), Телиптерис болотный и Рогоз широколистный, различные Осоки (*Carex elongata* L. — Осока удлиненная, *Carex rostrata* Stokes — Осока вздутая или бутыльчатая, *Carex vesicaria* L. — Осока пузырчатая и др.), редко Триостренник болотный (*Triglochin palustris* L.) и Осока топяная (*Carex limosa* L.) *(рис. 2)*.

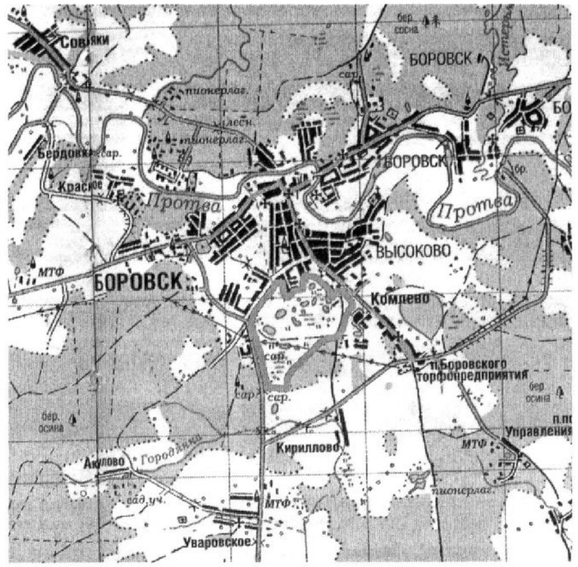


Рис. 1. «Фабричные болота»

Переходные, эутрофные, участки болота заняты сообществами с доминированием сфагновых мхов (*Sphagnum spp.*) и примесью видов гигрофильного разнотравья. По пониженным обводненным участкам в составе разнотравья преобладает Пушица узколистная (*Eriophorum angustifolium* Honck.) *(рис. 3)* или Очеретник белый (*Rhynchospora alba* (L.) Vahl). На более бедных участках доминирует Осока черная (*Carex nigra* (L.) Reichard) и Клюква болотная (*Oxycoccus palustris* Pers.), местами здесь в обилии произрастают Росянки (*Drosera spp.*) и Подбел обыкновенный (*Andromeda polifolia* L.).

Рис. 2. Гигрофильное разнотравье.

Рис. 3. Заросли Eriophorum angustifolium

Рис. 4.
Lycopodiella inundata

Рис. 5.
Dactylorhiza russowii

Рис. 6.
Hammarbya paludosa

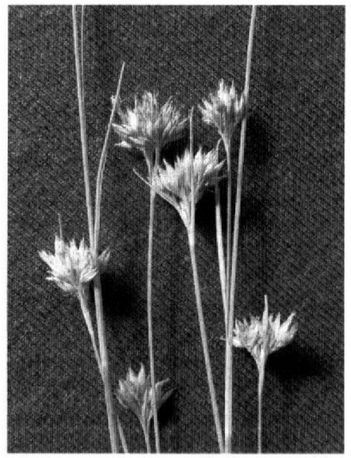


Рис. 7.
Rhynchospora alba

Рис. 8.
Drosera anglica

Наиболее бедные и относительно сухие, олиготрофные, участки заняты зарослями вересковых кустарничков (*Ledum palustre* L. — багульник болотный, *Vaccinium uliginosum* L. — Голубика, *Chamaedaphne calyculata* (L.) Moench — Болотный мирт), Пушицы влагалищной (*Eriophorum vaginatum* L.) и Сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L. f. litwinowii Sukacz).

Флора относительно бедна, но, тем не менее, на территории болотного массива произрастает 12 видов сосудистых растений, занесенных в Красную книгу Калужской области [1]:

Lycopodiella inundata (L.) Holub — Плаунок топяной. — 4 категория редкости. — Редко. Популяция занимает несколько десятков квадратных метров на эутрофном участке болота. Вид тяготеет к участкам с обнаженным торфом.

Dactylorhiza russowii (Klinge) Holub — Пальчатокоренник Руссова. — 4 категория редкости. — Единично. В 2012 г. на мезотрофно-эутрофном участке болотного массива был встречен один цветущий экземпляр.

Hammarbya paludosa (L.) O. Kuntze — Гаммарбия болотная. — 1 категория редкости. — Редко. В 2012 г. на мезотрофно-эутрофном участке болотного массива было встречено несколько десятков цветущих экземпляров.

Malaxis monophyllos (L.) Sw. — Мякотница однолистная. — 3 категория редкости. — Единично. В 2012 г. на мезотрофно-эутрофном участке болотного массива был встречен один нецветущий экземпляр.

Carex limosa L. — Осока топяная. — 3 категория редкости. — Изредка по берегам непересыхающих мочажин, затопленных карьеров и мелиоративных каналов. Избегает сообществ с доминированием Тростника южного и Рогоза широколистного.

Rhynchospora alba (L.) Vahl — Очеретник белый. — 3 категория редкости. — Изредка по эутрофным участкам болота, тяготеет к обводненным участкам болота с разреженным покровом сфагновых мхов.

Scheuchzeria palustris L. — Шейхцерия болотная. — 3 категория редкости. — Редко. На эутрофно-олиготрофном участке болота. В популяции отмечены лишь единичные цветущие растения.

Andromeda polifolia L. — Подбел обыкновенный. — 3 категория редкости. — Изредка по эутрофным участкам болота, реже по олиготрофным участкам болота в сообществах с другими вересковыми кустарничками.

Chamaedaphne calyculata (L.) Moench — Хамедафна обыкновенная, или ***Болотный мирт.*** — 3 категория редкости. — Нередко по олиготрофным участкам болота в сообществах с другими вересковыми кустарничками.

Drosera anglica Huds. — Росянка английская. — 2 категория редкости. — Редко. Популяция занимает несколько десятков квадратных метров на эутрофном участке болота. Вид тяготеет к участкам с обнаженным торфом.

Drosera rotundifolia L. — Росянка круглолистная. — 3 категория редкости. — Изредка по эутрофным и олиготрофным участкам болота. Вид тяготеет к участкам с обнаженным торфом.

Drosera × obovata Mert. et Koch [D. anglica × D. rotundifolia] — Росянка обратнояйцевидная. — 4 категория редкости. — Редко. Популяция занимает несколько десятков квадратных метров на эутрофном участке болота. Произрастает вместе с родительскими видами, активно размножаясь вегетативно. Вид тяготеет к участкам с обнаженным торфом.

Флора окружающих болотный массив лугов типична для мезотрофных суходольных лугов этого района. Интерес представляет наличие двух адвентивных видов пока еще редких в сообществах подобного типа на территории Калужской области: Ячменя гривастого (*Hordeum jubatum* L.) и Зорьки (*Lychnis chalcedonica* L.).

Автор выражает благодарность Н.В.Воронкиной и И.Г.Харитоновой за помощь в проведении исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Калужской области № 460 от 13 сентября 2012 г. «О перечне (списке) редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Калужской области».

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МАКРОМИЦЕТАХ УСАДЬБЫ ЯНОВСКИХ

М.Н.Сионова, *к.б.н., доц.;*
Ю.В.Апросина, *ст.;*
Е.В.Рыбалкина, *ст.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Древесные насаждения являются ведущим фактором оптимизации среды обитания на урбанизированных территориях. Вместе с тем они подвержены высокой антропогенной нагрузке, которая приводит к трансформации различных компонентов растительных сообществ. Необходимость поддержания устойчивости природных комплексов в черте городов не вызывает сомнения. Этим определяется научное и практическое значение исследования различных функциональных компонентов урбобиоценозов. При изучении и оценке состояния древесных насаждений в пределах урбанизированных территорий обязательно должны проводиться микологические исследования. Состав и структура микоценоза определяется условиями окружающей среды (Сержанина, 1977, 1982; Бурова, 1986), поэтому изменение среды обитания, в том числе и в результате антропогенной нагрузки на биоценозы, приводит к изменению видового состава и структуры микоценоза.

В августе-октябре 2012 года было начато изучение микобиоты усадьбы Яновских. Эта ООПТ входит в черту города Калуги и расположена на правом коренном берегу р. Терепец. Древесные насаждения представлены сохранившимися фрагментами яблоневого сада с участием груши и вишни, парка (с доминированием липы) и лесопосадок (из липы, лиственницы, сосны, березы). В лесопосадках отмечен самосев дуба, липы, черемухи. В южной части усадьбы Яновских находится участок липового леса, с участием тополя, черемухи, дуба, акации, клена, рябины, сосны. В западной части участки березняка травяного.

Материал собирался во время маршрутных учетов. Для идентификации образцов использовались определители (Коваленко, 1989; Nordic macromycetes, 1992). В результате составлен первый для исследуемой территории систематический список макромицетов, включающий 93 вида из 32 семейств. Состав семейств порядка Agaricales определялся в соответствии с системой, принятой в 10-м издании Словаря грибов (Kirk & all, 2011). Названия видов грибов и их авторов уточнялись в соответствии с номенклатурной базой данных Index Fungorum [www.indexfuhgorum.org].

Наибольшее видовое разнообразие *(табл.1)* отмечено для семейств Сыроежковые (Russulaceae) — 12 видов, Агариковые (Agaricaceae) — 10 видов, Полипоровые (Polyporaceae) — 9 видов. 18 семейств представлены одним видом. Плодовые тела большинства видов грибов-макромицетов на территории усадьбы Яновских встречались единично. Это объясняется высокой рекреационной нагрузкой на исследуемый природный комплекс, которая сопровождается деградацией напочвенного яруса, уплотнением почвы и другими изменениями среды. Редкие виды макромицетов на территории усадьбы Яновских за период обследования отмечены не были.

Отмеченные в 2012 году на территории усадьбы Яновских виды макромицетов имеют 4 типа ареала. Широко распространенные виды с мультизональным типом ареала преобладают среди остальных (37 видов). К макромицетам с космополитным типом ареала относятся 28 видов. Практически такая же доля (24 вида) приходится на виды с евроазиатско-американским типом ареала. Слагающие эти группы виды встречаются практически на всех континентах в различных природно-климатических зонах, но ввиду своей трофической специализации приурочены к лесным биогеоценозам (сапротрофы на опаде, ксилотрофные и микоризообразующие грибы). Наименьшее количество видов (4) характерно для видов с евроазиатским типом ареала.

Таблица 1.
Распределение по семействам видов макромицетов, выявленных на территории усадьбы Яновских (2012г.)

Семейство	*Число видов*	*Семейство*	*Число видов*
Agaricaceae	10	Schizophyllaceae	1
Amanitaceae	5	Auriculariaceae	1
Cantharellaceae	1	Sclerodermataceae	2
Dermateaceae	1	Mycenaceae	4
Discinaceae	1	Inocybaceae	6
Fomitopsidaceae	3	Bondarzewiaceae	1
Ganodermataceae	1	Russulaceae	12
Hydnangiaceae	1	Boletaceae	4
Meruliaceae	3	Cyphellaceae	1
Pezizaceae	1	Auriscalpiaceae	1
Physalacriaceae	1	Tricholomataceae	5
Pluteaceae	1	Paxillaceae	1
Polyporaceae	9	Stereaceae	1
Psathyrellaceae	7	Pyronemataceae	1
Strophariaceae	3	Hymenochaetaceae	2
Suillaceae	1	Thelephoraceae	1

Макромицеты тесно связаны с субстратом, из которого поглощают необходимые для развития питательные вещества. А.А.Ячевский в 1901 назвал эту особенность грибов *«главным законом распределения грибов... по земному шару»* (цит. по Черемсинов, 1973). По результатам проведенного исследования наиболее представленной на территории усадьбы Яновских оказалась группа макромицетов-ксилобионтов — 39 видов. Их доля среди всех видов составила 42%. Высокий процент ксилотрофных видов обусловлен большим количеством деревьев, имеющих повреждения различного происхождения, в первую очередь антропогенного.

Доля гумусовых сапротрофов составляет 27% (25 видов). Эти виды характеризуются относительно постоянным видовым составом в определенных биоценозах. Они чутко реагируют на присутствие в почве органики. Так как на территории парка усадьбы Яновских присутствует выпас домашних животных (коров, кур, коз), а также выгуливаются собаки, то есть содержание органики в почве достаточно высокое. Этим и определяется большая доля гумусовых сапротрофов в микоценозе. Доля подстилочных сапротрофов составляет всего 7% (7 видов). Мицелий грибов из этой эколого-трофической группы развивается в растительном опаде и подстилке, которые практически отсутствуют под древесными насаждениями на территории усадьбы Яновских.

Симбиотрофные макромицеты на обследованной территории представлены 24 видами, что составляет 24% от всех видов. Эта группа наиболее значима для устойчивости древесных насаждений, так как для нормального развития 85% растений необходимо присутствие микоризообразующих грибов (Kirk & all, 2011). Вместе с тем, антропогенная нагрузка на фитоценозы приводит к ухудшению условий для микоризообразователей.

В 2012 году на территории усадьбы Яновских отмечен 41 вид съедобных грибов, из которых активно собираются населением около 10 видов. Также в усадьбе произрастает 43 вида несъедобных и 9 видов ядовитых макромицетов. Следует отметить, что помимо съедобных видов собираются для употребления в пищу и ядовитые грибы, такие как свинушка тонкая (Paxillus involutus).

ЛИТЕРАТУРА

Бурова Л.Г. Экология грибов макромицетов. М.: Наука, 1986.

Коваленко А.Е. Определитель грибов СССР. Пор. Hygrophorales. Л.: Наука, 1989.

Нездойминого Э.Л. Шляпочные грибы СССР. Род Cortinarius Fr. Л.: 1983.

Сержанина Г.И. Макромицеты как компоненты сосновых фитоценозов Белоруссии // Микол. и фитопатол. 1977. Т. 11. Вып. 4. С. 289—293.

Сержанина Г.Я. Некоторые итоги изучения высших грибов в дубравах Белоруссии // Микол. и фитопатол. 1982. Т. 16. Вып. 5. С. 399—403.

Черемисинов Н.А. Микоценоз — компонент лесного биогеоценоза // Микол. и фитопатол. 1973. Т. 7. Вып. 1. С. 34—39.

Index fungorum — site by Kirk P., Cooper J. [Электронный ресурс]. Обновлено 2013 Index Fungorum Partnership. URL: www.indexfuhgorum.org.

Kirk P.M., Cannon P.F., Minter D.W., Stalpers J.A. Ainsworth and Bisbi's Dictionary of the Fungi // 10lh ed. Wallingford: CAB International, 2008. 782 p.

Nordic Macromycetes. Vol. 2. Eds. Hansen L., Knudsen H. Copenhgagen: Nordsvamp. 1992.

Автор выражает благодарность М.Н.Сионовой за консультации и проверку определения ряда находок.

МАТЕРИАЛЫ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ РЕДКИХ И НУЖДАЮЩИХСЯ В ОХРАНЕ ВИДОВ ГРИБОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

М.И.Попченко, *к.б.н., ст. преп.,*

Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А.Тимирязева, н. с. Приокско-Террасного государственного природного биосферного заповедника

Грибы — группа организмов, объединяющая множество разнообразных видов. Те из них, которые имеют крупные, заметные невооруженным глазом плодовые тела называют макромицетами, т.е. «большими грибами». Именно макромицеты в подавляющем большинстве случаев становятся объектами охраны. История систематического изучения грибов-макромицетов на территории Калужской области насчитывает всего несколько десятилетий. За это время был выявлен основной видовой состав и в общих чертах очерчена группа видов, нуждающихся в охране [1]. Очень сложно объективно оценить редкость того или иного вида грибов, и практически невозможно применить к ним критерии редкости, подходящие для других объектов Красных книг, что связано с особенностями биологии грибов. Косвенным критерием численности является количество и частота встречаемости плодовых тел на конкретной территории.

В данной публикации приведены материалы наблюдений за редкими видами грибов-макромицетов, проводимых с начала 1990-х годов. Территория исследования — смешанные с преобладанием сосны леса на системе надпойменных террас реки Протвы на ее левом берегу между г. Жуковым и с. Высокиничи Жуковского р-на Калужской области, входящие в состав государственного природного заказника федерального значения Государственный комплекс «Таруса».

Ежовик коралловидный, или ***Гериций коралловидный — Hericium coralloides*** (Scop.: Fr.) Pers. (3 категория редкости). Циркумбореальный вид. Растет на крупномерном валеже лиственных деревьев (березы и осины). Плодовые тела появляются во второй половине лета. Известно два местонахождения: в окрестностях деревень Черная Грязь и Грибовка. В каждом местонахождении было найдено до десятка плодовых тел, всегда на одной единице субстрата. Частота встречаемости плодовых тел — примерно один аз в десять лет.

Осиновик белый, или ***Подосиновик белый — Leccinum percandidum*** (Vassilkov) Watling *(рис. 1)* — 3 категория редкости. Циркумбореальный вид. Образует микоризу с березой и по многолетним наблюдениям на указанной территории значительно чаще — с елью. Плодовые тела появляются уже в июле, крайне редко — в июне. Известно около десятка местонахождений, относительно равномерно распределенных по территории изучения. Частота встречаемости плодовых тел в известных местонахождениях — ежегодно, по нескольку раз за сезон, но всегда в небольшом числе. Наиболее массово плодовые тела появляются в августе — сентябре.

Гиропор каштановый, или ***Каштановый гриб — Gyroporus castaneus*** (Bull.: Fr.) Quel. *(рис. 2)* — 3 категория редкости. Евразийский бореальный вид. Предпочитает песчаные почвы. Образует микоризу с дубом и, возможно, с сосной. Плодовые тела появляются в июле — августе. На изученной территории известно несколько местонахождений. Частота встречаемости плодовых тел — один раз в несколько лет, плодовые тела практически всегда одиночные. Также в 2009 г. плодовое тело было отмечено близ д. Редькино Дзержинского р-на.

Рис. 1. Leccinum percandidum

Рис. 2. Gyroporus castaneus

Рис. 3. Gyroporus cyanescens

Рис. 4. Sparassis crispa

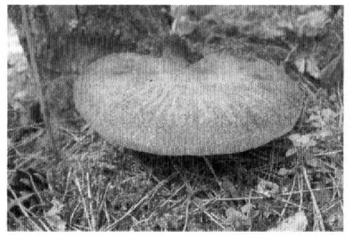


Рис. 5. Fistulina hepatica

Гиропор синеющий, или ***Синяк — Gyroporus cyanescens*** (Bull.: Fr.) Quel. *(рис. 3)* — 3 категория редкости. Циркумбореальный вид. Образует микоризу с различными породами. Плодовые тела появляются в августе. На изученной территории известно несколько местонахождений. Частота встречаемости плодовых тел — не ежегодно, плодовые тела обычно одиночные, но, в общем, встречается значительно чаще предыдущего вида.

Грифола курчавая, или ***Гриб-баран — Grifola frondosa*** (Dicks.: Fr.) Gray — 3 категория редкости. Практически космополитный вид. Растет у основания стволов лиственных деревьев. Частота встречаемости — единственная находка в окрестностях бывшего пионерского лагеря «Живописный» (окрестности д. Грибовка) в 2004 г.

Спарассис курчавый, или ***Грибная капуста — Sparassis crispa*** (Wulfen) Fr. *(рис. 4)* — 3 категория редкости. Циркумбореальный вид. Растет у основания стволов хвойных деревьев. Частота встречаемости — единственная находка в окрестностях бывшего пионерского лагеря «Живописный» (окрестности д. Грибовка) в 2007 г.

Печеночница обыкновенная — Fistulina hepatica (Schaeff.: Fr.) With. *(рис. 5)* — 3 категория редкости. Циркумбореальный вид. Растет на стволах дубов, чаще у их основания. Плодовые тела чаще одиночные. Частота встречаемости — единственная находка в окрестностях д. Черная Грязь в 2005 г. Найденное плодовое тело росло на погребенной древесине, по-видимому, не на дубе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Калужской области № 460 от 13 сентября 2012 г. «О перечне (списке) редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Калужской области».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОДОРОСЛЕЙ БАССЕЙНА РЕКИ ОКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 1977 Г. ПО 2012 Г.

Н.В.Воронкина, *к.б.н., доц.;*
А.М.Глущенко: *ст.*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

В отличие от флоры сосудистых растений, флора водорослей (альгофлора) Калужской области изучена недостаточно, по сравнению с альгофлорой Московской области, которая насчитывает 888 видов, не считая диатомовых (Усачева, 2002). На сегодняшний день флора водорослей Калужской области насчитывает 352 вида, что составляет примерно 38% от альгофлоры водоемов Московской области (Усачева И. С., 2002). Это свидетельствует о далеко не полной изученности флоры водорослей нашего региона. В Красную Книгу Московской области занесены 3 вида водорослей: *Batrachospermum gelatinosum* (L.) D.C., *B. turfosum Bory de Saint-Vincent* и *Thorea hispida* (Thur.) Desv. Последний вид включен в Красную Книгу России. В Красных Книгах Тульской, Брянской, Смоленской и Орловской областей водоросли не представлены.

Цель настоящей работы — обобщить и систематизировать имеющиеся сведения по флоре водорослей бассейна Оки на территории Калужской области, а также наметить перспективы для дальнейшей работы по данному направлению.

Материалом для настоящей работы послужили научные статьи из региональных сборников [1—13], а также результаты научной работы студентов и отдельные находки сотрудников кафедры ботаники, подкрепленные собранным и фиксированным материалом.

Определение осуществлялось при посредстве общепринятых определителей низших растений. При изучении видового состава охватывались водоросли, обитающие в водоемах: (планктон, нейстон, бентос); на камнях, на стволах деревьев и т.д. — аэрофиты; а также в почве — фитоэдафон.

На территории бассейна Оки в пределах Калужской области были встречены водоросли 8 отделов: **Cyanophyta, Chlorophyta, Bacillariophyta, Xantophyta, Euglenophyta, Chrysophyta, Charophyta, Rhodophyta.**

Таксономическая структура флоры водорослей бассейна Оки на территории Калужской области

Отдел Синезеленые водоросли (Cyanophyta)*

Представлен 4 порядками, 11 семействами и 77 видами

A. Порядок **Chroococcales**

1. Семейство ***Synechococcaceae*** (2 вида)
2. Семейство ***Microcystaceae*** (8 видов)
3. Семейство ***Chamaesiphonaceae*** (1 вид)
4. Семейство ***Merismopediaceae*** (4 вида)

B. Порядок **Nostocales**

1. Семейство ***Nostocaceae*** (29 видов)
2. Семейство ***Scytonemataceae*** (1 вид)
3. Семейство ***Rivulariaceae*** (4 вида)
4. Семейство ***Microchaetaceae*** (2 вида)

C. Порядок **Stigonematales**

1. Семейство ***Stigonemataceae*** (1 вид)

D. Порядок **Oscillatoriales**

1. Семейство ***Oscillatoriaceae*** (10 видов)
2. Семейство ***Phormidiaceae*** (15 видов)

* Список составлен с учетом номенклатуры, предложенной лабораторией альгологии БИН им. В.Л. Комарова РАН, 2003. [14]

Отдел зеленые водоросли (Chlorophyta)
Представлен 15 порядками, 29 семействами и 156 видами

A. Порядок **Chlorococcales**

1. Семейство ***Chlorococcaceae*** (2 вида)
2. Семейство ***Coelastraceae*** (8 видов)
3. Семейство ***Hydrodictyaceae*** (12 видов)
4. Семейство ***Oocystaceae*** (9 видов)
5. Семейство ***Dictyosphaeriaceae*** (1 вид)

B. Порядок **Volvocales**

1. Семейство ***Goniaceae*** (2 вида)
2. Семейство ***Volvocaceae*** (6 видов)

C. Порядок **Chlamydomonadales**

1. Семейство ***Chlamydomonadaceae*** (5 видов)
2. Семейство ***Haematococcaceae*** (1 вид)

D. Порядок **Chlorellales**

1. Семейство ***Chlorellaceae*** (6 видов)
2. Семейство ***Eremosphaeraceae*** (1 вид)

E. Порядок **Sphaeropleales**

1. Семейство ***Sphaeropleaceae*** (1 вид)
2. Семейство ***Selenastraceae*** (3 вида)

F. Порядок **Chlorosarcinales**

1. Семейство ***Chlorosarcinaceae*** (1 вид)

G. Порядок **Trentopohliales**

1. Семейство ***Trentopohliaceae*** (1 вид)

H. Порядок **Ulotrichales**

1. Семейство ***Ulotrichaceae*** (5 видов)

I. Порядок **Microsporales** (2 вида)

1. Семейство ***Microsporaceae*** (2 вида)

J. Порядок **Chaetophorales**

1. Семейство ***Chaetophoraceae*** (3 вида)
2. Семейство ***Pleurococcaceae*** (2 вида)

K. Порядок **Oedogoniales**

1. Семейство ***Oedogoniaceae*** (1 вид)

L. Порядок **Cladophorales**

1. Семейство ***Cladophoraceae*** (3 вида)

M. Порядок **Mesotaeniales**

1. Семейство ***Mesotaeniaceae*** (3 вида)
2. Семейство ***Peniaceae*** (1вид)

N. Порядок **Desmidiales**

1. Семейство ***Gonatozygaceae*** (1 вид)
2. Семейство ***Closteriaceae*** (14 видов)
3. Семейство ***Desmidiaceae*** (33 вида)

O. Порядок **Zygnematales**

1. Семейство ***Zygnemataceae*** (2 вида)
2. Семейство ***Mougeotiaceae*** (6 видов)
3. Семейство ***Spirogyraceae*** (21 вид)

Отдел Золотистые водоросли (Chrysophyta)
представлен 3 порядками, 3 семействами и 5 видами

A. Порядок **Chromulinales**

1. Семейство ***Chromulinaceae*** (2 вида)

B. Порядок **Synurales**

1. Семейство ***Mallomonadaceae*** (2 вида)

C. Порядок **Ochromonadales**

1. Семейство ***Euochromonadaceae*** (1 вид)

Отдел Желтозеленые водоросли (Xantophyta)
представлен 1 порядком, 2 семействами и 4 видами

A. Порядок **Botrydiales**

1. Семейство ***Vaucheriaceae*** (3 вида)
2. Семейство ***Botrydiaceae*** (1 вид)

Отдел Эвгленовые водоросли (Euglenophyta)
представлен 1 порядком, 1 семейством и 18 видами

A. Порядок **Euglenales**

1. Семейство ***Euglenaceae*** (18 видов)

Отдел Диатомовые водоросли (Bacillariophyta)*
представлен 11 порядками, 19 семействами и 87 видами

A. Порядок **Melosirales**

1. Семейство ***Melosiraceae*** (3 вида)

B. Порядок **Thalassiosirales**

1. Семейство ***Stephanodiscaceae*** (1 вид)

C. Порядок **Chaetoceratales**

1. Семейство ***Chaetocerataceae*** (1 вид)

D. Порядок **Fragilariales**

1. Семейство ***Fragilariaceae*** (9 видов)
2. Семейство ***Diatomaceae*** (1 вид)
3. Семейство *Tabellariaceae* (5 видов)
4. Семейство ***Licmophoraceae*** (2 вида)

E. Порядок **Naviculales**

1. Семейство ***Neidiaceae*** (2 вида)
2. Семейство ***Pinnulariaceae*** (6 видов)
3. Семейство ***Naviculaceae*** (15 видов)
4. Семейство ***Pleurosigmataceae*** (4 вида)

F. Порядок **Achnanthales**

1. Семейство ***Cocconeidaceae*** (1 вид)

G. Порядок **Eunotiales**

1. Семейство ***Eunotiaceae*** (3 вида)

H. Порядок **Cymbellales**

1. Семейство ***Anomoeoneidaceae*** (1 вид)
2. Семейство ***Cymbellaceae*** (11 видов)
3. Семейство ***Gomphonemataceae*** (7 видов)

I. Порядок **Talassiphysales**

1. Семейство ***Catenulaceae*** (5 видов)

J. Порядок **Bacillariales**

1. Семейство ***Bacillariaceae*** (5 видов)

K. Порядок **Surirellales**

1. Семейство ***Surirellaceae*** (5 видов)

Отдел Красные водоросли (Rodophyta)
представлен 1 порядком, 1 семейством, 2 видами

A. Порядок **Nemaliales**

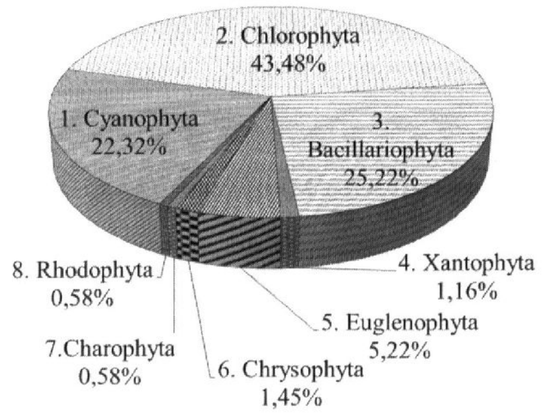
1. Семейство ***Batrachospermaceae*** (2 вида)

Отдел Харовые водоросли (Charophyta)
представлен 1 порядком, 1 семейством и 2 видами

A. Порядок **Charales**

1. Семейство ***Characeae*** (2 вида)

Выводы: в результате обобщения на территории Калужской области в пределах бассейна Оки было обнаружено 352 рода, вида и разновидности водорослей, относящихся к 8 отделам, 37 порядкам и 67 семействам. Соотношение численности представителей отделов отражено на круговой диаграмме.



* Список составлен с учетом номенклатуры, предложенной лабораторией альгологии БИН им. В.Л.Комарова РАН, 2003. [14]

Впервые обнаружены новые виды для области:

Draparnaldia sp. ..... (1977),
Chaetophora tuberculosa (Roth) Ag ..... (2005),
Hydrodictyon reticulatum Lagerh. ..... (1993),
Chromulina sp. ..... (1993),
Chara foetida A. Br. ..... (1998),
Ch. fragilis Desv. ..... (1996),
Stigeoclonium tenue Kütz. ..... (1996),
Mallomonas acaroides Perty ..... (1996),
Dinobryon divergens Imhof. ..... (1996),
Botrydium granulatum (L.) Grev. ..... (1996),
Melosira italica (Ehr.) Kütz. ..... (1996),
Cyclotella comta (Ehr.) Kütz. ..... (1996),
Attheya zachariasii Brun. ..... (1996),
Fragillaria construens (Ehr.) Grum. ..... (1996),
Batrachospermum gelatinosum (L.) D.C. ..... (2000),
B. turfosum Bory de Saint — Vincent ..... (2003).

Перспективы изучения водорослей:

1. **Продолжение изучения биоразнообразия водорослей и составление новых систематических сводок. Картирование точек сборов и составление базы данных водорослей Калужской области.**
2. **Изучение водорослей различных экологических групп: водных, почвенных, аэрофитов.**
3. **Выявление и мониторинг видов водорослей, для включения их в Красную книгу Калужской области.**
4. **Изучение интересных с флористической точки зрения природных объектов: экологической базы «Отрада» национального парка «Угра» и Калужских засек, ввиду наличия широколиственных лесов, где сформированы уникальные, не подвергавшиеся антропогенным воздействиям почвы, альгофлора которых не изучалась. Результаты могут быть использованы при составлении региональных »Флор», определителей, атласов, применяться в учебном процессе.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронкина Н.В. Батрахоспермум в Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции. Калуга: Издательство «Гриф», 2003.
2. Воронкина Н.В. Десмидиевые водоросли Галкинского верхового болота // Сборник «Природа и история Поугорья», вып. III, 2003г.
3. Воронкина Н.В., Глущенко А.М., Чулисов А.С. Водоросли в окрестностях базы Отрада на Жиздринском участке НП «Угра». Сборник «Природа и история Поугорья», вып. VI, 2011 г.
4. Воронкина Н.В., Глущенко А.М., Чулисов А.С. Водоросли реки Калужка // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблемы сохранения биоразнообразия Калужского края. Материалы научного симпозиума 5—7 апреля 2011 г. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2012.

5. Воронкина Н.В., Дворянчикова Е.Н. К флоре водорослей старицы Резванское (Хохловское), расположенной в пойме р. Жиздры // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 3—5 апреля 2007 г. Калуга: Издательство «Полиграф — Информ» — 2008г.
6. Воронкина Н.В., Коненков Р., Корягин П. Водоросли окрестностей пос. Думиничи // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21—23 марта 2001 г. II часть. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ» — 2001г.
7. Воронкина Н.В., Садковкина И.Ю. Осенний аспект альгофлоры пойменных озер реки Жиздра// Сборник »Река Ока — третье тысячелетие». Калуга, 2001.
8. Воронкина Н.В., Борисова Е.Г. Харовые водоросли Калужской области / Н.В.Воронкина, Е. Г. Борисова // Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4, ч. 2 / Под ред. Ю.А.Дробышева и И.В.Дробышевой. Калуга: КГПУ им. К.Э.Циолковского. 1998.
9. Журавлев С.И. Анализ альгофлоры Яченского водохранилища, прудов деревни Красный городок Ферзиковского района и ж/д станции Воротынск Бабынинского района // С.И.Журавлев. сб. тез. докл. «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития ООПТ»; Калуга, 1996, ч. 2.
10. Крылов А.В., Шестакова Г.А. Синезеленые водоросли почв памятников природы г. Калуги // Вопросы географии и экологии: Вып. 4., 2004. С. 31—38.
11. Крылов А.В., Шестакова Г.А., Воронкина Н.В. Синезеленые водоросли (Cyanophyta) почв города Калуги // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5—7 апреля 2005 г. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ».
12. Садковкина И. Ю. Первые сведения по альгофлоре пойменных озер реки Жиздры // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21—23 марта 2001 г. II часть. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ», 2001.
13. Травина Е.В. Водоросли окрестностей Калуги // Сборник тезисов докл. «Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития ООПТ»; Калуга, 1996, ч. 2.
14. Усачева И.С. Водоросли водоемов Московской области. Основы изучения видового разнообразия. М.: ИВП РАН, 2002.
15. Биоразнообразие России: Водоросли (Algae) [Электронный ресурс]. © 2003 Ботанический институт им. В.Л.Комарова РАН. — Режим доступа: http://www.binran.ru/biodiv/algae/index.htm , свободный. — Загл. с экрана.

ФЛОРА БОЛОТ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИРОДООХРАННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Н.М.Решетникова, *к.б.н., н.с.,*
Главный ботанический сад им. Н.В.Цицина РАН;
В.В.Телеганова, *к.б.н., с.н.с.,*
Национальный парк «Угра».

Через Калужскую область проходит южная граница сплошного распространения верховых болот, здесь расположены наиболее южные в центре Европейской части России крупные болотные массивы с подстилочными торфами [1]. Наиболее заболочены западные и северо-западные районы области. Олиготрофные болота на границе распространения подвержены изменениям и очень уязвимы, как в результате естественных климатических колебаний, так и под воздействием антропогенных факторов. Хозяйственное освоение болот в Калужской области наиболее интенсивно проводилось в 1920-е и 1950—1970-е годы.

В 1960-хх гг. Г.И.Пешковой были обследованы 16 наиболее крупных болотных массивов северо-запада Калужской области и составлены подробные описания их растительного покрова [2, 3, 4, 5]. Некоторые сведения о растительности и составе флоры болот региона есть в литературе начала XX века [1, 6, 7].

Работы по изучению флоры сосудистых растений и мхов болот Калужской области ведутся нами с 2002 года. За прошедший период времени обследовано 28 объектов, многие из которых были изучены ранее другими исследователями, в том числе самые крупные болотные комплексы региона *(см. рисунок 1)*. При анализе флористических списков для каждого болота составлен список редких растений, нуждающихся в охране в Калужской области.

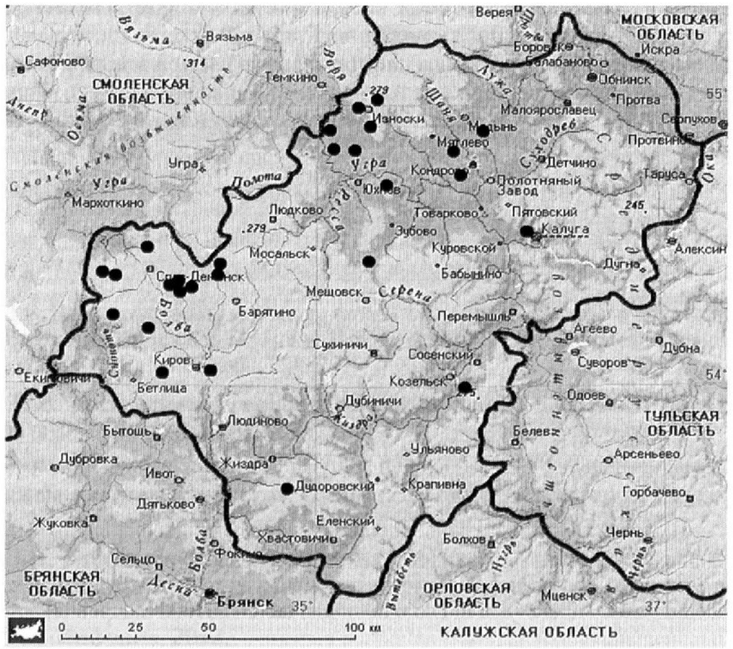


Рисунок 1.

Таблица 1.

Современное состояние и флора болот
(болота расположены в порядке уменьшения площади)

Название / площадь (га)	*Тип залежи*	*Время и автор предыдущих исследований*	*Тип нарушений*	*Число видов, отмеченных в 2000-х гг. (сосудистые растения /мхи*	*Редкие сосудистые растения*	*Адвентивные сосудистые растения*
Шатино (Барятинский р-н) /1875	Н	Флеров, 1912; Пешкова, 1970, 1974 Шмытов — 2003	мелиорация	122 / 36	4 (+8)	2
Игнатовское (Спас-Деменский р-н) /1400	В, С	Работнов, 1929 Пешкова, 1967 Пешкова, 1970 Шмытов — 2003	торфоразработки экскаваторным способом,пожар	57 / 34	10 (+3)	
Пустовское (Спас-Деменский р-н) /900	Н	Флеров, 1912; Работнов, 1929; Пешкова, 1970; Скворцов — 1970-е	торфоразработки фрезерным и экскаваторным способами; мелиорация	110 / 25	**6** (+12)	0
Большое Нарышкинское (Спас-Деменский р-н) / 790	В, С	Пешкова, 1970	пожар частично	24 / 18	6 (+3)	0
Бережковское болото у ст. Фаянсовая, (Кировский р-н) / 423	В	Пешкова, 1970	торфоразработки экскаваторным способом, пожар	52 / 22	**6**	1
Князь-мох (Куйбышевский и Кировский р-ны) / 416	В, П	Пешкова, 1970 Воронкина — 1980-е	пожар, мелиорация частично	51 / 16	**8** (+2)	0
Малое Игнатовское (Спас-Деменский р-н) /187	В, П	Пешкова, 1970	пожар частично	77 / 36	**14** (+2)	0
Луговое (Козельский р-н) / 140	Н		мелиорация, торфоразработки экскаваторным способом	66 / 22	**1**	
Морозовское (Юхновский р-н) / 122	В		—	49 / 11	3	0
Цветковский мох (Спас-Деменский р-н) / 93	В	Пешкова, 1970	пожар	39 / 20	1	0
Князев мох (Спас-Деменский р-н) /82	В, П	Пешкова, 1970	пожар почти полностью, мелиорация частично	57 / 23	4 (+8)	1
Обирог (Спас-Деменский р-н) /79	В, П	Пешкова, 1970	мелиорация полная	39 / 29	2 (+1)	0
Зимницкое (Кировский р-н) / 57	В, П	Пешкова, 1970	торфоразработки экскаваторным способом	50 / 14	3	
Агафьинское (Износковский р-н) / 51	В	Герасимов, 1924	—	....	7	

Примечания: в столбце «Название / площадь (га)» **жирным** обозначены охраняемые объекты, ***жирным курсивом*** — предложенные к охране; тип торфяной залежи: **В** — верховой, **П** — переходный; **Н** — низинный; **С** — смешанный; в столбце «Время и автор предыдущих исследований в столбце» после фамилии исследователя — неопубликованные материалы через тире указан год работ, опубликованные — через запятую год публикации; в столбце «редкие сосудистые растения» **жирным** — есть добавления чрезвычайно редких в регионе видов при наших работах, в скобках (**+N**) — дополнения по предыдущим исследованиям, «*****» — учтены и водные виды

Галкинское (Киселевское) (Дзержинский р-н) / 50	В, П		торфоразработки экскаваторным способом	60 / 20	4	0
Суборовский Бездон (Спас-Деменский р-н) /37	сплавина, П	Флеров, 1912 Шмытов — 1997	—	70 / 26	4	2
Оз. Бездон у д. Озерская, (Жиздринский р-н) / 30	сплавина, В, П	Лукин — 1995 Шмытов -1997	мелиорация частично	121/ 25	9 (+1)*	5
Болото у дороги д. Гаврики — д. Беклемишево (Мещовский р-н) /30	В		мелиорация или нарушен гидрологический режим	39	1	0
Губино (Спас-Деменский р-н) /25	В		—	19 / 18	0	0
Пановское болото (Юхновский р-н) / 25	Н, П		—	37/ 21	2	
Чертово болото (Юхновский р-н) /12	В		мелиорация	38 / 8	2	0
Сиговское (Износковский р-н) / 12	В		торфоразработки	89	2	0
Зубовское (Износковский р-н) /10	В	Герасимов, 1924	торфоразработки	27	3	2
Болото у ст. Костино-2, (Дзержинский р-н) /	П		— (?)	39 / 9	5	0
Болото в Калужском городском бору (Багоново)	В	Литвинов, 1885	мелиорация частично, изменение гидрологического режима	...	2(+1)	
Оз. Святое у д. Маковцы (Дзержинский р-н) / 4-5	сплавина, П	Скворцов — 1974-е	—	84 / 15	7*	0
Болото у оз. Озерки (Юхновский р-н) /4-5	сплавина, П		—	46/ 5	**9***	
Озеро Бездон (Мосальский р-н)	сплавина	Флеров, 1912 Скворцов — 1974 Шмытов — 1997	мелиорация, торфоразработки экскаваторным способом	Сейчас сплавины нет, заболоченные берега и озеро (70)	3* (+4)	–

На основании полученных данных по составу флоры, природным условиям и современному состоянию болот *(таблица 1)* можно сделать следующие выводы о болотных комплексах области.

Подавляющее большинство изученных болот региона (20 из 28) трансформированы под воздействием различных факторов (мелиорация, торфоразработки, пожары) *(см. диаграмма 1)*. Среди 8 болот, производящих впечатление ненарушенных, 3 представляют собой сплавины озер, а находящееся в Юхновском р-не в окрестностях д. Александровка Пановское болото ранее имело 2 озерка в центре, в 2000-х годах затянувшихся сплавиной (аналогичные быстрые трансформации озер в Смоленской области связывали с падением уровня грунтовых вод).

Прямой зависимости между площадью болота и числом отмеченных на нем видов растений не выявлено, но редких видов на крупных болотах достаточно много. Всего на болотах области нами зарегистрировано 36 видов сосудистых растений и 12 видов мхов, занесенных в Красную книгу региона. Таким образом, на болотах и болотных озерах произрастают 15% от всех охраняемых видов сосудистых растений области. Некоторые редкие растения исчезли: в настоящее время на болотах не зарегистрированы 4 вида орхидных, на некоторых болотах исчезли аркто-бореальные болотные ивы. Среднее число редких видов сосудистых растений составляет 4—5 видов на болото (а с учетом данных предыдущих исследователей — около 6 видов).

Диаграмма 1.

Редких охраняемых видов больше всего на болотах северо-запада области *(см. рисунок 1)*, где и сосредоточены основные болотные массивы региона. Наибольшее число редких сосудистых растений отмечено на небольшом Малом Игнатовском болоте (14), а наибольшее число редких мхов — на Пустовском (5). Верховые малонарушенные болота характеризуются достаточно большим числом редких видов сосудистых растений, но небольшим видовым богатством в целом. Наибольшее число видов отмечено на переходных и низинных болотах. Аналогично и среднее количество видов мхов на верховом болоте — 14, на переходном и низинном — 23—26, редких видов больше на низинных болотах.

Имелись предварительные флористические данные по 18 болотам из 28. В результате наших работ на 9 болотах впервые отмечены некоторые новые и чрезвычайно редкие* в регионе виды — почти все находки сделаны на уже изученных ранее болотах. Например, морошка *(Rubus chamaemorus)* впервые в регионе найдена А.В.Крыловым в 2007 г на Агафьинском болоте, изученном Герасимовым [1] и студентами КГУ во время летних практик. В 2012 на Малом Игнатовском болоте, подробно изученном Г.И.Пешковой, собраны отмечавшиеся ранее в других точках и не сохранившиеся в настоящее время *Carex chordorrhiza* (осока струннокоренная) и *Salix myrtilloides* (ива черничная). Это подтверждает наши наблюдения о том, что новые для региона виды нередко находятся не в малоизученных, а в интересных во флористическом отношении местах — в «оазисах» флоры по А.Ф.Флерову [8], и лишний раз доказывает необходимость постоянного мониторинга флоры. Новые находки могут объясняться как динамичностью состава флоры болот (под воздействием природных и антропогенных факторов), так и трудностью их изучения, мозаичностью растительности.

Редчайшие в регионе растения регистрируются не только на ненарушенных, но и на существенно трансформированных болотах. Возможно, это можно объяснить появлением новых местообитаний в результате нарушений растительного покрова, которые по причине ослабленной конкуренции становятся доступны редким видам. Даже на существенно нарушенном человеком Пустовском болоте, сгоревшем почти полностью Князевом мхе и осушенном болоте Луговое найдены новые и чрезвычайно редкие в регионе аборигенные болотные виды, нуждающиеся в охране: *Trichophorum alpinum* (пухонос альпийский), *Carex dioica* (осока двудомная), *Carex serotina* (осока поздняя), *C. disticha* (осока двурядная), *Salix lapponum* (ива лапландская), мхи *Fissidens adiantoides, Philonotis marchica*. Особую среду, по-видимому, создает обнаженный торф на переходных болотах — на нем зарегистрированы: *Trichophorum alpinum* (пухонос альпийский), *Hammarbya paludosa* (гаммарбия болотная), необычная форма *Carex globularis* (осока шаровидная).

* Чрезвычайно редкие виды — в настоящее время известны в регионе в 1—2 точках.

По нашим наблюдениям, из всех видов негативных факторов наименьшее травмирующее действие на болотную флору оказывают торфоразработки экскаваторным способом, в результате которых в торфяной залежи образуются озерки. Таким образом, моделируются условия зарастающего сплавиной озера, а сохранившиеся болотные участки в меньшей степени подвержены пожарам, например Галкинское, Зимницкое болота.

Влияние пожаров зависит от пострадавшей площади болота, и, по-видимому, мало сказывается на флористическом составе не затронутых огнем участков, например Князев Мох, Князь-мох, Малое Игнатовское, Большое Нарышкино и др. По нашим наблюдениям, индикатором пожара на болотах может служить Drosera rotundifolia (росянка круглолистная) — на участках, поврежденных пожаром, даже когда не заметны его следы, она отсутствует. В литературе этот факт нам не встречался.

Наибольшие негативные изменения флоры (исчезновение аборигенных видов, внедрение и агрессивное расселение адвентивных) вызывает мелиорация. Самый яркий пример — Шатино болото, где, несмотря на неоднократные поиски, не удалось обнаружить 8 редких в регионе растений: *Potamogeton gramineus* (рдест злаковый), *Calamagrostis neglecta* (вейник незамечаемый), *Carex chordorrhiza* (осока струннокоренная), *Malaxis monophyllos* (мякотница однолистная), *Epipactis palustris* (дремлик болотный), *Salix lapponum* (ива лапландская), *S. myrtilloides* (ива черничная), *Betula humilis* (березка кустарничковая), зарегистрированных ранее [3, 4, 7]. При этом в настоящее время в северо-восточной части болото опоясывают труднопроходимые мертвопокровные заросли из *Cornus alba* (свидины белой — форма побегоносная) шириной более 300 м. Эта форма свидины использовалась в лесозащитной полосе у Варшавского шоссе. Местами она встречается в лесу между болотом и шоссе. Еще один пример неудачной мелиорации — болото Обирог, где почти полностью исчезли болотные виды, и вырос лес, а между тем, по наблюдениям Н.В.Воронкиной, в 1980-х гг. между осушительными канавами были обширные заросли клюквы и брусники.

Из изученных нами 28 болот 23 имеют природоохранный статус (находятся на ООПТ федерального значения или являются региональными памятниками природы) или предложены к охране на областном уровне. Однако два крупнейших болота области, на которых число редчайших в регионе видов очень велико, не имеют природоохранного статуса, но, несомненно, его заслуживают *(см. таблицу 1)*.

Игнатовское болото — самое крупное верховое болото Калужской области (1400 га). Разрабатывалось с 1917 г., добыча торфа велась экскаваторным способом в восточной части массива [9]. В настоящее время здесь сохранились зарастающие дренажные канавы и торфяные карьеры, растительный покров сильно нарушен примерно на 1/3 площади массива. Сохранившаяся часть болота весьма разнообразна по составу растительности — здесь имеются и переходные участки по краю, и верховые олиготрофные участки в центре с низкими формами сосны, обильными зарослями вороники и клюквы, местами хорошо выражены гряды и мочажины и даже озерковый комплекс в центральной западной части.

Впервые отмечены в 2008 и 2012 гг. редкие виды: *Eriophorum gracile* (пушица стройная), *Drosera × obovata* (росянка обратнояйцевидная). В 2012 г. при исследовании озеркового комплекса *Drosera × obovata* отмечена в большом обилии, в десятки раз превышающем численность родительских видов по краю сплавины. В отличие от них, этот вид возобновляется не семенами, а дает вегетативные боковые розеточные побеги. Таким образом, он ведет себя не как гибрид, а как гибридогенный вид, и заслуживает охраны в регионе.

Девять редких, охраняемых в регионе видов растений было выявлено ранее другими исследователями [3, 5, 6] и сохранилось до сих пор: *Scheuchzeria palustris* (шейцерия болотная), *Carex limosa* (осока топяная), *C. pauciflora* (осока малоцветковая) — этот редкий северный вид растет здесь в очень большом числе, подобного обилия мы не наблюдали даже на самом большом в Европе Полистово-Ловатском болотном массиве [10, 11] *Rhynchospora alba* (очеретник белый), *Drosera anglica* (росянка английская), *D. rotundifolia* (р. круголистная), *Empetrum nigrum* (вороника черная), *Chamaedaphne calyculata* (хамедафна обыкновенная), *Oxycoccus microcarpus* (клюква мелкоплодная).

Некоторые редкие виды, отмеченные Г.И.Пешковой, нами не встречены, среди них *Calamagrostis purpurea* (вейник пурпуровый), *Salix lapponum* (ива лапландская), *S. myrtilloides* (ива черничная). Возможно, они обитают и сейчас на северном неизученном нами крае болота, и для выводов о динамике флоры необходимо продолжить изучение его территории.

В составе бриофлоры были отмечены ранее, но не встречены нами следующие редкие в области виды: *Warnstofia exannulata, Campilium sp., Dicranum bonjanii, Scorpidium cossonii, S. palustre, S. papillosum, S. tenellum* [3 6, 12]. Это виды, более широко распространенные в северотаежной и лесотундровой зонах, уязвимые на границе своего ареала. Их исчезновение (или, по крайней мере, значительное сокращение численности, в связи с чем они, возможно, не были обнаружены нами), очевидно, связано с деградацией мочажинного комплекса в результате торфоразработок. Из отмеченных ранее редких видов мхов удалось обнаружить лишь *S. fuscum*.

Пустовский мох — одно из самых крупных низинных болот Калужской области (900 га). Разрабатывалось с 1932 г. [9]. Осушение было начато, вероятно, в 1920-х гг., т. к. в литературе 1929 г. уже указывается на нарушение растительного покрова. В это же время в средней части болота располагалось озеро, которое в настоящее время заросло [6, 7].

Первым исследователем болота можно считать княжну Е.Л.Голицыну, которая гербаризировала растения, собранные здесь в 1880 и 1881 гг. (MW). Позднее, на этом болоте были отмечены следующие редкие виды, которые после осушения не найдены: *Salix lapponum* (ива лапландская), *Salix myrtilloides* (ива черничная), *Scheuchzeria palustris* (шейцерия болотная), *Calamagrostis neglecta, Carex chordorrhiza* (осока струннокоренная), *C. dioica* (осока двудомная), *Carex limosa* (осока топяная), *Eriophorum latifolium* (пушица широколистная), *Gymnadenia conopsea* (кокушник длиннорогий), *Hammarbya paludosa* (гаммарбия болотная), *Liparis loeselii* (лозняк Лезеля) — рос в начале XX века обильно, внесен в Красную книгу России, *Malaxis monophyllos* (мякотница однолистная), *Andromeda polifolia* (подбел обыкновенный), *Pedicularis palustris* (мытник болотный). (вейник незамечаемый) (В.Д. Луганский — сборы 1931 г. (Калужский краеведческий музей); А.К.Скворцов — экспедиция 1974 г. (МНА)), [3, 6, 7].

По нашим наблюдениям 2012 г., на болоте сохранились отмеченные ранее *Carex omskiana* (осока омская), *Eriophorum gracile* (пушица стройная), *Epipactis palustris* (дремлик болотный), *Betula humilis* (березка кустарничковая) — по-видимому, это единственная сохранившая точка произрастания вида в Калужской области, *Parnassia palustris* (белозор болотный), *Sagina nodosa* (мшанка узловатая) (княжна Е.Л.Голицына — сборы 1880—81 гг.; Г.И.Пешкова — сборы 1965 г.), [7].

Несмотря на нарушения растительного покрова болота, в 2012 г. здесь впервые в регионе найдены редчайшие северные виды *Carex serotina* (осока поздняя) и *Trichophorum alpinum* (пухонос альпийский) — возможно это самая южная современная точка произрастания этого вида.

Из редких видов мхов, вероятно, исчез *Hamatocaulus vernicosus*, а сохранился до настоящего времени *Helodium blandowii* [6].

Среди выявленных здесь впервые в 2012 г. редких мхов, особый интерес представляет комплекс видов минеротрофных болот (*Campilium protensum, Drepanocladus polygamus, Fissidens adiantoides, Philonotis marchica* — впервые зарегистрирован в регионе, в Средней части Европейской России известен еще из одного местонахождения в Московской области), обнаруженных в травяно-гипновых сообществах краевых частей болота [13]. Видимо, это связано с сохранившимся на этих участках подтоком минерализованных грунтовых вод, а также их меньшей нарушенностью разработками [6]. Большинство этих видов — редкие, исчезающие в Центральной России в связи с повсеместной деградацией болот, внесены в региональные Красные книги и предложены нами к охране в Калужской области.

Вплоть до конца XX века болота рассматривались как места интенсивного торфонакопления и потенциально продуктивные сельскохозяйственные угодья. Однако даже тогда осознавалась необходимость охраны этих уникальных биоценозов Средней России, так как « в недалеком будущем интереснейшие торфяные месторождения

этого района могут целиком исчезнуть. Эти месторождения, являющиеся ценным памятником природы, составляют частицу естественного ландшафта центральной части европейской России. Их сохранение позволит восстановить характер болотных фитоценозов и растительности территории, прилегающей к торфяным месторождениям на протяжении голоцена» [12].

Работы выполнены при поддержке гранта РФФИ 12-04-97542, Министерства природных ресурсов, экологии и благоустройства Калужской области и национального парка «Угра». Благодарим за помощь в полевых исследованиях и организации работ А.В.Крылова, Н.В.Воронкину, А.А.Шмытова, В.М.Сидоренко, А.В.Жафярова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов Д.А. Научные и практические выводы при геоботаническом исследовании торфяных болот // Торфяное дело 1924, № 12. С. 1—7.

2. Пешкова Г.И. К динамике растительного покрова болот северо-запада Калужской области // Докл. ТСХА. Вып. 152. М., 1969. С. 353—357.

3. Пешкова Г.И. Флора и растительность болот северо-запада Калужской области. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. Москва, 1970.

4. Пешкова Г.И. 6. Растительный покров Шатина болота // Докл. ТСХА. Вып.199. М., 1974. С. 127—133.

5. Пешкова Г.И. Растительность Игнатовского болота Калужской области // Доклады ТСХА. Вып. 131. М., 1967. С.313-319

6. Работнов Т.А. О болотах Калужской губернии. // Торфяное дело 1929, № 1. С. 29—30

7. Флеров А.Ф. 1912. Флора Калужской губернии. В 3-х частях. Калуга: Изд-во оценочно-стат. отд. калуж. губерн. земской управы. Ч. 1: Литература по флоре Калужской губернии. Ч. 2.: Собственные исследования. Ч. 3.: Список растений Калужской губернии.

8. Флеров А.Ф. 1906—1910. Окская флора: [В 4 ч.] // Тр. СПб. бот. сада Т. 27. Вып. 1—3.

9. Торфяные месторождения Калужской области (по состоянию изученности на 1 января 1978 г.) / Отв. ред. В.Д.Маркова. Москва, 1980.

10. Решетникова Н.М., Королькова Е.О., Новикова Т.А. Сосудистые растения Полистовского заповедника: (Аннотированный список видов). М., 2006. (Флора и фауна заповедников; Вып. 110.)

11. Решетникова Н.М., Королькова Е.О., Зуева Н.В. Сосудистые растения Рдейского заповедника: (Аннотированный список видов). М., 2007. (Флора и фауна заповедников; Вып 111.

12. Пешкова Г.И. Материалы к бриофлоре Калужской области. Сфагновые мхи // Биол. науки, (8), 1975. С. 66—72.

13. Красная книга Московской области (издание второе, дополненное и переработанное) / Министерство экологии и природопользования Московской области; Комиссия по редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных, растений и грибов Московской области. Отв. ред. Т.И.Варлыгина, В.А.Зубакин, Н.А.Соболев. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.

СРАВНЕНИЕ ФАУНЫ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (LEPIDOPTERA, INSECTA) ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ И ВЕРХНЕЙ ОКИ

М.А.Клепиков, *к.б.н., м.н.с.,*
Переславль-Залесский музей-заповедник.

Фауна чешуекрылых в регионах, относящихся к верховьям самой большой реки Европейского субконтинента Волги и верховьям ее крупнейшего правого притока Оки к настоящему времени достаточно хорошо изучена.

Наиболее значительный вклад в познание чешуекрылых Верхней Оки внесли исследования И.В.Шмытовой, проводившиеся преимущественно в Калужской области, и Л.В.Большакова, работающего в сопредельной Тульской области. Оба специалиста также активно занимаются изучением сопредельных территорий и имеют множество публикаций с соавторами из других регионов. Поскольку список работ, опубликованных указанными авторами по теме, очень обширен и не может быть приведен в данной краткой публикации, укажем лишь, что большинство статей, вышедших по фауне Верхней Оки до 2000 года, приводится в работе И.В.Шмытовой [2000, 2001], а более поздних — в статье Л.В.Большакова с соавторами [2009, 2010, 2012 а, б]. Однако перечень всех работ по теме не исчерпывается указанными библиографиями.

Что касается Верхней Волги, то к началу 90-х гг. XX века фауна ее чешуекрылых продолжала оставаться малоизученной. Однако ко второй декаде 2000 годов по данной теме уже имелось большое количество публикаций, большинство из которых представлено в библиографиях, приведенных в работах М.А.Клепикова [2006, 2007, 2008 а, б].

Хорошая изученность чешуекрылых как на Верхней Волге, так и на Верхней Оке дает возможность сравнить их фауны. При этом регион Верхней Волги образует целостную региональную единицу — Верхне-Волжскую физико-географическую провинцию [Физико-географическое..., 1968]. Ядром провинции является Ярославская область; примыкающие к ней Тверская, Вологодская, Костромская, Ивановская и Московская области входят в провинцию частично.

Характеристика Верхней Оки не столь однозначна. Традиционно фаунистические исследования проводятся не по географическим, а по административным выделам. В данном случае это территории Орловской, Калужской и Тульской областей (по территории Московской области, начиная от Серпухова, Ока протекает уже в своем среднем течении). Большинство публикаций по чешуекрылым Верхней Оки было посвящено фаунам перечисленных областей.

Вместе с тем на указанной территории проходят границы пяти физико-географических провинций: на северо-западе — Смоленско-Московской, на северо-востоке — Мещерской, на юго-западе — Березинско-Деснинской, и, наконец, собственно Приокской провинции, которая протянулась вдоль всей Верхней Оки, занимает пограничное положение среди всех перечисленных лесных провинций и на юге граничит с обширной лесостепной Среднерусской провинцией. Каждая из указанных провинций имеет свои геологические, климатические и биогеографические особенности, которые могут различаться довольно значительно. Например, Смоленско-Московская провинция, к которой относится северо-западная половина Калужской области, характеризуется значениями суммы температур воздуха выше 10 градусов С в 1800—2000 градусов, годовым показателем увлажнения 0,50—0,60 и средним из

абсолютных минимумов температуры воздуха —30, —32 градуса С. В свою очередь в Березино-Деснинской провинции, занимающей большую часть юго-востока Калужской области, значения суммы температур воздуха выше 10 градусов С составляют 2200—2500 градусов, годовой показатель увлажнения 0,45—0,60 и средний из абсолютных минимумов температуры воздуха —27, —30 градусов С. Еще сильнее указанные значения отличаются в Приокской провинции, характеризующейся более континентальным климатом [Физико-географическое..., 1968].

В нашем случае наиболее адекватным было бы сравнение фаун чешуекрылых Верхне-Волжской и Приокской физико-географической провинции. Исследования, проведенные автором на Верхней Волге, подтверждают объективность и адекватность такого подхода. Однако выявление особенностей провинциальных, а не «административных» фаун на Верхней Оке (равно как и в других регионах Европейской части России) пока остается задачей для будущих исследований. Поэтому данное сравнение проводилось с учетом всех видов, приводимых в публикациях по фауне чешуекрылых различных областей, входящих в Верхнее Поочье.

Другим фактором, осложняющим такое сравнение, являются климатогенные изменения фауны. В частности, с 2000-х годов на Верхней Волге стали отмечаться находки гораздо более южных видов чешуекрылых, ранее здесь не встречавшихся (например, голубянка *Everes argiades* или бражник *Proserpinus proserpina*). Летом 2012 года на территории Ярославского музея-заповедника автором был собран целый ряд микрочешуекрылых, до этого не отмечавшихся на Верхней Волге, причем не только в Ярославской, но и в сопредельных областях (материал находится в обработке).

Несмотря на все изложенные выше сложности, данные, полученные в результате сравнения фауны чешуекрылых Верхней Волги и Верхней Оки, позволили выявить ряд закономерностей.

Прежде всего, на Верхней Волге отсутствует целый ряд таксонов, отмеченных на Верхней Оке. Наибольшее сходство между регионами отмечается в таксонах ранга семейства, но даже здесь имеются семейства, представленные на Верхней Оке, и не найденные на Верхней Волге: Agonoxenidae (здесь и далее в скобках приводятся виды, не найденные на Верхней Волге — *Heinemannia laspeyrella* и *Blastodacna atra*) [Шмытова, 2001], *Chrysopeleiidae* (*Sorhagenia rhamniella* и *S. janiszewskae*) и *Blastobasidae* (*Hypatopa inunctella*) [Большаков и др., 2012а].

Гораздо большие различия отмечаются в таксонах более низкого ранга — трибах, родах и, наконец, видах. При этом особенно заметна разнице в видовом составе в таких компактных и четко очерченных семействах, как *Adelidae (Nemophora pfeifferella, N. minimella, N. prodigellus, N. dumerilellus, Cauchas leucocerella, Adela reaumurella), Nepticulidae (Stigmella ruficapitella, S. samiatella, S. salicis, S. microtheriella, S. floslactella, Ectoedemia albifasciella, E. argyropeza, E. heringi, E. longicandella, E. subbimaculella, Fomoria septembrella, Etainia sericopeza), Psychidae (Psyche crassiorella, Epichnopterix plumella, Megalophanes stetinensis), Ypsolophidae (Ypsolopha lucella, Y. sylvella), Yponomeutidae (Swammerdamia pyrella, Prays fraxinella), Plutellidae (Eidophasia messingiella), Lyonetiidae (Bedelia somnulentella), Scythrididae (Scythris seliniella, Parascythris muelleri), Momphidae (Mompha conturbatella, M. propinquella, M. subbistrigella, Psacaphora raschkiella), Elachistidae (Elachista pullicomella, E. alpinella, E. atricomella, E. luticomella, Cosmiotes exactella), Pterophoridae (Oxyptilus parvidactyla, Crombrugghia tristis, Oidaematophorus rogenhoferi), Zygaenidae (Jordanita chloros, J. globulariae, Zygaena loti, Z. centaureae), Cossidae (Paracossulus thrips, Dyspessa ulula), Lemoniidae (Lemonia taraxaci), Lycaenidae (Satyrium spini, Polyommatus coridon, P. eros), Satyridae (Melanargia galathea), Drepanidae (Sabra harpagula), Thyatiridae (Polyploca ridens), Notodontidae (Ptilodon cucullina, Ptilophora plumigera, Periidea anceps).* Если же брать более обширные семейства, то количество видов, отмеченных на Верхней Оке и не найденных на Верхней Волге, наиболее велико в тех из них, которые достигают наивысшего разнообразия в аридных регионах: *Gelechiidae, Coleophoridae, Pyralidae, Crambidae.* Количество таких видов насчитывает несколько десятков в каждом семействе и в совокупности может достигать 42% от фауны Верхней Оки в семействе *Gelechiidae*, 54% в *Coleophoridae*, 33% в *Pyralidae* и 27% в *Crambidae*. Впрочем, и среди них встречаются дендро-тамнофильные виды, обитающие в широколиственных и даже таежных лесах.

В таком ведущем по своему разнообразию на территории России семействе, как Tortricidae, отсутствующих на Верхней Волге и отмеченных на Верхней Оке видов много как в таксонах, наиболее широко представленных как в лесной зоне (*Tortricini*, например род *Acleris; Archipini* — род *Archips*, и др.), так и в аридных регионах (Cochylini — роды *Cochylis, Aethes, Eupoecilia*); кроме того на Верхней Оке гораздо шире представлены всевозможные плодожорки (*Grapholitini* — род *Grapholita*). В других ведущих семействах, также имеются характерные обитатели открытых и хорошо прогреваемых местообитаний как среди *Geometridae* (например, *Heliomata glarearia, Narraga fasciolaria*), так и в *Noctuidae* (такие как *Schrankia taenialis*), которые отсутствуют на Верхней Волге и найдены на Верхней Оке.

Целый ряд видов с Верхней Оки пока был найден лишь в Переславском р-не Ярославской области, расположенном на крайнем юге Верхне-Волжской физико-географической провинции: *Opostegidae (Opostega salaciella), Cosmopterigidae (Limnaecia phragmitella), Gelechiidae (Bryotropha umbrosella, Gelechia muscosella), Epermeniidae (Epermenia illigerella), Limacodidae (Heterogenea asella), Thyatiridae (Habrosyne pyritoides), Geometridae (Ennomos erosaria), Notodontidae (Drymonia dodonaea, D. ruficornis)* [Клепиков, 2012].

Наконец, ряд видов, отмеченных для Верхней Оки как часто встречающиеся или обычные, известны для Верхней Волги лишь по единичным экземплярам, встречаются крайне редко, нерегулярно, т.е. явно находятся здесь на границе своего основного ареала: *Gracillariidae (Phyllonorycter harrisella, Ph. rajella), Momphidae (Anybia langiella), Gelechiidae (Gelechia sestertiella), Crambidae (Catoptria verellus), Notodontidae (Notodonta tritophus), Arctiidae (Lithosia quadra, Eilema deplana),* либо отмечались на Верхней Волге лишь по литературным данным и в настоящее время не найдены: *Gracillariidae (Caloptilia alchimiella), Drepanidae (Watsonalla binaria).*

Резюмируя приведенные выше данные, можно отметить, что виды, отмеченные на Верхней Оке и отсутствующие (либо крайне редко встречающиеся) на Верхней Волге их можно разделить на две экологические группы:

а) лесные чешуекрылые, трофически связанные преимущественно с древесно-кустарниковой растительностью;

б) трофически связанные с травянистой растительностью обитатели открытых ксеротермических стаций. Виды первой группы характерны в первую очередь для широколиственных лесов. Представители второй экологической для своего успешного развития нуждаются в более высоких значениях сумм температур.

Главное, что объединяет обе приведенные выше группы — входящие в них виды чешуекрылых являются суббореальными, то есть условная северная граница их распространения совпадает с условной северной границей распространения широколиственных пород, которая проходит по южной части Верхне-Волжской физико-географической провинции.

Вместе с тем, многие эубореальные виды, считающиеся «северными», отмечаются как на Верхней Волге, так и на Верхней Оке (листовертка *Phiaris dissolutana*, желтушка *Colias palaeno*, сенница *Coenonympha tullia*, перламутровки *Clossiana eunomia, C. titania, Boloria aquilonaris*, голубянки *Lycaena helle* и *Piebeius opttiete* и ряд других). Другие эубореальные виды пока были найдены лишь в каком-либо одном регионе. И если наличие на более северной Верхней Волге и отсутствие на более южной Верхней Оке таких видов, как, например, травянка *Pediasia truncatellus*, перламутровка *Clossiana thore*, бархатница *Oeneis jutta* или пяденица *Scopula frigidaria* является вполне ожидаемым, то отсутствие на Верхней Волге таких найденных в Калужской области видов, как листовертка *Argyroploce lediana* [Большаков и др., 2012а], осоковая моль *Glyphipterix haworthana* или выемчатокрылая моль *Neofaculta infernella* [Большаков и др., 2012б] пока традиционно объясняется лишь пресловутой «недостаточной изученностью». В действительности же данные находки лишь подтверждают локальный характер распространения эубореальных видов на большей части Европейской России. Каких либо климатических лимитирующих факторов (подобно недостатку тепла на Верхней Волге для суббореальных видов, обитающих в открытых ксеротермических стациях) для эубореальных видов на Верхней Оке нет. Их распространение ограничено здесь (как и в других регионах к югу от таежной зоны) лишь наличием подходящих биотопов.

Следует также отметить, что наибольшие различия между фауной Верхней Волги и Верхней Оки отмечаются у микрочешуекрылых. Однако связано это не только с «недостаточной изученностью» микрочешуекрылых, но и большей стенотопностью их по сравнению с макрочешуекрылыми, обладающими открытоживущими гусеницами (а булавоусые также и куколками) и, таким образом, менее зависящими от условий окружающей среды [Синев, 1990]. Кроме того, микрочешуекрылые из-за своих мелких размеров «не приспособлены к сколько-нибудь дальним перелетам и имеют очень небольшие радиусы индивидуальной и репродуктивной деятельности» и могут обитать в очень компактных изолятах, «экологическая емкость которых слишком мала для более крупных видов» [Большаков, 2002].

Если же рассматривать гораздо лучше изученных макрочешуекрылых, и в первую очередь компактные семейства, включающие в себя крупные и привлекательные для большинства сборщиков дендро-тамнофильные виды *(Thyatiridae, Drepanidae, Lasiocampidae, Saturniidae, Sphingidae, Notodontidae, Lymantriidae)*, то в них четко прослеживается закономерность, согласно которой количество их видов на Верхней Оке включает все виды, известные с Верхней Волги, плюс несколько суббореальных. Для указанной группы семейств таких видов, которые были бы известны из Верхней Волги и отсутствовали бы южнее, нет.

Что касается отдельных видов, известных с Верхней Волги, но не отмеченных на Верхней Оке, то они не образуют какой-либо выраженной закономерности. Большинство таких видов является микрочешуекрылым либо входит в крупнейшие семейства макрочешуекрылых *(Noctuidae и Geometridae)* и относится к самым различным экологическим группам (ксерофиллы и гигрофилы, виды лесов и открытых местообитаний и т.д. и т.п.). Количество эубореальных видов среди них крайне незначительно.

В целом же фауны чешуекрылых Верхней Волги и Верхней Оки весьма сходны между собой и демонстрируют одни из самых высоких значений коэффициентов сходства при сравнении различных региональных фаун Европейской России [Клепиков, 2008б]. В этом плане фауна расположенной севернее Верхней Волги представляет собой как бы обедненный вариант более южной фауны Верхней Оки, из которого исключены многие суббореальные виды, в первую очередь относящиеся к западно-палеарктическому, западно-центрально-палеарктическому и европейскому зоогеографическим комплексам [Клепиков, 2011]. Аналогичное обеднение наблюдается и при движении с запада, с его более мягким приморским климатом, на восток, по мере усиления континентальности [Клепиков, 2008б].

Таким образом, указанные региональные фауны чешуекрылых наглядно отражают классическую закономерность снижения разнообразия по мере увеличения пессимальности условий окружающей среды. Эти условия характеризуются следующими значениями: в Верхне-Волжской физико-географической провинции сумма температур воздуха выше 10 градусов С составляет 1600—2000 градусов, годовой показатель увлажнения 0,45—0,60, средний из абсолютных годовых минимумов температуры воздуха —32, —35 градусов С; в Приокской провинции (в узком понимании) соответственно 2200—2600, 0,45, —27 и —33 [Физико-географическое..., 1968]. Наиболее значительными здесь оказываются различия в сумме температур воздуха выше 10 градусов С, другие климатические параметры (годовой показатель увлажнения, средний из абсолютных годовых минимумов) различаются в меньшей степени. Таким образом можно сделать вывод, что основное значение, определяющее разницу фаунистического состава чешуекрылых, обитающих на Верхней Волге и Верхней Оке имеет температурный фактор, напрямую зависящий от радиационного баланса.

ЛИТЕРАТУРА

Большаков Л.В. 2002. Microlepidoptera Тульской области. 10. Минно-чехликовые и длинноусые моли (Lepidoptera: Adeloidea; Incurvariidae, Adelidae) // Russian Entomol. Journal. Vol. 11, N. 3. С. 317—324.

Большаков Л.В., Рябов С.А., Пискунов В.И. 2009. О некоторых интересных видах чешуекрылых (Lepidoptera) в Тульской области (2007—2009 гг.) // Известия Калужского общества изучения природы. Книга 9. Калуга. С. 110—146.

Большаков Л.В., Рябов С.А., Аникин В.В., Пискунов В.И., Барышникова С.В., Львовский А.Л. 2010. Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Lepidoptera) Тульской области. 3 // Эверсманния. Вып. 21—22. Тула: Гриф и К. С. 42—55.

Большаков Л.В., Алексеев С.К., Аникин В.В., Пискунов В.И. 2012а. Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 4 // Труды государственного природного заповедника «Калужские засеки». Вып. 2. Калуга: Эйдос. С. 128—188.

Большаков Л.В., Алексеев С.К., Аникин В.В., Пискунов В.И., Андреев С.А. 2012б. Дополнения и уточнения к фауне и экологии чешуекрылых (Lepidoptera) Калужской области. 5 // Эверсманния. Энтомологические исследования в России и соседних регионах. Выпуск 31—32. Тула: Гриф и К. С. 89—99.

Клепиков М.А. 2006. Своеобразие фауны чешуекрылых (Insecta: Lepidoptera) Дарвинского заповедника // Труды Дарвинского государственного природного биосферного заповедника. Вып. XVI. Череповец. С. 204—209.

Клепиков М.А. 2007. К фауне чешуекрылых (Lepidoptera, Insecta) национального парка "Русский Север" / Научно-практическая конференция, посвященная 15-летию национального парка "Русский Север": Сборник материалов конференции (г. Кириллов, Вологодская обл., Россия, 20—21 сентября 2007 г.). Кириллов. С. 67—86.

Клепиков М.А. 2008а. Эколого-фаунистический обзор чешуекрылых (Lepidoptera) Верхней Волги: Автореф. дис. ... канд. биол. наук / Зоол. ин-т РАН, СПб.

Клепиков М.А. 2008б. Таксономический анализ фауны чешуекрылых (Lepidoptera) Верхней Волги // Энтомологическое обозрение. Т. 87, вып. 4. С. 756—775.

Клепиков М.А. 2011. Зоогеографический обзор чешуекрылых (Lepidoptera) Верхней Волги в сравнении с другими регионами Европейской части России // Материалы международной научной конференции «Фундаментальные проблемы энтомологии в XXI веке». Санкт-Петербург, 16—20 мая 2011 г. (под ред. В.Е.Кипяткова и Д.Л.Мусолина). СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та. С. 64.

Клепиков М.А. 2012. Чешуекрылые (Lepidoptera, Insecta), отмеченные на Верхней Волге только в Переславском районе Ярославской области // Естествознание: исследование и обучение [Текст]: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ. С. 20—26.

Синев С.Ю. 1990. Филогенез отряда чешуекрылых как адаптивный процесс // Успехи энтомологии в СССР: насекомые перепончатокрылые и чешуекрылые. Мат. 10 съезда Всес. энтомол. о—ва. Л. 11—15 сентября 1989. Л. С. 216—218.

Физико—географическое районирование СССР. Характеристика региональных единиц / Под ред. Н. А. Гвоздецкого. — М.: изд—во МГУ, 1968.

Шмытова И.В. 2000. Эколого-фаунистический обзор чешуекрылых (Lepidoptera) бассейна верхней Оки: Автореф. дис. ... канд. биол. наук / Зоол. ин-т РАН. СПб.

Шмытова И.В. 2001. Чешуекрылые (Insecta, Lepidoptera) Калужской обл. Аннотированный список видов // Изв. Калужского о-ва изучения природы местного края. Книга 4. Калуга: изд-во Калужского гос. пед. ун-та. С. 60—172.

КСЕРОМЕЗОФИТНЫЕ ДУБРАВЫ КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА В ДОЛИНЕ ОКИ (КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ю.А.Семенищенков, *к.б.н., доц.,*
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени акад. И.Г.Петровского»;

В.В.Телеганова, *к.б.н., с.н.с.,*
ФГБУ «Национальный парк «Угра».

Ксеромезофитные дубравы с элементами «окской флоры» — комплекса южных лесостепных и степных видов, проникающих в лесную зону по долинам крупных рек — уникальные с природоохранной точки зрения природные комплексы в Южном Нечерноземье России. В этом регионе такие леса представлены здесь у северной границы своего ареала и являются редкими (Зеленая книга.., 2012).

В 2012 г. проведено геоботаническое обследование ксеромезофитных дубрав в долине Оки на отрезке от г. Калуги до г. Алексина, получившем название «Калужско-Алексинский каньон». Описание сообществ проведено на площадках в 400 м2 с выявлением полного флористического состава. Синтаксономия разработана с использованием метода флористической классификации (Braun-Blanquet, 1964). Названия сосудистых растений даны по С.К. Черепанову (1995); мохообразных — по М.С.Игнатову и др. (2006). Ниже дается их характеристика.

Результаты и их обсуждение. Сообщества ксеромезофитных дубрав описаны на крутых южных, реже — юго-восточных, коренных склонах долины Оки на смытых суглинках, подстилаемых известняками. В отдельных местообитаниях есть обнажения известняков. На слабозадернованных склонах активны эрозионные процессы.

Древостой сообществ формирует дуб черешчатый высотой от 12 до 22 м с участием березы или осины. Сомкнутость обычно небольшая, около 50%, имеются открытые участки — «окна», в отдельных сообществах сомкнутость достигает 70%.

Кустарниковый ярус обычно плохо развит (сомкнутость 0—15%). В нем наиболее представительна *Corylus avellana*, рассеянно присутствуют *Euonymus verrucosa, Swida sanguinea, Frangula alnus, Sorbus aucuparia, Rhamnus cathartica*, редко — *Pyrus communis*. Обычно есть невысокий подрост *Acer platanoides, Tilia cordata, Populus tremula*. В условиях хорошей освещенности, особенно на открытых участках, активно идет возобновление дуба.

Основу травостоя составляют ксеромезофитные или мезофитные, преимущественно тепло- и светолюбивые виды разреженных широколиственных лесов и их опушек, в частности, *Agrimonia eupatoria, Astragalus glycyphyllos, Stachys officinalis, Vincetoxicum hirundinaria, Brachypodium pinnatum, Campanula persicifolia, Campanula rapunculoides, Carex montana, Geranium sanguineum, G. sylvaticum, Clinopodium vulgare, Lathyrus niger, Melampyrum nemorosum, Origanum vulgare, Polygonatum officinalis, Potentilla alba, Primula veris, Serratula tinctoria, Viola hirta* и др. Травостой красочный, многие виды являются яркоцветущими и создают локальные аспекты во время цветения. На открытых участках возрастает обилие луговых мезо- и ксеромезофитов. В некоторых сообществах доминируют *Rubus saxatilis* или *Pteridium aquilinum*. Общее проективное покрытие яруса варьирует от 40 до 90% в зависимости от освещенности, интенсивности смыва и наличия выраженных доминантов.

Отличительная особенность сообществ Поочья — постоянное присутствие и нередко доминирование характерного для долины Оки кальцефильного вида *Clematis recta*. За пределами окской долины он является редким, занесен в региональные Красные книги в Калужской (2006) и соседней Брянской (2004) областях. Высокие раскидистые растения ломоноса прямого обычно определяют облик сообществ, а во время цветения создают белый аспект. Есть сообщества, в которых ломонос является почти полным доминантом.

В составе описанных сообществ встречаются многие редкие и нуждающиеся в охране в Калужской и некоторых соседних областях виды, в том числе: *Anemone sylvestris, Cypripedium calceolus, Carex montana, Clematis recta, Hipericum hirsutum, Linum flavum, Pyrethrum corymbosum, Serratula tinctoria, Veratrum nigrum, Viola montana* и др. (Красная книга..., 2006; Крылов и др., 2012). При этом большинство перечисленных видов в этом регионе имеют тесную связь именно с сообществами ксеромезофитных дубрав.

Мохово-лишайниковый ярус сообществ развит неравномерно, весьма характерными видами являются *Fissidens bryoides, F. taxifolius, Oxyrhynchum hyans*, поселяющиеся на сырых глинистых почвенных обнажениях. Изредка в основаниях стволов встречаются редкие в Средней России неморальные эпифиты: *Anomodon attenuatus, A. longifolius, A. viticulosus, Dicranum viride, Leucodon sciuroides*. Характерной особенностью таких сообществ является произрастание этих видов также на выходах известняков. Из редких петрофитов на выходах известняков отмечены: *Fissidens exiguus, Homomalium incurvatum, Schistidium crassipilum* — в Центральной России известен лишь для склона долины Оки у с. Дугна (Ферзиковский р-н) в Калужской области, ближайшее известное местонахождение — Южный Урал.

Видовое богатство сообществ — 28—68 видов на 400 м^2.

Описанные сообщества по составу диагностических видов и экологическим особенностям местообитаний отнесены к ассоциации ксеромезофитных широколиственных лесов Южного Нечерноземья России *Lathyro nigri—Quercetum roboris Bulokhov et Solomeshch* 2003 (табл.). Ее диагностические виды: *Quercus robur* (доминант), *Lathyrus niger, Potentilla alba, Primula veris, Heracleum sibiricum*. Эта комбинация в достаточной мере представлена в сообществах долины Оки. По сравнению с типичными сообществами указанной ассоциации, описанной южнее — в Брянской области (Булохов, Соломещ, 2003; Семенищенков, 2009), — снижается константность *Potentilla alba, Heracleum sibiricum*. Отсутствует и еще один характерный вид — *Laserpitium latifolium*. Высокое обилие и константность ломоноса прямого позволяют установить для описываемой ассоциации вариант *Clematis recta*, характерный для окской долины.

Ксеромезофитные широколиственные леса Южного Нечерноземья в настоящее время относят к союзу *Quercion petraeae Zólyomi et Jakucs ex Jakucs 1960*. Этот союз объединяет термофильные дубовые леса «за пределами географического и экологического распространения Quercus pubescens», «обедненные субсредиземноморскими и субконтинентальными видами», распространенные в Центральной и частично в Восточной Европе (Chytrý, 1997). Союз рассматривают в составе порядка термофильных широколиственных лесов Центральноевропейской и юго-западной части Восточноевропейской провинций Среднеевропейского флористического региона *Quercetalia pubescenti-petraeae* Klika 1933 класса *Querco—Fagetea* Br.-Bl. et Vl. in Vl. 1937. Среди диагностических видов союза и порядка в сообществах долины Оки отмечены: *Quercus robur, Agrimonia eupatoria, Galium boreale, Filipendula vulgaris, Stachys officinalis, Thalictrum minus, Trifolium medium, Viola hirta, Vincetoxicum hirundinaria, Pyrethrum corymbosum, Silene nutans, Steris viscaria, Polygonatum odoratum, Lathyrus niger, Carex montana, Trifolium alpestre, Campanula persicifolia, Clinopodium vulgare, Potentilla alba, Calamagrostis arundinacea, Fragaria vesca, Pulmonaria angustifolia, Serratula tinctoria, Brachypodium pinnatum.*

Заключение. Таким образом, сообщества ксеромезофитных широколиственных лесов долины Оки обладают значительным эколого-флористическим своеобразием, по сравнению с их типологическими аналогами в соседних регионах. Поиск новых местонахождений сообществ данного типа в верхнем течении Оки позволит расширить сведения о распространении данной ассоциации и очертить актуальный ареал порядка *Quercetalia pubescenti-petraeae* в Нечерноземье.

ЛИТЕРАТУРА

Булохов А.Д., Соломещ А.И. Эколого-флористическая классификация лесов Южного Нечерноземья России. Брянск: Изд-во БГУ, 2003.

Зеленая книга Брянской области (растительные собщества, нуждающиеся в охране) / Булохов А.Д., Панасенко Н.Н., Анищенко Л.Н., Аверинова Е.А., Федотов Ю.П., Харин А.В., Кузьменко А.А., Шапурко А.В. / Под ред. А.Д.Булохова. Брянск: ГУП «Брянское полиграфическое объединение», 2012.

Красная книга Брянской области. Растения. Грибы. Брянск, 2004.

Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая аллея, 2006.

Крылов А.В., Телеганова В.В., Решетникова Н.М. Флористический очерк территории Калужско-Алексинского каньона в связи с необходимостью его охраны // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблема сохранения биразнообразия Калужского края. Материалы научного симпозиума 5-7 апреля 2011 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2012. С 36—43.

Семенищенков Ю.А. Фитоценотическое разнообразие Судость-Деснянского междуречья. Брянск: РИО БГУ, 2009.

Черепанов С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств. СПб.: Мир и семья, 1995.

Braun-Blanquet J. Pflanzensoziologie. 3. Aufl. Wien; N.-Y., 1964.

Chytrý M. Thermophilous oak forests in the Czech Republic: Syntaxonomical revision of the Quercetalia pubescenti-petraeae // Folia Geobot. Phytotax. 1997. Vol. 32. P. 221—258.

Ignatov M. S. et al. Check-list of mosses of East Europe and North Asia // Arctoa. 2006. Vol. 15. P. 1—130.

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ФЛОРЫ ЗАПОВЕДНИКА «КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ»

Н.М.Решетникова, *к.б.н., н.с.,*
Главный ботанический сад им. Н.В.Цицина РАН;
А.В.Крылов, *к.б.н., ст.,*
Первый московский государственный медицинский университет им. И.М.Сеченова.

«Калужские засеки» — единственный государственный природный заповедник Калужской области, созданный в 1992 году. Общая площадь заповедника 18533 га. В его состав входят два участка: Северный (6749 га) и Южный (11784 га). В пределах 200 м от границ заповедник окружен охранной зоной, площадью 1935 га.

По современным данным на территории заповедника произрастает более 700 видов растений. Однако анализ конспекта флоры заповедника (Шовкун, Яницкая, 1999) и рекогносцировочные полевые исследования позволяют утверждать, что флора сосудистых растений, как ключевой элемент биоразнообразия заповедника нуждается в дальнейшем детальном изучении.

В 1999 г. вышел список флоры заповедника, составленный Михаилом Михайловичем Шовкуном (ПущГУ) и Татьяной Олеговной Яницкой (WWF России). Это первый и пока единственный список сосудистых растений заповедника. При составлении конспекта флоры авторами использовано более 700 геоботанических описаний и многочисленных маршрутных исследований, выполненных ими совместно с сотрудниками МГУ, МГПУ, и ПущГУ в 1987—1997 гг. Однако в этой работе есть невыверенные указания, авторы сами замечают: «необходима критическая ревизия сведений о наличии в заповеднике видов растений, не подтвержденных пока достоверными гербарными образцами. Хотя их произрастание в заповеднике остается сомнительным, мы не в праве были не включать их в список, так как они фигурируют в геоботанических описаниях» (Шовкун, Яницкая, 1999). В список попали растения явно указанные ошибочно и не произрастающие в Средней России, так же целый ряд растений, указанных на территории заповедника, более нигде не зарегистрированы в Калужской области (приведены ниже) — произрастание их в Калужских засеках крайне маловероятно.

К сожалению, гербарные материалы по флоре заповедника находятся в г. Пущино и пока недоступны для изучения.

В список флоры заповедника авторами включено **702 пронумерованных вида**, при этом сами авторы указывают, что **произрастание 75 из них нуждается в подтверждении**. В конспекте они приведены с соответствующим комментарием: «нуждается в подтверждении». Из этих 75 видов, по нашему мнению, указания на произрастание 25 видов недостоверны:

Среди них не произрастающая в Средней России *Polygonatum latifolium Desf.* — Купена широколистная.

Не зарегистрированные более нигде в Калужской области: *Lusula campestris* (L.) DC — Ожика равнинная, *Orchis mascula* (L.) L. — Ятрышник мужской, *Alchemilla sergii V. Tichomiriv* — Манжетка Сергея, *Geranium bohemicum* L. — Герань цыганская, *G. molle* L. — Герань мягкая, *Mentha aquatica* L. — Мята водная, *M. suaveolens Ehrh.* — Мята круглолистная, *Melampyrum sylvaticum* L. — Марьянник лесной, *Hieracium vulgatum Fries* — Ястребинка обычная.

А также известные в регионе, но произрастающие очень локально и не в тех местообитаниях, в которых указаны в списке заповедника: *Calamagrostis purpurea* (Trin.) Trin s.l. [*C. langsdorffii* (Link) Trin. s.l.] — Вейник пурпурный, *C. neglecta* (Ehrh.) Gaertn., Mey. et Scherb. — Вейник незамеченный, *Festuca pseudovina* Hack. ex Wiesb. — Овсяница ложноовечья, *Carex limosa* L. — Осока топяная, *C. loliacea* L. — Осока плевельная, *Veratrum nigrum* L. — Чемерица черная, *Silene viscosa* (L.) Pers. — Смолёвка клейкая, *Vicia tenuifolia* Roth — Горошек тонколистный, *Lythrum virgatum* L. — Дербенник трутьевидный, *Epilobium collinum* C. C. Gmel — Кипрей холмовой, *Myosotis sylvatica* Ehrh. ex Hoffm. — Незабудка лесная, *Achillea ptarmica* L. [*Ptarmica vulgaris* Hill] — Тысячелистник птармика, *Cirsium rivulare* (Jacq.) All. — Бодяк приречный, *Pilosella lactucella* (Wallr.) P. D. Sell et C. West [*Hieracium lactucella* Wallr.] — Ястребиночка латуковидная, *Senecio sylvaticus* L. — Крестовник лесной.

В том случае если какое либо из перечисленных растений будет найдено на территории заповедника, необходимо точно документировать его произрастание — собрать в гербарий

и передать на хранение в Гербарии Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского, Главного ботанического сада им. Н.В.Цицина РАН или Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. В крайнем случае, сделать серию качественных фотографий (общий план и диагностические признаки) и передать их специалистам. Находки остальных 50 более вероятны, возможно, при составлении следующих списков достаточно просто подробных записей о встречаемости, хотя желательно также документировать их произрастание.

Кроме того, **еще по меньшей мере 28 видов растений, не снабженных комментарием** «произрастание нуждается в подтверждении», так же, возможно, указаны ошибочно, это такие виды как:

Typha angustifolia L. — Рогоз узколистный. Указан по «прудам, отработанным карьерам, придорожным кюветам и канавам» в то время как этот вид не выдерживает обсыхания и приурочен к водоемам с постоянным уровнем воды.

КК[1] *Potamogeton gramineus* L. — Рдест злаковый. Указан по «лесным речкам» в то время как вид обитает только в стоячих водоемах и топким участкам на сфагновых болотах, где и был ранее отмечен в области.

КК *Festuca valesiaca* Gaudin s. l. — Овсяница валисская. Указана как редкий вид на «суходольных лугах». В регионе известна лишь в долине Оки и в одной точке на р. Жиздре, однако в списке флоры заповедника не приводится более распространенная в регионе близкая по облику F. trachyphylla (Hack.) Krajina — Овсяница шершаволистная, произрастающая и собранная нами в долине Вытебети.

КК *Koeleria cristata* (L.) Pers. — Келерия гребенчатая. Указана на «ксероморфных участках суходольных лугов». В области очень редка, имеются лишь единичные находки (Калужская флора..., 2010), поэтому необходимы точные данные о произрастании вида — гербарный сбор.

КК *Carex muricata* L. — Осока колючковатая. Указана как обычный вид на «полянах, лугах, светлых лесах», в то время как это лесное растение, обитает как правило в широколиственных лесах, а по упомянутым местообитаниям растет близкий вид C. contigua Hoppe — Осока соседняя.

КК *Platanthera chlorantha* (Cust.) Reichenb. — Любка зелёноцветковая. Указана как обычный вид, однако в области довольно редка и зарегистрирована пока лишь в долине Оки. Близкий более распространенный вид P. bifolia (L.) Rich. — Любка двулистная ранее отличали по цвету и размеру шпорцев, как выяснилось, этот признак не надежен.

Populus suaveolens Fisch. — Тополь душистый: «Единственное молодое дерево встречено...» и P. laurifolia Ledeb. — Тополь лавролистный: «Имматурные особи встречены только в одном месте...». На молодых растениях тополей листья очень изменчивы, для надежного определения вида нужны побеги старых деревьев. Тополь лавролистный собран в области лишь в двух точках, в то время как значительно более распространен и нередко встречается в сельских посадках P. *tristis Fisch.* [P. *longifolia Fisch.*, P. *balsamifera auct.*, non L.] — Тополь печальный, или длиннолистный, не указанный в заповеднике.

Salix gmelinii Pall. [S. *dasyclados* Wimm.] — Ива Гмелина, или шерстистопобеговая. Указана как «обычный вид. Придорожные кюветы, зарастающие пашни», в то время как в регионе растет только по берегам рек, на Жиздре изредка.

КК *S. myrtilloides* L. — Ива черничная. Указана по «окраинам влажным лесов», однако вид растет только на сфагновых переходных болотах и в регионе очень редок.

S. *phylicifolia* L. — Ива филиколистная. Указана по «сырым лугам, вырубкам, окраинам болот», в регионе достоверных сборов этого вида нет, но севернее в сопредельных областях она встречается лишь по переходным сфагновым болотам.

Polygonum carnea K.Koch [Bistorta carnea (K.Koch) Kom.] Указание для заповедника очевидно ошибочно, так как в Средней полосе этот вид не встречается. По-видимому, это опечатка и имелся в виду P. *bistorta* L. [B. *major* S. F. Gray] — Горец змеиный, чье русское название и было указано.

КК *Moehringia lateriflora* (L.) Fenzl — Мёрингия бокоцветковая. Указана в «колее лесной дороги в широколиственном лесу». В Калужской области известны лишь две достоверные точки произрастания этого вида, поэтому данное указание требует подтверждения — гербарного сбора. Сомнительно и указание местообитания, потому что Мёрингия бокоцветковая обитает как правило по лесам в долинах рек (Маевский, 2006), а в колеях дорог растет широко распространенная M. trinervia (L.) Clairv. — Мёрингия трёхжилковая.

Ranunculus trichophyllus Chaix [R. *divaricatum* auct. p. p., *Batrachium trichophyllum* (Chaix) Bosch] — Лютик волосистолистный. Указан как обычный вид лесных рек. Однако по лесным ручьям, небольшим речками, как правило, растет близкий вид R. *kauffmannii* Clerc [R. *divaricatus* Schrank p. max. p., B. *kauffmannii* (Clerc) V. Krecz.] — Лютик Кауфмана, отсутствующий в списке. Лютик волосистолистный чаще растет по стоячим и медленно текущим водоемам (Лисицина и др., 2009), хотя в Калужской области отмечен и в небольших речках, но редко (Калужская флора..., 2010).

КК *Corydalis intermedia* (L.) Mérat [C. *fabacea* (Retz.) Pers.] — Хохлатка промежуточная. Указана как обычный вид, по широколиственным лесам. Большинство указаний на находки этого вида в области были ошибочны. Как правило, Хохлатка промежуточная растет в небольшом числе, в отличие от близкой C. *solida* (L.) Clairv. — Хохлатки плотной, которая встречается обильно и обыкновенно (в списке «часто»).

Camelina sativa (L.) Crantz — Рыжик посевный. Указан у бетонной дороги, но, по-видимому, ошибочно, так как был широко распространен в начале XX века (в период его культивирования), а со второй половине XX века сборов этого вида из региона нет. Вероятно, у дороги рос близкий вид C. *microcarpa* Andrz. — Рыжик мелкоплодный, не указанный в заповеднике.

Cardamine parviflora L. — Сердечник мелкоцветковый. Не зарегистрирован в регионе.

Rorippa brachycarpa (C. A. Mey.) Hayek — Жерушник короткоплодный. Не зарегистрирован в регионе, есть лишь не подтвержденные гербарным материалом указания на единственную встречу вида в начале XX века (Калужская флора..., 2010).

Alchemilla gibberulosa H. Lindb. — Манжетка горбиковатая. Имеется лишь один сбор с территории области. Указание на произрастание редкого вида из этой сложной для определения группы растений требует обязательной документации.

Malus praecox (Pallas) Borkh. — Яблоня ранняя. Для области приводилась неоднократно, однако эти указания, по мнению С.Р. Майорова (Калужская флора..., 2010), следует относить к M. *domestica* Borkh. — Яблоне домашней или M. *sylvestris* Mill. — Яблоне лесной, так как настоящая Яблоня ранняя, описанная П.С. Палласом с Нижнего Дона и Волги в Средней России не встречается.

КК *Callitriche hermaphroditica* L. [C. *autumnalis* L.] — Болотник обоеполый. Указан как обычный вид стоячих водоемов, в то время как в области встречается очень редко. В Средней России, как правило, растет в озерах, или постоянных прудах. Вероятно за него были приняты подводные формы близких видов.

КК *Viola montana* L. — Фиалка высокая. Указана по «соснякам с вереском и линей», как редкий вид. Однако в регионе этот вид вообще не встречается в хвойных лесах, отмечен только в разреженных дубравах на склонах, преимущественно в долине Оки.

Pyrola media Sw. — Грушанка средняя. Не зарегистрирована в регионе (Калужская флора..., 2010).

КК *Thymus marschallianus* Willd. — Тимьян (Чабрец) Маршалла. Указан как редко растущий на травяных склонах, по оврагам, придорожным луговинам. Из Калужского региона имеются лишь два достоверных сбора Тимьяна Маршалла, поэтому находки его в заповеднике маловероятны. На территории заповедника нами отмечен близкий вид *T. × glabrescens* Willd. [T. *marschallianus × T. pulegioides, T.× loevyanus* Opiz] — Тимьян (Чабрец) оголяющийся, или Леви, и указание в конспекте следует относить к этому виду, который авторы понимали как синоним: «*Thymus marschallianus* incl. glabrescens».

КК T. *serpyllum* L. — Тимьян (Чабрец) ползучий, или обыкновенный, Богородская трава. В области известен лишь из Хвастовичского района, растет на флювиогляциальных песках, которые отсутствуют заповеднике и в окрестностях.

КК *Utricularia intermedia* Hayne — Пузырчатка промежуточная. Указана как обычный вид стоячих водоемов, в то время как растение обитает в мочажинах сфагновых болот, в области Пузырчатка промежуточная очень редка — известно лишь три находки с севера региона (Калужская флора..., 2010).

Plantago urvillei Opiz — Подорожник Урвиля. Указание для заповедника, по-видимому, ошибочно и относится к крупным экземплярам *P. media* L. — Подорожника среднего, так как по мнению А.В.Шипунова (МГУ), обрабатывающего эту группу, Подорожник Урвиля растет лишь в степной зоне.

Galium aparine L. — Подмаренник цепкий. Указан как частый вид опушек и пойменных кустарников, прибрежных луговин, в то время как он не встречается в данных местообитаниях, а растет лишь по очень теннисным берегам небольших речек, редко встречается как сорное растение. По-видимому, имелся в виду близкий вид — обычный в регионе *G. rivale* (Sibth. et Smith) Griseb. [*Asperula aparine* Bieb.] — Подмаренник приручейный, который приведен как редкий и нуждающийся в подтверждении.

Centaurea pseudophrygia C.A.Mey. — Василёк ложнофригийский. Указан как обычный вид по светлым лесам и обочинам лесных дорог. В регионе достоверных сборов этого вида нет.

[1] «**КК**» — виды включенные в Красную книгу Калужской области (Постановление, 2012).

Таким образом, по меньшей мере 103 вида из 702 нельзя учитывать при анализе богатства флоры заповедника.

Мы работали на Южном участке заповедника в долине р. Вытебети 2–4.08.2007 г. На правобережье Вытебети осмотрели сосняки в окрестностях д. Новая Деревня, урочище Сметское, также окрестности д. Мелихово и долину Вытебети у этой деревни. К сожалению, сроки работ были очень невелики, но и за это короткое время отмечены некоторые растения, которые не были найдены ранее в заповеднике или чье произрастание нуждалось в подтверждении. Редкие в регионе или сложные для определения растения собраны в гербарий, который передан в Гербарий Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН (MHA) и частично в Гербарий Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (KLH).

На территории заповедника в окрестностях д. Новая деревня нами отмечены отсутствующие в конспекте заповедника растения:

Elodea canadensis Michx. — Элодея канадская. Зарастающий противопожарный пруд на территории заброшенной деревни. Адвентивный натурализовавшийся вид.

Juncus alpinoarticulatus Chaix ex Vill. [J. *alpinus* Vill.] — Ситник альпийский. Немного заболоченная зарастающая обочина дороги (у карьера) в сосновом бору.

Thymus × glabrescens Willd. [T. *marschallianus × T. pulegioides, T.× loevyanus* Opiz] — Тимьян (Чабрец) оголяющийся, или Леви. На обочине бетонной дороги у Новой Деревни. Как уже упоминалось выше, авторы конспекта включали этот вид в состав *T. marschallianus*.

Hypochoeris radicata L. — Пазник укореняющийся. Опушки соснового леса, в большом числе.

Кроме того зарегистрированы виды, чье произрастание на территории заповедника по мнению авторов конспекта требовало подтверждения:

Epilobium adenocaulon Hausskn. [E. *ciliatum* Rafin. p. p.] — Кипрей железистостебельный. Обочина дороги и на поляне в окрестностях Новой деревни. Адвентивный натурализовавшийся вид.

Utricularia vulgaris L. — Пузырчатка обыкновенная. Росла в канаве у в карьера вблизи Новой деревни.

Правобережье долины Вытебети предложено к заповедованию как проектная охранная зона «Калужских засек». **Окрестности урочища Сметское** частично относятся к заповеднику, частично к проектируемой охранной зоне. Здесь нами найдены следующие растения, не зарегистрированные ранее в заповеднике.

Dryopteris expansa (C. Presl) Fraser-Jenkins et Jermy — Щитовник распростертый. Отмечен в хвойном лесу с преобладанием ели.

Agrostis vinealis Schreb. [A. *syreistschikowii* P. Smirnov] — Полевица виноградниковая. Встречена на суховатом участке пойменного луга, росла в большом числе.

Festuca arundinacea Schreb. — Овсяница тростниковая. Росла на открытом склоне долины реки. Адвентивный натурализовавшийся вид.

F. trachyphylla (Hack.) *Krajina* [F. *brevipila* Tracey; F. *longifolia* auct., non Thuill.] — Овсяница шершаволистная. Отмечена по разреженным небольшим сосенкам на склоне долины реки. Адвентивный натурализовавшийся вид.

Glyceria maxima (C. Hartm.) Holmb. [G. *spectabilis* Mert. et Koch] — Манник большой. Многочислен у выходов ключей в основании склона долины Вытебети.

Setaria viridis (L.) Beauv. — Щетинник зелёный. Отмечен на песчаных обочинах дорог и по суховатым склонам.

Carex acutiformis Ehrh. [C. *paludosa* Good.] — Осока заострённая. Встречена в черноольшанике у ключей в основании склона долины реки.

Polygonum dumetorum L. [*Fallopia dumetorum* (L.) Holub] — Горец кустарниковый. Обочина дороги в хвойном лесу в долине реки и по прибрежным кустам.

Cucubalus baccifer L. — Волдырник ягодный. Прибрежные кусты в пойме.

Consolida regalis S. F. Gray [*Delphinium consolida* L.] — Сокирки великолепные, или полевые, Рогатые васильки. Отмечены на склоне коренного берега с разреженным травяным покровом.

Armoracia rusticana Gaertn., Mey. et Scherb. [*Cochlearia armoracia* L.] — Хрен обыкновенный. Растет на зарастающем лугу на месте бывшей деревни. Адвентивный культивируемый вид, сохраняется в течение долгих лет и, по-видимому, возобновляется на месте прежних посадок.

Viola nemoralis Kutz. [V. *montana* auct., non L., V. *ruppi* auct. non All.] — Фиалка дубравная. В небольшом числе на участке сложного соснового леса. В конспекте флоры заповедника, по-видимому, объединена с близким видом V. *canina* L. — Фиалкой собачьей.

V. × neglecta F. M. Schmidt. [V. *nemoralis* × V. *riviniana*] — Фиалка незамеченная. Сложный сосняк, вблизи лесной тропинки.

Epilobium hirsutum L. — Кипрей волосистый. Рос в черноольшанике вблизи выходов ключей при основании склона коренного берега долины реки.

E. *smyrneum* Boiss. et Bal. [E. *nervosum* Boiss. et Buhse] — Кипрей смиренский, или жилковатый. У ключа (почти в воде) при основании склона коренного берега долины реки.

E. *parviflorum* Schreb. — Кипрей мелкоцветковый. Рос вблизи выходов ключей при основании склона коренного берега долины реки, топкий участок.

Syringa vulgaris L. — Сирень обыкновенная. Кусты сохранились на месте бывшей деревни Сметское. Адвентивный культивируемый вид, сохраняется в течение долгих лет на месте прежних посадок.

Elsholtzia ciliata (Thunb.) Hyl. — Эльшольция реснитчатая. Обочина дороги, в небольшои числе. Адвентивное натурализующееся растение.

Mentha longifolia (L.) Huds. [M. *sylvestris* L.] — Мята длиннолистная. Разрослась на месте бывшей деревни, занимает несколько десятков квадратных метров. Адвентивный культивируемый и натурализовавшийся вид, вегетативно разрастается в местах бывших посадок.

Thymus × glabrescens Willd. [*T. marschallianus × T. pulegioides, T. × loevyanus* Opiz] — Тимьян (Чабрец) оголяющийся, или Леви. Склон коренного берега, в небольшом числе.

T. *pulegioides* L. — Тимьян (Чабрец) блошиный. Склон коренного берега, луговая опушка вблизи небольших сосенок.

Odontites vulgaris Moench [O. rubra Pers.] — Зубчатка обыкновенная. Растет по обочинам дорог, в пойме реки и на открытых склонах ее долины.

Xanthium albinum (Widder) H. Scholz — Дурнишник эльбский. Вблизи обочины дороги на склоне коренного берега Вытебети. Адвентивный натурализовавшийся и прогрессирующий вид.

Filago arvensis L. — Жабник полевой. Открытый склон долины с разреженным травяным покровом, на песке.

Также в урочище Сметское и окрестностях отмечены виды, чье произрастание в заповеднике требовало подтверждения:

Carex appropinquata Schum. [C. *paradoxa* Willd.] — Осока сближенная. Черноольшаник вокруг выходов ключей при основании коренного берега р. Вытебети.

Lepidium densiflorum Schrad. — Клоповник густоцветковый. Отмечен на обочине дороги в пойме Вытебети. Адвентивный натурализовавшийся и, в настоящее время, по-видимому, прогрессирующий вид.

Erodium cicutarium (L.) L'Her. — Аистник обыкновенный, или Грабельки. Обочина дороги.

Epilobium adenocaulon Hausskn. [E. ciliatum Rafin. p. p.] — Кипрей железистостебельный. На коренном склоне долины Вытебети и в пойме, рассеянно. Адвентивный натурализовавшийся вид.

E. *tetragonum* L. [E. adnatum Griseb.] — Кипрей четырёхгранный. В небольшом числе на лугу в пойме реки.

На территории проектируемой охранной зоны **в долине Вытебети в окрестностях д. Мелихово** нами найдены следующие растения, не зарегистрированные в заповеднике:

Lolium perenne L. — Плевел многолетний, или Английский райграс. Обочина дороги на пойменном лугу.

Setaria viridis (L.) Beauv. — Щетинник зелёный. Рос на обочинах дороги и по суховатым склонам.

КК *Carex montana* L. — Осока горная. Опушка березняка на склоне долины реки.

C. *panicea* L. — Осока просяная. Сыроватый участок выхода грунтовых вод на открытом склоне коренного берега.

Scirpus radicans Schkuhr — Камыш укореняющийся. Берег реки, песчаная отмель.

Spirodela polyrhiza (L.) Schleid. — Многокоренник обыкновенный. Небольшая заводь у реки.

Polygonum amphibium L. [Persicaria amphibia (L.) S. F. Gray] — Горец земноводный. Пойменный луг, большие заросли.

Silene tatarica (L.) Pers. — Смолёвка татарская. Прирусловой вал, на песке.

Arabis pendula L. — Резуха повислая. В прибрежных кустах и ивах у реки в небольшом числе.

Rorippa amphibia (L.) Bess. [*Nasturtium amphium* (L.) R. Br.] — Жерушник земноводный. Обочина дороги у берега, а также и в самой реке в заводях.

Sanguisorba officinalis L. — Кровохлёбка лекарственная. Выходы грунтовых вод на открытом склоне долины реки.

Viola nemoralis Kutz. [V. montana auct., non L., V. ruppi auct. non All.] — Фиалка дубравная. В березняке на склоне долины реки.

Epilobium pseudorubescens A. Skvortsov — Кипрей ложнокраснеющий. Рос на прирусловом валу, в небольшом числе. Адвентивный натурализовавшийся вид.

Также встречены виды, чье произрастание на охраняемой территории требовало подтверждения:

Lepidium densiflorum Schrad. — Клоповник густоцветковый. Отмечен на обочине дороги.

КК *Potentilla alba* L. — Лапчатка белая. Опушка разреженного березняка на склоне речной долины.

Galium rivale (Sibth. et Smith) Griseb. [*Asperula aparine* Bieb.] — Подмаренник приручейный. Сыроватые участки луга в пойме р. Вытебеть, берег реки в зарослях, а также вблизи выхода грунтовых вод на склоне коренного берега.

Cirsium arvense (L.) Scop. s. str. — Бодяк полевой. В регионе повсеместно встречается близкий вид *Cirsium setosum* (Willd.) Bess. [C. arvense auct., non (L.) Scop.] — Бодяк щетинистый, или «Розовый осот», который иногда объединяют с настоящим Бодяком полевым. *Cirsium arvense* (L.) Scop. s. str. — западноевропейский вид на восточной границе ареала; в Калужской области, по-видимому, проходит граница его распространения. Отмечен на пойменном лугу р. Вытебеть, в большом числе.

Artemisia scoparia Waldst. et Kit. — Полынь веничная. Песчаный участок открытого склона долины реки.

При анализе богатства флоры регионов и обсуждении проблем связанных с охраной растений приходится оценивать число видов, зарегистрированных на охраняемых природных территориях. Это актуально и при ведении Красных книг и при планировании новых заказников, памятников природы, природных парков, так как охрана растений возможна лишь на уровне биогеоценозов, а не отдельных особей или их групп. Нередко требуется точно знать, какие виды охраняются в регионе на ООПТ, в том числе и в заповеднике «Калужские засеки». Но при анализе флоры заповедника и сравнении его с флорой области возникают проблемы, связанные с оценкой числа видов на его территории — по меньшей мере 103 вида из 702 нельзя учитывать при анализе богатства флоры заповедника.

Приведенные материалы свидетельствуют, во-первых, о необходимости новой ревизии флоры заповедника и охранной зоны; во-вторых, о необходимости утверждения проектируемой охранной зоны — что существенно увеличит биологическое ботаническое разнообразие заповедника. На территории заповедника и проектируемой охранной зоны всего за три дня работ отмечено 50 видов, не зарегистрированных ранее в заповеднике. Качественное и подробное изучение флоры заповедника с составлением подробных списков по урочищам выявит наиболее богатые и ценные участки территории, станет отправной точкой дальнейшего мониторинга динамики. В будущем, полученные таким образом материалы наблюдений, вероятно, будут полезны при выборе режима охраны растений на других ООПТ региона.

Благодарим участников полевых работ
М.И.Попченко, Н.Ю.Степанову, С.А.Полуэктова, Н.В.Воронкину, сотрудников заповедника «Калужские засеки» С.К.Алексеева и М.Н.Сионову.

ЛИТЕРАТУРА

Калужская флора: аннотированный список сосудистых растений Калужской области / Н.М.Решетникова, С.Р.Майоров, А.К.Скворцов, А.В.Крылов, Н.В.Воронкина, М.И.Попченко, А.А.Шмытов. М.: Т-во научных изданий КМК. 2010.

Постановление Правительсва Калужской области от 13 сентября 2012 г. № 460 «О занесении в Красную книгу Калужской области объектов животного и растительного мира...»

Лисицына Л.И., Папченков В.Г., Артеменко В.И. Флора водоемов Волжского бассейна: Определитель сосудистых растений. М., 2009.

Маевский П.Ф. Флора средней полосы европейской части России. М., 2006.

Шовкун М.М., Яницкая Т.О. Сосудистые растения заповедника «Калужские засеки»: (Аннотированный список видов) // И.А. Губанов (ред.). Флора и фауна заповедников. Вып. 77. М., 1999.

ВЕЛИЧИНА КОЭФФИЦИЕНТА ФЛУКТУИРУЮЩЕЙ АСИММЕТРИИ ДЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР НА РАЗНЫХ ТИПАХ ПОЧВ

О.А.Устюжанина, *к.б.н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского,

Л.А.Соколова, *к.б.н., доц.,*
КФ РГАУ-МСХА;

М.Е.Романов, *зав. отд.,*
Калужский НИИСХ Россельхозакадемии.

Интегральную оценку качества среды показывает уровень стабильности развития растений. Он определяется с помощью флуктуирующей асимметрии, которая выявляет незначительные, ненаправленные отклонения от строгой симметрии под воздействием комплекса факторов (1). Ранее для оценки качества среды по стабильности развития использовали биоиндикационный анализ только природных объектов (3,4,5,7), он является одним из современных и наиболее перспективных методов оценки качества среды и комфортности условий для живых организмов.

Изучение таких изменений в агроэкосистемах особенное актуально в интересах продовольственной безопасности страны. Сельскохозяйственные культуры — это основные компоненты, находящиеся под жестким антропогенным контролем, поэтому они наиболее адекватно могут индицировать экологический эффект проводимых мероприятий, тем более, что на фоне общего воздействия можно выделить конкретный фактор и определить как он изменяет общую ситуацию в среде (6). Под влиянием антропогенного воздействия в строении морфологических структур, обладающих билатеральной симметрией, проявляются отклонения от видовой нормы (2).

Цель настоящей работы — определить значения коэффициента асимметрии для зерновых культур на разных типах почв и при разных обработках, а также их соответствие урожайности.

Научная новизна и практическая значимость. Работа вносит вклад в создание банка данных по флуктуирующей асимметрии сельскохозяйственных культур и в определение возможности использовать коэффициент флуктуирующей асимметрии для оценки применяемых агротехнологических приемов по стабильности развития культур.

Научно-исследовательская работа проводилась на опытном поле КФ РГАУ-МСХА и на опытном участке отдела технологии производства продукции растениеводства Калужского НИИСХ в 2009—2012гг.

На опытном поле КФ РГАУ — МСХА работа выполнялась на экспериментальном участке кафедры сельскохозяйственной радиологии и экологии в 2009—2010 гг. Почва дерново-подзолистая, супесчаная. Полевые опыты были поставлены на пшенице яровой сортов Мисс и Энгелина и на ячмене яровом сорта Нур. В почву перед посевом вносили удобрения: NH_4NO_3, простой суперфосфат, K_2SO_4, в соотношение 120:60:90 по д.в.

Схема полевого опыта 1 (с пшеницей яровой):

1. контроль — обработка семян водой,

2. обработка семян композицией МПК — 3К (нанопрепарат, содержащий ультрадисперсную смесь 3-х металлов),

3. обработка семян Раксилом (протравитель),

4. обработка семян Мивал—агро (биостимулятор).

Схема полевого опыта 2 (с ячменем яровым):

1. контроль — обработка семян водой,

2. обработка семян композицией МПК — 3К,

3. обработка семян Раксилом,

4. обработка растений в фазе кущения и бутонизации препаратом Геотон,

5. обработка семян композицией МПК — 3К и растений препаратом Геотон,

6. обработка семян композицией МПК — 3К и растений препаратом Геотон.

Опыты заложены в 4-х кратной повторности. Размещение вариантов опыта — рендомизированное. Площадь делянки 12 м2.

В 1212 г. научно-исследовательская работа проводилась на базе отдела технологии производства продукции растениеводства Калужского НИСХ в севооборотах с разным насыщением бобовыми культурами, предшественники клевер луговой и вико-овсяная смесь.

Схема полевого опыта 3:

1. Контроль 1 — без удобрений (30% бобовых в севообороте);

2. Оптимальная доза удобрений (30% бобовых в севообороте);

3. Контроль 2 — без удобрений (60% бобовых в севообороте),

4. Оптимальная доза удобрений (60% бобовых в севообороте). Почва серая лесная среднесуглинистая. Агрохимическая характеристика почвы: гумус — 2,4%, pHсол — 5,8, P_2O_5, — 182, K_2O — 125 мг/кг почвы. Дозы удобрений рассчитывались балансовым методом, использовали аммиачную селитру, сульфат калия, простой суперфосфат. Испытывались пшеница озимая сорт Московская 39, пшеница яровая сорт Энгелина, тритикале озимая сорт Антей; семена соответствовали ГОСТу по посевным качествам.

Опыт заложен в 3-х кратной повторности, площадь учетной делянки 35 м^2, размещение вариантов рендомизированное.

Погодные условия вегетационных периодов 2009 г. и 2010 г. были экстремальными, 2010 г. — характеризовались как засуха. В период вегетации зерновых в 2012г. температура была несколько выше средней многолетней, осадки выпадали неравномерно, что было неблагоприятно для развития зерновых и отразилось на их урожайности.

В опыте определяли биометрические показатели растений, урожайность, структуру урожая. Для биоиндикационного анализа использовали флаговые — самые верхние, околоколосовые листья. Размер выборки — 150 флаговых листьев с каждого варианта опыта. Анализируемый признак: ширина левой и правой половинок листа от главной жилки. Измерение проводили в средней части листа. Для оценки флуктуирующей асимметрии использовали методику А.М.Захарова (2).

Результаты исследований

В работе анализируются 2 показателя: коэффициент флуктуирующей асимметрии и урожай культуры в опыте.

Табл. 1. **Урожай и значения коэффициента асимметрии листьев пшеницы яровой на дерново-подзолистой супесчаной почве.**

	Урожай, ц/га		*Значения коэффициента асимметрии*	
Сорта	***Мисс***	***Энгелина***	***Мисс***	***Энгелина***
Препарат для обработки семян / Год	*2009 г.*	*2010 г.*	*2009 г.*	*2010 г.*
1. Контроль	21.9	14,3	0,0678±0.0018	0,0342±0,0003
2. МПК-3К	24,2	18,2	0,0673±0.0018	0,0100±0,0001
3. Раксил	23.3	17,1	0,0713±0.0018	0,0179±0,0002
4. Мивал-агро	25,6	19,9	0,0737±0.0017	0,0077±0,0001
$НСР_{05}$	2,95	3,01		

В 2009 г. значения коэффициента флуктуирующей асимметрии отличались для растений пшеницы сорта Мисс, выросших из семян, обработанных Раксилом и Мивал-Агро по сравнению с необработанными на 5 и 9% соответственно *(табл. 1)*. Мивал-Агро является регулятором роста, в опыте он оказал наибольшее влияние на стабильность развития растений пшеницы яровой и стимулировал увеличение их урожайности — на 17%. Раксил это системный фунгицид широкого спектра действия; он применяется в Калужской области, действие его как на значение коэффициента асимметрии, так и на урожайность было ниже, чем Мивал-агро. Нанопрепарат МПК-3К, содержащий суспензию трех микроэлементов: железа, меди и цинка, практически не изменил значение коэффициента флуктуирующей асимметрии, дав несущественную прибавку урожая (2,3 ц/га).

В 2010 г. исследования проводили на сорте Энгелина. Значения коэффициента флуктуирующей асимметрии для этого сорта были примерно на 50% ниже для растений из необработанных семян по сравнению с сортом Мисс и уменьшились еще в 2—3,5 раза под воздействием обработок, то есть под воздействием засухи тенденции изменения коэффициента флуктуирующей асимметрии значительно поменялись. В связи с засухой же урожай был примерно на 1/3 ниже, чем в предыдущем году для сорта Мисс, но тенденции его изменения под влиянием препаратов сохранились. Достоверное повышение урожайности пшеницы яровой сорта Энгелина для растений, наблюдалось при обработке семян нанопрепаратом МПК-3К и Мивал-агро (значекние коэффициента флуктуирующей асимметрии было минимальным). Наибольшая прибавка урожая составила 39% *(табл. 1)*, она получена за счет большего количества продуктивных стеблей с Мивал-агро.

Табл. 2. **Урожай и значения коэффициента асимметрии листьев ячменя ярового сорта Нур на дерново-подзолистой супесчаной почве, 2010 г.**

Препарат для обработки семян (растений)	*Урожай, ц/га*	*Значения коэффициента асимметрии*
1 — контроль	18,5	0,0182±0,0013
2 — МПК-3К	19,3	0,0203±0,0014
3 — Раксил	16,5	0,0659±0,0049
4 Геотон	25,3	0,0218 ±0,0015
5. МПК-3К+Геотон	20,6	0,0199±0,0014
6.Раксил+Геотон	17,7	0,0267±0,0019
$НСР_{05}$	3,6	

Значения коэффициента асимметрии листьев ячменя ярового сорта Нур в 2010 г. изменялись в широких пределах *(табл. 2)*. Минимальными они были при выращивании ячменя без обработок семян препаратами, незначительно коэффициент изменялся под влиянием МПК-3К и Геотона, и при их совместном применении. Предпосевная обработка семян Раксилом увеличила коэффициент асимметрии в 3,6 раза. Совместное применение Раксила и Геотона снизило его в 2,5 раза по сравнению с Раксилом, но все равно он оказался на 47% выше, чем у растений, выращиваемых без обработки семян препаратами. Достоверная прибавка урожая была получена только при опрыскивании растений Геотоном. Самая низкая урожайность в варианте с Раксилом соответствовала самому большому значению коэффициента асимметрии листьев.

Табл. 3. **Урожайность и коэффициент флуктуирующей асимметрии злаковых культур, 2012 г., КНИИСХ**

Культура	*Насыщенность севооборота бобовыми компонентами*	*Урожайность, ц/га*			*Коэффициент флуктуирующей асимметрии*	
		Без удобрений	*С удобрениями*	$НСР_{05}$	*Без удобрений*	*С удобрениями*
Пшеница озимая	30%	19,4	29,5	4,6	0,0711±0,0003	0,0667±0,0003
	60%	19,5	28,7	4,3	0,0671±0,0003	0,0779±0,0003
Пшеница яровая	30%	9,1	12,8	2,2	0,0901±0,0003	0,0798±0,0003
	60%	9,8	13,2	2,5	0,0654±0,0003	0,0645±0,0003
Тритикале озимая	30%	33.8	37.8	2.9	0,0497±0,0004	0,0628±0,0004
	60%	27.5	29.2	2.6	0,0719±0,0004	0,0812±0,0004

Закономерности изменения коэффициента флуктуирующей асимметрии для пшеницы озимой различались в зависимости от насыщенности севооборота бобовыми компонентами *(табл. 3)*. На делянках, где насыщенность севооборота бобовыми составляла 30%, коэффициент флуктуирующей асимметрии был выше без внесения удобрений, при насыщенности бобовыми 60% коэффициент был выше при внесении удобрений, чем без них. На удобренном фоне он был максимален. Сорт озимой пшеницы Московская 39 обладает избирательной толерантностью, высокой пластичностью и возделывается по интенсивным технологиям. Наиболее наглядно пластичность сорта реализуется при насыщенности севооборота бобовыми 60% с применением удобрений и без них. Урожайность озимой пшеницы в зависимости от насыщенности бобовыми компонентами без внесения удобрений практически не различалась, при внесении удобрений в севообороте с насыщенностью 30% бобовых была на 1,3 ц/га выше, чем с насыщенностью 60% бобовых. Урожай на делянках с внесением удобрений был на 52,1 и 44,6% выше, чем без удобрений соответственно.

Для пшеницы яровой закономерности были иными: минимальные коэффициенты флуктуирующей асимметрии были определены при насыщенности бобовых 60%, причем без удобрений и с удобрениями они практически не различались. В севообороте с 30% бобовых коэффициенты флуктуирующей асимметрии были выше, причем самый высокий — характеризующий нарушение стабильности развития — без внесения удобрений. Сорт Энгелина обладает низкой толерантностью и средней пластичностью, что согласуется с величинами коэффициента флуктуирующей асимметрии. Урожайность пшеницы яровой была примерно вдвое ниже, чем озимой и значительно ниже, чем в 2010 г.

Различие в результатах между озимой и яровой пшеницей вероятно связано с онтогенетическим различием озимых и яровых культур.

Для тритикале озимой минимальные коэффициенты флуктуирующей асимметрии были определены при насыщенности севооборота бобовыми 30%, причем без удобрений на 26% ниже, чем с удобрениями. При насыщенности севооборота бобовыми 60% коэффициент увеличился на 45% на делянках без удобрений и на 29% — с удобрениями. Максимальная урожайность была получена при насыщенности севооборота бобовыми 30%, зависимость значений коэффициента флуктуирующей асимметрии и урожайности была прямая.

Нами впервые при проведении данного исследования определены значения коэффициентов флуктуирующей асимметрии на 4-х зерновых культурах 5 сортах в 11 вариантах обработок семян и растений на 2-х типах почв на фоне удобрений и без них.

В результате анализа биоиндикационных показателей выявлена обратно пропорциональная зависимость между полученным урожаем и флуктуирующей ассимметрией листьев для яровой пшеницы сорта Энгелина *(опыт № 1)* и для тритикале *(опыт № 3)*. Для пшеницы яровой этого же сорта, выращенной в севообороте с разным насыщением бобовыми, и для пшеницы озимой сорта Московская 39 такая зависимость не была установлена.

Биостимуляторы разного механизма действия незначительно изменяют значения коэффициента флуктуирующей асимметрии в оптимальных условиях среды, наибольшие отклонения обеспечивает протравитель Раксил.

Коэффициент флуктуирующей асимметрии чутко реагирует на любые обработки зерновых культур или изменение почвенных и погодных условий.

Минимальные значения коэффициента не всегда отмечаются на растениях, выращиваемых без обработок и удобрений.

Установлены видовые и сортовые различия величины коэффициента флуктуирующей асимметрии.

Установлены различия величины коэффициента флуктуирующей асимметрии для пшеницы яровой сорта Энгелина на разных типах почв.

Проведенные исследования показывают необходимость дальнейшего изучения возможности использования коэффициента флуктуирующей асимметрии, характеризующего стабильность развития растений, как интегрального биоиндикационного параметра при оценке экологической безопасности испытываемых препаратов и экологичности различных агротехнических приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров В.М. Асимметрия животных. М., Наука, 1987.

2. Захаров В.М., Кларк Д.М. (ред.), Биотест: интегральная оценка здоровья экосистем и отдельных видов. М.: Московское отделение международного фонда ««Биотест». 1993.

3. Захаров В.М., Чубинишвили А.Т., Баранов А.С., Борисов В.И., Валецкий А.В., Крысанов Е.Ю., Кряжева Н.Г., Чистякова Е.К., Здоровье среды: Методика и практика оценки в Москве. М.: Центр экологической политики России, 2001.

4. Захаров В.М., Чубинишвили А.Т., Дмитриев С.Г., Баранов А.С., Борисов В.И., Валецкий А.В., Крысанов Е.Ю., Кряжева Н.Г., Пронин А.В., Чистякова Е.К. Здоровье среды: практика оценки. М.: Центр экологической политики России, 2000.

5. Устюжанина О.А., Стрельцов А.Б. Изменчивость и частота встречаемости морфы striata у Rana ridibunda, R lessonae, R esculenta в Калужской области. Зоологический журнал, 2005, том 84, № 6, с. 699—706.

6. Устюжанина О.А., Соколова Л.А., Стрельцов А.Б. Стабильность развития разны сортов картофеля как показателя направленного антропогенного воздействия. Проблемы региональной экологии № 6, 2012. С. 110—113.

7. Ustyuzhanina O.A. Streltsov A.B. Bioindicator estimation of quality of environment in floodlands of the rivers Oka and Ugra on stability of development of lake frogs (Rana ridibunda) Russian Journal of Herpetology, Vol.10, No.1, 2003, p. 79—84.

К ФАУНЕ ДВУСТВОРЧАТЫХ МОЛЛЮСКОВ (MOLLUSKA, BIVALVIA) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А.Телеганов, *к.б.н, ст. гос. инспектор*
Калужский территориальный отдел
Московско-Окского территориального управления Росрыболовства.

Двустворчатые или пластинчатожаберные моллюски образуют довольно многочисленный класс водных беспозвоночных. Самой характерной особенностью данного класса является раковина, состоящая из двух створок, соединенных на спинной стороне. Другая важная особенность — полная редукция головы и глотки с радулой.

Пластинчатожаберные встречаются практически во всех поверхностных водоемах Земного шара. Исключение составляют лишь водоемы с высокой степенью загрязнения. Это типичные представители группы макрозообентоса. Будучи малоактивными, а под час и неподвижно прикрепленными животными, двустворчатые питаются пассивно. Они пропускают через мантийную полость огромное количество воды, извлекая из нее все мелкие взвешенные частицы (детрит, планктон, бактерии) (Догель, 1975). Именно эта особенность Bivalvia относит их к группе биофильтраторов и обуславливает неоспоримо важное значение в биологическом самоочищении водоемов.

Изученность фауны двустворчатых моллюсков Калужской области крайне низка, а имеющиеся сведения фрагментарны. Основные опубликованные сведения, полученные в ходе экспедиций «Окской биологической станции» в 1923—1924 и 1959 гг., касаются только р. Ока (Жадин, 1964). Целенаправленного изучения двустворчатых моллюсков Калужской области не проводилось.

Основой данной работы послужил материал собственных исследований за период с 2000 по 2012 гг. Кроме этого нами был проанализирован имеющийся материал, собранный студентами КГПИ (КГУ) им. К.Э. Циолковского в ходе экспедиции по р. Жиздра в 1979 году. Этот материал был полностью переопределен в связи со значительными изменениями в систематике группы (Телеганов, Телеганова, 2008).

В результате проведенных исследований в водоемах Калужской области выявлен 31 вид двустворчатых моллюсков, относящихся к четырем семействам.

Сем. Unionidae

1. *Unio rostratus* (Lamarck, 1819) [= *Unio longirostris* Rossmäessler, 1836; *Unio schrenkianus* Clessin, 1880] обычен, в медленно текущих реках и пойменных озерах.
2. *U. pictorum* (Linnaeus, 1758) в массе, в реках со слабым течением.
3. *U. limosus* (Nilsson, 1822) редок, в реках с выраженным течением.
4. *Crassiana cyprinorum* (Bourguignatus in Locard, 1882) [= *Unio cyprinorum* Bourguignatus — Locard, 1882] обычен, в реках с выраженным течением.
5. *C. fuscula* (Ziegler in Rossmäessler, 1835) [= Unio fusculus Ziegler — Rossmäessler, 1835] редок, но повсеместен, в реках на участках с хорошо выраженным течением.
6. *C. musiva* (Spengler, 1793) [= *Unio musivus* Spengler, 1793] обычен, в реках с выраженным течением.
7. *C. irenjensis* (Kobelt, 1912) [= *Unio kungurensis irenjensis* Kobelt, 1912] редок, встречен только в р. Жиздра на участке с выраженным течением в районе г. Козельск.
8. *C. crassa* (Philipsson in Retzius, 1788) [= *Unio litoralis* Rossmäessler, 1835; *Unio pseudolitoralis*, Clessin, 1884] обычен, в малых реках на течении, встречен только в бассейне р. Десна.

9. *Tumidiana muelleri* (Rossmäessler, 1838) [= *Unio muelleri* Rossmäessler, 1838] редок, в реках, встречен только в р. Жиздра в верхнем течении.
10. *T. conus* (Spengler, 1793) [= *Unio ovalis* Montagu, 1845; Unio conus Spengler, 1793] обычен, в медленно текущих реках и пойменных озерах.
11. *T. tumida* (Philipsson in Retzius, 1788) [= *Unio gerstfeldtianus* Clessin, 1884; Unio tumidus Kobelt, 1912] обычен, в медленно текущих реках и пойменных озерах.
12. *Pseudanadonta kletti* (Rossmäessler, 1838) [= *Anadonta kletti*, Rossmäessler, 1838] обычен, в реках и озерах на мягком заиленном грунте.
13. *Anadonta cygnea* (Linnaeus, 1758) [= *Mytilus cygneus* Linnaeus, 1758] обычен, в реках и озерах на илисто-песчаном грунте.
14. *A. stagnalis* (Gmelin, 1971) [= *Mytilus stagnalis* Gmelin, 1971] в массе в крупных пойменных озерах на илистом грунте.
15. *Colletopterum ponderosum* (C. Pfeiffer, 1825) [= *Anadonta anatine* Shadin, 1938; *Anadonta ponderosa* C. Pfeiffer, 1825] обычен, в озерах и реках на участках с медленным течением.
16. *C. anatinum* (Linnaeus, 1758) [= *Anadonta minima* Miller, 1833; *Anadonta seisanensis* Kobelt, 1911; *Mytilus anatinus* Linnaeus, 1758] в массе в реках и озерах.

Сем. Pisidiidae

17. *Pisidium amnicum* (Müller, 1774) [= *Cyclas oblique* Lamarck, 1818; *Tellina amnica* Müller, 1774] в массе, в реках и больших пойменных озерах на мягком грунте.
18. *P. inflatum* (Mühlfeld in Porro, 1838) обычен, в реках с медленным течением и пойменных озерах на мягком грунте.
19. *Neopisidium torquatum* (Stefox, 1918) [= *Pisidium torquatum* Stefox, 1918] единично встречен в реках бассейна р. Десна.

Сем. Sphaeriidae

20. *Musculium rykholtii* (Normand, 1844) [= *Cyclas rykholtii* Normand, 1844] редок, единично встречен в нескольких пойменных озерах р. Жиздра.
21. *Amesoda scaldiana* (Normand, 1844) [= *Cyclas scaldiana* Normand, 1844] в массе, повсеместно кроме участков рек с быстрым течением.
22. *A. draparnaldii* (Clessin in Westerlund, 1873) [= *Sphaerium draparnaldii* Clessin — Westerlund, 1873] обычен, в реках со слабым течением, в пойменных озерах редок.
23. *Rivicoliana rivicola* (Leach in Lamarck, 1818) [= *Cyclas rivicola* Leach — Lamarck, 1818] редок, встречен только в р. Ужать бассейна р. Десна.
24. *Nucleocyclas ovale* (Ferussac, 1807) [= *Cyclas ovalis* Ferussac, 1807] редок, в верховьях р. Жиздра на участках со слабым течением.
25. *N. nucleus* (Studer, 1820) [= *Cyclas nucleus* Studer, 1820] обычен, в стоячих, реже слабопроточных водоемах, иногда в полупостоянных водоемах.
26. *Sphaerium corneum* (Linnaeus, 1758) [= *Tellina cornea* Linnaeus, 1758] обычен, в постоянных заросших водоемах на грунте и растительности.
27. *Parasphaerium nitida* (Clessin in Westerlund., 1877) [= *Sphaerium nitida* Clessin — Westerlund., 1877] редок, встречен только в оз. Резвань.

Сем. Euglesidae

28. *Conventus conventus* (Clessin, 1877) [= *Pisidium conventus* Clessin, 1877] обычен, в олиготрофных пойменных озерах р. Жиздра.
29. *Euglesa fossarina* (Clessin in Westerlund, 1873) [= *Pisidium fossarinum* (Clessin — Westerlund, 1873] редок, единичные экземпляры на участках р. Угра с выраженным течением.
30. *Henslowiana conica* (Baudon, 1857) [= *Pisidium conicum* Baudon, 1857] редок, встречен только в р. Снопот на участке с выраженным течением бассейна р Десна.
31. *Hiberneuglesa hibernica* (Westerlund, 1894) [= *Pisidium hibernicum* Westerlund, 1894] обычен, но малочислен в пойменных озерах среднего течения р. Жиздра.

Анализ полученного списка видов позволяет выделить основные группы встречаемости. В частности к массовым видам, встречающимся практически во всех водоемах, можно отнести *Unio rostratus, U. pictorum, Anodonta stagnalis, Colletopterum anatinum, Pisidium amnicum, Amesoda scaldiana.* Широко распространенными, но в тоже время

встречающимися единично, можно назвать *Crassiana fuscula* и *Hiberneuglesa hibernica*. Напротив, довольно редкими видами являются: *U. limosus, C. irenjensis, Tumidiana muelleri, Neopisidium torquatum, Musculium rykholti, Rivicoliana rivicola, Nucleocyclas ovale, Euglesa fossarina, Henslowiana conica.*

Так же нами были выявлены виды, характерные только для небольшой части Калужской области, относящейся к Днепровскому бассейну: *Crassiana crassa, Neopisidium torquatum, Rivicoliana rivicola, Henslowiana conica.*

Musculium rykholti можно отнести к видам с высокой специфичностью местообитания. Этот вид нами выявлен только в небольших пойменных озерах реки Жиздра.

Несомненно, что приведенный нами список видов нельзя считать окончательным и в ходе дальнейшего изучения двустворчатых моллюсков будут выявляться новые для области виды.

ЛИТЕРАТУРА

Догель В.А. Зоология беспозвоночных / Учебник для университетов. Издание 6-е. Под редакцией Ю.И.Полянского. М.: Высшая школа, 1975.

Жадин В.И. Гидробиологическое изучение реки Оки в 1923—1924 и 1959 гг. // Загрязнение и самоочищение реки Оки. М.-Л.: Наука, 1964.

Кантор Ю.И., Сысоев А.В. Каталог моллюсков России и сопредельных стран. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.

Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий / Под общей ред. С.Я.Цалолихина. Т. 6. Моллюски, Полихеты, Немертины. СПб.: Наука, 2004.

Телеганов А.А. Некоторые сведения по фауне макрозообентоса и нектона рек Угры и Вори // Природа и история Поугорья. Вып. 3. Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф.Бочкаревой, 2003. С. 64—67.

Телеганов А.А. К фауне водных беспозвоночных Яченского водохранилища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X конференции. Калуга: Гриф, 2003. С. 721—730.

Телеганов А.А. Первые сведения по фауне макрозообентоса рек Днепровского бассейна в пределах Калужской области (ч. 1) // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга 6-я. Калуга: 2004. С. 10—23.

Телеганов А.А., Чернова Г.В. Мониторинг экологического состояния пойменных озер Верхнего поочья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции 3—5 апреля 2007 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С. 435—440.

Телеганов А.А. Телеганова Е.А, Двустворчатые моллюски (Mollusca, Bivalvia) водоемов Козельского района Калужской области // Природа. История. Культура. Духовность: Козельские краеведческие чтения. Вып. 7. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С. 204—208.

НОВЫЕ И РЕДКИЕ ВИДЫ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (INSECTA, LEPIDOPTERA) ДЛЯ КАЛУЖСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (по коллекциям и сборам 1994—2013 гг.)

И.В.Шмытова, *к.б.н., дир.,*
В.А.Новиков, *зав. сект.,*
Калужский областной краеведческий музей.

В статье приведены места находок для 53 редких и новых видов чешуекрылых (Lepidoptera: Tineidae, Limacodidae, Pyralidae, Uraniidae, Geometridae, Lasiocampidae, Saturniidae, Sphingidae, Notodontidae, Limantriidae, Noctuidae, Arctiidae, Papilionidae, Lycaenidae, Nymphalidae, Satyridae), выявленных в процессе полевых сборов и при обработке коллекций 1994—2005 гг.

Методы сборов: отлов на свет ртутных ламп ДРЛ-250 и -400 (электричество от сети и бензинового генератора), наблюдения и отлов в светлое время суток.

Виды, впервые приведенные для Калужской области, отмечены знаком !. Для видов, отмеченных для границы Калужской и Смоленской областей (их три), приведено название области; остальные виды выявлены в Калужской области.

Систематика приводится по Каталогу чешуекрылых (Lepidoptera) России (под ред. С.Ю.Синева, 2007).

Авторы благодарят к.б.н. В.Г.Миронова (ЗИН РАН, г. С-Петербург) за определение пядениц рода ***Scopula*** и А.А.Шмытова за всемерную помощь в организации полевых исследований.

Семейство Tineidae

Scardia boletella (Fabricius, 1794) — [Шмытова, 2001а] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 1 экз., 11.06.2000; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: берег старицы на пр. берегу р. Жиздры (53°49'32.80"N; 35°12'13.50"E), 08.07.2012.

Tinea semifulvella Haworth, 1828 — [Шмытова, 2001а] — Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"С; 35°12'17.40"В), на свет, 29.06.2012.

Семейство Limacodidae

Apoda limacodes (Hufnagel, 1766) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006; Большаков и др., 2008] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 14.06.2000; Ульяновский район, пос. Зеленый, широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E),3 экз., на свет, 21.06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка, поляна в широколиственном лесу на пр. берегу р. Жиздры, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 01.07.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012; с. Ульяново (53°40'20.4"N; 35°33'39.7"E), широколиственный лес на лев. берегу р. Вытебеть, на свет, 20.06.2013; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), широколиственный лес на пр. берегу р. Рессета, 16, 17.06.2013.

Семейство Pyralidae

Endotricha flammealis ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 08.07.2012.

Семейство Uraniidae

Eversmannia exornata (Eversmann, 1837) — [Шмытова, 2008, 2012] — пос. Думиничи, хвойно-широколиственный лес, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, на свет, 3.07.2012.

Семейство Geometridae

Apeira syringaria (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 08.06.1995.

Arichanna melanaria (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1998; Антонова, Большаков, 2001; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 1 экз., на свет, болото (53°50'5.80"N; 35°12'19.90"E) 29.06.2012; пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 1 экз., на свет, 3.07.2012.

Jodis putata (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] —Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012.

Idaea muricata (Hufnagel, 1767) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] —Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 1 экз., в сумерках, 29.06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка, поляна в широколиственном лесу на пр. берегу р. Жиздры, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 01.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07, 08.07.2012; с. Ульяново (53°40'20.4"N; 35°33'39.7"E), широколиственный лес на лев. берегу р. Вытебеть, на свет, 20.06.2013; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), поляны и луга на пр. берегу р. Рессета, 17.06.2013.

!Scopula incanata (Linnaeus, 1758) Ульяновский р-н, ур. Ожгово (54°32'22.9"N; 36°15'16"E), лев. берег р. Вытебеть, закустаренный луг, 1 экз., 19.06.2013.

!Scopula umbelaria (Hubner, 1813) Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), бор неморальный на лев. берегу р. Жиздры, 1 экз., 30. 06.2012.

Colostygia pectinataria (Knoch, 1781) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: широколиственный лес на пр. берегу р. Жиздры, на свет, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 01.07.2012; пос. Думиничи, бор, на свет, 53°53'53.6"n; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры, (53°49'32.80"N; 35°12'13.50"E), 08.07.2012.

Eustroma reticulata ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1998; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Ульяновский район, пос. Зеленый, широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E), 1 экз., 21.06.2012; пос. Думиничи, городской бор, 14.06.2013

Семейство Lasiocampidae

Trichiura crataegi (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 1 экз., 26.08.1994, Пригород г. Калуги, д. Сивково, 1 экз., 16.08.1994.

Eriogaster lanestris (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Свиридов, Большаков, 1997; Большаков, 2000; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Смоленская область, 34 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км к востоку от д.Носищево (граница с Калужской областью), лев. берег р. Демины, гус., 01.07.2005; Барятинский район, окрестности д. Глазово, низинное болото Шатинский мох, гусеницы в паутинных гнездах, 09.06.2012.

Lasiocampa trifolii ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 27.05.1995; Ульяновский район, д. Жильково, 1 экз., 20.06.1994.

Семейство Saturniidae

Eudia pavonia (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] — Барятинский район, окрестности д. Глазово, низинное болото Шатинский мох, ивняк, гусеницы, 25.06.2012; г. Калуга, д. Ромоданово, пр. берег р. Оки, широколиственный лес, 1♀, н. июня 2013 г. (Шмытов А.А.).

Семейство Sphingidae

Sphinx ligustri (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006, 2009; Шмытова и др., 2003] — Барятинский район, д. Спасское, на свет, июнь 2012 г.; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка, поляна в широколиственном лесу на пр. берегу р. Жиздры, на свет, 1 экз., 53°52'00.60"С; 35°05'42.70"В, 01.07.2012.

Семейство Notodontidae

Pygaera timon (Hubner, [1803]) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] — Дзержинский район, с.Л.Толстого, на свет, 1 экщ., 27.05.1995.

Leucodonta bicoloria ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Ульяновский район, пос. Зеленый, широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E) 21.06.2012.

Peridea anceps (Goese, 1781) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 20.05.1995, 18.05.1996.

Семейство Limantriidae

Orgia antique (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2009] — Смоленская область, 34 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км к востоку от д. Носищево (граница с Калужской областью), лев. берег р. Демины, гус., 01.07.2005; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), широколиственный лес на пр. берегу р. Рессета, 16.06.2013.

Arctornis l-nigrum (Müller, 1764) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 11.05.1995; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), широколиственный лес на пр. берегу р. Рессета, 16.06.2013; с. Ульяново (53°40'20.4"N; 35°33'39.7"E), широколиственный лес на лев. берегу р. Вытебеть, на свет, 20.06.2013.

Семейство Noctuidae

Catocala promissa ([Denis & Schiffermúller, 1775]) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006, 2012] — Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 5 экз., 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012.

Lamprotes c-aureum (Knoch, 1781) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 1 экз., на свет, 29.06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка, поляна в широколиственном лесу на пр. берегу р. Жиздры, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 01.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012.

Panthea coenobita (Esper, 1785) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 08.06.1995, 11.06.2000.

Moma alpium (Osbeck, 1788) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006; Шмытова и др., 2003; Большаков и др., 2008] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 14.06.2000; Мещовский район, 1, 5 км сев. д. Берды, пр. берег р. Серены напротив д. Ильинское, опушка широколиственного леса, 1 экз., на свет, 20.06.2012; Ульяновский район, пос. Зеленый, широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E),1 экз., на свет, 21.06.2012; Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 1 экз., на свет, 29.06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: пойменная дубрава (53°52'3.49"N; 35°6'29.29"E), 1 экз., на свет, 1.07.2012; пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 1 экз., на свет, 3.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 1 экз., 07.07.2012; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), широколиственный лес на пр. берегу р. Рессета, 16, 17.06.2013.

Acronicta alni (Linnaeus, 1767) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006, 2012] — Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 18.05.1996; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 08.07.2012; Ульяновский р-н, д.Чухлово, лев. берег р. Вытебеть, гусеница, н.июля 2013.

Acronicta auricoma ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Шмытова, Ё2001а] — Думиничский район, 3, 5 км ю-з с. Чернышено, пойменная дубрава (53°49'29.40"N; 35°13'25.70"E). 1 экз.. 28.06.2012; окрестности д. Глазово Барятинского района, низинное болото Шатинский мох, гусеница, 09.06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: пойменная дубрава (53°52'3.49"N; 35°6'29.29"E), на свет, 01.07.2012.

Callopistria juventina (Stoll, 1782) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2009, 2012] — пос. Думиничи, бор, на свет, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры, (53°49'32.80"N; 35°12'13.50"E), 08.07.2012.

Hadena compta ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] —Калуга, бор, 15.07.1995.

Lycophotia porphyrea ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] —Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), бор неморальный на лев. берегу р. Жиздры 30. 06.2012;

Семейство Arctiidae

Callimorpha dominula (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 2000; Шмытова, 1996, 2001а, б, 2006, 2009; Шмытова и др., 2003; Большаков и др., 2008] —Думиничский район, д. Чернышено, устье р. Рессеты, июнь 1992; Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), 1 экз., 30.06.2012; пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, окрестности с. Дубровка Думиничского района, сосняк, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, ок. 10 экз. на 0, 5 км., заросшая сырая дорога с незабудкой болотной, 03.07.2012.

Tyria jacobaeae (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006] — пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; 5 км вост. д. Речица, материковые луга и пойменная дубрава на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 1♀, 14.06.2013.

Coscinia cribraria (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 2000; Шмытова, 2001а, 2006, 2012; Большаков и др., 2008] — пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, материковые луга и пойменная дубрава на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012;

Parasemia plantaginis (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Козельский район, 8 км с-в г. Сосенский, ур. «Чертово городище», 1 экз., 17.06.1993.

Rhyparia purpurata (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006; Шмытова и др., 2003; Большаков и др., 2008] — Мещовский район, 1,5 км сев. д. Берды, пр. берег р. Серены напротив д. Ильинское, опушка широколиственного леса, 1 экз., на свет, 20.06.2012; Ульяновский район, пос. Зеленый, широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E),1 экз., на свет, 21.06.2012; Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: пойменная дубрава (53°49'29.40"N; 35°13'25.70"E), смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), на свет, 28, 29.06.2012; Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), 30. 06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: пойменная дубрава (53°52'3.49"N; 35°6'29.29"E), 1 экз., на свет, 1.07.2012; пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 1 экз., на свет, 3.07.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), на свет, 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 1 экз., 07.07.2012; Ульяновский р-н, ур. Ожгово (54°32'22.9"N; 36°15'16"E), лев. берег р. Вытебеть, материковые луга, 18.06.2013; с. Ульяново (53°40'20.4"N; 35°33'39.7"E), широколиственный лес на лев. берегу р. Вытебеть, на свет, 20.06.2013; Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), широколиственный лес на пр. берегу р. Рессета, 16, 17.06.2013.

Pelosia muscerda (Hufnagel, 1766) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а, 2006; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), на свет, 29.06.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012.

Lithosia quadra (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Сивково, 01.07.1995; Пригород г. Калуги, ж/д. ст. Тихонова Пустынь, опушка смешанного леса, на свет, 27.05.1995; Думиничский район, 5 км ю-з с. Чернышено: смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 1 экз., на свет, 29.06.2012; Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), 30. 06.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка, ельник, 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 02.07.2012; пос. Думиничи, бор, на свет, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: опушка широколиственного леса, берег старицы на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07, 08.07.2012.

Семейство Hesperidae

Carcharodus alceae (Esper, [1780]) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Пригород Калуги, д. Сивково, 1 экз., 25.05.1995.

Heteropterus morpheus (Pallas, 1771) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а, 2006, 2009] — Смоленская область, 34 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км к востоку от д.Носищево (граница с Калужской областью), лев. берег р. Демины, гус., 01.07.2005; Барятинский район, окрестности д. Глазово, низинное болото Шатинский мох и окрестные мелколиственные леса, 5 экз., 25.06.2012; Ульяновский р-н, ур. Ожгово (54°32'22.9"N; 36°15'16"E), лев. берег р. Вытебеть, заболоченная луговина, 18.06.2013; пос. Думиничи, городской бор, 14.06.2013

Семейство Papilionidae

Parnassius mnemosyne (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а, б, 2006, 2009; Шмытова и др., 2003; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), опушка бора неморального на лев. берегу р. Жиздры, 1 экз., 12.06.2012.

Семейство Lycaenidae

Thecla betulae (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а] — Дзержинский район, лев. берег р. Угры, окр., д. Пахомово, луг, 1 экз., 24.08.1994.

Nordmannia w-album (Knoch, 1782) — [Сироткин, 1986; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] —Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: пойменная дубрава (53°52'3.49"N; 35°6'29.29"E), 01.07.2012; Думиничский район, 3, 5 км ю-з с. Чернышено, пойменная дубрава (53°49'29.40"N; 35°13'25.70"E), 28.06.2012.

Callophrys rubi (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), бор неморальный на лев. берегу р. Жиздры, 12.06.2012.

Семейство Nymphalidae

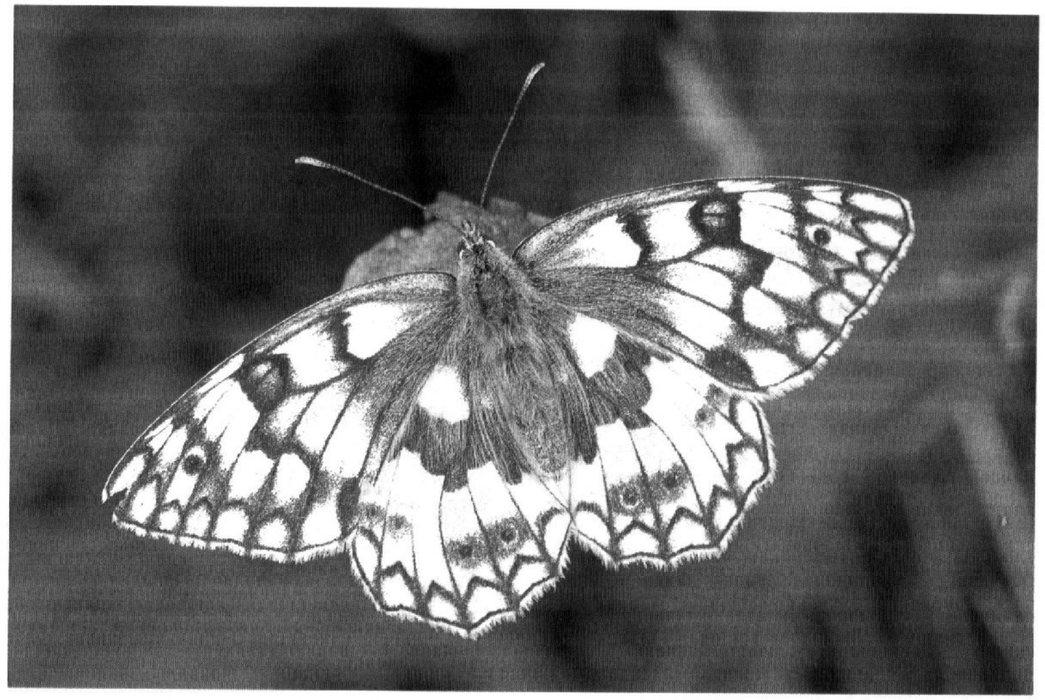
Euphydryas maturna (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 1996; 2001а, б, 2006, 2009; Большаков и др., 2008] — Барятинский район, окрестности д. Глазово, низинное болото Шатинский мох, 1 экз., 09.06.2012.

Melitaea cinxia (Linnaeus, 1758) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а, б, 2006, 2012; Большаков и др., 2008] — Мещовский район, 19 км вост. г. Мещовск, д.Серенск, пр. берег р. Серены, луг; 1, 5 км сев. д. Берды, пр. берег р. Серены напротив д. Ильинское, материковый луг, н. июля 2009 г; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, опушка широколиственного леса на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 14.06.2013.

Melitaea diamina (Lang, 1789) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а, 2006; Большаков и др., 2008] — Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: опушка сосняка 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 02.07.2012; Думиничский район, 3,5 км ю-з с. Чернышено, пойменная дубрава (53°49'29.40"N; 35°13'25.70"E), Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), 30. 06.2012; Ульяновский район, пос. Зеленый, пр. берег р. Рессета, опушки широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19'25.8"E), 21.06.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012;

Melitaea didyma (Esper, 1799) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Большаков и др., 2004, 2008; Шмытова, 2001а, б, 2006, 2009] — пос. Думиничи, бор, 53°53'53.6"N; 35°6'28.4"E, 03.07.2012; Думиничский район, 3 км ю-в д. Дубровка: поляна в сосняке 53°52'00.60"N; 35°05'42.70"E, 02.07.2012; Думиничский район, 3,5 км ю-з с. Чернышено, пойменная дубрава (53°49'29.40"N; 35°13'25.70"E), смешанный лес (53°49'52.70"N; 35°12'17.40"E), 28,29.06.2012; Думиничский район, 4 км ю-з д. Лутовня, «Красная Горка» (53°50'27.30"N; 35°10'9.50"E), 30. 06.2012; Ульяновский район, пос. Зеленый, пр. берег р. Рессета, опушки широколиственный лес (дубрава, липняк), (53°38'25.6"N; 35°19' 25.8"E), 21.06.2012; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 04.07.2012; Думиничский район, 2 км сев. д. Клинцы: материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°49'23.80"N; 35°12'46.50"E), 07.07.2012; Ульяновский р-н, ур. Ожгово (54°32'22.9"N; 36°15'16"E), лев. берег р. Вытебеть, материковые луга, 18.06.2013; пос. Думиничи, городской бор, 14.06.2013.

Melitaea phoebe ([Denis & Schiffermúller], 1775) — [Сироткин, 1986; Большаков, 1996; Шмытова, 2001а, б, 2006; Большаков и др., 2008] — с. Ульяново (53°40'20.4"N; 35°33'39.7"E), широколиственный лес на лев. берегу р. Вытебеть, на свет, 20.06.2013; Ульяновский район, д. Чухлово, (53°37'52.4"N; 35°35'02.3"E), материковые луга на лев. берегу р. Вытебеть, 13.07.2013, Ульяновский район, пос. Дудоровский (54°32'12.8"N; 36°15'22"E), луга на пр. берегу р. Рессета, 17.06.2013; Думиничский район, 5 км вост. д. Речица, материковые луга на пр. берегу р. Жиздры (53°50'18.20"N; 35°10'41.70"E), 14.06.2013.



Илл. 1. Суворовка — Melanargia russiae (Esper, [1783]), Фото В.А.Новикова.

Семейство Satyridae

Pararge aegeria (Linnaeus, 1758) — (Сироткин, 1986; Большаков и др., 2008; Шмытова, 2009, 2012) Пригород Калуги, д. Сивково, н. июня 2012 г. (А.А.Шмытов); Дзержинский район, пос. Полотняный Завод, парк усадьбы Гончаровых (опушка хвойно-широколиственного леса), 01.06.2013; Бабынинский район, окрестности д. Бровкино, опушка смешанного леса, к. июля 2013 г.

!Melanargia russiae (Esper, [1783]) Думиничский район, с. Брынь, луг на берегу Брынского вдхр., 3 экз., июнь 2013 г. *(см. илл. 1).*

Erebia aethiops (Esper, [1777]) — [Сироткин, 1986; Волкова, 1996; Шмытова, 2001а; Большаков и др., 2008] — Пригород г. Калуги, д. Сивково, опушка хвойно-широколиственного леса, июль2005 г.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Е.М., Большаков Л.В. Пяденицы (Lepidoptera, Geometridae) Тульской области. Дополнение (с включением данных по сопредельным районам Калужской, Смоленской и Московской областей) // Биологическое разнообразие Тульского края на рубеже веков. Сб. науч. тр. Вып. 1. Тула: Гриф и К0, 2001. С. 53—63.

Большаков Л.В. Угрожаемые и редкие виды дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Rhopalocera) лесных экосистем Окско-Жиздринского водоаздела (Козельский р-н Калужской области) // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы особо охраняемых природных территорий. Материалы науч.-пр. конф. Калуга, апрель 1996 г. Ч. II. , Калуга, 1996. С. 132—142.

Большаков Л.В. К фауне пядениц (Lepidoptera, Geometridae) Окско-Жиздринского водораздела // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тез. докл. VII науч. конф. 17—18 апреля 1997 г. Калуга, 1998. С. 181—184.

Большаков Л.В. Разноусые чешуекрылые Тульской области (Lepidoptera: Sphingidae, Saturniidae, Endromididae, Lemoniidae, Lasiocampidae, Arctiidae). Региональный хорологоэкологический и созобиологический анализ (с привлечением данных по соседним областям). Тула: Гриф и К0, 2000.

Большаков Л.В., Рябов С.А., Андреев С.А., Чувилин А.В. Новые и особо интересные находки макрочешуекрылых в Тульской области (Hexapoda: Lepidoptera: Geometridae, Drepanidae, Arctiidae, Nymphalidae, Lycaenidae)// Биологическое разнообразие Тульского края на рубеже веков. Сб. науч. тр. Вып. 4. Тула: Гриф и К0, 2004. С. 59—65.

Большаков Л.В., Андреев С.А., Пискунов В.И. Дополнения и уточнения к фауне чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области. 1 // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Кн. 8. Калуга, 2008. С. 140—187.

Волкова Л.Б. Насекомые как индикаторы сохранности степных и лесных сообществ Калужско-Алексинского каньона Оки // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы особо охраняемых природных территорий. Материалы науч.-пр. конф. Калуга, апрель 1996 г. Ч. I. , Калуга, 1996. С. 92—100.

Каталог чешуекрылых (Lepidoptera) России. Под ред. С.Ю.Синева. М: Тов-во научных изд. КМК, 2008.

Сироткин М.И. Список чешуекрылых (Macrolepidoptera) Московской и Калужской областей // Энтомологическое обозрение. 1986. Т. 65. Вып. 2. С. 318—358.

Шмытова И.В. Редкие виды Macrolepidoptera на территории НП "Угра" в Калужской области (1988—1995 гг.) // Сб. тез. докл. "Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий". Калуга, 1996. Ч. 1. С. 101—109.

Шмытова И.В. Аннотированный список чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001. С. 60—172.

Шмытова И.В. Очерки по экологии редких и исчезающих видов чешуекрылых Калужской области. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001.

Шмытова И.В. Отряд Чешуекрылые — Lepidoptera // Красная книга Калужской области. Калуга: Золотая Аллея, 2006. С. 307—427.

Шмытова И.В. Epiplemidae — новое семейство Lepidoptera для Калужской области// Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 3-5 апреля 2007 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С. 443—444.

Шмытова И.В. Находки новых и редких видов чешуекрылых в Калужской области // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конф. Калуга, 7—9 апреля 2009 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. С. 392—395.

Шмытова И.В. Новые и редкие виды чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) в Калужской области в 2010—2011 гг. // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблема сохранения биоразнообразия Калужского края. Материалы науч. симпозиума. Калуга, 5—7 апреля 2011 г. Калуга, Полиграф-Информ, 2012. С. 95—99.

Шмытова И.В., Алексеев С.К., Перов В.В., Бакланова С.П. Новые находки чешуекрылых в заповеднике «Калужские засеки»// Тр. заповедника «Калужские засеки». Вып. 1. Калуга: Полиграф-Информ, 2003. С. 130—144.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ВИДОВ ЖУЖЕЛИЦ ЛЕСНОЙ ГРУППЫ В УРБАНИЗИРОВАННОМ ЛАНДШАФТЕ (на примере города Калуги)

В.В.Алексанов, *методист,*
Калужский областной эколого-биологический центр учащихся.

Жужелицам урбанизированных территорий посвящено немало публикаций, однако представления о структуре сообществ, закономерностях пространственного распределения видов и статусе локальных популяций в городских биотопах остаются недостаточно сформированными. В настоящем сообщении обсуждаются закономерности распределения и фенологии четырех наиболее многочисленных лесных видов жужелиц на территории Калуги.

В настоящей работе проанализированы материалы, собранные в 2003—2011 гг. с помощью ловушек Барбера с формалином в качестве фиксатора. Пробные площади объединены в четыре типа: 1) лесные биотопы — местообитания с высокой сомкнутостью древостоя и преобладанием процессов саморазвития; 2) дворы — биотопы, сочетающие фрагменты древесной и травянистой растительности в окружении застройки; 3) садовые участки с обработкой почвы и мозаикой древесных и травянистых культурных растений; 4) луга — биотопы с преобладанием саморазвивающейся мезофитной травянистой растительности. Для реконструкции жизненного цикла и оценки полноты его реализации в 2011 г. анализировались демографические спектры в четырех модельных биотопах: днище оврага (E36°16'3.85" N54°30'29.16"), внутриквартальном саду с сомкнутым древостоем(E36°16'26" N54°30'31"), дворе с разнотравно-злаковым травостоем и единичными деревьями (E36°16'24" N54°30'34"), сельскохозяйственном участке (E36°15'48" N54°30'30"). Статус видов определен по методике К.В.Макарова и А.В.Маталина (2009). Жизненные циклы охарактеризованы в соответствии с типологией А.В.Маталина (2007). Обилие видов выражено в показателях уловистости — экз. на 100 ловушко-суток. Биотопическая приуроченность описана индексом Ю.А.Песенко (1982). Факторы биотопического распределения оценивались с помощью критерия Краскала — Уоллиса.

Среди видов лесной группы (по Д.Н.Федоренко, 1988) наиболее высокой встречаемостью и средней уловистостью на территории Калуги обладают *Carabus granulatus* L., *C. nemoralis* Mueller, *Pterostichus melanarius* (Ill.), *Platynus assimilis* (Pk.). Данные виды доминируют и в наиболее антропогенно трансформированных биотопах — дворах.

Carabus granulatus

Тяготеет к лесным биотопам и дворам, значимо избегая лугов (по критерию Краскала — Уоллиса p=0,002). По-видимому, уловистость определяется сомкнутостью древостоя (p=0,0352). Среди лесных биотопов наиболее обилен на днищах оврагов и балок. В большинстве лесных биотопов и дворов составляет 10—19% жужелиц. Все четыре модельных биотопа для данного вида были жилыми.

Жуки активны с мая по сентябрь, пик уловистости приходится на май и связан с активностью размножающихся (генеративных) особей. Репродуктивный период растянут с начала мая до середины июля — первой декады августа. Личинки встречаются с конца июня по вторую декаду августа. Немногочисленные имматурные жуки новой генерации встречаются в августе. Видимо, в условиях Калуги C. granulatus реализует типичный для него (Филиппов, 2006; Трушицына, 2009) одногодичный жизненный цикл с весенне-летним размножением и зимовкой на стадии имматурного и постгенеративного имаго. Особей второго года жизни в изученных популяциях мало (5%). Для всех изученных локальных популяций характерно почти троекратное преобладание самцов, что отмечается и в других частях ареала (Трушицына, 2009).

Carabus nemoralis

Подобно предыдущему виду, значимо избегает лугов (p=0,0012) и предпочитает биотопы с деревьями (p=0,0217), однако может достигать высокой уловистости и доминировать при разреженном древостое. Так, в 2011 г. в небольшом дворе с густым травянистым покровом и разреженными деревьями он составлял 28% жужелиц. В большинстве лесных биотопов и дворах доминирует среди жужелиц (свыше 5%), в садах обычно субдоминант. Однако далеко не все биотопы с древостоем являлись для вида жилыми. В 2011 г. вид являлся мигрантом в трех биотопах, хотя формально здесь был охарактеризован как субдоминант. Единственным жилым биотопом оказался двор с наиболее разреженным травостоем.

Сезонная динамика уловистости сложна. Первый пик приходится на первую половину мая и связан с размножением зимовавших имаго. Второй пик регистрируется во второй декаде июля и вызван активностью как закончивших размножение жуков материнского поколения, так и ювенильных и иматурных особей новой генерации. Третий подъем уловистости, обусловленный активностью имматурных особей, наблюдается в сентябре. Личинки регистрировались с конца июня до начала августа. Реализуется одногодичный жизненный цикл с весенне-летним размножением и зимовкой на стадии неполовозрелого имаго.

Pterostichus melanarius

Характеризуется 100%-ной встречаемостью. Доминирует во всех биотопах, кроме лугов (на лугах может быть формальным субдоминантом). В отдельных лесных биотопах составляет до 45% жужелиц. Индекс биотопической приуроченности выражает тяготение данного вида к лесным биотопам, однако статистически значимых различий между биотопами разного типа не обнаружено. На сельскохозяйственных участках приурочен к микростациям под деревьями, Полученные данные позволяют считать, что не во всех биотопах с древесной растительностью реализуется жизненный цикл данного вида. Так, в одном из внутриквартальных садов в 2011 г. он был мигрантом при формальном доминировании по уловистости.

Напочвенная активность жуков длится с апреля по конец октября. Жизненный цикл и демографическая структура в различных локальных популяциях на территории города неодинаковы, что вообще свойственно данному виду (Маталин, 2006). Так, на территории двора с разнотравно-злаковым травостоем зимовали и личинки, и имматурные и постгенеративные имаго. Репродуктивный период длился со второй декады мая по конец октября. Жизненный цикл охарактеризован как факультативно-двухгодичный. На днище оврага и сельскохозяйственном участке зимовка имматурных имаго не обнаружена, репродуктивный период длился с середины июля до начала октября, и жизненный цикл охарактеризован как одногодичный жизненный цикл с летне-осенним размножением. Соотношение полов и возрастов в исследованных локальных популяциях также неодинаково. Доля представителей пращурных генераций варьирует от 2,5 до 30%, в некоторых группировках значимо преобладают самцы.

Platynus assimilis

Избегает лугов (p=0,0002), значимо предпочитая биотопы с высокой (свыше 50%) сомкнутостью древостоя (p=0,0002). В таких местообитаниях он составляет до 45% жужелиц. На сельскохозяйственных участках предпочитает микростации под деревьями (p=0,046). Среди пробных площадей жилыми оказались все исследованные биотопы с сомкнутым древостоем, в то время как травянистый двор с разреженным древостоем был проходным биотопом.

Жизненный цикл одногодичный с весенне-летним размножением (репродуктивный период с мая до конца июля) и зимовкой на стадии имаго, что можно считать типичным для популяций данного вида в зоне смешанных и широколиственных лесов (Дорофеев, 2010). Доля особей пращурных генераций в различных локальных популяциях варьирует от 5 до 25%. В некоторых жилых биотопах наблюдалось статистически значимое преобладание самок (до 69%).

Охарактеризованные выше виды доминируют в различных естественных и антропогенных биотопах с древесной растительностью. При этом на территории Калуги весьма часто кодоминируют Carabus nemoralis и Platynus assimilis. Проведенные исследования указывают на своеобразие преферендума каждого вида относительно различных параметров городской среды и вполне вписываются в индивидуалистическую гипотезу Раменского — Глизона.

*Автор признателен **К.В.Макарову** и **А.В.Маталину** (МПГУ) за помощь в определении репродуктивного статуса жуков и анализе демографических спектров, **С.К.Алексееву** за помощь в проведении исследования.*

ЛИТЕРАТУРА

Дорофеев Ю.В. Некоторые аспекты экологии популяций Platynus assimilis Pk. (Coleoptera, Carabidae) в урболандшафтах Тульской области // Экология, эволюция и систематика животных: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Рязань: НП «Голос губернии», 2009. С. 72—73.

Макаров К.В., Маталин А.В. Локальная фауна жужелиц (Coleoptera, Carabidae) как объект изучения (на примере карабидофауны Приэльтонья) // Виды и сообщества в экстремальных условиях. Сборник, посвященный 75-летию академика Юрия Ивановича Чернова. Москва-София: Т-во научных изданий КМК — PENSOFT Pbl. 2009. С. 353—374.

Маталин А.В. Географическая изменчивость жизненного цикла Pterostichus melanarius (Coleoptera, Carabidae) // Зоологический журнал. 2006. Т. 85. № 5. С. 573—585.

Маталин А.В. Типология жизненных циклов жужелиц (Coleoptera, Carabidae) Западной Палеарктики // Зоологический журнал. 2007. Т. 86. № 10. С. 1196—1220.

Песенко Ю.А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. М.: Наука, 1982.

Трушицына О.С. Особенности демографии локальных популяций видов рода Carabus L. (Coleoptera, Carabidae) в мозаике пойменных лугов юга Мещерской низменности // Евразиатский энтомологический журнал. 2009. Т. 8. Вып. 4. С. 399—410.

Федоренко Д.Н. Фауна жужелиц (Coleoptera, Carabidae) Московской области // Насекомые Московской области. М.: Наука, 1988. С. 20—46.

РАЗМЕРНАЯ СТРУКТУРА ПОПУЛЯЦИИ СЕРОЙ ЖАБЫ BUFO BUFO (L.) НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

С.К.Алексеев, *к.б.н., зав. отделом,*
Калужский областной эколого-биологический центр учащихся,

В.А.Корзиков, *аспирант,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского

Территория Калужской области входит в состав двух геоботанических подзон: хвойно-широколиственных лесов (на северо-западе области) и широколиственных лесов (в центре и на востоке области), определенных преимущественно границей распространения последнего Московского оледенения (География.., 1989; Физ. география, 2003). В Калужской области серая жаба является широко распространенным фоновым эвритопным видом (Алексеев и др., 2011). В течение 1995—2011 гг. в различных биотопах этих двух подзон, на расстоянии не менее 109—121 км друг от друга проводились учеты и сборы серой жабы модифицированными ловушками Барбера (Алексеев, 1996), 50-метровыми канавками с цилиндрами Циммера (Новиков, 1949) и с помощью 50-метровых заборчиков с цилиндрами (Измерение и мониторинг..., 2003). Всего на северо-западе области было обследовано 25 пробных площадей, а на юго-востоке —24 в основных лесных и луговых биотопах. В целом было учтено 3029 экземпляров серой жабы разных возрастных групп. Здесь же учтены и сведения по размерной и возрастной структуре популяции серой жабы в опубликованных ранее работах (Завгородний, 1997; Корзиков, 2007; Корзиков, Лобзов, 2009). Морфометрические показатели измерялись с помощью штангенциркуля по стандартной методике. Для изучения возрастного состава использовался графический метод (Банников, 1956) с логарифмической кривой (Бигон, 1979; http://office.microsoft.com).

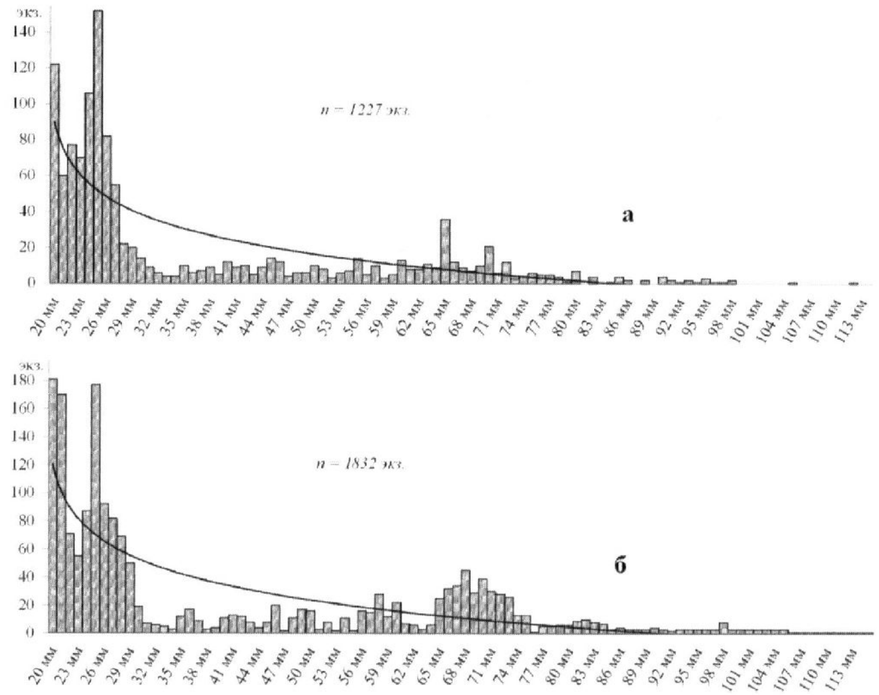


Рис. 1. Размерно-возрастная структура серой жабы на северо-западе (а) и юго-востоке (б) Калужской области

Анализ полученных данных показал, что на северо-западе и юго-востоке Калужской области после выхода из водоемов средняя длина тела сеголеток составляет 7,69±1,84 мм, а к концу лета начала осени на юго-востоке 23,99±3,13 мм, а на северо-западе 24,06±2,90 мм. Она практически одинакова для обеих геоботанических подзон указанных территорий. Среди годовиков и особей старше средняя длина всех экземпляров на юго-востоке составила 65,1±16,35 мм. Это выше, чем на северо-западе — 59,72±15,00 мм.

Таблица 1. **Морфометрические показатели серой жабы *Bufo bufo* (L.) в Калужской области**

Показатель (мм), индекс**	*северо-запад (n=36)*				*юго-восток (n=133)*			
	min	*max*	*M*	*±m*	*min*	*max*	*M*	*±m*
L	40,70	89,70	65,68	13,16	40,70	115,70	73,24	11,81
F	12,70	30,50	21,53	4,35	15,30	38,70	29,56	4,24
T	14,30	31,40	24,43	4,78	14,10	38,60	27,30	3,92
D.p.	3,30	8,40	6,28	1,49	2,70	8,90	7,01	1,15
C.int.	1,90	5,50	3,56	0,92	1,50	6,50	3,72	0,75
L/L.c.	3,27	4,95	4,01	0,40	2,93	6,52	3,81	0,57
Lt.p./Sp.p.	0,26	0,49	0,38	0,06	0,14	0,89	0,40	0,11
F/T	0,73	1,02	0,88	0,06	0,77	1,55	1,09	0,12
D.p./C.int	1,33	2,33	1,78	0,26	0,98	3,00	1,92	0,33

Серая жаба имеет тенденцию к типу r-стратегии репродуктивного размножения (Кузьмин, 1999), поэтому теоретическая размерная структура популяции такого вида должна представлять собой «вогнутую» кривую выживания (Бигон, 1979). В нашем случае, уменьшение числа амфибий с увеличением размера (возраста) изменяется не плавно, а с некоторым провалом между сеголетками и половозрелыми особями (рис.1 а, б). Скорее всего, данный провал обусловлен, тем, что с увеличением возраста рост амфибий замедляется (Кузьмин, 1999) и происходит «наложение» амфибий разного возраста примерно одинакового размера (Банников, 1956). Кроме того следует учитывать, что в сухие года, такие как например 2002 и 2010 наблюдается катастрофическая смертность следи амфибий, от высыхания, в первую очередь сеголетков и годовиков. Даже взрослые жабы в такие года вынуждены скапливаться у водоемов и водотоков. Все это в совокупности и определяет отличия реальной размерной структуры популяций жабы от теоретической.

Морфометрический анализ показал, что наиболее крупные особи серой жабы обитают на юго-востоке Калужской области (табл. 1). Половой диморфизм зафиксирован только по размеру для юго-востока: самки крупнее самцов в 1,3 раза. Численное соотношение между самками и самцами было примерно одинаковое — 1:1,2.

* L. — расстояние от кончика морды до центра клоакального отверстия; L.c. — расстояние от кончика морды до края затылочного отверстия (прощупать через кожу); Sp.p. — наименьшее расстояние между внутренними краями верхних век; Lt.p. — наибольшая ширина верхнего века; F. — длина бедра (мерить на согнутой конечности);T. — длина голени (мерить на согнутой конечности); D.p. — длина первого пальца задней ноги от дистального основания внутреннего пяточного бугра до конца пальца; C.int. — наибольшая длина внутреннего пяточного бугра в его основании.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.К. Использование ловушек Барбера для инвентаризации мелких позвоночных // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий: Материалы Калужской научно-практ. конф. ч. 1. Калуга, 1996. С. 78—79.

Алексеев С.К., Дудковский Н.И., Марголин В.А., Рогуленко А.В. Фауна позвоночных Калужской области. Калуга: АКФ Политоп, 2011.

Банников А.Г, Денисова М.Н. Очерки по биологии земноводных. М.: Просвещение, 1956.

Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология: Особи, популяции, сообщества. 1 том. М.: Мир, 1989.

География Калужской области: учеб. пособие / Сост. К.В.Пашканг. 3-е изд. с измен. Тула: Приок. кн. изд-во. 1989.

Завгородний А.С. Возрастная структура популяций земноводных (Amphibia) юго-востока Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докл. VII конференции (17—18 апреля 1997г.). — Калуга: «Гриф», 1997. С. 189—190.

Завгородний А.С., Алексеев С.К., Стрельцов А.Б.. 2001. Позвоночные животные заповедника «Калужские засеки» // Флора и фауна заповедников. — Вып.98. С. 5—9.

Завгородний А.С., Алексеев С.К.. Земноводные и пресмыкающиеся Козельского района // Проблемы археологии, истории, культуры, природы Козельского края. Калуга, 2001. С. 211—212.

Измерение и мониторинг биологического разнообразия: стандартные методы для земноводных. 2003 / Пер. с англ. М.: изд. КМК.

Корзиков В.А. Земноводные Угорского участка Национального парка «Угра» // Молодость — науке: Материалы XVII Молодежной научной конференции памяти А.Л.Чижевского. Калуга: Издательство «Гриф», 2007. С. 19—29.

Корзиков В.А., Лобзов А.В. Морфометрические особенности серой жабы и травяной лягушки на юго-востоке Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы. Книга 9 / Под ред. С.К.Алексеева. Калуга: Издательство КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2009. С. 165-168.

Кузьмин С.Л. Земноводные бывшего СССР. М.: КМК, 1999.

Новиков Г.А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных. Ленинград: Советская наука, 1949.

Физическая география и природа Калужской области. Калуга: Издательство Н.Бочкаревой, 2003.

http://office.microsoft.com

Памяти Виктора Анатольевича Марголина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕДКИХ ВИДОВ ПТИЦ НЕЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.Б.Костин, *к.б.н., с.н.с.*
Московский педагогический государственный университет.

Список редких птиц Нечерноземного центра России, принятый на IV тематическом совещании в Москве в 2009 г., включает виды различного природоохранного статуса. Сюда входят виды и формы, занесенные в Красную книгу России, региональные Красные книги, а также малочисленные, уязвимые и краеареальные виды птиц, состояние которых требует постоянного мониторинга.

В официальном Списке введено подразделение редких птиц по 7 категориям: виды, исчезнувшие на гнездовании; находящиеся под угрозой исчезновения; сокращающие численность; имеющие относительно стабильную численность; требующие дополнительного изучения; краеареальные; расселяющиеся; уязвимые. Применительно к задачам изучения редких птиц отдельных регионов, в условиях зачастую динамично меняющейся численности птиц под воздействием многочисленных популяционных, абиотических и антропогенных факторов, возможно использование и других подходов к классификации этой разнородной группы.

В данной публикации сделана попытка оценить современный статус редких видов птиц Калужской обл., в основном — на примере модельного участка в ее юго-восточной части, исходя из их официального статуса, типа изменений численности и характера пребывания на территории области.

Редкие виды, занесенные в Красную книгу РФ

Находящиеся в области на грани исчезновения

Состояние большого подорлика *Aquila clanga*. Pall. — внушает, пожалуй, наибольшие опасения. Катастрофическое снижение его численности произошло за последние 10—15 лет [7]. Единственное достоверно известное в области за последние десятилетия жилое гнездо было оставлено к 2003 г.; в последующие годы вид изредка встречается в миграционный период. Сведений из других районов за этот период нет.

«Краснокнижные» виды с относительно стабильной численностью

Эти виды, обладающие весьма различной численностью, от единичных (черный аист *Ciconia nigra* (L.), змееяд *Circaetus gallicus* (Gm.), до десятков (малый подорлик *Aquila pomarina* C.L.Brehm.) [5] и сотен пар (средний пестрый дятел *Dendrocopos medius* (L.); при условиях действенной охраны местообитаний и самих птиц имеют шансы на выживание в условиях региона.

«Краснокнижные» виды с флуктуирующей численностью.

Своеобразием биологических особенностей вида определяется сложная динамика численности степного луня *Circus macrourus* (Gm.) [8], эпизодически гнездящегося в последние годы в разных частях региона и европейского серого сорокопута *Lanius excubitor* L., заметный рост численности которого на юге области с 2004 г. в настоящее время прекратился, как вследствие изменений трофической ситуации, так и в силу освоения типичных биотопов в соседнем регионе — очаге его расселения [2].

Пролетные виды

К этой категории отнесены виды, прекратившие гнездиться в области за исторически обозримый период. Присутствуют на ее территории как во время сезонных миграций, так и вследствие кочевок, зимовки, залетов и т.д. Среди них можно выделить:

Виды, занесенные в федеральную Красную книгу:

Скопа *Pandion haliaetus* (L.), беркут *Aquila chrysaetus* (L.), орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* (L.), сапсан *Falco peregrinus* Tunst.

Прочие редкие виды птиц

Дербник *Falco columbarius* (L.), лебедь-кликун *Cygnus cygnus* (L.), серый гусь *Anser anser* (L.), гоголь *Bucephala clangula* (L.), Луток *Mergus albellus* L., фифи *Tringa glareola* L., Турухтан *Philomachus pugnax* (L.), средний кроншнеп *Numenius phaeopus* (L.).

Продолжительность пребывания этих видов в пределах области сильно отличается, равно как и воздействующие факторы риска. Скопа, лебедь-кликун, серый гусь, луток, средний кроншнеп пролетают, как правило, транзитом. Небольшое количество дербников и орланов-белохвостов остается на зимовку. Помимо миграционного периода, отмечались летние встречи негнездящихся особей беркута, белохвоста, сапсана, мелких куликов. Возможность временного существования этих видов в области определяется, в первую очередь, сохранностью подходящих местообитаний.

Виды с сокращающейся численностью

Значительное количество видов самых разных систематических групп находится в последние годы в неблагоприятной ситуации. Среди них есть и еще недавно обычные птицы, и виды, немногочисленные по своим биологическим особенностям. Далеко не всегда можно детально объяснить причины депрессии: в большинстве случаев основным фактором является сокращение или трансформация местообитаний, а иногда естественный ход динамики численности популяций [6].

Виды, страдающие при деградации водно-болотных и луговых местообитаний:

Большая выпь *Botaurus stellaris* (L.), малая выпь *Ixobrychus minutus* (L.), серая утка *Anas strepera* L., шилохвость *Anas acuta* L. , широконоска *Anas clypeata* L., черный коршун *Milvus migrans* (Gm.), дупель *Gallinago media* (Lath.), травник *Tringa totanus* L., поручейник *Tringa stagnatilis* (Bechst.), большой кроншнеп *Numenius arquata* (L.), большой веретенник *Limosa limosa* (L.), речная крачка *Sterna hirundo* L., зимородок *Alcedo atthis* (L.) перепел *Coturnix coturnix* (L.), обыкновенный сверчок *Locustella naevia* (Bodd.). Критическими для этих видов факторами являются обмеление водоемов, беспокойство в гнездовой период, включая охотничий пресс, зарастание открытых местообитаний.

Виды, на которые отрицательно сказывается деградация агроландшафта.

Причины сокращения их численности разнообразны. Так, для лугового луня *Circus pygargus* (L.), в последние десятилетия гнездившегося в Нечерноземье, преимущественно, в зарослях крапивы и бурьяна вблизи от заброшенных ферм, критичной стала естественная смена этих выделов на злаковые ассоциации [1;3]. Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus* (L.) лишилась распространенного места гнездования вследствие исчезновения серой вороны и ее построек в сельской «глубинке». На численности серой куропатки *Perdix perdix* (L.) неблагоприятно сказалось сокращение площадей хлебных полей и количества небольших животноводческих хозяйств, близ которых птицы зимовали. Эта же причина привела к резкому падению численности обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur* (L.) и, отчасти, клинтуха *Columba oenas* L., кроме того, страдающего от вырубки дуплистых деревьев. Снижение поголовья скота, зарастание выпасов привело к подрыву кормовой базы удода *Upupa epops* L. и зарастанию гнездовых биотопов лугового конька *Anthus pratensis* (L.). Домовый сыч *Athene noctua* (Scop.), на севере ареала населяющий, в основном, сельские населенные пункты, сокращает численность в связи с исчезновением малых деревень.

Расселяющиеся виды с неустойчивой границей ареала.

Ярким примером является кольчатая горлица *Streptopelia decaocto* (Frivald.), значительно расселившаяся в антропогенном ландшафте к северу и востоку в 70—90 г.г. и ныне местами исчезнувшая полностью.

Виды с неясными причинами сокращения численности.

Сюда можно отнести обитателя широколиственных и сырых ольховых лесов седого дятла *Picus canus* Gm.; лесного жаворонка *Lullula arborea* (L.), характерного обитателя ксерофильных сосняков и вырубок; обыкновенную горихвостку *Phoenicurus phoenicurus* (L.), некогда обычный гнездящийся вид сосновых лесов и садов и хохлатую синицу Parus cristatus L., сокращающую численность по всему ареалу в последние десятилетия.

Малочисленные виды с относительно стабильной численностью.

Сюда отнесены виды, требующие постоянного мониторинга численности вследствие обитания в области у границ ареала (белый аист *Ciconia ciconia* (L.), орел-карлик *Hieraaetus pennatus* (Gm.), глухарь *Tetrao urogallus* L., золотистая щурка *Merops apiaster* L., горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* (Gm.); немногочисленных в силу особенностей биологии (осоед *Pernis apivorus* (L.), воробьиный сыч *Glaucidium passerinum* (L.), козодой *Caprimulgus europaeus* L., зеленый дятел *Picus viridis* L., белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos* (Bechst.), ястребиная славка *Sylvia nisoria* (Bechst.); либо гнездящиеся в ограниченных по площади биотопах (черношейная поганка *Podiceps nigricollis* C.L. Brehm, серый журавль *Grus grus* (L.), пастушок *Rallus aquaticus* L., малый погоныш *Porzana parva* (Scop.), коростель *Crex crex* (L.), малая чайка *Larus minutus* Pall., белокрылая крачка *Chlidonias leucoptera* (Temm.).

Виды с флуктуирующей низкой численностью

Численность ряда редких видов демонстрирует сильную зависимость от обилия основных кормовых объектов: мелких млекопитающих (полевой лунь *Circus cyaneus* (L.), болотная сова *Asio flammeus* (Pontopp.); или плодов дикоросов (кедровка *Nucifraga caryocatactes* (L). При общем невысоком уровне обилия этих видов, в благоприятные годы оно заметно возрастает; в особо неблагоприятные они могут полностью отсутствовать на гнездовании.

Залетные и краеареальные виды.

Обширная группа видов южного (большая белая цапля *Egretta alba* (L.), лебедь-шипун *Cygnus olor* (Gm.), белощекая крачка *Chlidonias hybrida* (Pall.), сплюшка *Otus scops* (L.), чернолобый сорокопут *Lanius minor* Gm., соловьиный сверчок *Locustella luscinioides* (Savi), тростниковая камышевка *Acrocephalus scirpaceus* (Herm.), дроздовидная камышевка *Acrocephalus arundinaceus*.L., ремез *Remiz pendulinus* L., садовая овсянка *Emberiza hortulana* (L.); северного (большой улит *Tringa nebularia* (Gunn.), мохноногий сыч *Aegolius funereus* (L.), трехпалый дятел *Picoides tridactylus* (L.); или восточного (глухая кукушка *Cuculus saturatus* Blyth., черноголовый чекан *Saxicola torquata* (L.) происхождения. Появление и исчезновение этих видов в пределах области определяется естественными колебаниями границы ареала в зависимости от динамики численности краевых популяций и климатических факторов. Для некоторых из них известны немногочисленные, но устойчивые гнездящиеся группировки (трехпалый дятел, соловьиный сверчок); для других — существование таких группировок в недалеком прошлом (сплюшка, мохноногий сыч, ремез); для третьих — эпизодические залеты (чернолобый сорокопут, глухая кукушка).

Редкие виды с растущей численностью

Устойчивый и многократный рост численности отмечен за последние десятилетия для 3 редких видов Европейского Центра. Мухоловка-белошейка *Ficedula albicollis* Temm. в середине 90-х г.г. отмечалась на юге области лишь в старых полидоминантных дубравах и хвойно-широколиственных лесах, встречаемость ее на маршрутах (от общего количества дней наблюдений) составляла тогда порядка 14%. Начиная с 2004 г. этот показатель вырос до 56—69%; в настоящее время белошейка освоила старые мелколиственные, молодые широколиственные и даже смешанные лесные выделы, широко расселяясь по области.

Деряба *Turdus viscivorus* L., в 90-е г.г. немногочисленный гнездящийся вид дубрав и сосновых лесов, стал вполне обычен. Существенно выросла численность и черноголовой гаички *Parus palustris* L., населяющей сырые участки широколиственных лесов и ольшаники.

Таким образом, из 87 редких видов, населяющих Калужскую область, за вычетом 10 пролетных, лишь для 28 можно констатировать наличие нейтральной, либо положительной динамики численности. Учитывая повышенную уязвимость четырех из них, занесенных в Федеральную Красную книгу, будущее почти 69% редких видов внушает тревогу. Даже в малонаселенных районах области вырубка старовозрастных лесов, рекреационное освоение водоемов и деградация открытых местообитаний в дальнейшем будут лишь усугублять ситуацию. В этих условиях трудно переоценить роль в охране редких видов птиц ООПТ, Государственного заповедника «Калужские засеки» и Национального парка «Угра». Однако фактическое отсутствие у заповедника охранной зоны, способной защитить всю совокупность природно-территориального комплекса, от поймы до плакоров [4], непрекращающиеся попытки пересмотра принципа незыблемости границ и статуса ООПТ, и тенденции к превращению познавательного экологического туризма в развлекательную индустрию, ставит под угрозу существование и этих сохранившихся резерватов.

ЛИТЕРАТУРА

1 Богомолов Д.В., 2003. Популяционные тренды представителей рода Circus в Европейской России. // Материалы IV конференции по хищным птицам Северной Евразии (Пенза, 1-3 февраля 2003 г.). Пенза, с. 55—56.

2 Косенко С.М., Кайгородова Е.Ю. 2013. Изменения численности и проблемы сохранения серого сорокопута Lanius excubitor в Брянской области // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы. М-лы Всероссийской научно-практической конференции. Москва-Махачкала, с. 91—93.

3 Костин А.Б. 2012а. Изменения численности и характера пребывания светлых луней в «Калужских засеках». //Хищные птицы в динамической среде III тысячелетия: состояние и перспективы. Труды VI Международной конференции по соколообразным и совам Северной Евразии. Кривой Рог, с. 311—313.

4 Костин А.Б. 2012б. Роль заповедника «Калужские засеки» в сохранении биологического разнообразия птиц региона. //Труды заповедника «Калужские засеки», вып. 2 . Калуга, с. 95—104.

5 Костин А.Б., Галактионов А.С. 2008. Состояние гнездящейся группировки малого подорлика в заповеднике «Калужские засеки» // Изучение и охрана большого и малого подорликов в Северной Евразии. Материалы V Международной конференции по хищным птицам Северной Евразии. Иваново: Изд. ИвГУ. с. 187—189.

6 Костин А.Б., Галактионов А.С., Бараненкова Т.Ю., Богомолов Д.В., Кретова Н.Е. 2009. Редкие виды птиц Нечерноземья в заповеднике «Калужские засеки» // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. М-лы IY Совещания «Распространение и экология редких видов Нечерноземного центра России. М., с. 116—123.

7 Марголин В.А. 2008. Птицы Красной книги Калужской области // Редкие виды птиц Нечерноземного центра. Материалы III совещания «Редкие виды птиц Нечерноземного центра» (Москва, 1—3 декабря 2000 г.). М., с. 135—137.

8 Мельников В.Н., Костин А.Б., Мищенко А.Л., Пчелинцев В.Г. 2009. Современное состояние редких видов хищных птиц в Нечерноземном центре // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. М-лы IV Совещания "Распространение и экология редких видов Нечерноземного центра России. М. с. 56—76.

ИЗМЕНЕНИЕ ОКРАСКИ ПЕРЕПЕЛИНЫХ ЯИЦ

Е.М.Молчанова, А.В.Аралов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого.

Повышение яйценоскости птиц приемами селекции идет по пути сокращения времени формирования яйца, и прежде всего в нижнем отделе яйцевода, за счет периода кальцификации [1,2]. Наиболее яйценоские виды продуктивной птицы — это перепела, у которых время нахождения яиц в нижнем участке яйцевода значительно меньше, чем у других. У перепелов при надлежащем содержании не бывает перерывов в яйцекладке, связанных с насиживанием и линькой, в отличие от птицы других видов. Образование яйца — это очень сложный процесс, который целиком и полностью связан с физиологическим здоровьем птицы. На всем этапе развития, от образования зародыша до формирования скорлупы, жизнь будущего птенца зависит от того, насколько хорошо функционирует репродуктивная система самки. В связи с этим целью нашей работы являлось изучение морфометрических показателей и вариаций окраски скорлупы яиц, связанных с патологией репродуктивных органов у перепелов японской породы. Условия содержания и кормления птицы в течение всего исследования соответствовали существующим методическим рекомендациям. Оценка качества яиц проводилась в соответствии с методическими рекомендациями ВНИТИП (2001).

Был проведен анализ качества яиц по следующим показателям: величина большого и малого диаметра, длина окружности, масса яиц, производили расчет индекса формы яйца. Особое внимание уделялось окраске и отложениям карбоната кальция на яйце. Для исследования были взяты перепелиные яйца (n=400) от самок начиная с 65-дневного возраста на протяжении девяти месяцев. Изучение линейных параметров перепелиных яиц показало, что за весь период исследований величина малого диаметра варьировалась от 23,2 мм до 29,1 мм, при средних значениях 26,3 мм. Малый диаметр яиц увеличивался в возрасте 156—187 дней, и эта величина была выше по сравнению с малым диаметром яиц в последующее время. Величина большого диаметра составляла от 28,1 до 39,4 мм, при среднем значении 33,5±2,5 мм. У самок в возрасте со 126 до 187 дня большой диаметр яиц увеличивался, причем это достоверно ($p<0,02$). Максимальное значение большого диаметра перепелиных яиц приходилось на 187—210 сутки. Длина окружности составляла от 82,3 мм до 116,6 мм, среднее — 99,7±17 мм. В результате исследований установлено, что масса яиц была в пределах от 6,1 г до 16,5 г, средняя величина 11,25±5,25 г. Наиболее высокую массу имели яйца перепелок, снесенные в возрасте 157—170 дней. Различия между показателями массы яиц за большую часть периода исследований и максимальным ее значением были статистически достоверны ($p<0,05$). Установлено, что значение индекса формы составило от 64,87 до 87,35 %, среднее 76,11±11,24. Яйца, полученные от несушек в возрасте 126—143 дней, отличались наибольшим показателем индекса формы по сравнению с другими месяцами исследований ($p<0,04$). Налет на скорлупе менялся от 10% в возрасте 95—110 дней до 75% в возрасте 307—318 дней от общего количества яиц *(рис. 1)*.

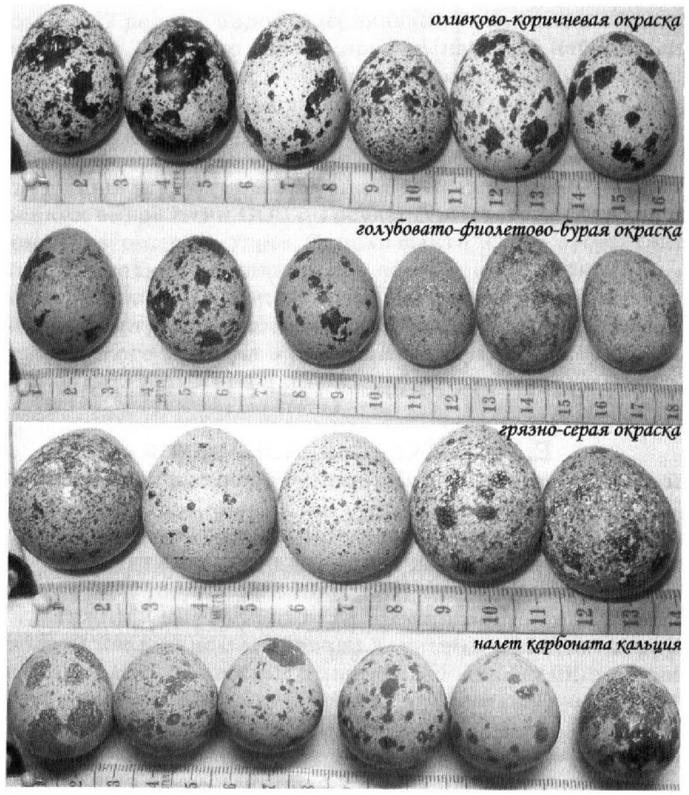


Рис. 1. Виды окраски перепелиных яиц..

Необходимо отметить, что скорлупа перепелиных яиц характеризуется изменчивостью в окраске. На протяжении всего исследования зафиксировали следующие вариации окраски скорлупы: оливково-коричневая — типичная окраска этого вида птицы, голубовато-фиолетовая и грязно-серая. В ходе исследования в 95,5% отмечалась оливково-коричневая окраска, в 2,75% — голубовато-фиолетово-бурая и в 1,75% грязно-серая.

Результаты вскрытия самок, несущих яйца с измененной окраской скорлупы свидетельствовали о наличии воспалительных процессов, протекающих в железистом слое матке нижнего отдела яйцевода (рубцующие раны). Окрашивание яиц от естественного (оливкого-коричневого) в голубовато-фиолетовый или грязно-серый цвет происходит из-за поражения железистого слоя матки яйцевода (различных травм, воспалений). Это чаще всего возникает при прохождении крупных яиц по яйцеводу и приводящих к воспалению яйцевода. В результате этого общая площадь поражения железистого слоя матки яйцевода может достигать 43%. Следует подчеркнуть, что изменение окраски скорлупы свидетельствует о течении воспалительных процессов в репродуктивной системе и может служить показателем общего физиологического состояния здоровья птицы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кочиш И.И. Биология сельскохозяйственной птицы/ И.И.Кочиш, Л.И.Сидоренко, В.И.Щербатов. М.: КолосС, 2005.-

2. Селянский В.М. Анатомия и физиология сельскохозяйственной птицы/ В.М.Селянский. М.: Колос, 1980.

ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И БИОРАЗНООБРАЗИЕ ОЗЕР ШЕЛОХОВКА И ДУДИНО, РАСПОЛОЖЕННЫХ ОКОЛО ДЕРЕВНИ ПОРОСЛИЦА ЮХНОВСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.В.Воронкина, *к.б.н., доц.,*
М.М.Смирнов, *ст.,*
Д.Е.Романов, *ст.,*
Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского.

Деревня Порослица расположена в юго-западной части Юхновского р-на на границе с Бабынинским районом. Это север Мещевского ополья (Топографическая карта.., 1988). Ее окрестности представляют собой преимущественно пологоволнистую, местами холмистую слаборасчлененную моренную равнину с дерново-среднеподзолистыми суглинистыми почвами, с дубово-еловыми и березово-осиновыми лесами с примесью дуба и ели, наполовину распаханную. Эта территория относится к Смоленско-Московской провинции, занимающей север и северо-запад Калужской области (Гончар и др., 1975).

Озера Шелоховка и Дудино расположены около деревни в басейне реки Угры и Течи с ее притоком Большой Березуй, после слияния с Безвелем (Google Планета Земля). Оба озера имеют водно-ледниковое происхождение, являются местами семейного отдыха и активно используются рыболовами и охотниками Калужской и соседних областей.

Озеро Шелоховка находится на северо-восточной окраине деревни около МТС сельскохозяйственной артели (колхоз) «Завет Ильича». Его координаты: 54°34›52.83»с.ш. и 35°36›24.31»в.д. (Google Планета Земля). Максимальная глубина — 1.9 м, средняя — 1.2 м. Шелоховка играет важную роль в регулировании водного режима окружающих территорий. Северо—восточнее озера находится колхозное поле, с юга и юго-востока к озеру примыкают частные картофельные огороды, северо-западнее расположено пастбище, а юго-западнее — деревня. Водная гладь озера имеет площадь 7,44 га. Его берега с северо-востока и юга-востока сильно заболочены. Оно расположено на высоте 182 м. над уровнем моря. На северо-востоке находится наивысшая точка 194 метра над уровнем моря. Высота пастбища 180м над уровнем моря и избыток воды во время разлива и половодья из Шелоховки через плотину переливается в первый пруд, далее во второй, в третий и по ручью попадает в Течу (снимок). В Шелоховку вода попадает из прудов деревни Кулиги по лощине через безымянный ручей, пересыхающий в жаркий период. Во время паводков и сильных дождей ручей имеет сильное течение. К тому же восточнее этого ручья в лесу, примерно, в 1 км от озера располагается небольшое верховое клюквенное болотце, находящееся на высоте 185 м над уровнем моря. Оно так же влияет на гидрологический режим Шелоховки. Берега озера сильно заболочены и заросли прибрежно-водной растительностью. Наиболее заболочены северная, восточная и юго-восточная части озера. Интересной особенностью этого водоема являются два плавающих острова с богатой флорой прибрежно-водных травянистых растений и кустарников. Площадь большего острова — 74 м², меньшего — 38 м². Они перемещаются под влиянием ветров. Берега озера и острова обильно заросли ивой пепельной и прибрежно-водными растениями.

Озеро Дудино находится в полутора километрах Юго-Восточнее деревни Порослицы на краю Жалбинского лесного массива. Вода из него вместе с водой из водной экосистемы деревни Жалбино попадает в реку Безвель, далее в Большой Березуй — в Течу и в Угру. Таким образом, и озеро Дудино относится к бассейну Угры. С северо-востока к нему примыкает колхозное поле. Водная гладь озера составляет 6,56 га (Google Earth Pro) . Оно расположено на высоте 167 м над уровнем моря и вытянуто с востока на запад. Его максимальная длина 497 м, максимальная ширина 209 м. Берега сильно изрезаны и по очертанию напоминают Скандинавские фьорды. Это результат мелиоративных мероприятий, проводившихся в середине 20 века, из-за чего периметр озера составляет 2 км 57 м. Берега озера сильно заболочены. На востоке находится наивысшая точка — 171 м над уровнем моря (Google Планета Земля). Таким образом высота над уровнем моря озера Дудино примерно на 20 метров ниже Шелоховки. Открытая вода наблюдается только в весенний период с середины апреля до середины июня, а позднее озеро почти полностью зарастает водной растительностью. Вся водная гладь покрыта рдестом плавающим. Летом и осенью рыбачить ни с лодки, ни с берега, не представляется возможным.

Описание водной растительности проводилось летом и осенью 2012 года методом наблюдения с резиновой лодки «Уфимка» и с берегов с использованием рыбацкого полукомбинезона «ПС15-ПК-СПН» и рыбацких сапог (болотников) «НАЗИЯ СО63». Для определения растений была использована Флора средней полосы европейской части СССР (Маевский, 2006), определитель сосудистых растений (Губанов и др., 1995) и Калужская флора (Решетникова и др., 2010)

Биоразнообразие растений

Оценка обилия видов сделана по шкале Друде (Старостенкова и др. 1977)

Отдел Папоротникообразные Polypodiophyta

№	Семейство	Вид	Обилие	Место обитания
1	Телиптерисовые *Thelypterdaceae*	Телиптерис болотный *Thelypteris palustris* Schott	фон	Шелоховка, Дудино
2	Щито́вниковые *Dryopteridáceae*	Щито́вник картузиа́нский, или игольчатый, или ланцетно-гребенчатый, *Dryópteris carthusiána* (Vill) H.P. Fuchs	изр.	Дудино

Отдел Хвощеобразные Equisetophyta

3	Хвощевые *Equisetaceae*	Хвощ приречный *Equisetum fluviatile* L.	фон	Щелоховка, Дудино

Отдел Покрытосеменные Angiospermae
Класс Однодольные Monocotyledones

4	Рогозовые *Typhaceae*	Рогоз широколистный *Typha latifolia* L.	об^3	Щелоховка, Дудино
5		Рого́з узколи́стный *Ту́pha angustifólia* L.	изр. фон	Дудино
6	Рдестовые *Potamogetonaceae*	Рдест плавающий *Potamogeton natans* L.	об^3	Щелоховка, Дудино
7	Ароидные *Araceae*	Белокрыльник болотный *Calla palustris* L.	об^1	Щелоховка, Дудино
8	Частуховые *Alismataceae*	Частуха обыкновенная *Alisma plantago-aquatica* L.	об^1	Щелоховка, Дудино
9		Стрелолист обыкновенный *Sagittaria sagittifolia* L.	Изредка	Щелоховка, Дудино

10	Водокра́совые *Hydrocharitáceae*	Водокра́с лягуша́чий, или Водокрас обыкнове́нный *Hydrócharis mórsus-ránae* L.	об^2	Шелоховка Дудино
11		Элоде́я кана́дская, водяна́я чума *Elodéa canadénsis* Michx.	об^1	Шелоховка Дудино
12	Зла́ки *Gramíneae Poáceae*	Манник плавающий или обыкновенный *Glyceria fluitans* L.	Изредка фон	Шелоховка Дудино
13		Щучка дернистая или луговик *Deschampsia cespitosa* (L.) Beauv.	об^1	Шелоховка Дудино
14		Тростни́к обыкнове́нный, или южный *Phrágmites austrális* (Cav.) Trin. ex. Steud.	Местами фон	Дудино
15		Вейник седеющий *Calamagrostis canescens* (Web.) Roth	Изредка фон	Дудино
16	Осоковые *Cyperaceae*	Осока ложносытевая *Carex pseudocyperus* L.	Изредка	Шелоховка
17		Осока пушистоплодная *Carex lasiocarpa* Ehrh.	об^1	Шелоховка
18		Осо́ка вздуу́тая *Cárex rostráta* Stokes.	об^1	Шелоховка Дудино
19		Осока острая Carex acuta L.	об ^{3}	Шелоховка Дудино
20		Камыш лесной *Scirpus sylvaticus* L.	об^2	Шелоховка
21	Ряскovые *Lemnaceae*	Ряска малая *Lémna mínor* L.	Местами фон	Шелоховка Дудино
22	Ситниковые *Juncaceae*	Ситник развесистый *Juncus effusus* L.	Изредка	Шелоховка Дудино

Класс двудольные Dicotylédones

23	Ивовые *Salicaceae*	Ива пепельная *Salix cinerea* L.	Местами фон по берегам и на плавающих островах	Шелоховка, Дудино
24		Оси́на обыкнове́нная, или То́поль дрожа́щий *Pópulus trémula* L.	об^1	Дудино
25	Березовые *Betulaceae*	Береза пуши́стая, или опушенная *Bétula pubéscens* Ehrh.	об^1	Дудино
26		Береза пови́слая *Bétula péndula* Roth.	об^1	Дудино
27	Крушиновые *Rhamnáceae*	Круши́на ло́мкая, или К. ольховидная *Frángula álnus* Mill.	об^1	Дудино
28	Гречишные *Polygonaceae*	Горец земноводный *Polygonum amphibium* L.	Изредка	Шелоховка
29	Гвоздичные *Caryophyllaceae*	Звездчатка топяная *Stellaria uliginosa* Murr.	Изредка	Шелоховка

30	Кувшинковые *Nymphaeaceae*	Кувшинка чисто-белая *Nymphaea candida* C. Presl	Местами фон	Шелоховка
31	Лютиковые *Ranunculaceae*	Лютик длиннолистный *Ranunculus lingua* L. ККК0	об^2	Шелоховка
32		Лютик ползучий *Ranunculus repens* L.	об^1	Шелоховка Дудино
33	Розовые *Rosáceae*	Сабельник болотный *Cómarum palústre* L.	Местами фон	Шелоховка Дудино
34	Болотниковые *Callitrichaceae*	Боло́тник боло́тный *Callitriche palustris* L.	Изредка	Дудино
35	Дербенниковые *Lythraceae*	Дербенник иволистный *Lýthrum salicária* L.	Изредка	Шелоховка Дудино
36	Зонтичные *Umbellíferae*	Вех ядовитый *Cicúta virósa* L.	об^2	Шелоховка Дудино
37	Первоцветные *Primulaceae*	Вербейник обыкновенный *Lysimáchia vulgáris* L.	Изредка	Шелоховка Дудино
38	Вахтовые *Menyanthaceae*	Вахта трехлистная *Menyanthes trifoliáta* L.	Изредка фон	Шелоховка Дудино
39	Яснотковые *Lamiaceae*	Зюзник европейский *Lycopus europaeus* L.	об^1	Шелоховка Дудино
40	Пасленовые *Solanaceae*	Паслен сладко-горький *Solánum dulcamára* L.	Изредка	Шелоховка
41	Пузырча́тковые *Lentibulariáceae*	Пузырча́тка обыкнове́нная *Utriculária vulgáris* L.	об^2	Дудино, Шелоховка
42	Мареновые *Rubiaceae*	Подмаренник болотный *Galium palustre* L.	об^1	Шелоховка Дудино
43	Астровые *Asteraceae*	Череда трехраздельная *Bídens tripartíta* L.	об^1	Дудино
44		Череда поникшая *Bidens cernua* L.	об^1	Шелоховка
45	Крапивные *Urticaceae*	Крапи́ва двудо́мная *Urtíca dióica* L.	Местами фон	Шелоховка Дудино
46	Первоцветные *Primulaceae*	Кизляк кистецветный или Наумбургия кистецветная *Naumburgia thyrsiflora* (L.) Reichenb.	об^1	Дудино

Биоразнообразие рыб

Тип хордовые Chordata
Класс Лучеперые Actinopterygii

№	*Семейство*	*Вид*	*Обилие*	*Место обитания*	*Макс. вес*
1	Ка́рповые *Cyprinidae*	Карась серебренный *Carassius gibelio* (Bloch, 1782)	об^3	Шелоховка Дудино	до 2 кг.
2		Карась золотой *Carassius carassius* (L. 1758)	об^3		
3		Линь *Tinca tinca* (L. 1758)	ед.	Шелоховка	до 4 кг
4	Вьюновые *Cobitidae*	Обыкновенный вьюн *Misgurnus fossilis* (L. 1758)	об^1	Дудино	до 140 г
5	Щуковые *Esocidae*	Обыкновенная щука *Esoxlucius* (L. 1758)	об^1	Дудино	до 3 кг
6	Головешковые *Odontobutidae*	Головешка-рота́н, ротан, или головешка, или травянка *Perccottus glenii* (Dybowski, 1877)	об^3	Шелоховка Дудино	до 500 г

Для определения рыб был использован Атлас пресноводных рыб России под редакцией Ю.С.Решетникова (2002).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.К., Дудковский Н.И., Марголин В.А., Рогуленко А.В. Фауна позвоночных животных Калужской области. Калуга, 2011.

Гончар В.И., Емельянцев В.П., Любушкина С.Г., Пашканг К.В., Родзевич Н.Н., Соловьева М.П., Хомутова М.С., География Калужской области. Тула, 1982.

Губанов И.А., Киселева К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Определитель сосудистых растений. Москва: Аргус, 1995.

Решетникова Н.М., Майоров С.Р., Скворцов А.К., Крылов А.В., Воронкина Н.В., Попченко М.И., Шмытов А.А. Калужская флора. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010.

Решетников Ю.С., Атлас пресноводных рыб России в 2-х томах. М.: Наука, 2002.

Старостенкова М.М., Курнишкова Т.В., Нехлюдова А.С., Судаков З.В., Шафранова Л.М., Зоткова К.М., Абрамова Л.И. Учебно-полевая практика по ботанике, часть II. М.: Просвещение, 1977.

Топографическая карта Калужской области. М., 1998.

МОНИТОРИНГ ИСЧЕЗАЮЩИХ И РЕДКИХ ВИДОВ ЛИШАЙНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В.Гудовичева,
Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула,
Д.Е.Гимельбрант,
Санкт-Петербургский государственный университет
Ботанический институт им. В.Л.Комарова РАН, Санкт-Петербург.

Изучение биологического разнообразия в регионах и проведение природоохранных мероприятий, направленных на выявление редких видов живой природы и биологически ценных природных территорий в условиях постоянно усиливающейся антропогенной трансформации естественных экосистем и постепенного их замещения урбано- и агроландшафтами по праву является приоритетным, актуальным и социально значимым направлением работы в России и в мире. Особую результативность имеют природоохранные мероприятия в тех регионах, где они находят поддержку региональных и федеральных властей. В 2011 году постановлением правительства Калужской области было принято решение утвердить новый список редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира Калужской области и возобновить работы по мониторингу исчезающих и редких видов и ведению Красной книги области.

Важным решением данного постановления стало включение в новый список охраняемых видов раздела «Лишайники», который отсутствовал в предыдущем издание Красной книги Калужской области (2006). Современные научные исследования показывают, что лишайники, мхи и некоторые группы грибов относятся к числу организмов, наиболее чувствительных к нарушению естественной структуры фитоценозов. Именно среди них много специализированных и индикаторных видов, которые в своем распространении приурочены к малонарушенным биологически ценным растительным сообществам и первыми исчезают при трансформации их естественной биологической структуры (Выявление..., 2009). При подготовке раздела «Лишайники» для нового издания Красной книги авторами данной статьи был проанализирован весь массив имеющихся данных литературы и гербарных материалов, проведены повторные полевые обследования на территории Юхновского, Дзержинского, Козельского и Ульяновского районов Калужской области, обработаны полевые сборы лишайников. По итогам работ были получены результаты, о которых авторы сообщают в данной статье.

Изучение лихенофлоры Калужской области было начато уже на рубеже XIX и XX веков. Можно выделить три основных этапа накопления лихенофлористических данных *(табл. 1)*.

Табл. 1. **Этапы исследования, коллекторы и исследователи лишайников Калужской области.**

Этапы изучения / исследователи	*Б.А. и О.А. Федченко; Еленкин; Флеров*	*Комарницкий*	*Пешкова, Хомутова, Григорьева*	*Бязров, Григорьева; Фомкина, Воронкина; Гудовичева; Фадеева, Кравченко*
I этап (до 1912 г.)	1899 г.; 1903—1906; 1907—1912			
II этап (1913—1961)		1924—1925		
III этап (1962—2012)			1962—1976	2001; 2003—2004, 2012; 2008

Первыми коллекторами лишайников Калужской области были представители семьи Федченко — сын Борис Алексеевич и мать Ольга Александровна (1899), а также известный исследователь споровых организмов А.А.Еленкин (1903). Гербарные сборы из Боровского, Козельского и Медынского уездов были обработаны и обобщены А.А.Еленкиным в его фундаментальной работе «Флора лишайников Средней России» (Еленкин, 1906—1911). Эта работа положила начало изучению лишайников региона и помогла получить некоторое представление о лихенофлоре Калужской области уже в начале XX века. К этому периоду относятся и работы А.Ф.Флерова (1907—1912), который хотя и не включал лишайники в список растений Калужской области, но упоминал их в описательной части работы (см. Пешкова, 1972).

Материалами лихенологической коллекции Н.А.Комарницкого (сборы 1924—1925 гг., гербарий Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева), опубликованными Г.И.Пешковой только через 45 лет после ее формирования, ограничиваются все доступные нам сведения о составе и состоянии лихенофлоры периода 20—70-х годов прошлого столетия (Пешкова, 1972).

Наиболее полно в пространственном, видовом и эколого-ценотическом отношении лихенофлора Калужской области была изучена за последние 50 лет. В ходе геоботанических обследований региона Г.И.Пешковой в 1962—1976 гг. собраны значительные коллекции лишайников, ей также были переданы сборы М.С.Хомутовой и Н.М.Григорьевой (кафедра ботаники МГПИ им. В.И.Ленина). Результаты точечных, целенаправленных лихенофлористических работ, проведенных в Боровском районе в окрестностях села Сатино (2001 г.), опубликованы Л.Г.Бязровым и В.Ф.Максимовой (Бязров, Максимова, 2001). Большая территория области была обследована на предмет выявления лишайников коллективом исследователей края А. Н. Домбровской, Н.В.Воронкиной, А.Н.Фомкиной, а результаты опубликованы в обобщающей работе «Лишайники Калужской области» (Фомкина, Воронкина, 2003). Проведены специальные лихенофлористические обследования ключевых природоохранных территорий: НП «Угра» — М.А.Фадеевой и А.В.Кравченко (2008), А.В.Гудовичевой (2004, 2012), заповедника «Калужские засеки» — А.В.Гудовичевой, М.Н.Сионовой (1995—2003; 2003—2004). Ряд работ содержит результаты целенаправленных исследований авторов статьи по изучению лихенофлоры Среднерусской возвышенности в пределах Калужской области в 2003—2004 и 2012 гг. (Гудовичева, 2004а,б, 2006; Гудовичева, Гимельбрант, 2012). Эти работы дают представление об экологии, распространении и видовом разнообразии лишайников юго-восточных районов Калужской области.

Важным показателем степени и полноты изученности лихенофлоры территории является объем обработанных коллекций. К сожалению, не во всех публикациях отражено число изученных образцов, однако, имеющиеся у нас данные свидетельствуют о наибольшей продуктивности накопления лихенофлористических сведений именно на современном этапе изучения лишайников Калужской области *(табл. 2 — см. стр. 430)*.

Другим важным показателем степени и полноты изученности лихенофлоры территории является число обследованных местонахождений. Проанализировав данные по районам Калужской области, в которых исследователи края в разные годы проводили сборы лишайников, авторы получили следующий результат *(рис. 1)*.

Рис. 1. **Охват территории Калужской области лихенофлористическими исследованиями.**

Таб. 2. **Количество изученных образцов лишайников с территории Калужской области.**

Этапы изучения / исследователи	*Б.А. и О.А. Федченко; Еленкин; Флеров*	*Комарницкий*	*Пешкова, Хомутова, Григорьева*	*Бязров, Григорьева; Фомкина, Воронкина; Гудовичева; Фадеева, Кравченко*
I этап (до 1912 г.)	? образцов — LE			
II этап (1913—1961)		38 образцов — TCXA		
III этап (1962—2012)			238 образцов — TCXA	? образцов — MWG ? образцов — Фомкина, Воронкина — (место хранения не указанно) 1732 образца — KPABG, LE ? образцов — PTZ

В настоящее время есть данные о лишайниках, собранных в 21 из 25 районов Калужской области. В четырех районах — Износовском, Бабынинском, Мещовском, Людиновском — лишайники никогда не изучали. Всего один Боровской район был обследован на II этапе лихенофлористического изучения области. Сама территория города Калуги и шести административных районов области были изучены ранее других, более 100 лет назад еще первыми исследователями лихенофлоры края. Современный этап является периодом наиболее обширных лихенофлористических исследований в регионе. В этот период уже получены сведения о лишайниках 21 района области.

В 2012 году авторами статьи были проведены работы по мониторингу редких видов лишайников на территории Калужской области. Задачами данного мониторинга были:

1) посещение местонахождений редких видов лишайников, известных по данным литературы и результатам исследований авторов, оценка состояния популяций видов в настоящее время;

2) обследование ранее неизученных территорий, сходных по экологическим и фитоценотическим характеристикам с известными местообитаниями редких видов, с целью поиска новых местонахождений нуждающихся в охране видов;

3) уточнение особенностей распространения нуждающихся в охране видов на территории Калужской области, определение причин их редкости и уточнение статуса редкости, при необходимости изменение категорий в перечне редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира;

4) поиск новых нуждающихся в охране видов лишайников, оценка их редкости и уникальности для Калужской области, анализ распространения найденных видов в Европейской России, внесение предложений по их охране.

В результате проведенных работ были обследованы сосновые олиготрофные и переходные болота Юхновского и Дзержинского районов на предмет произрастания имшаугии мучнистой [*Imshaugia aleurites* (Ach.) S. L. F. Meyer], псевдевернии зернистой [*Pseudevernia furfuracea* (L.) Zopf] и кладонии северной (*Cladonia borealis* S. Stenroos). Были подтверждены находки видов в уже известных местообитаниях, даны оценки состояния популяций этих видов, а также найдены новые местонахождения *Imshaugia aleurites* и *Pseudevernia furfuracea* в Дзержинском районе на территории НП «Угра» (на Галкинском болоте).

По итогам обследования старовозрастных широколиственно-еловых лесов Дзержинского, Козельского, Ульяновского и Юхновского районов с целью обнаружения местонахождений хенотекопсиса среднерусского (*Chaenothecopsis mediarossica* Titov & Gudovicheva), хенотек мохнатенькой [*Chaenotheca hispidula* (Ach.) Zahlbr.] и порошистой [C. *stemonea* (Ach.) Müll. Arg.] была проверена и подтверждена уже имеющаяся информация о распространении этих редких видов. Установлены новые местонахождения *Chaenotheca stemonea* в Юхновском районе (квартал № 49 Беляевского лесничества, в окрестностях дер. Беляево; Галкинское болот, Дзержинский район).

В обследованных в 2012 году сосновых лесах Юхновского, Дзержинского и Ульяновского районов кладония вздутая (*Cladonia turgida* Hoffm.), кладония северная (*C. borealis*) и кладония стройная [*C. amaurocraea* (Flörke) Schaer.] обнаружены не были.

Мониторинг старовозрастных лесов с широколиственными породами в древостое на территории Дзержинского, Ульяновского и Козельского районов с целью обнаружения редких видов неморального комплекса акрокордии почечной [*Acrocordia gemmata* (Ach.) A. Massal.], артонии ватообразной [*Arthonia byssacea* (Weigel) Almq.], артонии палевой [*A. helvola* (Nyl.) Nyl.] и меланеликсии почти сереброносной [*Melanelixia subargentifera* (Nyl.) O. Blanco et al.] позволил выявить новые местонахождения *Arthonia byssacea* в Дзержинском районе в окрестностях дер. Дубрава на территории НП «Угра», *A. helvola* в Ульяновском районе (кв. № 39 Ягодненского лесничества, 2,1 км к северо-западу от дер. Ягодное), *Melanelixia subargentifera* в Дзержинском районе на территории НП «Угра» (дер. Звизжи).

В результате ревизии авторами гербарного образца канделярии одноцветной [*Candelaria concolor* (Dicks.) Stein.] из пос. Марс Барятинского района (коллектор Н. Фомкина, 24 января 2013 года) было установлено его ошибочное определение и принадлежность данного образца к виду *Phaeophyscia orbicularis* (Neck.) Moberg. По причине отсутствия каких-либо иных достоверных указаний вида для Калужской области, данный вид был исключен на основании Постановления правительства Калужской области от 20.02.2013 года № 87 из перечня редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира Калужской области. Однако по результатам обработки гербарной коллекции 2012 года авторами статьи было выявлено единственное достоверно известное на данный момент местонахождение *Candelaria concolor* в дер. Звизжи Дзержинского района на территории НП «Угра», где вид обитает на коре старых лип в старинной усадьбе. На основании последней находки авторы статьи рекомендуют внести дополнения и включить *Candelaria concolor* в перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения видов Калужской области с категорией 2 как редкий вид, приуроченный к малонарушенным широколиственным лесам и старым паркам.

В результате обработки лихенологической коллекции 2012 года был найден новый для Калужской области лишайник — кладония норвежская (*Cladonia norvegica Tønsberg* & Holien), редкий в Европейской России индикаторный вид биологически ценных малонарушенных лесов (Выявление..., 2009). Вид был найден в Юхновском районе Калужской области на территории НП «Угра» на Беляевском болоте в березняке вейниково-сфагновом, где произрастал на сильно разложившемся древесном валеже. Мы рекомендуем включить данный вид в перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира Калужской области с категорией 1.

Таким образом, с учетом настоящих рекомендаций по внесению изменений в Постановление Правительства Калужской области от 20.02.2013 года № 87 «Об утверждении решения комиссии по редким и находящимся под угрозой исчезновения объектам животного и растительного мира Калужской области при Министерстве Природных ресурсов, Экологии и Благоустройства Калужской области», и при условии включения новых видов в перечень редких, нуждающихся в охране объектов Красной книги Калужской области, раздел «Лишайники» будет представлен 17 видами. В категории 3 (редкие виды) предложены 3 вида, в категории 2 (уязвимые) — 9 видов; в категории 1 (находящиеся под угрозой исчезновения) — 5 видов.

Категория 1 объединяет ***виды, находящиеся под угрозой исчезновения*** в Калужской области. Лишайники этой категории являются наиболее редкими в Европейской России, произрастают в Калужской области на границе своего ареала и малочисленны в ее пределах. Все эти виды являются специализированными видами малонарушенных природных экосистем. Представителем видов с этой категорией редкости является хенотекопсис среднерусский (*Chaenothecopsis mediarossica*), принадлежащий к своеобразной эколого-субстратной группе «ризинофильных» организмов, которые

произрастают на раневых экссудатах деревьев: преимущественно на смоле хвойных, реже — на засохшем соке лиственных пород. Все виды группы ризинофильных грибов имеют очень ограниченное и локальное распространение во всем мире и, вероятно, связанны своим происхождением с лесами доледниковых периодов (Гудовичева, Титов, 2007). На данный момент, *Chaenothecopsis mediarossica* известен в мире только из нескольких местонахождений, расположенных в Средней России — он обнаружен в Калужской, Тверской и Ярославской областях (Титов, 2006; Нотов и др., 2011).

Местонахождение *Chaenothecopsis mediarossica* в Калужской области является уникальным и значимым для мировой науки. Именно на территории Калужской области были собраны первые образцы этого ранее неизвестного науке микокалициевого гриба. На основании калужских образцов из Ягодненского лесничества Ульяновского района, а также образцов из Ярославской области, которые были собраны А.Н.Титовым позднее, был описан хенотекопсис среднерусский (Титов, 2006). Александр Николаевич дал видовое название новому микокалициевому грибу по первому известному местонахождению его на Среднерусской возвышенности. Точка локализации *Chaenothecopsis mediarossica* в Ягодненском лесничестве является самой южной в Европе и, в настоящее время, единственной известной на Среднерусской возвышенности.

Категория 2 — «уязвимые виды» — объединяет виды редкие в Калужской области и Центральной России. Преимущественно это специализированные виды биологически ценных малонарушенных сообществ, виды, которые могут погибнуть вследствие изменения среды их обитания под воздействием человека, в том числе вследствие загрязнения атмосферы. В Калужской области эта категория объединяет наибольшее число видов лишайников. Нахождение видов этой категории в природе является показателем биологической ценности природного сообщества. Так, например, в старовозрастных широколиственных и хвойно-широколиственных лесах произрастают редкие специализированные виды лишайников — артония палевая (*Arthonia helvola*), артония ватообразная (*A. byssacea*), меланеликсия почти сереброносная (*Melanelixia subargentifera*). Для зрелых малонарушенных хвойных и широколиственных лесов характерно присутствие лишайника хенотеки порошистой (*Chaenotheca stemonea*), в напочвенном лишайниковом покрове старых сосняков можно встретить кладонию стройную (*Cladonia amaurocraea*). Еще один вид старовозрастных слабонарушенных широколиственных лесов, флавопармелия козлиная [*Flavoparmelia caperata* (L.) Hale], является, к тому же, индикатором закисления и эвтрофикации субстратов и почв окисями серы, азота и их производными, соединениями фосфора, загрязнения пестицидами (Wirth, 1995).

Категория 3 — «редкие виды» — в Калужской области представлена бореальными видами лишайников, которые являются обычными в таежной зоне, а за ее пределами встречаются редко. В Калужской и Тульской областях проходит южная граница их ареала в Европейской России. Анализ данных литературы и собственный опыт исследований в северо-западных и центральных районах Калужской области показывает, что основным географическим рубежом, ограничивающим распространение многих бореальных видов лишайников на юг, является именно Среднерусская возвышенность. Наглядно демонстрируют подобный характер распространения имшаугия мучнистая (*Imshaugia aleurites*) и псевдеверния зернистая (*Pseudevernia furfuracea*). Исследователи разных лет выше приведенные лишайники регулярно отмечали в бореальных экотопах (на сосновых сфагновых верховых болотах) северо-западной части Калужской области, однако, даже современные целенаправленные лихенофлористические обследования подобных местообитаний в пределах северной части Среднерусской возвышенности не выявили ни одной точки произрастания этих видов.

Еще один бореальный вид, пельтигера мягкая [*Peltigera malacea* (Ach.) Funck], является обычным для севера и северо-запада Европейской России, в северных областях Центральной России встречается также довольно часто (Нотов и др., 2011). Хотя вид заходит и на Среднерусскую возвышенность, на территории Калужской, Тульской и Липецкой областей он встречается очень редко и требует охраны (Красная..., 2005; Гудовичева, 2010).

Лишайники являются объектами, которые зачастую выпадают из поля зрения обывателей и исследователей-неспециалистов, поскольку эта группа сложна не только для обнаружения (многие виды имеют микроскопические размеры), но и для определения. По этой причине в прежних изданиях ряда красных книг эти организмы часто отсутствовали. Лихенофлористические и экологические исследования последних десятилетий накопили большой объем информации и показали практическую значимость использования лишайников в качестве индикаторов биологически ценных сообществ, важности включения их в современные издания Красных книг (Выявление..., 2009). Парадокс лихенизированных грибов заключается в том, что организмы, которые, могут выдерживать значительные перепады температур, влажности, заселять сверхбедные питательными веществами субстраты, в то же время очень чутко реагируют на любые изменения условий среды обитания. Они часто связанны не только с определенными растительными сообществами, но и со специфическими микроместообитаниями в них. В природе подобные микроместообитания со стабильными микроклиматическими условиями и только для них характерными субстратами могут возникнуть только при длительном периоде естественного функционирования природной экосистемы. Этот период может длиться от нескольких сотен до нескольких тысяч лет. Поэтому лишайники, связанные с подобными местообитаниями, являются важным инструментом охраны природы и выявления особо ценных растительных сообществ и происходящих в них естественных и антропогенных изменений. Включая лишайники в Красные книги, регионы не только смогут сохранить редкие виды лишайников, но с их помощью получить практически значимый и действенный нормативный документ, позволяющий выявить биологически ценные биогеоценозы и добиться их охраны, способствуя тем самым сохранению всего биоразнообразия региона.

Авторы статьи благодарят за помощь в организации и проведении полевых исследований на федеральных ООПТ Калужской области директора ГПЗ «Калужские засеки» С.В.Федосеева и его заместителя по научной работе О.Г.Червякову, директора Национального парка «Угра» В.П.Новикова и его заместителя по научной работе Т.А.Гордееву, сотрудников заповедника «Калужские засеки» М.Н.Сионову, С.К.Алексеева, А.Б.Костина, национального парка «Угра» В. В. Телеганову за ценные советы и консультации при планировании и организации работ, а также за оказанную помощь при проведении полевых исследований на территории области. М. Н. Сионовой авторы также признательны за предоставление гербарной коллекции лишайников. Отдельная благодарность д.б.н. Н.А.Константиновой (Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н.А.Аврорина КНЦ РАН, г. Кировск) за поддержку исследований лишайников Калужской области, а также В. А. Костиной (ПАБСИ) за интереснейшие обсуждения проблематики редких видов в региональных флорах. Слова признательности авторов статьи Н.В.Воронкиной за возможность проведения ревизии образца Candelaria concolor.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бязров Л.Г., Максимова В.Ф. Экологическая оценка видового разнообразия лишайников Сатино // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2001. № 3. С. 29—33; **2. Выявление** и обследование биологически ценных лесов на Северо-Западе Европейской части России. Том 1. Методика выявления и картографирования / Отв. ред. Андерссон Л., Алексеева Н.С., Кузнецова Е.С. СПб., 2009. 238 с.; **3. Выявление** и обследование биологически ценных лесов на Северо-Западе Европейской части России. Том 2. Пособие по определению видов, используемых при обследовании на уровне выделов / Отв. ред. Андерссон Л., Алексеева Н.С., Кузнецова Е.С. СПб., 2009. 258 с.; **4. Голубкова Н.С.** Определитель лишайников средней полосы европейской части СССР. — М., Л.: Наука, 1966. 412 с.; **5. Гудовичева А.В.** Лишайники // Урочище Чертово Городище / Ред. Новиков В.П., Гордеева Т.А., Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф.Бочкаревой, 2004а. С. 39—43; **6. Гудовичева А.В.** Список видов лишайников урочища Чертово Городище // Урочище Чертово Городище / Ред. Новиков В.П., Гордеева Т.А. Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф.Бочкаревой, 2004б. С. 99—100; **7. Гудовичева А.В.** Гляциальные реликты во флоре лишайников севера Среднерусской возвышенности // Устойчивость экосистем и проблема сохранения биоразнообразия на Севере: Материалы междунар. конф.,

–30 августа 2006 г. Кировск, 2006. Т. 1. С. 54—60; **8. Гудовичева А.В.** Нуждающиеся хране виды лишайников севера Среднерусской возвышенности // Флора лишайников сии: состояние и перспективы исследований. Тр. междунар. совещ., посвящ. 120-ле- В.П.Савича, 24—27 октября 2006 г. СПб., 2006. С. 86—90; **9. Гудовичева А.В., Гимель-нт Д.Е.** Дополнение к лихенофлоре севера Среднерусской возвышенности // Вестник У. Серия "Биология и экология". Тверь, 2012. Вып. 25. № 3. С. 150—164; **10. Гудовичева ., Сионова М.Н., Урбанавичюс Г.П.** Лишайники государственного природного за-едника «Калужские засеки» // Урбанавичюс Г.П., Урбанавичене И.Н. Лишайники запо-ников России / Современное состояние биологического разнообразия на заповедных риториях России. Вып. 3. Лишайники и мохообразные. М., 2004. С. 5—235; **11. Гудо-ева А.В., Титов А.Н.** Chaenothecopsis dolichocephala — новый вид гриба для Европы Микология и фитопатология. 2007. Т. 41, Вып. 5. С. 421—424; **12. Еленкин А.А.** Флора шайников Средней России. Ч. 1—4. Юрьев, 1906—1911. 683 с.; **13. Красная книга** Ка-жской области. Калуга, 2006. 608 с.; **14. Красная книга** Липецкой области. Растения, бы, лишайники / Под ред. В.С.Новикова. Том 1. М., 2005. 510 с.; **15. Нотов А.А., По-икин А.Д., Гимельбрант Д.Е., Волков В.П., Павлов А.В.** Возможности использова- ГИС-технологий для выяснения характера распространения индикаторных видов шайников и мохообразных // Динамика многолетних процессов в экосистемах Цен-льно-Лесного заповедника / Тр. Центрально-Лесного государственного природного сферного заповедника. Великие Луки, 2012. Вып. 6. С. 328—356; **16. Определитель** шайников России. Вып. 6. Алекториевые, Пармелиевые, Стереокаулоновые. СПб.: Наука, 6. 202 с.; **17. Определитель** лишайников СССР. Вып. 1. Пертузариевые, Леканоровые, рмелиевые. Л.: Наука, 1971. 411 с.; **18. Определитель** лишайников СССР. Вып. 3. Кали-евые—Гиалектовые. Л.: Наука, 1975. 273 с.; **19. Определитель** лишайников СССР. Вып еррукариевые—Пилокарповые. Л.: Наука, 1977. 343 с.; **20. Определитель** лишайников СР. Вып. 5. Кладониевые, Акароспоровые. Л.: Наука, 1978. 304 с.; **21. Пешкова Г.И.** Об ной коллекции лишайников из Калужской области // Доклады ТСХА. 1972. Вып. 187. С. —176; **22. Пешкова Г.И.** Об экологическом и географическом распространении лишай-ков Калужской области // Доклады ТСХА. 1979. Вып. 254. С. 84—88; **23. Пешкова Г.И., пышева Т.Ю.** Материалы к лихенофлоре Калужской области // Вестник Московского иверситета. 1981. Сер. 16. Биология. № 2. С. 29—36; **24. Титов А.Н.** Микокалициевые бы (порядок Mycocaliciales) Голарктики. М., 2006. 296 с.; **25. Фадеева М.А., Кравченко .** Лихенобиота основных типов местообитаний (субстрато-экотопов, природных ком-ексов) Национального парка «Угра» (Калужская область) // Сборник материалов V меж-нар. конф. «Изучение грибов в биогеоценозах» (г. Пермь, 7—13 сентября 2009 г.). Пермь, 09. С. 358—361; **26. Фадеева М.А., Кравченко А.В.** Первые итоги инвентаризации ли-йников Национального парка «Угра» // Природа и история Поугорья. Калуга: Издатель-о Н.Ф. Бочкаревой, 2009. Вып. 5. С. 84—90; **27. Фадеева М.А., Кравченко А.В.** Редкие уждающиеся в охране лишайники Национального парка «Угра» (Калужская область) // уды Рязанского отделения Русского ботанического общества. Вып. 2. Окская флора: ма-иалы Всероссийской школы-семинара по сравнительной флористике, посвященной -летию «Окской флоры» А.Ф.Флерова / Ред. М.В.Казакова. Рязань: Рязанский государ-енный университет им. С.А. Есенина, 2010. Ч. 1. С. 75—79; **28. Фомкина Н.А., Ворон-на Н.В.** Лишайники Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и ироды Верхнего Поочья: Материалы X региональной науч. конф. Калуга, 2003. С. 662—3; **29. Шапиро И.А.** Загадки растения-сфинкса. Лишайники и экологический монито-нг. Л.: Гидрометеоиздат, 1991. 80 с.; **30. Nordic** Lichen Flora Vol. 1. Bohuslän '5, Uddevalla, 9. P. 99; **31. Nordin A., Moberg R., Tønsberg T., Vitikainen O., Dalsätt Å., Myrdal M., itting D., Ekman S.** Santesson's Checklist of Fennoscandian Lichen-forming and Lichenicolous ngi, version 29 April 2011. [Electronic resources]. 2011. URL: http://130.238.83.220/santesson/ ne.php (14.11.2013); **32. Kirk P.M., Ansell A.E.** Authors of fungal names, version 2, January 03. [Electronic resources]. 2003. URL: http://www.speciesfungorum.org/FungalNameAuthors. (14.11.2013); **33. Kirk P. M., Cannon P. F., Minter D. W., Stalpers J. A. et al.** Ainsworth Bisby's Dictionary of the Fungi. CAB International, 2008. 771 p.; **34. Smith C.W., Aptroot A., ppins B.J., Fletcher A., Gilbert O.L., James P.W. & Wolseley P.A. (eds)**. The Lichens of eat Britain and Ireland. London: British Lichen Society. 2009. 1046 p.; 35. Wirth V. Die Flechten den-Wurttembergs. Stuttgart, 1995. Teil 1—2. 1006 s.

СОДЕРЖАНИЕ

А.П.Черников
«ДУШИ МОЕЙ ПОЙМИТЕ ГОЛОС ТАЙНЫЙ...» (Литературно-эстетические взгляды К.К.Романова) 3

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Е.Е.Ефимова, А.Е.Ефимов
ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА Г. КОНДРОВО 8

Б.В.Грудинкин
КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ ОКОЛО Д. ВОРОНИНО 11

Е.В.Столяров
ОБ ОДНОМ ТИПЕ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ НОЖЕЙ-КИНЖАЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (На примере находки рукояти из Курской области) 16

А.А.Попов
АНАЛИЗ ПЛОТНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ТИПА «СЕЛЬЦО» В ARCGIS 9.3.1 DESKTOP 21

Г.Ю.Стародубцев
НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ ЖИДЕЕВКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ 25

Г.А.Массалитина, И.В.Болдин
ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЗЕЛЬСКА (к 20-летию проблемы локализации летописного города) 31

Р.А.Беспалов
КОЗЕЛЬСК В XV ВЕКЕ: ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ 37

Б.Е.Янишевский
ДОРОГА ИЗ СМОЛЕНСКА В СУЗДАЛЬ ЧЕРЕЗ УГРУ И ПРОТВУ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (археологический контекст) 44

А.А.Чубур, О.А.Радюш
К ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НОВОСИЛЬСКОГО ГОРОДИЩА 53

В.Н.Гурьянов
ГРАФФИТИ НА КЕРАМИКЕ С СЕЛИЩА ЛОПУШЬ 58

О.Н.Соломина, В.В.Мацковский
ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГЕОГРАФИИ РАН В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (2010—2012 гг.) 61

В.Г.Пуцко
МЕДНОЛИТАЯ ИКОНА СПАСА, НАЙДЕННАЯ В КАЛУЖСКОМ БОРУ 67

А.С.Панин
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В ТУЛЬСКОМ КРАЕ 73

Е.Р.Барбашов
ТОПОНИМИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ ГИДРОНИМОВ БЕЛЁВСКОГО КРАЯ, И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ 76

Д.В.Пежемский
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ ПО ДАННЫМ КРАНИОФЕНЕТИКИ 81

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Разумовский
Ь СВЯТО-ПАФНУТЬЕВА БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В БОРЬБЕ ЗА АНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ 92

Раздорский
ГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ КАЛУЖАН В КУРСКЕ И ВЯЗЬМЕ В XVII в. (по материалам таможенных книг) 94

Полежаева
ЕЩЕНИЕ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ОДА БОРОВСКА В 1910 ГОДУ 103

Массалитина, И.В.Болдин
ЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСТИНОГО ДВОРА АЛУГА) В 2012 ГОДУ 107

Назарян
ВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РОССИЙСКОЙ АРМИИ 12—1814 гг. 111

Пушков
ЖЕНЦЫ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ — ВЫПУСКНИКИ МОС-КОВСКОГО ИВЕРСИТЕТА (1877—1916 гг.) 115

Ульянов
ЧЕНИЕ ИСТОРИИ УГОДСКОГО КРАЯ В 1965—1985 ГОДАХ 120

Ефимова
ОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БОРОВСКОГО И МАЛО-СЛАВЕЦКОГО УЕЗДОВ В XIX ВЕКЕ 123

Грин, В.А.Чернов
ТАНКОВАЯ БРИГАДА «ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛКОВНИКА ТРОИЦКОГО» И ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ В ОБОРОНЕ ВАРШАВ-ГО ШОССЕ В ОКТЯБРЕ 1941 г. МИФЫ ЖИВУТ И ПОДМЕНЯЮТ СОБОЙ ТОРИЮ 129

Панько
МЯТНЫЕ КНИЖКИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ТОРИИ УЕЗДНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА 137

Меленчук
ОПРОСУ О КУЛЬТОВЫХ ИСТОЧНИКАХ КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ 140

Сафонова
СОХИМИЧЕСКИЕ» ПРОМЫСЛЫ ЖИЗДРИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ: ВОП-ЫТЕХНОЛОГИИ 144

Лошкарева
ПОРЕ ГОСПОД СИНЯВИНЫХ С ДЕВИЦЕЙ БЕСЕДНОВОЙ ИЗ-ЗА НАС-ДСТВА Н.Ф.СИНЯВИНА 153

Абакулов, Т.И.Абакулова
ОРЯНЕ СЕНЯВИНЫ — ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛЬЦА МСТИХИНО КАЛУЖСКО-УЕЗДА 161

Абакулов
АНИЦЫ ИСТОРИИ СЕЛА ПОЧЕП ТАРУССКОГО УЕЗДА 166

лова Г.И., Абакулов В.И.
АГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ХРИСТИАНСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ СЕМЕЙСТВА ОВЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 171

Добычина, В.А.Иванов, К.А.Столярова
КОЛЕННЫЕ РОСПИСИ ДВОРЯН КАВЕЛИНЫХ 176

Щебикова
ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА УЧАСТКА МОСКОВСКО-КИЕВО-ВОРО-ЖСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МАЛОЯРОСЛАВЦЕ 179

В.А.Иванов, Т.О.Лоцман
ПОТОМКИ ДВОРЯН КАШКИНЫХ В XX в. 183

Н.И.Кожевникова
КАЛУЖСКИЕ КУПЦЫ — ГОРОДСКИЕ ГЛАВЫ КИЕВА. П.М.ДЕХТЕРЁВ, П.П.ЕЛИСЕЕВ, С.Н.ЛЫЧКОВ 186

А.В.Штепа
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В XIX — НАЧАЛЕ XX в. 193

А.В.Лион, Ю.Н.Фетисова
РЕКТУРА КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ (XIX — начало XX в.). **ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** 200

А.В.Лион, Ю.Н.Фетисова
В.М.ГАДЗЯЦКАЯ. К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ 206

А.В.Ковалев
ДЕНЕЖНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ВОЕННЫЕ НУЖДЫ В 1904—1905 ГГ. (по материалам Канцелярии калужского губернатора) 211

О.А.Лошманова
ЧАСТИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ЧОН)И БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮ-ЦИЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918—1920-Х гг. 215

А.Г.Лебедев
ГУБЕРНАТОРЫ — ПРОВОДНИКИ ПОЛИТИКИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ ПО ПОДДЕРЖКЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КАЛУЖСКОМ КРАЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 218

А.Г.Лебедев
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В КАЛУЖСКОМ КРАЕ 222

М.Ю.Вещев
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАРУССКОГО УЕЗДНОГО РЕВКОМА В 1919 ГОДУ 226

Ю.В.Кондратьев
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СЫЗРАНО-ВЯЗЕМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1918—1922 ГОДАХ (по материалам ГАДНИКО) 231

Л.В.Митрошенкова
МАЛОЯРОСЛАВЕЦ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА 235

И.В.Удовиченко
РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПЕРЕХОД ОТ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ (1918—1926 гг.) 243

Е.А.Ефремов
СИЛОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРАЖДАН ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: МЕДЫНСКИЙ УЕЗД, ГОД 1918 247

М.В.Антонова, Н.Н.Никитина, И.П.Петрова
РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ В 1930 Г. (по материалам ГАДНИКО) 252

Н.В.Зиновкина
АНАЛИЗ ВЫБОРА ТЕМ ПУБЛИКАЦИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ» И ФОРМЫ ИЗ-ДАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2000—2012) 256

КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

В.Г.Пуцко
ИКОНА ИЗ ПОКРОВСКОГО ДОБРОГО МОНАСТЫРЯ 261

Т.М.Хохлова
ВКЛАДЫ И ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ КАФЕДРАЛЬНОГО ТРОИЦКОГО СОБОРА КАЛУГИ 268

Личенко
ДНАЯ КУЛЬТОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЛАСТИКА XVII — XIX вв.
ОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ 273

Зверева
ЛЕКЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГРАВЮРЫ В КАЛУЖСКОМ ОБЛАСТНОМ
ОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ. ОПЫТ ОПИСАНИЯ И АТРИБУЦИИ 279

Гужова
ТРЕТЫ М.П. И П.А. ВАЛУЕВЫХ ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБ-
ТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ 285

Марченко
ЦЫ И СЮЖЕТЫ УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ ПОЛОТНЯНОГО ЗАВОДА В РИ-
КАХ Н.С.ГОНЧАРОВОЙ 289

Семенова
ИСКИ О ШАМОРДИНСКОМ МОНАСТЫРЕ... (по архивным материалам
ОР ГРБ) 294

Метальникова
АНИЦЫ ИСТОРИИ ХРАМА ВО ИМЯ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРО-
ЦЫ В Г. КАЛУГЕ 300

Павлишак
СЫ-КАРТИНА «ОБЕЗЬЯНИЙ ОРКЕСТР» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКО-
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 307

Белов
ССОЗДАНИЕ ПОКРОВСКОГО ДОБРОГО МОНАСТЫРЯ 310

Зорин
ТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМА БИЛИБИНЫХ (СУХОТИНЫХ, ШАМИ-
В XVIII—XIX ВЕКАХ 314

Типикин
ЫКИ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
ЗЕЯ 318

Ермилина
ОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ГОЛОВНЫХ
ОРОВ КАЛУЖСКОГО КРАЯ 326

Майорова
БЛИОТЕКЕ ОТ АВТОРА...» (из истории распространения трудов К.Э.Ци-
ОВСКОГО) 331

Большаков
АЛЕКТИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.ФЕТА И Р.ВАГНЕРА
К РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ А.ШОПЕНГАУЭРА 336

Роянова
ДУСТРИЯ СПИЧЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 339

Заложных
ЗЕЙНЫЙ МАГАЗИН: ОТ КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ К ПРАКТИКЕ РЕА-
ЗАЦИИ (на примере Калужского областного художественного музея) 346

Семочкина, В.П.Тихонов
КУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «ИОНИЗАЦИЯ. ОТКРЫТИЕ ПРОФ. А.Л.ЧИ-
ВСКОГО» И ЕГО ЗАКАДРОВОЕ ОЗВУЧИВАНИЕ 350

Федорова, В.А.Ткаченко, В.В.Федоров
ЛУЖСКАЯ ШУМЯЩАЯ ИГРУШКА XVI—XX ВЕКОВ И ЕЕ РОЛЬ В КУЛЬ-
РЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ 353

Федорова, В.А.Ткаченко, В.В.Федоров
ЛЬ ТРЯПИЧНИКОВ В ПОДДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОМЫСЛОВ ПО
ОИЗВОДСТВУ ГЛИНЯНЫХ СВИСТУЛЕК НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬ-
Й РОССИИ И КАЛУЖСКОГО КРАЯ 357

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

М.И.Попченко, М.Р.Попченко
БОРОВСКИЕ «ФАБРИЧНЫЕ БОЛОТА» — УНИКАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ
ОБЪЕКТ КАЛУЖСКОГО КРАЯ 360

М.Н.Сионова, Ю.В.Апросина, Е.В.Рыбалкина
ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МАКРОМИЦЕТАХ УСАДЬБЫ ЯНОВСКИХ 364

М.И.Попченко
МАТЕРИАЛЫ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ РЕДКИХ И НУЖДАЮЩИХСЯ
В ОХРАНЕ ВИДОВ ГРИБОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 367

Н.В.Воронкина, А.М.Глущенко
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО-
ДОРОСЛЕЙ БАССЕЙНА РЕКИ ОКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛА-
СТИ В ПЕРИОД С 1977 г. ПО 2012 г. 369

Н.М.Решетникова, В.В.Телеганова
ФЛОРА БОЛОТ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИРОДООХРАННАЯ
ЗНАЧИМОСТЬ 374

М.А.Клепиков
СРАВНЕНИЕ ФАУНЫ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (LEPIDOPTERA, INSECTA) ВЕРХ-
НЕЙ ВОЛГИ И ВЕРХНЕЙ ОКИ 381

Ю.А.Семенищенков, В.В.Телеганова
КСЕРОМЕЗОФИТНЫЕ ДУБРАВЫ КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬО-
НА В ДОЛИНЕ ОКИ (Калужская область) 386

Н.М.Решетникова, А.В.Крылов
О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ФЛОРЫ ЗАПОВЕДНИ-
КА «КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ» 389

О.А.Устюжанина, Л.А.Соколова, М.Е.Романов
ВЕЛИЧИНА КОЭФФИЦИЕНТА ФЛУКТУИРУЮЩЕЙ АСИММЕТРИИ ДЛЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР НА РАЗНЫХ ТИ-ПАХ ПОЧВ 395

А.А.Телеганов
К ФАУНЕ ДВУСТВОРЧАТЫХ МОЛЛЮСКОВ (MOLLUSKA, BIVALVIA) КА-
ЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 400

И.В.Шмытова, В.А.Новиков
НОВЫЕ И РЕДКИЕ ВИДЫ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (INSECTA, LEPIDOP-TERA)
ДЛЯ КАЛУЖСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (по коллекциям и сборам
1994—2013 гг.) 403

В.В.Алексанов
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ВИДОВ ЖУЖЕЛИЦ ЛЕС-
НОЙ ГРУППЫ В УРБАНИЗИРОВАННОМ ЛАНДШАФТЕ 411

С.К.Алексеев, В.А.Корзиков
РАЗМЕРНАЯ СТРУКТУРА ПОПУЛЯЦИИ СЕРОЙ ЖАБЫ BUFO BUFO (L.) НА
ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 414

А.Б.Костин
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РЕДКИХ ВИДОВ ПТИЦ НЕЧЕРНОЗЁМНОГО
ЦЕНТРА НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 417

Е.М.Молчанова, А.В.Аралов
ИЗМЕНЕНИЕ ОКРАСКИ ПЕРЕПЕЛИНЫХ ЯИЦ 421

Н.В.Воронкина, М.М.Смирнов, Д.Е.Романов
ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И БИОРАЗНООБРАЗИЕ ОЗЁР ШЕЛОХОВКА
И ДУДИНО, РАСПОЛОЖЕННЫХ ОКОЛО ДЕРЕВНИ ПОРОСЛИЦА ЮХНОВ-
СКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 423

А.В.Гудовичева, Д.Е.Гимельбрант
МОНИТОРИНГ ИСЧЕЗАЮЩИХ И РЕДКИХ ВИДОВ ЛИШАЙНИКОВ НА
ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ 428

Коллектив авторов

МАТЕРИАЛЫ XV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ
И 250-ЛЕТИЮ АДМИРАЛА Д.Н.СЕНЯВИНА

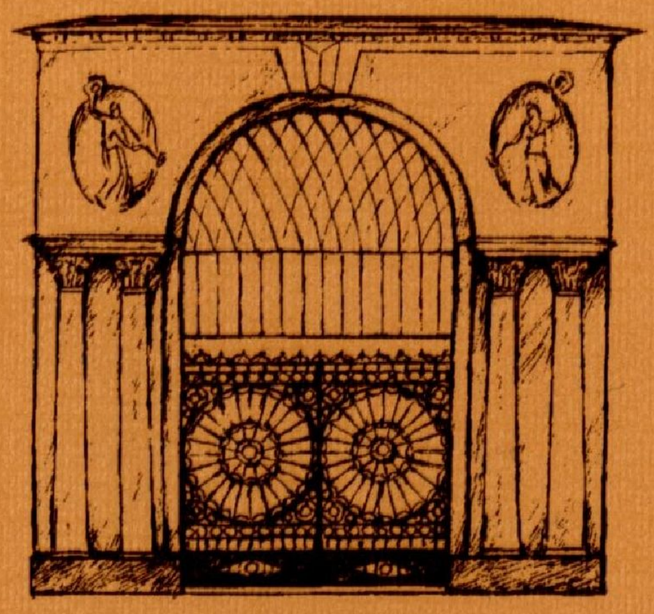
Дизайн, верстка — Е.И.Фридгельм

Издательство «Фридгельм»
Калуга, тел. (4842) 728-654,
e-mail: info@fridgelm.ru,
http://www.fridgelm.ru
Свид. ОГРН №304402718200069

ISBN: 978-5-905756-07-8

Формат 60x84 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Agora
Физ. печ. л. 54. Тираж 300 экз. Заказ № 4515

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685



Калужский областной
краеведческий музей

Калуга, ул. Пушкина, 14
www.kokm.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ФРИДГЕЛЬМ" В КАЛУГЕ